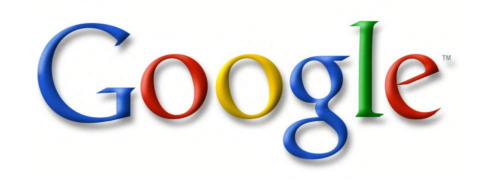
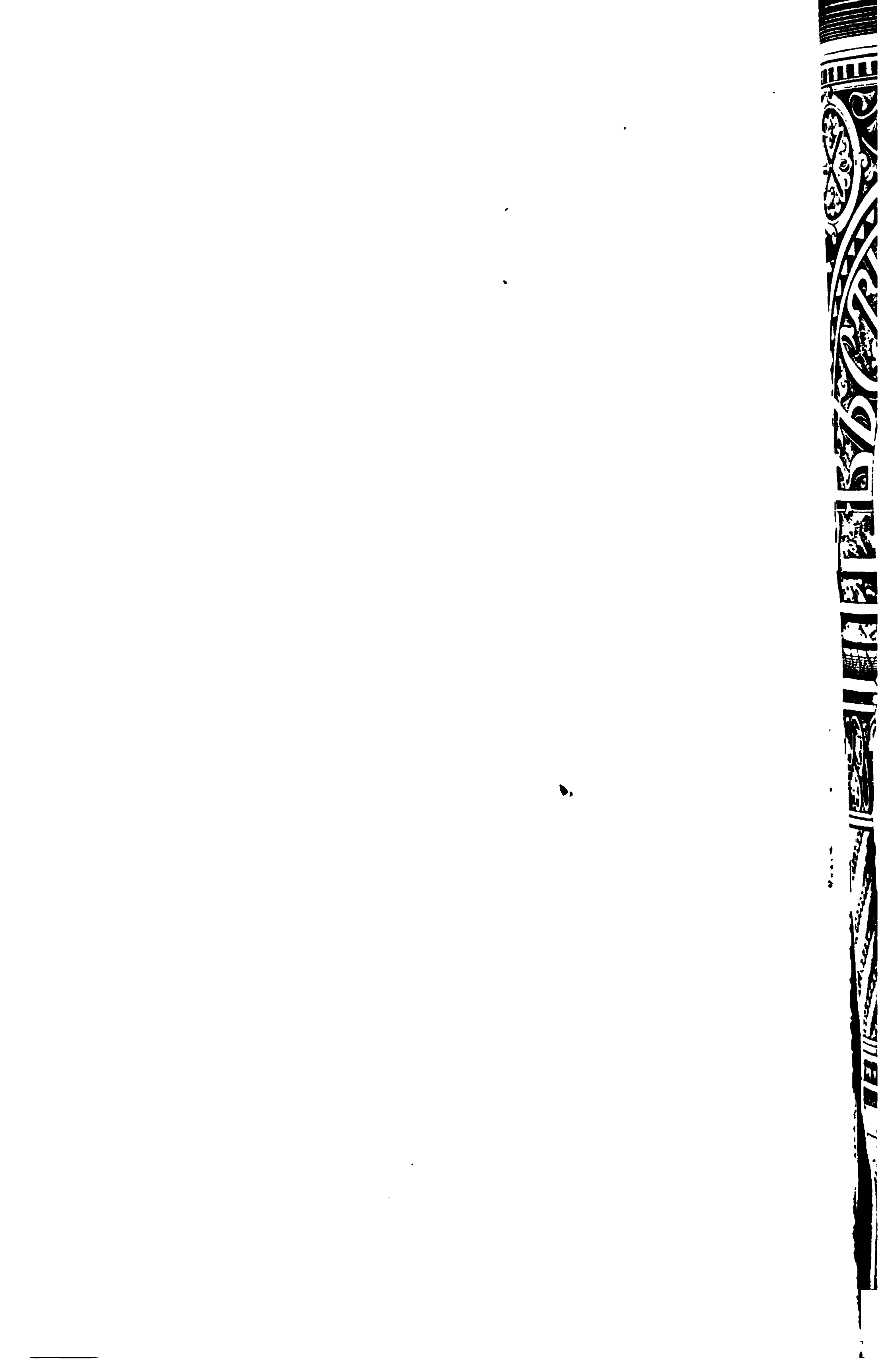
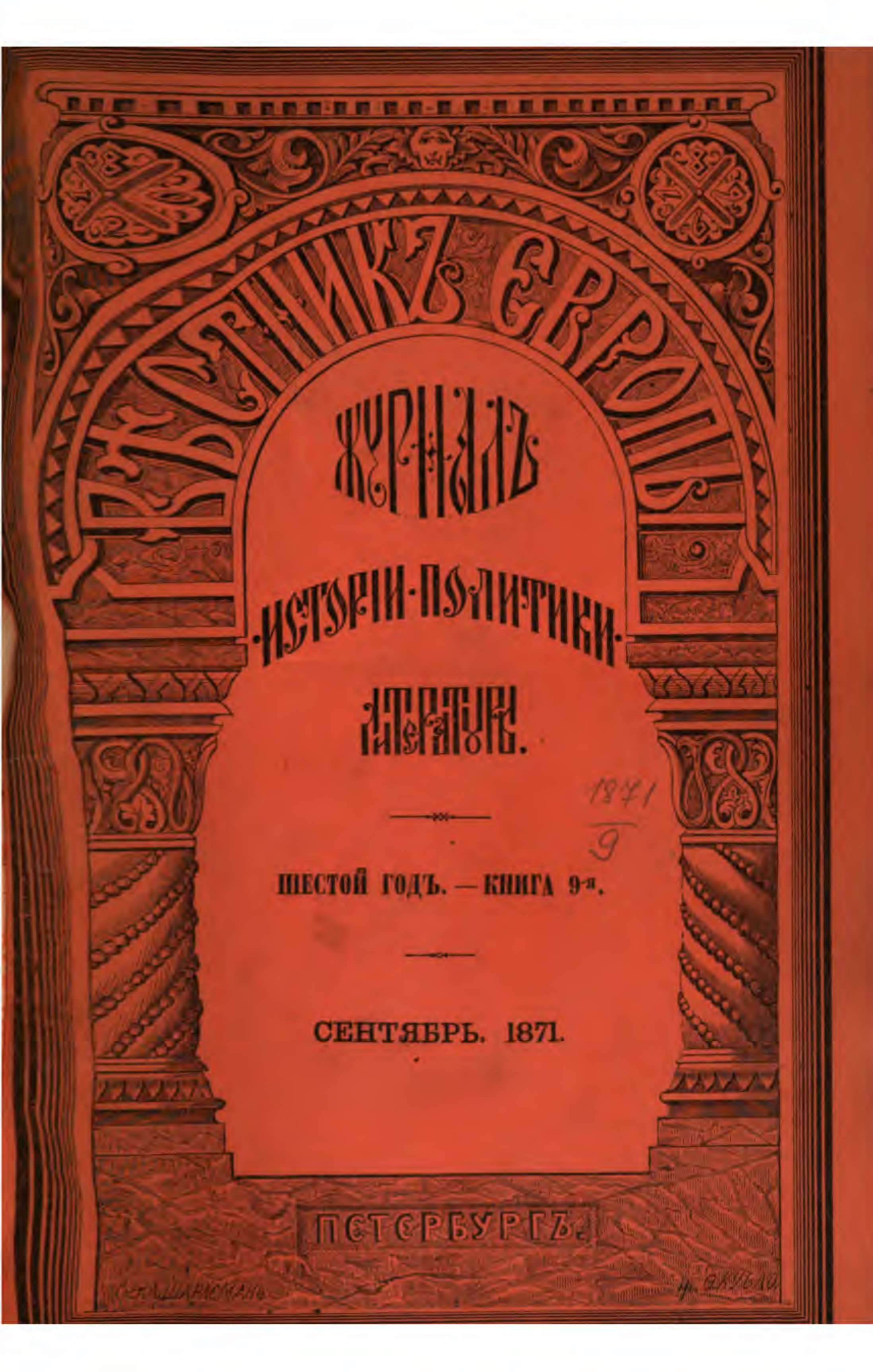

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
9
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.
СЕНТЯБРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1871.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ШЕСТОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ V.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

С. САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. consul at
Birmingham, Eng.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ
БАЙРОНА.

I.

Well, thou art happy.

Ты сча̀стлива, и я бы долженъ счастье,
При этой мысли, въ сердцѣ ощутить;
Къ судьбѣ твоей горячаго участья
Во мнѣ ничто не въ силахъ истребить.

* * *

Онъ также счастливъ, — избранный тобою,
И какъ его завиденъ мнѣ удѣлъ!
Когда-бъ онъ не любилъ тебя, — враждою
Къ нему бы я безмѣрною кипѣлъ!

* * *

Изнемогалъ отъ ревности и муки
Я, увидавъ ребенка твоего;
Но онъ ко мнѣ простёръ съ улыбкой руки,
И цѣловать я страстно сталъ его.

* * *

Я цѣловалъ, сдержавши вздохъ невольный
О томъ, что на отца онъ походилъ.
Но у него твой взглядъ.... и мнѣ довольно
Ужъ этого, чтобъ я его любилъ.

* * *

Прощай! пока ты счастлива, ни слова
Судьбѣ въ укоръ не посылаю я.
Но жить гдѣ ты, — нѣтъ, Мэри, нѣтъ!—иль снова
Проснется страсть мятежная моя.

* * *

Глупецъ! Я думалъ, юныхъ увлеченій
Пылъ истребятъ и гордость и года́;
И что-жъ? теперь надежды нѣтъ и тѣни —
А сердце также бьется какъ тогда!

* * *

Мы свидѣлись. Ты знаешь, безъ волненья,
Встрѣчать не могъ я взоровъ дорогихъ;
Но въ этотъ мигъ, ни слово, ни движенье,
Не выдали сокрытыхъ мукъ моихъ.

* * *

Ты пристально въ лицо мнѣ посмотрѣла,
Но каменнымъ казалося оно.
Быть можетъ, лишь прочесть ты въ немъ успѣла
Спокойствіе отчаянья одно.

* * *

Воспоминанья — прочь! скорѣй разсѣйся
Рой свѣтлыхъ сновъ, сновъ юности моей!
Гдѣ-жъ Лета? пусть они погибнутъ въ ней,
О! сердце, замолчи, или разбейся.

II.

Еврейскія мелодіи.

1.

У водъ вавилонскихъ печально томимы,
Въ слезахъ мы сидѣли, тотъ день вспоминая,
Какъ врагъ разъяренный, по стогнамъ Солима,
Бѣжалъ, все мечу и огню предавая;
Какъ дочери наши рыдали.... Онѣ
Разсѣяны нынѣ въ чужой сторонѣ!

* * *

Свободныя волны катились спокойно....
«Играйте и пойте», враги намъ сказали.
Нѣтъ, нѣтъ! Вавилона сыны не достойны,
Чтобъ наши имъ пѣсни святыя звучали.
Рука да отсохнетъ у тѣхъ, кто врагамъ
На радость, ударитъ хоть разъ по струнамъ!

* * *

Повѣсили арфы свои мы на ивы.
Свободное намъ завѣщалъ пѣснопѣнье
Солимъ, какъ его совершилось паденье.
Такъ пусть же тѣ арфы висятъ молчаливы.
Во вѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ!

2.

Ты кончилъ жизни путь, герой,
Теперь твоя начнется слава.
И въ пѣсняхъ родины святой
Жить будетъ образъ величавый,
Жить будетъ мужество твое,
Освободившее ее.

* * *

Пока свободенъ твой народъ,
Онъ позабыть тебя не въ силахъ.
Ты палъ! но кровь твоя течетъ
Не по землѣ, а въ нашихъ жилахъ.
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвигъ долженъ въ нашу грудь.

* * *

Врага заставимъ мы блѣднѣть,
Коль назовемъ тебя средь боя;
Дѣвъ нашихъ хоры станутъ пѣть
О смерти доблестной героя.
Но слезъ не будетъ на очахъ:
Плачъ оскорбилъ бы славный прахъ.

А. Плещеевъ.

Москва.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ
ЧААДАЕВЪ

Изъ воспоминаній современника.

Статья вторая *).

Итакъ, Чаадаевъ оставилъ службу. Пожертвованіе, однакоже, не обошлось даромъ. Здоровый человѣкъ превратился въ болѣзненнаго.

Къ болѣзни еще присоединилось, въ первый разъ начавшее его серьезно тревожить, нехорошее состояніе имущественныхъ дѣлъ. Его денежное положеніе всегда было въ безпорядкѣ и къ концу жизни дошло до самыхъ дурныхъ крайностей, такъ что въ этомъ отношеніи смерть онъ совершенно справедливо почиталъ, и была она для него благодѣяніемъ. Умереть столько во время, столько кстати для избѣжанія послѣднихъ имущественныхъ неудовольствій,—не часто кому удавалось. Тогда говорили и говорили чрезвычайно вѣрно, что онъ во всю свою жизнь все дѣлалъ отмѣнно ловко, и кончилъ тѣмъ, что отмѣнно ловко умеръ [1]).

---

*) См. выше, іюль, стр. 172.

[1]) Дурное положеніе его дѣлъ происходило отъ обыкновеннаго мотовства или расточительности, явленія, особенной рѣдкости собой не представляющаго. Но что въ немъ было особеннаго, лично и исключительно ему принадлежавшаго, это то, что самымъ безтолковымъ и всегда эгоистическимъ образомъ протратившись, онъ постоянно пускался въ двѣ операціи, весьма огорчительныя для его собственнаго достоинства и нестерпимыя для другихъ близкихъ ему людей; во-первыхъ, обвинялъ въ своей виновности все остальное человѣчество, кромѣ самого себя, причемъ позволялъ себѣ

Опровергать же слухъ, на минуту и въ нѣкоторомъ кругѣ распространившійся, что онъ принялъ яда, я и въ конецъ не намѣренъ, потому что слухъ этотъ считаю лишеннымъ всякаго

иногда, чтобы себя оправдать, даже клеветы; а во-вторыхъ, посягалъ на чужую собственность въ томъ отношеніи, что чуть не насильно занималъ деньги и ихъ почти никогда безъ неудовольствій, ссоръ и жалобъ не отдавалъ. Такъ какъ эта его черта была довольно извѣстна и всякій въ этомъ отношеніи остерегался, то число его жертвъ было ничтожно, исключая, впрочемъ, одной — родного его брата. Рѣдко случается, чтобы братъ для другого брата сдѣлалъ столько самыхъ великодушныхъ пожертвованій, сколько Михаилъ Чаадаевъ сдѣлалъ ихъ для Петра Чаадаева, и никогда не должно случаться, чтобы облагодѣтельствованный былъ благодѣтелю столько, и столько черно неблагодаренъ. Вмѣсто того, чтобы быть признательнымъ, онъ приписывалъ брату свое разореніе, извращая обстоятельства и выдумывая факты. Набросимъ завѣсу на эти недостойныя клеветы, которыя еслибы были пересказаны, едва-ли бы показались вѣроятными. Помимо ихъ, и несмотря на мое нежеланіе вести рѣчь про дѣла имущественныя, я былъ бы въ состояніи пересказать въ подробности ихъ денежныя отношенія, и непремѣнно бы то исполнилъ, еслибы самъ Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ не сдѣлалъ этого для меня невозможнымъ. Когда въ сороковыхъ годахъ нужда стала очень донимать Чаадаева, онъ написалъ къ брату, съ просьбою «въ послѣдній разъ ему помочь». Надобно замѣтить, что каждый разъ былъ послѣднимъ и что цифры требуемаго онъ никогда, или почти что никогда, не опредѣлялъ. Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ писать былъ не охотникъ, посылаемыя къ нему письма, говорятъ, не всегда прочитывалъ, и всегда очень любилъ оставлять безъ отвѣтовъ, а письмо отъ него полученное должно было считать явленіемъ необыкновеннымъ и феноменальнымъ. Однакожъ брату, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ отвѣтилъ на двухъ большихъ почтовыхъ листахъ, мелко исписанныхъ. Это письмо Петръ Чаадаевъ, видимо боявшійся отъ брата совершеннаго отказа, мѣсяца полтора носилъ въ карманѣ нераспечатаннымъ, и, наконецъ, въ одинъ вечеръ, отдалъ его мнѣ въ читальной комнатѣ московскаго англійскаго клуба, для того, чтобы я его прочиталъ и пересказалъ ему содержаніе. Образецъ яснаго и отчетливаго дѣлового изложенія, оно содержало въ себѣ полный, подробный разсказъ имущественныхъ отношеній между обоими братьями, и на его основаніи можно было бы возстановить ихъ въ очевидной для всякаго наглядности. Оно заключалось слѣдующей глубокой, отмѣнно милой и успокоивающей ироніей: «Несмотря однакоже на все вышепрописанное, я не отказываюсь быть тебѣ полезнымъ и по моимъ силамъ тебѣ помочь, только непремѣнно хочу, чтобы ты написалъ, сколько именно тебѣ нужно, потому что тебѣ-то, можетъ быть, все равно взять и больше, да мнѣ-то не все равно дать». Петръ Чаадаевъ письмо опровергалъ самымъ простымъ, несложнымъ способомъ, нецеремонно и безъ околичностей говоря, что «все въ немъ написанное неправда, а еслибы была правда, такъ мнѣ (Петру Чаадаеву) больше бы дѣлать нечего, какъ сейчасъ же бѣжать топиться». Въ самомъ дѣлѣ, столько для него обличительное, оно носило на себѣ печать истины, и спорить противъ него иначе было и нельзя, какъ прямымъ, отчаянно-наглымъ утвержденіемъ, что изложенные въ немъ факты выдуманы. Письмо, разумѣется, онъ поторопился сію же минуту уничтожить, но у Михаила Яковлевича оно сохранилось въ черновомъ экземплярѣ, что мнѣ извѣстно, потому что мнѣ это сказывалъ самъ Михаилъ Яковлевичъ.

Одинъ изъ теперешнихъ профессоровъ московскаго университета, будучи еще студентомъ и имѣя случай проводить лѣтнее время у товарища въ Нижегородской губерніи, по сосѣдству съ М. Я. Чаадаевымъ, тамъ съ нимъ видѣлся и имѣлъ раз-

основанія. Знаю положительно, что въ послѣдніе дни жизни онъ внутрь, безъ свидѣтелей, ничего не могъ принять и ничего не принималъ. Правда, что въ карманной книжкѣ у него былъ рецептъ на мышьякъ, выпрошенный у какого-то сговорчиваго лекаря, будто бы противъ крысъ; которымъ рецептомъ онъ любилъ стращать охотниковъ пугаться: но не менѣе того мнѣ извѣстно, что этотъ рецептъ гдѣ былъ, тамъ и остался, что по нему ни изъ какой аптеки никакой человѣкъ никогда ничего не получалъ, и что окончательно онъ сгорѣлъ въ огнѣ на третій или на четвертый день послѣ смерти Чаадаева.

Нехорошее состояніе здоровья вмѣстѣ съ исчезнувшими, не сбывшимися мечтаніями честолюбія породили въ немъ нѣкотораго рода упадокъ духа. Въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ онъ тщетно искалъ дѣятельности и не находилъ для нея никакого исхода. Сначала ему представилось заграничное путешествіе. Прямо изъ Петербурга онъ отправился въ неизвѣстную ему тогда Англію, потомъ посѣтилъ столько уже знакомую Францію, въ первый разъ увидѣлъ Швейцарію и Италію и окончилъ странствованіемъ по значительной части германскихъ земель. Время для путешествія было самое благопріятное. Только что отгремѣли битвы народовъ. На минуту ослѣпленная лучами неслыханной славы, Европа возвращалась къ спокойствію, къ разумному пониманію своего положенія и своихъ обязанностей.

говоръ такого содержанія: «У меня въ Москвѣ есть братъ, — сказалъ ему Михаилъ Яковлевичъ,—не знаете ли вы его?»—«Вашего брата знаетъ вся Москва и я въ числѣ другихъ,—отвѣчалъ студентъ,—но лично быть ему извѣстнымъ я не имѣю чести». —«Скажите пожалуста, не знаете ли вы, чѣмъ онъ живетъ?» продолжалъ Михаилъ Яковлевичъ.—«Этого я совсѣмъ не знаю», сказалъ студентъ.—«По нашему раздѣлу,—покончилъ Михаилъ Яковлевичъ, — за мною оставался порядочный его капиталъ, съ котораго ежегодно я ему высылалъ проценты; теперь и капиталъ и проценты давно уплачены: но такъ какъ я знаю, что ему жить нечѣмъ, то все продолжаю всякій годъ высылать проценты съ долга, уже погашеннаго и несуществующаго; однакоже твердо увѣренъ, что этой не очень значительной суммы достаточно для него быть не можетъ». Оно на самомъ дѣлѣ отъ слова и до слова такъ и было. Кромѣ и сверхъ этого отъ двухъ, въ продолженіе ихъ жизни, пришедшихъ къ нимъ наслѣдствъ, изъ которыхъ одно было довольно цѣнное, Михаилъ Яковлевичъ Чаадаевъ отступился, безъ всякаго вознагражденія, предоставляя ихъ брату.

Въ заключеніе скажу, что непомѣрный и почти чудовищный его эгоизмъ, преступная слабость, по несчастію такъ часто, какъ будто общая и глубоко загнѣздившаяся во всемірной семьѣ необыкновенныхъ дѣятелей, источникъ и причина и его расточительностей, и его тщеславій, и его нерѣдкихъ малодушій, былъ его единственнымъ недостаткомъ или порокомъ. Не будь этого, онъ былъ бы совершенствомъ, а совершенства Господь Богъ, какъ извѣстно, на землю не посылаетъ.

Онѣ уразумѣвала всю тщету и гибель, всю суету и призрачность тѣхъ огромныхъ развлеченій, тѣхъ неизмѣримыхъ импровизацій, которыя налагаются человѣчеству такъ-называемыми геніями и которыя столько несообразно дорого обходятся и индивидуальнымъ личностямъ, и народамъ. Великое движеніе того времени, въ нашихъ глазахъ продолжающее совершать свое непобѣдимое не умирающее теченіе, вѣчная слава, честь и гордость теперешней эпохи, вспоминало про державное зданіе, созидаемое на европейской почвѣ христіанскимъ человѣчествомъ и призывало народы, оглушенные безплоднымъ громомъ, къ воздѣлыванію старой, благословенной, плодами и миромъ обильной нивы, къ отдалившимся въ разнообразіи и трескотнѣ событій, но не пропавшимъ, полнымъ жизни и юности, вѣчнымъ идеямъ прекраснаго, разумнаго, свободы, правды и блага. Участливое любопытство Чаадаева не могло остаться равнодушнымъ къ величавой картинѣ: эпоха такъ-называемой реставраціи имѣла на его существо больше вліянія, нежели которая-нибудь изъ другихъ пережитыхъ имъ эпохъ и до конца жизни онъ состоялъ подъ ея могуществомъ. Но ясно и наглядно это вліяніе выразилось и обозначилось только послѣ его возвращенія въ Россію, послѣ пережитія имъ еще нѣсколькихъ фазисовъ духовнаго развитія, послѣ перенесенія другихъ испытаній, незримо и, можетъ быть, безсознательно, но неотразимо воспринимаемыхъ.

Много занятый своимъ здоровьемъ, подъ впечатлѣніемъ горькаго чувства о служебной неудачѣ, при видѣ европейскаго зрѣлища, часто отходившаго, но часто и возвращавшагося, а главнымъ образомъ, ходомъ годовъ, нравственнымъ усовершенствованіемъ и съ нимъ неразлучнымъ пріобрѣтеніемъ и упроченіемъ болѣе полной интеллектуальной самостоятельности; все болѣе и болѣе выходившій изъ-подъ вліянія признанныхъ авторитетовъ и громкихъ знаменитостей, все менѣе и менѣе пріучаясь чтить людей, и болѣе и болѣе уважать учрежденія и вещи, Чаадаевъ, сколько я могу припомнить, не сдѣлалъ никакихъ особенныхъ связей въ Европѣ. Слыхалъ я отъ него, что онъ былъ знакомъ съ Гумбольдтомъ и съ Кювье[1]). Отъ этого знакомства, впрочемъ, замѣчательнаго у меня на памяти ничего не сохранилось, да кажется ничего и не было. На карлсбадскихъ водахъ онъ сдѣлалъ встрѣчу болѣе памятную, съ философомъ Шеллингомъ, и провелъ съ нимъ нѣсколько дней въ близкомъ

---

[1]) Зналъ онъ еще кажется Вилльмена, барона Экштейна и кардинала Феша, но эти знакомства, если они и были, все равно что ничего, хотя къ Экштейну онъ разъ либо два писалъ и получалъ отвѣты.

общеніи и короткомъ разговорѣ. Одинъ изъ великановъ европейской мысли гораздо спустя не упускалъ случая про Чаадаева освѣдомляться и пересказывалъ многимъ видѣвшимъ его русскимъ, а въ томъ числѣ князю Гагарину [1]), что, по его мнѣнію, «Чаадаевъ одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени, и, конечно, самый замѣчательный изъ всѣхъ извѣстныхъ ему, Шеллингу, русскихъ». Въ бумагахъ Чаадаева сохранилось два интересныхъ письма къ философу, которыя были недавно напечатаны въ одномъ изъ московскихъ журналовъ [2]).

На возвратномъ пути въ Россію въ Дрезденѣ его настигнули два потрясающія извѣстія: Александръ I сошелъ въ могилу и въ Петербургѣ совершилось событіе 14-го декабря 1825 года.

Огромное декабрьское происшествіе, до сей поры надлежащимъ образомъ нигдѣ не пересказанное, одними превозносимое и восхваляемое какъ великое, разумное и много-пророчествующее проявленіе русской исторической жизни, другими, и не въ одной только Россіи [3]), низводимое и унижаемое до степени низкой измѣны, презрѣннаго клятвопреступленія, позорнаго нарушенія военной присяги и самаго пошлаго государственнаго безсмыслія, ни съ какой стороны и никакой своей частью не касается моего разсказа. Сочувствіемъ и симпатіями Чаадаева оно никогда не пользовалось. Въ общемъ настроеніи его пониманья и въ общей связи его идей, оно было даже движеніемъ неосновательнымъ, ошибочно задуманнымъ, несообразнымъ съ цѣлью, безплоднымъ, годнымъ только на задержаніе и отдаленіе всякаго рода преуспѣянія. Но оно близко и болѣзненно касалось наиболѣе чувствительныхъ струнъ его духа и сердца по отношеніямъ тѣсной короткости съ большею частью изъ самыхъ видныхъ и замѣтныхъ его участниковъ, и по его поводу въ его жизни произошелъ случай, который я не могу не пересказать, въ которомъ будто бы въ его судьбѣ принялъ живое участіе великій князь Константинъ Павловичъ, сдѣлался его благодѣтелемъ и стяжалъ вѣчное право на его благодарность.

Если не ошибаюсь, въ Ковнѣ (или въ Брестѣ-Литовскомъ) Чаадаевъ былъ задержанъ и дальнѣйшее слѣдованіе ему было запрещено безъ изъясненія на то причинъ. Очень вѣроятно, что эти причины находились въ связи съ петербургскимъ событіемъ,

---

[1]) Нынѣ священникъ Іисусова братства.

[2]) Въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

[3]) Кромѣ другихъ источниковъ, любопытные могутъ взглянуть объ этомъ событіи мнѣніе, исполненное послѣдней строгости, можетъ быть ошибочное, но уже навѣрно чистосердечное, герцога Рагузскаго въ его «Запискахъ».

и очень понятно, что Чаадаевъ вошелъ въ большой перепугъ и сильное безпокойство. Въ тоже время находился въ Ковнѣ (или въ Брестѣ-Литовскомъ) проѣздомъ, не знаю куда, въ Москву или Петербургъ, великій князь Константинъ Павловичъ. Вечеромъ, въ очень сильную грозу, Чаадаевъ увѣдомилъ письмомъ одного изъ его адъютантовъ о своемъ положеніи, которое сію же минуту было доведено до великаго князя. Мнѣ неизвѣстно, имѣлъ ли тутъ личное свиданіе Чаадаевъ съ великимъ княземъ, или дѣло исполнялось черезъ третьихъ лицъ, только достовѣрно, что великій князь его принялъ къ самому участливому свѣдѣнію, всячески Чаадаева успокоивалъ, шутилъ, смѣялся, говорилъ, что онъ «все обдѣлаетъ и уладитъ», и приказалъ ему, не трогаясь съ мѣста и не смущаясь, дожидаться въ Ковнѣ (или въ Брестѣ-Литовскомъ) своего возвращенія. Такъ, разумѣется, и исполнилось. По возвращеніи же онъ будто бы сказалъ Чаадаеву: «maintenant vous avez la clef des champs». Послѣ чего они, каждый въ свою сторону, разъѣхались, и никогда уже больше не видались.

Въ настоящее время догадаться, что̀ именно сдѣлано великимъ княземъ для Чаадаева, не только трудно, но даже и въ конецъ невозможно. Можно положительно сказать, что по дѣлу заговора онъ былъ виноватъ въ безконечно малой степени или же и вовсе не причастенъ: иначе никакое вмѣшательство великаго князя его спасти было бы не въ состояніи; и, конечно, въ такомъ случаѣ великій князь никакого хожденія или заступничества на себя никогда бы не принялъ. Всего вѣроятнѣе, что существовало какое-нибудь недоразумѣніе, весьма нетрудное къ разсѣянію или къ разъясненію, что̀ великому князю, особенно при его тогдашнемъ положеніи, ничего не стоило сдѣлать.

Пребываніе въ Петербургѣ и въ Москвѣ много было отравлено недавнимъ страшнымъ событіемъ. Къ грустнымъ, тяжелымъ воспоминаніямъ о самыхъ близкихъ людяхъ, въ немъ безвозвратно погибшихъ [1]), присоединилось еще печальное, унылое

---

[1]) Во время коронаціи императора Николая I, въ Москвѣ Чаадаевъ имѣлъ разговоръ съ Блудовымъ (потомъ графъ, предсѣдатель государственнаго совѣта), бывшимъ, какъ извѣстно, секретаремъ «слѣдственной коммиссіи» и составителемъ знаменитаго «донесенія». Разговоръ самъ по себѣ не особенно интересенъ, и я про него поминаю только потому, что объ этихъ предметахъ вообще очень мало знаютъ. На упрекъ: «для чего подсудимыхъ во все время процесса старались представить въ смѣшномъ для нихъ видѣ»? Блудовъ будто бы отвѣчалъ, «что это, по его мнѣнію, было единственное средство, если не спасти ихъ, то, по крайней мѣрѣ, облегчить ихъ участь». Извѣстенъ безпощадно строгій приговоръ объ образѣ поведенія Блудова, произнесенный Н. Ив. Тургеневымъ въ его книгѣ.

зрѣлище ихъ осиротѣлыхъ и огорченныхъ семействъ. Рана собственнаго неуспѣха по возвращеніи въ Россію раскрылась и обнаружилась съ новой силой и новой свѣжестью [1]); свое положеніе онъ считалъ положеніемъ совершеннаго паденія. Состояніе здоровья ухудшалось; имущественныя дѣла тревожили. Онъ придумалъ удаленіе въ деревню къ старухѣ-тёткѣ, гдѣ однако же не ужился [2]). Пробывши тамъ очень недолго, окончательно вернулся въ Москву, изъ которой никогда уже болѣе не выѣзжалъ.

Поселившись въ Москвѣ, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, почитая свою карьеру невозвратно уничтоженною, онъ предался нѣкотораго рода отчаянію. Человѣкъ свѣта и общества по преимуществу, сдѣлался одинокимъ, угрюмымъ нелюдимомъ... Уже грозили помѣшательство и маразмъ, когда прихотливая, полная невѣдомыхъ еще силъ его натура [3]), внезапнымъ

---

[1]) Въ это же, кажется, время онъ дѣлалъ нѣкоторыя попытки опять вступить въ службу уже по гражданской части, но эти попытки не имѣли ни успѣха, ни значенія и дѣлались какъ бы шутки или забавы ради.

[2]) Московской губерніи въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Въ тѣ короткія мгновенія, которыя онъ провелъ въ деревнѣ, его полюбила молодая дѣвушка изъ одного сосѣдняго семейства. Болѣзненная и слабая, она не могла помышлять о замужествѣ, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполнѣ, и имъ была сведена въ могилу. Любовь умирающей дѣвушки была, можетъ быть, самымъ трогательнымъ и самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ эпизодовъ его жизни. Я имѣлъ счастливый случай читать письма, ею тогда къ нему писанныя. Не знаю, какъ онъ отвѣчалъ на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотверженія, безусловной преданности, полнаго безкорыстія: но передъ концомъ онъ вспомнилъ про нее какъ про самое драгоцѣнное свое достояніе и пожелалъ быть похороненнымъ возлѣ того нѣжнаго существа, для котораго былъ всѣмъ. Послѣднюю волю въ точности выполнили.

[3]) Случай, съ котораго началось, если не выздоровленіе его, то, по крайней мѣрѣ, гораздо лучшее состояніе, по-моему, довольно забавенъ: этому случаю онъ, бо́льшею частью, приписывалъ свое спасеніе, и не совсѣмъ былъ неправъ, потому что очевидно, что имъ воспользовалась натура для благодѣтельнаго, ею задуманнаго и совершоннаго перелома. Чаадаевъ больной былъ несносенъ для всѣхъ видѣвшихъ его врачей, которымъ всегда всячески, сколько силъ у него доставало, надоѣдалъ. Профессоръ Альфонскій (потомъ ректоръ московскаго университета), видя его въ томъ нестерпимомъ для врача положеніи, которое на обыкновенномъ языкѣ зовется «ни въ коробъ, ни изъ короба», предписалъ ему «развлеченіе», а на жалобы: «куда же я поѣду, съ кѣмъ мнѣ видѣться, какъ гдѣ быть?» отвѣчалъ тѣмъ, что лично свезъ его въ московскій англійскій клубъ. Въ клубѣ онъ встрѣтилъ очень много знакомыхъ, которыхъ и самъ былъ доволенъ видѣть, и которые и ему обрадовались. Чаадаевъ изъ совершеннаго безлюдья очутившійся въ обществѣ, безъ всякаго преувеличенія, могъ быть сравненъ съ рыбой, изъ сухого мѣста очутившейся въ водѣ, съ волкомъ, изъ клѣтки попавшимъ въ лѣсъ. Побывавши въ клубѣ, увидавъ, что общество удостоиваетъ его ещё вниманіемъ, онъ сталъ скоро и замѣтно поправляться, хотя къ совершенному здоровью никогда не возвращался. Съ тѣхъ поръ, безъ дальнихъ

таинственнымъ усиліемъ вынесла его изъ этого бѣдственнаго состоянія и указала ему новое, иное поприще, иные неизвѣданные пути, прославленіемъ, блескомъ и пользою болѣе богатые и обильные, нежели всѣ до того его манившіе... Подъ колоколами стараго Кремля, въ самомъ сердцѣ русскаго отечества, въ «вѣчномъ городѣ» Россіи, въ великой исторической, живописной, столько ему знакомой и столько имъ любимой Москвѣ, было ему суждено вписать свое имя въ страницы исторіи, вкусить отъ сладости знаменитости и отъ горечи гоненія и, непримиримыми, безпощадными ненавистями, пламенными привязанностями, упоительнымъ громомъ хвалы, позорнымъ громомъ ругательства, славою и преслѣдованіемъ — воздвигнуть для себя то самое высокое изъ всѣхъ человѣческихъ судилищъ, которое существуетъ, можетъ быть, не въ одной только своей странѣ, и уже, конечно, только въ одномъ потомствѣ [1]).

околичностей, онъ объявилъ профессора Альфонскаго человѣкомъ добродѣтельнымъ (какъ послѣ другого медика, доктора Геймана, про котораго говорилъ, что «ему воздвигнулъ памятникъ въ своемъ сердцѣ»), своимъ спасителемъ, оказавшимъ ему услугу и одолженіе не врача просто, но настоящаго друга.

[1]) Его общественное положеніе въ Москвѣ, безъ всякаго измѣненія, продолжавшееся до конца его жизни, было собственно точно такое же, какъ и въ Петербургѣ, съ тою разницей, что къ нему присоединились еще тѣ оттѣнки, тотъ смыслъ и то значеніе, которые какому бы то ни было существованію сообщить въ Россіи можетъ только одна Москва. Уловить этотъ смыслъ, это значеніе, эти оттѣнки, сколько я понимаю, довольно трудно, и они больше чувствуются, нежели опредѣляются. Личность, обладающую совокупностью или отдѣльными чертами такихъ внѣшнихъ признаковъ, я называю «московскимъ авторитетомъ», къ которымъ, въ очень высокой степени и безъ малѣйшаго затрудненія, причисляю Чаадаева. «Московскій авторитетъ» таковымъ дѣлается собственно не по индивидуальной стоимости, не по знатности, не по заслугамъ, не по богатству даже, хотя и то, и другое, и третье, и еще многое способствуетъ ему выработываться; а по тому понятію, которое безъ всякой другой причины кромѣ своего произвола, соединяетъ съ нимъ московское общество, по тѣмъ свойствамъ, иногда вовсе не существующимъ, которыя этому обществу въ немъ угодно видѣть, по тѣмъ качествамъ дѣйствительнымъ или вымышленнымъ, которыми московскому люду иногда совершенно своевольно вздумается его надѣлить. Понятіе о «московскомъ авторитетѣ» не принимаетъ въ соображеніе даже нѣкоторыхъ физическихъ условій, напримѣръ, пола или возраста. Въ таковые, и въ самые значительные, безъ числа попадали женщины; иногда даже дѣвушки и много-обѣщающіе юноши, оба послѣдніе, правда, гораздо рѣже. Для подтвержденія сказаннаго въ примѣрахъ, анекдотахъ и доказательствахъ, недостатка нечего опасаться. Безъ такихъ авторитетовъ Москва никогда не живала и въ нихъ жаловала съ невѣроятной прихотливостью иногда самыхъ замѣтныхъ и видныхъ людей въ Россіи, иногда самыхъ пустыхъ, ничтожныхъ и даже никуда негодныхъ; случалось, и даже часто случалось, хотя, разумѣется не далѣе извѣстнаго, опредѣленнаго, впрочемъ весьма обширнаго круга, что иногда и какихъ ни на есть глупорожденныхъ блаженныхъ, полусумасшедшихъ или плутоватыхъ юродивыхъ, полубѣшеныхъ дураковъ и дуръ. Цѣль и предѣлы моей теперешней записки не позволяютъ мнѣ распространиться обширнѣе объ этомъ диковинномъ, въ высшей

Во время и сейчасъ послѣ пересказанныхъ мною событій и означеннаго мною положенія, Чаадаевъ достигъ вершины своего умственнаго, нравственнаго и духовнаго развитія, и стоялъ на той высотѣ интеллектуальнаго могущества, дальше которой уже никогда не поднимался. Всю прежнюю его жизнь, все дотеперешнее его существованіе можно считать приготовленіемъ къ настоящему мгновенію. Ни одна изъ областей человѣческаго знанія не была ему совершенно неизвѣстною. Огромное энциклопедическое образованіе нисколько не исключало нѣкоторыхъ весьма обширныхъ спеціальныхъ познаній въ чрезвычайно замѣчательной степени. Онъ владѣлъ четырьмя [1]) новыми языками, изъ которыхъ двумя [2]) въ совершенствѣ. Поверхностное знаніе латинскаго языка; тщательное изученіе греческихъ и римскихъ писателей, изъ которыхъ рѣдкій не былъ ему коротко извѣстенъ, примѣчательное знакомство съ древностями Греціи и Рима сообщили его умственности хотя неполный, но очень дѣльный складъ и очень замѣтный оттѣнокъ классическаго настроенія, свойственный только высокопросвѣщенному человѣку. Его историческія и богословскія познанія равнялись однимъ познаніямъ спеціалистовъ [3]). Въ Россіи, можетъ быть за весьма сомнительнымъ исключеніемъ очень немногихъ духовныхъ лицъ, конечно, никогда не бывало человѣка, столько разнообразно и глубоко изучившаго церковную исторію съ ея безчисленными колебаніями и развѣтвленіями. Область всемірной гражданской политической исторіи положительно не заключала въ себѣ ничего для него сокровеннаго. Въ этомъ отношеніи его наука была столько обширна, и взглядъ до того вѣренъ, что во время публичныхъ лекцій Грановскаго, онъ, при какой-нибудь важной эпохѣ, возбуждавшей общее любопытство, безошибочно предсказывалъ, на какіе факты знаменитый профессоръ станетъ особенно указывать и какую мысль проводить [4]). Его разумѣніе исторіи, пониманье смысла событій были геніальны и глубоки. Есте-

---

степени затѣйливомъ проявленіи московской жизни; я долженъ ограничиться только тѣмъ, что про него помянуть, и обозначить, что въ глазахъ большинства или толпы московской публики и Чаадаевъ нѣкогда былъ такимъ «авторитетомъ». О положеніи же его передъ глазами мыслящаго меньшинства будетъ еще сказано отдѣльно.

[1]) Русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ.

[2]) Русскимъ и французскимъ.

[3]) Во время появленія и громкой знаменитости всѣмъ извѣстной книги Штрауса, весьма образованные и очень неглупые люди различныхъ вѣрованій и убѣжденій говорили, что въ Россіи только одинъ Чаадаевъ въ состояніи написать на нее опроверженіе.

[4]) Всего менѣе удовлетворительно онъ зналъ русскую исторію, хотя и въ ней былъ довольно свѣдущъ: фактъ, по-моему, весьма значительный.

ственныя и точныя науки составили предметъ его очень ранняго знакомства и юношескаго любопытства,—печать и признакъ значительной доли англійскаго перевѣса и англійскаго вліянія въ его первоначальномъ воспитаніи. Эти свѣдѣнія, правда, были не очень обширны, но пріобрѣтены сознательнымъ и трудолюбивымъ образомъ, и немало способствовали къ развитію въ его умственности склонности и стремленію къ обобщенію, къ единству, къ правильной, неуклонной послѣдовательности, къ разумному систематизированію, словомъ къ тѣмъ свойствамъ, которыя всегда и вездѣ обличаютъ присутствіе великаго ума. Изученіе исторіи философіи и замѣчательное знаніе философскихъ системъ обогатили его большой научной опытностью. Объ его свѣдѣніяхъ въ области чистой литературы (belles-lettres) собственно и поминать нечего. Они были чрезвычайно разнообразны, и можно утвердительно сказать, что изъ произведеній письменности какого бы то ни было народа, какой бы то ни было страны и какого бы то ни было времени, рѣдкое не было ему коротко извѣстно. Не разъ случалось, что кто-нибудь изъ весьма образованныхъ людей, свѣдавши про какое-нибудь забытое давнишнее сочиненіе и сообщая ему свое открытіе, въ отвѣтъ получалъ обстоятельное историко-критическое его обозрѣніе [1]). Познаніе и опытъ военнаго дѣла и познаніе свѣта и общества, обыкновенно столько оледеняющее душу и черствящее сердце, чрезвычайно благодѣтельно вліяли на строй и укладку его разума. Изъ перваго онъ вынесъ пламенные порывы вдохновенія и импровизаціи, выработываемые въ правильную форму, въ строгую сдержанность неумолимой несгибаемостью дисциплины. Зрѣлище второго, въ своемъ безконечномъ разнообразіи и при своихъ непрестанныхъ волненіяхъ, торжественно-спокойное, высокомѣрно-неколебимое, неподвижно-олигархическое, въ гораздо болѣе значительной степени, нежели думаютъ, восполнило прирожденную ему наклонность къ спокойному обсужденію, къ невозмутимому мышленію. Многолѣтнее, прилежное чтеніе лучшихъ произведеній, раннее и близкое знакомство съ книгами священнаго писанія и съ библейскимъ слогомъ, изученіе отцовъ церкви,—выработали для него чудесный, въ высокой степени индивидуальный и самостоятельный способъ изложенія, языкъ, иногда до странности неправильный, и почти

---

[1]) Эти случаи Чаадаевъ очень любилъ и имѣлъ слабость ими не въ мѣру тѣшиться; при нихъ всегда поминалъ словечко, которое будто бы сказала г-жа Сталь про одного русскаго: «я его очень люблю и уважаю; невозможно быть лучше, умнѣе и образованнѣе: только удивительно, какъ многаго этотъ человѣкъ не знаетъ».

всегда не въ мѣру изысканный, но полный огня, выразительности, жизни, живописности, краткой оригинальности, обдуманной ученой сдержанности, выраженіе дышащее силой и энергіей, меткостью, логической вѣрностью и ясной опредѣленностью. Наконецъ, со всѣми этими пріобрѣтенными силами, онъ сочеталъ удивительную, прирожденную ему способность наблюдательности, прямо, неуклонно попадающей въ цѣль, сразу схватывающей и обнимающей существенныя особенности какого бы то ни было явленія, способность, всегда вооруженную вылитою изобразительностью выраженія, поражающей внезапностью, и, самой неизъяснимой неожиданностью, часто налагающимъ безмолвіе разумомъ [1]).

Отъ человѣка, обладающаго такими и столько разнообразны-

---

[1]) Это свойство его существа, довольно, впрочемъ, общее всѣмъ великимъ умамъ и за ними безъ всякаго сомнѣнія исключительное, прямо родственное тому, которому цѣлый міръ обязанъ знаменитымъ, до пошлости извѣстнымъ анекдотомъ Колумба съ яйцомъ, проявлялось въ немъ постоянно и также мало его покидало при разсматриваніи великихъ предметовъ, какъ и при видѣ пустѣйшихъ, самыхъ мелочныхъ бездѣлицъ. За примѣрами ходить не далеко. Я могъ бы ихъ привести безъ числа. Ограничусь только тремя, по моему, очень характеристичными, и преднамѣренно привожу ихъ самые мелочные:

Въ одномъ кабачкѣ, гдѣ мы обѣдали съ Чаадаевымъ по крайней мѣрѣ разъ пятьдесятъ, и иногда не вдвоемъ только, висѣли двѣ картинки, изъ которыхъ одна изображала русскаго императора съ его штабомъ, а другая прусскаго короля съ таковымъ же. Никогда никто въ этихъ картинахъ ничего особеннаго не замѣчалъ до той поры, покамѣстъ въ одинъ день Чаадаевъ мнѣ не сказалъ: «Посмотри, никто не видитъ, что въ этихъ картинкахъ, на одной орденскія ленты всѣ одѣты на одну сторону, а на другой въ другую: отчего бы это? а, вѣдь, догадаться не трудно». Я признался, что причины не понимаю. «Это оттого — продолжалъ онъ — что на русскихъ всѣ ленты прусскія, а на пруссакахъ всѣ русскія».

Въ одномъ домѣ мнѣ понадобилось сдѣлать перегородку высокой столярной работы, которая меня очень занимала. Рисунокъ я заказалъ хорошему, довольно извѣстному художнику, исполненіе вышло прекрасное, и въ добавокъ, стоила она примѣчательно дешево. Извѣстно, что столярная работа выкладыванія стѣнъ деревомъ, такъ называемая «boiserie», въ Россія и очень рѣдка, и чрезвычайно дорога. Довольный успѣхомъ своей выдумки, я многимъ эту перегородку показывалъ и ни отъ кого ничего не слыхалъ, кромѣ что «очень дескать хорошо, и какъ это такъ дешево удалось?» Только что вошелъ въ комнату Чаадаевъ и ее увидѣлъ, какъ сію же минуту замѣтилъ, что въ рисункѣ есть очень смѣшной недостатокъ, что перегородка *похожа на иконостасъ*. Потомъ стоило на нее взглянуть, чтобы сознаться, что онъ былъ правъ.

У меня въ комнатѣ висѣлъ портретъ очень извѣстнаго всѣмъ входившимъ въ комнату человѣка. Этотъ портретъ видѣло очень много людей, и у меня, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, и никогда про него никто ничего не говорилъ. Какъ увидѣлъ его Чаадаевъ, немедленно въ немъ указалъ очень нелестное сходство съ однимъ не совсѣмъ благороднымъ животнымъ, въ чемъ прежде видѣвшіе, безъ всякаго прекословія, потомъ и согласились.

ми орудіями, позволено ожидать многаго. Если этотъ важный, пламенный, богато снабженный умъ найдетъ, или даже только подумаетъ, что нашелъ предметъ достойный своего вниманія и своей разработки—страна, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтаетъ великаго и славнаго дѣятеля, краснорѣчиваго, глубокомысленнаго писателя, и, можетъ быть, одного изъ тѣхъ избранниковъ, которые вѣщаютъ народамъ вѣчныя, непреходящія слова правды.

Предметомъ его постоянныхъ занятій, особеннаго вниманія и пытливаго размышленія сдѣлались вопросы философскіе, богословскіе и историческіе. Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ, прежде всего и предъ всѣмъ прочимъ предпочтительно, его заботили русская исторія и философскіе взгляды на историческую жизнь Россіи.

Поселившись въ Москвѣ, Чаадаевъ проживалъ на разныхъ квартирахъ, въ которыхъ проводилъ время окруженный врачами, поминутно лечась, вступая съ медиками въ нескончаемыя словопренія, и видаясь только съ очень немногими родственниками и съ братомъ. По нѣкоторомъ укрѣпленіи его здоровья, по окончательномъ отъѣздѣ М. Я. Чаадаева въ деревню[1]), и, по сближеніи его опять со свѣтомъ и обществомъ, онъ познакомился съ семействомъ Левашовыхъ, съ которымъ и особенно съ матерью этого семейства Катериною Гавриловною[2]) вошелъ въ чрезвычайно дружескую связь. Семейство Левашовыхъ было однимъ изъ тѣхъ старинныхъ богатыхъ дворянскихъ семействъ, которыхъ не только существованіе, но и память въ настоящую минуту начинаетъ уже исчезать. Оно жило въ Новой Басманной, въ приходѣ Петра и Павла въ собственномъ пространномъ домѣ[3]), со всѣхъ сторонъ окаймленномъ огромнымъ вѣковымъ садомъ и снабженномъ нѣсколькими дворами, — расположенное въ пяти или шести помѣщеніяхъ, окруженное полдюжиной по разнымъ резонамъ при немъ проживающихъ различныхъ лицъ[4]),

---

[1]) М. Я. Чаадаевъ уѣхалъ изъ Москвы немного спустя послѣ знакомства брата съ Левашовыми и даже бывалъ у него на новой квартирѣ.

[2]) Катерина Гавриловна Левашова, по слухамъ, была отличная и не совсѣмъ обыкновенная женщина: несмотря на мое короткое товарищество съ однимъ изъ ея сыновей, я ея лично не зналъ.

[3]) При такихъ домахъ въ Москвѣ бывали, — преимущественно, впрочемъ, до французовъ, — собственныя бани и пруды въ садахъ, въ которыхъ иногда производилась и хозяйственная стирка бѣлья. При «Левашовскомъ» домѣ однакожъ ни пруда, ни бани не было.

[4]) Кто жилъ тутъ изъ дружбы, кто изъ милости, кто для удовольствія, кто по

поминутно посѣщаемое обширнымъ кругомъ болѣе или менѣе знатнаго, болѣе или менѣе богатаго родства и знакомства, содержа около полсотни человѣкъ прислуги, до двадцати лошадей, нѣсколько дойныхъ коровъ и издерживая отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Мужъ и жена Левашовы подружились съ Чаадаевымъ, предложили ему жить у нихъ въ домѣ и для этого на своемъ дворѣ опредѣлили особенный, весьма приличный флигель. Чаадаевъ помѣстился во флигелѣ, или, какъ онъ его называлъ, — впрочемъ, только по-французски, — въ павильонѣ,—а потомъ когда, по кончинѣ К. Г. Левашовой, ея мужъ окончательно изъ Москвы отбылъ и домъ былъ проданъ, то и при новомъ хозяинѣ Чаадаевъ остался на старой квартирѣ до самой смерти. Эта-то квартира сдѣлалась извѣстною цѣлой Москвѣ. Кто и кто въ ней не перебывалъ? По ней Чаадаевъ получилъ прозваніе «басманскаго философа», которымъ даже и въ далекомъ Парижѣ звали его между собою тамъ другъ съ другомъ встрѣчавшіеся русскіе. Это прозваніе и свою улицу Чаадаевъ и самъ любилъ; на всѣхъ, безъ исключенія, своихъ письмахъ въ заголовкѣ выставлялъ «Басманная», а сочиненную имъ однажды проповѣдь подписалъ именемъ священника «Петра Басманскаго». Съ теченіемъ времени квартира, никогда не бывшая прочно отдѣланною, очень состарилась; пришедши почти въ ветхость, сдѣлалась для житья не совсѣмъ удобною, и про нее-то пустилъ въ свѣтъ Жуковскій въ то время довольно извѣстную шутку, что она «давнымъ давно уже держится не на столбахъ, а однимъ только духомъ».

Въ Левашовскомъ семействѣ, въ шумномъ обществѣ своихъ многочисленныхъ домочадцевъ и посѣтителей, никогда не прекращавшемъ упражненія во всяческомъ словесномъ препирательствѣ, круглый годъ, всякій божій день, съ утра до поздней ночи, не перестававшемъ философствовать и любомудрствовать, было четверо сыновей, чьимъ воспитаніемъ нѣкоторое время

необходимости, кто потому, что безъ него не могли жить хозяева, кто потому, что самъ безъ нихъ обойтись не могъ, кто, наконецъ, безъ всякой причины. Кромѣ Чаадаева, во флигелѣ этого двора жили еще нѣкоторое время переводчикъ Шекспира Кетчеръ и стяжавшій потомъ такую извѣстность Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Когда, много годовъ спустя, Бакунинъ, взятый послѣ дрезденскаго возмущенія, былъ австрійцами выданъ русскому правительству и содержался въ Петропавловской крѣпости, въ какой-то пріѣздъ двора въ Москву, графъ А. Ѳ. Орловъ, разговаривая съ Чаадаевымъ, спросилъ его: «не знавалъ ли ты Бакунина?» Чаадаевъ имѣлъ не совсѣмъ обыкновенную смѣлость отвѣтить: «Бакунинъ жилъ у насъ въ домѣ и мой воспитанникъ».—«Нечего сказать, хорошъ у тебя воспитанникъ—сказалъ графъ Орловъ—и дѣлу же ты его выучилъ».

занимался какой-то французъ, по имени Барраль. Этотъ французъ, котораго я, впрочемъ, не зналъ, былъ, слышно, человѣкъ умный, ученый и начитанный. Проводя цѣлые дни въ разговорахъ съ Чаадаевымъ, онъ будто бы первый навелъ его на мысль исполнить историческій трудъ, написать сочиненіе, имѣющее цѣлью сравненіе русскаго общества съ обществами западно-европейскими, родъ параллельной философской исторіи, не излагающей событій, но взвѣшивающей ихъ смыслъ и значеніе.

Такая огромная работа, столько же въ конецъ неисполнимая тогда, сколько немыслимая и теперь, разумѣется, никогда не была приведена въ дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, побуждаемый ли Барралемъ, или только съ нимъ совѣщаясь о подробностяхъ труда, по господствующей мысли имъ самимъ задуманнаго, Чаадаевъ принялся работать. Избранная имъ форма была нѣсколько устарѣлая форма писемъ къ какой ни попало женщинѣ [1]). Появились довольно длинные отрывки, которые онъ сталъ прочитывать и давать прочитывать кому заблагоразсуждалъ. Такимъ образомъ онъ очень скоро получилъ, и не въ одной даже Россіи, нѣкоторую, такъ сказать полу-публичную извѣстность не печатающаго, но очень даровитаго, оригинальнаго и значительнаго писателя. Всякій знаетъ, что этого рода извѣстности, вслѣдствіе таинственности и, до извѣстной степени, непроницаемости, всегда и вездѣ, а въ Россіи особенно, сопровождаются догадками и предположеніями, ихъ очень увеличивающими и видоизмѣняющими. Такъ случилось и въ этомъ разѣ. Про Чаадаева узнали люди, которые никогда его не видали, кругомъ своего существованія были отъ него совершенно отдѣлены, никогда не имѣли никакой вѣроятности съ нимъ встрѣтиться, и безъ того, быть можетъ, про него во всю жизнь бы не свѣдали. По милости его блистательнаго, искрившагося мыслями разговора, стали ему приписывать то, чего онъ никогда не говорилъ: по той причинѣ, что онъ писалъ не по-русски [2]), стяжалъ,—чего съ кровно-русскими

---

[1]) Большая часть его сочиненій—въ формѣ писемъ, иногда къ лицамъ существовавшимъ, иногда же почти вымышленнымъ. Столько извѣстное письмо, помѣщенное въ «Телескопѣ», должно было быть отрывкомъ изъ цѣлаго ряда писемъ, адресованныхъ къ одной госпожѣ Пановой, которая въ жизни Чаадаева никогда никакой роли не играла, никогда никакого значенія не имѣла, и, очень легко можетъ быть, про существованіе писанныхъ къ ней писемъ или вовсе не знала, или знала очень смутно. Когда правительство вмѣшалось въ это дѣло, госпожу Панову даже и не безпокоили.

[2]) Во время взрыва неудовольствія, произведеннаго его статьей въ «Телескопѣ», укорамъ и брани «зачѣмъ и для чего русскій пишетъ по-французски?» не было никакого предѣла. Въ этомъ пустомъ, по самому себѣ въ конецъ ничтожномъ обстоятельствѣ видѣли и отсутствіе патріотизма, измѣну, и родному слову, и отечеству. Не знавшіе Чаадаева, безъ дальнихъ справокъ, прямо и просто увѣряли, что онъ

почти что никогда не бываетъ, — очень большую популярность между иностранцами, у насъ проживающими. Его сочиненія начали уже ходить по рукамъ, разными лицами переписанныя съ ошибками и пропусками, а про него самого выдумывали небывалые анекдоты, которые повторялись даже людьми высокопоставленными[1]). Насколько то возможно въ Россіи, подвергнулся почестямъ каррикатуры, и въ видѣ безсильно-завистливаго, озлобленнаго осмѣянія, и въ видѣ любящей добродушной шутки. Очень еще моложавый собой, не избѣгнулъ любопытства и привязчивости женщинъ: различныя барыни, по-своему изъясняя невеликое на нихъ обращаемое вниманіе, ловили его въ маскарадахъ и ему толковали про какую-то его обманутую любовь и про измѣну, никогда и ни въ какой странѣ не жившей, обо-

---

по-русски не понимаетъ: даже его пріятели утверждали, что съ русской рѣчью ему какъ съ французской не совладѣть. Когда потомъ ему случалось писать по-русски, многіе, довольно близкіе, его знакомые дивились, какъ хорошо, бойко и ловко онъ управляетъ русскимъ словомъ,—какъ будто забывая, что оно ему коренное, природное... Простого же, нехитраго, столько естественнаго умозаключенія, что писатель, на справедливомъ основаніи или нѣтъ, желающій быть читаннымъ всѣми людьми безъ различія ихъ странъ и происхожденія, не имѣетъ выбора въ языкѣ, что онъ не можетъ писать на такомъ, котораго никто не понимаетъ и съ котораго почти что не существуетъ переводовъ, что онъ долженъ писать на языкѣ всемірномъ, повсемѣстно вѣдомомъ,—никому и въ голову не вошло.

[1]) Мнѣ положительно извѣстно, что одна изъ самыхъ важныхъ барынь въ Россіи графиня С. В. П., Чаадаева въ конецъ не терпѣвшая, разъ у себя вечеромъ пересказывала своимъ гостямъ, и въ ихъ числѣ особенно одному, члену государственнаго совѣта, что «вотъ, молъ, какой дуракъ Чаадаевъ: онъ заказалъ свой портретъ и велѣлъ написать себя въ кандалахъ». Такого портрета ни Чаадаевымъ, ни кѣмъ другимъ, никогда ни заказано, ни исполнено не было, и никогда и нигдѣ не существовало. Подобныхъ анекдотовъ про него было множество, изъ которыхъ большая часть глупы, но нѣкоторые и довольно потѣшны,

Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, этотъ дурацкій анекдотъ появился даже въ печати, въ немногаго стоющихъ лживыхъ и бездарныхъ «Запискахъ Филиппа Филипповича Вигеля», помѣщаемыхъ въ одномъ изъ московскихъ журналовъ (Русскій Вѣстникъ 1865 г., августъ, стр. 547 и друг.). Тутъ же приведена, да даже и то невѣрно, пушкинская надпись къ портрету Чаадаева.

Вигель былъ постоянно непримиримымъ завистникомъ Чаадаева, и гораздо спустя послѣ эпохи «семеновской исторіи»,—по случаю этой исторіи онъ говоритъ про него въ этомъ мѣстѣ «Записокъ»,— живя временно въ Москвѣ да и повсемѣстно, безъ какого бы то ни было успѣха, всячески старался ему вредить. Въ сороковыхъ годахъ онъ ему далъ прозваніе «лысаго лжепророка», которое, вѣроятно, считалъ чрезвычайно острымъ и умнымъ, и котораго надо ожидать въ дальнѣйшемъ продолженіи «Записокъ». Какъ этимъ случаемъ, такъ и вообще всей цѣлостью своего поведенія, онъ подалъ поводъ Чаадаеву сказать одно изъ самыхъ глубокихъ и вѣрныхъ своихъ изреченій:

«Un ennemi impuissant est le meilleur de nos amis: un ami jaloux est le plus cruel de nos ennemis».

жаемой женщины.... Словомъ, слава стала склоняться къ его начинавшей обнажаться отъ волосъ головѣ.... Оставимъ теперь на минуту и его положеніе и его занятія.

Въ настоящее время я нахожу необходимымъ зайти немного назадъ и сказать нѣсколько самыхъ короткихъ словъ объ умственно-духовномъ состояніи русскаго общества въ данную эпоху.

Извѣстно, что съ начала царствованія Николая I, такъ-называемая реакція противъ переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, никогда не перестававшая тайно гнѣздиться посреди общества, внезапно обнаружилась со всею полнотою и рѣшительностью, которыя она только могла имѣть въ Россіи. Причины этого явленія ни для кого не составляютъ тайны; но очень нетрудное ихъ исчисленіе не входитъ въ мой предметъ. Для моего изложенія достаточно сказать, что она выразилась въ формѣ довольно смутной и неуловимой, для которой до сей поры еще точнаго, опредѣленнаго названія не придумано. Ее называли руссофильствомъ, славянствомъ, славянофильствомъ, панславизмомъ и нѣкоторыми другими именами. Охарактеризованіе и подробное изложеніе этого феномена, хроническаго недуга здраваго смысла, я имѣю въ виду въ другой работѣ, въ которой, съ божіею помощью, надѣюсь изобразить какъ общее положеніе тогдашняго общества, такъ и главнѣйшихъ людей, принимавшихъ участіе въ этой борьбѣ пустого съ порожнимъ. Въ теперешнемъ разѣ довольно только указать его существенные результаты и по возможности опредѣлить его самыя рѣзкія отличительныя черты.

Блистательный разсказъ Карамзина, завершившій предшествующіе труды по части русской исторіи, въ своемъ окончательномъ выводѣ остановился на мысли, что эта исторія, точно также какъ и всякая другая, имѣетъ мѣсто гражданства въ общей повѣсти человѣчества, что «или вся новѣйшая исторія должна безмолвствовать, или русская имѣетъ право на вниманіе народовъ». Не прошло четверти вѣка послѣ изданія его книги, какъ уже русское общество далеко опередило его запоздалые взгляды, и на неизмѣримомъ пространствѣ оставило ихъ сзади себя.

«Русская исторія—говорили русскіе новые мыслители — не только заслуживаетъ вниманія народовъ, но она еще есть для нихъ единственная. Жизнь всѣхъ остальныхъ народовъ померкнетъ и превратится въ ничто сравнительно съ жизнью русскаго народа, если внимательно, разумно и любовно ее постигнуть. Съ самаго перваго происхожденія Руси, и даже до него, въ славянскомъ племени лежали зародыши такихъ великихъ и бла-

гихъ началъ, про которые никогда и не снилось народамъ Запада, постоянно цѣлями и соображеніями земными совращаемымъ съ путей добра и правды и ввергаемымъ въ пути порока, преступленія или несчастія. Шествуя по этимъ путямъ, западная Европа дошла наконецъ до положенія безвыходнаго, въ которомъ теперь находится, впала въ гніеніе, и зіяетъ надъ нею, готовая ее поглотить, неотмѣнная, неминуемая, ничѣмъ неотвратимая погибель, если славянское племя, а въ его главѣ русскій народъ, народъ, одаренный всякаго рода преимуществами и особенно Богомъ любимый и покровительствуемый, которому на этотъ конецъ дано и безпримѣрное могущество,—ее не спасетъ, прививши къ ней новую жизнь, и такъ сказать, вливая отъ своей юной, здоровой и богатой крови въ ея кровь испорченную, больную и устарѣлую. Европа, въ своихъ нескончаемыхъ бѣдствіяхъ погруженная, въ своихъ губительныхъ историческихъ язвахъ коснѣющая, въ своихъ неумолимыхъ историческихъ воспоминаніяхъ закованная, иного себѣ спасенія кромѣ Россіи не имѣетъ; и ежели бы таковой Россіи не существовало, то надобно бы было изобрѣсти ее, или, ежели бы она была неизвѣстна, то нѣтъ сомнѣнія, свыше былъ бы посланъ новый и болѣе великій Колумбъ для ея открытія [1]).

«Но самая Россія, въ продолженіи своего историческаго существованія не избѣгнула страшнаго нравственнаго несчастія, подвергнулась неслыханно тяжкому удару, безконечнымъ образомъ

---

[1]) Для тѣхъ, которые не повѣрили бы, что такія вещи могутъ быть пересказываемы и приводимы въ систему людьми умными, просвѣщенными и высоко даровитыми, представить доказательствъ нельзя, потому что, къ сожалѣнію, полнаго славянофильскаго катихизиса не существуетъ. Помнящіе то время очень хорошо знаютъ, однакоже, что въ моемъ разсказѣ нѣтъ ни одного слова неправды. Ежели, во всей своей полнотѣ, славянофильское ученіе никогда не высказывалось, то отдѣльныя его положенія или тезисы произносились поминутно съ необычайной трескотнею и громомъ и въ ежедневныхъ бесѣдахъ, и въ книжкахъ журналовъ, и во всѣмъ извѣстныхъ и памятныхъ прекрасныхъ стихахъ, и съ публичныхъ каѳедръ ученыхъ профессоровъ. Я готовъ уступить, что не всѣ «славяне» такъ далеко зашли въ своихъ мнѣніяхъ, что между ними были степени: но въ крайнемъ своемъ выводѣ ихъ ученіе было именно таковымъ, какимъ я его изображаю. Его главнѣйшіе представители, правда, немногіе, до этихъ геркулесовскихъ предѣловъ безумія уже дошли: тѣ же, которые ихъ не достигнули, неизбѣжно и неумолимо должны были быть къ нимъ приведены при мало-мальскомъ соблюденіи логичности и послѣдовательности. Нельзя не добавить, что въ самую минуту появленія «чаадаевской статьи», славянофильская система еще не совсѣмъ созрѣла и выработалась, что ею-то именно и данъ былъ этой системѣ окончательный, рѣшительный толчокъ: безпощадныя положенія Чаадаева, въ конецъ раздразнивъ самолюбіе славянофиловъ, довели его до нѣкотораго рода бѣшенаго помѣшательства, заставили ихъ отбросить всякую умѣренность, опрокинули съ рельсовъ ихъ локомотивъ и своротили ихъ со всякой разумной колеи.

ее поразившему, едва ее въ конецъ не уничтожившему, и что гораздо хуже, чуть ее не низведшему до бѣдственнаго уровня Европы, удару столько могущественному, что имъ, конечно, было бы подавлено всякое другое существованіе, но который однакоже, къ неописанному счастью и превеликой радости, могъ быть выдержанъ столько крѣпкими и упорными жизненными силами, каковы силы Россіи, и, надо прибавить, только ими одними. Это страшное бѣдствіе, этотъ неизмѣримый ударъ былъ, какъ всякому извѣстно, реформа Петра Великаго, того государя, котораго въ непонятномъ ослѣпленіи и въ заблужденіи, не чуждомъ преступленія, столько продолжительное время считали великимъ преобразователемъ Россіи и самымъ славнымъ и полезнымъ изъ русскихъ властителей, но который, на самомъ-то дѣлѣ, ничѣмъ инымъ былъ, какъ злымъ геніемъ русской земли, первоначальнымъ измѣнникомъ роднымъ началамъ и роднымъ вѣрованіямъ, деспотическимъ извратителемъ страны, похитителемъ родной народности [1]), дерзнувшимъ налагать народу и краю чуждую личность, словомъ, реформаторомъ, правителемъ и человѣкомъ антинаціональнымъ».

«Какъ ни страшенъ былъ однакоже ударъ и какъ ни велико извращеніе народной личности, отчаяннаго въ положеніи Россіи ничего нѣтъ, и дѣло такъ, какъ оно обстоитъ, совсѣмъ не изъ числа тѣхъ, которыя принадлежатъ къ разряду неисправимыхъ. Чтобы все пришло опять въ прежнее положеніе, послѣ котораго, впрочемъ, и желать больше будетъ нечего, стóитъ только возвратиться къ роднымъ началамъ, къ состоянію до-петровскому», т.-е., выкинувъ изъ народной жизни столѣтіе слишкомъ — по выраженію того же Чаадаева — совершить какой-то обратный прыжокъ назадъ въ глубь протекшей исторіи, какую-то очень мудреную эволюцію, которую человѣческое естество ни исполнить, ни постигнуть не въ состояніи.

Другого практическаго результата и другого себѣ осуществленія славянофильское ученіе не представляло.

Что касается до средствъ къ достиженію этого желаннаго, благодѣтельнаго и спасительнаго возврата, то можно положи-

---

[1]) На это положеніе Чаадаевъ въ простомъ разговорѣ (сколько мнѣ помнится, ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ этой мысли не излагалъ) возражалъ «славянамъ» въ выраженіи столько же энергическомъ и исполненномъ картинной оригинальности, сколько неотразимымъ, уничтожающимъ образомъ, что ни «Петръ Великій, ни кто другой, никогда не былъ въ состояніи похитить у цѣлаго народа его личности, что на свѣтѣ нѣтъ, и быть не можетъ столько сатанической индивидуальности, которая возмогла бы въ кратковременный срокъ человѣческой жизни украсть у цѣлаго народа его физіономію и характеръ и унести ихъ подъ полою платья».

тельно сказать, что «славяне» ихъ вовсе не указывали, чтб, впрочемъ, по логическимъ законамъ мышленія такъ и должно быть, потому что они клонились не только къ невозможному и неосуществимому, но даже и немыслимому. Предлагаемые ими пути, для высшаго сословія—единеніе съ народомъ, для всѣхъ сословій—знаменитое «возвращеніе къ роднымъ началамъ», общее абстрактное уравненіе всѣхъ русскихъ людей между собою, и еще очень многое, ими придуманное, при нѣсколько зоркомъ разглядываньи и въ переводѣ на обыкновенный языкъ ничѣмъ другимъ оказывалось, какъ чистыми и простыми словами безъ всякаго содержанія. Въ этомъ особеннаго рода языкѣ, дѣвственномъ отъ какой бы то ни было мысли, и самыя слова-то поминутно другъ другу противорѣчили. Наконецъ, нигдѣ «славяне» между собой стóлько несогласны не были, какъ въ средствахъ къ достиженію своей цѣли, и можно сказать, безъ преувеличенія, что ихъ было столько же, сколько каждой головѣ, зараженной славянской эпидеміей, удавалось придумать. Въ одномъ, впрочемъ, они съобща и единогласно сознавали настоятельную необходимость, въ окончательномъ уничтоженіи Петербурга, какъ города не русскаго, басурманскаго, источника и притомъ исключительнаго невѣроятныхъ золъ, и, сверхъ всего, живого памятника ненавистнаго имъ Петра. Но это истребленіе составляло предметъ ихъ очень второстепеннаго попеченія и ихъ озабочивало довольно легко. Въ силу славянофильскихъ вѣрованій не подлежало сомнѣнію, что рано или поздно, не сегодня такъ завтра, волны Балтійскаго моря зальютъ Петербургъ, и такимъ образомъ ихъ желанія сами собою придутъ къ увѣнчанію [1]): на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается городъ Петра, своенравно заиграетъ море; столицей, административнымъ и правительственнымъ центромъ, разумѣется, станетъ Москва; все наилучшимъ образомъ въ наилучшемъ изъ міровъ уладится, и

«Новгородская душа заговоритъ
Московской рѣчью величавой»!

По странному противорѣчію, для нихъ, впрочемъ, не первому и не послѣднему, общими принципами петербургскаго правительства они были совершенно довольны, находя только, что въ частностяхъ оно во многомъ можетъ и должно быть усовер-

[1]) Надъ этимъ желаніемъ посмѣивались иногда даже нѣкоторые изъ «славянъ», и самъ Хомяковъ, въ припадкахъ своей, подъ-часъ очень любезной веселости, съ хохотомъ говаривалъ, что «конечно, несказанно станутъ благословлять затопленіе Петербурга всѣ дѣти русскаго отечества, но преимущественно тѣ изъ нихъ, которые въ немъ состоятъ хозяевами пяти-этажныхъ каменныхъ домовъ».

шенствовано ходомъ времени, возрастаніемъ національнаго сознанія, да указаніями, вліяніемъ и руководствомъ мужей страны.

Это ученіе, какъ легко можно замѣтить, по своему существу чреватое безчисленными мелкими и крупными политическими переворотами, къ крайнему удивленію и противъ всякаго чаянія, нисколько не стремилось ни къ какой политической пропагандѣ. Хотя, конечно, положеніемъ всероссійскаго императора «славяне» были не очень утѣшены, и съ жаромъ провозглашали его царемъ всеславянскимъ; хотя глубоко удивлялись неизъяснимой безпечности петербургскаго правительства, до сихъ поръ по непонятнымъ причинамъ медлившаго присоединеніемъ къ Россіи меньшихъ славянскихъ братьевъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, давно бы уже слѣдовало обрѣсти пріютъ подъ крыльями русскаго орла, вмѣсто того, чтобы, безъ пользы, безъ славы и безъ свободы прозябать подъ изнемогающимъ скипетромъ Габсбурговъ; хотя, правда, что они чрезмѣрно опасались и въ крайнее входили безпокойство, не пропустила бы Россія поры «перекрестясь, ударить въ колоколъ въ Царьградѣ» и огласить славянской молитвой Софійскій соборъ и берега Босфора: однакожъ, вооруженные несокрушимой вѣрой въ будущія судьбы Россіи, мирно ожидали торжественнаго часа ихъ неизбѣжнаго и неминуемаго исполненія. Правительство, которому впослѣдствіи они были столько вредны, отнюдь ими не недовольное, дѣлало видъ, будто ихъ не вѣдаетъ, хотя, какъ говорилъ Чаадаевъ, «отъ времени до времени удостоивало какимъ-нибудь неучтивымъ пинкомъ котораго ни попало изъ наименѣе осторожныхъ или наиболѣе высунувшихся изъ блаженной когорты», и довольно искусно, съ умѣренностью и осмотрительностью, пользовалось тѣми частичками ихъ ученія, которыя могли ласкать его тщеславіе.

Передавая ученіе славянофиловъ, я пропустилъ очень много изъ его подробностей, считая ихъ излишними въ теперешней запискѣ и довольствуясь только краткимъ его изложеніемъ въ крупныхъ обще-характеристическихъ чертахъ. Въ заключеніе надобно добавить, что, нося на себѣ признаки губительнаго повѣтрія, оно распространилось съ удивительными, почти невѣроятными быстротою и повсемѣстностью. Во всѣхъ слояхъ и во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества оно обнаружило свое разрушительное, богатое опустошеніемъ и непроизводительнымъ безплодіемъ дѣйствіе. Очень мало головъ даже и въ такъ-называемой «западной партіи» осталось совершенно непричастными отъ его заразительнаго вліянія. Оно было въ воздухѣ. Проникало и просачивалось въ массы, незнакомыя ни съ учеными вѣрованіями, ни съ построеніемъ научныхъ системъ. Массы

это ученіе исповѣдывали безсознательно, сами того не вѣдая, но переполняясь кичливостью, превозношеніемъ, хвастовствомъ и изувѣрнымъ самовосхваленіемъ. Оно коснулось людей, по своему призванію долженствовавшихъ быть бы вполнѣ отрѣшенными отъ всякаго рода патріотическихъ предразсудковъ, отъ какого бы то ни было фанатизма, чьи труды и вѣрованія, казалось, могли бы быть только и исключительно примиряющими и любящими, геніальныхъ поэтовъ-созерцателей, художниковъ, ваятелей, зодчихъ, живописцевъ и музыкантовъ, врачей, актеровъ, людей торга и даже людей точныхъ и естественныхъ познаній. Въ мирную, безмятежную жизнь, обреченную наукѣ или искусству, оно вносило самоослѣпленіе, преувеличенное и наглое о себѣ возмечтаніе, раздоръ и ненависти.... Неизмѣримый вредъ, имъ произведенный, вѣроятно, еще далеко не истощился.

Многорѣчивый французскій историкъ[1]), пересказавъ про великое умственное движеніе въ своемъ отечествѣ въ восьмнадцатомъ вѣкѣ, которое, со свойственной его народу хвастливостью, онъ не церемонясь называетъ безпримѣрнымъ, съ любовью пересмотрѣвъ родныя ему сокровища тогдашняго французскаго мышленія, вдругъ обрывисто останавливается, и, внезапно переносясь отъ одного предмета къ другому, продолжаетъ:

«Всему этому движенію, увлекавшему цѣлый народъ, а можетъ быть и бо́льшую часть человѣчества, какъ ни сильно, какъ ни всеобще, какъ ни неудержимо и какъ ни стремительно оно было, осмѣлился стать поперегъ человѣкъ, только одинъ человѣкъ. Должно быть этотъ человѣкъ былъ силенъ и мощи исполненъ».

Затѣмъ французскій историкъ благосклонно объявляетъ, вѣроятно подозрѣваемому имъ въ непроходимомъ невѣжествѣ читателю, что такого неустрашимца звали Жанъ-Жакомъ Руссо.

Что-то нѣсколько похожее на неизмѣримый взрывъ нескончаемаго изумленія, произведенный первой рѣчью великаго женевца, повторилось у насъ въ Россіи при появленіи «чаадаевской статьи»[2]). Пересказывать содержаніе этой статьи я не стану по-

---

[1]) Луи Бланъ.

[2]) Хотя исторія напечатанія «чаадаевской статьи» очень извѣстна, однакожъ надобно пересказать ее здѣсь въ самыхъ немногихъ словахъ. Бывшій профессоръ московскаго университета, Николай Ивановичъ Надеждинъ издавалъ въ Москвѣ журналъ подъ названіемъ «Телескопъ». Изданіе шло очень дурно и видимо клонилось къ упадку. При такихъ обстоятельствахъ Надеждинъ твердо рѣшился, по собственному его выраженію, или «оживить свой дремлющій журналъ, или похоронить его

слѣ того, какъ это сдѣлано г. Лонгиновымъ, и особенно послѣ того, какъ она напечатана въ подлинникѣ въ Парижѣ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Чаадаева [1]).

Около половины октября 1836 года разнесся, съ необыкновенной быстротой, по Москвѣ слухъ самаго страннаго и невѣроятнаго содержанія. Вдругъ, внезапно, безъ всякаго приготовленія стали говорить, и притомъ всѣ, почти поголовно, о непонятной, неизъяснимой статьѣ, помѣщенной въ «Телескопѣ», извергавшей страшную хулу на Россію, отрицавшей въ ней какую бы то ни было историческую жизнь, какое бы то ни было разумное существованіе, именовавшей ея прошедшее ничтожнымъ, ея настоящее презрѣннымъ, ея будущее несуществующимъ и немыслимымъ... Дерзновенный философъ-историкъ, отступникъ вѣрѣ праотцевъ и отечеству, другъ за другомъ перебравъ всѣ проявленія русской исторической жизни, не нашелъ въ нихъ ни одного достойнаго благословенія или сочувствія, и съ отвращеніемъ и ужасомъ отворотился отъ протекшаго бытія своего народа, неумолимо признавая всю цѣлость его существованія чудовищнымъ вещественнымъ фактомъ безъ внутренняго содержанія, огромной аномаліей, ничѣмъ другимъ какъ отрицательнымъ поученіемъ человѣчеству и въ немъ пробѣломъ, животнымъ прозябаніемъ, несогрѣтымъ ни теплымъ чувствомъ, ни самостоятельной мыслью... Въ безжалостномъ анализѣ онъ прямо и неуклонно указывалъ тому причины, и въ ихъ числѣ главною полагалъ недостаточность религіознаго направленія и развитія, неправду и растлѣніе греческаго православія, по милости котораго считалъ Россію страною, находящеюся внѣ европейскаго христіанскаго единенія, а рус-

---

съ честью». Получивъ статью Чаадаева, онъ вмѣстѣ съ нею получилъ отъ него и необдуманное неосторожное согласіе ее напечатать. Цензора, Алексѣя Васильевича Болдырева, тогдашняго ректора московскаго университета, уговорилъ именемъ своего давнишняго знакомства и общей безопасности, пропустить ее, не читая. Когда пришла пора наказаній и расправы, журналъ былъ сію же минуту запрещенъ, а ихъ обоихъ, и Надеждина, и Болдырева, потребовали въ Петербургъ къ отвѣту. Надеждинъ былъ сосланъ на жительство Вологодской губерніи въ городъ Усть-Сысольскъ. По прошествіи нѣкотораго времени онъ былъ прощенъ и потомъ служилъ и умеръ въ Петербургѣ. Болдырева отставили отъ службы съ неопредѣленіемъ никуда и съ лишеніемъ пенсіона. Пенсіонъ ему также былъ впослѣдствіи возвращенъ, но въ службу онъ уже болѣе никогда не вступалъ, и вскорѣ умеръ. Переводившаго статью съ французскаго для русской печати вовсе не безпокоили.

[1]) «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le p. Gagarine de la compagnie de Jésus». Paris. Librairie A. Franck, Alb. Louis Herold, Succ. 67, rue Richelieu; Leipzig, A. Franck'sche Verlagshandlung 10. 11. Querstrasse. 1862.

скихъ — народомъ почти нехристіанскимъ и таковымъ гораздо меньше, напримѣръ, нежели народы протестантскіе.

Впослѣдствіи, гораздо спустя, было сказано[1]), что «Чаадаевъ въ своей статьѣ прочиталъ отходную русской жизни и русскому народу».

Большинство безъ дальнихъ околичностей называло статью анти-національною, невѣжественною и вздорною, не стоющею никакого вниманія, а между тѣмъ, не прерывающимися про нее бранчивыми толками и сужденіями само озабочивалось объ окончательномъ опроверженіи и уничтоженіи своего мнѣнія. Просвѣщенное меньшинство находило статью высоко-замѣчательною, но въ конецъ ложною, чему, по его понятіямъ, причиною былъ принятый за точку отправленія и въ основаніе положенный чрезвычайно затѣйливый и сціэнтифически обманчивый софизмъ. Большинство, изъ котораго безполезно было бы выключать великолѣпныхъ барынь и людей при крупныхъ чинахъ и съ громкими именами, на словахъ собиралось вооружиться уничтожающимъ презрѣніемъ, а на дѣлѣ обнаруживало распѣтушившееся, самое разъяренно-ненавидящее озлобленіе; меньшинство готовилось къ спокойному, благородному, пріятному, исполненному изящной вѣжливости и утонченнаго приличія, научно-критическому опроверженію. Безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ не было ни одного человѣка. Статья, съ своими мнѣніями и убѣжденіями, стояла одна въ величаво унылой, торжественной и невозмутимой одинокости, вооруженная непреклонной безпощадностью и строгой послѣдовательностью своихъ выводовъ, неумолимою рѣзкостью, точностью и опредѣленностью выраженія, мрачно безотраднымъ, подавляющимъ спокойствіемъ.

Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали писать и читать, съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное или ученое событіе, ни послѣ, ни прежде этого (не исключая даже и смерти Пушкина)[2]) — не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такой скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про «чаадаевскую статью» и про «чаадаевскую исторію»; даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ

---

[1]) Герценомъ.

[2]) Смѣшно было бы утверждать, что вліяніе, произведенное смертью Пушкина, было менѣе, но оно было совершенно разнородное и другого свойства. Въ кончинѣ Пушкина ничего больше не видѣли и не могли видѣть, какъ неизмѣримую и невозвратную, преждевременную народную потерю, общую народную печаль, общій народный трауръ.

литературнымъ дѣломъ; круглые неучи; барыни, по степени интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и приживалокъ; подъячіе и чиновники, увязшіе и потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ; тупоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣдѣвшіе и одичалые въ пьянствѣ, распутствѣ или суевѣріи; молодые отчизнолюбцы [1]) и старые патріоты — все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было столько низко поставленнаго осла, который бы не считалъ за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философской критики. Врядъ ли кому-нибудь и когда-нибудь выпадало на долю въ Россіи въ такой мѣрѣ и въ такой степени извѣдать волненія другой, оборотной стороны славы, всегда и вездѣ, кажется, болѣе значительной, непогрѣшительнѣе рѣшающей и вѣрнѣе цѣнящей, нежели ея лицевая сторона, блистательная, громозвучная и лучезарная. Сверхъ того, на «чаадаевскую статью» обратили вниманіе не одни только русскіе: въ силу уже означеннаго мною обстоятельства, что статья была писана по-французски и вслѣдствіе большой извѣстности, которою Чаадаевъ пользовался въ московскомъ иностранномъ населеніи, весьма многочисленномъ и состоящемъ изъ людей всякаго рода, всѣхъ занятій и всякаго образованія,—этимъ случаемъ занялись иностранцы, живущіе у насъ, обыкновенно никогда никакого вниманія не обращающіе ни на какое ученое или литературное дѣло въ Россіи и только по слуху едва знающіе, что существуетъ русская письменность. Не говоря про нѣсколько вышепоставленныхъ иностранцевъ, изъ-за «чаадаевской статьи» выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ актеровъ московской французской труппы [2]), иностранное торговое и мастеровое сословіе, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты съ уроками и безъ уроковъ, живописцы съ заказами и безъ заказовъ, — даже нѣмецкіе аптекари [3])....

---

[1]) Въ то время я слышалъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье, и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокоивалъ.

[2]) Тогда существовалъ въ Москвѣ французскій театръ.

[3]) Я знаю достовѣрно, что въ это время и по этому предмету имѣло мѣсто, однимъ вечеромъ, жаркое преніе, въ нынѣ еще, кажется, въ старой басманной, существующей аптекѣ, нѣкоего Штокфиша, причемъ безъ всякаго сожалѣнія немилосерднымъ образомъ коверкали фамилію Чаадаева, произнося ее «Шатаіефъ».

...Они раздѣлились между собою на партіи и волновались по маленькому образцу и подобію великихъ волненій въ своихъ отечествахъ... При всемъ томъ можно, однакоже, утвердительно сказать, что настоящаго смысла и всей важности этого событія въ ту минуту никто еще не только не оцѣнивалъ, но даже и не подозрѣвалъ...» Статья появилась безъ имени автора, но объ этомъ обстоятельствѣ никто не заботился [1]. Ее прямо звали «чаадаевской статьей», какъ будто бы его имя было подъ нею всѣми буквами прописано, и конечно нигдѣ и никогда никакое имя своимъ отсутствіемъ болѣе замѣтно не сверкало... Между тѣмъ общее негодованіе дошло почти до ожесточенія, — и въ словахъ, сказанныхъ маркизомъ Кюстиномъ въ его книгѣ [2]: «il n'y avait dans toutes les Russies pas assez de Sibérie, pas assez de mines, pas assez de knout pour punir un homme traître à son Dieu et à son pays»,—не заключается никакого преувеличенія. Публика томилась ожиданіемъ, что̀ будетъ изъ Петербурга: рѣшеніе оттуда долго ждать себя не заставило.

Разбирательствомъ вопроса, какимъ именно образомъ правительство извѣстилось о существованіи статьи, мнѣ кажется, особенно нечего заниматься. Обратилъ ли на нее его вниманіе митрополитъ московскій и коломенскій, или оно прислушалось къ толкамъ ею весьма заинтересованнаго одного изъ замѣтныхъ членовъ дипломатическаго корпуса, выучившагося по-русски и простодушно радовавшагося появленію въ Россіи духа серьезной критики и зрѣлаго безпристрастнаго самообсужденія; было ли оно увѣдомлено собственными агентами; ознакомилось ли, наконецъ, соединеніемъ всѣхъ этихъ способовъ вмѣстѣ? — это, по моему, дѣло важности далеко не первостепенной и даже совсѣмъ безразличное.

Прежде всего необходимо замѣтить и обозначить, что мѣра, придуманная правительствомъ, не заключала въ себѣ ничего особенно жестокаго и свирѣпаго, что она даже могла быть сочтена за кроткую и милостивую, и что, сверхъ того, должна была казаться въ высокой степени популярною для того, что—какъ соглашался въ томъ и самъ Чаадаевъ — не только не превзошла ожиданій и гнѣва большинства публики, но и не совсѣмъ имъ удовлетворила. Наконецъ, она была чрезвычайно метко, вѣрно

[1]) Замѣчательно, что и правительство, наказывая Чаадаева, не спросило его: «признаетъ ли онъ себя или нѣтъ авторомъ статьи?» Тогда говорили, что еслибы онъ вздумалъ отъ нея отпереться, то поставилъ бы всѣхъ въ еще болѣе, въ логическомъ смыслѣ, запутанное положеніе.

[2]) La Russie en 1839. Маркизъ Кюстинъ прибавляетъ: «Péterbourg et Moscou la sainte étaient en feu».

и искусно придумана, подвергая только одному осмѣянію человѣка, по мнѣнію того же большинства, несшаго околесную, непроходимую, сугубую галиматью, и, несмотря на свою злостность и лукавство, больше ничего не стоившаго, кромѣ улыбки жалости и презрѣнія [1]).

Въ послѣднихъ числахъ октября 1836-го года Чаадаева потребовали къ московскому оберъ-полицмейстеру [2]). Здѣсь ему была прочитана бумага, изъ Петербурга полученная, по его отзыву, мастерски написанная, которую онъ просилъ взять съ собой, но которой ему, однакожъ, не дали, и въ которой значилось, что: «появившаяся тогда-то, тамъ-то и такая-то статья, выраженными въ ней мыслями и своимъ направленіемъ возбудила во всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ чувства гнѣва, отвращенія и ужаса, въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившіяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, правительство, въ своей заботливой и отеческой попечительности, предписываетъ ему не выходить изъ дома, и снабдить его даровымъ казеннымъ медицинскимъ пособіемъ, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особеннаго, изъ ему подвѣдомственныхъ, врача».

Тутъ же были Чаадаеву предложены вопросные пункты, на которые, я не знаю гдѣ онъ отвѣчалъ, сейчасъ ли на мѣстѣ, или черезъ нѣсколько дней у себя съ квартиры. Вопросные пункты ничего особенно памятнаго и даже ничего значительнаго въ себѣ не заключали. Оберъ-полицмейстеръ обошелся съ Чаадаевымъ чрезвычайно вѣжливо, и насколько то съ его должностью совмѣстимо, предупредительно.

Тогдашняго московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя

---

[1]) Я не знаю, кто именно придумалъ означенную мѣру. Тогда говорили, что ее почерпнули изъ какого-то закона, когда-то изданнаго Петромъ В.—объявлять безумными тѣхъ, кто что-либо осмѣлится произнести противъ православной вѣры. Говорили еще, что правительство поступило съ Чаадаевымъ особенно милостиво, т.-е. не подвергнуло его какому-нибудь болѣе чувствительному наказанію, ссылкѣ, напримѣръ, потому, что знало и приняло въ соображеніе нехорошее положеніе его имущественныхъ дѣлъ.

[2]) Льву Михайловичу Цынскому. Не знаю, непосредственно ли напередъ по требованію Чаадаева къ оберъ-полицмейстеру, или непосредственно вслѣдъ за нимъ, однимъ изъ московскихъ полицмейстеровъ вмѣстѣ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ былъ произведенъ домашній обыскъ въ его квартирѣ. Его бумаги отобрали и послали въ Петербургъ. Потомъ нѣкоторыя были возвращены, другія тамъ и остались. Тутъ же произошелъ забавный случай. Въ числѣ бумагъ полиція захватила огромный ворохъ «Московскихъ Вѣдомостей», при чемъ Чаадаевъ замѣтилъ, что «этого брать не для чего, что это не бумаги,—а бумага».

Дмитрія Владиміровича Голицына, издавна Чаадаеву знакомаго, въ то время въ Москвѣ не было. Не имѣя ни малѣйшей возможности говорить объ литературномъ дѣлѣ съ оберъ-полицмейстеромъ, Чаадаевъ попросилъ позволенія увидаться съ гр. С. Позволеніе было сію же минуту дано и съ большою охотою. Чаадаевъ графа С. увидѣлъ, но такое свиданіе ни прямой пользы, ниже практическаго результата никакихъ не имѣло. Сверхъ того, его, со стороны Чаадаева, не запинаясь можно назвать дѣйствіемъ, исполненнымъ трусости и малодушія. Потомъ Чаадаевъ еще безпокоилъ гр. С. письмомъ, оставшимся безъ отвѣта.

Черезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву князь Голицынъ. При первомъ свиданіи съ Чаадаевымъ онъ расхохотался со словами: «Ça n'a que trop duré; il faut pourtant que cette farce finisse». Дѣятельнымъ ходатайствомъ князя Голицына Чаадаевъ былъ прощенъ черезъ одинъ годъ и одинъ мѣсяцъ, ко дню вступленія на престолъ Николая I, приходившемуся двадцатаго ноября. Опять пріѣхалъ къ нему полицмейстеръ объявить, что «по просьбѣ и ходатайству генералъ-губернатора» ему возвращается свобода и прекращается полицейскій надзоръ. Объ томъ же, прекращается или нѣтъ сумасшествіе, никогда и нигдѣ не было сказано ни слова.

Такимъ образомъ началось и кончилось это приключеніе, получившее такую извѣстность и въ Россіи и за границей.

Справедливость требуетъ прибавить, что великодушному, безкорыстному, и, надо сказать, довольно смѣлому заступничеству князя Голицына Чаадаевъ не показалъ той благодарности, которою былъ несомнѣнно обязанъ.

Въ продолженіе того года съ мѣсяцемъ, въ которомъ имѣло мѣсто оффиціальное безуміе Чаадаева, онъ не выѣзжалъ и не выходилъ никуда, ни въ публичныя мѣста, ни въ гости, но у себя имѣлъ свободу принимать кого и сколько хочетъ. Оберъ-полицмейстеръ требовалъ у него подписки «ничего не писать», которой онъ не далъ, говоря, что для этого «надо отнять бумагу, чернила и перья», и другой «ничего не печатать», которую онъ немедленно и выдалъ. На его просьбу дозволить ему ходить по улицамъ пѣшкомъ, къ чему онъ привыкъ, что́ было необходимо для его здоровья и безъ чего, говорилъ онъ, «онъ жить не можетъ», сейчасъ же согласились (совѣтуя, однако, избѣгать особенно многолюдныхъ улицъ), и онъ могъ гулять по городу, никуда не заходя, сколько и когда ему было угодно. Оставалось насильственное леченіе отъ помѣшательства. Оно продолжалось, правда, очень короткое время,—примѣрно съ мѣсяцъ, или немного болѣе, — но все-таки имѣло мѣсто. Сначала

къ нему прислали частнаго врача той части, гдѣ онъ жилъ, и кажется, къ нему пріѣзжалъ для консультаціи главный докторъ дома умалишенныхъ. Эти господа для формы прописали какой-то рецептъ, который гдѣ былъ писанъ, тамъ и остался. Пульса не смотрѣли и вообще къ его физической особѣ никакого прикосновенія никто не дѣлалъ. Потомъ продолжалъ свои посѣщенія тотъ же штабъ-лекарь, но такъ какъ онъ былъ человѣкъ нетрезвый и часто являлся пьянымъ, то Чаадаевъ на него пожаловался оберъ-полицмейстеру, угрожая, что будетъ писать графу Бенкендорфу. Угроза подѣйствовала сильно и мгновенно. Частнаго штабъ-лекаря немедленно удалили, а Чаадаева оберъ-полицмейстеръ просилъ самому для себя назначить какого ему угодно изъ врачей, подвѣдомственныхъ полиціи. Съ общаго согласія оба они, и оберъ-полицмейстеръ и Чаадаевъ, избрали человѣка весьма почтеннаго, имя котораго заслуживаетъ быть сохраненнымъ, извѣстнаго въ Москвѣ доктора Гульковскаго, занимавшаго по полиціи важную медицинскую должность, Чаадаеву давнишняго знакомаго и стариннаго пріятеля, неразъ и подолгу его лечившаго. Съ нимъ дѣло и кончилось. Поведеніе Гульковскаго было безукоризненнымъ поведеніемъ порядочнаго человѣка...

Первое время своего заточенія Чаадаевъ провелъ въ крайнемъ смущеніи и большомъ малодушіи. Сначала онъ совершенно растерялся. Потомъ болѣе и болѣе вдумываясь въ положеніе, болѣе и болѣе усматривая, что если кто «въ авантажѣ обрѣтался», такъ ужъ навѣрное не тѣ, которые его объявили сумасшедшимъ, онъ съ этимъ положеніемъ примирился и даже нашелъ въ немъ удовлетвореніе своему тщеславію и своей гордости. Онъ началъ его нести съ исполненнымъ достоинства спокойствіемъ, заслуживающимъ всякой похвалы и даже нѣкотораго удивленія. Изъ окружавшихъ государя, очень многіе были ему лично знакомы, нѣкоторые довольно коротко. Изъ нихъ, конечно и несомнѣнно, всѣ или почти что всѣ, не отказались бы за него похлопотать, еслибы объ томъ были попрошены. Никого онъ не безпокоилъ, ни къ кому ни съ однимъ словомъ не отнесся. Дѣйствовалъ только князь Д. В. Голицынъ [1]), и то руководимый не просьбами, а болѣе всего собственнымъ личнымъ побужденіемъ.

[1]) Князь Д. В. Голицынъ былъ женатъ на сестрѣ князя Илларіона Васильевича Васильчикова (Татьянѣ Васильевнѣ и зналъ Чаадаева еще тогда, когда онъ былъ адъютантомъ.

Поведеніе личныхъ друзей Чаадаева, т.-е. почти всего мыслящаго и просвѣщеннаго меньшинства московскаго народонаселенія и даже всѣхъ его знакомыхъ, исполненное самаго рѣдкаго утонченнаго благородства, было выше всякой похвалы. Чаадаевъ въ несчастіи сдѣлался предметомъ общей заботливости и общаго вниманія. Всѣ, наперерывъ, старались ему обнаружить знаки своего участія и своего уваженія, и это не въ одной Москвѣ только. Замѣчательно, что наиболѣе съ нимъ несогласные, самые съ нимъ въ мнѣніяхъ противоположные [1]), были въ тоже время и наиболѣе къ нему симпатичными и предупредительными. Если поименовать тѣхъ, которые показали себя въ это время съ такими рѣдкими свойствами благородства и независимости характера, то надобно было бы назвать почти всѣхъ его знакомыхъ. Были, конечно, и исключенія, но они едва замѣтны въ общемъ единодушномъ порывѣ. Чаадаевъ гордился, что «посреди раздражительнаго пренія имъ возбужденнаго и въ самомъ его разгарѣ, не видалъ обращенія противъ себя ни одной изъ серьезныхъ симпатій до того къ нему милостиво склонявшихся, и надѣялся, что Россія ему про то попомнитъ»...

Въ это же время Чаадаевъ написалъ свое «оправданіе» или «апологію» [2]). Это сочиненіе въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ былъ наказанъ, его ни на волосъ не оправдывающее, несмотря на заключающіяся въ немъ многія замѣчательныя мысли, несмотря на свои ораторскія движенія и на необыкновенный блескъ изложенія, несмотря на величавое спокойствіе и на совершенное отсутствіе желчи и озлобленности, далеко уступаетъ статьѣ, помѣщенной въ «Телескопѣ» и достоинствомъ содержанія, и глубиною, и смѣлостью мышленія. Въ немъ сдѣланы уступки, которыхъ онъ не долженъ былъ дѣлать съ своей точки зрѣнія и въ правду которыхъ самъ не вѣрилъ [3]).

---

[1]) А. С. Хомяковъ сію минуту вслѣдъ за прочтеніемъ статьи, готовилъ на нее, по своему мнѣнію, уничтожающее громовое опроверженіе. Какъ только разнеслась вѣсть о наказаніи, онъ своему намѣренію не далъ никакого хода, говоря, что «и безъ него уже Чаадаеву достаточно неучтиво отвѣчали». Отказать себѣ въ блистательной побѣдѣ надъ сильнымъ противникомъ—великодушіе мало обыкновенное.

[2]) «Apologie d'un fou».

[3]) Сюда могутъ быть отнесены два анекдота довольно многозначительные, показывающіе, какъ мало иные высокопоставленные люди у насъ принимали къ сердцу самые важные и серьезные предметы и какъ вполнѣ они заслуживаютъ сдѣланное имъ разъ Чаадаевымъ злое охарактеризованіе: «какіе они всѣ шалуны». М. Ѳ. Орловъ, имѣя случай видѣться съ графомъ Бенкендорфомъ и разговаривая съ нимъ про Чаадаева, имѣлъ, въ тоже время, почти геройскую отвагу всячески отстаивать своего пріятеля, говоря, между прочимъ, что «на его счетъ всѣ ошибаются, что онъ суровъ къ прошедшему Россіи, но чрезвычайно многаго ждетъ отъ ея будущности». Нево-

Остальныя сочиненія Чаадаева, число которыхъ довольно значительно, еще не изданы. О полномъ его значеніи, какъ писателя, можно будетъ говорить и судить только тогда, когда это опубликованіе будетъ имѣть мѣсто. До того ограничусь замѣчаніемъ, что рѣдкое изъ того, что имъ написано, не блещетъ какой-нибудь оригинальной, весьма часто геніальной мыслью, всегда заслуживающей особеннаго вниманія и любопытства, всегда вызывающей строгую, пытливую критику, всестороннее, зрѣлое обсужденіе... Въ числѣ его писаній есть отрывочныя мысли и изреченія, въ которыхъ почти всегда глубина и вѣрность наблюденія изумительны. Ихъ, безъ затрудненія, можно поставить рядомъ съ произведеніями въ томъ же родѣ Вовенарга, Ларошфуко, Паскаля и перваго Наполеона. Множество имъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и часто мимоходомъ, мыслей, догадокъ и примѣчаній о внутреннемъ смыслѣ русской исторіи въ различныхъ ея періодахъ, о характерныхъ общихъ чертахъ ея физіономіи, еще по сихъ поръ составляютъ поле совершенно непочатое и неразработанное. Часть его сочиненій чисто философскихъ, по-моему, слабѣе всѣхъ другихъ, но все же замѣчательна до чрезвычайности, какъ первая, можно сказать, въ этомъ родѣ попытка въ Россіи.

Рѣшить, въ настоящее время, вѣрны или невѣрны унылыя, траурныя положенія «Чаадаевской статьи», внѣ всякой физической, нравственной и интеллектуальной возможности. Подобные взгляды оправдываются или осуждаются только непогрѣшающей логикой столѣтій... Во всякомъ случаѣ, — обозначила ли его статья для Россіи тотъ періодъ нравственнаго самоотрицанія, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, долженъ имѣть время и мѣсто въ раціональномъ развитіи и раціональномъ ростѣ каждаго народа; была ли она надгробнымъ словомъ отечеству, или пробужденіемъ въ немъ самосознанія....; въ безмолвной ли, безконечной печали мы должны прислушиваться къ мрачному смыслу ея приговора, или въ неизмѣримой радости привѣтствовать появленіе въ русскую жизнь самообсужденія, самоукора и самоисправленія....?—онъ, *первый* на родинѣ, нападая на всецѣлостные недостатки русскаго организма; *первый*, переставая искать ихъ врачеванія въ отдѣльныхъ его мѣстностяхъ, въ отрывочныхъ явленіяхъ; *первый*, устремляя въ глубь протекшей жизни Россіи

всѣмъ понятно, какъ могъ М. Θ. Орловъ настолько заблуждаться: очевидно, что онъ добросовѣстно самъ себя для собственнаго утѣшенія ослѣплялъ; извѣстно, что люди всѣ вообще любятъ вѣрить, когда вѣрить хочется. «Le passé de la Russie,—отвѣчалъ ему графъ Бенкендорфъ,—a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer: voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite».

важный, недовѣрчиво-испытующій, мужественно-нелицепріятный, только одной правды ищущій взглядъ современной глубокой философской критики, укрѣпилъ за собою право на названіе творца критическаго взгляда на русскую исторію [1])...

Предѣлъ моей записки собственно достигнутъ. Остается только сказать о положеніи, которое Чаадаевъ занималъ среди общества съ минуты окончанія своей исторіи до собственнаго конца, т.-е. въ продолженіи восьмнадцати годовъ съ нѣсколькими мѣсяцами.

По странному, но, впрочемъ, довольно обыкновенному и очень неновому повороту общественнаго мнѣнія, мѣра, казавшаяся столько удачно придуманною для его наказанія, не удалась вовсе...

Когда его исторія окончилась и онъ опять воротился въ свѣтъ, его приняли и съ нимъ обошлись такъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не случилось. Сначала въ продолженіе двухъ, трехъ, много четырехъ годовъ, отъ него отчасти сторонились мало, впрочемъ, замѣтное число болѣе или менѣе оффиціальныхъ, или, быть можетъ, болѣе или менѣе трусливыхъ людей, да нѣсколько видныхъ тузовъ обоего пола, недовольныхъ и разгнѣванныхъ его мнѣніями, которыхъ они однакоже подробно и въ ясной точности никогда не знали. Съ прошествіемъ времени и это явленіе совершенно исчезло. Тузы не замедлили разобраться по кладбищамъ, оффиціальные люди перестали дичиться, а къ робкимъ возвратилась бодрость, и въ чистомъ результатѣ оказалось, что его исторія способствовала къ выработанію для него большого обще-

---

[1]) Я долго колебался, дѣлать мнѣ или нѣтъ это примѣчаніе..... Что именно сдѣлано Чаадаевымъ для русской исторіи, можно, я думаю, до нѣкоторой степени пояснить примѣрами изъ того, что сдѣлано другими по другимъ предметамъ. Возьмемъ въ образецъ два изъ такихъ подобій. Его труды и мысли по отрасли русской исторіи очень аналогичны, мнѣ кажется, съ тѣмъ, что сдѣлано Нибуромъ для исторіи римской и Руссо для воспитанія. Нибуръ, уничтожая факты, не создалъ и не могъ создать новыхъ; но еслибы и ни одно изъ его положеній никуда не годилось, то все же благотворнѣйшимъ и неоцѣненнымъ результатомъ его книги, на вѣчныя времена, остался бы несравненный критическій методъ, удивительнѣйшее орудіе когда-либо человѣкомъ придуманное для яснаго, вѣрнаго и правильнаго пониманія не голыхъ, ничего не знаменующихъ фактовъ исторіи, но ея внутренняго, сокровеннаго значенія и философскаго смысла. По книгѣ Руссо никого нельзя воспитывать. Но она всецѣлостно и повсемірно измѣнила взглядъ на воспитаніе. Такъ дѣло и важность вовсе не въ большей или меньшей непогрѣшимости взглядовъ Чаадаева на русскую исторію: неизмѣримая его заслуга въ томъ, что онъ первый указалъ, что тѣ точки зрѣнія, на которыя прежде становились всѣ—невѣрны и ни къ чему не ведущи, что старые пути съ ихъ избитыми колеями не имѣютъ никакого практически-разумнаго приложенія, что они, по своему существу, не могутъ быть плодотворными и поражены безсиліемъ, что, словомъ, для постиженія русской исторіи необходимы иные исходные пункты, иные методы, иные способы уразумѣванія.

ственнаго положенія... Онъ сталъ опять входить въ сношенія со всѣми безъ различія, какъ будто бы его «исторіи» никогда не существовало, съ людьми оффиціальными, правительственными, государственными, придворными, познакомился съ митрополитомъ и бывалъ приглашаемъ на праздники, гдѣ присутствовали государь и дворъ. Только до личныхъ сношеній ни съ государемъ, ни съ членами императорской фамиліи онъ не дожилъ.

Что же касается до меньшинства, т.-е. до всего числа его огромнаго знакомства, то въ его глазахъ онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ любимаго балованнаго ребенка, отъ котораго все сносится и которому все прощается [1]). Люди мнѣній самыхъ разнородныхъ и самыхъ противоположныхъ, враги между собою и часто даже совсѣмъ не уважавшіе другъ друга, встрѣчались при немъ и въ его комнатѣ, какъ на какой-то нейтральной, привилегированной, выговоренной почвѣ. Пріѣзжіе безъ различія, извнутри ли Россіи, или изъ-заграницы, если его не знали, торопились ему быть представленными. Москвичи, петербуржцы и даже заграничные знакомые, одни привозили къ нему сами, другіе адресовали навѣщавшихъ Россію иностранцевъ [1]). Самыя его слабости, часто

---

[1]) Этимъ расположеніемъ къ себѣ онъ пользовался не всегда умѣренно.

Только разъ, и то очень не надолго, смутилось это ясное настроеніе стихотворной перебранкой Языкова. Надобно замѣтить, что никому никакого вреда она не сдѣлала, и если на кого какую тѣнь и бросила, такъ скорѣе всего на самого Языкова. Такъ какъ она мало извѣстна и, сверхъ того, очень длинна, то я ее и помѣщаю въ особенномъ приложеніи.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о «современной пѣснѣ» Дениса Давыдова, очень забавной стихотворной каррикатуркѣ, весьма, впрочемъ, мало обратившей на себя вниманія. Привожу изъ нея стихи, относящіеся къ Чаадаеву:

«...... и вотъ
«Въ кипетъ совѣщанья,
«Утопистъ, идеологъ,
«Президентъ собранья,

***

«Старыхъ барынь духовникъ,
«Маленькій аббатикъ,
«Что въ гостиныхъ бить привыкъ
«Въ маленькій набатикъ.

***

«Всѣ кричатъ ему привѣтъ
«Съ оханьемъ и пискомъ,
«А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
«Dominus vobiscum».

Говорили еще про эпиграмму на Чаадаева какого-то г. Неелова, примѣчательно глупую, но и довольно смѣшную однакоже:

«Летѣлъ къ безсмертью Чаадаевъ скокомъ
«И вдругъ былъ остановленъ «Телескопомъ».

[1]) Очень замѣчательно, что наиболѣе несогласные были съ нимъ и наиболѣе

весьма скучныя, какъ, напримѣръ, придирчивая взыскательность въ визитахъ и вообще во всякаго рода наружномъ почтеніи, дѣлались предметомъ любящей шаловливой веселости, добродушной забавы. Такія слабости были довольно многоразличны, и никто на нихъ не сердился, хотя всѣ ими очень занимались. Къ концу своего поприща онъ уже почти не имѣлъ заслуживающихъ вниманія враговъ, а довольно многочисленными ненавистями тѣхъ, кто его не жаловалъ, почти всегда имѣлъ полное право гордиться. Его положеніе въ Россіи сравнивали съ положеніемъ Шатобріана во Франціи. При жизни еще онъ имѣлъ удовольствованіе тщеславія получить нѣкоторую извѣстность внѣ Россіи. Объ немъ говорили въ своихъ различныхъ сочиненіяхъ маркизъ Кюстинъ, баронъ Гакстгаузенъ, графъ Жюльвекуръ, Сазоновъ, знаменитый историкъ Мишле, нѣкоторые другіе, а въ особенности и болѣе всѣхъ, Герценъ.

Г. Лонгиновъ, въ своей статьѣ, говоритъ, что Чаадаевъ былъ полезенъ всякому безъ исключенія изъ своихъ знакомыхъ, что одного онъ утвердилъ въ какой-нибудь доброй мысли, въ другомъ пробудилъ какое-нибудь благое чувство, третьему разрѣшилъ сомнѣніе и т. д.; и что еслибы можно было каждаго изъ нихъ

дружными. Рѣшительный его противникъ Ѳ. И. Т. часто говаривалъ: *«l'homme, que je contredis le plus est aussi celui que j'aime le mieux»*. Ихъ споры между собою доходили до невѣроятныхъ крайностей. Разъ, середи англійскаго клуба, оба пріятеля подняли такой шумъ, что клубный швейцаръ, отъ нихъ въ довольно почтенномъ разстояніи находившійся, серьезно подумалъ и благимъ матомъ прибѣжалъ посмотрѣть, не произошло ли въ клубѣ небывалаго явленія рукопашной схватки, и не пришлось бы разнимать драку.

Извѣстныхъ, объявленныхъ, громко сказавшихъ свое имя такого рода ненавистей насчитывалось очень мало, но въ затаенныхъ, зависти исполненныхъ и подъ спудомъ хранящихся должно быть не было достатка. Не говоря про озлобленное противъ него отвращеніе Ф. Ф. В. и князя Д., нелюбью которыхъ можно только радоваться, указывали на одного изъ талантливыхъ современныхъ драматическихъ писателей, будто бы обѣщавшаго кругу своихъ друзей не знакомиться съ Чаадаевымъ. Мнѣ неизвѣстно, правда ли это, неизвѣстно, былъ или нѣтъ этотъ писатель лично съ Чаадаевымъ знакомъ, но я знаю положительно, что онъ никогда не бывалъ у него въ домѣ. Эти ненависти въ недавнее время имѣли случай довольно громко высказаться. Вслѣдствіе на то нѣкоторыми изъявленнаго желанія, одному общественному заведенію въ Москвѣ (англійскому клубу) былъ подаренъ портретъ Чаадаева. Меньшинство этотъ портретъ приняло съ удовольствіемъ и даже повѣсило его на стѣну: большинство же подняло такой гвалтъ, что его дня черезъ два должны были снять. Очевидцы мнѣ пересказывали, что волненія, подобнаго тому, которое произошло по случаю портрета въ клубѣ, никто не запомнитъ. Въ этотъ разъ было съ большою справедливостью сказано: «Il faut pourtant que cet homme fut bien et vraiment un homme supérieur pour pouvoir exciter de pareilles anthipathies huit ans après sa mort».

подвергнуть допросу, то оказалось бы, что въ своемъ нравственномъ преуспѣяніи всякій чѣмъ-нибудь да былъ ему обязанъ.

Этой высокой хвалы, можетъ быть, самаго великаго изъ всѣхъ восхваленій, которыя только можетъ выслужить человѣкъ на землѣ, онъ былъ вполнѣ и безъ ограниченія достоинъ. Чаадаевъ отъ остальныхъ людей отличался необыкновенной нравственно-духовной возбудительностью. Онъ, въ высокой степени, былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ *anregend*. Его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости. При его появленіи всякій какъ-то невольно, нравственно и умственно осматривался, прибирался и охорашивался.

Никогда и никому ничего не уступая въ своихъ мнѣніяхъ, съ мирнымъ благоволеніемъ выслушивая мнѣнія не только различныя, но и совершенно противоположныя, съ необыкновенными ловкостью и искусствомъ отбивая противниковъ и возражая имъ то важнымъ серьезнымъ словомъ, то одному ему исключительно свойственной, столько удачной, несравненной, успокоивающей шуткой, онъ сохранилъ отличавшую его симпатическую возбудительность цѣлою, невредимою и дѣвственною до послѣдняго дня, и въ полномъ ея всеоружіи опочилъ кончиною....

Да будетъ и мнѣ позволено окончить мою записку тѣмъ же, чѣмъ заключилъ свой трудъ г. Лонгиновъ.

Въ числѣ христіанскихъ вѣрованій Чаадаева однимъ изъ самыхъ любимыхъ, изъ самыхъ утѣшительныхъ было вѣрованіе, что человѣкъ не перестаетъ жить за гробомъ, что вслѣдъ за мгновеніемъ конца безпромежуточно начинается новое существованіе. Это вѣрованіе онъ изложилъ съ неподражаемымъ блескомъ, съ чувствомъ пламеннаго, твердаго упованія и глубокаго самоотверженія въ одномъ изъ самыхъ великолѣпныхъ изъ своихъ произведеній [1]). Его хоронили въ недѣлю Пасхи. Провожавшій его въ вѣчное жилище священникъ Н. А. Сергіевскій, въ краткую минуту проповѣди, принесъ поздравленіе отшедшему съ царемъ дней, со днемъ великаго христіанскаго торжества. И величаво-трогательно, и невыразимо отрадно произнеслись обращенныя ко гробу его слова:

«Умершій о Христѣ братъ, Христосъ воскресе!»

---

[1]) Въ письмѣ къ Михаилу Өедоровичу Орлову.

1865.
Декабрь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Въ пущее время столкновенія и распри между партіей «славянофильской» и такъ-называемой «западной», Языковъ написалъ посланіе «*Къ не-нашимъ*», которое сначала ходило по рукамъ безъ его имени, а вскорѣ потомъ уже и съ именемъ. Это посланіе «западную» партію очень разсердило. Энергическій Герценъ объявилъ, «что бездоказательное обвиненіе людей въ измѣнѣ отечеству есть оскорбленіе чести, и что извѣстно, какъ разрѣшаются обиды этого рода». Вызова однако же никто не поднялъ. Вотъ это посланіе:

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И онѣмечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возгласъ!
Кто-бъ ни былъ ты,—одноплеменникъ
И братъ мой,—жалкой ли старикъ,
Ея торжественный измѣнникъ,
Ея надменный клеветникъ,
Иль ты, сладкорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей-невѣждъ,
Ты, легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ;
Иль ты, невинный и любезный
Поклонникъ темныхъ книгъ и словъ,
Восприниматель слезный
Чужихъ сужденій и грѣховъ:
Вы, людъ заносчивый и дерзкій
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью къ родинѣ; не тотъ
Огонь чистѣйшій, пламень ясный
Васъ поднимаетъ. Въ васъ живетъ
Любовь не къ истинѣ и къ благу.
Народный гласъ—онъ Божій гласъ.

Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.
Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ.
Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, безсмысленно звучатъ,
Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ.
Ихъ презираетъ гордость ваша.
Святыня древняго Кремля,
Богатство, сила, крѣпость наша,
Ничто вамъ. Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
Вы страшны ей. Вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны.
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить
И не умѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ.
Крѣпка, надёжна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!....

Почти одновременно тотъ же Языковъ написалъ слѣдующее посланіе къ К. С. Аксакову, въ которомъ его укоряетъ за знакомство и пріязнь съ Чаадаевымъ. Это стихотвореніе Чаадаевъ тогда же читалъ и при чтеніи остался совершенно спокойнымъ:

Ты молодецъ! Въ тебѣ прекрасно
Кипитъ, бурлитъ младая кровь,
Въ тебѣ возвышенно и ясно
Святая къ родинѣ любовь
Пылаетъ. Бойко и почтенно
За Русь и нашихъ ты стоишь;
Объ ней поешь ты вдохновенно,
Объ ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
Намного, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродѣтельныхъ царей,
Могучихъ силою родною,
Ты ей желаешь. Милъ мнѣ ты.
Сіяютъ свѣтлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мнѣ. Но туже руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ

И ненавидитъ всей душой,
И кто, нѣметчинѣ лукавой
Передался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой
Идетъ — блистательный лакей....
А православную царицу
И матерь русскихъ городовъ
Смѣнять на пышную блудницу
На вавилонскую готовъ!....
Дай руку мнѣ. Смѣлѣй, мужайся,
Святымъ надеждамъ и мечтамъ
Вполнѣ служи, вполнѣ ввѣряйся,
Но не мирволь своимъ врагамъ.

Посланіемъ «*Къ нé-нашимъ*» овладѣли и стали, сколько силъ и возможности у нихъ было, его распространять кое-какіе люди, желавшіе примкнуться къ славянофиламъ, но объ которыхъ славянофилы не хотѣли и слышать, и которыхъ они неумолимо отъ себя отвергали. Сколько мнѣ извѣстно, Аксаковъ не отвѣчалъ Языкову на его обвиненіе въ общеніи съ Чаадаевымъ, но написалъ, съ своей стороны, стихотвореніе:

КЪ СОЮЗНИКАМЪ.

Не та надежда въ вамъ слетѣла,
Не то даетъ огонь сердцамъ,
Не за одно стоимъ мы дѣло:
Вы чужды и противны намъ.
Ты, съ вида кающійся мытникъ,
Россіи самозванный сынъ,
Ея непрошеный защитникъ,
На все озлобленный мордвинъ;
Ты, нарицательное имя [1]),
Мѣстоименье подлеца,
Гласящій къ Господу «смири мя»
И днесь смиренный до льстеца;

---

[1]) Это то же самое лицо, которое выслужило отъ Н. Ф. Павлова, можетъ быть, самую мастерскую изъ его образцовыхъ эпиграммъ:

Иной всю жизнь дѣля въ заботахъ
Вотще трудится до конца;
Иной подъ старость кровью, пѣтомъ,
Получитъ имя подлеца.
Но ты не работалъ упорно,
Извѣстности не долго ждалъ;
Ты, безъ труда, легко, проворно
Во цвѣтѣ лѣтъ его снискалъ.
Не по лѣтамъ ты богомоленъ,
На угожденья не спѣсивъ,
Не по лѣтамъ низкопоклоненъ,
Не по лѣтамъ благочестивъ.

И ты, писатель запоздалый,
Классическихъ носитель узъ,
Великій злостью, тѣломъ малый
Упрямый почитатель музъ;
И много мелочи ничтожной
(Ее и глазъ не разберетъ),
Но разъяренный, но тревожный,
Но злой и мстительный народъ.
Не съединитъ насъ буква мнѣнья,
Во всемъ мы разны межъ собой,
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ сильный и простой.
Нѣтъ,... васъ не примемъ мы къ обѣту,
Не вамъ внимать родному зву:
Мы отказали Маржерету,
Какъ шли освобождать Москву;
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой!....

Наконецъ, Языковъ обратился лично съ ругательнымъ посланіемъ прямо къ самому Чаадаеву. Это посланіе хранилось въ большой тайнѣ и подъ великимъ спудомъ, чтобы какъ-нибудь про него не провѣдалъ Чаадаевъ. Чаадаевъ дѣйствительно, при жизни Языкова, его никогда не читалъ. Я самъ могъ его получить слѣдующимъ образомъ. Слышавши, что оно существуетъ, прямо попросилъ его у А. С. Хомякова, женатаго, какъ извѣстно, на родной сестрѣ Языкова. Хомяковъ сію же минуту мнѣ отказалъ, говоря, что «черезъ меня можетъ узнать про него Чаадаевъ». «А если, Алексѣй Степановичъ,—я возразилъ,—я вамъ честнымъ словомъ обѣщаюсь Чаадаеву никогда про него не говорить, и никогда ему не показывать?» — «Въ такомъ случаѣ,—смѣясь отвѣчалъ Хомяковъ,—я вамъ, разумѣется, его дамъ». Такъ оно ко мнѣ и попало. Вотъ это посланіе, и по достоинству поэтическому, и по одушевленію гнѣва, и по глубокой, томительной патріотической тоскѣ, и по блеску и звону стиховъ чуть ли не самое прекрасное изъ всѣхъ, вышедшихъ изъ-подъ столько знаменитаго, въ свое время, пера Языкова:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ....
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!....
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ....
И ты еще не сокрушенъ....

Ты все стоишь, красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!?....
Ты цѣлъ еще....! тебѣ понынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ;
Твоей насмѣшливой гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ....
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать!?....
На все, на все, что намъ священно,
На все, чѣмъ Русь еще жива....
Тебя мы слушаемъ смиренно....
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами;
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И небрезгливымъ языкомъ....
А ты тѣмъ выше.... тѣмъ ты краше....
Тебѣ любезенъ этотъ срамъ....
Тебѣ пріятно рабство наше....
О горе намъ.... о горе намъ....!!

Въ то время на Языкова многіе очень прогнѣвались. Я самъ слышалъ, какъ одинъ изъ самыхъ благородныхъ представителей «западнаго» направленія говорилъ публично, кому было угодно слушать, что «писать подобнаго рода стихи, швырять изъ-подъ покровительства спинной чахотки — (Языковъ тогда уже умиралъ) — въ честныхъ людей каменьями, на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ государствахъ, кто бы того ни дѣлалъ, зовется подлостью». Здѣсь не мѣсто разбирать, сколько преувеличеннаго и не совсѣмъ правосуднаго было въ такомъ разъяренномъ и страстномъ негодованіи. Надѣюсь это исполнить въ другой работѣ.

Ходило еще по рукамъ «посланіе къ Языкову» К. К. П—ой, мнѣнія котораго можно раздѣлять или не раздѣлять, съ господствующей мыслью котораго можно соглашаться или не соглашаться, но которое, однако же во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, стоитъ того, чтобы быть сохраненнымъ:

Но въ мірѣ будь величественъ и святъ.
Языковъ.

What is writ is writ.
Byron.

Нѣтъ, не могла я дать отвѣта
На вызовъ лирный какъ всегда,
Мнѣ стала нынѣ лира эта
И непонятна, и чужда.
Не признаю ея напѣва;
Не онъ въ тѣ дни плѣнялъ мой слухъ:
Въ ней крикъ языческаго гнѣва,
Въ ней злобный пробудился духъ.

Не нахожу въ душѣ я дани
Для дѣлъ гордыни и грѣха;
Нѣтъ на проклятія и брани
Во мнѣ отзывнаго стиха.
Во мнѣ нѣтъ чувства кромѣ горя,
Когда знакомый гласъ пѣвца,
Слѣпымъ страстямъ безбожно вторя,
Вливаетъ ненависть въ сердца.
И я глубоко негодую,
Что тотъ, чья пѣснь была чиста,
На площадь музу шлетъ святую,
Вложивъ руганья ей въ уста.
Мнѣ тяжко знать и безотрадно,
Какъ дышетъ страстной онъ враждой,
Чужую мысль карая жадно
И роясь въ совѣсти чужой.
Мнѣ стыдно за него и больно
И вмѣсто пѣсенъ, какъ сперва,
Лишь вырываются невольно
Изъ сердца горькія слова.

II.

Вскорѣ послѣ февральской революціи 1848 г., Чаадаевъ получилъ по городской почтѣ письмо. Это письмо, на очень щеголеватомъ и видимо выработанномъ французскомъ языкѣ, къ сожалѣнію, кажется, пропавшее, было за подписью «Louis Colardeau». Въ немъ г. Колардо «заявлялъ себя врачемъ, изучавшимъ преимущественно душевныя болѣзни и только что прибывшимъ изъ Парижа, города, какъ извѣстно, въ настоящее время переполненнаго безумцами всякаго рода. Пріѣхавъ въ Москву, г. Луи Колардо поспѣшаетъ обратиться къ г. Чаадаеву, субъекту для него чрезвычайно занимательному, любопытному и интересному, сумасшествіе котораго, вообще давно и хорошо извѣстно и состоитъ въ томъ, что г. Чаадаевъ, будучи пустымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, себя воображаетъ геніемъ. Г. Луи Колардо предлагаетъ г. Чаадаеву свои медицинскія услуги безвозмездно, и проситъ его ихъ принять, какъ личное и значительное для него, г. Колардо, одолженіе, потому что онъ полагаетъ возможнымъ совершенное излеченіе г. Чаадаева, что неотмѣнно навсегда упрочитъ его будущность, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежели ему посчастливится исцѣлить субъекта столько замѣчательнаго и интереснаго, какъ г. Чаадаевъ, то онъ съ основательностью можетъ искать и надѣяться мѣста врача при графѣ Мамоновѣ [1]), и тѣмъ на вѣчныя времена обезпечить свое положеніе».

---

[1]) Въ длинный періодъ времени всѣмъ извѣстный умалишенный, одинъ изъ самыхъ высоко-родовитыхъ и самыхъ богатыхъ людей въ Россіи.

Одновременно съ этимъ такихъ писемъ, говорятъ, было послано числомъ до семидесяти къ разнымъ лицамъ, Чаадаеву знакомымъ. Въ нихъ значилось тоже самое съ тѣмъ измѣненіемъ, что этихъ лицъ, болѣе или менѣе Чаадаеву дружныхъ, г. Колардо проситъ похлопотать, «чтобы тотъ согласился у него лечиться».

Чаадаевъ очень скоро — дня черезъ три — открылъ настоящаго составителя письма, и въ своемъ дознаніи обнаружилъ примѣчательныя и несовсѣмъ ожиданныя остроуміе, проницательность и сметку. Дѣйствія и впечатлѣнія письмо на него никакого не произвело, и къ нему онъ остался совершенно равнодушенъ. Имя составителя онъ безъ замедленія сейчасъ же объявилъ всякому, кто его желалъ узнать. Въ обществѣ объ письмахъ не было ни одного благопріятнаго отзыва. Ихъ автора всѣ, безъ исключенія, порядочные люди именовали негодяемъ, дрянью, шафкой, дворняшкой и тому подобными, малое уваженіе внушающими названіями.

Очень жаль, что отвѣтъ, написанный Чаадаевымъ не г. Луи Колардо, а настоящему корреспонденту, впрочемъ никогда по адресу не отправленный, тоже пропалъ. Въ немъ значилось, что «такой-то ***, себя воображающій ужасающимъ насмѣшникомъ и грознымъ бичевателемъ, на самомъ дѣлѣ не иное что есть, какъ жалкое, маленькое, безсильное существо, переполненное завистью и желчью».

Про это крошечное грязное дѣльцо я и поминать бы не сталъ, еслибы скрывавшійся подъ именемъ Колардо впослѣдствіи не стяжалъ очень большой и очень плачевной извѣстности постыднымъ процессомъ, про который, въ свое время, всѣ говорили, и, особенно, еслибы не ему же приписываемы были подметныя, безъименныя письма, отчасти бывшія причиною или поводомъ къ предсмертной дуэли Пушкина.

III.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ начали урывками и мелькомъ появляться въ иностранной печати кое-какія свѣдѣнія о Чаадаевѣ. Первый объ немъ, если не ошибаюсь, заговорилъ маркизъ Кюстинъ (1839). Эти, впрочемъ, весьма рѣдкіе случаи трогали его въ весьма малой и незначительной степени. Не то произошло, когда въ европейской печати сталъ высказываться Герценъ. Отъ перваго его объ немъ отзыва Чаадаевъ пришелъ въ восхищеніе, даромъ, что до его извѣстности дошла только книга: «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». До другихъ онъ не дожилъ. Это восхищеніе было еще тѣмъ полнѣе и живѣе, что про дѣятельность Герцена онъ провѣдалъ при особенныхъ, по свойству его личности отмѣнно лестныхъ обстоятельствахъ.

Про существованіе книги ему первый сказалъ графъ А. Ѳ. Орловъ, въ самой середкѣ лѣта случившійся въ Москвѣ проѣздомъ въ свои воронежскія деревни или изъ нихъ. Въ разговорѣ графъ Орловъ замѣтилъ, что «въ книгѣ изъ живыхъ никто по имени не названъ, кромѣ тебя (его, Чаадаева) и Гоголя, потому должно быть, что къ вамъ обоимъ ничего прибавить и отъ васъ обоихъ ничего убавить, видно, ужъ нельзя». Такой отзывъ, исполненный льстивой, утонченной вкрадчивости, сдѣланный человѣкомъ, неизмѣримо высоко поставленнымъ по общественному положенію, но не по отношенію письменно-литературному, упоительно поласкалъ самолюбіе и тщеславіе Чаадаева, и, понятно, что имъ онъ былъ приведенъ въ состояніе неограниченнаго довольства.

Кажется въ тотъ же день и ужъ никакъ не позднѣе другого, Чаадаевъ написалъ и отослалъ къ графу Орлову далѣе приведенное письмо, про которое я не берусь говорить ниже одного слова, потому что оно само себя достаточно рѣзко, неумолимо и безпощадно характеризуетъ. Письмо, какъ оно того съ избыткомъ заслуживало и какъ того ожидать слѣдовало, осталось и безъ всякаго отвѣта, и безъ всякаго вниманія. Вотъ это непонятное, удивительное произведеніе, которое можетъ служить чрезвычайно удачнымъ и чрезвычайно рѣдкостнымъ образчикомъ непостижимыхъ противорѣчій человѣческаго сердца:

«М. Г.
Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

«Слышу, что въ книгѣ Герцена мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ моими мнѣніями. Хотя изъ словъ вашего сіятельства и вижу, что въ этой наглой клеветѣ не видите особенной важности, однако не могу не опасаться, чтобы она не оставила въ умѣ вашемъ нѣкотораго впечатлѣнія. Глубоко благодаренъ бы былъ вашему сіятельству, еслибъ вамъ угодно было доставить мнѣ возможность ее опровергнуть, и представить вамъ письменно это опроверженіе, а можетъ быть и опроверженіе всей книги. Для этого, разумѣется, нужна мнѣ самая книга, которой не могу имѣть иначе, какъ изъ рукъ вашихъ.

«Каждый русскій, каждый вѣрноподданный Царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ?

«Смѣю надѣяться, ваше сіятельство, что благосклонно примете мою просьбу и если не заблагоразсудите ее исполнить, то сохраните мнѣ ваше благорасположеніе.

«Честь имѣю быть....»

Для чести графа Орлова и приличная свойство его отношеній къ Чаадаеву, я осмѣливаюсь предполагать, что этимъ письмомъ онъ былъ и удивленъ и опечаленъ тяжко. Онъ слишкомъ хорошо зналъ цѣну подобныхъ заявленій и, конечно, не считалъ Чаадаева въ числѣ тѣхъ, отъ кого ихъ слѣдуетъ ждать. Имъ должно было овладѣть грустное и отчаявающее разочарованіе, унылое, безотрадное раздумье, неожиданное горькое презрѣніе къ тому, что привыкъ уважать, чувство обмана, особенно и нестерпимо гнетущаго въ періодъ послѣдняго склона годовъ жизни. Сколько я понимаю, онъ и любилъ Чаадаева и принималъ его особенно охотно именно за независимость характера. Сколько до меня дошло изъ ихъ разговоровъ, мнѣ кажется, что графу Орлову въ нихъ именно нравилось отсутствіе оффиціальности, столько рѣдко ему попадавшееся, или лучше, совсѣмъ никогда не встрѣчавшееся. Нѣкоторыя выраженія и даже цѣлыя мысли, которыя изъ этихъ разговоровъ я запомнилъ, показываютъ, что графъ Орловъ въ нихъ отводилъ душу, говорилъ почти на распашку, какъ съ такимъ человѣкомъ, на котораго вполнѣ полагается и отъ котораго ожидать никакой измѣны и въ голову придти не можетъ. Въ этой мысли я еще болѣе утвердился, когда гораздо спустя услышалъ отрывочные пересказы о свиданіяхъ Николая Ивановича Тургенева съ графомъ Орловымъ въ Парижѣ въ 1856 году, и замѣтилъ, что тонъ этихъ разговоровъ, исполненный самой милой, веселой любезности, совершенно свободный, независимый, чуждый постороннихъ соображеній и заднихъ мыслей, имѣлъ поразительную родственность съ тономъ отношеній графа Орлова къ Чаадаеву.

Очень скоро послѣ написанія и отправки письма къ графу Орлову, копію съ него Чаадаевъ прислалъ ко мнѣ, въ тоже время назначая на другой день съ нимъ гдѣ-то вмѣстѣ обѣдать. Когда мы передъ обѣдомъ сошлись, Чаадаевъ стоялъ спиной къ печкѣ, заложивъ руки за спину. Я подалъ ему письмо и сказалъ, что «не мнѣ же растолковывать значеніе его поступка, что онъ самъ лучше всякаго другого его понимаетъ, но что только не могу постигнуть, для чего онъ сдѣлалъ такую ненужную гадость?» [1]) Чаадаевъ взялъ письмо, бережно его сложилъ въ маленькій портфельчикъ, который всегда носилъ при себѣ и, помолчавъ съ полминуты, сказалъ: «Mon cher, on tient à sa peau». Больше объ этомъ предметѣ между нами никогда не было сказано ни слова.

Думаю, что это самая крупная и единственная низость этого рода, сдѣланная имъ въ продолженіе всей жизни, безъ сомнѣнія неизвинительная, но, надобно признаться, много изъясняемая возрастомъ въ то время уже преклоннымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ здоровья, а главнымъ образомъ общими нравственными разстройствомъ и упадкомъ отъ стѣсненнаго матеріальнаго положенія.

---

[1]) Выраженіе, которое я употребилъ, было «bassesse gratuite».

Послѣ его смерти мнѣ очень хотѣлось письмо показать Герцену. Случайное и должно быть предопредѣленное обстоятельство тому помѣшало. Какъ ни заботился я, уѣзжая изъ Россіи, взять его съ собой, однакожъ забылъ у себя подъ замкомъ въ деревнѣ. Сказывать же про него Герцену, не имѣя въ рукахъ неопровержимаго доказательства, не посмѣлъ, будучи увѣренъ, что онъ отнесся бы ко мнѣ съ презрительнымъ недовѣріемъ и, судя по всему вѣроятію, заподозрилъ бы въ низкой и наглой клеветѣ. Такимъ образомъ Герценъ и умеръ, не испытавъ этого разочарованія, быть можетъ, не самаго легкаго изъ всѣхъ безчисленныхъ, его постигшихъ.

IV.

Въ моей запискѣ я слишкомъ много говорилъ о самолюбіи и тщеславіи Чаадаева, и, сколько мнѣ кажется, слишкомъ мало указалъ на тѣ побудительныя причины и поводы, которые въ немъ эти недостатки развили почти до безумія. Нечего поминать про то, сколько и какъ онъ былъ избалованъ въ семействѣ. Потомъ, вступивъ въ свѣтъ, сдѣлался жертвой многочисленныхъ, часто фанатическихъ поклоненій, которымъ не переставалъ подвергаться до конца жизни. Цѣлое его существованіе было почти непрерывнымъ рядомъ хроническихъ похваливаній, которыя тѣмъ и были опаснѣе, что не носили на себѣ характера уличныхъ овацій, а къ нему неслись, какъ невольная дань свободно и симпатично склонявшихся индивидуальныхъ умовъ и даже сердецъ. Отъ рѣдкаго изъ замѣчательныхъ людей въ Россіи своего времени онъ не получилъ хоть какого-нибудь болѣе или менѣе лестнаго комплимента. Я уже упоминалъ, какъ рано онъ привлекъ къ себѣ расположеніе императора Александра I. Съ самой первой молодости два великихъ князя [1]) сдѣлали его предметомъ своего особеннаго вниманія. Положеніе, въ отношеніи къ нему принятое Пушкинымъ, извѣстно. Баратынскій, навѣщая его на страстной недѣлѣ, говорилъ ему, что «въ эти великіе и святые дни не находитъ лучшаго и болѣе достойнаго употребленія времени, какъ общеніе съ нимъ». Менѣе знаменитые его знакомые выступали съ неменѣе соблазнительными изъявленіями. Иной, пріѣхавши къ нему въ первый разъ и не заставъ дома, входитъ въ квартиру и ее осматриваетъ, а потомъ свое поведеніе изъясняетъ тѣмъ, что «желалъ видѣть помѣщеніе геніальнаго человѣка»; другой проситъ у него позволенія пріютиться подъ сѣнью его колоссальной «фигуры»; третій въ письмѣ доводитъ до его свѣдѣнія, что «считаетъ его изъ однимъ замѣчательнѣйшихъ людей

---

[1]) Константинъ и Михаилъ.

своего времени и своей страны»; и т. д.... [1]) Всѣхъ случаевъ подобнаго рода не перечтешь. А. С. Хомяковъ, никогда, ни съ кѣмъ и нигдѣ не ронявшій своего достоинства, ревниво, подозрительно, строго-заботливо стерегшій свою независимость и свою самостоятельность, даже и насупротивъ такихъ личностей, вблизи которыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ исчезаетъ всякая независимость, передъ которыми пропадаетъ и стушовывается все окружающее, спокойно выносилъ различныя «выходки» Чаадаева, часто неумѣстныя, и даже иногда несовсѣмъ учтивыя [2]), съ нѣкоторой горечью на нихъ жаловался, и въ отвѣтъ тѣмъ, кто упрекалъ его въ излишнемъ долготерпѣніи, говорилъ: «ну, съ нимъ ссориться мнѣ не хочется». Герценъ, всегда ко всѣмъ безъ исключенія столько взыскательный и непреклонно-безпощадный, не находилъ предосудительнымъ никакого поступка Чаадаева, и въ какую бы ни впадалъ онъ непростительность, всегда изобрѣталъ ей разумное изъясненіе и придумывалъ благовидное оправданіе. Объ томъ, какъ онъ былъ забалованъ женщинами, можно было бы исписать нѣсколько страницъ. Князь Ив. С. Гагаринъ публично признавался, что перешелъ въ римское исповѣданіе обращенный Чаадаевымъ. Человѣкъ очень богатый, образа мыслей болѣе нежели независимаго, съ большою наклонностью къ фрондёрству и оппозиціи, говорунъ искрометный и разнообразный до ослѣпительности, одно время очень блистательный и видный въ московскомъ обществѣ, съ не мѣшающей ничему репутаціей отмѣнно храбраго солдата, никогда, (когда то признавалъ нужнымъ) не оставлявшій безъ спора и безъ противорѣчія всесильныхъ словъ тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, безпредѣльно всемогущаго князя Д. В. Голицына,—Александръ Сергѣевичь Цуриковъ, оканчивалъ свои письма къ Чаадаеву словами: «je baise vos pieds, maître cher et respectable». Въ концѣ тридцатыхъ годовъ (1839) онъ передѣлалъ на французскій языкъ извѣстное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи». Свою передѣлку напечаталъ отдѣльной книжкой, и даря брошюрку Чаадаеву, сдѣлалъ на ней слѣдующую надпись: «могущественному властителю думъ и мыслей, высокому апостолу и проповѣднику истины, пламенно уважаемому и любимому наставнику и другу». Пускай, кто угодно разсудитъ, есть ли возможность, чтобы такой ѳиміамъ не подѣйствовалъ, чтобы такія похвалы не упоили, чтобы такія поклоненія не возбудили гордости, тѣмъ болѣе, что въ глаза бросается, что они могли быть привлечены ничѣмъ другимъ, какъ исключительно только одной личностью Чаадаева и тѣми духов-

---

[1]) Двое изъ этихъ господъ, люди совершенно независимые и безъ всякаго общеизвѣстнаго пятна, были конечно искренни. Это правда, что третій принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ брань и ругательство почетнѣе ихъ похвалы.

[2]) Эти выходки въ отношеніи къ Хомякову были чрезвычайно рѣдки и очень умѣренны, однакожъ были: имъ подвергались всѣ безъ исключенія, слишкомъ часто съ Чаадаевымъ видѣвшіеся.

ными благами и нравственными наслажденіями, которыя могло доставить съ нимъ общеніе, а не вещественными выгодами, не осязательными наглядными преимуществами, надѣлять которыми по своему положенію онъ не имѣлъ возможности [1].

М. Жихаревъ.

---

[1]) Даже люди брутально свирѣпые, озлобленные, не терпѣвшіе образа мыслей Чаадаева, всегда готовые заявить къ этому образу мыслей ненависть и презрѣніе; при такихъ заявленіяхъ, по недостатку воспитанія и свѣтскости, почти никогда не умѣвшіе отдѣлить личности отъ мнѣній; грубымъ и наглымъ образомъ поражая мыслителя, всегда мужицки неловко хватавшіе булыжникомъ и по человѣку, и тѣ иногда приходили въ себя и выдвигались съ обворожительными предупредительностями. Когда въ Москвѣ выстроили и открыли нынѣшній малый театръ, тогдашній театральный директоръ М. Н. З., человѣкъ многостороннихъ и разнообразныхъ извѣстностей, — (про него придумана была одною изъ современныхъ знаменитостей слѣдующая, столько же колкая, обидная, сколько и несправедливая острота, будто «въ устахъ подобныхъ людей, что̀ бы ни произнесли они, все лживо, глупо и отвратительно; что еслибы имъ пришлось сказать, что два и два четыре, то, конечно, отъ нихъ и это всякому показалось бы и невѣрнымъ, и не умнымъ, и низкимъ»), — въ первый разъ, когда пріѣхалъ въ него Чаадаевъ, предложилъ ему «не угодно ли его осмотрѣть», и этотъ осмотръ произвелъ такъ, какъ будто театръ показывалъ какому начальству. Любезностью З.... Чаадаевъ былъ очень доволенъ. Въ городѣ объ ней заговорили. З.... же на вопросъ: «какой цѣли ради онъ совершилъ эту демонстрацію»? отвѣчалъ, что «давно искалъ случая публично показать Чаадаеву почтительное вниманіе, великодушно прощая ему его слабости, отпуская пороки, снисходя къ прегрѣшеніямъ, все-таки видя въ немъ человѣка съ несовсѣмъ дурными зачатками» (Чаадаеву тогда было пятьдесятъ годовъ), «и, въ сущности, благодушнаго, болѣе несчастнаго нежели виновнаго, испорченнаго уродливымъ, безтолковымъ, неблагоразумнымъ, недовольно благочестивымъ воспитаніемъ, пагубными примѣрами, растлѣвающей средой, ослѣпленнаго и лишеннаго основательности безумца, но не закоренѣлаго и сознательнаго преступника». Извѣстно, что еще гораздо прежде З....., въ одной изъ своихъ комедій, вывелъ Чаадаева на сцену, въ свѣтѣ, которому старался придать характеръ мало привлекательный, смѣшной и неблаговидный.

ЛѢШІЙ ОБОШЕЛЪ.

НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Тихо, незамѣтно у насъ въ Арменкахъ проходитъ «новый годъ». Знаютъ, что на утро будетъ Васильевъ день, а что «новый годъ» будетъ, такъ это ты поди прежде грамотѣ поучись,— въ календарѣ почитай... Ничего намъ пока, кромѣ новаго горя и новыхъ заботъ, не приносили эти «новые годы»-то. Вотъ Васильевъ вечеръ, особенно ежели Васильевъ день, такъ это у насъ всѣ знаютъ и почитаютъ: оттого, что вечеромъ этимъ дѣвки гадаютъ, парни рядятся медвѣдями и пугаютъ по селу бабъ. Самый праздникъ пуще того намъ памятенъ, потому, можетъ, еще прадѣды-то наши знали, что этимъ временемъ надо уходить въ село Васильевское, въ двухъ верстахъ отъ насъ—потому въ этотъ день престолъ тамъ бываетъ. Ну, ужъ и празднуютъ же наши мужики въ Васильевскомъ! Цѣлый вечеръ, съ сумерекъ и до самой полуночи, ходятъ они изъ одной избы въ другую и все угощаются: попьютъ у одного, пойдутъ,—къ другому, отъ этого къ третьему, да такъ изъ конца въ конецъ и обойдутъ подъ-рядъ всѣ избы въ селѣ. За то ужъ, какъ вернутся съ праздника, никого изъ нихъ узнать невозможно: точно они изъ-подъ Севастополя домой воротились, всѣ въ ранахъ и увѣчьяхъ....

— Н-ну, праздникъ! скажутъ наши, которые оставались дома и не ходили въ Васильевское, и руками даже отъ ужаса при этомъ разводятъ.—Эка, угостились-то, образа человѣческаго ни на комъ нѣтъ... Ахъ, вы прокаженные, прокаженные!

А прокаженнымъ совсѣмъ ужъ не до того: поскорѣе схватятъ изъ дома, что попало на глаза, и прямо въ кабакъ, либо

трактиръ! Съ недѣлю пьютъ, чтобы оправиться, и развѣ только къ Крещенью мало-мальски очувствуются. Всю эту недѣлю по селу плачъ и ревъ идетъ...

— Иродъ! да што-жъ ты это дѣлаешь? голоситъ какая-нибудь баба! — Гдѣ у тебя полушубокъ-то?

— Н-нѣ-ѣ-тъ, подожди, каторжникъ, за женнину одежду приниматься! происходитъ на улицѣ, въ очью всѣхъ, борьба между двумя супругами. Свою-то одежду прогулялъ, теперь за тестево приданое принимаешься. — Мучь, уродуй! Я все перетерплю, а приданаго моего тебѣ пропивать не дамъ! Мнѣ бабушка-то его собирала-собирала...

— Опусти! вопитъ супругъ. Я тебѣ такую бабку задамъ!... а?.. Я въ полномъ положеньѣ, а ты?.. Ты законъ-то видно позабыла? Накось, что вздумала: супротивъ Господнева закона?

А трактирщикъ нашъ, Вонифатій Михайлычъ, выдетъ въ барашковомъ тулупѣ на расписное крылечко и глядитъ, какъ мужикъ съ своей бабой управляется, — и посмѣивается.

— Ничего! Я вытерплю! не перестаетъ оглашать улицу бабій голосъ.

— Увидимъ! У-увидимъ! Я погляжу, какъ ты это стерпишь... Опусти!.. Ты знаешь ли, что бываетъ за неповиновеніе—умереть на мѣстѣ? Да я тебя къ мировому сичасъ, а то и прямо къ преосвященнѣйшей владыкѣ? Вѣдь за эвто, Стешка, ахъ какъ съ тебя взыщутъ! Законъ, дура!.. Поняла ли? Да лучше ужъ отдай сарафанъ по любови! Что тебѣ въ немъ? Невидаль какую-нашла?

— Ай, Евклей! Вотъ молодецъ, сичасъ умереть, хвалитъ мужика Вонифатій Михайлычъ:—какъ онъ женѣ законъ-то преподаваетъ!

— Да, внушаетъ знатно! покрикиваетъ изъ окна цѣловальникъ, высунувши на улицу свое румяное лицо. Вѣдь вотъ, сосѣдъ, человѣкъ, кажись, не ученый, а не хуже любого попа законъ этотъ помнитъ. Дастся же человѣку такой разумъ.

А человѣкъ съ такимъ разумомъ ужъ стрѣлой несется въ кабакъ, держа въ рукахъ отнятый сарафанъ...

Кабакъ въ Арменкахъ изъ старины, никто и не запомнитъ, когда онъ завелся, а трактиръ у всѣхъ на памяти: ровно шестнадцать годовъ, какъ пріѣхалъ въ село Вонифатій Михайлычъ, и построилъ на мужицкой землѣ, подлѣ самаго кабака, большой деревянный домъ, а спустя этакъ года три еще подстроилъ и вывелъ другой этажъ. Очень выгодно ему у насъ содержать трактиръ: по середамъ базары, народа всякаго съѣзжается нѣсть числа, а что до прислуги, такъ наши мужики больше за даромъ

отправляютъ у него должность половыхъ и много остаются довольны, когда Вонифатій Михайлычъ поподчуетъ за услугу стаканчикомъ водки. Обыкновенно мы для трактирщика всякую вещь дѣлаемъ сообча, всѣмъ селомъ: воду носимъ ему, дрова рубимъ, и въ городъ съ нимъ за покупками ѣздимъ. За то и Вонифатій Михайлычъ насъ не оставляетъ: сиди у него сколько душѣ угодно, никогда онъ тебя не выгонитъ, словомъ дурнымъ не обзоветъ, развѣ только кто пьянъ въ кабакѣ напьется да къ нему ругаться придетъ, того, извѣстное дѣло, въ три жилы.

Часто, зимней порою, забираемся мы въ трактиръ и просиживаемъ тамъ долгіе вечера: кто сидитъ и пьетъ чай, кто водку; больше однако такъ, праздно время проводятъ, на разговорахъ, потому у насъ въ карманахъ-то одна только дыра въ горсти...

Собрались мы такъ-то однажды подъ новый годъ къ Вонифатію Михайлычу и посиживаемъ. Онъ намъ чайку собралъ, потому мы ему этимъ днемъ хлѣвъ для скотинки исправили, и стойло лошадямъ оборудовали.

День былъ простой, небазарный, и потому, кромѣ своихъ, никого въ этотъ вечеръ изъ гостей не случилось въ трактирѣ. Забрались мы, выходитъ дѣло, въ большую комнату, самую лучшую. Вонифатъ оклеилъ ее газетами, да генералами конными, «дворянскою» звалъ. На столѣ свѣча горѣла, а въ углѣ топилась желѣзная печка, смотрѣть любо. И про зиму забыли мы, въ этой благодати сидѣвши. Въ окна нѣтъ-нѣтъ да снѣгомъ ударитъ, на улицѣ вѣтеръ воетъ, а намъ и горюшка мало. Вой, молъ, сколько твоей душѣ угодно. Намъ здѣсь тепло.

Подошелъ тутъ къ нашей компаніи Ѳедоръ Григорьевъ,— Галченкомъ звали. Христосъ знаетъ, почему его такъ прозвали, да и не одного его, а и отца и дѣдушку такъ величали. Когда отецъ и дѣдъ находились въ живыхъ, въ селѣ ихъ такъ отличали одинъ отъ другого—Галченокъ самый старый, Галченокъ середній и Галченокъ молодой. Старые галчата примерли, остался одинъ молодой, и ужъ съ тѣхъ поръ его стали звать просто Галченокъ. Званье это, впрочемъ, ему какъ разъ къ шерсти подходило: былъ онъ изъ себя низенькій такой, худенькій, но бойкій, шустрый мужичонка, какъ есть галка, а когда до разговоровъ дѣло доходило, такъ онъ, бывало, одинъ десятерыхъ переговоритъ!

— Чай да сахаръ, народъ честной! сказалъ онъ, проворно подходя къ столу съ полштофомъ, какой онъ прихватилъ у трактирщика. Можно мнѣ къ вашей бесѣдѣ присѣсть?

— Садись, садись! пошутили мы съ нимъ.—Мѣста у насъ

хоша и немного, а для твоего полштофа найдемъ,—раздвинемся. Присаживайся!

— Галченокъ усѣлся и полуштофъ предъ собой на столъ поставилъ.

— Да тебя, милый человѣкъ, съ чѣмъ не поздравить ли? освѣдомлялся у Галченка Максимъ кривой и по плечу его хлопнулъ.

— Я сюда отъ Фектиста-дворника, отвѣчалъ Галченокъ.— Встрѣтилъ у него проѣзжаго нерехчала, запродалъ ему малость пеньки...

— Вотъ это любезное дѣло! радостно заговорили чаевники. Значитъ ты намъ таперича чай-то нашъ винцомъ смочишь?.. Это ты, галка, хорошо выдумала,—даромъ что птица!..

— Мы выдумаемъ,—похвалился Галченокъ, наливая стаканъ. Только вотъ моя бѣда, ребята, сплоховалъ я, продешевилъ пеньку-то. Кабы не подушныя, деньгу бы хорошую я за нее на базарѣ слизалъ.

— Разговаривай про подушныя-то! Тебѣ хоть продать было что, а мы животы-то свои разглядывали-разглядывали на дворахъ, ничего не укусили...

— И вѣдь этакой народъ продувной эти нерехчане! продолжалъ Галченокъ, выпивая за разъ стаканъ,—мало того, что цѣной они тебя нажмутъ, да еще и обвѣсить наровятъ. Какъ ни смотрѣлъ я за нимъ, а безпремѣнно онъ меня, безмѣнная душа, фунтовъ на десять обогрѣлъ!

— Еще Бога благодари, ежели на десять только. Онъ тебя на половину охватитъ, такъ и то не примѣтишь. Не даромъ про нихъ говорятъ, что нерехчане Волгу на безмѣнѣ переплыли...

Выпили мы такимъ манеромъ Галченковъ полштофъ — и сами ему на отместку ухитрились другой собрать.

— Что на дворѣ творится—страсть! Заговорилъ Галченокъ, воротившись изъ двора, куда онъ, послѣ второй выпивки, ходилъ за деньгами, какія отъ подушнаго оставались. Такъ и мятетъ, такъ и вздуваетъ, свѣта божьяго не видать! Какъ на утро намъ будетъ къ престолу идти?

— Къ престолу-то? Небойсь, къ нему сыщешь дорогу, потому, вишь, тутъ не молотить, а вино пить...

— А что, ребята, правду это толкуютъ, что въ ночь на Васильевъ день черти больно людей нудятъ? спросилъ кто-то.

— Бываютъ такіе разговоры! Самому чтобъ видѣть,—Богъ избавилъ; а на кого эта напасть находила, такъ тотъ памяти рѣшался, а то и всей жисти. Я такъ отъ старыхъ людей слыхалъ, что и мятель они же поднимаютъ: потому выходитъ этимъ

дьяволамъ на Васильевъ день воля—покружить по бѣлому свѣту до вторыхъ пѣтуховъ. Вотъ они, вылетѣвши, и примутся чудить, такъ что крыльями своими весь снѣгъ взмѣсютъ. Вотъ отчего каждый годъ на Васильевъ день крутятъ мятели-то.

— Эвто такъ: мятель нечистыя силы вздымаютъ, сказалъ Галченокъ. Дьяволъ — продувная шельма! онъ не только мятель вздыметъ, а сичасъ на себя какой угодно ликъ можетъ принять, крестьянина ли, али животины какой...

— Дѣло! Галченокъ правду сказываетъ, объ этомъ всѣ очень даже наслышаны, какъ это онъ, т.-е. переметывается въ разные образы,—согласилась компанія; а Галченокъ,—видючи, что всѣ его уважаютъ, да и кромѣ, какъ выпивши находился, здорово забахвалился и принялся мужиковъ ругать.

— Слышали, слышали,—разливая водку благопріятелямъ, словно бы писарь на сходкѣ, важно заговорилъ онъ. А что вы слышали, когда я его самъ видѣлъ своими глазами — вотъ все равно какъ васъ вижу, такъ и его видѣлъ... Пейте-кось, а я вамъ разскажу. У меня еще порядкомъ денегъ-то отъ пеньки осталось...

— Неужли же ты его самъ видѣлъ?

— Кабы не видѣлъ, такъ и не говорилъ! Вотъ прислушайте на досугѣ: разъ подъ Васильевъ день меня лѣшій обошелъ... Натерпѣлся страху, признаться! И сичасъ морозъ по кожѣ деретъ, какъ рожу его идольскую вспомяну...

— Что врешь? Будто ужъ и въ рожу видѣлъ?

— Вѣрное слово,—подтвердилъ Галченокъ. Завтра великъ-день, врать не стану!

— Какой же онъ собою изъ лица?

— Собою онъ, какъ есть настоящій человѣкъ, а лицомъ ни дать ни взять, швецъ Макаръ, какой вотъ по селамъ ходитъ и намъ полушубки шьетъ.

— Что ты! Вр-решь?

— Вѣрно слово.

— А ты побожись!

— Да по мнѣ пожалуй! Я и побожиться готовъ, потому правда была.

— Побожись большой божбой: лопни моя утроба.

— Хорошо! Лопни моя утроба! безъ всякаго испуга побожился Галченокъ этой страшной клятвой.

— Значитъ правда, братцы! Гдѣ же ты его увидѣлъ?

— А повстрѣчался я съ нимъ на пути. Тутъ еще я помню, снѣгъ высыпалъ это большой—бѣда!..

Мужикамъ такъ любопытно показалось начало Галченкова

разсказа, что многіе, бросивши чай, вылѣзли изъ за своихъ столовъ и къ намъ подошли.

— Н-ну, Галченокъ! Дѣйствуй! Разсказывай! всѣ мужики обратились на нашъ столъ съ такимъ приказомъ.

Галченокъ началъ разсказъ.

— Ровно два года прошло тому, ребята, какъ меня этотъ лѣшій обошелъ. Пошелъ я наканунѣ самаго праздника въ Васильевское, къ Василью Иванычу. Знахаря Василія Иваныча знаете? Такъ вотъ это я къ нему пошелъ. Какъ сичасъ помню, послѣ погоды, ясный такой день стоялъ: на дворѣ такъ-то важно морозъ потрескивалъ. Знатно меня о ту пору въ армяченкѣ моемъ пробрало! Ну, вѣдомое дѣло, пришелъ и говорю:— Здравствуй молъ, Василій Иванычъ!—Здорово, говоритъ, Өедоръ Григорьичъ! Садись. Пріятели мы съ нимъ, извѣстно, большіе!..

— Ну, зачалъ фастать! перебила компанія. Василій-то Ивановъ, небойся, почище насъ съ тобой. Онъ такихъ-то пріятелей отъ своей избы запоромъ по шеѣ гоняетъ. Ты намъ разсказывай про лѣшаго, а пріятство свое подъ копыту себѣ положи.

Тутъ Галченокъ разозлился и закричалъ на мужиковъ:

— А вы коли слушать взялись, такъ слушайте, не перебивайте! А еще вино мое пьете... Я вамъ все по порядку началъ объяснять, а вы галду подняли... Какъ не стыдно въ компаньи хорошей поступать такъ, на чужія деньги пимши?.. Н—ну и ладно... Пришедши, эвто я въ избу къ Василью Иванову, сѣлъ на лавку; а у него, ребята, вездѣ боченки съ виномъ понаставлены, такъ по всей избѣ духъ и разносится! На полицахъ у него рыба, пироги, — все къ престолу, значитъ заготовлено!—Я къ тебѣ за дѣльцемъ, говорю, Василій Иванычъ!— За какимъ такимъ дѣльцемъ? спрашиваетъ. — Нѣтъ ли у тебя, пріятель, травки какой: жена больно разнемоглась, животъ у ней расхватило; изъ дома, говорю, почти выжила!—Какъ не быть, есть! говоритъ.—Для тебя, для друга, найду. Далъ онъ мнѣ этой самой травы и что съ нею дѣлать написалъ на бумагѣ.—Ты, говоритъ, хошь грамотѣ и не знаешь, но все равно, когда жена выздоровѣетъ, съѣшь ты эту бумагу; а теперь вари эту траву въ трехъ кипяткахъ и послѣ горячей обкладывай кругомъ того мѣста, гдѣ у твоей жены больно. Черезъ три дня, толкуетъ, какъ рукой сниметъ! Ну, одпако, и голова же этотъ Василій Иванычъ! Какъ молвилъ, такъ и вышло: послѣ трехъ денъ у Өедоски животъ унялся, — здоровѣй прежняго, можетъ, въ десять разъ стала. Какъ корова какая разбухла. Поблагодарилъ я его, положилъ эту самую траву къ себѣ въ штаны и собираюсь уходить, а онъ: «погоди, говоритъ. Выпь-

емъ съ тобой по стаканчику!»—На праздникъ, говорю, къ тебѣ завтра приду, а нонѣ не стану...

А онъ:—«Праздникъ само собой, а нонче мы съ тобою въ честь предпраздества выпьемъ. Ну-ка, поздравь меня съ наступающимъ-то ангеломъ, вѣдь я завтра имениникъ». Какъ тутъ не выпить? Надо друга поздравить! — Ангелу твоему, говорю, желаемъ златъ вѣнецъ, а тебѣ добраго здоровья, Василій Иванычъ! Выпили. За первымъ по другому пропустили. Ну, стакашки по три мы съ нимъ тутъ и качнули. Гляжу: въ избѣ что-то темнѣть стало. Потому дѣло было на вечерѣ ужъ. Засидѣлся я у тебя, Василій Иванычъ, говорю, надо засвѣтло ко дворамъ пробираться. Прощай!—А на дорожку-то! Выпей!

Распростился я тутъ съ нимъ послѣ послѣдняго стакашка, и вышелъ на улицу. Ничего! На улицѣ еще свѣтло - засвѣтло, а подъ горой гдѣ солнышко садится, нёбушко ровно бы пожаромъ залитое, такъ и горитъ все, такъ и пылаетъ! Иду—и на благодать эту любуюсь. Думаю: какъ это Господомъ все чудесно устроено. Тамъ вонъ нёбушко, тутъ землица,—снѣжокъ хруститъ подъ ногами... А у самого на душѣ такъ-то спокойно,—такая-то теплынь по сердцу разливается. Глядь: кричитъ кто-то: Ѳедоръ Григорьичъ! Обернулся—Никита Пѣгой!—А-а! Никита Васильичъ! Съ наступающимъ! А онъ, Богъ его знаетъ, выпимши что ли былъ, или такъ баловался,—только пляшетъ себѣ лапотками по снѣгу, улыбается мнѣ—и пѣсню поетъ:

Эхъ! удалая голова!
Не-ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда!

Потомъ закричалъ: «заверни, другъ! Мимо двора не ходи!» Я ему даю отвѣтъ, что, молъ, ко дворамъ поспѣхаю,—запоздалъ! Онъ мнѣ, шутова голова, опять съ танцами своими и со смѣхомъ шумитъ: «въ раю, говоритъ, не будешь, а дома будешь! Привертывай въ хату, у насъ она топленая». Подумалъ, подумалъ,—нельзя не завернуть, мужикъ тоже хорошій—изстари мы съ нимъ хлѣбъ-соль водимъ. Съ Пѣгимъ-то, видно, тоже стакашка по два али, можетъ, и по три мы протащили! Въ избѣ ужъ лучину зажгли... Шабашъ! Никакими силами, думаю, дальше никто не удержитъ,—домой!—Пойдемъ вмѣстѣ, я хоть до околицы тебя провожу, говоритъ Пѣгой. А то будь другъ—останься до завтра, переночуй у меня! — Что ты, кричалъ я ему, нешто можно! Я съ травой, говорю, къ больной женѣ иду. Пошли! Дошли мы до околицы, а тутъ какъ разъ кабачекъ стоитъ и цѣловальникъ-то давнишняя закадыка намъ, обоимъ!..

Пропустили мы съ Пѣгимъ въ этомъ кабакѣ по малой толикѣ и на разставаньи остановились мы съ нимъ, на дорогѣ, и цѣлуемся,—вдругъ изъ села Андрюшка бѣжитъ, Матвѣевъ сынъ.—Куда?—Да вотъ на праздникъ на завтрешній, говоритъ, винца бѣгу взять! Не хотите ли испробовать?—Какъ можно! Надо поспѣшать, заповдалъ! Пѣгой меня упрашивать сталъ: завернемъ, говоритъ, Григорьичъ! Кинемъ, кричитъ, битку въ конъ,—вѣдь праздникъ завтра. Дѣла что ли за нами какія?—Оглашенный, говорю,—да ты позабылъ, что я съ травой? Вѣдь у меня жена на смертной постелюшкѣ лежитъ. Распростились! Пошелъ я,—саженъ пять отошелъ али нѣтъ,—глянулъ вверхъ, анъ ужъ тамъ мѣсяцъ взошелъ,—ночь свѣтлая! Ворочусь, думаю, опять въ кабакъ, теперича тамъ народу много, а при этакой свѣтлынѣ какъ домой не дойти. Вотъ я взялъ и повернулъ назадъ. Ну и чудесно! Сичасъ вина стаканъ спросилъ себѣ и сижу; а изъ села-то народъ такъ и валитъ къ цѣловальнику. Кто шубу несетъ ему, кто овцу тащитъ, а одинъ мужичекъ, не будь дуракъ, свинью даже къ нему приволокъ со всѣми малолѣтками. Хрюкаютъ онѣ у него въ мѣшкѣ! Смѣхъ! «Вотъ онъ праздникъ-то что, батюшка, значитъ»! Смѣялись мужики. А я тѣмъ временемъ все ко дворамъ собираюсь,—думаю про это вино: нѣтъ, молъ, шалишь,—не соблазнишь больше, сейчасъ встану и пойду, а самъ все ни съ мѣста! Только встану, хочу идти,—глядь ужъ кто-нибудь и кличетъ тебя: «Өедоръ Григорьичъ! Ну-ка съ наступающимъ-то»!.. Насилу я изъ кабака выбрался! Думаю: пьянъ я теперь: возьму ночую у Пѣгова. Вышелъ на волю—какъ ни въ чемъ — трезвый разтрезвый, какъ есть ни въ одномъ глазѣ. Коли такъ, не останусь у Пѣгова, пойду домой. А Пѣгой мнѣ и говоритъ, словно бы онъ ко мнѣ цѣлый вѣкъ пришитъ былъ: «полно тебѣ брехать! Ну, куда ты теперь домой пойдешь? Переночуй у меня, вѣдь ты ужъ совсѣмъ хмѣльной!» — Невозможно, говорю, — меня дома съ травой ждутъ... Ни за что, я не пьянъ... Ну, ребята, теперь надо выпить,—оборвалъ Галченокъ свой разговоръ и налилъ стаканы.— Надо горло промыть.

— А что-жъ ты про лѣшаго-то когда!

— Сичасъ и про лѣшаго рѣчь, отвѣчалъ Галченокъ. Потому и пью, что дѣло къ самой страсти подходитъ. Хорошо-съ! Распростились мы съ Пѣгимъ и пошелъ я въ Арменки. Иду себѣ, ничего!.. Ночь мѣсячная, вокругъ далеко видно, а снѣгъ такъ и свѣтится! Иду я и гляжу на мѣсяцъ, а мѣсяцъ такой явственный, словно живой съ нёбушка-то на меня глядитъ и будто то-есть киваетъ мнѣ и, къ примѣру, надъ моей выпивкой

усмѣхается. Взялъ и я разсмѣялся!.. И представился онъ тогда мнѣ какимъ-то знакомымъ молодцомъ! Вижу, парень знакомый, а никакъ не могу сообразить, кто онъ, изъ какого села и гдѣ я его видалъ... Засмѣялся онъ тогда надо мной пуще прежняго; а я на него въ обиду втяпался. Уставился я на него глазами и кричу: ой, не смѣйся, молодецъ! Ты можетъ думаешь, что я пьянъ? Такъ это ты напрасно, пріятель! Я можетъ потрезвѣе тебя, въ тыщу разъ; а ты вотъ такъ пьянъ, — это я вижу; а я ни чуточки, иду какъ есть трезвый жену лечить, — лекарствица ей несу — травки Господней... И что вы думаете, мужики? Мѣсяцъ-то мнѣ вслухъ и заговорилъ: «Ахъ ты, пьяница, пьяница! Какъ ты мнѣ такія слова можешь говорить? Нешто я, небесная свѣтила, могу, говоритъ, какъ ты по кабакамъ шастать да съ пріятелями вино пить. Меня за то солнышко свѣтлое въ Сибирь можетъ сослать»! Ну, думаю, мѣсяцъ-то тоже, должно быть, праздникъ-то шибко зачуялъ. Когда это съ нимъ бывало, чтобы онъ разговоръ съ простымъ мужикомъ завелъ!

Мужики разсмѣялись.

— Неужели же онъ съ тобой въявь толковалъ?

— Право слово! А что ежели со мной лѣшій встрѣнется? съ чего-то мнѣ вдругъ подумалось тогда. Да нѣтъ, какіе теперь лѣшіе, думаю: чай всѣ спятъ давно! Только, братцы, слышу позади меня ровно идетъ кто... Оглянулся. Точно идетъ высокій дѣтина въ новомъ дубленомъ полушубкѣ и кожаныхъ рукавицахъ, а на головѣ барашковая шапка надѣта. При мѣсяцѣ-то мнѣ все до ниточки видно! Нагналъ онъ меня. «Миръ дорогой, добрый человѣкъ!» говоритъ дѣтина.—Здорово и ты, коли не шутишь, говорю я, а самъ эвто гляжу ему въ лицо.— Ба! швецъ Макаръ? А парень въ дубленкѣ: «никакъ армянскій! Ты Өедоръ Григорьевъ»?—Я самый! Откуда тебя, Макаруша, Богъ несетъ? — «Да въ Аминово пробираюсь, говоритъ, управляющій женѣ салопъ хочетъ на лисьемъ мѣху дѣлать». Идемъ мы такъ-то съ швецомъ Макаромъ и разговариваемъ, — онъ шутки шутитъ, — веселый дьяволъ! и смѣется, да такъ нешто чудно смѣется. Я нѣтъ-нѣтъ да и взгляну на свово товарища, сбоку этакъ... Что за притча, думаю: онъ и швецъ Макаръ, — и словно бы не онъ! А Макарка-то, подлецъ, ужъ насчетъ дѣвокъ со мной завелъ матерію. «Деревенскія, говоритъ, мнѣ больно надоѣли, просто смерть, какъ опротивѣли. Таперича хочу, говоритъ, къ становихѣ къ одной къ молоденькой подбиться, мужъ-то у ней къ губернатору на распеканцію поѣхалъ, ну она, значитъ, таперича въ горестяхъ; а то есть у

меня еще на примѣтѣ купеческая дочка, такъ эта грохочетъ, словно малина какая перезрѣлая, такъ лишь только взглянетъ на меня, такъ вся и разваливается, такъ и раскисаетъ... Слушаю я это и мекаю въ умѣ: чудеса, думаю: швецъ Макаръ вечеръ къ Кострому пошелъ, а вѣдь до города-то пятьдесятъ верстъ отъ насъ. Неужто онъ успѣлъ оборотить? Думаю такъ-то да гляжу сбоку на Макарку.., Э-э! Да ни какъ у него дубленка-то на лѣвую сторону застегнута! Точно на лѣвую... Ахъ, дуй те горой! Да у него, мошенника, и праваго уха нѣтъ [1]. Морозъ такъ и заходилъ у меня по закожью! Вотъ, молъ, онъ лѣшій-то какой бываетъ! Здоровенный этакій мужичина! Думаю: прямой лѣшій!.. Однакожъ собрался я съ духомъ да и говорю ему:—послушай-ка, почтенный, ступай ты съ Господомъ своею дорогою, а я пойду по своей: гусь свиньѣ не товарищъ! А онъ, чертовъ сынъ, только смѣется!—«Ничего, говоритъ, Галченокъ, вмѣстѣ-то намъ съ тобой повâднѣе будетъ дѣла обдѣлывать. Я тебѣ, говоритъ, такъ видно тому дѣлу и быть... я тебѣ эту самую барыню предоставлю, какую ты въ прошломъ году облюбовалъ». А ко мнѣ, признаться, прошлымъ-то лѣтомъ въѣзжала на дворъ барыня какая-то проѣзжая — красавица изъ себя писанная!.. Ну я, примѣромъ, глядючи на нее, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ: Эх-хъ, молъ!.. Живутъ же люди на свѣтѣ,— имѣютъ при себѣ супругъ... Не то что наши замарашки.

Мужики очень смѣялись, слушая, какъ Галченокъ въ грѣшной душѣ своей признается, а Галченокъ говорилъ:

— Тутъ, добрые люди, мнѣ ужъ не до смѣху стало. За молитвы я тутъ принялся. Самъ читаю, а у самого зубъ на зубъ не попадетъ: прочиталъ всѣ, какія мальчонкомъ узналъ. Не дѣйствуетъ и шабашъ! Идетъ со мной швецъ Макарка и все про барынь мнѣ да про купчихъ напѣваетъ. Ты, говоритъ, не гляди, что у нихъ такой важный да суровый видъ, это всеприликъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ въ нихъ такая же слабость засыпана, какъ и въ нашихъ деревенскихъ бабахъ. Не плохому, смущалъ меня Макарка, тебя обучаю, — хорошему. Вотъ какъ ты, говоритъ, по моей рекомендаціи къ какой-нибудь барынькѣ примажешься, — живи не тужи! Всѣ она тогда капиталы свои, землю и усадьбу подъ тебя подпишетъ...

— Тьфу, ты дьяволъ! Да у меня своя баба, думаю:—правда хворая, а все же она Богомъ самимъ мнѣ за грѣхи мои

---

[1]) Въ губерніяхъ: Костромской, Ярославской и Тверской существуетъ въ народѣ такое повѣрье, что лѣшаго можно всегда узнать по отсутствію у него праваго уха и по манерѣ застегивать одежду съ лѣвой стороны на правую.

присужона!... Не помню ужъ, ребята, что въ то время еще я думалъ. Только Макарка мнѣ вдругъ и говоритъ: «Давай-ка, другъ, съ тобой въ чехарду сыграемъ, — благо ночь свѣтлая!... Опять же холодъ этакой, живо согрѣемся»... А это ему хотѣлось на меня верхомъ-то всцарапаться да по чистому полю поѣздить!...

— Каковъ! каковъ! удивлялись мужики.

— Что дѣлать, думаю, бѣда мнѣ теперича пришла, заѣздитъ онъ меня съ маху, потому я мужичонка безсильный. На мое счастье вспомнилъ я, что вѣдь отъ лѣшаго-то есть заклятье. Остановился я и думаю: дай-ка я его этимъ заклятьемъ шарахну; а онъ догадался что ли, тащитъ меня, опомпиться-то мнѣ не даетъ! «Нечего останавливаться-то, съ злостью уже закричалъ на меня ярыжная душа,—пойдемъ, сыграемъ въ чехарду»! А я какъ во всю мочь гааркну: овечья морда!.. овечья морда!.. И прямо, т.-е., голубчики мои, въ рожу ему такъ я и харкнулъ! Гляжу: ужъ швецъ Макарка, вовсе не швецъ Макарка. Выросъ онъ вдругъ съ колокольню большую, да какъ свистнетъ, да какъ захлопаетъ мерзлыми рукавицами, — оглушилъ совсѣмъ чортовъ сынъ! Отъ его посвиста снѣжная пыль поднялась, ледяныя висюлки съ звономъ съ деревъ посыпались, а самыя деревья съ жалобнымъ скрипѣньемъ такимъ маковками землѣ поклонились... «А, догадался, шумитъ. Ну, да ничего: будешь ты меня помнить»! А я все ему: овечья морда, морда! Тогда онъ видитъ, что дѣло его не выгорѣло, еще пуще въ рукавицы захлопалъ, да прыжками отъ меня саженъ этакъ по двадцати сталъ уходить... Я вамъ представлю сейчасъ, какъ онъ и прыгалъ-то; глядите, мужики... Вѣдь я все это самъ видѣлъ.

Галченокъ выскочилъ за стола и началъ предъ всѣми показывать въ лицахъ, какъ прыгалъ лѣшій. Мы такъ тутъ всѣ со смѣху и покатились. Очень чудно выходило!

— Только онъ не въ примѣръ выше прыгалъ, — я по его не выпрыгну, пояснилъ Галченокъ. Онъ эвто прыгаетъ да въ рукавицы хлопаетъ, должно испужать меня еще крѣпче хотѣлъ; а я, видѣмши, что заклятье его до живого мяса хватаетъ, все это ему въ рыло-то и плюю: овечья, молъ, да овечья!.. Не по скусу, должно, голубчику, пришло, не вытерпѣлъ: какъ ударится отъ меня бѣжать, какъ припустится — только снѣгъ изъ-подъ копытъ у него къ небу взвился!... Утёкъ! Вотъ, братцы, простое заклятье, а я имъ только и отъ смерти отошелъ, ей-Богу!..

— Ну, чтожъ, нетерпѣливо перебили мужики Галченковъ разсказъ, — какъ кончилось, благополучно ли ты до села добрелъ?..

— И нѣтъ, братцы, не добрелъ! Успѣлъ онъ-таки обойдти меня, чортовъ сынъ! съ досадой проговорилъ Галченокъ и плюнулъ. Сплоховалъ я малость: надо бы мнѣ тотчасъ, не мѣшкамши, лѣвой ногой подъ хвостъ его пхнуть, и ничего, все бы благополучно окончилось, а я позапамятовалъ!.. Пошелъ я въ тѣ поры, какъ нечистая сила свалила съ меня и думаю: авось какъ-нибудь доползу. И вотъ сперва помню: мѣсяцъ пропалъ у меня изъ глазъ. Все свѣтилъ, все свѣтилъ до этого, а то вдругъ пропалъ, не стало его видно! Потомъ вѣтеръ страшенный поднялся и засвистѣлъ, и завылъ! Крутитъ, крутитъ такъ-то около тебя морознымъ вихремъ,—вдругъ р-разъ по рожѣ, такъ и всѣ глаза и заслѣпитъ!.. Такая мятель по всему полю пошла, ровнехонько ничего не видать! Колокольня у меня сначалу-то на виду была, а тутъ совсѣмъ изъ глазъ пропала! Что дѣлать? ходилъ, ходилъ, плуталъ, плуталъ—не найду дороги! А вѣтеръ ужъ ревъ какой-то неслыханный поднялъ, словно медвѣдь съ голоду... Вдругъ слышу: колокольчикъ гдѣ-то звенитъ. Слава тебѣ, Господи! Прислушиваюсь... Мятель ровно бы постихла... Точно колокольчикъ бьетъ и явственно бьетъ. Сердце мретъ у меня... Молюсь: Господи, вызвали! а колокольчикъ ужъ совсѣмъ близко. Гляжу тройка скачетъ и прямъ на меня. Посторонился... Тпрpру! Стой! кричитъ ямщикъ и осадилъ лошадей. «Прохожій! взмолился мнѣ ямщикъ,—сдѣлай божескую милость, погляди на хомутъ у коренника: не рассупонился ли онъ у меня,—лѣшій этакой? Я сдуру-то и про мятель позабылъ,—радъ радехоненъ, что хоть живого человѣка въ мертвомъ полѣ встрѣтилъ. Гляжу, ничего: супонь крѣпко подтянута. Ну, я и говорю ямщику: поѣзжай, молъ, добрый человѣкъ,—сбруя на лошадкахъ въ порядкѣ. А коренникъ-то какъ захрапитъ, какъ зальется слезами... «Ѳедя! говоритъ. Или ты меня не узналъ?..» смотрю—и въ глазахъ у меня помутилось!.. Въ корню-то находился нашъ старый окружной,—давно ужъ онъ померши былъ; но, при своей жисти, бариномъ считался хорошимъ. Я сичасъ шапку долой передъ нимъ и тутъ же въ карманъ, по старой привычкѣ, полѣзъ, потому любилъ онъ—покойникъ, чтобы мужикъ при встрѣчѣ съ нимъ гостинецъ ему какой ни на есть жертвовалъ, хошь-бы, къ примѣру, махорки горсть, али сѣна клочекъ... Невзыскательный былъ, такъ мы, бывало, всякую дрянь валили къ нему въ тарантасъ... А онъ это замахалъ дугой, зазвенѣлъ колокольчикомъ и жалостно такъ говоритъ мнѣ: «не безпокойся, Ѳедя! Не лазь въ карманъ,—я теперича ни съ кого не беру...»

Слушаю я эту рѣчь и съ диву даюсь; а ямщикъ про-

клятый съ козелъ-то надо мной такъ-то ли грохочетъ, такъ-то ли издѣвается,—просто во все поле ржетъ.

— Что, говоритъ,—узналъ коренного? А? Теперича на пристяжныхъ погляди. Ихъ тоже, можетъ быть, не узнаешь ли?

— Взглянулъ!.. Силы небесныя! съ правой стороны запряженъ—баринъ нашъ старый — тоже покойникъ, да фартальный изъ нашего города... Обомлѣлъ я! А они мнѣ говорятъ: «не бойся ты насъ, мужичокъ, мы теперь люди стали смирные, добрые... Выѣздили насъ, самъ видишь какъ! Кости да кожа отъ прежняго тѣла остались!.. Тихо этакъ говорятъ, со слезами—и по глазамъ видно, что житье имъ у чорта не очень-то вольное... Однакоже, поглядѣвши на нихъ пристальнѣе, увидалъ, что они ужъ и зубки на меня оскаливать принялись... Тогда я въ безпамятствѣ драло отъ нихъ!

Долго ли я отъ нихъ бѣжалъ, коротко ли, — ужъ не помню. Только гляжу: церковь божія предо мною стоитъ—не деревенская, а городская, богатая церковь. Много свѣчей въ ней горитъ, — пѣвчіе, слышу, въ ней такъ-то ли гулко поютъ. Подхожу къ паперти; а на встрѣчу мнѣ та барыня, какая ко мнѣ во дворъ позапрошлый годъ въѣзжала и красотой своей на грѣшную думу меня навела. И говоритъ мнѣ та барыня: ахъ, Ѳедя! какъ я рада, что ты со мной встрѣлся!.. Вотъ вамъ правое слово, ребята, не лгу: такъ-таки и отличилась... Проводи меня до могилки моего супруга,—вмѣстѣ съ тобой мы его любезному праху поклонимся. Я ей даю отвѣтъ: съ нашимъ, молъ, великимъ удовольствіемъ, ваше высокоблагородіе! Она взяла меня за руку и повела за собою...

Тутъ, братцы, крѣпко она мою здоровенную, мозолистую ручищу своей бѣлой, мякенькой ручкой жала и горькими слезами плакалась: ахъ, плачетъ, лишилась я моего милаго супруга при младости моихъ лѣтъ. И я, видючи ея такія слезы, тоже навзрыдъ плакалъ... Чувствую, что стыдно мнѣ мужику по бабьему плакать, а самъ такъ и разливаюсь рѣкой—потому очень ее мнѣ жалко было...

Вдругъ, братцы, слышу я голосъ Василья Иваныча лекаря. Заслышамши голосъ, проснулся—и вижу: стоитъ надо мною Василій Ивановъ и въ бокъ меня сапогами толкаетъ.

— Что ты, говоритъ, Григорьичъ, али ополоумѣлъ? Какъ же тебѣ не стыдно? Пришелъ на праздникъ, а самъ съ чужими бабами заигрывать принялся!.. Развѣ своей у тебя нѣтъ?..

Смотрю, а въ избѣ у Василія Иваныча бабъ видимо-невидимо — и всѣ онѣ надомной смѣются... Будто, т.-е. я въ пьяномъ полоумствѣ бѣгалъ за ними и руками ловилъ ихъ... По-

стыдили онѣ меня и ничего! Опять всѣ сѣли за столъ, а на столѣ у Василья (извѣстно, мужикъ богатый!) вино, пироги, капуста съ масломъ, судачинка это сушеная—просто ѣшь не хочу! Веселимся мы такъ-то у праздника, пируемъ и разлюбезно промежъ себя бесѣды ведемъ... Вдругъ слышимъ: исправникъ съ сельскимъ старостой пріѣхали.

— Вотъ нелегкая принесла! переговариваемся мы въ избѣ, а тѣ ужъ и въ дверь.

— Вы, говорятъ, что же это дѣлаете? Отъ податей отбиваться, а пиры да праздники гора горою справлять!

— Помилуйте, ваше благородіе, да нешь мы часто эти пиры-то справляемъ? Разъ въ годъ только у насъ престолъ-то бываетъ, говорятъ мужики.

— За послѣднюю треть подавай подати, подавай! требуетъ исправникъ. — Никакъ нѣту, еще не при деньгахъ, говорятъ всѣ. — А на пьянство есть деньги? Старшина! Нечего съ ними съ пьяницами попусту рѣчи тратить—опиши-ка ты у нихъ имущество!—По моему, говоритъ старшина,—сперва наперво надо изъ нихъ блохъ повыпужать, ваше благородіе, а послѣ ужъ за имущество... Вотъ я пошлю сичасъ за волостными судьями... Мы здѣсь, говорятъ судьи и лѣзутъ въ избу. — Ну, теперь розогъ! кричитъ исправникъ. Гляжу, и розги говорятъ, мы здѣсь, ваше благородіе,—и тоже въ избу ползутъ,—жидкія такія, длинныя... Всѣхъ мужиковъ перебрали, — дошла очередь до меня.

— Я не здѣшній, говорю:—я изъ Арменокъ!—«А по насъ, говорятъ, хоть бы ты изъ аду былъ, такъ намъ все равно... Намъ, толкуютъ:—все равно, кого ни полосовать... Ну, я вижу, что тутъ ничего не подѣлаешь—легъ подъ розги безъ всякаго спору. И ужъ тутъ драли меня, тутъ драли—въ жисть мою такой порки не только надъ собой, надъ другими не видывалъ! И реву я, братцы, подъ розгами, горько,—словно волкъ вою!.. Вдругъ голосъ: Галченокъ, о чемъ ты, дуракъ ревешь? Проснулся: стоитъ передо мною поповъ работникъ, а самъ я лежу въ соломѣ у своего овина—а тутъ Арменки и на дворѣ свѣтло!

— Принялся я тутъ, братцы мои, на нашу церковь креститься! Долго молился... Да вотъ съ тѣхъ поръ и не пью... Ну ее совсѣмъ! такъ закончилъ Галченокъ свой разсказъ и вылилъ изъ полштофа послѣднюю водку. Такъ вотъ иногда съ пріятелями побалуешься по малости, а что бы, то есть вдосталь,—шалишь...

— Да это какая же питва? протяжно и уныло толкуютъ мужики. Это что за питье! Въ прохладѣ полштофа выпить!.. Это, братъ, не бѣда!.. А вотъ этакъ-то ежели...

— Да этакъ-то ежели, такъ Боже избави!.. подхватили на сосѣднихъ столахъ.

— Ну, Галченокъ, помаялся же братъ, ты! Здорово пробралъ тебя лѣшачокъ!.. Хорошо, что Богъ избавилъ, а то бы тутъ...

— Извѣстно! извѣстно!.. Тутъ бы ты совсѣмъ загинуть долженъ... Да-вай-те-ка, ребята, на складчину... Всей компаньей!.. Да право ей-Богу! По дворамъ еще рано идти; а тутъ еще можетъ, кто-нибудь другую рацею разскажетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята! Чудесное дѣло задумали! единодушно согласились мужики, вытаскивая изъ запазухъ кожаные кошели и звеня мѣдными деньгами.

Долго еще мужики сидѣли въ трактирѣ, около желѣзной печки. Никому не хотѣлось отъ такой благодати домой идти.

А между тѣмъ на дворѣ мятель мететъ, такъ и крутитъ, и вѣтеръ злобно и неотхотно воетъ въ маленькія оконца хатъ. Въ этихъ оконцахъ кое-гдѣ еще чуть-чуть брезжетъ лучина, ожидающая, когда придетъ ночевать владыка и хозяинъ дома.

— Слышь; вонъ какъ лѣшіе-то разгалдѣлись! переговариваются въ трактирномъ теплѣ хозяева и владыки сельскихъ избенокъ. Попадись къ нимъ теперь въ лапы живая душа,—ну и простись съ бѣлымъ свѣтомъ!

Боятся у насъ на Руси нечистой силы до смерти! и какъ не бояться, когда рѣки у насъ бездонныя, поля неоглядныя, а лѣса, суровыми дремучими борами на многія тысячи верстъ идутъ... По такому раздолью не гулять нечистой силѣ, такъ гдѣ-жъ ей и гулять?.. Да ее съ этого полевого и лѣсного раздолья никакими кольями не выгонишь, и изъ недовѣдомыхъ рѣчныхъ омутовъ никакими удáми не выловишь... Да когда же это нашъ край просвѣтится?! Ровно ужъ и не дождешься!..

Ф. Нефѳдовъ.

ПИЩА
КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМІИ.

I.

Каждый изъ насъ въ своей практической жизни руководится весьма простой системой дѣйствія, основанной на постоянныхъ измѣреніяхъ и взвѣшиваніяхъ тѣхъ условій, изъ которыхъ слагается его жизнь. Каждый знаетъ за собой извѣстный рядъ потребностей съ одной стороны и рядъ средствъ съ другой, которыя даетъ ему его внѣшнее положеніе на удовлетвореніе этихъ потребностей. Каждый имѣетъ свое болѣе или менѣе опредѣленное представленіе не только объ отдѣльныхъ видахъ этихъ потребностей, но и объ относительномъ ихъ вѣсѣ и значеніи для жизни; каждый измѣрилъ ихъ до извѣстной степени количественно и относительно другъ друга, и относительно тѣхъ средствъ, которыми обладаетъ для ихъ удовлетворенія. По крайней мѣрѣ дѣйствія каждаго могутъ разсматриваться не иначе, какъ результатъ такого разсчета, вѣрнаго или нѣтъ, яснаго или смутнаго—это другой вопросъ, но неизбѣжно разсчета. Каждый является опредѣлителемъ числа, качества, степени настоятельности или уступчивости и мѣры своихъ потребностей и опредѣлителемъ числа и мѣры своихъ средствъ, и въ основѣ практической дѣятельности каждаго лежитъ цѣльная система разсчета. Начало подобной системы родилось у человѣка, можно сказать, съ первымъ его появленіемъ. Изъ первыхъ своихъ столкновеній съ окружающимъ міромъ онъ долженъ былъ узнать мѣру опасностей, которую несетъ отъ встрѣчи и столкновенія съ тѣми или другими звѣрями, людьми или внѣшними явленіями; мѣру труда,

который нуженъ для пріобрѣтенія того или другого матеріала, соотвѣтствующаго потребностямъ; мѣру матеріала, нужнаго для насыщенія той или другой потребности и мѣру лишенія отъ неудовлетворенія той или другой потребности, то-есть, мѣру возможнаго подчиненія одной потребности другой. Съ первыхъ дней своего существованія онъ сталъ уже вычислителемъ и измѣрителемъ въ своей нравственной философіи, которая поэтому, можно сказать, была съ самаго начала философіей количествъ, положительной философіей. Мало того, какъ я говорю, она была цѣльной философіею, то-есть обнимала всѣ элементы, входящіе въ разсчетъ поступка, опредѣляющіе выборъ того или другого рѣшенія. Эти элементы разсматривались человѣкомъ не иначе, какъ въ связи между собою. Какимъ этотъ человѣкъ былъ взятъ въ отдѣльности, такимъ онъ былъ и въ коллективномъ видѣ, то-есть, свою практическую философію онъ перенесъ въ общество и его строй, его исторія опредѣлялась содержаніемъ и характеромъ подобныхъ разсчетовъ отдѣльныхъ личностей. Въ своей философіи онъ видѣлъ, словомъ, практическое орудіе, необходимое на каждомъ шагу въ жизни, и если эти индивидуальные разсчеты могли быть не ясны и не точны, могли противорѣчить другъ другу, то исторія представляла только средній выводъ изъ этихъ разногласій. Послѣ этого очевидно, что и понять логику исторіи нельзя иначе, какъ слившись съ этой философіей, возникшей непосредственно по указанію самой необходимости, войдя въ ея духъ и проникнувшись ея цѣлями.

Съ другой стороны, если человѣкъ вправѣ ждать отъ науки только болѣе точныхъ и безошибочныхъ рѣшеній тѣхъ задачъ, которыя ему предложено рѣшать самолично за ея отсутствіемъ; если эта наука стремится, въ концѣ концовъ, быть орудіемъ практической жизни человѣка,—то и нравственная философія, какъ наука, не можетъ имѣть другихъ конечныхъ цѣлей, какъ представить такую же практическую философію общежитія, въ которой личный опытъ, личный тактъ, личные разсчеты и измѣренія, и личные выводы были бы замѣнены научнымъ опытомъ, измѣреніями, соотвѣтствующими научной точности и строгости. Съ этой стороны внѣшняя программа науки общежитія опредѣлялась довольно ясно: изучить, съ одной стороны, потребности, съ другой средства удовлетворенія, измѣрить тѣ и другія и опредѣлить количественное между ними отношеніе, связь и взаимное подчиненіе. Если мы станемъ обозрѣвать кругъ человѣческихъ знаній, то убѣдимся, что каждый изъ отдѣльныхъ предметовъ этой программы имѣлъ и имѣетъ свою спеціальную представительницу въ ихъ кругу. Но мы стали бы напрасно

искать той желанной между ними связи и единства, какая замѣчается въ единичныхъ индивидуальныхъ философіяхъ. Здѣсь цѣльность исчезла, отдѣльные элементы стали предметомъ изслѣдованія отдѣльныхъ наукъ, при чемъ естественная связь между ними даже вовсе утратилась.

Опредѣленіе естественныхъ потребностей человѣка пало на долю различныхъ наукъ, занявшихся изученіемъ физическихъ и психическихъ свойствъ индивидуальнаго человѣка, физіологіи и психологіи. Съ другой стороны, мы имѣемъ науку, занимавшуюся законами производства и распредѣленія богатства, то-есть, матеріала, служащаго удовлетворенію тѣхъ или другихъ потребностей. Наконецъ мы имѣемъ науку политики и права, въ существѣ посвященную едвали не самой настоятельной изъ всѣхъ потребностей человѣка.

Но между этими науками не существовало прямой связи: каждая работала врозь и самая мысль, ихъ связующая въ существѣ, подчиняющая ихъ одному и тому же началу и цѣли, не существовала для науки. Словомъ, каждый человѣкъ былъ своимъ собственнымъ физіологомъ, психологомъ, экономистомъ и политикомъ, но мы не имѣли никакого подобія такой цѣльности въ наукѣ. Мы даже не знаемъ вовсе, какъ, напримѣръ, связать въ одно цѣлое право и экономію, хотя и должны были смутно чувствовать неизбѣжность родства и связи между ними. Юристы и политики утверждали, что ихъ наука имѣетъ своимъ предметомъ нѣчто серьезное, необходимое для человѣка, извѣстную потребность, потребность справедливости и порядка; но какимъ образомъ эта потребность вытекаетъ изъ остальныхъ, вяжется съ остальными, указать ея естественную связь и мѣсто между ними,—какой ея удѣльный вѣсъ и на чемъ основывается ея необходимость, насколько эта потребность больше или меньше другихъ? О всѣхъ такихъ вопросахъ, заставляющихъ разсматривать предметъ каждой науки, какъ своеобразное естественно-историческое явленіе, которое должно изучаться совершенно тѣми же способами и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ всякая наблюдательная наука изучаетъ свои явленія—обо всѣхъ такихъ вопросахъ юристы обыкновенно заботились очень мало.

Не можетъ быть однако сомнѣнія въ томъ, что если только можно говорить о нравственной философіи, какъ о наукѣ, то установленіе той живой связи между отдѣльными элементарными знаніями, о которой идетъ рѣчь, лежитъ на ея прямой обязанности. И эта связь укажется сама собою, если только смириться предъ простымъ человѣкомъ и согласиться учиться, такъ сказать, у самой природы, если признать, что та философія, ко-

торой обладаетъ каждый индивидуумъ, какъ мы объяснили, должна служить прототипомъ или, по крайней мѣрѣ, рамкой и научной философіи. Я сказалъ, что каковъ этотъ человѣкъ былъ одинъ, таковъ онъ былъ и коллективно, то-есть, въ своей исторіи, его цѣльная философія была въ тоже время той философіей, которая руководила исторіей.

Для практическаго человѣка, обладавшаго такой цѣльной философіею, и въ исторіи не существовало тѣхъ сомнѣній, которыя существовали для науки, не знавшей цѣльности. Наука видѣла, напримѣръ, чрезмѣрное развитіе политическаго элемента въ исторіи надъ началомъ хозяйственнымъ и могла останавливаться передъ этимъ фактомъ. Историческій же человѣкъ, которому приходилось выбирать между двумя интересами, не усумнился поставить интересъ хозяйственный на второй планъ. И дѣйствительно, такое сомнѣніе могло родиться только при довольно невѣрномъ представленіи о человѣческихъ потребностяхъ, оно можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока мы будемъ думать, что удовлетвореніе данной потребности зависитъ исключительно отъ присутствія соотвѣтствующаго ея насыщенію матеріала, то-есть, если мы будемъ думать, что для насыщенія голода нужно извѣстное количество пищи и только, что совершенно ошибочно.

Разсматривая вопросъ народонаселенія, я старался показать, что жизнь человѣка, ранѣе зависимости отъ матеріала, была поставлена исторически въ зависимость отъ потребности болѣе вѣской, именно—внѣшней безопасности, и такимъ только признаніемъ за этой потребностью въ непосредственномъ обезпеченіи большей настоятельности, чѣмъ за всѣми остальными потребностями, можно объяснить то преобладающее значеніе, которое имѣло и имѣетъ политическое начало въ исторіи надъ всѣми остальными, и въ томъ числѣ надъ началомъ въ тѣсномъ смыслѣ экономическимъ. Мы, повидимому, ничего не можемъ себѣ представить настоятельнѣе потребности въ воздухѣ, а между тѣмъ все-таки, прежде чѣмъ нуждаться въ воздухѣ, нужно имѣть возможность имъ пользоваться — внѣшняя возможность ввесть этотъ воздухъ въ легкія. Точно также мало имѣть готовую пищу, но нужно имѣть возможность и ею воспользоваться. Словомъ, вопросъ о потребностяхъ и ихъ удовлетвореніи заключается не въ одномъ вопросѣ матеріала. Это есть вопросъ сложный, въ которомъ вопросъ матеріала, которымъ только и занималась политическая экономія, составляетъ одну составную часть, которую назовемъ въ тѣсномъ смыслѣ экономической. Другая часть, другой элементъ заключается во

внѣшней возможности пользоваться даннымъ матеріаломъ; этой стороной занималось право и политика — это элементъ политическій въ вопросѣ человѣческаго существованія. Смотря по тому, какая сторона вопроса болѣе затруднена въ данную минуту, та и будетъ представлять большій вѣсъ для человѣка, бо́льшую настоятельность. Онъ согласится удовольствоваться меньшей пищей для того, чтобы имѣть возможность ею воспользоваться, изъ двухъ готовыхъ яблоковъ охотно уступитъ одно тому, кто защищалъ его жизнь въ то время, какъ онъ будетъ добывать эту пищу. Правда, съ другой стороны могутъ сказать, что въ свойствѣ человѣка точно также рискнуть своей жизнью, чтобы достать оба яблока; но я не думаю, чтобы кто-нибудь выбралъ послѣднее, зная, что онъ идетъ на вѣрную смерть. Все зависитъ отъ размѣра того риска, который онъ несетъ, выбирая два яблока вмѣсто одного, и отъ размѣра его голода. Если рискъ таковъ, что изъ десяти человѣкъ, которые предпочтутъ два яблока, воспользуется ими одинъ, а 9 погибнутъ, то вѣроятность его съѣсть два яблока будетъ $^1/_{10}$. Спрашивается, что же онъ предпочтетъ: съѣсть ли 10 разъ по $^1/_2$ яблока или съѣсть разъ одно яблоко, что для него больше: одно или пять яблоковъ?

Политическая исторія служитъ кажется лучшимъ доказательствомъ тому, что человѣчество въ массѣ склонно въ этомъ случаѣ слѣдовать разсчету вѣроятностей и предпочитаетъ пользоваться меньшимъ, но съ большей для него безопасностью, чѣмъ наоборотъ, и если первобытный человѣкъ разсуждалъ, можетъ быть, нѣсколько иначе и отличался отвагой, за которую его часто хвалили, то умудренная опытомъ его воля получила съ того времени иное направленіе. Иныя рѣшенія составляютъ исключеніе и мы можемъ наблюдать это въ наше время, потому что они-то составляютъ въ нашемъ обществѣ контингентъ такъназываемыхъ имущественныхъ преступленій.

Цифра преступленій представляетъ намъ живую мѣру числа гражданъ, которые предпочитаютъ два яблока одному, а сравнивая эту цифру съ числомъ гражданъ, довольствующихся однимъ яблокомъ, можно убѣдиться, что разсматриваемое нами возраженіе составляетъ только исключеніе изъ общаго правила.

Ученіе о матеріалѣ составляетъ, такимъ образомъ, только частный элементъ въ философской наукѣ общества. И если подъ обществомъ мы будемъ разумѣть такой организмъ, функція котораго состоитъ въ наилучшемъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей индивидуума, то эта функція — говоря математически — будетъ, для данной потребности, функціей нѣсколькихъ перемѣнныхъ, одной тѣсно-экономической, и другихъ политической

и юридической, — функціей матеріала, безопасности и справедливости, порядка. Послѣднею и занимается спеціально право и политика, первою — экономія.

Такимъ образомъ, право и экономія рѣшаютъ одинъ и тотъ же вопросъ о средствахъ. Но этому вопросу предшествуетъ другой вопросъ, безъ котораго самый вопросъ о средствахъ не имѣетъ значенія и смысла, — вопросъ о потребностяхъ. Нравственная философія или философія общества, имѣющая въ виду связать всѣ части общественнаго вопроса въ одно цѣлое, должна начаться разсмотрѣніемъ вопроса о потребностяхъ и ихъ изученія.

Необходимые матеріалы для опредѣленія различныхъ элементовъ своего содержанія, нравственная философія естественно должна заимствовать изъ тѣхъ наукъ, которыя спеціально посвящаются изученію этихъ элементовъ, и потому естественной сокровищницей такого матеріала должна служить физіологія и психологія. Прежде чѣмъ разсуждать о средствахъ, нужно знать, чему должны удовлетворять эти средства, а потому нравственная философія должна опредѣлить эти потребности и изучить спеціальную природу каждой, измѣрить ихъ величину и взаимную уступчивость и наконецъ классифицировать ихъ. Мы посвятимъ настоящую статью одной изъ самыхъ первыхъ потребностей человѣка — потребности пищи. Мы должны будемъ, поэтому, оставить теперь отвлеченныя разсужденія и перейти, насколько это неизбѣжно, въ область физіологіи, для того, чтобы искать отвѣта на слѣдующій вопросъ: — «Въ какой пищѣ и въ какомъ ея количествѣ нуждается человѣкъ?»

II.

Съ естественно-исторической точки зрѣнія человѣкъ представляетъ организмъ, жизнь котораго поддерживается на счетъ заимствованной для этого силы изъ окружающаго вещества. Такое заимствованіе совершается не даромъ, а съ постоянной уплатой за то организмомъ части собранной или заимствованной уже прежде силы. Условіе это и служитъ основаніемъ той борьбы за существованіе, которою дышетъ, такъ сказать, жизнь природы и которая ведется между организмами и между организмами и внѣшнею природой. Всякая побѣда въ этой борьбѣ выражаетъ только перевѣсъ пріобрѣтенія надъ тратой; но никакое пріобрѣтеніе не обходится вовсе безъ траты.

Такимъ образомъ, всякое пріобрѣтеніе распредѣляется въ организмѣ на двѣ части. Одна часть сохраняется организмомъ,

идетъ на его ростъ и развитіе, капитализируется; другая входитъ въ организмъ для того только, чтобы снова истратиться вскорѣ на дальнѣйшее пріобрѣтеніе. Но и та часть, которая сохраняется, не избавлена, не застрахована отъ возможности и даже необходимости точно также тратиться.

За недостаткомъ другой, она можетъ точно также идти, во-первыхъ, на покрытіе текущихъ тратъ, и организмъ будетъ истощаться; во-вторыхъ, она точно также можетъ быть истреблена насильственно внѣшними силами и другими организмами, и наконецъ, еслибы она избѣжала того и другого, то все-таки капитализируемая часть подвергается такимъ же постояннымъ тратамъ или такому же учету.

Физіологія учитъ, что не только та часть вещества, которая употребляется на образованіе теплоты и мускульную работу, истрачивается вмѣстѣ съ тѣмъ и требуетъ обновленія, но что и та часть вещества, которая поступаетъ на образованіе ткани, не остается въ этомъ видѣ постоянно, а точно также выводится изъ организма; что самая ткань постоянно разрушается и возобновляется на счетъ новыхъ поступленій вещества, находится въ динамическомъ состояніи, что въ ней постоянно совершается рядъ круговыхъ процессовъ. Пока въ результатѣ каждаго кругового процесса, каждаго возобновленія ткани, въ ткань отлагается болѣе вещества, чѣмъ разрушается, до тѣхъ поръ тѣло растетъ; но эти положительныя приращенія ткани имѣютъ свой предѣлъ, за которымъ онѣ становятся отрицательными, и тогда ткань слабѣетъ и, наконецъ, становится неспособной къ жизни.

Такъ какъ тѣло быстрѣе всего растетъ въ дѣтскомъ возрастѣ, то эти положительныя приращенія ослабѣваютъ, все болѣе и болѣе, къ зрѣлому возрасту и, наконецъ, во второй половинѣ жизни становятся отрицательными. Этимъ естественнымъ пониженіемъ обновленія ткани обусловливается естественная смертность.

Такимъ образомъ, какъ механическая жизнь организма, такъ и пластическая его жизнь представляетъ рядъ постоянныхъ разрушеній вещества разъ принятаго тѣломъ, разрушеній, которыя кончились бы смертью, еслибы организмъ не принималъ, въ тоже время, постоянно новыхъ поступленій, новыхъ запасовъ въ видѣ пищи. Пища, слѣдовательно, необходима для постояннаго поддержанія не только дѣятельности организма, но и его пластическаго строенія. Насчетъ пищи постоянно обновляется не только животная теплота и механическая работа тѣла, но и его строеніе. Она имѣетъ двѣ опредѣленныя и различныя функціи:

съ одной стороны обновляетъ самую машину, съ другой содержитъ ея дѣйствіе.

Старые физіологи объясняли себѣ поддержаніе жизни въ организмѣ присутствіемъ особой силы, которая называлась ими жизненной силой. Въ наше время отношеніе между поддержаніемъ жизни и пищей получило болѣе опредѣленный смыслъ, и физіологическій процессъ, насъ занимающій, стали объяснять болѣе простымъ путемъ, не прибѣгая ни къ какимъ особымъ силамъ, на основаніи общихъ физическихъ законовъ явленій. Новѣйшая физика объяснила теплоту, какъ родъ молекулярнаго движенія частицъ, отыскала связь между теплотой и механической работой.

Для нея оба явленія — и теплота, и механическое дѣйствіе, стали явленіями однородными, отдѣльными выраженіями, формами или проявленіями одной и той же силы, которая могла принимать ту или другую форму. Послѣ этого такими же однородными явленіями должны были стать для физіологовъ теплота и механическая работа въ нашемъ организмѣ, и для объясненія механической дѣятельности организма не было причины прибѣгать къ предположенію какой-либо особой силы. Съ другой стороны, химическія изслѣдованія показывали, что измѣненіе химическаго состоянія тѣлъ сопровождается физическими явленіями *поглощенія или освобожденія теплоты, поглощенія или освобождэнія силы*. Извѣстный рядъ химическихъ процессовъ, такъ-называемыхъ *прямыхъ* процессовъ, — или соединеній, окисленій и сгараній, — оказался сопровождающимся освобожденіемъ силы, другой рядъ процессовъ, — обратныхъ возстановленій, — сопровождающимся поглощеніемъ силы. Послѣ этого теплота организма и механическая его дѣятельность не только стали явленіями однородными, но самъ собой указывался общій источникъ образованія той и другой въ организмѣ; источникъ этотъ, очевидно, слѣдовало видѣть въ химическихъ процессахъ, которымъ подвергается въ организмѣ пища.

Пища, поступающая въ организмъ, подвергается въ немъ сгаранію подъ вліяніемъ кислорода воздуха, который мы точно также вводимъ въ организмъ черезъ легкія; и такое окисленіе должно сопровождаться образованіемъ теплоты, и слѣдовательно можетъ служить и источникомъ механическаго дѣйствія. Мало того, физико-химическія измѣренія показали, что сгараніе различныхъ веществъ сопровождается выдѣленіемъ различныхъ количествъ теплоты и что наибольшее количество теплоты даетъ сгараніе водорода, затѣмъ углерода и т. д.

Наша пища, какъ и наше тѣло, состоитъ, главнымъ образомъ,

изъ углеводородовъ, т.-е. веществъ, обладающихъ наибольшимъ калорическимъ паемъ. Слѣдовательно, организмъ нашъ, въ этомъ отношеніи, какъ-бы принаровленъ къ производству наибольшей механической работы насчетъ химическаго процесса.

Въ этомъ отношеніи естественно было провести сравненіе между этимъ организмомъ и паровой машиной и найти нѣкоторое тождество принциповъ въ томъ и другомъ случаѣ.

Въ паровой машинѣ вы сжигаете извѣстное количество такихъ же углеводородовъ для производства теплоты, которая частью теряется для работы въ формѣ теплоты, частью черезъ расширеніе пара двигаетъ поршень и производитъ механическую работу. Въ организмѣ сжигается также извѣстное количество углеводородовъ, которые частью производятъ извѣстное количество теплоты, частью переходятъ на движеніе мускула.

Если бы это подобіе было полное, то вопросъ превращенія пищи въ работу въ организмѣ не представлялъ бы никакихъ сомнѣній.

Физики не ограничились опредѣленіемъ одного родства между теплотой и механическимъ дѣйствіемъ; они измѣрили количественное отношеніе между обоими явленіями, опредѣлили, какое количественное отношеніе существуетъ между теплотой и механическимъ дѣйствіемъ, или опредѣлили механическій эквивалентъ теплоты. Взявъ за единицу количество теплоты, которое нагрѣваетъ 1 килограммъ воды на 1° Цельзія, они узнали, что эта единица теплоты производитъ единицу работы, равную 424 или 425 килограммометрамъ. Послѣ этого, казалось бы, оставалось только знать количество работы, какое должно совершиться въ организмѣ въ теченіи сутокъ, температуру, какая должна быть поддержана въ организмѣ, и пропорцію теплоты, утилизируемой организмомъ въ работу изъ производящейся, тоесть, знать степень совершенства организма какъ калорическаго двигателя, чтобы знать количество топлива или пищи, въ которомъ ежедневно нуждается средній организмъ, и слѣдовательно, чтобы составить точное представленіе о количествѣ пищи, необходимой на содержаніе дѣятельности организма. Но и въ этомъ даже отношеніи вопросъ оказался болѣе сложнымъ, чѣмъ могло казаться.

Какъ ни представлялось, съ извѣстной стороны, наглядно сходство организма съ калорической машиной, тѣмъ не менѣе между обоими существуютъ весьма существенныя различія. Въ калорической машинѣ топливо предназначается прямо и ...тельно на приведеніе механизма въ движеніе и дѣятель... ...момъ устройствѣ машины топливо не участвуетъ;

она дѣлается изъ особаго матеріала и, сдѣланная разъ, остается въ этомъ состояніи, пока не износится.

Животный организмъ представляетъ машину, которая должна постоянно обновляться во время самаго ея дѣйствія и обновленіе машины должно совершаться насчетъ тѣхъ же ежедневныхъ поступленій въ нее пищи, какія служатъ и источникомъ механической работы организма. Слѣдовательно, кромѣ вопроса о томъ, какая часть пищи необходима на дѣятельность организма, представляется самъ собой другой: какая часть необходима на обновленіе строенія самого организма? Мало того, топливо калорической машины состоитъ изъ углеводородовъ. Пища, которую принимаетъ организмъ соотвѣтственно химическому составу тѣла, состоитъ, кромѣ углеводородистыхъ соединеній, изъ соединеній, въ которыя входитъ азотъ.

Здѣсь являются двѣ главныя серіи химическихъ веществъ— вещества безъазотистыя и вещества азотистыя, на счетъ которыхъ живетъ и содержится организмъ. Спрашивается, есть ли какая либо разница въ назначеніи этихъ веществъ, служатъ ли механической работѣ одни безъазотистыя вещества, а азотистыя необходимы только для образованія ткани, или и тѣ и другія участвуютъ въ механической работѣ?

Наконецъ, такъ какъ пища, въ тоже время, должна служить и механической дѣятельности и строенію организма, то самъ собой рождается вопросъ о томъ, какимъ порядкомъ происходитъ ея распредѣленіе между обоими назначеніями или функціями, то-есть, распредѣляется ли она прямо на двѣ части, изъ коихъ одна идетъ на образованіе теплоты и механической силы, а другая поступаетъ въ ткань, или она предварительно поступаетъ въ ткань и механическая дѣятельность совершается только уже насчетъ сгаранія мускула? Словомъ, тѣ физическія указанія, которыя дали новѣйшей физіологіи возможность отдѣлиться отъ понятія о жизненной силѣ, собственно говоря, достаточны были для уясненія зависимости между пищей и жизнью лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Какъ только мы захотимъ идти далѣе и перейти къ подробностямъ, мы встрѣчаемся съ рядомъ вопросовъ, которые должна была рѣшить сама физіологія.

Сводя всѣ эти вопросы къ одному, намъ представляется вопросъ о распредѣленіи пищи между двумя функціями, по ея химическому составу, и о порядкѣ такого распредѣленія.

Понятно, что ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ предполагаетъ точное знаніе всѣхъ метаморфозъ, которыя испытываетъ пища въ теченіи всего своего круговорота въ организмѣ. Но и разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ было бы недостаточно для

совершеннаго разъясненія того физическаго процесса, который лежитъ въ основаніи жизни. Относительно паровой машины мы знаемъ не только ка́къ она питается, но знаемъ самый порядокъ, какимъ освобождаемая сила переходитъ здѣсь въ механическое дѣйствіе. Но какимъ образомъ сила, освобождающаяся насчетъ пищи, превращается мускуломъ въ механическую работу?

Этотъ вопросъ, сколько онъ ни любопытенъ, еще затруднительнѣе предыдущаго.

Послѣ того можно догадываться, что физіологія не можетъ дать намъ окончательнаго отвѣта и на тотъ главный вопросъ, который насъ занимаетъ въ настоящемъ случаѣ и который въ правѣ предложить ей экономія и общественная статика—опредѣлить теоретическое количество пищи, въ которомъ нуждается нормальный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе отсюда вовсе не слѣдуетъ, что все, что̀ она можетъ сказать, было бы лишено интереса. Мы увидимъ, что тѣ свѣдѣнія, которыя она можетъ дать намъ, имѣютъ свою соціологическую важность. Если она менѣе знаетъ о порядкѣ обращенія силы въ механическую работу мускуломъ, то уже гораздо ближе подошла къ разрѣшенію перваго вопроса, *о распредѣленіи пищи въ организмѣ по ея химическому составу и порядкѣ этого распредѣленія.*

Вопросъ этотъ подвергался, въ послѣднее время, довольно тщательнымъ изслѣдованіямъ.

Такъ какъ результаты этихъ изслѣдованій были резюмированы въ недавней работѣ англійскаго химика Франкланда по тому же предмету, то я прежде всего остановлюсь на этой работѣ, тѣмъ болѣе, что она была изложена въ популярной формѣ и слѣдовательно представляетъ удобство для читателя неспеціалиста [1]).

Еще недавно, относительно вопроса о порядкѣ распредѣленія пищи въ организмѣ между двумя функціями, работой и обновленіемъ ткани, у физіологовъ преобладало то мнѣніе, что въ своемъ непосредственномъ видѣ пища служитъ въ тѣлѣ только источникомъ теплоты, источникомъ же механической дѣятельности она служитъ не иначе, какъ поступивъ сперва на образованіе мускульной ткани.

Мнѣніе это, впервые высказанное Либихомъ, защищалось большинствомъ физіологовъ. «Опытъ научаетъ насъ,—писалъ Либихъ,—что въ организмѣ есть только одинъ источникъ механи-

---

[1]) Популярное чтеніе по этому предмету было, въ свое время, переведено въ журналѣ «Космосъ», № 6-й и 7-й, 1869.

ческой силы: это превращеніе живыхъ частей тѣла въ неорганическія соединенія путемъ ихъ окисленія». Въ своей «Органической Химіи, въ примѣненіи ея къ физіологіи и паталогіи», въ «Письмахъ о Химіи», Либихъ объяснялъ это такъ: «Всѣ органическія ткани, которыя обнаруживаютъ силу въ тѣлѣ, происходятъ изъ бѣлковины крови. Бѣлковина же происходитъ изъ частей пищи, годныхъ для образованія крови. Очевидно слѣдовательно, что источникомъ механической дѣятельности должны служить пластическія части пищи, и слѣдовательно сѣрнистыя и азотистыя части пищи, вещества же безъазотистыя служатъ только источникомъ одной теплоты». Съ тѣхъ поръ это мнѣніе повторялось въ трактатахъ физіологіи. Его защищали Плайферъ, Дрэперъ и недавно повторилъ Ранке. Согласно этой теоріи, какъ ее объяснилъ Ранке, въ мускулѣ, находящемся въ спокойномъ состояніи, происходитъ непрерывно физико-химическій процессъ медленнаго сгаранія мускула; мускулъ дышетъ, то-есть, онъ принимаетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту. Результатомъ такого процесса является освобожденіе силы въ самомъ мускулѣ даже въ состояніи покоя, и присутствіе этой силы выражается въ электрическихъ токахъ, которые обнаруживаетъ спокойный мускулъ. Когда мускулъ начинаетъ работать, то въ немъ только усиливается тотъ же процессъ, который обнаруживается и въ спокойномъ состояніи, и теперь освобождающаяся сила превращается не только въ электричество, а переходитъ въ механическое дѣйствіе. Наблюденія показываютъ, во всякомъ случаѣ, что въ работавшемъ мускулѣ происходятъ значительныя измѣненія. Онъ богаче водой и бѣднѣе твердыми частями, слѣдовательно онъ подвергается несомнѣнной тратѣ и сгаранію во время работы. Источникомъ освобождающейся при этомъ силы Ранке, какъ и большинство физіологовъ, придерживающихся теоріи сгаранія мускула, принимаетъ бѣлокъ или азотистыя вещества. Правда, опыты Фойта показали, и самъ Ранке убѣдился, что работа не увеличиваетъ количества выдѣленій организмомъ азота, но, по словамъ Ранке, этотъ результатъ можетъ имѣть совершенно другую причину, чѣмъ предполагается, а именно:—выдѣленія могутъ возвышаться во время работы, но за то настолько же уменьшаться во время покоя, слѣдующаго за работой, такъ, что въ суммѣ обѣ величины будутъ компенсировать другъ друга.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ существовало другое. Докторъ Майеръ давно писалъ, что мускулъ есть только аппаратъ, посредствомъ котораго производится превращеніе силы, но что самое вещество мускула вовсе не служитъ ея источникомъ. Онъ утверждалъ, что 15 фунтовъ сухихъ мускуловъ, которые есть

у человѣка, вѣсящаго 150 ф., должны окисляться въ 80 дней, еслибы работа мускула дѣйствительно производилась насчетъ горѣнія самаго вещества мускула. Сердце окислилось бы въ 8 дней, а его желудочки въ два дня съ половиной.

Еще ранѣе, почти двѣсти лѣтъ назадъ, врачъ въ Батѣ Дж. Майовъ утверждалъ, что для производства мускульнаго движенія необходимы двѣ вещи: перенесеніе горючихъ веществъ къ мускуламъ посредствомъ крови и поглощеніе кислорода посредствомъ дыханія.

Въ послѣднее же время это мнѣніе стало защищаться и другими: Гайденгайномъ, Траубе и отчасти Дондерсомъ, Фикомъ и Франкландомъ.

До сихъ поръ, по словамъ Франкланда, для рѣшенія между обоими мнѣніями недоставало опытнаго доказательства. Недавно два физіолога, Фикъ и Вислиценусъ, произвели любопытный опытъ. Они измѣрили работу, совершенную ихъ мускулами при восхожденіи на гору Фаульгорнъ и количество сгорѣвшей, въ теченіи такой работы, мускульной ткани. Франкландъ сдѣлалъ необходимыя дополнительныя измѣненія, которыхъ недоставало опыту Фика для того, чтобы можно было сдѣлать рѣшительный выводъ въ пользу той или другой изъ двухъ предложенныхъ теорій.

Для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, по мнѣнію Франкланда, нужно знать одновременно три количества: 1) количество работы, соотвѣтствующей окисленію единицы мускула, 2) количество работы, совершенной мускулами тѣла въ теченіи опыта, 3) количество окислившихся мускуловъ въ тѣлѣ, въ теченіи этой работы.

Опытъ Вислиценуса и Фика имѣлъ цѣлью опредѣлить двѣ послѣднія изъ необходимыхъ данныхъ; измѣренія Франкланда имѣли цѣлью опредѣлить первую величину.

Очевидно, что зная эти три данныя и сравнивая ихъ между собою, можно знать, достаточна ли сгорѣвшая сумма мускульной ткани для производства, путемъ своего окисленія, той работы, которая была дѣйствительно совершена во время опыта.

Если она достаточна, то можно еще думать, что механическая сила образуется насчетъ горѣнія самого мускула; если же нѣтъ, то нужно думать, что сила образуется непосредственно насчетъ пищи, а мускулъ служитъ только аппаратомъ, какъ думалъ Майеръ, въ противность Либиху.

Для опредѣленія первой искомой величины въ настоящемъ вопросѣ, Франкландъ сжигалъ мускулъ быка при посредствѣ хлорновато-кислаго кали въ калориметрѣ Томпсона. Количество

освобождающейся силы опредѣлялось при этомъ прямо по числу градусовъ, на которые повышалась температура воды, окружавшей аппаратъ, въ которомъ происходило сжиганіе. Зная это число градусовъ и объемъ нагрѣвавшейся воды и произведя въ этомъ количествѣ нѣкоторыя поправки, зависящія отъ поглощенія теплоты и внѣшней работы улетающихъ газовъ, будемъ знать число освободившихся калорическихъ единицъ, а умножая это послѣднее число на механическій эквивалентъ теплоты, будемъ знать живую силу или работу, соотвѣтствующую сжиганію взятаго для опыта количества мускула. Этимъ путемъ Франкландъ нашелъ, что полное сгараніе 1 грамма бычачьяго мускула въ калориметрѣ даетъ 5,103 калорическія единицы. (Мы будемъ всегда принимать за единицу теплоты количество ея, необходимое для нагрѣванія 1 килограмма воды на 1^0 Цельзія).

Въ тѣлѣ мускулъ никогда не сгараетъ совершенно, какъ онъ сгаралъ въ калориметрѣ. При сгараніи мускула въ кислородѣ, его углеродъ превращается въ углекислоту, водородъ въ воду, азотъ получается въ газообразномъ видѣ; при сгараніи мускула въ тѣлѣ, весь азотъ выдѣляется въ видѣ мочевины и при этомъ сгараніи вѣсъ мочевины равняется почти ровно $^1/_3$ вѣса сгарающаго мускула. Если мочевину сжечь въ кислородѣ и опредѣлить число выдѣляющихся при этомъ калорическихъ единицъ тѣмъ же способомъ, какъ это сдѣлано для мускула, то получается на каждый граммъ мочевины 2,206 калорическія единицы. Одна треть этого количества или $2,206 : 3 = 0,735$ калорическихъ единицъ, представляетъ то число калорическихъ единицъ, которое приходилось на долю сгаравшей мочевины при сжиганіи въ калориметрѣ 1 грамма мускула.

Слѣдовательно, если мы вычтемъ это число изъ общаго итога калорическихъ единицъ, получившихся при сжиганіи мускула въ кислородѣ, то и получимъ число калорическихъ единицъ, которое должно дать неполное сгараніе мускула, какое происходитъ въ тѣлѣ, а именно $5,103 - 0,735 = 4,368$ калорическихъ единицъ.

Такимъ путемъ Франкландъ опредѣлилъ первую изъ необходимыхъ величинъ.

Опытъ Фика и Вислиценуса состоялъ въ измѣреніи работы, которая сдѣлана была ихъ тѣломъ при восхожденіи на Фаульгорнъ отъ Бріенцскаго озера. Высота Фаульгорна надъ поверхностью озера по тригонометрическимъ измѣреніямъ равняется 1,956 метрамъ. Фикъ вѣсилъ, вмѣстѣ съ одеждой, палкой и шляпой 66 килограммовъ, а Вислиценусъ 76.

Слѣдовательно, взойдя на Фаульгорнъ, Фикъ поднялъ сво-

ними мускулами 66 килограммовъ, а Вислиценусъ 76 на высоту 1,956 метровъ, и внѣшняя работа Фика равнялась 129,096 килограммометрамъ, и Вислиценуса 148,656 килограммометрамъ.

Кромѣ этой чисто внѣшней работы, во время восхожденія, организмъ путешественниковъ совершилъ другую работу, которая шла на дыханіе и біеніе сердца и проч., которую можно опредѣлить только приблизительно. Работа сердца принимается около 0,64 килограммометра для каждой систолы; 0,43 килограммометра представляютъ работу лѣваго и 0,21 праваго желудка. Во время восхожденія пульсъ Фика дѣлалъ около 120 ударовъ въ минуту, слѣдовательно работа его сердца была для пяти часовъ съ половиной, употребленныхъ на восхожденіе,—6,055. 120. 0,64=25,344 килограммометра. Для работы дыханія Фикъ, на основаніи изслѣдованій Дондерса относительно условій, въ которыхъ дѣйствуетъ грудная клѣтка, считаетъ возможнымъ вычислить эту работу въ 0,63 килограммометра на каждые 600 кубическихъ центиметровъ вдыхаемаго воздуха. Фикъ во время восхожденія дѣлалъ 25 вдыханій въ минуту и поэтому счету его работа дыханія равнялась, въ теченіи всего восхожденія, 5,197 килограммометрамъ.

Обѣ работы вмѣстѣ, то-есть, работа сердца и дыханія составляли для Фика 25,344+5,197=30,541 килограммометра, а эта работа сложенная съ работою, совершенною мускулами для восхожденія = 159,637 килограммометрамъ. «Конечно, — пишетъ Фикъ, — и этотъ итогъ еще только приблизительный, потому что не вся дѣятельность мускуловъ выражалась при этомъ во взятой въ разсчетъ внѣшней работѣ. Путешественники проходили при этомъ ровныя мѣста и даже спуски. Въ это время они не поднимались, конечно, на высоту, а между тѣмъ процессъ, освобождающій силу въ тѣлѣ, долженъ былъ продолжаться и въ это время, и хотя эта сила не утилизировалась для внѣшней работы, но она терялась, въ этомъ случаѣ, въ видѣ теплоты. Кромѣ того, для поддержанія равновѣсія тѣла извѣстная часть мускуловъ должна находиться въ состояніи постояннаго напряженія или тетаноса. Для этого требуется точно также постоянное освобожденіе силы, ибо хотя сила при этомъ и не тратится въ формѣ внѣшней работы, но она тратится въ видѣ теплоты». Эта оговорка сдѣлана для того, чтобы показать, что опредѣленная выше работа путешественниковъ при восхожденіи на Фаульгорнъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться преувеличенной.

Мы имѣемъ теперь и вторую необходимую величину. Наконецъ, послѣдняя величина или количество мускула, дѣйствительно окислившагося въ теченіи восхожденія, также была опредѣлена

самими экспериментаторами. Они опредѣлили количество азота, выдѣлившагося въ мочѣ во время восхожденія и въ теченіи 6-ти часовъ, слѣдовавшихъ за восхожденіемъ. Для Фика эти числа были 3,21 и 2,43 грамма. Вѣсъ сухого мускула, соотвѣтствующій этимъ числамъ, составляетъ 20,98 и 16,19 граммовъ. Итого, слѣдовательно, въ теченіи $11^1/_2$ часовъ въ тѣлѣ Фика должно было быть сожжено 37,17 грамма сухого мускула.

Припомнивъ, что, по опредѣленію Франкланда, сгараніе въ тѣлѣ 1 грамма мускула должно дать 4,368 калорическихъ единицъ, найдемъ, что сгараніе 37,17 граммовъ должны были произвести 4,368. 37,17=162,36 калорическихъ единицъ, которыя (полагая механическій эквивалентъ теплоты, какъ это принимаетъ Франкландъ, равнымъ 423) составятъ 68,090 килограммометровъ работы. Работа же, дѣйствительно совершенная Фикомъ во время восхожденія, равнялась, какъ нашли выше, 159,637 килограммометрамъ. Сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ, что работа, совершенная Фикомъ во время восхожденія, была болѣе чѣмъ вдвое больше той, какую могло бы дать сгараніе мускула, а потому она, ни въ какомъ случаѣ, не могла бы быть совершена насчетъ сгаранія мускула. Но и это отношеніе между обѣими работами выведено еще въ томъ предположеніи, что вся живая сила, получающаяся при сгараніи мускула, превращается въ работу. Мы однако ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить такого предположенія. Лучшая паровая машина превращаетъ въ дѣйствительную работу едва $^1/_{10}$ освобождающейся на работу теплоты. По измѣренію Гельмгольца, въ организмѣ этотъ процентъ доходитъ до $^1/_5$, а по измѣренію Гайденгайна, при благопріятныхъ условіяхъ мускулъ можетъ обращать въ работу $^1/_2$ живой силы въ немъ освобождающейся. Если принять эту наибольшую величину, то въ такомъ случаѣ 37,11 граммовъ сгорѣвшихъ мускуловъ произведутъ всего 68,690 : 2 = 34,345 килограммометровъ работы или работа, которую въ состояніи произвести ихъ сгараніе будетъ составлять только $^1/_5$ той, которая дѣйствительно была совершена въ опытѣ Фикомъ. Смитъ производилъ подобный же опытъ надъ работой преступниковъ на колесѣ, употребляемомъ при постройкахъ для поднятія тяжестей, Плайферъ—надъ работой письмоносцевъ.

Франкландъ примѣнилъ разсчетъ, сдѣланный имъ по поводу опыта Фика, къ этимъ опытамъ и вездѣ результатъ оказался тотъ же. Все это, по его мнѣнію, должно вести къ несомнѣнному убѣжденію, что работа нашихъ мускуловъ совершается прямо насчетъ пищи, не требуя предварительно обращенія ея въ ткань. «Все, что для этого нужно, говоритъ Франкландъ, это, чтобы

составныя части пищи переварились, ассимилировались кровью и въ ней циркулировали».

«Тогда,—пишетъ Франкландъ,—мы будемъ имѣть въ крови съ одной стороны горючую пищу, которая поступаетъ въ нее однимъ путемъ, съ другой кислородъ, поступающій другимъ путемъ, и мы будемъ имѣть оба химическіе элемента, необходимые для горѣнія и освобожденія силы. Кровь эта постоянно циркулируетъ по мускулу и носитъ въ себѣ эти элементы. Но между обоими элементами не происходитъ пока никакого взаимодѣйствія. Нервъ есть тотъ аппаратъ, который разрѣшаетъ начаться окисленію; тогда пища сгараетъ насчетъ кислорода крови, сила освобождается и мускулъ превращаетъ часть этой силы въ работу, другая же часть ея принимаетъ форму теплоты, и это, прибавляетъ Франкландъ, по всей вѣроятности есть и единственный источникъ животной теплоты въ тѣлѣ».

Я заключу изложеніе работы Франкланда приведеніемъ таблицъ Франкланда, выражающихъ результаты его опытовъ надъ сжиганіемъ различныхъ питательныхъ матеріаловъ, такъ какъ эти таблицы составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для всякаго, кто бы желалъ подробнѣе освоиться съ предметомъ.

Живая сила, развиваемая однимъ граммомъ различныхъ питательныхъ веществъ, когда ихъ сжигаютъ въ кислородѣ.

Названіе питательныхъ веществъ.	Единицы теплоты увеличатся въ 100 разъ.		Килограммометры силы.		Процентъ воды.
	Въ сухомъ видѣ.	Въ естественномъ состояніи.	Въ сухомъ видѣ.	Въ естественномъ состояніи.	
Сыръ (чеширскій) . .	6,114	4,647	2,589	1,969	24,0
Картофель	3,752	1,013	1,589	429	73,0
Яблоки	3,669	660	1,554	280	82,0
Овсяная каша . . .	—	4,004	—	1,696	—
Мука	—	3,941	—	1,669	—
Гороховая мука. . .	—	3,936	—	1,667	—
Рисовая мука . . .	—	3,813	—	1,615	—
Арорутъ	—	3,912	—	1,657	—
Хлѣбъ (мякишъ) . .	3,984	2,231	1,687	945	44,0
Хлѣбъ (корка). . .	—	4,459	—	1,888	—
Говядина (безъ жиру) .	5,313	1,567	2,250	664	70,5
Телятина (безъ жиру) .	4,514	1,314	1,912	556	70,9
Ветчина (безъ жиру) .	4,343	1,980	1,839	839	54,4

Макрель	6,064	1,789	2,568	758	70,5
Мерланъ	4,520	904	1,914	383	80,0
Яичный бѣлокъ	4,896	671	2,074	284	86,3
Крутое яйцо	6,321	2,383	2,677	1,009	62,3
Яичный желтокъ	6,460	3,423	2,737	1,459	47,0
Желатина	4,520	—	1,914	—	—
Молоко	5,093	662	2,157	280	87,0
Морковь	3,767	527	1,595	223	86,0
Капуста	3,776	434	1,599	184	88,5
Какао	—	6,873	—	2,911	—
Говяжій жиръ	9,069	—	3,841	—	—
Масло	—	7,264	—	3,077	—
Тресковый жиръ	—	9,107	—	3,857	—
Бѣлый сахаръ	—	3,348	—	1,418	—
Эль (Bass'sale)	3,776	775	1,599	328	88,4
Пиво (Guiness's stout)	6,348	1,076	2,688	445	88,4

Живая сила, развиваемая однимъ граммомъ различныхъ питательныхъ веществъ, окисляющихся въ тѣлѣ.

Названіе питательныхъ веществъ.	Килограммометры силы.	
	Въ сухомъ видѣ.	Въ естественномъ состояніи.
Сыръ (чеширскій)	2,429	1,846
Картофель	1,563	422
Яблоки	1,516	273
Овсяная каша	—	1,665
Мука	—	1,627
Гороховая мука	—	1,598
Рисовая мука	—	1,591
Арорутъ	—	1,657
Хлѣбъ (мякишъ)	1,625	910
Говядина (безъ жиру)	2,047	604
Телятина (безъ жиру)	1,704	496
Ветчина (безъ жиру)	1,559	711
Макрель	2,315	683
Мерланъ	1,675	335
Яичный бѣлокъ	1,781	244
Крутое яйцо	2,562	966
Яичный желтокъ	2,641	1,400
Желатина	1,550	—
Молоко	2,046	266
Морковь	1,574	220

Капуста.	1,543	178
Какао	—	2,902
Говяжій жиръ.	3,841	—
Масло	—	3,077
Тресковый жиръ	3,857	—
Бѣлый сахаръ.	—	1,418
Эль (Bass'sale, въ бутылкѣ)	1,559	328
Пиво (Guiness's stout).	2,688	455

Относительно вопроса о томъ, какія составныя части пищи служатъ источникомъ силы, азотистыя или безъазотистыя, Франкландъ основывался на томъ, что количество выдѣляющагося азота не увеличивается во время работы, и полагаетъ возможнымъ считать, что главными источниками силы должны служить углеводородныя части, какъ-то: крахмалъ, жиръ и проч.

Настоящее же назначеніе азота должно быть пластическое обновленіе самой мускульной ткани, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы и азотъ безусловно не могъ служить тому же назначенію, какъ и углеводороды.

III.

Теперь мы посмотримъ, насколько данныя, собранныя защитниками обѣихъ изложенныхъ теорій, достаточны для опредѣленія средней нормальной пищевой порціи. Мы начнемъ съ послѣдней изложенной теоріи, такъ какъ собственно говоря она одна даетъ возможность сдѣлать опредѣленіе такой порціи путемъ чисто теоретическимъ. Мы увидимъ, что такое опредѣленіе будетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ лучшей повѣркой основательности этой теоріи.

Въ механикѣ принимается, что человѣкъ производитъ наибольшую работу въ томъ случаѣ, когда работаетъ съ среднимъ усиліемъ, средней скоростью и среднее число часовъ. Принимая согласно Герстнеру для перваго 0,85 пуда, для второго 2,5 фута и для третьяго 8 часовъ, получимъ для дневной работы человѣка 61,200 пудо-футовъ или 293,760 килограммометровъ. Эту работу человѣкъ можетъ производить изо дня въ день не истощаясь. Къ этой работѣ слѣдуетъ прибавить работу дыханія и работу сердца. Полагая среднее число систолъ въ теченіи 24 часовъ по 75-ти въ минуту и 0,64 килограммометра работы на каждую систолу, получимъ всего для работы сердца 69,120 к.м. Наконецъ, по Фиву, работа при вдыханіи 600 кубическихъ

центнеровъ воздуха, вводимыхъ съ однимъ дыханіемъ въ минуту, равняется 0,63 килограммамъ и принимая 12 вдыханій въ минуту, работа дыханія будетъ 10,886 к.м.

Итого:

работа мускуловъ	. . .	293,760
» сердца		69,120
» дыханія		10,886
		373,766 килогр. мет.

Если принимать, что въ этотъ счетъ не вошли перистальтическія движенія, напряженіе мускуловъ удерживающихъ тѣло въ равновѣсіи, наконецъ всѣ прочія движенія, которыя совершаетъ человѣкъ во время отдыха, то 400,000 килограммометровъ работы не будутъ преувеличены. $\frac{400,000}{425} = 941$ калорическихъ единицъ.

По таблицѣ Франкланда, сжиганіе въ кислородѣ 1 грамма

хлѣба даетъ		2,231 к. ед.
говядины		1,567 » »
жира		9,069 » »

Слѣдовательно, чтобы произвести означенную работу, человѣкъ, въ теченіи сутокъ, долженъ сжечь:

	килограммы.	фунты.
хлѣба . .	$\frac{941}{2,231} = 0,492$	1,09
говядины	$\frac{941}{1,567} = 0,620$	1,5
жира . .	$\frac{941}{9,069} = 0,107$	0,26

Все это въ томъ случаѣ, еслибы пища сгарала совершенно и, кромѣ того, вся освобождаемая при этомъ сила обращалась въ работу. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ и мускулъ, какъ извѣстно, можетъ обратить въ работу только часть освобождающейся силы, по Гельмгольцу $^1/_5$, по Гайденгайну $^1/_2$. Оставляя пока въ сторонѣ неточность разсчета, проистекающую отъ неполнаго сгаранія, разсмотримъ послѣдній вопросъ: какой мы должны принять изъ приведенныхъ коэффиціэнтовъ для полезной работы мускула?

Если излагаемая теорія заслуживаетъ вѣроятія, въ такомъ случаѣ, къ опредѣленію этого коэффиціэнта можно подойти косвенно. Мы знаемъ, что кромѣ силы, обращающейся въ работу, организмъ нуждается въ производствѣ извѣстнаго количества теплоты. Слѣдовательно, кромѣ 941 калорическихъ единицъ, которыя должны быть обращены въ работу, организмъ требуетъ извѣстнаго числа калорическихъ единицъ въ формѣ теплоты.

Вся эта теплота, согласно излагаемой теоріи, образуется точно также насчетъ сгаранія такой же пищи, какъ и та, насчетъ которой образуется работа. Слѣдовательно, зная это количество теплоты въ калорическихъ единицахъ, подлежащихъ суточному производству для работы, узнаемъ отношеніе калорическихъ единицъ, обращающееся въ работу и остающееся въ формѣ теплоты.

Опредѣленіе ежедневнаго расхода теплоты было давно сдѣлано Гельмгольцемъ [1]).

Опредѣляя: 1) количество теплоты, нужное, чтобы нагрѣть пищу и питье отъ той температуры, при которой они поступаютъ въ организмъ, до средней температуры тѣла 37° Цельзія;

2) количество теплоты на нагрѣваніе вдыхаемаго воздуха;

3) на образованіе водяныхъ паровъ, выдѣляемыхъ легкими, и

4) испареніе черезъ кожу,—

Гельмгольцъ полагалъ 2,700 калорическихъ единицъ для ежедневнаго расхода; при чемъ 77,5% этой суммы приходилось на накожное испареніе. Ранке выводитъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій при обыкновенной и исключительно азотистой, и наконецъ исключительно безъазотистой пищѣ, среднее 2,200 калорическихъ единицъ.

Это есть то число калорическихъ единицъ, которое должно освобождаться въ организмѣ въ видѣ теплоты.

Если къ нему придать то число, которое должно обратиться ежедневно въ работу, то сумма и составитъ общее количество, выраженное въ калорическихъ единицахъ, той силы, которая должна быть освобождена въ организмѣ въ сутки, а именно:

собственно теплота . . .	2,200	
работа . . .	941	
итого . . .	3,141	калорич. единицъ.

Въ этомъ итогѣ теплота, соотвѣтствующая работѣ, будетъ занимать 0,3. И на этомъ основаніи экономическій коэффиціэнтъ работы мускула долженъ быть 0,3 или изъ всей теплоты, которая производится насчетъ пищи, мускулъ обращаетъ въ работу приблизительно $^1/_3$, а $^2/_3$ остаются въ формѣ теплоты.

Слѣдовательно, если придерживаться теоріи, по которой пища, поступая въ организмъ, распредѣляется на двѣ части, одну углеводородистую, сгарающую прямо, не поступая въ ткань для производства теплоты и механической силы, и другую азотистую, идущую собственно на обновленіе ткани, то при этомъ состав-

[1]) «Ueber thierische Wärme», въ Medicinische Encyclop.

ляется слѣдующій разсчетъ для главнѣйшихъ изъ общеупотребительныхъ веществъ, необходимыхъ на согрѣваніе и дѣятельность организма:

	килог.	фунты.
хлѣба . . .	1,26	3,27
мяса . . .	1,86	4,5

Это—то количество углеводородистой пищи, которое потребно для производства работы и согрѣванія организма. Кромѣ этой пищи необходима еще другая, которая имѣетъ пластическую функцію,—пища спеціально азотистая.

Относительно количества азота, въ которомъ нуждается организмъ, обѣ партіи физіологовъ соглашаются, что величина работы не имѣетъ вліянія на количество его выдѣленія и это количество, напротивъ, соображается не съ той работой, которую производитъ человѣкъ, а съ тѣмъ количествомъ азота, который онъ съѣдаетъ. Чѣмъ больше онъ потребитъ азота, тѣмъ больше и выдѣлитъ. Будетъ ли человѣкъ работать или нѣтъ, ткань разрушается и должна обновиться, какъ соглашаются и самые защитники послѣдней теоріи. Потребность въ азотѣ есть, слѣдовательно, величина приблизительно постоянная и не зависящая отъ работы; говорю приблизительно, потому что работающій мускулъ долженъ все-таки разрушаться быстрѣе, чѣмъ неработающій.

За нормальное суточное выдѣленіе азота Гельмгольцъ и Фикъ принимаютъ 17,7 граммовъ, а Ранке 15, 22 грамма. Эти-то 15 или 17 граммовъ азота намъ нужно еще взять въ разсчетъ.

Но въ только-что выведенныхъ уже количествахъ суточныхъ порцій мяса и хлѣба заключается уже извѣстное количество азота, который, согласно излагаемой теоріи, не составляетъ необходимаго источника силы. Слѣдовательно, весь заключающійся въ этихъ порціяхъ азотъ можетъ быть обращенъ на образованіе ткани, и придется придать къ нему только такое количество азота, какое нужно для дополненія имѣющихся уже до 15 граммовъ.

Можно замѣтить, что черезъ это понизится число калорическихъ единицъ, которыя останутся въ опредѣленныхъ выше порціяхъ. То-есть, калорическій пай хлѣба и мяса понизится, если отнять отъ нихъ азотъ. Дѣйствительно, этотъ пай долженъ будетъ понизиться тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ азотомъ должны будутъ отойти и соотвѣтствующія ему части углеводородовъ, необходимыхъ для образованія мочевины. Но если это и такъ, то ничто не мѣшаетъ намъ пополнить этотъ недочетъ новыми углеводородами.

Во всякомъ случаѣ, прежде всего нужно будетъ узнать, какъ велико будетъ это пониженіе. Разсчетъ, приведенный подъ чертой[1]), показываетъ, что пониженіе будетъ весьма невелико и за вычетомъ останется 2,541,7 кал. ед.

А по нашему разсчету всего нужно 31,41 калорическихъ единицъ; то-есть, остается почти тоже, что нужно. Недостатокъ, особенно при хлѣбѣ, столь ничтоженъ, что надъ нимъ не стоитъ останавливаться. При хлѣбѣ онъ менѣе, чѣмъ 200 калорическихъ единицъ, а 200 калорическихъ единицъ покроются 22 граммами или 0,022 килограммами добавочнаго жира; при говядинѣ онъ равенъ почти 600 калор. единиц., которыя покроются 66 граммами добавочнаго жира.

Слѣдовательно, по нашему разсчету нормальныя порціи будутъ: 1) въ случаѣ питанія хлѣбомъ: 1,260 килограммъ хлѣба и 0,022 килограм. жира; 2) въ случаѣ питанія мясомъ: 1,86

---

[1]) Узнаемъ, насколько дѣйствительно понизится калорическій пай хлѣба и мяса, если отнять отъ нихъ азотъ. Мы взяли для этихъ паевъ числа Франкланда, полученныя прямымъ сжиганіемъ этихъ веществъ, и эти паи были для 1 грамма хлѣба 2,231, говядины 1,567 и жира 9,569.

Если разложить тѣже вещества на химическіе элементы, то, согласно Ранке, въ 100 граммахъ

	N.	C.	H.	O.
говядины	3,4	12,72	1,73	5,15
хлѣба	1,3	28,35	3,45	22,33

	N.	C.	H.	O.
Въ 1260 граммахъ хлѣба будетъ . .	16,38	357,2	43,07	317,78
» 1860 » говядины .	63,24	236,60	32,18	95,80

Если весь азотъ обратится въ мочевину, то по формулѣ мочевины $C_2\ H_4\ N_2\ O_2$ съ нимъ вмѣстѣ:

	N.	H.	C.	O.
Въ говядинѣ	63,24	9	28	36
» хлѣбѣ	16,38	2,34	7,02	9,36

Останется:

	C.	H.	O.
Въ хлѣбѣ	350,18	40,73	299,42
» говядинѣ	218,60	30,00	60,00

299,42 грам. кислорода потребуютъ для образованія воды 37,42 водорода, а 60 гр. кис. 75 водор.—слѣдовательно, остается на производство теплоты и работы:

	C.	H.
при хлѣбѣ	350,18	3,31
» говядинѣ	218,60	22,50

350,18 C. дадутъ 350,18 — 8,08 = 2,829,45 к. е.
3,31 N. » 3,31.34, 462 = 114,07 к. е.

итого 2,943,52

218,6 C дадутъ 218,6 . 8,08 = 1,766,3
22,5 N » 22,5 . 34,462 = 775,4

итого 2,541,7

кил. мяса и 0,065 кил. жира. Въ первомъ случаѣ организмъ получитъ 358,6 гр. С и 16, 38 N. Во второмъ: 280,80 С и 63, 24 N.

Таковы предварительныя данныя, вытекающія изъ разсматриваемой нами физіологической теоріи, для рѣшенія главнаго вопроса, насъ занимающаго, о количествѣ пищи, въ которой нуждается средній человѣкъ.

Данныя эти, какъ могъ видѣть читатель, получены нами теоретическимъ путемъ. Мы взяли за начало разсчета данныя о количествѣ работы, какое можетъ совершить средній человѣкъ, изъ области совершенно посторонней физіологіи—изъ механики. Мы вычислили затѣмъ количество горючаго матеріала или пищи, соотвѣтствующее этой работѣ на основаніи калориметрическихъ измѣреній, произведенныхъ Франкландомъ надъ сжиганіемъ различныхъ родовъ пищи въ кислородѣ.

Затѣмъ, непосредственныя физіологическія измѣренія показали намъ количество теплоты, которое долженъ израсходовать организмъ въ теченіи сутокъ, независимо отъ работы. Мы опредѣлили соотвѣтствующее этой теплотѣ количество пищи и сложили вмѣстѣ оба, полученныя такимъ образомъ, количества пищи: одно, соотвѣтствующее работѣ, другое—теплотѣ. Итогъ показалъ количество пищи, необходимое на содержаніе машины въ дѣйствіи. Наконецъ согласныя физіологическія наблюденія указали намъ прямо количество пищи, которое соотвѣтствуетъ собственно содержанію ткани.

Посмотримъ теперь, чтó даетъ намъ для рѣшенія того же вопроса теорія Либиха и Ранке.

Вышеприведенные разсчеты Франкланда показали, что количество сгарающихъ во время работы мускуловъ не въ состояніи покрыть $^1/_5$ совершающейся въ тоже время работы. Мы сами нашли суточную работу равною 400 тыс. килограммометрамъ, что при экономическомъ коэффиціэнтѣ организма, равномъ $^1/_3$, составитъ 1,200 тыс. килограммометровъ работы. Сгарающіе же въ сутки 0,114 килограммовъ мускулъ въ состояніи дать только 210 т. килограммометровъ силы, или $^1/_5$ означеннаго количества. Поэтому теорія Либиха не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ, насъ занимающій, основываясь на началахъ механической теоріи теплоты, которая составляетъ однако единственное руководящее начало и для физіологовъ этой школы въ разъясненіи основъ жизненнаго процесса. Ранке, правда, объясняетъ, что азотъ мускула дѣйствуетъ; въ этомъ случаѣ, какъ рѣка или потокъ, который, смотря потому какъ его употребить, можетъ совершить бóльшую или меньшую работу; но это поэ-

тическое уподобленіе мало имѣетъ въ себѣ убѣдительнаго и даже понятнаго. Рѣку можно запрудить, можно сдѣлать быстрѣе или увеличить паденіе. Но какимъ образомъ, сжигая мускулы, можно получить больше живой силы, чѣмъ можетъ дать его сгараніе; какимъ образомъ сгорѣвшіе мускулы можно заставить еще горѣть—это принадлежитъ къ числу тѣхъ тайнъ, которыя, если были бы открыты, то ниспровергли бы всѣ существующія основы физики, доказали бы возможность perpetuum mobile и разрѣшили бы секретъ безграничнаго изобилія средствъ. Къ сожалѣнію, это пока противно теоріи, которая внесла первые лучи свѣта въ темную область физіологіи.

Правда, можно заставить мускулъ горѣть нѣсколько разъ, но не иначе, какъ возстановляя его каждый разъ послѣ сгаранія. Поэтому ничто не мѣшаетъ допустить конечно, что и въ настоящемъ случаѣ сила можетъ образовываться насчетъ сгаранія, окисленія мускула, что мускулъ будетъ окисляться, но что за такимъ его окисленіемъ можетъ слѣдовать возстановленіе азотистаго содержимаго мускула. Само собою разумѣется, что такое возстановленіе можетъ происходить только насчетъ посторонней силы; но развѣ у насъ нѣтъ постояннаго источника такой силы въ орошающей мускулъ крови? Насчетъ этой-то силы можетъ совершаться возстановленіе содержимаго мускула; мускулъ становится опять годенъ къ окисленію и т. д. Но въ такомъ случаѣ мускулъ становится уже аппаратомъ, утилизирующимъ силу, развивающуюся внѣ его насчетъ горѣнія крови, и наше объясненіе подходитъ подъ теоріи Фика и Франкланда. Чтобы оправдать теорію Ранке, нужно допустить другое, нужно допустить, что кровь несетъ мускулу двоякое содержаніе: 1) кислородъ, 2) бѣлокъ. Содержимое мускула окисляется насчетъ кислорода крови, и разъ окислившись, его содержимое становится болѣе негодно для производства силы; но въ тоже время въ мускулъ поступаютъ изъ крови новыя количества азотистаго горючаго содержанія. Объясненіе это не имѣло бы въ себѣ ничего невѣроятнаго. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ количества сгарающаго въ тѣлѣ азота должны бы были быть пропорціональны производимой работѣ, а это, однако же, признается несправедливымъ обѣими школами.

Слѣдовательно, такое предположеніе не отвѣчаетъ дѣйствительности и нужно думать, что это къ счастію человѣчества, потому что, въ случаѣ его вѣрности, количества азота, которыя долженъ былъ бы потреблять человѣкъ, значительно должны бы были увеличиться; а мы увидимъ, что азотъ и составляетъ тотъ

матеріалъ, который пріобрѣтается человѣкомъ съ наибольшимъ трудомъ и стóитъ дороже всѣхъ элементовъ пищи.

Итакъ, повидимому, природа распорядилась остроумнѣе, чѣмъ слѣдовало бы изъ теоріи Ранке и Либиха, и первое предположеніе ближе должно подходить къ дѣйствительности. Если оно справедливо, то въ немъ мы имѣемъ если не полное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, довольно связное представленіе и о томъ способѣ, которымъ мускулъ утилизируетъ освобождающуюся силу.

Такое объясненіе, дѣйствительно, было дано нѣсколько лѣтъ тому назадъ Германомъ[1]). Я приведу его собственныя слова.

«Относительно вопроса о томъ порядкѣ, какимъ совершается возстановленіе мускула, — говоритъ онъ, — можно сдѣлать два предположенія: 1) можно предположить, что кровь, притекающая къ мускулу, выноситъ съ собою каждый разъ всѣ продукты его разрушенія, все измѣнившееся работой его содержаніе и взамѣнъ вноситъ въ мускулъ такое же количество новаго матеріала; 2) можно предполагать, что подъ вліяніемъ крови происходитъ не замѣщеніе негоднаго содержанія годнымъ, а возстановленіе негоднаго содержанія мускула; что она выноситъ только часть продуктовъ разрушенія, а вмѣсто ихъ вноситъ новые элементы, которые, въ связи съ остающимися продуктами разрушенія, служатъ возстановленію содержанія мускула».

«Мы, очевидно, должны принять послѣднее, ибо мы знаемъ: 1) что кровь несетъ постоянно мускулу и въ особенномъ количествѣ во время работы такое вещество, которое находится въ ближайшей связи съ возстановленіемъ мускула и однако само по себѣ не составляетъ готоваго содержанія мускула—это кислородъ; 2) что изъ трехъ продуктовъ разрушенія удаляются не всѣ. Продуктами разрушенія во время работы мускула являются углекислота, молочная кислота и бѣлковое студенистое тѣло, хорошо неизслѣдованное, міозинъ. Удаляется углекислота, можетъ быть молочная кислота, но міозинъ (азотическое содержимое) несомнѣнно остается, ибо иначе, во время работы, расходъ организмомъ азота долженъ бы былъ увеличиваться, а это противорѣчитъ всѣмъ наблюденіямъ. Все это приводитъ къ тому взгляду, что возстановленіе мускула должно представлять дѣйствительно синтетическій процессъ, для котораго кровь поставляетъ кислородъ и углеродъ, мускулъ же продукты разрушенія, міозинъ, а можетъ быть также молочную кислоту».

Физіологи школы Либиха, не имѣя возможности опредѣлить

---

[1]) Untersuchungen über Stoffwechsel der Muskeln, v. Herrmann. Berlin, 1867, стр. 81.

теоретически количество пищи, въ которомъ нуждается человѣкъ, произвели тщательныя наблюденія для опредѣленія этого количества, путемъ чисто эмпирическимъ. До послѣдняго времени эти эмпирическія данныя составляли единственныя, которыми могъ воспользоваться экономистъ. Онѣ имѣютъ для насъ еще ту великую важность, что могутъ служить лучшей повѣркой только-что приведенныхъ теоретическихъ разсчетовъ.

По наблюденіямъ Молешотта, суточная порція сильно работающаго человѣка должна заключать:

бѣлковыхъ веществъ	130	грам.
жира	84	—
крахмальныхъ	404	—
соли	30	—
воды	2,800	—
	3,448	грам.

Въ томъ числѣ общее содержаніе азота — 20,2 гр. и углерода 320 гр.; отношеніе того и другого какъ 1 : 15.

По наблюденіямъ Ранке, которыя онъ производилъ самъ надъ собою въ теченіи цѣлой недѣли, сохраняя постоянно вѣсъ своего тѣла въ 72 к. г.—для покрытія расхода было достаточно:

250	грм.	мяса	=	8,5 г. N.	и	31,8	гр. C.
400	—	хлѣба	=	5,1 —	—	97,44	—
70	—	крахмалу	=	0 —	—	26,05	—
70	—	бѣлка	=	1,52 —	—	5,99	—
30	—	масла				67,94	—
10	—	соли.					
2100	—	воды.					

Итого N. 15,22 гр.—C. 228,22 гр.

Отношеніе N и C = 1 : 15.

Насколько эта порція достаточна для покрытія расхода, по мнѣнію Ранке долженъ доказывать измѣрявшійся имъ въ тоже время расходъ. При приходѣ 15 гр. N. и 228,22 C., расходъ заключалъ:

въ мочѣ	14,84	грм. N.	и	6,52	C.
въ калѣ	1,12	—	—	10,6	—
въ дыханіи	0	—	—	207,0	—

Итого 15,96 грм. N. и 224,12 C.

На этомъ основаніи онъ полагаетъ для человѣка, вѣсомъ въ 74 к. г., при *умѣренной* работѣ достаточнымъ:

бѣлковыхъ веществъ	100	гр.
жира	100	—

крахмалу	240 гр.
соли	25 —
воды	2600 —
	3065 гр.

Сравнивая эти данныя, выведенныя для *умѣренной работы*, съ данными Молешотта для сильной работы,—оказывается, что главная разница между ними заключается въ количествѣ крахмалистыхъ и жировыхъ веществъ, насчетъ которыхъ преимущественно и развивается теплота; поэтому, если принять въ соображеніе, что однѣ данныя выведены для сильной, другія для умѣренной работы, то данныя обоихъ физіологовъ будутъ довольно сходны. Количества азота, выведенныя для умѣренной и сильной работы, остаются тѣже.

Если питать человѣка одной говядиной, то для этого по Ранке потребуется 2 килограмма говядины въ сутки. Въ ней будетъ заключаться 0,068 килограммъ азота и 0,25 килограммъ углерода. Отношеніе обоихъ будетъ какъ:

$$1 : 3,7.$$

Для питанія въ проголодь (hungerkost), отношеніе углерода къ азоту можетъ быть понижено до:

$$1 : 20,5.$$

При исключительно безъазотистой пищѣ организмъ потребляетъ азотъ, уже въ немъ содержащійся, и тогда это отношеніе доходитъ до:

$$1 : 24,7.$$

Въ этомъ случаѣ сгараетъ въ сутки 8 грам. азота. 8 граммовъ составляютъ, слѣдовательно, минимумъ количества азота, которое организмъ долженъ выдѣлить въ сутки и которое, слѣдовательно, неизбѣжно придать ему для поддержанія жизни.

8 граммовъ азота будутъ, слѣдовательно, низшимъ предѣломъ потребленія азота. На томъ же основаніи количество азота, потребляемаго при чисто мясной пищѣ, должно быть наибóльшимъ предѣломъ потребленія азота, возможнымъ для организма. Этотъ предѣлъ имѣетъ дѣйствительное мѣсто у животныхъ, питающихся исключительно мясной пищей или плотоядныхъ.

Итакъ, отношеніе азота къ углероду въ пищѣ, по прямымъ наблюденіямъ, можетъ колебаться отъ $\frac{1}{3,7}$ до $\frac{1}{24,7}$.

Попробуемъ сравнить эти эмпирическіе результаты съ тѣми числами, которыя нами получены выше путемъ теоретическаго разсчета.

При чисто мясной пищѣ по Ранке требуется въ сутки на человѣка 2 килограмма говядины; мы нашли выше 1,86 килограмма мяса. — Но наши разсчеты сдѣланы въ томъ предположеніи, что вся пища переваривается.

Въ этомъ же предположеніи и Ранке для говядины выводитъ 1,8 килограмма; поэтому, въ этомъ случаѣ наши цифры совершенно сходятся съ выведенными изъ прямыхъ наблюденій.— Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, и отношеніе углерода къ азоту въ пищѣ точно также будетъ тоже, какое полагаетъ Ранке.

При пищѣ исключительно хлѣбной, мы нашли 16,38 граммовъ азота и 350 гр. углерода и если положить, что изъ нихъ переваривается 85%, то 18,82 грам. азота и 400 углерода; Ранке же полагаетъ для сильнаго рабочаго 15,22 граммовъ азота и 227,7 углерода, а для питанія, регулируемаго исключительно инстинктомъ,—19,56 грам. и 218,1½,—а Молешоттъ для сильнаго рабочаго 20,2 азота и 320 углерода.

Выведенныя нами цифры опять сходятся довольно близко съ цифрами, полученными изъ прямого наблюденія, и занимаютъ среднее положеніе между выводами Ранке и Молешотта.

Намъ было любопытно сравнить наши разсчеты съ дѣйствительными порціями, встрѣчающимися въ жизни. Для примѣра, мы взяли эмпирическій ежедневный расходъ семейства средняго состоянія въ Петербургѣ, питающагося съ совершеннымъ достаткомъ. Семейство состоитъ изъ 4-хъ лицъ: двухъ взрослыхъ, 1 ребенка 11-ти лѣтъ и одного—2-хъ лѣтъ. Сверхъ того въ немъ содержатся 4 человѣка женской прислуги.

Сдѣлаю разсчетъ для прислуги отдѣльно, такъ какъ она питается особо.

	Въ сутки, на 4 лица, составляющія семейство.			На 4 лица прислуги.	
Говядины . . .	2	килограмма;		1	к. г.
хлѣба	1	»	»	3	»
сахару . . .	0,16	»	»		
молока . . .	1,12	»	»		
масла	0,12	»	»	0,12	»
крупы				1	»
капусты				0,5	»

За основаніе разсчета примемъ слѣдующую таблицу содержанія углерода и азота въ различныхъ веществахъ, составленную отчасти по даннымъ, заимствованнымъ у Ранке, отчасти заимствованнымъ изъ книги Шумахера: «Erschöpfung und Ersatz im Ackerbau».

Въ одномъ килограммѣ:	Азота, килограммъ.	Углерода, килограммъ.	
Говядины . . .	0,034	0,1272	Ранке.
хлѣба	0,013	0,2835	
сахара. . . .	—	0,3820	
сала	—	0,6800	
масла	0,0047	0,4827	Шумахеръ.
капусты . . .	0,0026	0,33	
картофеля . .	0,0050	0,109	
молока . . .	0,0052	0,07	
гороха . . .	0,030	0,4	
пива	—	0,035	
крахмала . . .	—	0,45	
бѣлка	0,155	0,535	— Ранке.

На этомъ основаніи потребится:

	Семействомъ.			Прислугой.		
	Вѣсъ продуктовъ.	Азота.	Углерода.	Вѣсъ продуктовъ.	Азота.	Углерода.
Говядины	2 к.г.	0,068	0,2544	1 к.г.	0,0340	0,1972
Хлѣба	1	0,013	0,2835	3	0,0390	0,8505
Молока	1,12	0,006	0,0784	—	—	—
Сахара	0,16	—	0,06112	—	—	—
Масла	0,12	0,00054	0,0580	0,12	0,000564	0,0580
Крупы	—	—	—	1	0,0130	0,2835
Капусты	—	—	—	0,5	0,0013	0,0165
	—	0,08754	0,73542	—	0,088	1,4057

Слѣдовательно, среднимъ числомъ на человѣка, въ сутки, придется въ граммахъ:

Для семейства.		Для прислуги.	
Азота.	Углерода.	Азота.	Углерода.
22	170,8	22	334

Мы видимъ, что количество азота совершенно приближается къ тому, какое наблюдалъ Ранке для питанія, регулируемаго исключительно аппетитомъ.

Кромѣ того, оно одинаково какъ для прислуги, такъ и для хозяевъ. Слѣдовательно, нужно заключить: какъ хозяева, такъ

и прислуга питаются съ полнымъ достаткомъ, что въ большемъ количествѣ азота не нуждаются и хозяева, увеличить которое зависѣло бы отъ ихъ произвола.

Сверхъ того, этотъ примѣръ можетъ весьма наглядно показать, насколько количество потребленнаго углерода находится въ связи съ совершаемою работою. Потребленіе углерода прислугой превышаетъ почти въ два раза его потребленіе хозяевами. Слѣдовательно, нужно предположить, что прислуга совершаетъ и вдвое бо́льшую механическую работу.

Любопытно опредѣлить, на основаніи таблицъ Франкланда, на самомъ дѣлѣ работу, соотвѣтствующую потребленію для хозяевъ и прислуги.

Слѣдующая таблица представляетъ этотъ разсчетъ.

	Килограммометръ	работы.
	Хозяевъ.	Прислуги.
Говядины. .	1,208,000	604,000
Хлѣба. . .	91,000	2,730,000
Масла. . .	369,240	369,240
Молока . .	297,920	—
Сахара. . .	226,880	—
Крупы. . .	—	910,000
Капусты . .	—	89,000
	2,193,040	4,702,240

Вычтя по 80,000 на работу сердца и кровообращенія, получимъ на каждое лицо: для хозяевъ 633,260 и прислуги 1,095,560. Если $^1/_3$ освобождающейся силы обращается въ дѣйствительную работу, то хозяева совершаютъ ежедневно по 211,087, а прислуга по 365,187 килограммометровъ работы. Мы нашли выше для наибольшей работы въ сутки 400,000 килограммометровъ; слѣдовательно, работа хозяевъ равна $^1/_2$ этой работы, а работа прислуги почти всей. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы она была таковой на самомъ дѣлѣ. Это показываетъ только, что потребленіе таково, что оно было достаточно для такой работы. Если ея нѣтъ на самомъ дѣлѣ, то углеродъ можетъ точно также отлагаться пластически въ видѣ жира.

Такимъ образомъ, максимумъ потребленія азота для человѣка долженъ составлять около 20 гр. въ сутки.

Потребленіе же углерода можетъ колебаться, смотря по работѣ, между 180 и 400 граммами.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько данныхъ, собранныхъ Ранке, относительно дѣйствительныхъ порцій, существующихъ въ разныхъ странахъ. Всѣ онѣ касаются почти исключи-

тельно порцій, установленныхъ для войска. Мы расположимъ ихъ для наглядности въ видѣ таблицы, въ которой показано количество азота, углерода и, наконецъ, соотвѣтствующая работа. У Ранке эти порціи, бо́льшей частью, опредѣлены въ количествѣ предметовъ, а не въ химическихъ элементахъ; мы переведемъ ихъ въ химическіе элементы, на основаніи таблицы, которая употреблялась нами выше для подобныхъ разсчетовъ.

Порція солдата.	Граммы. Азотъ.	Граммы. Углеродъ.
Въ Баваріи по Фохту: 750 гр. хлѣба	9,750	210
392 » говяд.	13,328	50,96
33 жира, 67 » сала .	—	68
150 гр. рису, ячменя, гороху (15 бѣлк. и 74 крах.). .	2,32	36,14
	25,398	365,10
Во Франціи въ мирное время:		
328 гр. говядины	11,152	42,64
846 » хлѣба	10,998	236,88
	22,150	279,52
Въ Австріи:		
882 гр. хлѣба	11,466	246,96
264 » говядины	8,976	34,32
132 » гороху.	4,752	52,80
	25,194	334,08
Въ Англіи: солдатъ въ Европѣ, по Плайферу, 119,05 бѣлков. веществъ . и 385,88 безъазотистыхъ.	18,445	385,88
Въ Индіи: 112,46 бѣлковыхъ веществъ и 339,82 углеродистыхъ веществъ .	17,43	339,82
Матросъ	17,888	338,82
Въ Пруссіи:		
хлѣба. . . . . . . 700 гр.	9,100	196,00
мяса . . . . 150 »	5,100	19,50
гороху . . . . 230 »	8,28	92.00
	22,480	307,50

Цифры эти показываютъ, что порціи, установленныя практикой вещей въ различныхъ мѣстахъ, почти одинаковы и притомъ вообще совершенно достаточны для питанія.

По Плайферу, англійскіе заключенные получаютъ 60 гр. бѣлковыхъ веществъ или 9,3 азота и 430 гр. безъазотистыхъ веществъ; а мы видѣли выше, что 8 гр. азота составляютъ

minimum его потребленія. Такимъ образомъ, научныя изслѣдованія по вопросу о количествѣ пищи совершенно сходятся, какъ мы видимъ, съ практикой вещей, а это не только придаетъ несомнѣнную цѣну научнымъ выводамъ относительно количества пищи, полученнымъ нами теоретически, но и говоритъ въ пользу справедливости теоріи, которая привела насъ приблизительно къ тѣмъ же числамъ.

Мы можемъ видѣть теперь, что если физіологія и не въ состояніи намъ дать окончательнаго отвѣта на два поставленные нами вопроса: 1) о порядкѣ распредѣленія пищи между двумя функціями ея или задачами обновлять организмъ и поддерживать его работу; 2) о порядкѣ обращенія въ работу силъ, освобождающихся насчетъ пищи, и о принципѣ, на которомъ устроена дѣятельность мускула,—то она можетъ отвѣчать на тотъ и другой вопросъ ипотетически съ извѣстной вѣроятностью.

Съ одной стороны все приводитъ къ тому предположенію, что работа организма совершается на счетъ углеводородистаго состава пищи, а азотъ служитъ матеріаломъ обновленія машины.

Съ другой стороны уясняется въ тоже время и самый порядокъ обращенія тѣхъ и другихъ частей пищи въ работу, теплоту и ткань.

Все приводитъ къ тому предположенію, что работа совершается не насчетъ разрушенія самой машины или мускуловъ, какъ думали старые физіологи и какъ утверждаетъ Ранке, а инымъ путемъ. Сила, источникомъ которой служитъ пища, освобождается внѣ мускула и только утилизируется мускулами; ближайшимъ резервуаромъ этой силы служитъ кровь. Какимъ образомъ мускулъ захватываетъ, такъ сказать, in statu nascenti освобождающуюся силу, — большинство физіологовъ на этотъ счетъ не дѣлаетъ никакихъ предположеній. Но можно идти далѣе и дать возможное объясненіе самому способу обращенія мускуломъ силы въ работу. Это-то послѣднее даетъ Германъ. Мускулъ не разрушается съ работой для того, чтобы замѣняться новымъ, какъ думала старая школа, но онъ только окисляется и возстановляется; въ немъ, во время жизни, совершается круговой химическій процессъ прямого и обратнаго дѣйствія, траты силы, окисленія и возстановленія или синтеза насчетъ силъ, освобождаемыхъ кровью.

Работающій мускулъ измѣняется въ своемъ содержаніи. Его бѣлковое содержимое превращается въ болѣе стойкое соединеніе—міозинъ; но это содержимое не выбрасывается, какъ негодный продуктъ, а тутъ же возстановляется на общемъ физическомъ основаніи, насчетъ придатка живой силы, которую несетъ ему,

въ какой бы то ни было формѣ,—кровь. Но такъ какъ въ силу общаго физическаго закона энтропіи, обратная часть кругового процесса никогда не можетъ быть равна прямой его части, то возстановленіе никогда не можетъ быть полнымъ или совершиться насчетъ постоянно одинаковаго количества освобождающихся силъ въ единицу времени безъ остатка. Изъ этихъ остатковъ только и слагается дѣйствительное разрушеніе мускула, и эти остатки только и выбрасываются организмомъ въ видѣ мочевины. Такимъ путемъ природа экономизируетъ въ значительной степени расходъ организмомъ азота и читатель, слѣдившій за нашими разсчетами, можетъ легко понять, что въ противномъ случаѣ расходъ организмомъ азота долженъ былъ бы быть гораздо больше.

Объясненіе это, не входя въ его подробности, а разсматривая его только въ общемъ принципѣ, — имѣетъ за собой то большое основаніе, что вполнѣ отвѣчаетъ общему духу органическаго процесса, его сущности, такъ сказать и общему духу природы вообще. Философія не мало тратила усилій для того, чтобы объяснить различіе органическаго отъ неорганическаго. Если читателю попадалось сочиненіе англійскаго философа Спенсера о біологіи, онъ помнитъ, вѣроятно, сколько въ немъ авторъ положилъ труда и истратилъ страницъ для того, чтобы объяснить, что̀ слѣдуетъ называть органическимъ.

Мы постараемся дать объясненіе болѣе опредѣленное и простое.

Наука обладаетъ, въ настоящее время, рядомъ фактовъ, которые дѣлаютъ для насъ доступнымъ не только анализъ явленій, но и ихъ синтезисъ.

Подъ синтезисомъ, въ данномъ случаѣ, я разумѣю не искусственное образованіе мочевины, или того или другого органическаго соединенія, не искусственное образованіе органической клѣтки. Въ этомъ смыслѣ мои слова были бы слишкомъ преждевременны. Органической клѣтки мы не умѣемъ произвести искусственно въ ретортахъ и колбахъ лабораторіи. Но мы уже настолько подвинулись впередъ, чтобы знать общій порядокъ сложенія въ цѣлое аналитическихъ фактовъ, чтобы предугадать принципъ, на которомъ основываетъ сама природа свой синтезисъ и слѣдуетъ самое образованіе органической клѣтки, такъ какъ о ней зашла рѣчь. Еще недавно физіологи показывали намъ эту клѣтку съ ея частями: оболочкой, ядромъ, содержаніемъ и ядрышкомъ, какъ за прототипъ органической жизни, а отдѣльныя части ея строенія, какъ характеристическія условія этого прототипа. Позже та же самая физіологія должна была встрѣтиться съ веществами, какъ протоплазма, которыя, не обладая яснымъ строеніемъ, мо-

гутъ однако жить и служить началомъ, изъ котораго образуются самыя клѣточки, какъ дальнѣйшія формы органической жизни. Очевидно, что вслѣдствіе этого, начало органической жизни, признается это или нѣтъ открыто, это все равно, само собой отодвигается за предѣлы клѣтки просто къ веществу, относительно форменнаго строенія котораго мы ничего ровно не знаемъ.

Съ другой стороны химія намъ показала, что область ея реакцій раздѣляется на два великихъ и противоположныхъ отдѣла соединеній и окисленій, раскисленій и возстановленій, а физика показала, что, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ оба вида реакціи сопровождаются совершенно противоположными физическими явленіями: освобожденіемъ механической силы и ея поглощеніемъ, или капитализаціей живой силы въ потенціальную. Это замѣчаніе было внушено громадными работами, сдѣланными въ теченіи текущаго столѣтія, надъ механической теоріей теплоты. А эта теорія, вмѣстѣ съ тѣмъ, показала, что въ тѣхъ образцахъ синтезиса, которые вышли изъ рукъ человѣка безъ всякаго подражанія синтезису природы, одной практикой вещей, въ той условной жизни, которую успѣлъ человѣкъ, путемъ практическаго вѣкового опыта, вдохнуть мертвому веществу или матеріалу, его окружавшему, весь успѣхъ его, разсматриваемый теоретически, основался на комбинаціи обоихъ процессовъ, прямого и обратнаго, въ цѣльный круговой процессъ. Паровая машина служитъ тѣмъ примѣромъ человѣческаго синтезиса, создавая который онъ, конечно, не думалъ объ органической клѣткѣ. Понявъ эту машину, онъ увидалъ, что дѣятельное ея состояніе поддерживается ничѣмъ инымъ, какъ постоянной тратой живой силы и ея обновленіемъ въ формѣ топлива. Пока онъ выбрасывалъ паръ, совершившій работу, мятый паръ, какъ выражаются въ техникѣ, — наружу, до тѣхъ поръ его машина работала такъ, какъ разсуждалъ Либихъ и другіе, а теперь Ранке, о работѣ мускула,—онъ долженъ былъ постоянно замѣнять превращенную разъ въ пары воду новою. Но когда онъ устроилъ холодильникъ, въ которомъ мятый паръ сталъ осаждаться въ воду и отсюда возвращаться въ котелъ, — тогда онъ не только съэкономилъ воду, но съэкономилъ и топливо, потому что осаждающаяся въ холодильникѣ вода — высшей температуры чѣмъ та, какую онъ наливаетъ въ котелъ съ улицы и, слѣдовательно, чтобы обратить ее въ пары, нужно менѣе теплоты, чѣмъ для такого же обращенія въ паръ воды, взятой съ улицы. Онъ поступилъ уже остроумнѣе, чѣмъ поступила бы природа въ организмѣ, еслибы она дѣйствительно поступала такъ, какъ думаетъ Ранке.

Припомнимъ теперь, что мы имѣемъ передъ собой вещество, которое одинаково способно испытывать оба процесса—прямой и обратный; вещество, которое мы можемъ сжечь, окислить и которое при этомъ даетъ намъ извѣстное количество силы и которое мы можемъ затѣмъ обратить въ прежнее состояніе, чтобы потомъ опять сжечь. Что же намъ мѣшаетъ сосредоточить теоретически надъ этимъ веществомъ оба эти процесса въ ихъ непрерывной послѣдовательности?

Пусть этимъ веществомъ будетъ кусокъ цинка. Беремъ умышленно примѣръ вещества неорганическаго. Пусть этотъ цинкъ послѣдовательно окисляется и раскисляется на вашихъ глазахъ. И теперь спрашивается: будетъ ли онъ на вашъ взглядъ представлять нѣчто мертвое или нѣчто живое? будетъ ли онъ дышать точно также, какъ вы дышете, какъ дышетъ мускулъ, постоянно окисляющійся и раскисляющійся?

Полагаемъ, что только сильная привычка соединять съ понятіемъ металла представленіе чего-то мертваго, можетъ помѣшать увидѣть тожество явленій въ этомъ случаѣ.

Можно замѣтить, что цинкъ не растетъ, между тѣмъ, какъ нашъ мускулъ растетъ. Но съ одной стороны и нашъ мускулъ растетъ точно также не вѣчно; съ другой—вѣдь мѣдь отлагается же на одномъ изъ полюсовъ гальванической пары, когда она есть въ растворѣ. Еслибы, кромѣ постояннаго окисленія и возстановленія, среда, въ которой онъ соприкасается съ силой его возстановляющей, приносила новые запасы цинка, то и цинкъ точно бы также росъ.

Замѣтимъ, что онъ не только можетъ расти, но что, дыша, онъ непремѣнно совершаетъ механическую работу, хотя мы ея не замѣчаемъ, потому что онъ сгараетъ, освобождая силу.

Замѣнимъ цинкъ веществомъ, которое встрѣтитъ, кромѣ силы его возстановляющей, въ формѣ теплоты или свѣта,—матеріалы его образующіе, какъ углеродъ и воду, и мы получимъ не только вещество дышащее, но и растущее, то-есть обращеніе въ данное живое состояніе все новыхъ и новыхъ величинъ веществъ.

Итакъ, сущность жизни, жизни органической, заключается въ непрерывной послѣдовательности прямого и обратнаго химическаго процесса въ дыханіи. Клѣтка живетъ только потому, что она дышетъ, а вовсе не потому, что она клѣтка. И вещество можетъ жить вовсе не требуя для этого формъ клѣтки, хотя клѣтка можетъ являться какъ позднѣйшая форма живущаго вещества. Жизнь природы состоитъ только въ послѣдовательномъ соединеніи тѣхъ самыхъ процессовъ, которые наука прежде всего изучила въ отдѣльности.

Свяжите эти два процесса въ одно и вы будете имѣть ключъ отъ органическаго синтезиса. Возьмемъ какія хотите вещества, устроимъ такъ, чтобы они подвергались послѣдовательно обоимъ процессамъ,—и мы будемъ такимъ же творцемъ живыхъ организмовъ, какимъ является и природа. Самую послѣдовательность этихъ процессовъ мы можемъ устроить различнымъ образомъ. Мы можемъ устроить такъ, что за окисленіемъ каждаго атома вещества будетъ слѣдовать его возстановленіе; для этого вещество должно находиться въ постоянномъ присутствіи возстановляющей силы. Можемъ устроить такъ, что возстановленіе будетъ слѣдовать только за совершившимся окисленіемъ извѣстной массы вещества; для этого возстановляющая сила должна притекать къ веществу періодически.

Понятно, что періоды потери или возстановленія силы вещества будутъ болѣе или менѣе продолжительны. Эти періоды потери и возстановленія могутъ казаться, въ крайнихъ случаяхъ, нулемъ и безконечностью. Въ органической клѣткѣ эти періоды для насъ почти незамѣтны; но увеличимъ эту клѣтку въ милліоны милліоновъ разъ и точно также увеличимъ періоды ея дыханія, и тогда наша солнечная система умѣстится въ предѣлахъ и условіяхъ такой клѣтки, а потеря силы, которую мы въ ней наблюдаемъ, станетъ для насъ доказательствомъ того, что она совершаетъ прямую часть своего дыхательнаго акта или жизненнаго акта. Какъ при крайней краткости періодовъ, такъ и при ихъ крайней долгосрочности, вещество можетъ намъ казаться или сохраняющимъ постоянно свое состояніе безжизненности, неподвижности; но есть однако условіе, сопровождающее неизбѣжно органическій процессъ, какъ мы его представляемъ: это невозстановленный остатокъ или потеря силы при каждомъ возстановленіи, обусловливающій, въ концѣ концовъ, смерть организма.

Въ организмѣ клѣтки или ряда клѣтокъ, какъ, напр., мускулъ или цѣлое животное, — дыханія слѣдуютъ быстро другъ за другомъ и мы обнимаемъ своимъ взглядомъ сразу не только этотъ актъ во всей его цѣлости, но послѣдовательность актовъ со всѣми ихъ концевыми результатами, то-есть: ростомъ, выдѣленіями и смертью организма,—и вотъ почему этотъ организмъ представляется намъ живымъ организмомъ.

Теперь можетъ быть понятно, что теорія питанія человѣка составляетъ лишь частный случай общаго синтезиса природы, что она построена по тому же плану, основанному на тѣхъ же физическихъ законахъ, которые управляютъ жизнью матеріи вообще.

IV.

Свѣдѣнія, которыя мы пріобрѣли, не лишены для насъ несомнѣнной важности. Мы узнали сущность питанія, вещества, которыя необходимы намъ для питанія, роль ихъ въ питаніи и количество этихъ веществъ. Эти свѣдѣнія даютъ намъ возможность не только сознательно относиться къ нашему собственному потребленію, не только знать количество населенія, какое можетъ содержать страна при данной производительности, но они могутъ служить ключемъ къ разъясненію многихъ вопросовъ экономическаго характера, связанныхъ съ вопросомъ о пищѣ.

Пища составляетъ тотъ матеріалъ, производству котораго посвящается повсемѣстно наибольшая сумма народныхъ силъ, которымъ занята большая часть населенія. Въ сравненіи съ земледѣльческимъ населеніемъ всѣ остальныя, въ большинствѣ странъ, составляютъ ничтожный процентъ.

Всѣ удобства жизни, которыми пользуются люди сверхъ пищи, выработываются только насчетъ силъ, остающихся въ странѣ за вычетомъ силъ, необходимыхъ на производство пищи, и хотя земледѣльческое населеніе, кромѣ производства пищи, можетъ имѣть другія промышленныя занятія, тѣмъ не менѣе послѣднія являются какъ побочныя. Въ самой неземледѣльческой части населенія есть еще извѣстная часть лицъ, занятыхъ производствомъ пищи въ косвенномъ смыслѣ, какъ-то: хлѣбные и мясные торговцы, повара, трактирныя заведенія и пр. Мы видимъ, какая масса человѣческаго труда тратится на удовлетвореніе потребности въ пищѣ. Поэтому, понятно, насколько человѣку желательно было бы удешевить это производство, сократить количество поглощаемаго имъ труда. Количество такого труда будетъ, очевидно, зависѣть отъ условій производства, существующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ,—и можетъ быть различно, смотря по мѣсту и времени. Въ настоящее время мы не должны вовсе входить въ разсмотрѣніе этой стороны вопроса. Но, кромѣ этой стоимости производства, стоимость питанія будетъ зависѣть также отъ количества того матеріала, который долженъ служить пищей. Что касается количества пищи, то для опредѣленія его мы собрали уже въ предыдущемъ всѣ данныя, какія возможно было собрать для этого. Выводы наши въ этомъ отношеніи приводятъ къ тому заключенію, что подъ именемъ пищи мы должны разсматривать не опредѣленныя количества тѣхъ сложныхъ предметовъ, которые составляютъ предметъ нашего потребленія,—а опредѣленныя количества извѣстныхъ химическихъ элементовъ. Этихъ элементовъ два: азотъ и углеводородъ. Они-то и

составляютъ непремѣнные и неизмѣнные элементы или матеріалы пищи. Иными словами, съ той точки зрѣнія, къ которой насъ привело знакомство съ научными изслѣдованіями по этому предмету, — человѣкъ нуждается, для своего питанія, не въ хлѣбѣ, говядинѣ, молокѣ и пр., а въ углеродѣ и азотѣ. Мы узнали самыя количества этихъ элементовъ и именно узнали, что суточная порція азота можетъ колебаться между 8,7 и 25 граммами въ день на человѣка безъ явнаго ущерба какъ организму, такъ и производимой имъ работѣ, — а порція углерода измѣняется пропорціонально работѣ и въ этомъ отношеніи колеблется обыкновенно между 200 и 400 гр. въ сутки, смотря по работѣ, какую исполняетъ организмъ.

Тѣ вещества, которыми мы питаемся, обыкновенно составляютъ смѣсь тѣхъ и другихъ элементовъ; но пропорціи, въ которыхъ они въ нихъ смѣшаны, могутъ быть весьма различны и вообще установлены помимо нашей воли. Въ нашемъ распоряженіи только избирать или тѣ изъ нихъ, которыя болѣе всего подходятъ по своему составу къ нормальной смѣси химическихъ элементовъ, или образовывать изъ нихъ сложную смѣсь, которая бы содержала количество элементовъ именно требуемое нормальной смѣсью. Въ этомъ отношеніи выборъ человѣка и вообще животнаго царства довольно широкъ, то-есть, организмъ нашелъ въ окружающей его природѣ множество различныхъ продуктовъ, которые одинаково могутъ употребляться имъ въ пищу, какъ источники углерода и азота. Можно сказать, однако, что до сихъ поръ ни одинъ изъ этихъ продуктовъ, самъ по себѣ, не удовлетворяетъ вполнѣ условію нормальной смѣси. Изъ приведенныхъ выше разсчетовъ можно видѣть, что вещество, наиболѣе приближающееся по своему естественному составу къ нормальной смѣси, — есть хлѣбъ; содержаніе же остальныхъ продуктовъ еще болѣе уклоняется отъ условій нормальной смѣси. Между ними есть вещества, которыя одни безусловно не могутъ служить средствами содержанія организма. Мы можемъ питаться саломъ, сахаромъ, крахмаломъ, но мы не можемъ питаться ими исключительно, ибо они вовсе не содержатъ азота. Но есть между ними такія вещества, которыми животный организмъ можетъ питаться исключительно, таково: мясо и различныя растительныя вещества, содержащія азотъ. Каковы бы ни были пропорціи углерода и азота въ этихъ веществахъ, такъ какъ они заключаютъ оба начала, то они и въ состояніи покрыть своимъ извѣстнымъ количествомъ нормальную суточную порцію углерода и азота. При этомъ только въ суточной порціи, составленной изъ этихъ исключительныхъ веществъ, окажется неизбѣжный избытокъ одного элемента надъ другимъ. Въ говядинѣ, на-

примѣръ, отношеніе азота къ углероду выше требуемаго нормальной смѣсью; слѣдовательно, для того чтобы покрыть говядиной весь необходимый въ сутки углеродъ, животное должно будетъ съѣсть больше азота, чѣмъ нужно, и весь излишній азотъ долженъ будетъ выдѣляться въ его испражненіяхъ. Наоборотъ, въ растительной пищѣ отношеніе азота къ углероду ниже требуемаго, слѣдовательно, для покрытія азота животное должно будетъ съѣсть больше углерода, чѣмъ нужно, и этотъ излишекъ углерода выразится отложеніемъ въ его тѣлѣ бóльшихъ количествъ жира.

Мы можемъ видѣть, что природа, устанавливая нормальныя порціи углерода и азота для суточнаго питанія, дала вмѣстѣ съ тѣмъ пути, которыми можетъ выдѣляться избытокъ въ пищѣ того или другого элемента. На этомъ только основаніи отдѣльные виды животныхъ могли принаровиться къ исключительному питанію тѣмъ или другимъ изъ естественныхъ продуктовъ. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ животныхъ, питающихся исключительно мясомъ или растительной пищей. Но эта система питанія, какъ связанная съ извѣстной тратой питательнаго матеріала даромъ, не можетъ назваться, повидимому, вполнѣ раціональной. Поэтому, такому болѣе разумному животному, какъ человѣкъ, естественно было искать и пищи болѣе соотвѣтствующей, по своему содержанію, условіямъ нормальной смѣси. Этого можн: достигнуть однако только при извѣстномъ смѣшеніи между собою въ пищѣ разныхъ естественныхъ продуктовъ.

Съ этой точки зрѣнія, конечно, не трудно установить смѣси, вполнѣ удовлетворяющія цѣли. Самая естественная смѣсь была бы такая, въ которой представителемъ даннаго элемента было бы выбрано вещество, наиболѣе имъ богатое. Такъ говядина богаче азотомъ, хлѣбъ — углеродомъ.

Слѣдовательно, составляя смѣсь изъ хлѣба и говядины, самое естественное было бы или покрыть азотъ говядиной и недостающее количество углерода — хлѣбомъ или, наоборотъ, покрыть весь углеродъ хлѣбомъ, а недостающій азотъ — говядиной.

Въ этомъ примѣрѣ, въ томъ и другомъ случаѣ, смѣсь не была бы нормальной и въ ней оказался бы избытокъ или того или другого элемента. Наконецъ, идя такимъ путемъ, можно было бы достичь смѣси, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала нормальной. Напримѣръ, смѣшивая мясо и жиръ, хлѣбъ и жиръ и т. д.

Несмотря на то, мы видимъ въ исторіи человѣческой пищи, что такая идеальная смѣсь не составляла вообще главной заботы самого человѣка.

Мы знаемъ народы звѣролововъ и кочевниковъ, питающіеся исключительно животной пищей, и народъ земледѣльческій, пи-

тающійся преимущественно хлѣбной пищей. Если мы обратимся къ настоящему времени, то увидимъ, что пища, которою питается, главнымъ образомъ, масса населенія отдѣльныхъ странъ, есть также болѣе или менѣе исключительная, и именно хлѣбная. Если обратимся къ нашему достаточному семейству, то увидимъ, что въ данное время, въ томъ же мѣстѣ, подъ одной и той же кровлей имѣютъ причину существовать двѣ смѣси, совершенно одинаково удовлетворяющія природѣ, равныя по количеству азота и, слѣдовательно, равносильныя въ смыслѣ питанія, но различныя по внѣшнему составу и продуктамъ. Если мы, рядомъ съ этими порціями хозяевъ, прислуги, поставимъ пищу массы простого народа, почти исключительно хлѣбную, то узнаемъ, что и она можетъ составить такую же равнопитательную смѣсь продуктовъ въ 20 граммовъ азота и 400 углерода. Вотъ, стало быть, три дѣйствительно равно питательныя смѣси, существующія рядомъ въ тоже время. Спрашивается, какая можетъ быть причина ихъ внѣшняго различія? Почему прислуга предпочитаетъ щи съ говядиной пустымъ щамъ, и хозяева предпочитаютъ свою смѣсь — смѣси, которою питается прислуга? Отвѣтъ на это одинъ: одна смѣсь вкуснѣе другой. Мы можемъ, слѣдовательно, имѣть смѣси равной питательности, но различной вкусности. Но масса населенія, естественно, будетъ избирать не ту смѣсь; которая всего вкуснѣе, а ту, которая обходится всего дешевле. Слѣдовательно, природа опредѣляетъ только количество элементовъ, которое должно находиться въ пищѣ. Подборъ же самыхъ естественныхъ продуктовъ зависитъ отъ человѣка и опредѣляется экономическими условіями жизни. Тѣ продукты, которые обходятся всего дешевле въ производствѣ, будутъ и избираться народомъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ народу можетъ быть выгоднѣе потреблять такую пищу, которая будетъ заключать избытокъ извѣстныхъ элементовъ, но которая, несмотря на то, будетъ стоить ему дешевле, чѣмъ искать идеальной смѣси, которая не будетъ представлять этихъ потерь, но будетъ состоять изъ такихъ продуктовъ, которые будутъ стоить ему дороже.

Вотъ почему въ исторіи пищи мы видимъ, въ массѣ населенія, преобладающимъ извѣстный родъ пищи, пищу животную или растительную. При всемъ этомъ пища хлѣбная, изъ всѣхъ исключительныхъ способовъ питанія, болѣе всего подходитъ къ нормальной смѣси; а потому пища земледѣльческихъ народовъ выходитъ наиболѣе экономной въ смыслѣ малаго излишка матеріала, который при немъ истрачивается непроизводительно. Родомъ пищи народовъ управляетъ, такимъ образомъ, ея относительная дешевизна.

Такимъ образомъ, роль физіологіи оканчивается опредѣленіемъ элементовъ питанія и ихъ количества. Затѣмъ вопросъ пищи поступаетъ въ область экономіи.

Если мы встрѣчаемъ кочевниковъ, питающихся животной пищей, то нужно думать, что эта пища стóитъ имъ дешевле, чѣмъ стоила бы хлѣбная. Если мы встрѣчаемъ земледѣльческіе народы, питающіеся преимущественно хлѣбомъ, то эта пища должна имъ обходиться дешевле, чѣмъ мясная.

Смотря по условію производства, то и другое можетъ имѣть мѣсто; и потому мы и встрѣчаемъ мѣстное преобладаніе той или другой пищи. Хлѣбъ и мясо, растительная и животная клѣтки, составляютъ тѣ два главные типическіе продукта, которые являлись преобладающими въ исторіи пищи. Они раздѣляются рѣзко другъ отъ друга не только по способу своего производства, но и по своему питательному характеру. Мясо богато азотомъ и бѣдно углеродомъ; хлѣбъ, напротивъ, богатъ углеродомъ: слѣдовательно, мясная пища можетъ служить типомъ пищи азотистой, а хлѣбъ — пищи углеродистой или рабочей; одна должна представлять избытокъ бѣлка, другая избытокъ углерода.

Разсматривая и сравнивая положеніе кочевниковъ съ бытомъ земледѣльцевъ, легко видѣть, что пища животная стоила вообще меньше труда, но она требовала бóльшихъ пространствъ земли для своего производства; слѣдовательно, она должна была вездѣ уступать мѣсто пищѣ хлѣбной по мѣрѣ заселенія странъ.

Вслѣдствіе этого можно сказать, что мясная пища должна была предшествовать пищѣ растительной. Въ большинствѣ случаевъ, оно дѣйствительно такъ было. Населеніе страны переходило отъ мясной пищи къ растительной, — тамъ, конечно, гдѣ народъ прямо не приносилъ съ собою на вновь заселенную имъ землю земледѣліе.

Но хлѣбъ и говядина представляютъ два крайніе и противуположные по своему характеру типа пищи. Переходъ отъ одной къ другой совершался, вѣроятно, не вдругъ въ бытѣ народа, а постепенно: иными словами, чисто хлѣбной пищѣ долженъ былъ предшествовать болѣе или менѣе долгій періодъ, въ теченіи котораго хлѣбъ сперва явился только какъ суррогатъ мяса, потомъ сталъ главнымъ продуктомъ питанія, а мясо стало только суррогатомъ. Только послѣ такого періода смѣшанной пищи хлѣбъ вытѣснилъ почти вовсе мясо. Такимъ образомъ, смѣшанная пища должна была вообще соотвѣтствовать нѣкоторой средней степени заселенности странъ: пища мясная — наименьшей заселенности, а пища хлѣбная — наибольшей заселенности.

Мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ до сихъ поръ населенія кочевниковъ въ средней Азіи, которые, на ряду съ скотоводствомъ,

сѣютъ хлѣбъ какъ суррогатъ. Мы встрѣчаемъ смѣсь мясной пищи и хлѣбной въ наиболѣе богатыхъ и плодоносныхъ земляхъ южной Россіи, гдѣ мясо является суррогатомъ. Пища народа, такимъ образомъ, имѣетъ свою исторію, въ которой есть своя правильность, свой законъ, который и любопытно изслѣдовать ближе.

Мы сказали уже, что самыя эти измѣненія въ пищѣ народа служатъ доказательствомъ тому, что выборомъ пищи управляетъ не стремленіе къ безусловно нормальной смѣси, а законъ наибольшей дешевизны питанія.

Стоимость же питанія зависитъ не только отъ стоимости производства даннаго продукта, но и отъ его богатства питательными элементами или количества продукта, необходимаго для пропитанія; два продукта, равноцѣнные по производству, но неравносильные по питательности, будутъ имѣть и различную относительную цѣну на народномъ рынкѣ.

Не наше дѣло разсматривать теперь стоимость производства тѣхъ или другихъ продуктовъ, но наше дѣло разсмотрѣть: какое вліяніе имѣютъ химическія *постоянныя* продукта и физіологическія *постоянныя* питанія на относительную цѣнность продукта въ глазахъ человѣка, понимая здѣсь подъ цѣнностью выгодность продукта независимо отъ стоимости его производства; какое они вносятъ измѣненіе въ цѣну продукта, опредѣляемую исключительно стоимостью производства продукта.

Безъ такого изслѣдованія нельзя знать той цѣны, которую будетъ имѣть продуктъ для потребителей, а слѣдовательно, и знать, въ данномъ случаѣ, его выборъ.

Два продукта, равные по стоимости производства и питательности, будутъ, естественно, равны между собою. Изъ двухъ продуктовъ, равныхъ по стоимости производства, но питательность коихъ будетъ, какъ 1 : 2—первый будетъ вдвое невыгоднѣе другого. Изъ двухъ продуктовъ, равныхъ по питательности, но изъ коихъ одинъ стóитъ вѣ производствѣ вдвое больше другого, первый будетъ и вдвое невыгоднѣе другого. Словомъ, мы можемъ выразить вліяніе, какое должна оказывать на выгодность или цѣнность продуктовъ стоимость производства и питательность, сказавъ, что цѣнность должна быть прямо пропорціональна питательности и обратно пропорціональна стоимости производства. На этомъ основаніи для того, чтобы знать относительную цѣнность, какую будутъ представлять два продукта, нужно взять отношенія ихъ питательности къ стоимости производства и одно отношеніе раздѣлить на другое. Очевидно, что оба продукта будутъ представлять равную цѣнность въ томъ лишь случаѣ, когда оба отношенія будутъ равны между собою

или частное этихъ отношеній равно 1. Очевидно также, что пока существуетъ такое равенство отношеній и, слѣдовательно, цѣнностей, до тѣхъ лишь поръ человѣкъ не имѣетъ выгоды выбирать одинъ передъ другимъ и долженъ относиться къ нимъ безразлично. Но разъ это равенство отношеній нарушается, выборъ народа естественно долженъ остановиться на той пищѣ, въ пользу которой склоняется неравенство отношеній, то-есть на той, которая должна быть для него цѣннѣе въ нравственномъ смыслѣ, то-есть дешевле. Для рѣшенія, въ данномъ случаѣ, вопроса, намъ нужно знать, слѣдовательно, стоимость производства продуктовъ и ихъ питательность. Питательность продукта должна быть тѣмъ больше, чѣмъ меньше его требуется для этой цѣли. Иными словами: питательность продукта обратно пропорціональна количеству его, потребному для питанія въ данную единицу времени. Принимая за такую единицу сутки, отношеніе единицы къ количеству продукта, потребному для суточнаго пропитанія, и выразитъ питательность даннаго продукта. Опредѣленіе питательности можетъ быть, слѣдовательно, приведено къ опредѣленію количества продукта, требуемаго для суточнаго пропитанія. И нужно, слѣдовательно, умѣть только опредѣлить это количество.

Это же количество есть величина, всегда зависящая отъ химическаго богатства продукта углеродомъ и азотомъ и отъ потребности организма въ томъ и другомъ элементѣ. Послѣднія величины суть *постоянныя вопроса*, химическое же содержаніе продукта можетъ измѣняться, смотря по продукту. Такъ какъ *постоянныя* вопроса намъ теперь извѣстны, то мы можемъ опредѣлить и самое количество продукта для какого бы то ни было продукта.

Постоянныя химическія количества суточной пищи суть 20 граммовъ азота и 400 граммовъ углерода. Неизвѣстныя доли этихъ элементовъ въ единицѣ продукта означимъ черезъ α и β. Самое подлежащее опредѣленію количество продукта означимъ черезъ x; тогда искомое количество продукта x будетъ заключать αx азота xβ углерода. Это x очевидно должно быть выбрано такъ, чтобы въ тоже время удовлетворить двумъ условіямъ.

$$\alpha x = 20 \quad \text{откуда} \quad x = \frac{20}{\alpha}$$

$$x\beta = 400 \quad \text{»} \quad x = \frac{400}{\beta}$$

Можно предвидѣть, что такъ какъ въ данныхъ продуктахъ отношенія углерода и азота могутъ быть различны и уклоняться отъ ихъ отношенія въ нормальной смѣси, то изъ этихъ двухъ

уравненій могутъ получиться и разныя величины для x. Но такъ какъ по условію вопроса x должно быть достаточно для покрытія обѣихъ постоянныхъ суточныхъ порцій, то мы очевидно каждый разъ должны выбрать то x, которое будетъ больше. Такимъ образомъ, опредѣлится искомое количество продукта. Зная теперь, какъ опредѣлить количество продукта, можемъ привести всѣ разсужденія относительно цѣнности того или другого питательнаго продукта къ простому выраженію. Эта цѣнность должна быть выражена, какъ мы сказали, отношеніемъ питательности продукта къ его стоимости производства. Питательность продукта обратно пропорціональна его количеству и слѣдовательно равна $\frac{1}{x}$.

Слѣдовательно, если мы положимъ стоимость производствъ равною n, то цѣнность продукта выразиться весьма просто черезъ

$$\frac{1}{xn}.$$

На томъ же основаніи, означая черезъ x′ и n′ количество и стоимость другого продукта, его цѣнность выразится черезъ:

$$\frac{1}{x'n'}$$

Мы видимъ, что цѣнность или выгодность двухъ продуктовъ будетъ, въ глазахъ народа, обратно пропорціональна произведеніямъ изъ количествъ этихъ продуктовъ, требуемыхъ для пропитанія, на стоимость ихъ производства, — или, если означимъ цѣнность перваго черезъ a, а цѣнность второго черезъ a′,

$$\frac{a}{a'} = \frac{x'n'}{xn}$$

Выраженіе это будетъ служить тѣмъ критеріумомъ, которымъ будетъ руководиться народъ въ своемъ выборѣ между двумя продуктами. Такъ какъ изъ двухъ продуктовъ пищи онъ долженъ выбрать тотъ, который представляетъ для него бóльшую цѣнность, то пока это отношеніе больше единицы, $a > a'$, и выборъ его долженъ принадлежать первому продукту. Когда это отношеніе меньше 1, $a' > a$, выборъ его долженъ принадлежать второму продукту, и только когда это отношеніе равно 1, продуктъ имѣетъ въ его глазахъ равную цѣну и выборъ его безразличенъ. Такъ какъ это выраженіе общее, то оно примѣнимо къ сравненію какихъ угодно питательныхъ продуктовъ. Примѣнимъ его прежде всего къ сравненію мяса и хлѣба. Для этого нужно опредѣлить прежде всего количество того и другого, требуемое для суточной порціи, или x и x′, имѣемъ условія:

$$x = \frac{20}{0{,}034} = 588 \quad x = \frac{400}{0{,}13} = 3{,}077$$

$$x' = \frac{20}{0{,}013} = 1{,}540 \quad x' = \frac{400}{0{,}3} = 1{,}333$$

Выбирая бóльшія, получимъ

$$x = 3{,}077 \text{ килогр.}$$
$$x' = 1{,}54 \quad »$$

Слѣдовательно, относительная цѣнность говядины къ хлѣбу будетъ:

$$\frac{1{,}54\ n'}{3{,}077\ n}$$

Для того, чтобы эти цѣнности были равны, то-есть, говядина имѣла равную цѣну въ глазахъ человѣка съ хлѣбомъ и, слѣдовательно, онъ не имѣлъ причины предпочитать хлѣбную пищу мясной,—это отношеніе должно быть равно единицѣ и слѣдовательно стоимость производства или, что тоже самое, продажная цѣна говядины n должна относиться къ цѣнѣ хлѣба n', какъ 1,54 : 3,077.

Слѣдовательно, человѣкъ можетъ питаться исключительно говядиной только, пока производство мяса обходится ему вдвое дешевле производства хлѣба. Итакъ, мы узнали теперь способъ опредѣлить ту предѣльную торговую цѣну продукта, до которой можетъ продолжаться его исключительное потребленіе. Если мы могли это сдѣлать, то только благодаря физіологическимъ и химическимъ даннымъ, съ которыми познакомились выше.

Выведенныя нами выраженія общи, то-есть справедливы для сравненія какихъ угодно питательныхъ продуктовъ; слѣдовательно, они также справедливы для смѣсей естественныхъ продуктовъ. Пользуясь ими, мы можемъ опредѣлить предѣльную цѣну продукта, при которой онъ можетъ входить въ смѣсь пищи.

Здѣсь было бы излишне останавливаться на болѣе или менѣе произвольныхъ сочетаніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы изъ данныхъ продуктовъ, и даже излишне останавливаться на какихъ либо опредѣленныхъ сочетаніяхъ. Мы сказали, что по мѣрѣ вздорожанія мяса, мясная пища не прямо переходитъ въ чисто растительную, а послѣдняя должна являться сначала какъ суррогатъ мяса, затѣмъ мясо стать ея суррогатомъ и наконецъ уже мясо стать исключеніемъ. Въ этомъ смыслѣ изъ хлѣба и мяса могутъ быть образованы двѣ типическія смѣси, изъ коихъ въ первой мясо будетъ оставаться главнымъ продуктомъ, во второй станетъ побочнымъ. Для этого можно сперва весь азотъ покрыть мясомъ и дополнить хлѣбомъ только недостающую часть углерода, или покрыть весь углеродъ хлѣбомъ и только дополнить недостающую часть азота мясомъ. Изъ двухъ этихъ смѣсей первая будетъ богаче мясомъ, чѣмъ вторая. Въ своемъ естественномъ историческомъ теченіи пища должна переходить отъ чисто мясной сперва къ первой смѣси, потомъ уже отъ первой смѣси ко второй, и наконецъ уже къ исключительному хлѣбу.

Начинаемъ съ сравненія цѣнности мяса съ цѣнностью первой

смѣси. Цѣнность мяса нами уже опредѣлена; она равна $\frac{1}{3,007\ n}$. Узнаемъ цѣнность первой смѣси. Количество продукта, въ ней заключающееся, есть сложное, состоящее изъ мяса и хлѣба. По условію самой смѣси оно опредѣляется такъ, что весь азотъ покрывается мясомъ,—количество мяса равно, слѣдовательно, 0,6 килограммамъ;—а остатокъ непокрытаго мясомъ углерода покрывается хлѣбомъ;—количество необходимаго для этого хлѣба равно 1 килограмму. Итого, слѣдовательно, будемъ имѣть здѣсь $x' = 0,6$ к. мяса $+ 1$ к. хлѣба.

Если стоимость производства мяса n и хлѣба n', то умножая эти слагаемыя на соотвѣтствующія имъ стоимости производствъ, получимъ для цѣнности смѣси:

$$\frac{1}{0,6\ n + n'}$$

Пока обѣ цѣнности равны:

$$0,6\ n + n' = 3,077\ n,\ n2,477 = n'$$

$$\text{или}\ \frac{n}{n'} = \frac{1}{2,477} = 0,45$$

то-есть, мясная пища должна будетъ перейти въ первую смѣсь, когда цѣна мяса будетъ составлять 0,45 цѣны на мясо.

Поступая такимъ же образомъ для перехода отъ первой смѣси ко второй, найдемъ условіе:

$$0,6\ n + n' = 0,136\ n + 1,3\ n'$$

откуда $\frac{n}{n'} = \frac{0,3}{0,464} = 0,64$.

И наконецъ, для перехода отъ послѣдней смѣси къ хлѣбу:

$$0,136\ n + 1,3\ n' = 1,54\ n'$$

откуда $\frac{n}{n'} = \frac{0,24}{0,136} = 1,76$.

Въ результатѣ этихъ вычисленій оказывается, что если взять стоимость производства хлѣба за 1, то переходныя ступени въ исторіи измѣненія пищи должны будутъ совершаться при слѣдующихъ цѣнахъ на мясо:

		При цѣнѣ на мясо.
Чистое мясо	ниже	0,45 n'
Хлѣбъ, какъ суррогатъ (1-я смѣсь) . .	свыше	0,45 n'
Мясо, » » (2-я ») . .	»	0,64 n'
Чистый хлѣбъ	»	1,76 n'

Изъ этой таблицы видимъ, что смѣшанная пища господствуетъ вообще довольно долго въ исторіи народа. Она начинается, когда цѣна на мясо болѣе чѣмъ вдвое ниже цѣны на хлѣбъ, и уступаетъ мѣсто чистому мясу только, когда цѣна на мясо становится почти вдвое больше цѣны на хлѣбъ. Но и при этой цѣнѣ употребленіе мяса не прекратится безусловно. Правда, послѣдняя смѣсь далеко не велика, по $1/4$ фун. на человѣка; но еще въ меньшемъ количествѣ оно можетъ продолжать входить въ смѣсь и при этой

цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ однако, около этой цѣны доля его должна стать столь ничтожна, что оно уже должно перестать быть предметомъ общаго потребленія.

Но, въ дѣйствительности, этотъ переходъ отъ чисто мясной пищи къ чисто хлѣбной вовсе не связанъ этими опредѣленными градаціями, которыя составлены нами только примѣрно, — онъ вовсе не обязанъ проходить непремѣнными скачками отъ мяса къ одной смѣси, потомъ къ другой, наконецъ къ хлѣбу, но можетъ проходить тотъ же путь постепенно, — то-есть между взятыми для примѣра смѣсями можетъ быть составлено множество смѣсей съ понижающейся дозой мяса, которыя будутъ безконечно мало разниться другъ отъ друга. Еслибы мы отъискали для каждой изъ нихъ соотвѣтствующую цѣну на мясо, то лѣвый столбецъ таблицы выразилъ бы постепенное пониженіе спроса на мясо, а правый — соотвѣтствующую каждому пониженію цѣну на мясо. Наша таблица, иными словами, выразила бы зависимость, существующую между спросомъ на мясо и цѣнами на него, законъ пониженія спроса на мясо въ зависимости отъ цѣны или обратно. Искать этого закона ощупью, т.-е. переходя отъ одной опредѣленной смѣси къ другой, было бы слишкомъ долго. Мы можемъ найти его проще. Для этого надо найти общія выраженія для опредѣленія цѣны, соотвѣтствующей какой бы то ни было смѣси.

Какое бы мы ни имѣли число матеріаловъ въ смѣси—это рѣшительно все равно; мы предполагаемъ два матеріала только для простоты разсчета. Пусть будетъ этихъ матеріаловъ два; пусть одинъ изъ нихъ входитъ въ смѣсь въ какомъ угодно количествѣ a, тогда мы знаемъ, что наша смѣсь связана однимъ лишь условіемъ,—это, чтобы количество остальныхъ матеріаловъ смѣси, которые означимъ чрезъ b, было такое, чтобы оно покрывало весь азотъ и углеродъ суточной порціи, непокрытой a. Количество остальныхъ будетъ слѣдовательно нѣкоторой функціей отъ a, опредѣляемой физіологическими условіями, которыя намъ совершенно извѣстны, а слѣдовательно, намъ извѣстна и самая функція. Наша смѣсь будетъ содержать слѣдовательно a перваго матеріала и $b = f(a)$ второго. Если рыночная цѣна или стоимость производства перваго продукта n, а второго n', то рыночная цѣна этой смѣси будетъ $an + bn'$ или $an + n'f(a)$. Таковъ вообще видъ рыночной цѣны какой угодно смѣси. Составимъ теперь другую смѣсь, которая бы немного разнилась отъ первой. Для этого стбитъ предположить, что матеріалу a предыдущей смѣси дана какая-либо прибавка, положительная или отрицательная—это все равно; означимъ ее черезъ da. Тогда въ новой смѣси будемъ имѣть вмѣсто a перваго матеріала или говядины $a + da$ говядины. Но мы знаемъ, что вслѣдствіе такой прибавки должна

измѣниться въ новой смѣси и величина другого матеріала, который пусть будетъ хлѣбъ, для того, чтобы количество азота и углерода въ суточной порціи осталось тоже, то-есть должно измѣниться *b*. Пусть это соотвѣтствующее измѣненіе *b* будетъ db; тогда наша новая смѣсь будетъ заключать $b + db$ другого матеріала. Рыночная цѣна перваго матеріала новой смѣси будетъ очевидно $n\ (a + da)$, а второго $n'\ (b + db)$; а вся рыночная стоимость новой смѣси $(a + da)\ n + (b + db)\ n'$.

Очевидно, что для того, чтобы населеніе не имѣло выгодъ предпочитать второй смѣси первой, рыночныя стоимости обѣихъ смѣсей должны быть равны и, слѣдовательно, мы имѣемъ условія:

$$an + bn' = (a + da)\ n + (b + db)\ n'.$$

откуда $nda = dbn' = n'\ f'(a)\ da$

$$\frac{n}{n'} = \frac{db}{da} = f'\ (a)$$

Взявъ же цѣну второго продукта или n' за 1:

$$n = \frac{db}{da} = f'\ (a)$$

Или для возможности замѣщенія одного продукта другимъ цѣна на него должна быть равна производной второго продукта по первому. Слѣдовательно, если мы опредѣлимъ $b = f\ (a)$, то будемъ знать и общее выраженіе цѣны матеріала и соотвѣтствующее какому угодно спросу на него. Мы знаемъ, что зависимость между *a* и *b* опредѣляется физіологическими и химическими постоянными и состоитъ въ томъ, что если мы возьмемъ *a* перваго матеріала, то *b* должно быть выбрано такъ, чтобы оно покрыло весь непокрытый черезъ *a* углеродъ и азотъ. Если въ 1 перваго матеріала α азота и β углерода, то *a* такихъ единицъ перваго матеріала будетъ содержать $a\alpha$ азота и $a\beta$ углерода; весь же азотъ равенъ 20 граммамъ, а углеродъ 400 граммамъ; Слѣдовательно, азотъ, непокрытый *a* единицами перваго матеріала, будетъ $20 - \alpha a$, а углеродъ $400 - a\beta$. Этотъ-то азотъ и углеродъ должны быть покрыты *b* единицами второго матеріала. Если химическія постоянныя второго матеріала суть α' и β', то каждая единица второго матеріала содержитъ α' азота и β' углерода и $20 - \alpha a$ азота покроются $\frac{20 - \alpha a}{\alpha'}$ единицами второго матеріала, а $400 - a\beta$ единицъ углерода $\frac{400 - a\beta}{\beta'}$ второго. Слѣдовательно:

$$b = f\ (a) = \text{или}\ \frac{20 - \alpha a}{\alpha'}\ \text{или}\ \frac{400 - a\beta}{\beta'}$$

Производная этого выраженія есть $\frac{\alpha}{\alpha'}$ или $\frac{\beta}{\beta'}$, то-есть величина постоянная. Итакъ, получаемъ слѣдующую теорему. Пока нѣтъ выгоды замѣщенія одного продукта другимъ, цѣна ихъ

должна быть величиной постоянной и равною отношенію ихъ питательности. Но въ двухъ продуктахъ пропорціи обоихъ питательныхъ элементовъ между собою могутъ быть, и большей частью будутъ, весьма различны, то-есть отношеніе $\frac{\alpha}{\alpha'}$ не будетъ равно $\frac{\beta}{\beta'}$. Слѣдовательно, мы получимъ и двѣ различныя цѣны для замѣщенія. Одна выразитъ выгоду замѣщенія въ разсужденіи одного питательнаго элемента, другая — другого; то-есть, пока цѣна говядины относится къ цѣнѣ на хлѣбъ, какъ

$$\frac{\alpha}{\alpha'} = \frac{0,034}{0,013} = 2,61$$

до тѣхъ поръ выгодно замѣщать азотъ хлѣба азотомъ говядины; и пока тѣже цѣны относятся какъ

$$\frac{\beta}{\beta'} = \frac{0,13}{0,30} = 0,43$$

до тѣхъ поръ можетъ быть выгодно замѣщать углеродъ хлѣба углеродомъ говядины.

Отношеніе $\frac{\beta}{\beta'} = 0,43$ будетъ, слѣдовательно, тѣмъ предѣльнымъ отношеніемъ цѣнъ, при которомъ говядина можетъ замѣщать не только азотъ, но и углеродъ хлѣба и, слѣдовательно, можетъ господствовать, какъ исключительная пища. При дальнѣйшемъ возрастаніи стоимости производства говядины относительно хлѣба, говядина уже не можетъ замѣщать углерода, а только азотъ. Наконецъ, когда цѣна ея возрастетъ до $\frac{\alpha}{\alpha'} = 2,61$, — то прекратится и эта выгода и при дальнѣйшемъ возрастаніи ея цѣны она должна выйти изъ общаго употребленія. Отношеніе $\frac{\alpha}{\alpha'} = 2,61$ будетъ слѣдовательно другимъ предѣльнымъ отношеніемъ цѣнъ, при которомъ начинается исключительное господство другого продукта. Между этими предѣлами длится царство смѣси.

Въ результатѣ мы получаемъ, слѣдовательно, довольно простой и ясный законъ, управляющій въ этомъ случаѣ человѣческой и исторической волей; и такъ какъ этотъ законъ выведенъ раціональнымъ путемъ, то онъ долженъ быть общій для всякихъ замѣщеній. На основаніи сказаннаго будетъ не трудно произвести такое сравненіе. Взявъ богатство азотомъ и углеродомъ какого-либо одного продукта за единицу и опредѣливъ, затѣмъ, относительныя богатства азотомъ и углеродомъ всѣхъ остальныхъ въ сравненіи съ этимъ продуктомъ, взятымъ за единицу, получимъ ту стоимость производства, при которой различные продукты могутъ существовать въ продажѣ для замѣщенія того или другого элемента. Въ наше время отношеніе цѣнъ на говядину и растительную пищу возрасло уже до такой величины, при которой можно разсматривать говядину только какъ замѣстителя азота,

а за главный питательный продуктъ—хлѣбъ; поэтому мы и примемъ за единицу сравненія хлѣбъ.

Въ этомъ случаѣ получимъ слѣдующія отношенія для различныхъ продуктовъ:

	$\frac{\alpha}{\alpha'}$	$\frac{\beta}{\beta'}$
хлѣбъ	1	1
говядина	2,61	0,43
сахаръ	—	1,34
сало	—	2,4
масло	0,36	1,71
картофель	1,39	0,40
молоко	0,40	0,25
горохъ	2,77	1,43
пиво	1,	0,12

Цифры перваго столбца показываютъ ту относительную стоимость ихъ производства или рыночную цѣну въ сравненіи съ хлѣбомъ, при которой онѣ могутъ потребляться, какъ замѣстители азота, а цифры второго — цѣны, при которыхъ отдѣльныя вещества могутъ потребляться, какъ замѣстители углерода.

Но всякій продуктъ можетъ лишь по стольку являться на рынкѣ, по скольку онъ можетъ служить предметомъ спроса или потребленія. Слѣдовательно, мы можемъ вывести окончательно, что рыночныя цѣны питательныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ общаго потребленія, будутъ относиться между собою какъ ихъ питательныя содержанія и, слѣдовательно, этими относительными цѣнами будутъ управлять химическія постоянныя продуктовъ, причемъ питательность продукта есть единственная величина, отъ которой предполагается зависящимъ его спросъ. Такое положеніе остается справедливымъ, пока продуктъ остается предметомъ общаго потребленія. Разъ онъ сохраняется на рынкѣ только какъ предметъ роскоши, тогда конечно спросъ на него перестаетъ опредѣляться исключительно его питательностью, а опредѣляется другими перемѣнными, вкусностью, привычками, тщеславіемъ и пр. Но разсматривать вліяніе послѣднихъ здѣсь нѣтъ мѣста, такъ какъ наша задача состояла собственно въ разсмотрѣніи экономическаго вліянія однихъ лишь физіологическихъ и химическихъ постоянныхъ.

Ю. Жуковскій.

ШКОЛА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

I.

Въ первое время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, находясь еще подъ вліяніемъ европейскихъ обычаевъ, я обратился-было, въ главномъ вѣдомствѣ народнаго образованія, въ городѣ Сентъ-Люисѣ, къ президенту съ просьбой доставить мнѣ возможность ознакомиться съ мѣстными школами. Начальникъ учебнаго округа не сразу понялъ, въ чемъ собственно состояла моя просьба, и желая, съ свойственнымъ американцамъ радушіемъ, угодить чужестранцу, онъ вручилъ мнѣ тотчасъ же нѣсколько отчетовъ и программъ послѣднихъ годовъ. Когда же, поблагодаривъ его, я сказалъ, что желалъ бы прежде всего побывать въ самыхъ школахъ и потому прошу его дать мнѣ на то дозволеніе; то начальникъ, какъ бы изумившись, возразилъ: «помилуйте! на это не требуется никакого дозволенія отъ начальства: двери нашихъ школъ не запираются ни отъ кого; онѣ открыты для всѣхъ, и мы даже рады всякому постороннему посѣтителю. Это для насъ своего рода общественный контроль». Ободренный такими словами, я затѣмъ дѣйствительно сталъ посѣщать учебныя заведенія всѣхъ родовъ, не спрашиваясь уже никого, и входилъ прямо въ классы, въ которыхъ учителя и учащіеся продолжали свои занятія, нисколько не безпокоясь приходомъ посторонняго лица.

Только два раза случилось мнѣ встрѣтить нѣкоторое пре-

пятствіе къ посѣщенію школъ. Въ первый разъ, это было въ Филадельфіи, гдѣ находится великолѣпный Жирардовъ колледжъ для сиротъ. Здѣсь привратникъ открылъ мнѣ входъ лишь по удостовѣреніи въ томъ, что я не принадлежу къ духовному званію: въ силу завѣщанія самого Жирарда духовнымъ лицамъ безусловно преграждается доступъ въ заведеніе. Въ другой разъ не такъ уже легко было одолѣть препятствіе. Дѣло въ томъ, что въ Сентъ-Люисѣ находится классическій колледжъ іезуитовъ, не допускающихъ въ свое заведеніе неизвѣстныхъ имъ лицъ. Мнѣ такъ и не удалось проникнуть въ это замкнутое хранилище классицизма.

Какъ ни знаменательны бываютъ статистическія таблицы, какъ ни поучительны печатныя програмы и годовые отчеты по части школъ; но всѣ такіе источники, весьма важные сами по себѣ, не могутъ еще считаться достаточными данными для болѣе полнаго знакомства съ движеніемъ народнаго образованія въ странѣ. Для этого необходимо также личное знакомство съ учебными заведеніями всѣхъ родовъ; необходимо посѣщать самыя школы и уже послѣ этого, сопоставляя свои наблюденія съ печатными источниками, мы въ состояніи оцѣнить какъ слѣдуетъ и отчеты и выводы статистическихъ данныхъ. Для частнаго, неоффиціальнаго лица у насъ едвали достижима такая цѣль. Наши школы, подобно монастырямъ и тюрьмамъ, мало доступны для постороннихъ наблюдателей, и общество, отдавая своихъ дѣтей въ казенныя училища, только по смутно доходящимъ до него слухамъ узнаетъ о томъ, что̀ творится въ стѣнахъ тѣхъ образовательныхъ заведеній, двери которыхъ должны бы быть открыты для всякаго частнаго лица, заинтересованнаго въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Американцы, напротивъ того, именно смотрятъ на свои школы какъ на заведенія общественныя въ полномъ смыслѣ слова: двери ихъ, подобно церковнымъ дверямъ, открыты для всѣхъ и всякаго, какъ для учащихся, такъ и для родителей и даже для совершенно посторонняго посѣтителя. Вслѣдствіе такой общедоступности, школы въ Америкѣ являются, такъ сказать, дѣйствительными, живыми членами общественнаго организма. И эта присущая американскимъ школамъ жизненность еще сильнѣе высказывается въ самомъ внутреннемъ строѣ ихъ, въ сущности самого образованія, ими распространяемаго. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ нѣтъ той розни между школой и жизнью, на которую у насъ такъ часто слышатся жалобы. Тамъ школа и жизнь представляютъ какъ бы одно стройное свободное развитіе способностей человѣка: одна дополняетъ другую и практическая дѣя-

тельность молодого человѣка, окончившаго курсъ ученія, можно сказать, служитъ продолженіемъ школы. Такое отличительное свойство послѣдней можно бы выразить словомъ практичность, лишь бы не придавать этому слову слишкомъ узкаго значенія, ограничивая его, какъ то часто дѣлается, сферой промышленности и торговли. Въ этомъ отношеніи должно замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ до послѣдняго времени вообще было еще весьма немного техническихъ, ремесленныхъ и всякихъ другихъ спеціальныхъ училищъ подобнаго свойства. Если нынѣ и существуютъ такого рода заведенія, то они основаны такъ еще недавно, что не успѣли образовать ни одного поколѣнія. А между тѣмъ, несмотря на такой недостатокъ спеціально-техническаго образованія, всѣ школы—отъ начальной, гдѣ учатся чтенію и письму, и до высшей,—всѣ онѣ даютъ учащимся направленіе вполнѣ практичное въ обширномъ смыслѣ слова. Цѣлесообразность такого направленія доказывается уже тѣмъ, что американцы, несмотря на свою чрезвычайную подвижность, твердо придерживаются своей системы обученія, давно установившейся на твердыхъ основаніяхъ; между тѣмъ, какъ въ образованныхъ государствахъ Европы, да и у насъ въ Россіи, не проходитъ, можно сказать, десятилѣтія безъ того, чтобы не приступали къ реформамъ, существенно измѣняющимъ однѣ системы въ другія.

Причина такого устойчиваго характера американскихъ системъ скрывается, отчасти, въ двухъ весьма знаменательныхъ особенностяхъ народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Во-первыхъ, такъ-называемое общественное образованіе коренится тамъ въ низшихъ слояхъ народа, въ которыхъ оно собственно и возъимѣло свое начало, и постепенно расширяясь, оно переходило потомъ отъ начальныхъ школъ къ колледжамъ и университетамъ. А во-вторыхъ, центральное правительство, давая пособія для образованія, предоставило общественной иниціативѣ вести его по своему разумѣнію, не стѣсняя мѣстныя учебныя вѣдомства никакими административными регламентаціями. Для болѣе полнаго поясненія этихъ общихъ замѣчаній необходимо войти въ нѣкоторыя частныя подробности и ознакомиться какъ съ постепеннымъ развитіемъ школъ въ странѣ, такъ и съ существующими правительственными постановленіями по части народнаго просвѣщенія.

Если хотимъ прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ, то неминуемо должны обратиться къ первымъ переселенцамъ изъ Европы, именно, къ пуританамъ: имъ принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ.

Гонимыя за вѣру изъ Англіи, нѣкоторыя пуританскія семейства, состоявшія изо ста человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пустились, осенью 1620-го года, на кораблѣ *Майскій цвѣтъ* (May Flower) черезъ океанъ. Послѣ опаснаго трехмѣсячнаго плаванія, смѣлые переселенцы, увѣковѣченные въ исторіи Америки подъ именемъ *отцовъ-пилигримовъ* (Pilgrim-fathers), высадились на берегъ нынѣшняго штата Массачузета. Въ невѣдомомъ пустынномъ краю, занятые устройствомъ своей колоніи въ опасномъ сосѣдствѣ съ индѣйцами, они прежде всего должны были позаботиться о насущныхъ потребностяхъ жизни. Но даже среди самой суровой обстановки, въ постоянной борьбѣ съ трудностями и лишеніями всякаго рода отцовъ-пилигримовъ никогда не покидала забота о просвѣщеніи. Сознавая, что будущее благосостояніе ихъ дѣтей немыслимо безъ прочнаго образованія, они среди первобытныхъ лѣсовъ поставили свои школы. Наскоро сколоченныя изъ неотесанныхъ бревенъ, эти школы, съ кое-какою мебелью внутри, походили скорѣе на сараи. Однако въ нихъ обучалось уже молодое племя и зрѣло для будущихъ гражданскихъ подвиговъ. По недостатку средствъ, самое преподаваніе было, конечно, весьма несовершенно. Несмотря на то, послѣдствія оказались весьма плодотворными: промышленность и торговля въ колоніяхъ стали процвѣтать, благодаря просвѣщенному знаніемъ трудолюбію жителей, и народъ достигъ благоденствія и силы. Онъ вскорѣ окрѣпъ настолько, что въ 1776-мъ году свергнулъ съ себя иго британскаго деспотизма и завоевалъ свою независимость.

Образовавшееся затѣмъ союзное правительство тринадцати штатовъ занято было внутреннимъ устройствомъ только-что возникшей республики. Несмотря на всѣ заботы народныхъ представителей о средствахъ поднять край, разоренный недавно лишь окончившейся войной, объ уплатѣ долга, о законахъ для новаго Союза,—народное образованіе не было упущено изъ виду. Умудренные опытомъ своихъ предковъ, при содѣйствіи просвѣщенія достигшихъ довольства и независимости, руководясь тѣмъ вѣрнымъ началомъ, что истинная свобода можетъ упрочиться лишь на основаніи всеобщаго народнаго образованія, граждане юной республики вмѣнили въ обязанность своимъ представителямъ озаботиться о средствахъ для повсемѣстнаго распространенія школъ, доступныхъ для всѣхъ жителей безъ исключенія. Вслѣдствіе этого конгрессомъ были изданы новыя постановленія, которыми, однако, нисколько не стѣснялась частная инціатива гражданъ. Въ Европѣ, администрація до сихъ поръ забираетъ въ свои руки всѣ средства отъ общества и затѣмъ тормозитъ его начи-

ряя на каждомъ шагу; тогда какъ въ Америкѣ уже сто лѣтъ тому назадъ убѣдились, что главная забота объ устройствѣ образовательныхъ заведеній должна быть предоставлена на усмотрѣніе мѣстныхъ обществъ. Согласно съ этимъ новыя постановленія конгресса давали лишь бо́льшій просторъ свободнымъ начинаніямъ гражданъ, снабжая мѣстныя общества средствами для устройства школъ во вновь заселяемыхъ странахъ. Средства эти нашлись въ тѣхъ незанятыхъ еще земляхъ, которыя, по соглашенію штатовъ между собой, были предоставлены въ распоряженіе центральнаго правительства съ условіемъ, чтобы эти пустыни со временемъ, по надлежащемъ ихъ заселеніи, были организованы въ новые самостоятельные штаты. Пользуясь доходомъ съ продажи тѣхъ земель, правительство и постановило, чтобы $^1/_{36}$ часть ихъ, а именно, одна секція въ каждомъ округѣ, была отведена въ пользу народнаго образованія: доходы съ этихъ участковъ, называемыхъ школьными секціями, должны поступать въ кассы мѣстныхъ учебныхъ вѣдомствъ.

Обратимъ здѣсь особенное вниманіе на то обстоятельство, что, обезпечивъ на первыхъ порахъ начальное образованіе, — такъ-называемую у насъ грамотность,—для всѣхъ слоевъ народа, правительство предоставило попеченію частныхъ обществъ и лицъ основаніе высшихъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашихъ гимназій и университетовъ. Въ этомъ-то и заключается существенное отличіе американской системы отъ европейской, въ которой, какъ извѣстно, просвѣщеніе не всегда имѣетъ право называться народнымъ, потому уже, что самый народъ, по большей части, лишенъ всякихъ средствъ къ образованію.

До какой степени американское общество и правительство были всегда проникнуты сознаніемъ высокой важности общенароднаго образованія для могущества и блага страны,—въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, рѣчи представителей на конгрессѣ, какъ отголоски народнаго воззрѣнія. Одинъ изъ передовыхъ людей Америки, Генри Кле, во время самыхъ жаркихъ приготовленій къ новой войнѣ съ Англіей, въ 1812-мъ году, говорилъ: «Правда, мы до сихъ поръ не можемъ похвалиться такими высокими учеными, какими гордятся народы по ту сторону Атлантическаго океана. Но развѣ Европѣ легче отъ ея литературы, отъ ея ученыхъ институтовъ и университетовъ, отъ сонма ея знаменитыхъ мужей по части искусствъ и наукъ, которые зачастую бываютъ именно самыми продажными рабами власти. Смогли ли европейцы защитить себя отъ рабства? Развѣ мы не видимъ, какъ иные народы Европы упали такъ низко, что не чувствуютъ даже своего униженія!... Въ образованныхъ массахъ

народа—вотъ гдѣ коренится настоящая сила государствъ, вотъ въ чемъ истинная основа свободы! Я утверждаю, и никто не въ состояніи опровергнуть меня, что наше населеніе обладаетъ бóльшимъ количествомъ ума и самосознанія, — этого необходимаго условія всякаго здраваго смысла, — чѣмъ какое-либо другое населеніе на землѣ».

Можемъ прибавить отъ себя, что стóитъ только побывать въ Соединенныхъ Штатахъ, пожить нѣкоторое время въ городѣ, находящемся хотя бы въ какомъ-нибудь удаленномъ захолустьи, и убѣдиться на самомъ дѣлѣ, что общій уровень образованности жителей много выше того, какой встрѣчаемъ въ любомъ изъ городовъ Европы съ равнымъ по числу населеніемъ.

Насколько сами американцы сознаютъ свое превосходство въ отношеніи общенароднаго образованія—это можно видѣть также изъ одного отвѣтнаго письма Адамса, бывшаго министромъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Вотъ въ чемъ было дѣло: нѣмецкій дворянинъ Herr von Fürstenwerther обратился къ министру съ курьезнымъ запросомъ, не дадутъ ли ему въ Америкѣ приличное его званію мѣсто. Въ такомъ случаѣ, писалъ нѣмецкій дворянинъ, онъ рѣшился бы переселиться. Отвѣтъ министра такъ назидателенъ и такъ мѣтко характеризуетъ складъ общественнаго образованія въ Штатахъ, что стоитъ привести изъ него выдержки.

«Мы живемъ—пишетъ Адамсъ—не въ странѣ привилегій, но въ странѣ, гдѣ господствуетъ равенство правъ для всѣхъ людей. Иное дѣло у васъ, въ Европѣ. Тамъ государи раздаютъ тому и другому лицу разныя преимущества, надѣляютъ того и другого разными милостями. О равноправности всѣхъ у васъ и помину быть не можетъ; объ ней даже у наиболѣе развитыхъ европейцевъ едвали сложилось вѣрное понятіе.... Необходимымъ слѣдствіемъ такой равноправности въ Соединенныхъ Штатахъ является чувство гордости и превосходства надъ другими націями, присущее американцамъ. Всякій изъ нихъ сознаетъ, что въ общественномъ строѣ никто не поставленъ выше его. Въ этомъ сознаніи онъ съ презрѣніемъ смотритъ на народъ, у котораго масса населенія отдается на произволъ привилегированныхъ классовъ, добровольно или насильно подчиняясь прихотямъ послѣднихъ».... Затѣмъ, указывая на европейское образованіе, какъ на причину такого порядка вещей, Адамсъ прибавляетъ: «Что проку въ вашихъ ученыхъ заведеніяхъ, — какую пользу приносятъ вамъ, европейцамъ, ваша наука и ваша ученость,— когда вы не смѣете ни говорить, ни писать, ни дѣйствовать, ни даже мыслить такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, какъ требуютъ

того законы природы. Ваши прославленныя учебныя заведенія какъ-бы предназначены лишь для того, чтобы надломить въ васъ всякую самостоятельность и вышколить изъ васъ рабовъ, послушныхъ волѣ властителей. Весь умственный строй европейскаго материка представляется мнѣ пустою шуткой, служащей на потѣху нѣсколькихъ праздныхъ головъ. Вы никогда не смѣете дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что сами же признаете за истину».

Замѣтивъ потомъ, что, вслѣдствіе такого склада образованія въ Европѣ, народъ находится въ зависимости отъ правительства, тогда какъ въ Америкѣ, наоборотъ, правительство—отъ народа, Адамсъ заключаетъ свой отвѣтъ европейскому искателю привилегированныхъ мѣстъ такимъ совѣтомъ: «Кто переселяется къ намъ съ мыслью вести здѣсь покойную жизнь, получить теплое мѣстечко, тотъ лучше оставайся дома и покоряйся неизбѣжному злу; что̀, впрочемъ, будетъ для него не очень трудно исполнить потому уже, что онъ и вскормленъ и выросъ въ обыденномъ духѣ рабства».

Въ этомъ посланіи, писанномъ лѣтъ за пятьдесятъ тому назадъ, ясно обнаруживается та связь между общенароднымъ образованіемъ и всѣмъ строемъ жизни, которая, болѣе или менѣе, сознательно постигается американцами. Оттого-то они во всѣ времена съ такою устойчивостью и преслѣдовали свою систему образованія, и если въ ней совершались нѣкоторыя реформы, то онѣ касались, по преимуществу, хозяйственной, распорядительной части школъ. Такъ, между прочимъ, въ послѣдніе года количество участковъ, даруемыхъ правительствомъ въ пользу школъ (Land-grants), было удвоено именно въ виду устройства учебныхъ заведеній высшихъ разрядовъ. Вмѣсто прежней одной секціи нынѣ на этотъ предметъ отчисляются двѣ, т.-е. всего 1,280 акровъ (почти 474 дес.) въ каждомъ округѣ, заключающемъ въ себѣ 6 квадр. миль (около 9 кв. верстъ). Выручка съ продажи этихъ земель присоединяется, къ такъ-называемому, *школьному фонду* (School-fond). Количество всѣхъ пожертвованныхъ правительствомъ земель на школы въ 1870-мъ г. достигло громадной цифры 70.559,112 акровъ, что̀ равняется 26,106,871 десятинѣ. Если прибавить сюда еще участки, подаренные разнымъ обществамъ въ интересѣ образованія и отдѣльнымъ штатамъ для устройства земледѣльческихъ и техническихъ институтовъ, то число всѣхъ пожертвованныхъ на народное просвѣщеніе земель превыситъ 81 милл. акровъ, что̀, считая по обыкновеннымъ цѣнамъ, т.-е. по $1^{1}/_{4}$ доллара за акръ, составитъ капиталъ, по крайней мѣрѣ, въ сто милл. долларовъ (по обыкновенному курсу около 130 милл. руб.).

Этимъ не ограничиваются, однако, средства школъ. Пользуясь излишкомъ отъ доходовъ нѣсколькихъ лѣтъ, вашингтонскій конгрессъ назначилъ разнымъ штатамъ значительныя суммы для установленія школьнаго фонда. Штаты, съ своей стороны, присоединили къ нему разныя статьи своихъ собственныхъ доходовъ и такимъ образомъ обезпечили и упрочили, на всѣ будущія времена, средства народнаго образованія помимо даже участія въ немъ частныхъ обществъ и лицъ. Что касается до послѣднихъ, то слѣдуетъ замѣтить, что мѣстныя общины вездѣ сами себя облагаютъ сборомъ въ пользу школъ, и только въ такомъ случаѣ онѣ получаютъ право на пособіе отъ правительства. Раскладка сборовъ въ общинахъ совершается обыкновенно по числу дѣтей учебнаго возраста. Такимъ образомъ, на каждаго изъ жителей въ годъ приходится, по большей части, не болѣе одного доллара школьнаго сбора.

Всѣ вычисленныя здѣсь громадныя средства народнаго образованія касаются только учебныхъ заведеній оффиціальнаго свойства. Кромѣ нихъ, въ штатахъ находимъ еще значительное число частныхъ школъ и институтовъ, по преимуществу спеціальнаго свойства, несостоящихъ въ связи съ общественными учрежденіями, получающими пособія отъ правительства. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ и одолжено своими успѣхами наиболѣе тому обстоятельству, что оно пользуется неограниченной свободой: общества и частныя лица вольны открывать какія угодно школы и вести въ нихъ преподаваніе по своему собственному усмотрѣнію. Правительство рѣшительно ни во что не вмѣшивается до тѣхъ поръ, пока сами содержатели заведеній не обратятся къ нему за поддержкой. Въ такомъ только случаѣ правительство штата, выдавая пособія, присвоиваетъ себѣ право наблюдательнаго надзора надъ школой. Вслѣдствіе такого порядка дѣлъ народное образованіе пользуется всѣми преимуществами какъ частной общественной иниціативы, такъ и руководящей имъ административной централизаціи.

Административныя учрежденія по части народнаго образованія не совсѣмъ одинаковы въ разныхъ мѣстахъ Союза. Такъ какъ штаты, его образующіе, представляютъ нѣкоторыя отличительныя особенности, зависящія частью отъ различныхъ мѣстныхъ условій, частью и оттого, что одни сложились ранѣе другихъ, то каждый изъ штатовъ устроился, такъ сказать, по-своему, приноравливаясь къ своимъ мѣстнымъ и временнымъ особенностямъ. Но такое различіе въ устройствѣ учебныхъ учрежденій, въ свою очередь также много способствовавшихъ успѣху образованія, касается, впрочемъ, болѣе всего внѣшней, формаль-

ной стороны управленія. Въ сущности же всѣ штаты руководствуются, въ этомъ случаѣ, одними и тѣми же основными правилами. А потому управленіе въ нихъ, по части народнаго образованія, можно себѣ представить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ, которыя постараемся здѣсь изобразить въ томъ генетическомъ порядкѣ, въ какомъ на самомъ дѣлѣ совершается постепенное развитіе образовательныхъ учрежденій въ странѣ.

Одна или нѣсколько общинъ, смотря по густотѣ населенія, образуютъ, такъ-называемый, учебный участокъ (District). Онъ состоитъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ одного избираемаго общинниками директора. Нѣсколько такихъ участковъ составляютъ округъ (Township), шести кв. миль пространствомъ. Всѣ мѣстные директоры одного округа въ сборѣ образуютъ учебный совѣтъ, завѣдующій дѣлами мѣстнаго образованія. Совѣтъ имѣетъ власть, по своему усмотрѣнію, распредѣлять и переустраивать учебные участки; заводить такъ-называемыя нормальныя и высшія школы, назначаемыя для приготовленія наставниковъ и наставницъ; нанимать и смѣнять учителей и вообще наблюдать за правильнымъ ходомъ ученія въ окружныхъ школахъ. Нѣсколько округовъ, соединенныхъ въ области (County, соотвѣтствующія нашимъ уѣздамъ), состоятъ подъ вѣдѣніемъ инспектора школъ (Commissioner). Онъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, по одному разу въ годъ посѣщать каждое изъ заведеній своей области, слѣдить за способами преподаванія и давать общее направленіе въ методахъ и пріемахъ обученія. Наконецъ, всѣ дѣла, касающіяся народнаго просвѣщенія одного самостоятельнаго штата, сосредоточиваются въ главномъ учебномъ совѣтѣ (Board of Education), членами котораго, кромѣ главнаго начальника школъ (Superintendent), бываютъ обыкновенно губернаторъ и вице-губернаторъ штата, и еще нѣсколько выборныхъ лицъ. На нихъ возлагается обязанность имѣть общій надзоръ надъ образовательными заведеніями въ штатѣ и собирать по этой части статистическія свѣдѣнія. Всѣ означенныя лица учебнаго вѣдомства назначаются къ должностямъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки по выборамъ мѣстныхъ жителей.

Такимъ образомъ каждый изъ штатовъ, которые въ нѣкоторыхъ административныхъ отношеніяхъ можно бы уподобить нашимъ губерніямъ, ведетъ у себя дѣло образованія, давая широкій просторъ общественной самодѣятельности и, въ то же время, сосредоточивая въ рукахъ мѣстной администраціи общій надзоръ за правильнымъ ходомъ народнаго просвѣщенія. Что же касается собственно до центральнаго правительства въ Вашингтонѣ, то оно, до послѣдняго времени, вовсе не участвовало въ

управленіи по дѣламъ народнаго образованія, предоставляя отдѣльнымъ штатамъ вполнѣ заботу о послѣднемъ. Недавно лишь, а именно въ 1867-мъ году, конгрессъ утвердилъ актъ, въ силу котораго и былъ учрежденъ въ Вашингтонѣ *департаментъ народнаго просвѣщенія*, соотвѣтствующій нашему министерству.

Несмотря на нѣкоторое сходство между тѣмъ и другимъ съ внѣшней, формальной стороны, мы однако сильно ошиблись бы, еслибы, по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, судящихъ объ американскихъ дѣлахъ лишь по наружной формѣ, на основаніи этого факта, стали предполагать, будто съ расширеніемъ республики усиливается стремленіе къ централизаціи административной власти. Насколько, въ настоящемъ случаѣ, департаментъ далекъ отъ подобной централизаціи, о томъ можно судить по основнымъ положеніямъ самого акта. По его выраженію, цѣль этого высшаго образовательнаго вѣдомства заключается: «въ собираніи такихъ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ, которыя указывали бы на условія и успѣхи образованія въ разныхъ штатахъ и территоріяхъ; въ распространеніи такихъ свѣдѣній касательно организаціи школъ и примѣненія учебныхъ системъ и методовъ преподаванія, которыя служили бы народу Соединенныхъ Штатовъ руководствомъ при введеніи и поддержаніи существующихъ нынѣ учебныхъ системъ, и всякимъ инымъ образомъ способствовали бы дѣлу образованія во всей странѣ».

Во главѣ департамента стоитъ инспекторъ образованія (Commissioner of Education), назначаемый президентомъ Штатовъ съ согласія сената. На инспектора возлагается обязанность: «подавать ежегодно конгрессу отчетъ, заключающій въ себѣ результаты его изслѣдованій и трудовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять отъ себя такія данныя и совѣты, которые, по его соображеніямъ, могли бы содѣйствовать цѣлямъ департамента народнаго просвѣщенія».

Изъ этихъ основныхъ положеній уже ясно можно видѣть, что при учрежденіи департамента нисколько не имѣлось въ виду вмѣшательство центральнаго правительства въ мѣстныя дѣла. Напротивъ онъ долженъ лишь содѣйствовать мѣстнымъ, разсыпаннымъ по обширной странѣ учебнымъ вѣдомствамъ, собирая, какъ въ фокусѣ, всѣ полезныя свѣдѣнія по учебной части и распространяя ихъ потомъ по всей странѣ. Исполнить такое обширное дѣло было бы, разумѣется, не по силамъ каждаго изъ учебныхъ вѣдомствъ, отдѣльно взятаго. Въ такомъ-то содѣйствіи послѣднимъ и заключается въ высшей степени плодотворная дѣятельность центральнаго департамента. Итакъ, сводя все вмѣстѣ, мы можемъ

заключить: участіе, принимаемое центральнымъ правительствомъ Союза въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія, состоитъ, по преимуществу, въ томъ, что оно, раздачею казенныхъ земель, даетъ средства для этого, а сообщеніемъ указанныхъ выше свѣдѣній содѣйствуетъ къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію системъ образованія.

Въ дополненіе нашего очерка административной дѣятельности по учебному дѣлу изобразимъ, наконецъ, для большей наглядности и для образца, постепенное развитіе школъ въ одной изъ такихъ мѣстностей, гдѣ онѣ успѣли уже сложиться въ полномъ современномъ составѣ. Для этого избираемъ, именно, городъ Чикаго, какъ такой, который, можно сказать, на нашихъ глазахъ зародился и развился до совершеннаго города со всѣми условіями современной цивилизаціи. Кстати можемъ замѣтить здѣсь разъ навсегда: какъ въ предстоящемъ историческомъ очеркѣ, такъ и вообще во всѣхъ указаніяхъ, сообщаемыхъ въ нашей статьѣ, источниками служили частью сочиненія, изданныя отдѣльными книгами или разсѣянныя по мѣстнымъ періодическимъ изданіямъ, частью свѣдѣнія, собранныя нами на самомъ мѣстѣ [1]).

Въ началѣ настоящаго столѣтія на южномъ прибрежьи озера Мичигена, при устьѣ рѣчки Чикаго, — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ раскинулся городъ съ трехсотъ-тысячнымъ населеніемъ,—одиноко стоялъ фортъ Дирборнъ, нѣчто въ родѣ нашихъ защитъ, служащихъ для охраненія азіатскихъ пограничныхъ мѣстъ отъ набѣговъ хищныхъ племенъ.

Небольшому отряду союзнаго войска, состоявшему изъ 50-ти солдатъ и занимавшему Дирборнъ, поручено было охранять немногихъ переселенцевъ, только-что начинавшихъ появляться въ пустынномъ краѣ, отъ нападеній враждебныхъ индѣйцевъ. Впрочемъ, единственный поселенецъ, пріютившійся близъ форта, принадлежалъ къ числу тѣхъ самыхъ передовыхъ піонеровъ дальняго Запада, которые, ведя мѣновой торгъ съ краснокожими, проникаютъ въ дѣвственный край дальше всѣхъ другихъ колонистовъ. Этотъ индѣйскій торговецъ жилъ на новомъ мѣстѣ съ единственнымъ своимъ сыномъ, младенцемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Послѣдній, можно сказать, выросъ и развился вмѣстѣ съ

---

[1]) Считаемъ безполезнымъ ссылаться всякій разъ на эти вообще малодоступные источники. Однако, для интересующихся предметомъ, укажемъ здѣсь хоть на нѣкоторыя изъ книгъ, которыя могутъ служить для справокъ въ настоящемъ случаѣ: The American Year-Book and National Register; — Colbert's Chicago; — Wright's Chicago: Past, Present, Future.

городомъ, въ которомъ онъ донынѣ состоитъ членомъ думы. Замѣтимъ впрочемъ, что собственно о городѣ Чикаго въ 1810-мъ году еще и помину не было. Несмотря на то, въ этомъ именно году, по своеобразному выраженію мѣстной лѣтописи, «былъ совершенъ первый актъ обученія». Лѣтописецъ съ такимъ пристрастіемъ останавливается на этомъ актѣ зарождающейся школы, что называетъ по имени самихъ участниковъ его. Избѣгая подробностей, скажемъ только, что починъ въ дѣлѣ принадлежалъ одному изъ солдатъ отряда, преподававшаго, въ бревенчатой лачужкѣ, грамоту именно сыну индѣйскаго торговца, достигшему тогда шестилѣтняго возраста. Среди какой обстановки происходили эти мирныя занятія воина съ юнымъ ученикомъ — можно судить уже по тому, что ихъ уроки не разъ прерывались, вслѣдствіе нападенія на край безпокойныхъ индѣйцевъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что не только переселенцы, но и гарнизонъ, лишившись нѣсколько десятковъ человѣкъ убитыми, принуждены были удалиться на время изъ края въ болѣе безопасныя мѣста на востокѣ.

Несмотря на тревожную, исполненную опасностей жизнь, обученіе не упускалось изъ виду. Когда послѣ четырехлѣтней отлучки гарнизонъ возвратился въ фортъ Дирборнъ, то какой-то отставной солдатъ открылъ школу въ грубо-сколоченной бревенчатой лачугѣ, сначала предназначенной, по словамъ лѣтописи, для пекарни. Учениками были тотъ же сынъ индѣйскаго торговца, младшій братъ и двѣ сестры его, и еще четверо дѣтей гарнизонныхъ солдатъ. Года четыре спустя послѣ этого была открыта другая школа сержантомъ гарнизона для дѣтей, живущихъ въ фортѣ. Потомъ уже, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, появились еще двѣ школы, въ одной изъ которыхъ обученіемъ занималась молодая миссъ. Напомнимъ однако, что настоящее основаніе Чикаго слѣдуетъ отнести, собственно, къ 1833-му году, когда онъ былъ приписанъ къ числу городовъ округа. Населеніе города, въ то время, простиралось всего до 350 человѣкъ. Двое изъ его жителей тогда же выстроили, на свой счетъ, первое скромное зданіе для школы.

Въ концѣ того же года молодая миссъ, собравъ около двадцати учениковъ и ученицъ, открыла близъ форта, также на собственныя средства, школу для малолѣтнихъ дѣтей (Infant School). Около этого времени край сталъ быстро наполняться переселенцами, такъ что вскорѣ нѣсколько общинъ, соединившись вмѣстѣ, организовали изъ себя область, прозванную Кукъ-конти (Cook-County). Вслѣдствіе устава Соединенныхъ Штатовъ, извѣстная часть земель въ этой области, какъ обыкновенно, была назначена

въ пользу школъ. Въ Чикаго съ тою же цѣлью отведенъ былъ соразмѣрный участокъ. Въ началѣ этотъ школьный участокъ не имѣлъ, конечно, большой цѣны; но такъ какъ городъ росъ не по днямъ, а по часамъ, то цѣны на земли возрастали до громадныхъ суммъ; благодаря чему въ настоящее время училищный участокъ, присоединенный къ школьному фонду, цѣнится въ 40 милл. долларовъ.

Обратимся опять къ названной нами миссъ, содержательницѣ школы для малолѣтнихъ. Она повела свое скромное заведеніе, перенесенное впослѣдствіи въ самый городъ, съ большимъ успѣхомъ, такъ что не прошло двухъ лѣтъ, какъ ей отъ городской думы предложено было принять надлежащее пособіе изъ школьнаго фонда съ тѣмъ, чтобы преобразовать свое частное заведеніе въ общественную школу. Такимъ-то образомъ, благодаря почину со стороны частнаго лица, и было положено первое начало общественнаго образованія въ городѣ. Вслѣдъ за тѣмъ и другія частныя школы постепенно и все тѣмъ же порядкомъ преобразовывались въ общественныя. Вскорѣ число всѣхъ заведеній въ городѣ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, дошло до семи, и между ними, кромѣ начальныхъ школъ, было уже нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній и одно училище для приготовленія наставниковъ и наставницъ.

Въ началѣ 1835-го года въ законодательномъ собраніи штата Иллиноиса, въ которомъ находится Чикаго, былъ утвержденъ актъ, расширившій еще болѣе средства мѣстнаго образованія. Вслѣдствіе этого акта состоялся выборъ пяти инспекторовъ, по распоряженію которыхъ областные директоры распредѣлили школьные участки по своимъ областямъ. Кукъ-конти былъ раздѣленъ на четыре участка. Кромѣ того,տремъ выбраннымъ попечителямъ поручено было позаботиться о необходимыхъ средствахъ для народныхъ школъ, вслѣдствіе чего и былъ назначенъ налогъ на жителей, не превышавшій полъ-процента годового дохода каждаго изъ нихъ. Такимъ-то путемъ, исходя отъ частной инициативы, постепенно слагалась администрація народнаго образованія, и въ 1837-мъ году, совѣтъ города Чикаго учредилъ у себя главное вѣдомство школьныхъ инспекторовъ (Board of School Inspectors), состоящее не менѣе какъ изъ пяти, и не болѣе какъ изъ двѣнадцати членовъ, назначаемыхъ каждогодно. Съ этого времени началось печатаніе ежегодныхъ отчетовъ о движеніи учебнаго дѣла. Впослѣдствіи это вѣдомство было окончательно преобразовано въ такъ-называемый совѣтъ народнаго образованія (Board of Education), во главѣ котораго поставленъ инспекторъ учебныхъ заведеній. Та-

кимъ образомъ, дѣло народнаго просвѣщенія въ Чикаго, развившееся, какъ увидимъ, до весьма широкихъ размѣровъ, получило свою настоящую полную организацію.

Прибавимъ здѣсь еще, что до 1848-го года учебная администрація не выстроила, на свой счетъ, ни одного дома для школы, и лишь въ этомъ году было сооружено первое общественное зданіе для учебнаго заведенія. Вслѣдъ за тѣмъ уже быстро послѣдовали постройки другихъ народныхъ школъ въ городѣ.

Какъ ни мелочны, сами по себѣ, приведенныя нами подробности, но онѣ очень важны тѣмъ, что въ этомъ, такъ сказать, типическомъ очеркѣ, намъ представляется одинъ изъ мѣстныхъ примѣровъ образовательнаго движенія въ штатахъ. Въ немъ, можно сказать, отражается весь ходъ и все направленіе народнаго образованія американской республики. Впрочемъ, еслибы намъ пришлось даже ограничиваться собственными наблюденіями, собранными въ разныхъ мѣстахъ во время путешествія по штатамъ, то, какъ очевидцы, могли бы только подтвердить, что и въ настоящее время совершается подобное развитіе школъ тѣмъ же самымъ порядкомъ. Изъ многихъ памятныхъ намъ случаевъ въ этомъ родѣ приведемъ хоть одинъ, знаменательный для насъ въ томъ отношеніи, что намъ удалось напасть на школу первобытнаго свойства въ такой мѣстности, гдѣ менѣе всего можно было ожидать открытія подобной находки. Это случилось именно во Флоридѣ, слѣдовательно въ одномъ изъ молодыхъ и притомъ южныхъ штатовъ Союза. А извѣстно, что бывшіе невольничьи штаты, въ дѣлѣ народнаго образованія, далеко отстали отъ свободныхъ сѣверныхъ, къ которымъ,—должно замѣтить здѣсь разъ навсегда,—собственно и относится все то, что говорится здѣсь объ общенародномъ образованіи въ республикѣ. Правда, въ послѣднее время по отмѣнѣ невольничества, жители Юга съ большимъ рвеніемъ принялись за дѣло образованія, стремясь, въ этомъ отношеніи, стать въ уровень съ Сѣверомъ; но случай, о которомъ вспоминаемъ, тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ относится къ тому времени, когда невольничество было еще въ полной своей силѣ.

Весной 1856 года я и товарищъ мой по первому путешествію, М. И. Хилковъ, прибыли на пароходѣ въ Пензаколу, одну изъ гаваней на сѣверномъ берегу Мексиканскаго залива. Намѣреваясь пробраться далѣе на западъ, въ городъ Мобиль, мы узнали, что въ предшествовавшіе дни шли сильные дожди, вслѣдствіе чего весь тотъ край былъ залитъ водой, а мосты по дорогѣ, по которой ходила почтовая карета, были снесены разлившимися потоками; словомъ—сообщеніе прекратилось на не-

опредѣленное время. Намъ оставалось одно средство добраться до Мобиля — идти пѣшкомъ. Пустившись въ путь, мы кое-какъ пробирались по затопленнымъ пустыннымъ мѣстностямъ, переходя большія пространства по колѣни въ водѣ. По дорогѣ изрѣдка попадались жилища переселенцевъ, которымъ, вслѣдствіе неожиданнаго половодья, разобщившаго ихъ съ городами, угрожало совершенное истощеніе съѣстныхъ припасовъ. Среди такой крайне неблагопріятной обстановки, на другой день нашего пути, около полудня, остановились мы у поселенца, расположившаго свою хлопчато-бумажную плантацію на крутомъ берегу рѣчки. Недалеко отъ дома фермера стояло небольшое деревянное строеніе, обратившее на себя наше вниманіе. Оказалось, что хозяинъ поставилъ здѣсь школу. Мы, конечно, полюбопытствовали заглянуть въ нее. Тамъ, среди простой, но опрятно меблированной комнаты застали мы самого наставника, маленькаго, сѣденькаго старичка,—четырехъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ отъ шести до десятилѣтняго возраста. Тутъ были дѣти самого хозяина и также сосѣднихъ фермеровъ, живущихъ миль за пять по берегу рѣчки. Сосѣди, общими силами, выстроили школу, наняли учителя, разложивъ всѣ расходы между собой, и вотъ среди пустынной мѣстности, разобщенной на время съ остальнымъ міромъ, возникло учебное заведеніе, первый зародышъ будущаго образованія въ странѣ. Какъ ни скудна была обстановка школы, но осмотрѣвъ руководства и поговоривъ съ учителемъ, мы убѣдились, что для обученія молодого поколѣнія здѣсь примѣняются тѣже раціональные, вполнѣ современные способы преподаванія, съ какими пришлось намъ познакомиться впослѣдствіи въ народныхъ школахъ большихъ городовъ, подобныхъ нынѣшнему Чикаго.

Отъ нашихъ личныхъ воспоминаній переходимъ вновь къ послѣднему, чтобы довести до новѣйшаго времени очеркъ развитія учебнаго дѣла въ быстро возраставшемъ городѣ.

По учрежденіи совѣта народнаго образованія въ Чикаго, въ 1855 году была основана на счетъ думы высшая школа (High School), имѣвшая, между прочимъ, назначеніемъ приготовить искусныхъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ элементарнаго знанія. Сверхъ того появилось нѣсколько вечернихъ школъ съ цѣлью дать молодымъ людямъ, занятымъ въ теченіи дня, средства дополнить образованіе, полученное въ народныхъ школахъ. Число послѣднихъ возрастало съ каждымъ годомъ, и въ 1868, когда въ городѣ считалось до 250,000 жителей, однихъ общественныхъ заведеній насчитывалось 38. Въ нихъ преподаваніемъ занимались 60 наставниковъ и 341 наставница. Кромѣ того въ

Чикаго находилось еще немалое число частныхъ учебныхъ заведеній, не вошедшихъ въ отчеты инспектора. Доходъ по народному образованію, состоящій изъ процентовъ съ школьнаго фонда и изъ школьныхъ сборовъ (School tax) равнялся 740,000 долларовъ, расходъ же простирался до 650,000. По разсчету совѣта выходило, что на каждаго ученика, посѣщавшаго народную школу, расходъ простирался до 23 долл. 84 центовъ въ годъ.

Заключимъ нашъ очеркъ сопоставленіемъ лицомъ къ лицу прошлаго съ настоящимъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ руководствомъ гарнизоннаго солдата, началъ свое образованіе сынъ индѣйскаго торговца, до сихъ поръ проживающій въ городѣ,—гдѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ бревенчатомъ блокгаузѣ открыта была первая школа подъ вѣдѣніемъ другого отставного солдата—тамъ нынѣ находимъ слишкомъ сорокъ общественныхъ учебныхъ заведеній всякаго рода и почти такое же число частныхъ училищъ. Какъ видимъ, учебное дѣло развилось здѣсь въ широкихъ размѣрахъ въ довольно короткое время, благодаря именно тому обстоятельству, что начинанія частныхъ лицъ не стѣснялись никакими административными регламентаціями, всегда служащими тормазомъ для развитія школъ, этихъ *твердынь свободныхъ учрежденій*, какъ называютъ свои народныя училища гордящіеся ими американцы.

Для того, чтобы составить себѣ болѣе полное понятіе о состояніи народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ вообще, воспользуемся статистическими данными, собираемыми департаментомъ народнаго просвѣщенія. Избѣгая мелочныхъ подробностей, затемняющихъ лишь общіе выводы, мы здѣсь, по необходимости, должны будемъ ограничиться одними сѣверными штатами Союза, такъ какъ до послѣдняго времени въ южныхъ народное образованіе до того было запущено, что не позаботились даже о собираніи статистическихъ данныхъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ годовыхъ отчетовъ, въ 19-ти сѣверныхъ штатахъ, въ 1867-мъ году, населеніе круглымъ числомъ простиралось до 23-ти милліоновъ.

Число общественныхъ учебныхъ заведеній было	108,000
Число наставниковъ.	52,000
» наставницъ	104,000
» учениковъ обоего пола	5.300,000

Итакъ, въ среднемъ выводѣ, почти на 213 человѣкъ приходилось по одной школѣ. Не забудемъ притомъ, что къ населенію причислены также прибывшіе вновь изъ Европы переселенцы, въ массѣ которыхъ дѣти занимаютъ весьма небольшую часть. Здѣсь достаточно замѣтить, что въ нѣкоторые года въ

Соединенные Штаты прибывало слишкомъ 400,000 переселенцевъ. Съ другой стороны, къ числу общественныхъ школъ слѣдовало бы присоединить также частныя заведенія, не вошедшія въ отчеты, и еще тѣ разсыпанныя по отдаленнымъ колоніямъ первобытныя школы, о существованіи которыхъ и не вѣдаетъ департаментъ просвѣщенія. Еслибъ можно было принять въ разсчетъ всѣ эти недостающія данныя, то навѣрное оказалось бы, что на каждые 200 человѣкъ населенія приходится, по крайней мѣрѣ, по одной школѣ.

Такое предположеніе оправдается на дѣлѣ, если примемъ въ соображеніе болѣе достовѣрныя свѣдѣнія относительно одного изъ старшихъ штатовъ, въ которомъ число прибывающихъ переселенцевъ меньше чѣмъ въ другихъ, и притомъ школы большею частью извѣстны правительству. Такъ, напр., въ штатѣ Мичигенѣ въ 1867-мъ году было:

Жителей	900,000	ч.
Общественныхъ школъ	4,744	
Число наставниковъ	2,007	ч.
» наставницъ	7,377	»
Учащихся	243,161	»
Годовой расходъ на школы	2.310,000	долл.

Здѣсь, какъ видимъ, на 191 человѣкъ приходится по одной школѣ—отношеніе, приближающееся къ предположенному нами выше. Для сравненія приведемъ еще одинъ изъ младшихъ членовъ Союза, а именно Калифорнію, принятую въ число штатовъ лишь въ 1850-мъ году. Тамъ въ 1867-мъ году находимъ:

Жителей	470,000
Школъ	1,071
Наставниковъ	616
Наставницъ	773
Учениковъ обоего пола	61,227

Итакъ, одна школа приходится на 438 человѣкъ. Вспомнимъ, что именно въ этотъ молодой штатъ въ послѣдніе года прибыло значительное число новыхъ переселенцевъ, между которыми было весьма много рудокоповъ.

Изъ статистическихъ таблицъ учебнаго вѣдомства можемъ извлечь еще другія интересныя отношенія. Сравнивъ, напримѣръ, сумму, израсходованную въ 1867 году въ штатѣ Мичигенѣ, на общественныя школы, съ числомъ учащихся, найдемъ, что на каждаго изъ нихъ приходится по 9-ти долларовъ 49-ти центовъ; а сравнивъ тотъ же расходъ съ населеніемъ, увидимъ, что на каждаго изъ жителей штата выходитъ по 2 долл. 59 цент., или около 3 р. 50 к. въ пользу народнаго образованія. Еслибъ

примѣнить эти отношенія къ населенію Россіи, то нашъ бюджетъ народнаго просвѣщенія долженъ бы былъ превышать ежегодно 200 милл. р. сер.

Впрочемъ, какъ бы краснорѣчивы ни были, въ этомъ случаѣ, числа сами по себѣ, но не слѣдуетъ забывать, что въ нихъ не всегда заключается истинная сущность дѣла. И дѣйствительно, мы горько ошиблись бы, еслибъ, довѣряясь однимъ цифрамъ, сопоставили въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты съ Пруссіею, имѣющею, сравнительно съ другими государствами Европы, наибольшее число учебныхъ заведеній. Мы ошиблись бы потому уже, что одною многочисленностью школъ еще не измѣряется истинное народное образованіе. Но мы не измѣнимъ своего понятія о сѣверо-американской школѣ, если будемъ судить о ней по ея направленію, по ея общественно-воспитательному характеру. Въ въ какой мѣрѣ подобное направленіе школы и затѣмъ жизни отзывается на развитіи народа, объ этомъ можемъ судить даже по личнымъ наблюденіямъ въ сферѣ соціальнаго быта въ двухъ такихъ странахъ, какъ Пруссія и Соединенные Штаты. Хотя въ первой намъ случалось останавливаться лишь на короткіе сроки и притомъ большею частью въ городахъ; при всемъ томъ въ Пруссіи приходилось гораздо чаще встрѣчаться съ грубымъ невѣжествомъ, тупоуміемъ угнетенныхъ низшихъ слоевъ общества, чѣмъ во все время двукратнаго пребыванія нашего въ Соединенныхъ Штатахъ, которые изъѣздили мы вдоль и поперегъ, ежедневно сталкиваясь съ личностями всѣхъ возможныхъ общественныхъ слоевъ. Часто, бывало, въ дѣвственныхъ степяхъ дальняго Запада находили мы пріютъ у скваттеровъ, у этихъ кочующихъ хлѣбопашцевъ, переселившихся изъ восточныхъ штатовъ, съ ружьемъ на плечѣ воздѣлывающихъ новую почву. Среди необитаемыхъ пространствъ, далеко отъ всякихъ условій цивилизаціи поставленъ ихъ наскоро сколоченный изъ неотесанныхъ бревенъ блокгаузъ. Внутри на голой землѣ, замѣняющей полъ, стоятъ самодѣльные столы и стулья. А когда случалось разговориться съ людьми, живущими въ этой полудикой обстановкѣ, то насъ поражали и любознательность ихъ, и здравыя сужденія даже о такихъ предметахъ, которые, казалось бы, вовсе выходятъ изъ круга ихъ земледѣльческихъ занятій: они высказывали довольно обширное знакомство съ условіями жизни въ разныхъ концахъ американской республики; въ нихъ и слѣда нѣтъ тѣхъ суевѣрныхъ предразсудковъ, какими бываетъ наполнена голова вышколеннаго въ Пруссіи или почти всякаго другого европейскаго крестьянина. Рѣзкая противоположность между умнымъ янки и тупымъ на пониманіе нѣмцемъ еще

сильнѣе обнаруживается, когда видишь ихъ вмѣстѣ, когда пріѣхавшій изъ Европы переселенецъ лицомъ къ лицу встрѣчается съ урожденнымъ американцемъ. Не довѣряясь вполнѣ собственнымъ наблюденіямъ, мы могли бы въ этомъ случаѣ сослаться на отзывы многихъ образованныхъ нѣмцевъ: проживъ долгое время въ Америкѣ, они имѣли возможность сравнить въ отношеніи умственнаго развитія своихъ соотечественниковъ съ американцами. Такъ между прочимъ Фрёбель въ своихъ очеркахъ объ Америкѣ сознается, что земляки представлялись ему настоящими олухами, недоумками передъ этими смышлеными янки. Что касается до самихъ американцевъ, то они съ снисхожденіемъ, свойственнымъ умнымъ людямъ, смотрятъ на толпы жалкихъ пришельцевъ изъ Европы, вращающихся между ними. Однако, при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ невольно вырывается изъ ихъ устъ сознаніе своего превосходства. Такъ, напр., въ одной рѣчи, сказанной по поводу домогательствъ духовенства ввести въ школы уроки религіи, ораторъ говоритъ: «Католическое духовенство и распространяемое имъ ученіе въ школахъ о безусловномъ повиновеніи—вотъ что подорвало силы европейскихъ народовъ до такой степени, что они не въ состояніи даже стряхнуть съ себя иго произвола. И въ самомъ дѣлѣ, *эти массы бѣлыхъ рабовъ, называющихся европейскими народами, представляются намъ презрѣннѣе даже нашихъ безпомощныхъ и безграмотныхъ негровъ.* Какія опасности могутъ со временемъ обрушиться на наше отечество по милости этихъ въ рабствѣ воспитанныхъ европейскихъ переселенцевъ. Дерзость ихъ священниковъ дошла до того, что они объявляютъ, будто наши общественныя заведенія подкапываютъ и нравственность и вѣру. Всякій знаетъ, что это наглая ложь.... Суевѣріе, деспотизмъ и поповщина ненавидятъ наши общественныя, для всѣхъ открытыя школы; разумъ, свобода и прогрессъ, напротивъ того, любятъ эти опоры высшей гуманности»!

Такая рѣзкая противоположность между народнымъ образованіемъ въ Пруссіи и Соединенныхъ Штатахъ сказывается, между прочимъ, также въ коренныхъ положеніяхъ образовательныхъ системъ той и другой страны. И въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи правительство нашло необходимымъ издать законъ объ обязательности обученія, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ такой законъ оказался бы вовсе излишнимъ: тамъ народъ самъ собой понимаетъ необходимость образованія.

Не развивая далѣе этихъ сравненій, не можемъ однако не упомянуть здѣсь о томъ, что при этомъ самъ собой напрашивается вопросъ: какая изъ странъ представляетъ болѣе надежныя

опоры государственнаго могущества и народнаго благосостоянія? Та ли, въ которой народное образованіе устремлено на расширеніе военной силы; или та, въ которой цѣлью ставится гуманное развитіе человѣка? Самымъ безпристрастнымъ судьею въ рѣшеніи этого вопроса является, конечно, исторія человѣчества, повѣствующая о томъ, какъ послѣ недолговѣчныхъ побѣдныхъ торжествъ военнаго деспотизма распадались основанныя на немъ государства. Рано или поздно, но время роковымъ образомъ оправдываетъ судъ исторіи. Не останавливаясь долѣе на этомъ вопросѣ, обратимся теперь къ описанію внутренняго устройства американскихъ школъ.

II.

Посѣтителямъ послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ представился удобный случай ознакомиться съ образцовымъ устройствомъ американской народной школы, помѣщенной въ деревянномъ строеніи на Марсовомъ полѣ. При видѣ весьма цѣлесообразной, хотя и не роскошной, но все-таки дорого-стоющей обстановки къ намъ не разъ обращались съ вопросомъ: «неужели такія школы строятся на самомъ дѣлѣ въ Америкѣ?» — Въ отвѣтъ на это, мы для большей ясности прибѣгали къ сравненію, указывая на наши села: разсыпанныя на святой Руси, они зачастую состоятъ изъ первобытнаго свойства курныхъ избъ; при всемъ томъ однако въ нихъ встрѣчаемъ церкви, обстановка коихъ доходитъ до многоцѣнной роскоши въ сравненіи съ крайне скуднымъ бытомъ прихожанъ, проживающихъ среди смрада и дыма своихъ жилищъ. Правда, между домашнимъ устройствомъ американцевъ и ихъ школой не бываетъ такого крутого перехода; однако нельзя не замѣтить, что они вообще обставляютъ и снаряжаютъ свою школу, хотя безъ прихотливыхъ затѣй роскоши, но все-таки лучше даже, чѣмъ ихъ собственныя жилища.

Въ нашемъ сравненіи выражается, нѣкоторымъ образомъ, взглядъ американцевъ на свою школу: она для нихъ истинный храмъ народной благодати. Тоже сравненіе школы съ церковью можетъ служить возраженіемъ нашимъ мнимымъ ревнителямъ распространенія грамотности, сѣтующимъ на недостатокъ средствъ для обзаведенія народныхъ училищъ. По понятіямъ американцевъ, тѣми же средствами, которыя потрачены на сооруженіе церкви, можно бы воспользоваться и на обзаведеніе школы, этой истинной основы всякаго нравственнаго развитія, безъ которой сама церковь не вполнѣ достигаетъ своей благотворной цѣли. Такое

воззрѣніе американцевъ дѣйствительно примѣняется ими на практикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, намъ не разъ случалось видѣть, какъ тамъ, гдѣ не было еще церкви, помѣщеніе школы въ воскресные дни служило для религіозныхъ отправленій, — и наоборотъ — если почему-либо еще не успѣли выстроить отдѣльное зданіе подъ школу, то зачастую внутренность церкви въ будничные дни преобразуется въ учебный классъ со всѣми необходимыми его принадлежностями. Вообще, въ этомъ отношеніи американцу также странно было бы услышать о томъ, что нѣтъ средствъ для обученія народа, какъ русскому крестьянину — сказать, что нѣтъ средствъ Богу молиться.

Кстати можемъ замѣтить здѣсь, что въ большей части случаевъ бываетъ такъ: если молодая община, обладающая лишь скудными средствами, состоитъ изъ разновѣрцевъ, то ею выстраивается обыкновенно, прежде всего, школа, которая, въ тоже время, служитъ мѣстомъ богослуженія для членовъ различныхъ сектъ по установленной съ общаго согласія очереди. Такимъ образомъ, народная школа является настоящей представительницей просвѣщенной вѣротерпимости, этой истинно-гуманной религіи нашего вѣка. Если же, какъ случается иногда, новая колонія слагается изъ приверженцевъ одной секты, то община ставитъ сперва одну церковь, и до тѣхъ поръ, пока не заручится средствами, пользуется ею также для школы въ дни, свободные отъ богослужебныхъ отправленій.

Во всякомъ случаѣ американцы, какъ мы уже видѣли, не затрудняются выборомъ мѣста для школы: все равно, гдѣ и кѣмъ она устроена, лишь бы молодое поколѣніе не оставалось безъ надлежащаго образованія. Когда же средства общины увеличиваются, то жители не жалѣютъ расходовъ на постройку учебнаго заведенія, и у такихъ общинъ сплошь и рядомъ встрѣчаются учебныя заведенія совершенно сходныя съ тѣмъ образцомъ, который мы видѣли на парижской выставкѣ. Но этотъ отзывъ о наружномъ устройствѣ школъ былъ бы даже не вполнѣ вѣренъ потому уже, что, на самомъ дѣлѣ, въ городахъ, подобныхъ Сентъ-Люису, Чикаго, Санъ-Франциско, мы видѣли школы много превосходящія тотъ образецъ, и онѣ встрѣчаются тамъ не какъ исключенія, а напротивъ, какъ предметы насущной потребности современной цивилизаціи. Не говоримъ уже о тѣхъ великолѣпныхъ мраморныхъ зданіяхъ, въ родѣ Жирардовой школы въ Филадельфіи, съ которыми могутъ идти въ сравненіе развѣ только зданія нашихъ театровъ. Подобная расточительность въ отношеніи построекъ учебныхъ заведеній, зачастую поражавшая насъ въ Америкѣ, оправдывается отчасти тѣмъ, что такія зданія воз-

двигаются на долговѣчные сроки. Не соблазняясь однако этими чертогами народнаго образованія, мы въ настоящемъ очеркѣ станемъ придерживаться обыкновенной городской школы, вполнѣ организованной, куда и проникнемъ наконецъ, пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ обитателей.

Войдя прямо съ улицы въ переднюю участковой школы, всякій вновь прибывшій изъ Европы будетъ пораженъ отсутствіемъ сторожей и тому подобной прислуги: тутъ никто не встрѣчаетъ васъ, не у кого навести какія-нибудь справки. А въ передней, между тѣмъ, висятъ по стѣнамъ верхнія одежды и шляпы учениковъ и ученицъ. Казалось бы такъ легко вошедшему съ улицы незамѣтно стащить все, чтó угодно. Но едвали такое покушеніе прошло бы безнаказанно, потому уже, что народная школа, составляя какъ бы часть домашняго очага каждаго изъ жителей участка, постоянно находится подъ бдительнымъ надзоромъ нѣсколькихъ сотенъ очей. Здѣсь и въ самомъ дѣлѣ не приходится слышать о пропажахъ изъ передней школы.

Если вы вошли туда при началѣ уроковъ, около 9-ти часовъ утра, то не долго останетесь въ недоумѣніи о томъ, куда направиться: вы услышите хоровое пѣніе сотни свѣжихъ голосовъ, раздающееся со второго этажа. Поднявшись по лѣстницѣ, постучите для приличія троекратно въ дверь и входите прямо въ классъ безъ опасенія помѣшать чему-нибудь. Присядьте на первый попавшійся стулъ и, пока продолжается пѣніе, вы можете осмотрѣться кругомъ для того, чтобы ознакомиться нѣсколько съ обстановкою класса, вмѣщающаго въ себѣ нѣсколько сотенъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Здѣсь все ново для васъ: начать съ того, что передъ вами теперь въ сборѣ всѣ ученики, начинающіе каждое утро свои уроки хоровымъ пѣніемъ подъ руководствомъ одного изъ наставниковъ. Такое начало, освѣжая молодыя души, служитъ благодатнымъ приготовленіемъ къ предстоящимъ урокамъ дня. Содержаніе пѣсенъ бываетъ весьма различное: нѣкоторыя принаровлены ко временамъ года, другія имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ школѣ, и т. д. Осматривая залъ, вы замѣчаете, во-первыхъ, отсутствіе черныхъ досокъ, выходящихъ здѣсь вовсе изъ употребленія. Взамѣнъ ихъ три стѣны зала на высотѣ средняго роста учениковъ окрашены широкой черной полосой. Такимъ образомъ, открывается возможность нѣсколькимъ ученикамъ писать и чертить на стѣнѣ въ одно и то же время, что во многихъ случаяхъ представляетъ большія удобства въ отношеніи уроковъ. Для вытиранія написаннаго мѣломъ употребляется родъ щетокъ съ овечьей шерстью взамѣнъ щетины. Во-вторыхъ, ваше вниманіе обратится, конечно,

на устройство столовъ и сидѣній. Длинные школьные столы со скамьями здѣсь рѣшительно выходятъ изъ употребленія. Вмѣсто нихъ заводятся короткіе столы съ сидѣньями на два человѣка. Такіе парные столы, отдѣляемые другъ отъ друга промежутками, обходятся, конечно, дороже; за то представляютъ много важныхъ удобствъ. При нихъ, разумѣется, гораздо легче соблюсти порядокъ въ классѣ; а сверхъ того наставникамъ представляется полная возможность, во время письменныхъ упражненій, напримѣръ, обходить всѣхъ учениковъ поочередно, слѣдить за ихъ работой и, при случаѣ, помогать имъ своими указаніями. Въ нѣкоторыхъ школахъ, въ Санъ-Франциско напр., мы видѣли даже одиночные столы, такъ что каждый изъ учащихся сидитъ особнякомъ за своимъ пюпитромъ. Стулья съ плетенымъ сидѣньемъ снабжены удобными спинками. Во всемъ проглядываетъ заботливость, чтобы дѣтямъ, по возможности, было ловче и ихъ тѣлесное развитіе не страдало отъ сидѣнья за уроками. Сообразуясь съ ростомъ, для малолѣтнихъ устраиваются столы и стулья меньшихъ размѣровъ. Замѣтимъ еще, что мальчики размѣщаются обыкновенно по одну, — а дѣвочки по другую сторону залы; только въ классахъ малолѣтнихъ не соблюдается распредѣленіе учениковъ по поламъ. Для полноты нашего обзора прибавимъ, наконецъ, что стѣны зала, смотря по предметамъ, въ немъ преподаваемымъ, увѣшаны или географическими картами, или картинами, служащими для нагляднаго преподаванія. Послѣднее доведено здѣсь до большой степени совершенства, такъ что стараются употреблять въ дѣло всѣ возможныя средства, чтобы облегчить учащимся пониманіе уроковъ, а особенно по части естественныхъ наукъ. Въ этомъ отношеніи весьма цѣлесообразными показались намъ большіе шкафы съ выдвижными картинами. Такого рода шкафъ ставится передъ окномъ; съ боку въ него вдвигаются рамы съ раскрашенными просвѣчивающими картинами, отчетливо нарисованными на черномъ непрозрачномъ полѣ и изображающими разныя части растеній, анатомическіе препараты и пр., отчасти въ увеличенныхъ размѣрахъ. Такія изображенія много способствуютъ ясному пониманію заинтересованныхъ слушателей и видимые предметы крѣпче залегаютъ въ памяти учащихся.

Здѣсь кстати пояснимъ, что по принятой въ американскихъ школахъ системѣ каждая комната назначается не для одного какого-нибудь отдѣленія учениковъ, а для извѣстнаго предмета преподаванія, подобно аудиторіямъ въ нашихъ университетахъ. Каждая изъ комнатъ приспособляется какъ слѣдуетъ, согласно своему назначенію. Вслѣдствіе такого распредѣленія ученикамъ приходится часто переходить изъ одного зала въ другой, тогда

какъ учителя остаются, по большей части, въ одной и той же аудиторіи.

Теперь обратимся опять къ нашимъ наблюденіямъ въ залѣ, гдѣ, между тѣмъ, окончилось хоровое пѣніе. Наставникъ, сидя на возвышенной каѳедрѣ, пожалъ пружину стоявшаго передъ нимъ звонка, подобнаго тому, что въ многолюдныхъ засѣданіяхъ употребляется предсѣдателями для поддержанія порядка преній. Ученики разныхъ отдѣловъ выходятъ затѣмъ изъ зала и размѣщаются по своимъ аудиторіямъ. Слѣдя за подобными переходами многочисленныхъ группъ изъ одной комнаты въ другую, мы, по закону противуположности, невольно вспоминали о школьной дисциплинѣ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, поддерживаемой нѣсколькими нарочно для того приставленными надзирателями. Ни въ низшихъ, ни въ высшихъ американскихъ школахъ не бываетъ особыхъ надзирателей, а между тѣмъ необходимый порядокъ поддерживается какъ бы самъ собой, несмотря на значительное число собравшихся вмѣстѣ молодыхъ республиканцевъ, непривыкшихъ стѣсняться въ своихъ движеніяхъ ни въ школѣ, ни дома. По этому поводу въ правилахъ, издаваемыхъ учебнымъ совѣтомъ, между прочимъ сказано:

«Всѣ наставники, во всякое время, обязаны поддерживать строгій порядокъ и благоустройство въ своихъ школахъ и классныхъ комнатахъ. Для поддержанія такого порядка наставники должны прибѣгать къ пристойнымъ мѣрамъ, необходимымъ для того, чтобы придать своимъ отношеніямъ къ учащимся надлежащее достоинство».

Подобныя правила, какъ оказывается на дѣлѣ, относятся не столько къ ученикамъ, сколько къ самимъ учителямъ, какъ бы намекая на то, что отъ послѣднихъ собственно и зависитъ весь нравственный строй школы. Предоставляя учащимся полную свободу въ отношеніи пріемовъ и обращенія между собой, лишь бы не нарушался ходъ ученія; избѣгая всякихъ мелочныхъ, докучливыхъ требованій и безцѣльной начальнической придирчивости въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, наставники, безъ особенныхъ трудностей, исполняютъ должность излишнихъ надзирателей, не находя нужнымъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ наказаній. Если и случается примѣнять послѣднія, то они никогда не носятъ на себѣ характера кары, а скорѣе предписываются какъ бы самимъ свойствомъ проступка. Въ такомъ смыслѣ выразился также одинъ изъ инспекторовъ въ своей рѣчи, гдѣ онъ говоритъ между прочимъ: «Средства, предписываемыя учебнымъ совѣтомъ для устраненія всякихъ унизительныхъ наказаній, болѣе всего способствуютъ развитію того истиннаго нравственнаго образованія, которое

достигается именно тѣмъ, что ученики по возможности ранѣе пріучаются къ самообладанію. Поддерживать строгій порядокъ *кроткими мѣрами есть долгъ наставника, задача — достойная его званія*».

Тоже самое подтверждается и въ правилахъ: «учителя,—сказано тамъ,—нарушающіе подобныя предписанія крутымъ обращеніемъ съ учениками, судятся ученымъ совѣтомъ и, по его усмотрѣнію, немедленно отрѣшаются отъ должности. Тѣ же, которые, не прибѣгая къ наказаніямъ, съ большимъ успѣхомъ ведутъ контроль надъ учениками, удостоиваются отъ совѣта повышенія въ должности, сопровождаемаго увеличеніемъ оклада».

Такимъ образомъ, благодаря просвѣщенной заботливости совѣта, изъ школы изгоняются всякіе дисциплинарные пріемы грубаго, карательнаго свойства. Мало того, въ классахъ никогда не услышишь крикливаго, звучащаго злобой голоса невоздержнаго учителя, раздраженное настроеніе котораго невольно сообщается даже слушателямъ. Нравственное чувство ихъ не оскорбляется недостойною бранью, и нельзя не прибавить здѣсь, что подобному порядку въ классѣ не мало способствуетъ, въ свою очередь, введеніе упомянутаго выше простого звонка, разъ навсегда избавляющаго учителя отъ необходимости возвышать свой голосъ до грознаго командирскаго тона.

Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ фактѣ, случившемся во время нашего пребыванія въ штатахъ и, по своей исключительности, надѣлавшаго тамъ много шуму. Въ участковой школѣ города Санъ-Франциско учитель ударилъ по щекѣ въ чемъ-то провинившагося четырнадцати-лѣтняго мальчика. Газеты — не только въ Санъ-Франциско, но чуть-ли не во всѣхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ — съ негодованіемъ извѣщали объ этой недостойной наставника мѣрѣ и писали объ ней чуть-ли не какъ объ уголовномъ какомъ-то преступленіи. Учебный совѣтъ нарядилъ коммиссію для изслѣдованія дѣла. По составленіи весьма обстоятельнаго доклада этой коммиссіи, невоздержный на руку учитель былъ преданъ городовому суду и приговоренъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ... Что, еслибъ и у насъ сажали въ тюрьму подобныхъ истязателей молодого поколѣнія? Надо полагать, такое средство убѣдило бы ихъ скорѣе всякихъ другихъ доводовъ о безполезности и явномъ вредѣ побоевъ, подчасъ такъ щедро расточаемыхъ въ школѣ наперекоръ ея нравственному назначенію.

Для того, чтобы лучше оцѣнить заботливость учебнаго совѣта, издавшаго свои правила, необходимо принять въ соображеніе тотъ своеобразный составъ учителей, которымъ отличаются Сое-

диненные Штаты. При обширномъ развитіи народныхъ школъ въ юной странѣ долженъ былъ ощущаться сильный недостатокъ въ знающихъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ къ своему званію, преподавателяхъ. Правда, съ этой цѣлью въ послѣднее десятилѣтіе въ значительныхъ городахъ вездѣ заводились высшія и нормальныя школы. Но число наставниковъ до сихъ поръ далеко еще не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ со стороны школъ; особенно въ настоящее время, когда большое число преподавателей перешло въ школы, вновь устраиваемыя на югѣ для обученія негровъ, пользующихся нынѣ полноправностью республиканскихъ гражданъ. Вслѣдствіе такого недостатка въ учителяхъ на мѣста ихъ назначались иногда люди мало опытные въ дѣлѣ начальнаго преподаванія. Хотя совѣтъ, нанимая учителей въ свои школы, и подвергаетъ ихъ предварительному испытанію; но онъ, по необходимости, довольствуется при этомъ весьма поверхностными познаніями. Предоставляя широкій просторъ учительскому званію и не стѣсняя его никакими дипломами и разными регламентаціями, правительство старается привлечь возможно большее число людей къ дѣлу народнаго образованія, и мы видимъ, что наставниками являются какъ отставные солдаты, такъ и ученѣйшіе люди страны: всѣ они равно содѣйствуютъ широкому развитію цивилизаціи. Однако въ молодой и богатой естественными средствами республикѣ представляется такъ много выгодныхъ профессій, что мужчины смотрятъ на должность учителя, по большей части, какъ на временное, переходное для нихъ занятіе, и лишь немногіе изъ нихъ по призванію посвящаютъ себя навсегда дѣлу обученія. По отчетамъ учебнаго совѣта оказывается, что только одна треть наличныхъ наставниковъ прошла дѣйствительно черезъ нормальную школу, и по крайней мѣрѣ 10 процентовъ всего состава учителей покидаютъ ежегодно свои мѣста. При такихъ-то невыгодныхъ для учебнаго дѣла условіяхъ на поприще народнаго образованія выступаютъ женщины съ высокимъ призваніемъ своимъ, какъ матери и наставницы молодого поколѣнія.

Между тѣмъ, какъ въ Европѣ стремятся къ разрѣшенію такъ-называемаго женскаго вопроса по преимуществу путемъ литературнымъ и теоретическимъ; въ Новомъ Свѣтѣ, безъ всякихъ хлопотъ подобнаго рода, благодаря широкому простору, открытому для всякихъ начинаній частныхъ лицъ, женщины давно уже захватили въ свои руки дѣло народнаго образованія. Нельзя не признать того, что только при помощи ихъ просвѣщеннаго содѣйствія возможно было довести обученіе въ школахъ до настоящей высокой степени совершенства.

Участіе, принимаемое женщинами въ образовательномъ движеніи обнаруживается уже изъ статистическихъ данныхъ, пока-

зывающихъ, что въ настоящее время число наставницъ значительно превышаетъ число учителей. Для сравненія приведемъ изъ учебной статистики за 1867 годъ, на выдержку, три штата: одинъ изъ старшихъ при-атлантическихъ, другой изъ среднихъ, лежащихъ внутри материка, и третій — изъ младшихъ при Тихомъ Океанѣ. Мы находимъ, что въ Массачузетѣ число

наставниковъ	1,020
наставницъ	6,739.

Итакъ послѣднихъ слишкомъ въ шесть разъ болѣе первыхъ.

Въ штатѣ Мичигенѣ, лежащемъ между большими озерами Гурономъ и Мичигеномъ, оказывается

наставниковъ	2,007
наставницъ	7,377,

т.-е. послѣднихъ слишкомъ втрое болѣе.

Наконецъ въ Калифорніи:

наставниковъ	616
наставницъ	773.

Въ этомъ молодомъ штатѣ число наставницъ лишь немногимъ болѣе наставниковъ.

Оно иначе и быть не можетъ, отчасти потому, что страна еще мало заселена, и слѣдовательно въ пустынныхъ мѣстахъ представляется много трудностей и даже опасностей для женщинъ; но еще болѣе потому, что на золотые промыслы въ Калифорнію устремляется много буйнаго народа со всѣхъ концовъ свѣта и наставница, въ отдаленномъ краѣ, могла бы подвергаться большимъ непріятностямъ со стороны грубыхъ рудокоповъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ удивляться тому, что даже въ этой полудикой странѣ преобладаніе, хотя и незначительное, въ дѣлѣ народнаго обученія оказалось на сторонѣ женщинъ. По мѣрѣ того, какъ станемъ переходить отъ полудикихъ пустынь къ болѣе заселеннымъ городамъ, усиливается и образовательное вліяніе женщинъ. Такъ, уже въ главномъ городѣ Калифорніи, Санъ-Франциско, находимъ, что число:

наставниковъ	27
наставницъ	255,

т.-е. наставницъ слишкомъ въ девять разъ болѣе.

Въ другомъ, уже знакомомъ намъ городѣ, Чикаго, число:

наставниковъ	25
наставницъ	292.

А въ старыхъ городахъ эта разница еще поразительнѣе; такъ, напримѣръ, въ Филадельфіи значится:

наставниковъ	79
наставницъ	1,235.

Эти выдержки изъ статистическихъ данныхъ достаточно свидѣтельствуютъ о преобладающемъ участіи женщинъ въ области воспитанія. Но этими числами далеко не вполнѣ выражается все вліяніе ихъ на движеніе народнаго образованія. И въ самомъ дѣлѣ, какими числами выразишь то участіе, какое принимаютъ матери въ развитіи своихъ дѣтей, посѣщающихъ учебныя заведенія. Американка сама прошла чрезъ народную школу, гдѣ въ одномъ классѣ съ мальчиками обучалась всему, чему учатся послѣдніе; и потому она всегда въ состояніи, еще до школы, у себя дома, подготовить свое дитя къ ученію, а потомъ и помогать ему въ исполненіи заданныхъ на домъ уроковъ. Какую долю участія слѣдуетъ приписать въ этомъ случаѣ вліянію материнской привязанности? этого, конечно, не выразишь числами. А между тѣмъ, только такимъ семейнымъ вліяніемъ можемъ объяснить себѣ то успѣшное развитіе учениковъ, которое поражало насъ всякій разъ при посѣщеніи народной школы.

Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи постепенное возрастаніе числа наставницъ, которое можно прослѣдить въ теченія послѣднихъ десятилѣтій. Такъ, напримѣръ, въ Чикаго находимъ, что до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія женскій полъ еще мало занимался обученіемъ въ школахъ. Но уже въ 1846 году, въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ значатся:

наставниковъ. 3
наставницъ 6;

а въ 1860 году было:

наставниковъ. 17
наставницъ . . . . 106.

Въ настоящее время, какъ видѣли, число послѣднихъ слишкомъ вдесятеро болѣе первыхъ. Такое, вездѣ повторяющееся, постепенное возрастаніе знаменательно для насъ уже потому, что имъ обнаруживаются отчасти побудительныя причины, заставлявшія американцевъ вручить обученіе своихъ дѣтей по преимуществу женщинамъ и предпочесть ихъ даже учителямъ. Правда, съ самаго начала побудительной причиной, въ этомъ случаѣ, былъ просто недостатокъ учителей; и даже въ послѣдствіи, при скудныхъ средствахъ страны, отдавали предпочтеніе наставницамъ болѣе потому, что онѣ довольствовались сравнительно меньшимъ жалованьемъ. Но, получивъ однажды возможность такимъ образомъ выступить на поприще народнаго образованія, женщины сразу заявили себя столь превосходными въ дѣлѣ преподаванія, что ихъ стали предпочитать учителямъ уже не ради однихъ экономическихъ разсчетовъ, а вслѣдствіе ихъ существенныхъ качествъ. И мы видимъ, что при возрастающихъ

средствахъ общества, когда оно, не жалѣя расходовъ на свои школы, менѣе всего руководится экономическими соображеніями, тогда и обученіе все болѣе и болѣе переходитъ въ руки наставницъ. Согласно съ этимъ въ послѣднее время въ учебные совѣты разныхъ городовъ было внесено новое предложеніе, состоящее въ томъ, чтобы жалованье наставницамъ было назначено такое же, какъ и учителямъ. Американское общество, такимъ образомъ, путемъ опыта пришло къ сознанію, что нравственное и умственное развитіе нѣжнаго юнаго возраста должно входить въ сферу дѣятельности женщинъ. Мало того· имъ главнѣйше должно быть поручено не только обученіе дѣтей младшаго возраста, но и преподаваніе высшихъ отраслей знанія въ школахъ.

Какъ одно изъ многихъ свидѣтельствъ такого настроенія въ американскомъ обществѣ, приведемъ недавно лишь основанное высшее учебное заведеніе Вассара (Vassar College) — нѣчто въ родѣ женскаго университета, находящееся на берегу Гудсона, въ городкѣ Паукипси. Въ это заведеніе, открытое лѣтъ пять тому назадъ на иждивеніе богатаго американца Вассара, поступаютъ дѣвицы не моложе 15-ти лѣтъ; а для окончанія одного изъ курсовъ—или филологическаго, или естественныхъ наукъ — необходимо пробыть въ заведеніи по малой мѣрѣ 4 года. Въ немъ теперь занимаются уже до 400 дѣвицъ разнаго званія, собравшихся сюда изъ дальнихъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью довершить изученіемъ высшихъ наукъ образованіе, полученное въ народной школѣ. Замѣчательно, что въ этомъ заведеніи и профессорскія каѳедры занимаются, большею частью, также женщинами: изъ 26-ти профессоровъ, только 6 мужчинъ, а остальные 20—женщины. Одна изъ наставницъ, читающая астрономію, состоитъ въ тоже время и директрисой довольно полной обсерваторіи. Высшая математика, латинскій языкъ, физіологія также преподаются наставницами. Отличный составъ послѣднихъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что этому заведенію въ штатахъ предшествовали уже другія подобнаго рода, въ которыхъ женщины могли пріобрѣтать высшее научное образованіе. Нечего прибавлять, что американцы считаютъ женскій умъ настолько же способнымъ къ научному труду, какъ и мужской. Этотъ вопросъ, рѣшаемый отрицательно на дальнемъ Востокѣ, и все еще подлежащій сомнительному спору въ цивилизованной Европѣ, американцы рѣшаютъ путемъ практической жизни. Въ ихъ школахъ, дѣвочки проходятъ курсъ ученія равный съ мальчиками, и не только въ низшихъ и среднихъ, но также и въ высшихъ заведеніяхъ. Иначе женщины и не были бы въ

состояніи соперничать съ мужчинами на поприщѣ народнаго просвѣщенія. По этому поводу основатель приведеннаго выше женскаго университета, пожертвовавшій на него полмилліона долларовъ, въ заявленіи своемъ о цѣли заведенія сказалъ, между прочимъ, что высшее умственное развитіе женщинъ есть дѣло существенной необходимости потому уже, что помимо даже всякаго другого призванія, имъ по праву принадлежитъ неминуемое для нихъ призваніе — быть матерями и наставницами развивающагося молодого племени, будущихъ гражданъ свободной страны. Это мнѣніе Вассара есть только отголосокъ просвѣщеннаго взгляда американскаго общества на «женскій вопросъ» чѣмъ и объясняется то всеобщее уваженіе, которымъ во всѣхъ слояхъ народнаго быта пользуются женщины. Безъ нихъ немыслимо было бы такое быстрое распространеніе всеобщаго образованія; на нихъ, какъ часто приходится слышать отъ самихъ американцевъ, возлагаются всѣ лучшія надежды о будущемъ великой республики.

III.

Перейдемъ, теперь, къ самымъ системамъ преподаванія и начнемъ съ начальной школы, куда поступаютъ дѣти, большей частью, не моложе семи лѣтъ. Прежде всего необходимымъ считаемъ объясниться касательно одного, распространеннаго европейскими путешественниками и сильно установившагося мнѣнія о дѣтскомъ возрастѣ въ Америкѣ вообще. Смотря на условія тамошняго быта сквозь призму европейскихъ понятій, писатели, въ особенности нѣмецкіе, съ упорствомъ повторяютъ, будто американцы, созрѣвая слишкомъ быстро, вовсе не знаютъ дѣтскаго или, точнѣе говоря, отроческаго возраста. Ограничиваясь поверхностнымъ сравненіемъ, мы дѣйствительно найдемъ, что между дѣтьми одного и того же возраста въ Европѣ и Америкѣ существуетъ такая же разница по отношенію къ умственному развитію, какъ и между взрослыми простолюдинами обѣихъ странъ. Сами же нѣмцы, какъ мы уже разъ упоминали, подтверждаютъ мнѣніе объ умственной ограниченности нѣмецкаго мужика въ сравненіи съ американцемъ. Все это, какъ видно, понятія относительныя. Но, признавая за американскими дѣтьми умственное превосходство, тѣже писатели указываютъ, въ этомъ случаѣ, въ особенности на отсутствіе въ нихъ дѣтскаго нрава. Если подъ этимъ нравомъ разумѣть неразвитость личной самостоятельности и связанное съ нею безсознательное подчиненіе

своей личности волѣ, а зачастую и прихотямъ взрослыхъ; то писатели, судящіе съ европейской точки зрѣнія, совершенно правы. Но подобныя дѣтскія качества едвали могутъ способствовать къ блаженному настроенію дѣтскаго права. Американскимъ дѣтямъ, ни въ какомъ случаѣ, не приходится завидовать въ этомъ отношеніи своимъ европейскимъ сверстникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, выходя рано изъ-подъ опеки няньки, юный американецъ уже у себя дома во многомъ вполнѣ предоставляется самому себѣ, руководствуясь при этомъ ходячей въ странѣ поговоркой: «help your self», т.-е. самъ себѣ помогай. Этотъ духъ самостоятельности, способствуя раннему умственному и нравственному развитію отрока, сопровождаетъ его и въ школу, и въ жизнь. Но было бы крайне опрометчиво заключать отсюда объ отсутствіи въ немъ *дѣтскаго нрава*, съ свѣжей воспріимчивостью его, съ живостью и веселой беззаботностью молодой натуры.

По долгу слѣдя за рѣзвыми группами дѣтей всѣхъ возрастовъ и состояній, веселящихся и играющихъ или на школьномъ дворѣ, или въ общественныхъ садахъ, мы всякій разъ любовались вполнѣ открытымъ, ничѣмъ нестѣсняющимся обращеніемъ мальчиковъ и дѣвочекъ — какъ между собой, такъ и съ ихъ наставниками. Юные американцы, казалось намъ тогда, *болѣе дѣти*, чѣмъ наши отроки, часто доводимые мелочными требованіями со стороны старшихъ до привычки скрытничать и утаивать отъ послѣднихъ свои помыслы и дѣйствія. Именно тому раннему самостоятельному развитію въ Америкѣ и приписываемъ мы главнѣйше то обстоятельство, что встрѣчали тамъ, какъ у мальчиковъ такъ и у дѣвочекъ, болѣе простоты и прямодушія въ отношеніяхъ къ старшимъ, болѣе беззавѣтнаго веселья и чисто-дѣтскаго настроенія въ ихъ играхъ между собой.

Понятно, какъ благотворно такое настроеніе должно вліять на самый успѣхъ обученія, а въ особенности первоначальнаго. Если притомъ взять въ соображеніе ощутительный недостатокъ опытныхъ наставниковъ, и частную смѣну ихъ въ школахъ, то нельзя не признать, что значительная доля въ успѣхѣ обученія тѣмъ болѣе должна зависѣть отъ способности учащихся къ самостоятельной дѣятельности. Согласно съ этимъ и учебные совѣты стараются, по возможности, загладить недостатокъ опытныхъ учителей, прилагая, съ своей стороны, заботы къ тому, чтобы самимъ ученикамъ дать въ руки средства къ самостоятельному развитію. Съ такою-то цѣлью они и обращаютъ особенное вниманіе на составленіе удобопримѣнимыхъ учебниковъ для на-

чальныхъ школъ. Въ этомъ, какъ видимъ, опять проявляется та плодотворная заботливость учебной администраціи, которая, нисколько не стѣсняя личной иниціативы учителя, помогаетъ ему, въ случаѣ его неопытности въ дѣлѣ преподаванія. Въ виду всего этого составленіе учебниковъ и поручается первымъ ученымъ въ странѣ, хорошо знакомымъ съ учебными средствами народной школы, тѣмъ болѣе, что они сами начали въ ней же свое образованіе.

Главное достоинство небольшихъ книжечекъ, служащихъ первымъ руководствомъ для начинающихъ, заключается въ наглядности и практичности изложенія предметовъ, съ которыми знакомятъ учащихся. Благодаря хорошо приспособленнымъ рисункамъ, помѣщеннымъ между текстомъ, ученикъ уже при помощи своей азбуки не только выучивается читать, но запасается также знаніемъ многихъ предметовъ, взятыхъ изъ окружающей его природы и практическаго быта. Хорошо знакомые съ европейскими руководствами, составленными по новѣйшимъ методамъ, не найдутъ, пожалуй, ничего новаго въ этихъ американскихъ книжечкахъ; однако, по внимательномъ разборѣ мы убѣдимся, что новыя методы примѣнены здѣсь къ дѣлу съ большимъ успѣхомъ и чрезвычайно сообразно съ требованіями народной школы. Имѣя передъ собою, напримѣръ, первоначальный учебникъ ариѳметики, ученикъ сознательно, нагляднымъ образомъ, упражняется въ счетѣ. Рисунки, изображающіе животныхъ, растенія и другіе предметы такъ принаровлены къ находящимся подъ ними вопросамъ, что ученику сразу ясно становится дѣйствіе, какое требуется совершить въ данномъ случаѣ надъ числами. Съ тѣмъ же умѣньемъ составляются и учебники географіи для начальныхъ школъ. Отбросивъ всякій лишній балластъ научной формалистики, составители руководствъ имѣли главнѣйшимъ образомъ въ виду органическое развитіе дѣтскаго ума: наука, въ этомъ случаѣ, служила имъ какъ бы средствомъ для такого развитія, доставляя въ тоже время обильный матеріалъ знанія.

При помощи этихъ образцовыхъ руководствъ, сама система преподаванія въ народныхъ школахъ опирается—по выраженію одного изъ инспекторовъ,—въ сущности, на слѣдующихъ основаніяхъ: «исходя отъ народныхъ началъ самоуправленія и личной независимости, стараются, по возможности скорѣе, дать ученику въ руки средства для того, чтобы онъ могъ образовать самъ себя. То, что усвоивается имъ путемъ самодѣятельности, дѣлаетъ его сильнымъ и независимымъ; то, что навязывается ему учителемъ, не имѣетъ для него никакой цѣны».

Въ словахъ инспектора высказывается, между прочимъ, воз-

зрѣніе американцевъ на систему нравственнаго воспитанія, противуположное воззрѣнію, какое за-частую проводится въ Европѣ. И въ самомъ дѣлѣ: европейскіе педагоги весь успѣхъ ученія нерѣдко основываютъ на безусловномъ подчиненіи учителю личности ученика; тогда какъ американцы, наоборотъ, всѣми мѣрами стремятся къ тому, чтобы съ раннихъ лѣтъ высвободить учащихся изъ-подъ опеки наставниковъ и довести ихъ, по возможности, до сознанія своей личной независимости даже въ самой народной школѣ.

«Отъ перваго и до послѣдняго дня — говоритъ далѣе инспекторъ—намъ слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы ученикамъ не навязывались предвзятыя теоріи и головы дѣтей не набивались готовыми текстами; а напротивъ, мы должны образовать учениковъ такъ, чтобы они уже на школьной скамьѣ, независимо отъ учителя, съумѣли справляться какъ слѣдуетъ съ печатной книгой. Только такимъ образомъ молодой человѣкъ, покинувъ школу, будетъ въ состояніи самъ продолжать свое образованіе, какому бы занятію ни посвятилъ онъ себя въ будущемъ».

Согласно съ этимъ начинающимъ учиться единовременно читать и писать, даются въ руки учебники ариѳметики и географіи, и наставница заботится о томъ, чтобы ученики справлялись съ этими книжечками надлежащимъ образомъ, разнообразя притомъ преподаваніе разными изустными и письменными упражненіями. Такое раннее введеніе учебниковъ въ систему обученія могло бы, пожалуй, повести къ злоупотребленіямъ, напр., къ простому заучиванью уроковъ. Но, во-первыхъ, отъ такого зубренія предохраняетъ дѣтей отчасти самъ учебникъ, составленный такимъ образомъ, что заучиванье наизусть оказывается вовсе неудобопримѣнимымъ; а во-вторыхъ: — «ни одинъ учитель — какъ говоритъ по этому поводу инспекторъ — не допуститъ учениковъ своихъ до заучиванія уроковъ слово въ слово. Не то, чѣмъ набивается память дѣтей, питаетъ ихъ духъ: питаетъ его лишь то, что̀ они претворяютъ въ себя путемъ разумѣнія».

Такимъ образомъ, благодаря всегда умѣстнымъ заботамъ учебной администраціи и цѣлесообразному составу учебниковъ, дѣло преподаванія преуспѣваетъ въ школахъ вопреки даже недостаточному числу опытныхъ учителей. Въ рукахъ же искусныхъ наставниковъ тѣже самые учебники служатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для развитія самостоятельной умственной работы въ молодомъ поколѣніи. Благодаря первой книжкѣ для дѣтскаго чтенія, а также и географіи, ученики въ начальной школѣ запасаются уже знаніями, входящими отчасти въ составъ естествен-

ной исторіи. Кромѣ того, въ начальной школѣ къ приведеннымъ руководствамъ присоединяется еще коротвій учебникъ исторіи, въ особенности отечественной.

Что же касается до катехизиса и вообще уроковъ богословія, то они не входятъ въ составъ предметовъ преподаванія ни въ начальныхъ, ни въ высшихъ народныхъ школахъ. Во время нашего пребыванія въ Америкѣ, въ нѣкоторыхъ штатахъ родители, подстрекаемые духовенствомъ, заявляли свое недовольство по этому поводу, и вопросъ о религіи былъ поднятъ даже въ самомъ конгрессѣ. Духовенство, какъ католическое, такъ и протестантское, уже не въ первый разъ дѣлаетъ эти попытки сосредоточить такимъ путемъ въ своихъ рукахъ вліяніе на общественное настроеніе, подобно тому, какъ это удалось ему сдѣлать въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, между прочимъ именно въ Пруссіи, гдѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, вся школьная система находится въ его власти. Наученные горькимъ опытомъ исторіи европейскихъ народовъ, американцы, съ самаго возникновенія своей республики, упорно отклоняли подобныя вмѣшательства религіозныхъ вопросовъ какъ въ своей школѣ, такъ и во всякихъ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Исходя отъ того убѣжденія, что личная свобода гражданъ тогда только будетъ опираться на прочныхъ основахъ, когда церковь совершенно отдѣлена отъ правительства, первые составители конституціи Соединенныхъ Штатовъ вовсе не касались тревожныхъ вопросовъ о религіи и въ коренныхъ постановленіяхъ республики не упоминается всуе имя божіе. Поднявшееся вскорѣ затѣмъ движеніе со стороны недовольнаго духовенства побудило однако народныхъ представителей издать дополненіе (Amendement) къ конституціи, въ которомъ именно значится:

«Конгрессъ не въ правѣ издавать законъ, имѣющій цѣлью введеніе какого-либо вѣроисповѣданія (правительственной церкви) или препятствующій свободному распространенію какой бы то ни было религіи въ странѣ».

Однако, послѣ изданія этого постановленія, своекорыстные происки духовенства все-таки не прекращались. Роковымъ моментомъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ является, въ этомъ случаѣ, отвѣтъ третьяго президента республики, Мадисона, на поданное въ конгрессъ предложеніе касательно назначенія отъ правительства жалованья христіанскимъ священникамъ. Этотъ отвѣтъ, данный въ началѣ нашего столѣтія, тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ во всѣ послѣдующія времена служилъ какъ бы руководящимъ догматомъ для американцевъ по отношенію къ религіознымъ вопросамъ вообще.

«Религія — сказано въ этомъ достопамятномъ документѣ — должна составлять достояніе разума и убѣжденія, а не какой-либо власти и насилія. Потому религія должна быть предоставлена убѣжденію и совѣсти каждаго человѣка. Это право, по существу своему, есть право неотъемлемое... На этомъ основаніи мы считаемъ за непреложную истину то, что никакое гражданское общество не должно посягать на религіозныя права и потребности своихъ членовъ. Религія стоитъ внѣ всякой гражданской власти... Мы знаемъ, къ какимъ вопіющимъ послѣдствіямъ приводили уже противныя этому мнѣнія! Правительственное духовенство и всѣ его учрежденія имѣли послѣдствіемъ лишь искаженіе истинной вѣры. Передъ нами опыты такой правительственной религіи одного изъ христіанскихъ государствъ, существующаго 15 столѣтій. Кичливость и распущенность священниковъ, невѣжество и рабство мірянъ, суевѣріе, фанатизмъ и страсть къ преслѣдованію развились тамъ во всѣхъ классахъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ одномъ мѣстѣ эта такъ-называемая, правительственная религія на развалинахъ гражданскаго общества соорудила духовный деспотизмъ и этому злѣйшему Молоху она принесла несмѣтныя кровавыя жертвы. Въ другомъ мѣстѣ, — и это встрѣчалось чаще всего и повторяется донынѣ, — религіозная полиція служила и служитъ лишь опорой деспотизму привилегированныхъ классовъ общества. Никогда подобная религія не являлась хранительницей народныхъ правъ. Напротивъ, всѣ властолюбцы, угнетавшіе народъ, пріобрѣтали себѣ въ правительственной религіи самую вѣрную союзницу. Правдивое правительство не нуждается въ подобной опорѣ. Правдивое правительство находитъ свою сильнѣйшую опору въ томъ, что оно ограждаетъ каждаго гражданина въ свободномъ отправленіи богослуженія точно также, какъ и въ сохраненіи личной свободы и имущества... Потоки крови были проливаемы въ Старомъ Свѣтѣ оттого только, что тамъ нарушались эти начала. И такое искаженіе человѣчности, такое остервенѣніе европейскихъ народовъ растетъ все далѣе, оттого, что во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта все еще продолжаютъ нарушать основныя начала свободы и правъ человѣческихъ».

Замѣчательныя слова президента республики не даромъ были заявлены народу. Согласно высказанному здѣсь воззрѣнію, родители, въ большей части случаевъ, не считаютъ себя въ правѣ обучать своихъ дѣтей въ школахъ съ малолѣтства исключительнымъ догматамъ какой бы то ни было религіи. По ихъ убѣжденіямъ, навязывать несовершеннолѣтнимъ какія-либо религіозныя формы, значитъ посягать на самое завѣтное право человѣка, на свободу личности. Въ штатахъ, на самомъ дѣлѣ,

очень нерѣдко, какъ въ городахъ такъ и въ селахъ, приходится встрѣчать въ семействахъ уже взрослыхъ дѣтей вовсе некрещеныхъ. — «Когда они достигнутъ совершеннолѣтія—говорили намъ родители—то могутъ выбрать себѣ религію по своему убѣжденію». — Вслѣдствіе этого и въ народныхъ школахъ не допускается преподаваніе религіи, несмотря на всѣ искательства со стороны духовенства и, благодаря такой системѣ, молодые люди выходятъ изъ школы незараженные ни религіозньмъ фанатизмомъ, ни сектаторскимъ духомъ нетерпимости.

Если, ограничиваясь сказанными предметами преподаванія, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ обученія молодые люди бываютъ вынуждены обстоятельствами покинуть начатую школу; то они выходятъ изъ нея уже надѣленные, въ нѣкоторой степени, способностью къ самообразованію и съ такими задатками любознательности, что впослѣдствіи, даже среди хлопотъ практической жизни, постоянно стараются расширить кругъ своихъ познаній. Здѣсь немыслимы такіе случаи, какіе очень часто повторяются въ европейскихъ государствахъ, гдѣ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ иногда оказывается, что люди, обучавшіеся въ школахъ, забываютъ со временемъ все, чему учились и даже разучиваются читать и писать. Для устраненія подобнаго промаха въ Америкѣ представляется много средствъ. Прежде всего, съ цѣлью доставить молодымъ людямъ, занятымъ въ продолженіи дня своими дѣлами, возможность продолжать свое образованіе, устраиваются общественныя вечернія школы. Въ нихъ читаются общедоступныя лекціи сообщающія слушателямъ свѣдѣнія по преимуществу практическаго свойства.

Чтеніе публичныхъ лекцій вообще развито въ широкихъ размѣрахъ во всѣхъ концахъ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ образовался даже особый классъ странствующихъ профессоровъ, разъѣзжающихъ по городамъ и селамъ съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ прочесть, за умѣренную плату, собираемую со слушателей, по нѣскольку лекцій изъ естественныхъ или техническихъ наукъ. Въ малонаселенныхъ мѣстахъ дальняго Запада намъ не разъ случалось видѣть собравшееся возлѣ какого-нибудь дома большое число деревенскихъ фургоновъ и осѣдланныхъ лошадей, на которыхъ съѣхались туда сосѣдніе фермеры, ихъ жены и дѣти. Войдя въ домъ, мы заставали въ комнатѣ толпу слушателей, съ любопытствомъ слѣдившихъ за лекціей профессора, излагавшаго, въ общепонятной формѣ, полезныя свѣдѣнія изъ химіи или астрономіи. Въ городахъ же средней величины публичныя лекціи вошли въ обычай до того, что не проходитъ вечера безъ подобнаго рода чтеній. Такими путями быстро разносятся въ краѣ разнаго рода новыя изобрѣтенія, улучшенія по техни-

ческой части и вообще по разнымъ отраслямъ мануфактурной промышленности. Въ этомъ, отчасти, заключается вся тайна быстрыхъ успѣховъ всякаго рода производствъ въ штатахъ.

Тѣмъ же образовательнымъ цѣлямъ содѣйствуютъ, въ свою очередь, народныя читальни, устраиваемыя въ городахъ разными обществами, а также и частными лицами, жертвовавшими большіе капиталы на этотъ предметъ. Въ какомъ-нибудь главномъ городѣ, въ родѣ Бостона, Сентъ-Люиса, подобныя читальни устраиваются самой думой въ ея собственномъ зданіи. Тамъ приходящіе не только получаютъ книги, но читаютъ также разныя газеты, въ большомъ числѣ разложенныя по столамъ залы. Повсемѣстное распространеніе послѣднихъ также не мало способствуетъ распространенію народнаго образованія. Огромное число газетъ, изъ коихъ нѣкоторыя расходятся по 50,000 и болѣе экземпляровъ въ день, даетъ уже нѣкоторое понятіе о многочисленности читающей публики. Только при такихъ условіяхъ редакторы въ состояніи выпускать большія изданія по дешевымъ цѣнамъ и сдѣлать ихъ доступными для всякаго. Таже газета, которую видѣли мы, бывало, въ рукахъ отдыхающаго отъ дневныхъ трудовъ фермера, прочитывается также богатымъ капиталистомъ во время переѣзда его по желѣзной дорогѣ изъ дачи въ городъ. Какъ всѣ они — и земледѣлецъ и банкиръ—съ малолѣтства учились по одному и тому же учебнику, такъ и впослѣдствіи всѣ, отъ богача до поденщика, слѣдятъ за событіями дня по однимъ и тѣмъ же газетамъ. И прибавимъ, во всѣхъ слояхъ общества равно встрѣчается дружное соревнованіе къ общественнымъ школамъ, какъ къ главнымъ разсадникамъ народнаго просвѣщенія.

Поселенцы малолюдныхъ странъ Запада иногда по необходимости ограничиваются обученіемъ своихъ дѣтей въ одной начальной школѣ. Но въ населенныхъ восточныхъ штатахъ большая часть молодежи продолжаетъ ученіе во второстепенныхъ школахъ до своего четырнадцати или пятнадцати-лѣтняго возраста. Даже въ Сентъ-Люисѣ, сравнительно молодомъ еще городѣ, по отчѐтамъ за послѣдніе года число учениковъ свыше 10-лѣтняго возраста превышало число учащихся моложе 10 лѣтъ, а именно, послѣднихъ было 47%, тогда какъ первыхъ—53 человѣка на 100. Въ восточныхъ штатахъ это процентное содержаніе обучающихся еще болѣе склоняется въ пользу старшаго возраста. Инспекторъ школъ выразилъ взглядъ американцевъ на этотъ счетъ такими словами: «Одинъ лишній годъ, начиная съ тринадцати-лѣтняго возраста, дороже для развитія молодого ума, чѣмъ два года до десяти лѣтъ. Общество много теряетъ, когда дѣти его слишкомъ рано оставляютъ школу, именно

потому, что оно выигрываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе образуется людей съ руководящимъ умомъ, открывающихъ новые жизненные пути для себя и для своихъ братьевъ».

Но для того, чтобы образованіе, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ удовлетворяло современнымъ требованіямъ и на самомъ дѣлѣ было плодотворнымъ для общества, необходимо, чтобы это образованіе шло согласно съ общимъ строемъ дѣйствительной жизни. Еслибъ нужно было выразить въ одномъ словѣ главное свойство общаго строя американской жизни, то мы назвали бы его—*положительностью*. Въ короткій срокъ времени, въ который развилась могучая республика, непрожившая даже одного столѣтія, въ ней не успѣли еще сложиться, какъ въ европейской жизни, ни какія стѣснительныя традиціи: американцамъ нѣтъ надобности считаться съ прошедшимъ; на поприщѣ дѣятельности ихъ не связываетъ многовѣковое наслѣдіе предковъ. На дѣвственной почвѣ новой жизни имъ нечего *отрицать*, нечего разрушать. Избавленные отъ роковой борьбы съ прошедшимъ, не обуреваемые духомъ безплоднаго отрицанія, они съ тѣмъ большей энергіей устремляютъ свои силы на производительную дѣятельность, и положительность стала отличительной чертой американской жизни. Эта черта придаетъ нравственному складу американцевъ тотъ здоровый оттѣнокъ, который такъ освѣжительно вліяетъ на заѣзжаго къ нимъ европейца, утомленнаго тщетной борьбой съ давно отжившими, но все еще не устраненными, бытовыми началами своей родины.

Тѣсно связанная съ дѣйствительною жизнью, народная школа въ Америкѣ отразила въ себѣ эту положительность американскаго нрава. Хотя департаментъ народнаго просвѣщенія и отправлялъ на своей счетъ въ Европу коммиссіи ученыхъ съ порученіемъ изслѣдовать существующія тамъ системы обученія, въ особенности въ Германіи; однако американцы, заимствовавъ оттуда много полезныхъ указаній, не измѣнили ни въ чемъ своему разъ принятому направленію и школа ихъ продолжаетъ расти на основаніи прежнихъ общеобразовательныхъ началъ. Не обременяя ученія всякимъ хламомъ средневѣковой схоластики, неминуемой принадлежностью школьнаго преподаванія въ Европѣ, американцы построили свою общеобразовательную систему, придерживаясь прежде всего того правила, чтобы такъ-называемая элементарная школа имѣла въ виду — не приготовленіе учащихся къ какой-нибудь спеціальности, или даже къ какому бы то ни было высшему учебному заведенію,—а по возможности всестороннее образованіе ихъ. Въ педагогическомъ сочиненіи, служащемъ руководствомъ для нормальныхъ школъ въ Со-

единенныхъ Штатахъ, по этому поводу говорится: «Мы должны развивать индивидуальныя способности учащихся такъ, чтобы они, по выходѣ изъ школы, могли сами выбрать себѣ спеціальное занятіе или поступить въ какое-нибудь заведеніе съ болѣе спеціальнымъ направленіемъ». Къ заведеніямъ послѣдняго рода американцы относятъ не только медицинскіе, юридическіе, техническіе и т. п., но также и такъ-называемые классическіе колледжи. — «Обучать въ элементарной школѣ — сказано далѣе въ руководствѣ—мальчиковъ и дѣвочекъ какимъ-нибудь спеціальнымъ знаніямъ, значило бы предрѣшать за нихъ выборъ ихъ будущихъ занятій и въ нѣкоторой степени лишать ихъ навсегда возможности приняться за другія какія-либо профессіи. Это явно противорѣчило бы нашей народной идеѣ о свободѣ личности и потому наша школа должна быть по преимуществу общеобразовательнымъ заведеніемъ. Для этого система преподаванія должна быть составлена такимъ образомъ, чтобы ученіе, въ одно и то же время, развивало душевныя способности учениковъ и снабжало ихъ запасомъ познаній, необходимыхъ въ дѣйствительной жизни для всякаго современно-образованнаго человѣка».

Обѣ цѣли: и развитіе способностей съ одной стороны, и усвоеніе познаній съ другой по убѣжденію американскихъ педагоговъ, должны быть неразрывно связаны между собой: обученіе, имѣющее лишь цѣлью развитіе умственныхъ способностей,—такъ-называемая умственная гимнастика классиковъ,—не обогащающая умъ положительными знаніями, не имѣетъ связи съ жизнью, оно одностороннее, оно уподобляется мертвому капиталу, зарытому въ землю. Производителенъ только обращающійся въ жизни капиталъ положительныхъ знаній. Въ нихъ — главная сила. Пріобрѣтая ихъ путемъ раціональнаго ученія, молодой человѣкъ въ тоже время развиваетъ и свои способности. Слѣдуя такому взгляду, американская педагогика однимъ изъ главныхъ правилъ поставляетъ: «Не учить ничему такому, что̀ приходилось бы впослѣдствіи забывать учащимся, и, наоборотъ, учить всему такъ, чтобы молодые люди не утрачивали пріобрѣтеннаго въ школѣ, какимъ бы занятіямъ ни посвящали себя въ будущемъ». Правило, правда, не новое, но упускаемое изъ виду нашими педагогами до такой степени, что въ нашихъ заведеніяхъ учатъ многому такому, что̀ впослѣдствіи, совершенно завѣдомо для насъ, окажется вовсе безполезнымъ для человѣка, и наоборотъ — не сообщаются учащимся познанія, дѣйствительно необходимыя всякому сколько-нибудь причастному къ движеніямъ современной жизни.

Основываясь на изложенныхъ выше началахъ, и составляется учебная программа для среднихъ и высшихъ школъ въ слѣдую-

щемъ видѣ. Расширяя постепенно съ каждой высшей степенью кругъ познаній, пріобрѣтенныхъ уже въ начальной школѣ, по части отечественнаго языка, ариѳметики, географіи и исторіи, присоединяютъ къ этому изученіе живыхъ языковъ, въ особенности нѣмецкаго. Насъ поразило значительное развитіе, какое получила эта отрасль преподаванія въ американскихъ школахъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Понятно, что космополитическій характеръ страны много способствуетъ успѣшному распространенію живыхъ языковъ въ обществѣ. Между тѣмъ, какъ въ Европѣ происходитъ ожесточенная борьба національностей, враждующихъ между собой и въ угоду своекорыстныхъ замысловъ властителей, въ непостижимой злобѣ стремящихся стереть другъ друга съ лица европейской земли; въ то же время на материкѣ Новаго Свѣта совершается мирное сплачиванье во-едино разноплеменныхъ расъ, стекающихся сюда со всѣхъ концовъ земного шара. Въ дружномъ стремленіи къ одной общей цѣли человѣческаго блага они сливаются въ одинъ американскій народъ, одушевляемый одною общею привязанностью къ своей странѣ, какъ къ мѣсту, гдѣ на полномъ просторѣ и на свободѣ дано было развернуться всѣмъ лучшимъ начинаніямъ людскимъ. Несмотря на такой космополитическій характеръ страны, мы, по правдѣ сказать, нигдѣ не встрѣчали такого истинно-патріотическаго закала въ обществѣ, какъ именно у американцевъ. Правда, англійскій языкъ господствуетъ всюду въ республикѣ; но это нисколько не мѣшаетъ рядомъ съ нимъ водворяться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и другимъ нарѣчіямъ. Такъ, между прочимъ, въ Луизіанѣ преобладаетъ французскій языкъ, а по сосѣдству съ нею, въ Техасѣ—нѣмецкій и до такой степени, что намъ случалось встрѣчать тамъ нѣмцевъ, уже десятки лѣтъ проживших въ странѣ и вовсе не знавшихъ англійскаго языка, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ быть настоящими американцами. Правда, въ народныхъ школахъ дѣти разноязычныхъ племенъ скоро усвоиваютъ себѣ господствующій англійскій языкъ, и надо сознаться, что англо-саксонское племя обладаетъ чрезвычайною способностью претворять въ себя всѣ другія разноплеменныя расы. Тѣмъ не менѣе, однако, американцы сознаютъ, что господствующее вліяніе на дѣла всей страны должно перейти къ тѣмъ обитателямъ ея, которые владѣютъ нѣсколькими живыми языками, и потому они въ своей народной школѣ ревностно принялись за ихъ изученіе.

Что же касается до латинскаго языка, то онъ, какъ предметъ относящійся къ болѣе спеціальной области познаній, отлагается до болѣе высшаго возраста, такъ что вообще, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мертвые языки не входятъ въ со-

ставъ програмы. Преподаваніе ихъ начинается лишь въ высшей школѣ (High School), куда поступаютъ молодые люди лѣтъ 14-ти или 15-ти, и которая, замѣтимъ кстати, по объему своего четырехъ-годичнаго курса занимаетъ какъ-бы среднее мѣсто между нашими гимназіями и университетами. Поступая въ нее, молодой человѣкъ, хотя еще и не избираетъ себѣ никакой спеціальности, но долженъ, по крайней мѣрѣ, рѣшиться, намѣренъ ли онъ впослѣдствіи заняться исключительно филологическими, историческими или же математическими, естественными, медицинскими и другими науками. Сообразно съ выборомъ учащійся и поступаетъ на одинъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые распредѣляется преподаваніе въ высшей школѣ. По поводу названій, придаваемыхъ каждому изъ отдѣловъ, необходимо упомянуть, что американцы не противоставляютъ такъ-называемому у насъ реальному образованію классическое: по ихъ положительному воззрѣнію всякое образованіе должно быть реальное, и древніе языки по стольку же относятся къ предметамъ реальнымъ, какъ и допотопная флора и фауна, составляющія предметы палеонтологіи. Поэтому отдѣлы высшей школы и названы одинъ — *общимъ* (General course), другой—*классическимъ* (Classical course).

Такимъ образомъ, въ самыхъ названіяхъ высказывается уже частный, болѣе спеціальный характеръ, какой придается здѣсь классическому обученію. Курсъ послѣдняго рода назначается исключительно для молодыхъ людей обоего пола, желающихъ посвятить себя ученымъ занятіямъ въ области наукъ филологическихъ и историческихъ. Латинскій языкъ проходится тутъ, конечно, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, чѣмъ на другомъ курсѣ, и сверхъ того присоединяется еще преподаваніе греческаго. На общемъ курсѣ латинскій языкъ проходится, какъ выражено въ правилахъ: «настолько, насколько это возможно и желательно для общаго образованія, для знакомства съ общей грамматикой и для указанія связи, существующей между латинскимъ и новѣйшими языками». Въ этомъ случаѣ латинскій языкъ имѣетъ такое же значеніе относительно живыхъ романскихъ языковъ, какъ славянскій—въ отношеніи русскаго.

Если, такимъ образомъ, въ американской школѣ языки, по преимуществу живые, служатъ могучимъ орудіемъ для дальнѣйшаго образованія и будущей практической дѣятельности; то главная обще-образовательная сила ея заключается въ наукахъ математическихъ и естественныхъ. Онѣ, можно сказать, служатъ краеугольнымъ камнемъ въ молодой республикѣ въ отношеніи ея промышленной, торговой и политической жизни. Обогащая учащихся точными, положительными знаніями, сказанныя науки въ то же

время, благодаря превосходному методу, примѣняемому при ихъ изученіи, служатъ самымъ надежнымъ средствомъ для правильнаго развитія способностей учащихся; онѣ служатъ лучшей подготовкой къ практической дѣятельности всякаго человѣка, какому бы занятію онъ ни посвятилъ себя: и хлѣбопашца и ученаго, если только послѣдній, занимаясь научными изслѣдованіями, не хочетъ разорвать всякую связь съ жизнью; — и техника и проповѣдника религіозной истины, слово котораго не достигнетъ своей благотворной цѣли, если, витая въ заоблачныхъ фантастическихъ образахъ, оно не проникнется жизненными интересами живыхъ людей, окруженныхъ міромъ дѣйствительности; — и медика и юриста, который въ судебныхъ дѣлахъ на каждомъ шагу приходитъ въ столкновеніе съ случаями, тѣсно связанными и съ простыми и съ сложными явленіями природы; — и наставника и матери семейства, которые безъ яснаго пониманія условій физической жизни легко впадаютъ въ неисправимыя ошибки въ своихъ заботахъ о дѣтскомъ возрастѣ; — словомъ, куда ни обратился бы живой человѣкъ, за какое дѣло ни взялся бы, онъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ связи съ природой, онъ самъ составляетъ часть ея. Подъ роковымъ вліяніемъ естественныхъ силъ, непосвященный въ тайны міровыхъ явленій становится жалкимъ рабомъ вещественнаго міра, и только тогда, когда человѣкъ съ любовью изучалъ явленія природы, онъ вправѣ называться царемъ ея.

Не путемъ предвзятыхъ теоретическихъ доводовъ дошли американцы до такихъ убѣжденій; они выработаны самимъ опытомъ народной жизни. Если мы изумляемся небывалому въ исторіи человѣчества размаху американской цивилизаціи, еще молодой и находящейся въ періодѣ совершающагося развитія, но показавшей уже человѣчеству образцовыя учрежденія народнаго самодержавія, открывшей передъ нимъ новые пути производительной дѣятельности, проложившей черезъ материкъ международную рельсовую дорогу отъ одного океана до другого, даровавшей свѣту и пароходство и телеграфы, и косилки и швейныя машины, и много другихъ изобрѣтеній, способствовавшихъ ко благу людей: то подобными успѣхами американцы, по собственному ихъ сознанію, одолжены своей народной школѣ, раціональному въ ней образованію, основанному на наукахъ математическихъ и естественныхъ.

Само собою разумѣется, что плодотворному распространенію послѣднихъ много способствуетъ успѣшное обученіе ихъ въ школахъ. Мы, однако, затруднились бы сказать, чему болѣе слѣдуетъ приписать самый успѣхъ въ этомъ случаѣ: способностямъ ли учениковъ, развивавшихся уже дома подъ руководствомъ образо-

ванной матери, или искусству преподавателей, умѣющихъ пользоваться хорошо составленными руководствами? Не менѣе также затруднились бы мы сказать, кто болѣе преуспѣваетъ въ этихъ наукахъ: мальчики или дѣвочки? Слѣдя за уроками математики, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ школахъ, мы удивлялись той отчетливости, изобличающей ясность пониманія, съ какою объяснялись учениками обоего пола самыя трудныя теоремы, той легкости и снаровкѣ, съ которою рѣшались ими довольно запутанные вопросы, и часто намъ казалось, что пальму первенства въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ отдать ученицамъ. Мы убѣждены, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что очень немногіе изъ нашихъ гимназистовъ были бы въ состояніи сравняться съ послѣдними въ этой отрасли знаній. Не говоримъ уже о тѣхъ изъ учениковъ нашихъ классическихъ гимназій, которые, по какому-то сложившемуся у насъ предубѣжденію, считаются отъ природы вовсе лишенными способности понимать математику.

Подобные ученики или ученицы въ американскихъ школахъ могутъ встрѣтиться развѣ какъ аномаліи, напр., въ родѣ людей неспособныхъ выучиться читать и писать. Большую долю успѣховъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, конечно, приписать опять сильному вліянію на развитіе дѣтей женщинъ-наставницъ, получившаго такое прочное образованіе. Невольно вспоминается намъ при этомъ, что въ старшихъ классахъ высшихъ школъ, гдѣ проходится аналитическая геометрія, высшая алгебра, астрономія и физика съ математическими выкладками, лекціи, по большей части, читаются наставницами.

Что касается до естественныхъ наукъ, то въ этомъ отношеніи можемъ сослаться на заявленіе знаменитаго Агассица, профессора въ университетѣ Гарварда, въ городкѣ Кембриджѣ близъ Бостона. Онъ увѣрялъ насъ, что многими своими изслѣдованіями по части зоологіи онъ одолженъ просвѣщенному содѣйствію лицъ, кончившихъ курсъ въ университетѣ, сопровождавшихъ его въ путешествіяхъ, какія онъ ежегодно совершаетъ съ научною цѣлью въ лѣтнее время въ разные концы Америки. Коротко знакомый съ образованіемъ въ Европѣ, гдѣ онъ началъ свое ученое поприще, профессоръ выразилъ мнѣніе о томъ, что американцы, по преимуществу передъ другими народами, отличаются способностью къ раціональному изученію естественныхъ наукъ. Такой отзывъ профессора совершенно совпадаетъ съ мнѣніями ученыхъ европейскихъ путешественниковъ по Америкѣ, и въ особенности нѣмецкихъ. Послѣдніе, въ видѣ укора, прибавляютъ только, что подобное явленіе свидѣтельствуетъ будто бы объ одностороннемъ матеріализмѣ американцевъ.

Нигдѣ, какъ именно на американской почвѣ не приходится такъ легко убѣждаться въ томъ, что въ этомъ укорѣ сказываются лишь искаженныя европейскія понятія объ отношеніяхъ человѣка къ внѣшнему міру. Природа, въ понятіи американца, не есть бездушный сборъ веществъ; напротивъ, она представляется его уму живымъ, дѣйствительнымъ организмомъ. И изученіе ея, — будетъ ли оно служить средствомъ для достиженія матеріальныхъ цѣлей на благо людей или предметомъ умственнаго наслажденія,—есть изученіе живой дѣйствительности. Оно перерождается въ матеріализмъ только тогда, когда, ограничиваясь фактами, это изученіе не руководится никакой идеей, не одушевляется ни мыслью, ни чувствомъ. Если въ европейскихъ школахъ занятія естественными науками не всегда приводили къ желаемымъ результатамъ, то это слѣдуетъ приписать отчасти неудачному способу преподаванія, а отчасти также и тому обстоятельству, что въ нескончаемой борьбѣ съ гнетущими условіями жизни, при образовавшейся наклонности къ отрицанію, европейцы въ естественныхъ наукахъ часто искали удобное орудіе для искорененія злыхъ началъ въ общественной сферѣ и потому, принимаясь за изученіе природы опи имѣли цѣлью воспользоваться ею, какъ сильною союзницей и призвать ее къ участію въ своей ожесточенной борьбѣ съ суевѣріемъ толпы, съ фанатизмомъ духовенства и съ захватами привилегированныхъ классовъ. Избавленные отъ такого направленія отрицательнаго свойства, американцы, напротивъ того, въ своемъ положительномъ настроеніи относятся къ природѣ съ свѣтлымъ чувствомъ блага, съ яснымъ постиженіемъ ея творческихъ силъ, возбуждающихъ духъ человѣка къ мирной производительной дѣятельности. Потому-то изученіе природы, сдѣлавшееся, можно сказать, отличительной чертой нашего вѣка, какъ въ Старомъ такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, по преимуществу развито въ американскомъ народѣ. Въ этомъ образовательномъ направленіи современнаго общества американцы являются истинными представителями цивилизаціи нашихъ дней.

Въ заключеніе сведемъ вмѣстѣ весь ходъ обученія въ народныхъ школахъ. Пробывъ около семи лѣтъ въ начальной и средней школѣ и переходя затѣмъ въ высшую, молодые люди обоего пола, можно сказать, заканчиваютъ здѣсь, послѣ четырехъ-лѣтняго курса, свое образовательное развитіе, и выступая на жизненное поприще они, смотря по призванію и обстоятельствамъ, выбираютъ себѣ уже болѣе спеціальныя занятія. Чтобы дополнить рядъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на общественный счетъ, слѣдуетъ прибавить сюда еще такъ-называемыя нормальныя школы (Normal School), служащія для

приготовленія наставниковъ и наставницъ. Четырехлѣтній курсъ преподаванія въ этихъ заведеніяхъ, въ главныхъ чертахъ, сходенъ съ курсомъ высшей школы, во многихъ мѣстахъ замѣняющей собою нормальную. Разница между ними та, что въ составъ программы послѣдней входятъ также педагогическія науки, и сверхъ того студенты обоего пола приготовляются, подъ руководствомъ профессоровъ, къ своей будущей должности практическими занятіями съ малолѣтними въ классахъ одной изъ начальныхъ школъ.

Въ настоящее время въ штатахъ считается болѣе пятидесяти нормальныхъ училищъ. Какъ настоящіе разсадники будущихъ просвѣтителей народа, они на дѣлѣ оказываются болѣе полезными для страны, чѣмъ европейскіе университеты, не состоящіе собственно ни въ какой непосредственной связи съ народнымъ образованіемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Удовлетворяя, прежде всего, самымъ насущнымъ потребностямъ народнаго просвѣщенія, какъ вашингтонскій конгрессъ, такъ и правительства отдѣльныхъ штатовъ предоставляютъ уже частной иниціативѣ основаніе высшихъ спеціальныхъ заведеній, и только въ послѣднее время центральный департаментъ нашелъ возможнымъ обратить вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе всего появленіе новаго, лишь восемь лѣтъ тому назадъ утвержденнаго постановленія касательно устройства спеціальныхъ заведеній высшаго разряда во всѣхъ штатахъ Союза. Дѣло въ томъ, что въ силу акта, изданнаго въ 1862-мъ году, каждый изъ штатовъ, обязавшійся основать у себя заведенія съ цѣлью распространять въ народѣ знанія, имѣющія отношенія къ сельскому хозяйству и техническимъ искусствамъ, получаетъ отъ центральнаго правительства по 30,000 акровъ земли на каждаго изъ своихъ сенаторовъ и представителей въ вашингтонскомъ конгрессѣ. Когда актъ будетъ окончательно примѣненъ во всѣмъ штатамъ, то количество земли, поступившей въ пользу земледѣльческихъ и политехническихъ институтовъ, достигнетъ огромной цифры 9.600,00 акровъ.

Многіе штаты воспользовались уже этимъ правомъ на земли и съ каждымъ годомъ, то здѣсь, то тамъ, возникаютъ новыя спеціальныя заведенія, имѣющія прямою цѣлью расширеніе общаго благосостоянія.

Частная инициатива, съ своей стороны, также заявляетъ себя въ широкихъ размѣрахъ на поприщѣ учебной дѣятельности, особенно въ отношеніи спеціально-ученаго образованія. Достаточно будетъ привести здѣсь, что въ 1867-мъ году однихъ медицинскихъ колледжей въ штатахъ было числомъ 51; кромѣ того 22 юридическихъ. Что же касается до университетовъ и высшихъ колледжей вообще, то въ каждомъ городѣ средней величины

навѣрное можно разсчитывать на подобное заведеніе, или основанное на капиталы, дарованные на этотъ предметъ разными обществами и богатыми ревнителями просвѣщенія, или поддерживаемое просто, въ качествѣ частнаго заведенія, взносами, собираемыми за слушаніе лекцій. Такимъ образомъ, частная иниціатива, ничѣмъ не стѣсняемая, вездѣ какъ бы предупреждаетъ распоряженія правительства, до сихъ поръ, болѣе всего озабоченнаго доставленіемъ средствъ для распространенія въ своей странѣ самаго широкаго въ мірѣ народнаго образованія.

Если за настоящее мѣрило благоденствія народовъ слѣдуетъ принять—не произволъ, не прихоть привилегированныхъ классовъ и лицъ, а нестѣсняемое развитіе силъ, данныхъ человѣку отъ природы, и благосостояніе массъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что американцы, во всей своей совокупности, пользуются высшимъ благоденствіемъ, какого когда-либо достигало человѣчество. Если правда, что гордящаяся своей учебной системой Пруссія одолжена своимъ военнымъ могуществомъ въ Европѣ хорошо дисциплинированнымъ школамъ; то настолько же правда, что народы Соединенныхъ Штатовъ одолжены своимъ благосостояніемъ по преимуществу свободной народной школѣ. Для народовъ, находящихся подъ гнетомъ расширяющагося повсюду военнаго деспотизма, остается въ утѣшеніе мысль, что ни одинъ цивилизованный народъ на землѣ не живетъ только самъ для себя: все лучшее, достигнутое однимъ изъ нихъ, становится достояніемъ всего человѣчества. Эта извѣстная истина тѣмъ скорѣе можетъ быть примѣнена къ американцамъ, что у нихъ, на самомъ дѣлѣ, не разъ сознательно высказывалась вѣра въ свое общечеловѣческое призваніе. Эта вѣра какъ бы завѣщана странѣ однимъ изъ лучшихъ ея представителей, Мадисономъ, по объявленіи независимости республики, говорившимъ народу: «Мы никогда не должны забывать, что выступили въ бой не ради однихъ себя, но ради правъ всего человѣчества... Американцамъ поручены важнѣйшія блага человѣческаго рода, а потому, да не забудутъ они никогда, что на нихъ, въ то же время, возложена отвѣтственность, какая не возлагалась еще ни на одинъ народъ въ мірѣ во все продолженіе исторіи человѣчества».

Вѣрный завѣту своего представителя, народъ гостепріимно принимаетъ въ свою страну переселенцевъ, не выносящихъ лишеній и гнета въ своей родинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ для дѣтей ихъ широко открылъ двери своей свободной школы.

Эд. Циммерманнъ.

СЕМЕЙСТВО СНѢЖИНЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Дѣло было въ деревнѣ, въ зимній святочный вечеръ, когда толпы наряженыхъ снуютъ по улицамъ при блескѣ новорожденнаго мѣсяца, слышится хрупкій звукъ саней, звенятъ бубны и колокола. Въ такіе вечера особенно пустынно и угрюмо смотрятъ помѣщичьи дома и усадьбы, потому что прислуга отпрашивается на праздникъ, а остающіеся обитатели запираются на всѣ замки и затворы, терпѣливо принося себя въ жертву безвыходной скукѣ и одиночеству.

Сквозь щели ставень одного изъ такихъ домовъ мерцалъ огонь. Это былъ домъ Марьи Петровны Снѣжиной. Въ настоящую минуту семья собралась въ билліардной, единственной теплой комнатѣ во всемъ домѣ, изъ которой сдѣлали залу, гостинную и диванную. Тутъ стояло и фортепьяно, и ломберные столы, и мягкія кресла, и рабочіе столики, и пяльцы съ начатыми работами.

Замерзшія окна, всѣ разрисованныя узорами, говорили о морозѣ; въ старинномъ каминѣ весело трещали дрова и стѣнные часы показывали половину седьмого.

Противъ обыкновенія, оживленный разговоръ слышался въ комнатѣ. За большимъ круглымъ столомъ сидѣли четыре женщины. Это были мать и три дочери.

Разговоръ велся живой, непрерывный, пересыпаемый раска-

тами молодого смѣха и очень рѣдкими выговорами со стороны матери. Странность этого небывалаго явленія нисколько не удивитъ, если мы скажемъ, что въ семьѣ случилось не совсѣмъ обыкновенное событіе: старшая дочь Снѣжиной выходила замужъ и только вчерашній день объявлена была помолвка. Женихъ былъ помѣщикъ, сосѣдъ верстахъ въ 20-ти отъ нихъ, человѣкъ молодой, хорошій хозяинъ, съ порядочными средствами, однимъ словомъ партія, во всѣхъ отношеніяхъ, приличная. Марья Петровна, хозяйка дома, забыла свои нервныя боли, капризы и раздражительность и предалась заботамъ самаго интереснаго свойства. Дѣло шло о свадебныхъ приготовленіяхъ, о закупкѣ приданаго, о бѣльѣ и посудѣ, о приготовленіи всего, о чемъ должна позаботиться мать, имѣющая взрослыхъ дочерей.

Минута, которую она ждала съ самаго, можно сказать, рожденія первой дочери, минута, которую она привыкла считать цѣлью своей жизни, наступала для нее. Дочери ея были всѣ еще очень молоды; старшей, Сашѣ, было только семнадцать лѣтъ. Она сидѣла теперь у стола и по праву невѣсты ничего не дѣлала. Это была тоненькая, стройная дѣвушка съ длинной, бѣлокурой косой и робкимъ выраженіемъ въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ. Она была правою рукою матери, ревностно помогала ей въ хозяйствѣ и неохотно выѣзжала изъ дому, гдѣ находила для себя тысячу предметовъ удовольствія и развлеченія. Младшія ея сестры—Надя, шестнадцати и Зина, пятнадцати лѣтъ, только-что выпущенныя изъ пансіона, гораздо больше самой невѣсты радовались случившейся въ ихъ домѣ перемѣнѣ и горячія головы ихъ просто кружились отъ счастья.

Имъ предстояло въ первый разъ въ жизни быть на настоящемъ балѣ, имѣть множество кавалеровъ, дѣлать побѣды и танцовать до упаду. Впрочемъ, всю эту блестящую картину и перспективу счастья, главнымъ образомъ, рисовала пылкая и неугомонная голова самой меньшей сестры, Зины, яркіе глаза которой уже блестѣли молодой развертывающейся жизнью. Надя, отъ природы довольно вялая дѣвушка, тоже очень недурная собой, была увлекаема въ общій вихрь предположеній и плановъ меньшою сестрою.

Зина росла совсѣмъ иною изъ всего семейства. Дѣти Снѣжиной отличались ровностью характера, послушаніемъ, тихостью и вообще всѣми домашними добродѣтелями; Зина же съ дѣтскихъ лѣтъ всегда слыла капризной, шаловливой дѣвочкой, пугавшей своими порывами и чрезмѣрною живостью. Ей было едва пятнадцать лѣтъ и она была еще совершенный ребенокъ, но въ глазахъ ея уже роился цѣлый міръ кокетства, игривости

и очарованія. Бѣлокурая, темноглазая, съ свѣжими, смѣющимися губами и сіяющей физіономіей, — она вся производила чрезвычайно живое, веселое впечатлѣніе. Изъ всего семейства она была всѣхъ дружнѣе съ старшей сестрой.

— Вѣдь онъ сказалъ, что пріѣдетъ? приставала она къ ней, положивъ локти на столъ и устремивши глаза свои въ задумчивые и тихіе глаза своей сестры.

— Сказалъ! отвѣтила та однообразно.

— Зина, Зина! работай, перебила мать; смотри, ты еще и кантика не пришила... Что это за вѣтреница!

— Какая скука, вполголоса замѣтила Зина, наклоняясь къ своему шитью; какъ ты счастлива, Саша, что выходишь замужъ; тебѣ долго не надо будетъ ничего работать...

— А можетъ быть еще больше придется, сказала Саша.

— Да Андрей Петровичъ не будетъ тебя заставлять, ужъ это я знаю.

— Я сама буду заниматься, я люблю работать.

— А что же, по твоему мнѣнію, Сашѣ дѣлать безъ работы и безъ занятій? насмѣшливо спросила мать, составляя выкройку изъ бумаги.

— О, если будетъ все тоже что теперь, тогда не для чего и выходить замужъ, возразила Зина рѣшительно.

— Мама, какъ ты выходила замужъ? спросила тутъ Надя, все время прилежно работавшая и вся превратилась въ слухъ, ожидая съ любопытствомъ отвѣта матери. Саша тоже перевела свои задумчивые глаза на мать.

Тѣнь уныія и печали пронеслась по болѣзненному и увядшему лицу матери. Какъ передать этимъ тремъ наивнымъ дѣтямъ, жадно ждавшимъ ея отвѣта, ту постыдную комедію торговли и подлавливанья, которую употребляли она и ея родители при выдаваніи ее замужъ? Марья Петровна отвѣтила односложно:

— Павелъ Петровичъ былъ офицеръ; папенька и маменька хорошо его принимали; онъ и сдѣлалъ предложеніе.

— И ты была очень съ нимъ счастлива, мама? спросила Саша.

Снѣжина опять затруднилась отвѣтомъ. Можно ли было назвать счастіемъ десять лѣтъ замужества, проведенные ею съ пьяницею мужемъ, безсонныя ночи, въ которыя она поджидала его возвращенія съ веселой попойки, гдѣ нерѣдко проигрывались послѣднія деньги, — и въ квартирѣ ихъ слышался, послѣ этихъ ночей, трескъ стульевъ, пьяныя ругательства и рыданія измученной жены?

— Да, отвѣтила она; только въ походахъ часто бывали непріятности; какъ вышелъ въ отставку, тутъ лучше стало.

— А ужъ непремѣнно надобно замужъ? лукаво спросила Зина.

— Что же хорошаго остаться старой дѣвой?

— Но если будетъ свататься какой-нибудь противный, котораго и любить нельзя?

— Не всѣ выходятъ по любви, однако счастливо живутъ.

— Только не я.... По-моему, это подлость! рѣзко выговорила Зина.

— Терпѣть не могу, Зина, какъ ты начнешь разсуждать, раздражительно замѣтила мать, и бросивъ отъ себя ножницы, подошла къ Сашѣ, и молча начала прилаживать выкройку къ ея плечу.

— Андрей Петровичъ! вдругъ сказала Саша, и рука ея такъ дрогнула, что бумажная выкройка отлетѣла отъ ея плеча.

Послышался въ самомъ дѣлѣ далекій звукъ колокольчика.

— Какъ ты меня испугала! замѣтила Надя.

— Ну что же! проговорила мать, дрожащими руками собирая выкройку: ну что же, позвони въ колокольчикъ, надо огня въ переднюю... Зина, Надя, позовите Дуняшу.

Молодыя дѣвушки исчезли за дверью.

Мать, между тѣмъ, заботливо начала оправлять туалетъ Саши, сняла съ нея коленкоровую пелеринку и поспѣшно набросила тюлевую, приготовленную заранѣе.

— Какая ты блѣдная, неавантажная! говорила она; и пожалуйста брось эти пансіонскія замашки: Андрей Петровичъ тебя цалуетъ, а ты лицо воротишь!

— Да какъ же, мама, я не привыкла!

— Вздоръ; когда мама тебѣ приказываетъ, ты должна слушаться.

Дверь отворилась и, въ сопровожденіи Нади, несшей свѣчу, вошелъ женихъ, Андрей Петровичъ Невѣровъ. Это былъ высокій и красивый брюнетъ, лѣтъ двадцати семи, съ нѣсколько рѣзкими, но нелишенными пріятности, чертами, насмѣшливой улыбкой и небольшой мягкой бородкой; вообще личность съ перваго взгляда довольно замѣтная и оригинальная.

ГЛАВА II.

Зина, при первомъ извѣстіи о пріѣздѣ Андрея Петровича, сама не зная отчего, опрометью бросилась въ дѣтскую. Ея маленькое сердечко сильно билось и рѣзвыя ноги дрожали. Она

притаилась у замерзшаго окна въ дѣтской, и внутренно смѣясь, прислушивалась къ неяснымъ звукамъ, долетавшимъ до нея. Она не понимала, отчего ей было такъ невыразимо весело, такъ хорошо, что даже духъ захватывало и порывистое дыханье сильно колебало ея грудь.

Въ углу комнаты горѣла лампада передъ образомъ и освѣщала три постели, стоявшія вдоль стѣнъ. Это была комната трехъ сестеръ. Бѣлыя стѣны, мебель въ бѣлыхъ чахлахъ, спущенныя бѣлыя сторы придавали комнатѣ какой-то туманный отблескъ. Стройная фигура притаившейся дѣвушки довершала очарованіе. Вдругъ она услыхала шаги, и не оборачиваясь, угадала приближеніе Невѣрова.

Невѣровъ искалъ ее. Онъ воспользовался первымъ случаемъ и, спросивъ позволенья у Снѣжиной, отправился искать ее въ дѣтскую. Надо замѣтить, что только нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ уже сдѣлалъ предложеніе и сталъ совершенно своимъ въ домѣ, ему удалось нѣсколько поближе ознакомиться съ младшими сестрами невѣсты, которыхъ до того времени какъ-то держали въ черномъ тѣлѣ, въ тѣни, въ глубинѣ дѣтской, вѣроятно для того, чтобъ все вниманіе сосредоточивалось на Сашѣ, всегда на виду у всѣхъ, и за чайнымъ столомъ, и въ гостиной, и за фортепьяно.

Въ эти нѣсколько дней, когда мать съ радости ослабила бразды правленія, Зина, очутившись на волѣ, тотчасъ же привлекла къ себѣ вниманіе Невѣрова, успѣла съ нимъ и поболтать, и поспорить, и затронуть въ немъ чувство интереса, быть можетъ даже нѣчто болѣе....

Теперь, когда онъ вошелъ въ комнату, она схватила со стула какое-то вязанье и прилежно начала постукивать спицами.

Двѣ широкія руки тихо схватили сзади ея свѣтлорусую головку.

— Знаю, знаю, что это вы! отвѣтила она вся пылающая,— и нисколько не испугалась! Ну зачѣмъ вы пришли? Пустите, а то я петлю спущу!

И упрямая дѣвочка вертѣла лицо свое въ его ласковыхъ рукахъ.

— Зачѣмъ пришелъ? Она еще спрашиваетъ! А долгъ-то?

— Какой это?

— Вчерашній поцалуй... забыла? Кто не хотѣлъ меня поздравить? А?

— Еще бы при всѣхъ... Ни за что на свѣтѣ!

— А теперь? Можно?

— Теперь? въ раздумьи повторила Зина и чулокъ упалъ къ ея ногамъ.

Онъ воспользовался ея смущеніемъ и, привлекши ее къ себѣ, жарко поцаловалъ.

— Еще! упрашивалъ онъ, удерживая вырывавшуюся Зину.

Но ей стало вдругъ такъ жутко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ весело, что она неудержимо захохотала, вывернулась изъ объятій Невѣрова и убѣжала въ корридоръ.

— Что за прелестный, милый ребенокъ! подумалъ онъ про себя, и вошелъ, съ смѣющейся физіономіей, въ гостиную.

— Представьте себѣ, что дѣлала плутовка, когда я вошелъ? сказалъ онъ, остановясь среди комнаты; — вязала чулокъ въ темнотѣ!

Онъ еще не кончилъ фразы, какъ у подъѣзда послышались колокольчики и визгъ саней по снѣгу.

— Гриша! Гриша пріѣхалъ! вскричали сестры, выбѣгая на встрѣчу.

— И не одинъ! съ нимъ еще кто-то! сказалъ Невѣровъ, отворяя форточку и смотря въ нее.

— Конечно Глафира Ивановна! подхватила Зина, давайте пари, что она?

— Она и есть! подтвердилъ Невѣровъ,—неизбѣжная спутница каждой свадьбы, похоронъ, крестинъ, родинъ и именинъ.

— Не извольте смѣяться! Я очень рада! возразила Снѣжина: — она всегда кстати!

— Еще бы! Кто же бы повѣрилъ свадьбѣ, на которой не было Глафиры Ивановны!

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ Гриша Снѣжинъ, единственный и любимый сынъ Марьи Петровны, недавно выпущенный въ офицеры. За нимъ шла Глафира Ивановна Ницкая, старая дѣва, прожившая лѣтъ 45 въ одномъ и томъ же городѣ и знавшая до тонкости всѣ обряды, гаданья, повѣрья, примѣты; она умѣла шить, кроить, и убирать головы; безъ нея дѣйствительно не обходилось ни одной свадьбы въ городѣ.

Пріѣхавши, Гриша началъ выгружать привезенныя имъ изъ города покупки, и всѣ кинулись смотрѣть ихъ. Невѣрова, какъ мужчину, это мало занимало и онъ съ равнодушнымъ и утомленнымъ видомъ сѣлъ въ кресла поодаль, и подозвалъ къ себѣ Сашу.

— Тебя очень занимаетъ это тряпье? съ улыбкой спросилъ онъ у своей невѣсты.

Первый разъ въ этотъ вечеръ они оставались одни. Первый разъ зазвучало въ ушахъ Саши это «ты», такъ незнакомое и

такъ привлекательное для дѣвушки въ устахъ жениха... Щеки ея зардѣлись, красивыя губы разцвѣтились улыбкой и она проговорила съ робкимъ счастьемъ въ глазахъ: «о нѣтъ! я совсѣмъ перестала думать о тряпкахъ!»

— О чемъ же ты думаешь? Да пожалуйста не говори мнѣ «вы»! пора уже привыкнуть тебѣ не церемониться со мной...

— Я все еще не привыкла... Я просто не могу подумать, что я твоя невѣста..., говорила Саша, путаясь и краснѣя; мама говоритъ, что ты любишь меня, если хочешь на мнѣ жениться; я хочу спросить у тебя самого...

Рѣчь эта была до того ей непривычна и тяжела, что она совсѣмъ смутилась.

— Ну, конечно, люблю! отвѣтилъ Невѣровъ, и въ молчаніи, сталъ смотрѣть на ея лицо. Чтó таится въ этой хорошенькой головкѣ? думалъ онъ.

Она манила его, какъ неразрѣшенная загадка, какую часто представляютъ молоденькія дѣвушки сдержаннаго и робкаго характера, отъ которыхъ ждутъ всего впереди, съ развитіемъ и годами. Въ этомъ случаѣ ему суждено было ошибиться. Саша молчала и улыбалась. Міръ ея мысли былъ въ самомъ дѣлѣ такъ узокъ, что могъ вертѣться только между банками варенья, зимними припасами, приказами повару и пр. и пр. Никакая мудреная идея, ни одно сомнѣніе, ни одинъ разладъ, какіе такъ часто мучатъ молóдыя души, ни разу не потревожили ея спокойствіе.

— Саша, позвала Марья Петровна, ты еще не видала, душа моя, вотъ эту новую матерію; занялась съ женихомъ, а мы тутъ уже все пересмотрѣли! Поди сюда; вѣдь это будетъ не дурно, бѣлое кружево на розовомъ пу-де-суа?

Саша подошла къ матери. Невѣровъ постоялъ около нихъ, въ недоумѣніи, стараясь понять женскій туалетный языкъ, задумчиво посмотрѣлъ на ихъ лица, сіявшія восторгомъ при исчисленіи оборочекъ, бантиковъ, кружевъ, — и началъ мѣрить комнату большими, медленными шагами.

Зачѣмъ Андрей Петровичъ Невѣровъ вздумалъ жениться на Александрѣ Павловнѣ Снѣжиной? Вопросъ этотъ разрѣшается самъ собою, если вникнуть въ обстоятельства его жизни и въ сущность его характера. Невѣровъ лишился отца еще въ дѣтствѣ. Его воспитала мать, богатая женщина, страстно любившая и баловавшая сына, но она не могла дать ему основательнаго воспитанія, еще менѣе—образовать характеръ. Онъ вышелъ изъ рукъ ея страстнымъ и впечатлительнымъ юношей, искалъ идеаловъ, разочаровывался въ нихъ и становился суровъ и недовѣр-

чивъ къ жизни. Друзья, въ которыхъ онъ видѣлъ героевъ, оказывались простыми практическими людьми, въ женщинахъ онъ обманывался. Онъ переставалъ вѣрить во все хорошее на землѣ. Пустота жизни, неудовлетворенность чувства мучили его такъ сильно, что онъ готовъ былъ на все, чтобъ избавиться отъ нихъ. У него образовалась своя собственная философія. «Если не способенъ на подвиги, такъ и живи какъ всѣ! говорилъ онъ себѣ со злостью, когда червячекъ недовольства сильнѣе подступалъ къ его сердцу. Что за герой такой? Живутъ же люди, день за днемъ, и ничего себѣ, счастливы! А я чѣмъ заявилъ себя? Что сдѣлалъ? Выйду въ отставку, женюсь, и буду жить какъ всѣ...» Съ этими мыслями онъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи. Мать у него давно уже умерла; онъ сталъ серьезно думать о женитьбѣ, какъ о единственномъ средствѣ спасенія отъ мучившей его тоски, его тянуло именно къ такой дѣвушкѣ, въ которой бы онъ не могъ разочароваться. Онъ искалъ только хозяйки, дѣвушки съ ровнымъ и покойнымъ характеромъ, и увѣрялъ себя, что это все, чтó ему нужно. Съ чисто хозяйственной точки взглянулъ онъ на Сашу: ему нравилось, какъ она бѣгала съ ключами по кладовымъ и амбарамъ, записывала приходъ и расходъ, варила варенье и выдавала провизію повару. Потомъ ему представлялось, что въ семьѣ Снѣжиныхъ былъ для него свой уголъ, свой пріютъ, что тамъ была молодежь, среди которой легче дышется и живется послѣ дрязгъ ежедневной жизни. При всемъ томъ, онъ не успокоивался...

Онъ подошелъ къ открытому фортепьяно и, какъ бы въ раздумьи, взялъ нѣсколько аккордовъ. Какъ по сигналу, явились тутъ же Гриша и Зина. Они любили пѣть втроемъ. Невѣровъ оживлялся, когда пѣлъ. Его глаза дѣлались мягче, губы улыбались, злой умъ, свѣтившійся въ его чертахъ, уступалъ мѣсто задумчивой и тихой нѣгѣ. Безсознательно поддавалась его вліянію веселая и рѣзвая Зина, и голоса ихъ сливались въ грустной мелодіи.

Гриша сидѣлъ, обнявъ рукой сестру. Онъ не замѣчалъ, или лучше сказать, замѣчалъ безъ удивленія, мягкіе взгляды, которые кидалъ Невѣровъ въ молодые задумчиво блестящіе глаза Зины.

Въ мелодическихъ звукахъ высказывалось то, чтó не смѣло бы высказаться ни въ какой другой формѣ, и волей-неволей, возбуждались нервы, кровь быстрѣе пробѣгала по жиламъ и между пѣвцами завязывалась невидимая связь. Кругомъ нихъ была глушь деревни, одинокая комната, уединенный зимній ве-

черъ, — обстановка, въ которой каждое впечатлѣніе ложится на душу полнѣе и глубже...

Между тѣмъ мать, утомившись толками о приданомъ, отошла отъ стола, и тутъ только обратила вниманіе на группу у фортепьяно.

Взглядъ ея упалъ на Зину, и она не узнала своей дочери. Вмѣсто дѣтскаго милаго личика она увидѣла глубокій, задумчивый взглядъ и взглядъ этотъ смотрѣлъ на одну точку, не перемѣняя положенія, будто прикованный магнитомъ. Эта точка была—глаза Невѣрова.

— Зина! рѣзко позвала она, нельзя ли бросить это пищанье! Поди сюда, я тебя спрашиваю, какъ ты смѣла оставить работу, не спросивъ моего позволенія?

Тонъ Снѣжиной былъ раздраженъ и рѣзокъ. Она зло глядѣла на Зину, и обѣ понимали, за что выходила эта сцена. И только онѣ однѣ. Для Гриши, для Глафиры Ивановны, для всѣхъ присутствующихъ, это была самая обыкновенная, ежедневная брань. Но Невѣровъ тоже зналъ причину. Онъ чувствовалъ, что велъ себя предосудительно и рѣшился загладить свою вину.

— Марья Петровна! сказалъ онъ, обращаясь къ Снѣжиной. Долго ли будете вы насъ томить свадьбой?.. Ей-богу пора!

Обдуманно рѣшившись жениться на Сашѣ, онъ охотно говорилъ такія рѣчи.

Марья Петровна каждый разъ вздыхала съ облегченіемъ, когда слышала это отъ Невѣрова.

— Подождите, Андрей Петровичъ, голубчикъ, заговорила она, не повѣрите, какъ у меня голова кругомъ идетъ! Дѣти! приготовьте столъ и карты, обратилась она къ дочерямъ, мы съиграемъ въ рамсъ. Глаша, ты хочешь?

— Очень рада, вы знаете, чего вы хотите, того и я хочу! жеманно отвѣтила та.

— Мы съиграемъ вчетверомъ, а вы, дѣти, можете идти спать, если хотите.

— Мы не хотимъ, отозвались всѣ три.

— Что же вамъ здѣсь дѣлать? Саша хоть невѣста, а вы-то, что же будете здѣсь торчать? говорила Марья Петровна, садясь за карточный столъ и взявъ въ руки колоду картъ. Глафира Ивановна и Невѣровъ молча заняли свои мѣста, молодыя дѣвушки разставляли свѣчи, мѣлки и щеточки.

— Эта Зина, вѣчно она возится съ кѣмъ-нибудь, возразила снова мать, слыша бѣготню въ другомъ концѣ комнаты и сдержанный смѣхъ Зины. Гриша, полно тебѣ дурачиться, иди играть!

— Побѣда! отнялъ! торжественно кричалъ тотъ, пряча лоскутокъ бумаги въ карманъ.

Невѣрову очень хотѣлось бросить взглядъ въ ихъ сторону, но подъ проницательнымъ взоромъ матери, онъ оставался холоденъ и равнодушенъ.

— Зина, тебѣ говорятъ, ступай спать! Я не люблю, когда ты возишься! говорила мать. Гриша! что ты у нее отнялъ?.. покажи, дай сюда.

Но Гриша, ея любимецъ, не думалъ исполнять приказанія, а Зина молча вышла изъ комнаты.

— Вѣчно у этой дѣвочки тайны, секреты, всякій вздоръ! говорила мать, вздыхая. Ужасно трудно слѣдить за подобнымъ характеромъ. Знаете ли что, Андрей Петровичъ, мнѣ сдается, что она ни хорошей женой, ни хорошей матерью никогда не будетъ. Какъ вы думаете?

— Она еще совсѣмъ ребенокъ! уклончиво замѣтилъ Невѣровъ.

— Да,—но вѣдь у меня были другія въ ея года; вотъ Саша, Надя. Саша! а тебѣ мой дружокъ пора спать—завтра въ церковь, молебенъ надо отслужить! Саша встала и начала прощаться.

— Прощай, Саша? сказалъ Невѣровъ, мелькомъ цѣлуя подставленныя ему губы и окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, хлопотавшихъ о прикупкѣ, торжественно сказалъ: «Господа, у меня козырной рамсъ».

Испугъ овладѣлъ игроками. Животрепещущій интересъ начертанъ былъ на ихъ лицахъ. Саша, со вздохомъ вышла изъ гостиной вмѣстѣ съ Надей. Пробило часъ, два. Четверо партнеровъ играли не переставая, безмолвные, какъ автоматы. Слышалось щелканье мѣлковъ, сдача картъ, короткіе возгласы, повѣрка записанныхъ цифръ, а время летѣло и наставала глубокая ночь. Достигалась желанная цѣль: время убивалось.

ГЛАВА III.

Мы опять въ знакомой спальнѣ трехъ сестеръ. Надя раздѣвалась, падая отъ сна и скоро заснула. Распустивъ свои длинныя косы, стояла Саша передъ зеркаломъ, невольно заглядѣвшись на свою стройную фигуру и мысленно облекая ее въ подвѣнечное платье; ея воображенію представлялся узкій корсетъ, затянутая талья и шумящее шелковое платье.

— Зина, позвала она, и тѣнь удовольствія промелькнула въ

ея глазахъ; ты знаешь, что къ свадьбѣ у меня будетъ новый корсетъ?

Зина, которая еще не думала раздѣваться, погруженная въ задумчивость, порывисто встала и подошла къ сестрѣ.

— Ты знаешь, Саша, заговорила она, какая бѣда со мной случилась; вѣдь Гриша вынулъ у меня изъ кармана листокъ, въ который я записывала слова Андрея Петровича.

— Какія слова? удивленно спросила та.

— Да то, что онъ говорилъ одинъ разъ вечеромъ; я взяла и записала.

— Зачѣмъ?

— Такъ; они вертѣлись все у меня на умѣ; я сѣла и написала; мнѣ понравилось; ты знаешь, какъ онъ хорошо говоритъ...

— Ну такъ что же?

— Боюсь, мама узнаетъ, будетъ бранить.

— Да какія же это слова? добивалась Саша; поди ко мнѣ, Зина, на мою постель! Ну что же онъ говорилъ? кому? тебѣ?

— Нѣтъ, вообще онъ всѣмъ говорилъ, что не надо смотрѣть на мнѣніе свѣта, что человѣкъ долженъ имѣть на все свой взглядъ, долженъ находить въ себѣ самомъ рессурсы для жизни, говорила Зина важнымъ слогомъ Невѣрова.

Саша внимательно ее слушала, силясь понять что-то.

— Я думаю, это ничего, Зина, сказала она; ты проси Гришу не показывать мамѣ; я, пожалуй, сама его попрошу...

Зина горячо поцаловала ее въ щеку.

— Главное, Андрею Петровичу чтобъ не попалось! живо заговорила она; не хочу я, чтобъ онъ читалъ!

— Хорошо, я попрошу Гришу!

— Душечка, Саша, ты всегда меня выручишь!

И жаркое объятіе снова охватило Сашу.

— Раздѣнься, Зина, и поговоримъ съ тобой, сказала та, ложась въ постель.

Зина готова была проговорить цѣлую ночь на пролетъ.

— Прежде всего, скажи мнѣ, авантажна ли я была сегодня? былъ первый вопросъ Саши.

— Какая ты славная, когда спрашиваешь объ этомъ, отвѣтила Зина, наклоняясь надъ ея лицомъ; еслибъ Андрей Петровичъ тутъ былъ, онъ бы тебя просто расцаловалъ.

— Да, отвѣтила Саша, краснѣя; я кажется ему немножко нравлюсь!

— Послушай Саша, сказала Зина, помолчавъ и задумчиво смотря въ ея глаза; ты очень любишь Андрея Петровича?

— Очень! отвѣтила Саша очень скоро.

— Что же ты чувствуешь, когда онъ пріѣзжаетъ?

— Сначала я всегда чувствую маленькій страхъ, будто сердце упадетъ, а потомъ все лучше, лучше...

— А когда онъ поетъ?

— Когда поетъ? переспросила Саша и помолчавъ прибавила: право ужъ не припомню, что я чувствую, когда онъ поетъ!...

Зина грустно вздохнула. Она чувствовала не то: она чувствовала тяжелое, но сладкое бремя на своей молодой груди; въ ея головѣ бродило столько живыхъ и сильныхъ впечатлѣній, столько безсвязныхъ и неотступныхъ вопросовъ, что не могла съ ними справиться. Но молодая беззпечность проводила надъ всѣмъ этимъ свою успокоительную руку и она снова отдавалась дѣтскимъ своимъ планамъ, мечтамъ и предположеніямъ.

— Спроси еще что-нибудь.... говори! немного соннымъ голосомъ замѣтила Саша.

— А ты слышала, какъ онъ разсказывалъ про свой домъ и садъ... тамъ, въ Липовкѣ... куда вы поѣдете послѣ свадьбы!.. То-то будетъ прелесть намъ тамъ жить! Вѣдь ты меня возьмешь къ себѣ, Саша?

— Возьму! отвѣтила та.

— Спасибо тебѣ!.. Ахъ, Саша, какъ мы будемъ счастливы!

И въ порывѣ восторга Зина охватила ее судорожнымъ, порывистымъ объятіемъ и покрыла поцалуями ея шею, лицо, руки...

— Будетъ! довольно! кричала та, не въ силахъ пошевелиться.

Но Зинѣ эти ласки были такъ сладки, такъ переполнено было ея существо безотчетной нѣгой любви, что она продолжала, улыбаясь, ласкать полусонную сестру.

— Мама, мама идетъ! пугливо вдругъ вскричала Надя просыпаясь.

Въ одно мгновеніе мерцающая лампа загашена, Саша освобождена и Зина уже на своей постели, прикинувшаяся спящею крѣпкимъ сномъ.

Дверь отворилась и вошла Марья Петровна Снѣжина. Поступь ея была тверда, на лицѣ было покойное и увѣренное выраженіе властелина, входящаго въ свои владѣнія. Она неторопливо засвѣтила свѣчу у погасающей лампадки и съ огнемъ подошла къ постелямъ трехъ своихъ дочерей.

Чепчикъ Нади спустился ей на глаза; она поправила его и тихонько освидѣтельствовала, есть ли на ней кофта, тоже самое сдѣлала и съ Сашей и нашла все въ порядкѣ; но подойдя къ постели Зины, она замѣтила съ ужасомъ, что волосы ея раски-

нулись по подушкѣ и голое плечо выставлялось изъ-подъ одѣяла. Чепцы и кофты были конькомъ Марьи Петровны; она всегда страшно воевала изъ-за нихъ съ дочерьми. Она тотчасъ же разбудила спящую, по ея мнѣнію, Зину.

— Ты опять безъ чепца? строгимъ шопотомъ заговорила она, окидывая ее суровымъ взглядомъ; отчего ты мнѣ всегда дѣлаешь одни непріятности, одни неудовольствія?...

Зина ужасно хотѣла возразить, что голова ея собственная и что можно было бы оставить ее въ покоѣ, но удержалась и начала розыскивать свой чепчикъ и кофту.

Марья Петровна сѣла со свѣчкой на стулъ, наблюдая за поисками Зины. По обыкновенію, кофта и чепчикъ исчезли, какъ будто ихъ никогда и не было. Зина перерыла всю постель, наконецъ перебудила сестеръ, отодвигала всѣ комоды и кровати, и все безуспѣшно. Она искала даже въ печкахъ и шкапахъ съ книгами, у образовъ и подъ стульями. Марья Петровна смотрѣла на озабоченное и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтски-шаловливое лицо Зины, въ которомъ не было ни тѣни сна или досады и ясно видѣла, что дочь ея и тутъ нашла себѣ забаву.

Ей хотѣлось прибить ее, хотѣлось заставить ее плакать, хотѣлось сдѣлать свои приказанія бременемъ, игомъ для Зины, и странное чувство непріязни росло въ ней къ этому веселому и рѣзвому ребенку.

— Нигдѣ, нигдѣ нѣтъ, мама, что же теперь мнѣ дѣлать? объявила она, ставъ посреди комнаты, запыхавшаяся отъ трудныхъ поисковъ.

— Варвара! позвала Снѣжина.

Вошла заспанная нянька.

— Подай Зинаидѣ Павловнѣ другой чепчикъ и кофту, я сама на нее надѣну.

Нянька подала и то и другое. Мать подошла къ трепещущей Зинѣ, подвела ее за руку къ постели, раздражительно стиснула тесемками чепца ея подбородокъ, натянула на ея плечи кофту, бросила на нее одѣяло и сказала:

— Завтра не смѣй подходить къ моей рукѣ, непослушная дѣвчонка!

Зина притаила дыханіе, охваченная непонятнымъ страхомъ.

Тутъ Снѣжина потолковала съ нянькой о томъ, какія завтра платья приготовить барышнямъ, и вышла, перекрестивъ дочерей, кромѣ Зины.

ГЛАВА IV.

На другой день наѣхало изъ города, отстоящаго въ двадцати верстахъ, порядочное количество знакомыхъ, поздравить жениха и невѣсту. Были тутъ и молоденькія дѣвушки и холостые мужчины, и старики и старухи. Все это обыкновенно очень скучало и развлекалось только въ областяхъ карточной игры, сплетень, водки и ловли жениховъ. На этомъ вращались интересы общества и они одни и придавали ему фальшивый отблескъ жизни. Многіе изъ нихъ были люди довольно умные, способные понимать иные интересы; но масса такъ затягивала ихъ въ кругъ своихъ дешевыхъ радостей и своей удобо-исполнимой морали, что продолжать стоять за чертою было очень трудно и, волей-неволей, надобно было входить въ этотъ кругъ и искать утѣшеній въ томъ, въ чемъ искали ихъ находящіеся въ немъ люди. Маленькая зала передъ обѣдомъ представляла довольно оживленный видъ. Раздавался веселый говоръ, смѣхъ и перешептыванья. Мужская компанія была занята въ настоящую минуту проектомъ напоить до-пьяна какого-то сосѣда помѣщика, полу-идіота и скрягу, увѣрить, что онъ имянинникъ и всѣмъ обществомъ нагрянуть къ нему въ домъ для потѣхи. У этой жертвы въ домѣ жила мать и тетка, — не подозрѣвавшія объ угрожавшей имъ напасти, но это-то и придавало шикъ предпріятію. Всѣ были веселы,—развлеченіе было хоть куда.

Марья Петровна подошла къ Невѣрову, читавшему въ углу газеты и сообщила ему, чтò происходило въ залѣ.

— Зачѣмъ эта затѣя? замѣтилъ онъ недовольнымъ тономъ: не люблю я бывать въ ихъ домѣ!.. Мы вѣдь просто хотѣли поѣхать кататься; зачѣмъ же портить катанье?

— Если имъ весело,—пускай ихъ!.. махала на нихъ рукой Марья Петровна:—только бы занялись хоть чѣмъ-нибудь! А мы кстати старухамъ и визитъ должны! прибавила она, стараясь смягчить и сгладить обстоятельства.

— Ну, полно объ этомъ, перебилъ Невѣровъ и слегка улыбаясь спросилъ: нѣтъ, вы лучше мнѣ скажите, за что вы на Зину сердитесь?... Чѣмъ она такъ провинилась?

Марья Петровна вспыхнула.

— А она вамъ жаловалась?

— Ну вотъ, жаловалась! Саша мнѣ съ утра шепчетъ въ уши: проси, чтобъ мама простила Зину!

— Посудите сами, Андрей Петровичъ, можно ли оставлять ее безъ наказанія, живо заговорила Снѣжина:—это такая вѣт-

ренная, непослушная дѣвчонка; я люблю, чтобъ онѣ спали въ чепцахъ и кофтахъ; кажется, въ этомъ нѣтъ ничего труднаго; кажется, я имѣю право требовать отъ дочерей исполненія моихъ желаній?

Невѣровъ слегка покачалъ головой.

— Почему-жъ такъ? сказалъ онъ, вздумавши поспорить: онѣ могутъ имѣть точно также свои желанія, свои права...

Снѣжина безпокойно повернулась на мѣстѣ.

— Вотъ вы, Андрей Петровичъ, всегда съ вашими модными идеями! Желала бы я посмотрѣть, какъ вы будете проповѣдывать ихъ своимъ собственнымъ дѣтямъ! Какъ пріятно будетъ испытывать вамъ тогда удобство своихъ собственныхъ правилъ!

— Ну, ну! мамочка; не будемъте ссориться; я вѣдь самъ знаю, что на дѣлѣ буду порядочнымъ деспотомъ, — но во мнѣ будетъ разница: я буду сознавать, что я деспотъ, а вы нѣтъ...

— Андрей Петровичъ, деспотизмъ ли это руководить молоденькихъ дѣвушекъ и предохранять ихъ отъ неосторожныхъ поступковъ!.. Зина, напримѣръ, такая вѣтренница, что за ней надо глаза и глаза... Развѣ я не вижу хоть бы того, что она кокетничаетъ съ вами?

Невѣровъ, несмотря на умѣнье владѣть собой, покрылся огненнымъ румянцемъ.

— Марья Петровна, мнѣ ли бы это не замѣтить? Но, клянусь честью, кромѣ дѣтскихъ шутокъ я, съ ея стороны, рѣшительно ничего не видалъ... Вы не знаете вашу Зину: по крайнѣй мѣрѣ, я на нее смотрю, какъ на двухлѣтнее дитя!

— Нѣтъ, у нея замашки не дѣтскія: я вамъ покажу вашъ портретъ, который она нарисовала, и разныя ваши мнѣнія, которыя она записывала и видно очень понимала. Вчера я вошла къ Гришѣ, а онъ лежитъ и читаетъ: отнялъ у нея вчера вечеромъ...

Невѣровъ опять вспыхнулъ. Но лицо его, кромѣ краски, было въ тоже время очень насмѣшливаго и спокойнаго выраженія. Марья Петровна подала ему скомканный листокъ бумаги.

Это были, въ короткихъ, но сильныхъ словахъ, разъ высказанныя мнѣнія Невѣрова о свободѣ женщины, о будущемъ ея развитіи, о томъ, что ея требованія также законны, какъ требованія мужчины, что мнѣніе свѣта не должно ее останавливать ни въ чемъ...

Читая, онъ качалъ головой и улыбался въ смущеніи.

— Выходитъ только одно, что при дѣтяхъ нельзя всего говорить! сказалъ онъ, отдавая листокъ Снѣжиной. Потомъ, по-

думавъ, онъ снова обратился къ ней:—такъ вы за это ее наказываете?

— Я вообще недовольна ею и хочу дать ей это почувствовать!... Но вы видите, что это почти невозможно, прибавила она, смотря на группу дѣвицъ, гдѣ была и Зина... Ей все ни по чемъ; видите, хохочетъ!

— Вглядитесь повнимательнѣе! замѣтилъ Невѣровъ, бросивъ взглядъ на Зину; я вижу, что она вовсе невесела и даже встревожена...

— Ну, да я ей порядочную сцену и сдѣлала!

— Неужели по поводу этого листка?

— Конечно!.. вѣтренная дѣвчонка! Она не того бы заслуживала.

— Ну вотъ, и вы сдѣлали маленькую ошибку! улыбаясь замѣтилъ Невѣровъ; никогда не надо подозрѣвать дѣвушку въ томъ чувствѣ, которое существовать не должно. Подозрѣнія очень часто его развиваютъ, если не рождаютъ....

— Ужъ не говорите!... Мать лучше знаетъ, какъ обращаться съ дочерьми, съ досадой отвѣтила Снѣжина, почувствовавъ всю меткость замѣчанія Невѣрова.

— Мама, пора подавать кушанье?... спросила вдругъ Саша, появляясь около нихъ съ озабоченнымъ и раскраснѣвшимся лицомъ.

— Не знаю, который часъ?

— Андрей Петровичъ, посмотрите на вашихъ часахъ, сказала Саша и потомъ застѣнчиво наклонившись къ нему, прибавила:—что же, вы говорили, о чемъ я васъ просила?

— Говорилъ; да что ты такъ объ ней хлопочешь?... Поплачетъ, поплачетъ, да и перестанетъ! отвѣтилъ Невѣровъ, до того небрежно и равнодушно, что всякій былъ бы обманутъ.

— Но мнѣ право жаль бѣдную Зину, заговорила снова Саша, какъ же она ни кататься, ни гулять никуда сегодня не пойдетъ?

— Пусть попроситъ прощенья, выговорила Снѣжина, будто нехотя.

— Такъ я пойду скажу ей, обрадованнымъ голосомъ сказала Саша; пустите меня...

— Нѣтъ, не пущу, а прежде перецалую твои пальчики всѣ до одного, благосклонно шутилъ Невѣровъ съ своей невѣстой, цалуя ея тонкіе пальцы.

Саша отправилась въ свою комнату, гдѣ собрались всѣ дамы и дѣвицы, имѣвшія привычку набиваться всюду другъ за другомъ, какъ стадо овецъ.

Тамъ однѣ поправляли передъ зеркаломъ свои прически, другія говорили о нарядахъ, третьи же сидѣли съ неподвижною улыбкою на губахъ и смотрѣли другъ на друга, выжидая, чтó онѣ скажутъ одна другой.

— Mesdames! васъ просятъ въ гостиную, сказала Саша, появляясь въ дверяхъ; пожалуйте закусить!

При этой желанной вѣсти, публика гурьбой стала выходить изъ комнаты.

— Зина, позвала Саша, поди-ка сюда!

Въ опустѣвшей комнатѣ остались онѣ вдвоемъ. Заботливо начала Саша разсказывать сестрѣ разговоръ свой съ женихомъ и матерью.

— Тебѣ надобно просить прощенья у мамы! закончила она убѣждающимъ тономъ.

Зина долго молчала въ раздумьи, перебирая концы своего фартука.

— Я сама на нее сердита, вдругъ проговорила она, поднявъ глаза на сестру.

— Зина, Зина! съ испугомъ проговорила Саша; можно ли такъ говорить? Вѣдь она все съ тобой можетъ сдѣлать!

— Чтó же все?

— Гулять, кататься не пуститъ! платья новаго не сошьетъ! Зина, Зина! ради Бога, если ты меня любишь, не дѣлай этого!... просила Саша, завладѣвъ обѣими руками Зины.

— Въ чемъ же я буду просить прощенья?... угрюмо спросила та; я виновата въ томъ, что сплю безъ кофты и безъ чепца? Такъ, чтó ли? Нѣтъ, Саша, я не вижу въ чемъ виновата, я дурно буду просить прощенья, и она на меня пуще разсердится!

— Нѣтъ, ты хорошенько попросишь, Зина! Ну, что тебѣ это стоитъ? Ты подумай только, — попросила прощенья и свободна на всѣ четыре стороны!...

— Я не хочу быть свободна на всѣ четыре стороны! Что мнѣ въ катаньи и въ гуляньи, когда она отняла у Гриши и прочла мои записки, и когда она высказала мнѣ все, въ чемъ она меня подозрѣваетъ и чтó обо мнѣ думаетъ! Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Зина, порывисто схватившись за голову: я *не могу* теперь просить у нея прощенья!

— Зина, ты знаешь, какъ мама все преувеличиваетъ! она давно ужъ и забыла обо всемъ, и я слышала, какъ они съ Андреемъ Петровичемъ объ этомъ говорили, и онъ смѣясь называлъ тебя ребенкомъ.

— Съ Андреемъ Петровичемъ? объ этомъ? вскричала Зина,

чувствуя, что яркій румянецъ залилъ все ея лицо, и закрывъ его обѣими руками.

Какое-то сладкое чувство пробѣжало по ея сердцу, и вся ссора съ матерью и горечь противъ нея вдругъ отодвинулась на второй планъ.

— Онъ читалъ, читалъ, Саша? все спрашивала она не открывая лица.

— Да! ты видишь сама, что ты неосторожна! Конечно, ты еще маленькая и у тебя это одно дѣтство, говорила Саша, повторяя слова другихъ.

— Ну, хорошо, я попрошу прощенья, вдругъ рѣшила Зина, и уѣду кататься на цѣлый день.

ГЛАВА V.

Столъ накрыли въ большой залѣ, которую топили съ утра, но несмотря на это, въ ней было все-таки очень свѣжо, что приводило въ отчаяніе Наумову и другихъ зябкихъ гостей. Всѣ, наконецъ, усѣлись и послѣ первыхъ блюдъ и согрѣвающаго дѣйствія разныхъ наливокъ и водянокъ, пошелъ неумолкаемый говоръ. Предстоящее катанье всѣхъ очень занимало; всѣ, тотчасъ послѣ обѣда, стремились насладиться выдуманной потѣхой и полу-пьяный идіотъ не былъ оставленъ въ покоѣ.

— Такъ ты насъ зовешь къ себѣ, Вася! спрашивали у него сосѣди, помирая со смѣху и подливая ему безпрестанно вина.

Зина, между тѣмъ, счастливая и блестящая, сидѣла на дальнемъ концѣ стола, въ центрѣ молодежи, которая также вела свои разговоры подъ общій шумъ и говоръ. Зина вся была такъ увлекательно мила, добра и весела, что даже сама Снѣжина, глядя на нее, сознавалась, что въ наружности ея дочери есть что-то непреодолимое.

Надобно замѣтить, что одно маленькое обстоятельство чрезвычайно способствовало приведенію Зины въ такое счастливое расположеніе духа. Выйдя передъ обѣдомъ въ залу, она столкнулась съ Невѣровымъ въ корридорѣ и шепнула ему въ видѣ вопроса:

— Просить мнѣ прощенья?

— Просить, потому что я хочу сегодня самъ съ тобой покататься! отвѣтилъ Невѣровъ, взглянувъ на нее и мѣняясь въ лицѣ.

Взглядъ его былъ быстрый, но Зина опустила глаза, будто онъ обжегъ ихъ. Ея сердце забилось такъ сильно, что она ощу-

тила минутную, полную наслажденія и истомы, боль. Это *ты*, первый разъ слышанное ею отъ серьезнаго Невѣрова, обѣщаніе кататься съ нею, попреки матери, чтеніе имъ ея замѣтокъ,— все это проводило между ними таинственную связь, скрытую отъ постороннихъ. Тотчасъ послѣ того, Зина, сама не сознавая свершавшагося въ ней переворота, бросилась въ комнату матери и осыпала ея руки поцалуями, искренно прося прощенья, и не объясняя себѣ, отчего ей такъ легко, просто и весело было это дѣлать. Потомъ, она, сіяющая, вышла въ залу, начала весело шутить со всѣми, кокетничать съ докторомъ, съ другими мужчинами, а на Невѣрова поглядывать съ дѣтски-лукавой усмѣшкой, будто не обращая на него никакого вниманія. Онъ съ восхищеніемъ созерцалъ распускающуюся передъ нимъ красоту, еще наканунѣ безцвѣтную и неопредѣленную... За обѣдомъ, она всѣхъ оживляла и заражала своимъ весельемъ.

Между тѣмъ за столомъ зашелъ разговоръ о недавно случившейся въ городѣ исторіи: побѣгѣ одной молодой дѣвушки, ушедшей изъ родительскаго дома съ какимъ-то чиновникомъ и проживавшей теперь въ Москвѣ. Исторія разсказывалась, какъ водится, съ разными прикрасами, но всѣ были убѣждены въ чудовищности поступка—побѣга изъ родительскаго дома. Разсуждали о безнравственности нынѣшняго поколѣнія, изыскивали средства помочь злу, придумывая разныя жестокія наказанія виновнымъ, и единодушно утверждали, что Мухина погибшее созданіе, что одинъ развратъ могъ побудить ее на подобный поступокъ.

Многія дамы знали подробнѣе исторію Мухиной, и могли бы возразить противъ взводимаго на прежнюю знакомую обвиненія,— но приличія предписывали имъ не возвышать въ этихъ случаяхъ голоса, чтó могло бы повести къ дурному мнѣнію о нихъ самихъ.

Одна Зина была еще слишкомъ молода, чтобъ молчать, когда по ея мнѣнію нужно было говорить и защищать. Она хорошо знала эту Ольгу. Дочь бѣдныхъ чиновниковъ, она вела въ родительскомъ домѣ самую тяжелую, невеселую жизнь. Отецъ былъ существо совершенно безличное, мать попрекала дармоѣдствомъ и, всѣми правдами и неправдами, хотѣла столкнуть дочь замужъ за богатаго вдовца Брагина. Съ цѣлью вынудить ея согласіе, Ольгу запирали на цѣлые дни въ чуланъ, на хлѣбъ и на воду. У Зины, отъ волненія, при воспоминаніи объ этомъ, даже духъ захватывало, и съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, дрожащимъ голосомъ, она внезапно заговорила:

— Ее насильно замужъ хотѣли отдать; запирали, вязали ей руки.... Ну, она и убѣжала, и вышла замужъ за кого хотѣла... Чего-жъ тутъ дурного?

Потокъ ея рѣчи былъ рѣзко прерванъ жестомъ Глафиры Ивановны, которая сильно дернула ея за платье.

— Не твое дѣло, Зинаида, сказала ей старая дѣва внушительно: — видишь, какого о ней мнѣнія мужчины.

Невѣровъ поспѣшилъ къ Зинѣ на выручку. Онъ все время не сводилъ съ нея глазъ: его била лихорадка. Ея голосъ, ея короткая защитительная рѣчь, пробудили въ немъ давно заснувшіе инстинкты, чувства и грезы....

— Господа! заговорилъ онъ, и рука его дрожала, поднимая бокалъ. Господа! повторилъ онъ съ силой, я признаю поступокъ Мухиной хорошимъ, и пью за ея здоровье! Честнѣе бѣжать изъ родительскаго дома, чѣмъ, предъ лицомъ Бога, клясться въ любви и вѣрности тому, кого ненавидишь!

Взрывъ общаго негодованія заглушилъ его слова.

— Помилуйте! вопіяли блюстители мѣстныхъ нравовъ. — Какая же это хорошая дѣвушка побѣжитъ изъ дома? Это, извините, однѣ гулящія солдатки только бѣгаютъ! Отецъ, украшенный сѣдинами старикъ, и вдругъ, такъ опозорить его домъ!

Снѣжина бросила неодобрительный взглядъ на Невѣрова и поспѣшила встать изъ-за стола.

За нею поднялись всѣ гости, шумными толпами расходясь по комнатамъ.

Невѣровъ встрѣтился въ корридорѣ съ Зиной; она стояла у стѣны и плакала; глаза Невѣрова горѣли страннымъ и мягкимъ огнемъ при взглядѣ на нее.

— Возьми съ собой Наташу Ахматову и.... садись въ мои сани.... мы поговоримъ! — шепнулъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья и такимъ страннымъ тономъ, будто дѣло шло о какомъ-то особенномъ для него счастіи.

Зина убѣжала, не подозрѣвая, что свершалось съ нимъ. А онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и задумчиво пошелъ по корридору обратно въ залу. Онъ былъ человѣкъ впечатлительный и нервный; страстное желаніе остаться съ Зиной наединѣ, узнать ея характеръ, чувства, хотя безъ всякаго еще опредѣленнаго плана и цѣли въ отношеніи къ ней, овладѣло имъ такъ сильно, что передъ этимъ желаніемъ поблѣднѣли всѣ остальные его интересы.

— Ну, Зинаида Павловна, отличилась! встрѣтили между тѣмъ голоса вошедшую Зину.

— Что такое? спросила она, понимая однако о чемъ идетъ рѣчь.

— Помилуй! развѣ можно теперь говорить объ Оленькѣ, надо молчать, особенно дѣвицѣ....

— Но вѣдь вы знаете, что ей больше нечего было дѣлать, горячо заступалась Зина,—или бѣжать, или утопиться!

— Господи! прости ей ея согрѣшенья! заговорила Глафира Ивановна; — стало быть вы, Зинаида Павловна, оправдываете непокорство и неповиновенiе родительской власти.... Если отецъ не позволялъ вѣнчаться, значитъ лучше зналъ, что̀ надобно для дочери и имѣлъ право такъ поступать....

— Ну такъ и она имѣла право поступать.... вспыхнула Зина. —Вѣдь всякiй хочетъ жить, Глафира Ивановна.... не все идти по чужой мѣркѣ.... по обыденной колеѣ....

— Ну, Зинаида Павловна! заговорила уже дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ Глафира Ивановна; еслибъ тебѣ растолковать, что значитъ жить не по мѣркѣ, да бѣжать съ первымъ встрѣчнымъ,—такъ ты поняла бы, какъ стыдно то, что́ ты говоришь....

— Не стыднѣе, чѣмъ обманывать Бога и лгать передъ алтаремъ! старалась припомнить Зина слова Невѣрова.

— Тс! Тс!... остановила ея Глафира съ истиннымъ страхомъ. Не услыхалъ бы тебя кто! Погоди, я матери скажу все, что ты позволяешь себѣ говорить!

— Она юродивая какая-то! перебила m-me Наумова со смѣхомъ: онѣ обѣ съ Оленькой, должно быть, одного полета птицы....

— Ужъ не браните ее, Наталья Сергѣевна, лицемѣрно заступилась Глафира, — она по глупости говоритъ: всякая умная дѣвушка знаетъ, что нѣтъ лучше житья, какъ подъ крылышкомъ родителей: и тепло, и прiятно, и все тебѣ готово, будь только сама хороша, да положись на нихъ во всемъ.... Они опытны, они жили, они все знаютъ....

— *Они*.... все *они*! опять вступилась Зина; они одни живутъ! Когда же будетъ наша очередь? Когда же *мы* будемъ жить?

— Вы?... вскричала старая дѣва окинувъ Зину неописаннымъ взглядомъ, въ которомъ чередовалось и изумленiе, и негодованiе и какой-то панический страхъ, чтобъ эта смѣлая юность не завоевала себѣ въ самомъ дѣлѣ правъ на счастье и свободу.... Съ невыразимой горечью припомнила она всю свою долгую жизнь! Сорокъ пять лѣтъ безукоризненной репутацiи, сдержанныхъ порывовъ, неусыпныхъ трудовъ и старанiй втиснуть себя въ невѣроятную рамку, узкости которой подивился бы всякiй свѣжiй человѣкъ; сорокъ пять лѣтъ непрестаннаго подвига,—дали ей на-

конецъ право кичиться этимъ подвигомъ и требовать отъ другихъ исполненія того же.... И Боже! какъ немилосердно терзали онѣ, эти старыя дѣвы, и клеймили всѣхъ тѣхъ, кто былъ пошире и повыше этой рамки и не хотѣлъ ломать себя, чтобы въ нее помѣститься!

Все это всплыло въ желчной душѣ Глафиры Ивановны и наполнило ее злобой старческаго безсилія, зависти и гнѣва....

— Вы? повторила она, съ красными пятнами на отекшихъ щекахъ; вы смѣете жаловаться, что вамъ не даютъ жить?... А какъ же мы-то въ ваши года жили, да пикнуть, бывало, не смѣли? Спроси, какъ маменька меня замужъ не выдала, что сама была больная и некому было ходить за нею?... Спроси, какъ я, до тридцати лѣтъ, безъ позволенія маменьки не смѣла къ окну подойти, не смѣла съ знакомыми раскланяться, не смѣла письма получить, лишняго слова сказать, платье сшить какимъ фасономъ хочу!... Не говоря уже о грубости какой, виду косого показать не смѣла!... задыхаясь отъ волненія, досказывала она, и перевела духъ.

— За то Глафира Ивановна всегда была примѣрная дѣвушка, замѣтила Наумова; репутація ея чиста, какъ репутація новорожденнаго младенца,—и всѣ отъ малаго до большого ее любятъ и уважаютъ....

— Благодарю моего Создателя! подтвердила Глафира, съ театральнымъ вздохомъ; сохранила душу и тѣло свое въ чистотѣ, и другимъ того же желаю!... Прожила жизнь благополучно, какъ дай Богъ всякому прожить! Добрые знакомые меня любятъ,— чего же мнѣ еще?

— Мы всѣ Глафиру Ивановну любимъ, всѣ, всѣ!... перебили дѣвицы и дамы, окружая старую дѣву съ изъявленіями нѣжности.

Зина не видала ни этихъ объятій, ни поцалуевъ.... Она сильно задумалась: этотъ образчикъ давленія общественнаго мнѣнія производилъ и на нее свое обычное вліяніе: жизнь, лишенная уваженія и сочувствія ближнихъ, казалась ей страшной жизнью; невольно дала она себѣ слово быть осторожнѣе, быть осмотрительнѣе....

Черезъ полчаса въ залѣ уже все шумѣло и волновалось, собираясь кататься. Начали смотрѣть въ окна, скоро ли запрягутъ лошадей; мужчины повязывали шарфы и сговаривались кому съ кѣмъ сѣсть. Невѣста еще не выходила; говорили о ея новой, только-что выписанной изъ Москвы шубкѣ, которую она хотѣла обновить на этомъ катаньи.

Между тѣмъ, помѣщикъ-идіотъ, домъ котораго избрали

цѣлью катанья, пропалъ неизвѣстно куда и его разыскивали по всѣмъ комнатамъ.... Оказалось, что онъ, пьяный, валялся гдѣ-то въ дѣвичьей....

— Какъ же это? замѣтила Снѣжина; неловко пріѣхать безъ хозяина незванымъ, и такою толпою!...

— Я во всякомъ случаѣ заѣду къ старухѣ, отозвалась Наумова; я должна ей визитъ.

— И мы, и мы! подхватили всѣ. Ужъ если ѣхать, такъ всѣмъ! Какъ весело будетъ!...

— Если сама Наталья Сергѣвна ѣдетъ, согласилась Снѣжина, преклоняясь передъ авторитетомъ Наумовой, извѣстной законодательницы и блюстительницы мѣстныхъ нравовъ, — то я позволяю и моей молодежи ѣхать съ ней!

Молодежь запрыгала отъ восторга, радуясь, что совершится катанье цѣлой толпой, въ нѣсколько троекъ, при лунномъ свѣтѣ, чего пожалуй, въ другой разъ, и не увидишь болѣе въ жизни. Суматоха, толки, крики, одѣванье и бѣготня заразили весь домъ. Невѣровъ, стоя въ залѣ и укутывая шею шарфомъ, собирался идти окончательно распорядиться катаньемъ. Жениху одной сестры, ѣхать кататься съ другой, было дѣломъ довольно замысловатымъ. Но онъ разсчитывалъ пустить въ ходъ разныя хитрости и соображенія по части женскихъ характеровъ вообще, и характера Саши въ особенности.

— Ну, Андрей Петровичъ! встрѣтила его Снѣжина, по возвращеніи его изъ конюшни; вы, голубчикъ, совсѣмъ мою молодежь съ толку сбили!... Всѣ хотятъ кататься на вашей тройкѣ; не знаю ужъ, не припречь ли впередъ еще пару; вѣдь много ихъ очень!...

— Я, если хотите, распорядился, отвѣтилъ Невѣровъ мягко; тройку свою велѣлъ запречь въ нарядныя мои большія сани, а для себя велѣлъ приготовить простыя и запречь буланаго....

— Да съ кѣмъ же вы-то поѣдете? съ ревнивой поспѣшностью спросила Снѣжина.

— Съ кѣмъ?... Разумѣется съ Сашей!... отвѣтилъ Невѣровъ, принимая видъ негодованія при неумѣстномъ вопросѣ.

— Съ Сашей, на буланомъ и въ простыхъ саняхъ! въ раздумьи замѣтила мать.

— Ну да! на буланомъ, въ простыхъ саняхъ и съ Сашей! повторилъ онъ насмѣшливымъ тономъ. Чего же тутъ такого? скажите пожалуйста?

— О, ничего!

Въ эту самую минуту, двери торжественно распахнулись и вошла Саша. На ней была черная бархатная шубка, обложен-

ная соболемъ, шапочка изъ чернаго соболя была надвинута на ея головку и прекрасно шла къ ея бѣлому лицу и яркому румянцу щекъ. Мать глядѣла на нее съ нескрываемымъ торжествомъ.

Женщины даже немного смутились отъ эффектнаго костюма и притворились-было занятыми своими собственными сборами. Но шубка вскорѣ притянула къ себѣ многихъ.

— Вотъ фантазія! первая вызвалась madame Наумова, ненатурально смѣясь, сдѣлать такую широкую опушку!

— Отчего же нѣтъ кармановъ? спрашивала Агнеса.

— Отпори ты, ради Бога, эти ленты! говорила другая; кто же такъ носитъ?

— Это изъ магазина отъ m-me Annette! обиженно и гордо отвѣтила Саша.

— Вотъ прекрасно! Я видѣла у княженъ прямо изъ-заграницы: черныя узкія завязки и больше ничего!

— Что это, какъ будто лассы? дѣлала сзади свои замѣчанія третья.

— Гдѣ? съ испугомъ спросила Саша.

— Ничего; успокойся! улыбаясь шепнула ей Зина и поправила полы ея шубки.

Пятна досады и скрытой зависти еще не успѣли сойти съ лицъ прекраснаго пола, когда колокольчики звякнули у подъѣзда и слуга доложилъ, что лошади готовы.

— Когда Саша выйдетъ замужъ, меня будутъ наряжать точно также, успокоительно замѣтила Надя, сходя съ крыльца.

Тройка чудесныхъ гнѣдыхъ лошадей, вся убранная бѣлыми и розовыми бантами, какъ вкопанная стояла у подъѣзда. Молодцоватый кучеръ и великолѣпные, бархатные сани съ мягкими подушками заставили всѣхъ вскрикнуть отъ удовольствія. Молодыя дѣвушки наперерывъ спѣшили попасть въ нарядныя сани и толпились у подножекъ, какъ у дверей рая. Гриша Снѣжинъ напрасно кричалъ изъ своихъ саней дамамъ, которыя обѣщали съ нимъ ѣхать, никто его не слушалъ: крикъ, шумъ, перебранка возрастали все громче и громче.

— Саша! громко позвалъ Невѣровъ свою невѣсту, подъѣзжая къ крыльцу на маленькой буланой лошадкѣ и въ простыхъ деревянныхъ саняхъ; я васъ жду, идите скорѣе, ѣдемъ!

Саша обмерла. Какъ! въ ея новой нарядной шубкѣ поѣхать кататься въ простыхъ саняхъ, тогда какъ всѣ поѣдутъ въ бархатныхъ и на лошадяхъ съ розовыми бантами? Кто же угадаетъ, что она невѣста? Кто повѣритъ, что она невѣста?

Слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ.

Глафира Ивановна и тутъ поспѣшила ей на выручку.

— Нельзя ли, дружочекъ, сдѣлать, чтобъ ты съ нами поѣхала, вкрадчиво заговорила она, кидая взгляды на мрачно ожидающаго Невѣрова; мы всѣ тебя просимъ послѣдній разъ съ нами покататься! Сашечка, поди сядь съ нами! Вотъ тебѣ какое мѣсто освободилъ Сергѣй Николаевичъ, говорила она, указывая на какого-то услужливаго кавалера, уже спрыгивающаго, чтобъ подсадить Сашу въ сани.

— Я сама хочу съ вами... послѣдній разъ! лепетала Саша, дрожа отъ волненія и страха, чтобъ женихъ силой не усадилъ ее въ свои гадкія сани, изъ которыхъ торчала солома, плохо прикрытая старымъ ковромъ.

— Саша, не дурачься, поѣдемъ! настаивалъ Невѣровъ.

— Съ вами она весь вѣкъ проживетъ, а намъ ужъ ее не долго видѣть! любезничая говорила Глафира, подмигивая всѣмъ на Невѣрова.

Въ эту минуту кто-то сказалъ насмѣшливо въ толпѣ:

— Ну, ужъ самая жениховская подвода! Гдѣ только такую клячу добыли!..

Саша покрылась пурпуромъ и ринулась въ большія сани.

— Я съ ними поѣду, закричала она жениху; онѣ меня очень просятъ!.. Я желаю послѣдній разъ съ подругами!..

Тогда Невѣровъ вопросительнымъ взглядомъ окинулъ весь дворъ. Съ крыльца, держась за руки, сбѣжали къ нему Наташа и Зина и съ поспѣшностью начали усаживаться въ его сани. Андрей Петровичъ надвинулъ на глаза шапку, чтобъ скрыть смущеніе, сѣлъ возлѣ Зины, застегнулъ теплое одѣяло и, передавъ возжи кучеру, велѣлъ скорѣе ѣхать изъ воротъ.

Но большія сани, долженствующія управлять катаньемъ, гордо тронулись впередъ... Звонъ колокольчиковъ раздался во всѣхъ комнатахъ дома и въ ушахъ почетныхъ дамъ и стариковъ, слѣдившихъ за катаньемъ изъ оконъ. Марьѣ Петровнѣ прямо въ глаза бросилась, сверкающая красотой и нарядомъ, фигура Саши, сидящей на главномъ мѣстѣ. Она улыбнулась, торжествуя и думая, что Саша поставила-таки на своемъ, заставивъ жениха измѣнить свое намѣреніе и усадивъ его съ собою въ парадныя сани. Но напрасно глаза ея искали Невѣрова въ числѣ кавалеровъ, его не было тамъ, и безпокойно слѣдя за отъѣзжающими экипажами, она увидѣла его наконецъ выѣзжавшаго изъ воротъ съ Наташей и Зиной. Марьѣ Петровнѣ дѣло показалось очень подозрительнымъ и неловкимъ. Она тотчасъ придумала написать къ священнику о измѣненіи дня свадьбы, а именно вмѣсто двадцатаго января назначила десятое.

Катающіеся, между тѣмъ, благополучно выбрались изъ села и начали спускаться подъ гору, отдѣляющую усадьбу Снѣжиныхъ отъ сосѣдней деревни. Погода была теплая, тихая, воздухъ мягокъ, вѣтеръ совсѣмъ упалъ; бѣлый ровный снѣгъ сіялъ всюду на необозримомъ пространствѣ, сливаясь съ туманнымъ горизонтомъ и тройки лошадей, съ серебрянымъ звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, казались летящими фантастическими птицами.

— Хорошо ли вамъ Зина? спросилъ Невѣровъ, когда всѣ усѣлись плотнѣе и уютнѣе въ сани.

— Мнѣ очень хорошо, отвѣтила та какимъ-то дрожащимъ голосомъ, полнымъ сдержанной радости и сладкой тревоги; вотъ Наташу надо укутать одѣяломъ!

Она заботливо нагнулась и начала запахивать ей ноги.

Невѣровъ тоже съ чрезвычайной, вовсе несвойственной ему ласкою, долго возился съ ногами Наташи. Напрасно та благодарила и улыбалась; Невѣровъ и Зина спорили въ заботахъ и вниманіи къ ней; ихъ лица были полны счастья и опи, казалось, хотѣли вознаградить бѣдную дѣвочку, что она безсознательно служила имъ щитомъ и отводомъ въ этомъ знаменательномъ катаньи.

У нихъ обоихъ слишкомъ много накопилось на душѣ различныхъ таинственныхъ фактовъ любви и предпочтенія, чтобъ они могли не ощущать нѣкотораго смущенія въ присутствіи другъ друга; но смущеніе это было такъ сладко и такъ чувствовалось обоимъ, что оно скоро исчезнетъ, не оставивъ слѣда и что счастіе уже сквозитъ, съ своими лучезарными радостями, какъ солнце изъ туманныхъ лѣтнихъ облаковъ.

Начинало смеркаться; при бѣломъ свѣтѣ зимняго вечера, яркая фигура Зины, съ сіяющими глазами и улыбкой, выдѣлялась изъ мрака, какъ обольстительный призракъ. Невѣровъ не могъ видѣть ее равнодушно, онъ сдерживалъ дыханіе, чтобъ вдоволь насладиться зрѣлищемъ этой свѣжей граціи, безпечности, чистоты, неопытности, прорывавшейся изъ всего существа Зины.

И вдругъ ему предстояло спуститься въ самые тайники ея дѣвическаго сердца и узнать, что именно таится тамъ къ нему, Невѣрову!..

— Какъ много мнѣ надо вамъ передать, Зина! заговорилъ онъ наконецъ, придавая своему лицу и голосу безпечное и простодушное выраженіе; вы знаете ли, зачѣмъ я устроилъ это катанье?

— Нѣтъ, не знаю; но мнѣ немного удивительно, что вы нисколько не поблагодарили меня, что я такъ послушно и безпрекословно исполнила ваше желаніе и поѣхала съ вами! кокет-

живо замѣтила Зина; мнѣ предлагали кататься и даже какъ краснорѣчиво...

— Кто? живо спросилъ Невѣровъ.

— Коля Гусевъ. Мы съ нимъ дружны съ дѣтства...

— Вы дружны съ Колей Гусевымъ? повторилъ онъ съ легкимъ безпокойствомъ въ голосѣ; вы хотѣли ѣхать съ нимъ? А я? Вы обо мнѣ и не подумали, Зиночка? Вы бы рѣшились пренебречь моей просьбой... просьбой вашего будущаго брата? Ну-ка, что вы отвѣтите на это?

Онъ такъ ласково и дружески прижался къ ней, опустивъ на нее свой взглядъ, полный нѣжнаго упрека, что Зина вспыхнула.

— Я поѣхала съ вами, отвѣтила она въ сладкомъ смущеніи, потому что мнѣ самой нужно было переговорить съ вами о многомъ...

— Я знаю о чемъ, произнесъ Невѣровъ прямо и простодушно; вы хотѣли вѣрно спросить у меня, что̀ говорила со мной мама о васъ и что̀ она думаетъ о написанномъ вами листкѣ?

— Ахъ, это глупости! сказала Зина.

— Нѣтъ, это не глупости, Зина, серьезно перебилъ ее Невѣровъ; знаете ли вы, какъ вы отдѣляетесь отъ толпы всѣхъ этихъ тупыхъ барышень, окружающихъ васъ? Что тутъ за дѣло, что это мои слова? Вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, прибавилъ онъ скромно: я самъ вычиталъ ихъ въ хорошихъ книгахъ; вопросъ въ томъ, что они привились къ вамъ, что вы ихъ поняли... Развѣ въ состояніи были сдѣлать это ваши подруги?

Сердце Зины упивалось этой лестью.

— А всѣ меня считаютъ кокеткой, пустой вѣтренной дѣвчонкой, съ наивною гордостью проговорила она; вѣдь это неправда, Андрей Петровичъ; неужели я, въ самомъ дѣлѣ, похожа на кокетку? спрашивала она.

— Тотъ, кто любилъ бы васъ, дѣйствительно нашелъ бы васъ, къ несчастію для себя, слишкомъ большой кокеткой! подумавъ отвѣтилъ онъ.

— Развѣ это признакъ любви,—дурно думать о женщинѣ и надѣлять ее такими непохвальными эпитетами?

— Нѣтъ, это признакъ того, что мужчина слишкомъ дорожитъ женщиной и ревниво слѣдитъ за каждымъ проявленіемъ ея чувства къ другому... Напримѣръ, началъ онъ улыбаясь... но позвольте, этотъ разговоръ будетъ длинный, предлинный, а вы, я вижу, озябли и вамъ неловко сидѣть,—вы должны отвернуться совсѣмъ отъ вѣтра, и позволить мнѣ согрѣть ваши холодныя ручки.

— Увѣряю васъ, что мнѣ очень хорошо, говорила Зина, нехотя оставляя свою руку въ его рукѣ, замкнувшей ее въ горячемъ и крѣпкомъ пожатіи...

— Предположимъ, напримѣръ, что кто-нибудь полюбилъ бы васъ, какое чувство долженъ бы онъ былъ испытывать хотя бы при поведеніи вашемъ сегодняшняго утра, когда вы такъ кокетничали съ Колей, съ Ахматовымъ и вообще со всѣми...

— Когда же это? спросила Зина, тревожась при его совсѣмъ странномъ и непривычномъ тонѣ.

— Вотъ видите; вы даже не замѣчаете за собой!

— Почему же вы называете это кокетствомъ? Надобно же о чемъ-нибудь говорить... И притомъ, прибавила она съ легкимъ оттѣнкомъ горечи, кто же меня любитъ? Кто можетъ принимать къ сердцу мои поступки? Кому я могу быть такъ дорога и мила?

— Кому? спросилъ Невѣровъ какъ-то нетвердо, и замолкъ на минуту. Зина чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ. Она привыкла видѣть его смѣлымъ, холодно-спокойнымъ, теперь въ немъ было что-то другое, и это другое съ силой стучалось къ ея сердцу и наполняло его неудержимымъ волненіемъ... Какъ это случилось, она не помнила, что онъ вдругъ оставилъ ея руки и, будто движимый неудержимой силой, притянулъ ее къ свои объятія...

Безъ словъ поняла Зина, что̀ онъ хотѣлъ ей сказать... Блѣдная, безмолвная она сидѣла почти безъ сознанія...

— Простите, я испугалъ васъ!... прошепталъ онъ, сдерживая порывистое объятіе.

— Зиночка! вдругъ вырвалась у него: скрывать долѣе я не могу и не умѣю, я люблю тебя съ каждою секундою все сильнѣе и сильнѣе...

Голосъ его былъ прерывистъ, лицо̀ покрыто густымъ румянцемъ... Зина дрожала; темнота сумерекъ охватила ихъ; глаза его не отрывались отъ милаго личика, дышавшаго всей прелестью пятнадцати лѣтъ, какъ вдругъ съ этого лица, мало по малу, сбѣжала и тѣнь улыбки, брови надвинулись, и съ языка ея совершенно неожиданно сорвались угрюмыя слова:

— Вѣдь вы любите Сашу! Вѣдь вы женитесь на Сашѣ!

Еще не успѣлъ Невѣровъ придумать отвѣта, какъ она уже отстраняла горькимъ и упорнымъ жестомъ его льнувшія къ ней руки.

Ночь совсѣмъ покрывала ихъ; Наташа дремала, прижавшись въ темный уголокъ, они ѣхали позади всѣхъ, кучеръ ихъ весь былъ поглощенъ тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ саняхъ, откуда

долетали восклицанія, хохотъ, крики кучеровъ на лошадей; ихъ собственныя лошади рвались за передовыми, морозъ все болѣе и болѣе крѣпчалъ, выплывала бѣлая луна; но наши герои не замѣчали и не чувствовали ничего этого: они оба дрожали отъ смятенія и волненія.

Но вдругъ Зина закрыла лицо руками и неожиданныя слезы, непритворныя и искреннія, какъ она сама, быстро закапали сквозь пальцы съ ея глазъ.

— Право, я не знаю, что дѣлается со мной! Я начинаю ненавидѣть всѣхъ и всѣмъ завидовать... Я не люблю болѣе Сашу, я не знаю, что я чувствую къ ней!.. Однимъ словомъ, я вижу, что во мнѣ происходитъ что-то дурное, неладное и вы, конечно, должны меня разлюбить за это совсѣмъ, Андрей Петровичъ, и тогда, о тогда что́ же будетъ со мной? говорила она торопливо отирая горькія слезы.

— Никогда, никогда! вскричалъ Невѣровъ.

На него будто нахлынулъ какой-то приливъ необузданной ласковости, тѣмъ съ бо̀льшею сило̀ю, что онъ не часто поддавался ему въ обыденной жизни и обращеніи.... Неожиданныя ласки этого холоднаго человѣка, его рѣчи полныя откровенныхъ изліяній, были подобны силѣ прорвавшагося потока, уносившаго ихъ все быстрѣе и быстрѣе, и Зина, забывъ осторожность, мораль Глафиры Ивановны, собственныя свои разсужденія, не могла не отозваться сочувственно его ласкамъ и признаніямъ... Глаза ея стали сухи отъ его поцалуевъ...

Но вдругъ заблестѣли огни, задрожали бубны, колокола; проснулась Наташа Ахматова и къ подножію ихъ саней уже подходилъ Гриша Снѣжинъ.

— Пріѣхали, выходите! вы кажется совсѣмъ заснули, Наталья Ивановна, говорилъ онъ протягивая ей руки.

Зина сидѣла въ саняхъ неподвижно. Лицо ея сіяло счастьемъ, полнотой удовлетвореннаго чувства. Ни тѣни стыда и раскаянья за данное и взятое счастье, ни одного упрека совѣсти: свѣтъ чистоты и поэзіи еще лежалъ на всемъ существѣ ея.

Невѣровъ между тѣмъ бодро выскочилъ изъ саней и высматривалъ свою невѣсту между прочими дамами. Онъ былъ гораздо безпокойнѣе и тревожнѣе Зины, потому что не имѣлъ въ запасѣ ея безпечной неопытности.

— Да! Но вѣдь я почти уже женатъ! подумалось ему съ страннымъ чувствомъ изумленія, и онъ нѣкоторое время остался въ какомъ-то хаосѣ мыслей и чувствъ.

Онъ зналъ, что былъ почти женатъ, что избѣгнуть супружества уже невозможно; но лишиться Зины было для него

также немыслимо и невозможно. Онъ всѣ силы ума и разсудка теперь устремилъ на то, чтобъ эту хмѣльную, внезапно охватившую его страсть помирить съ обстоятельствами. Всѣ средства для этого ему казались хороши, позволены, возможны, лишь бы не утратить заманчиваго проблеска счастья, который сулила ему любовь Зины. Потребность сильныхъ и освѣжающихъ впечатлѣній, потребность счастья, любви, раздражали и опьяняли его какъ вино.

У подъѣзда послышался шумный гулъ голосовъ. Навстрѣчу пріѣхавшихъ выбѣжала испуганная служанка со свѣчею въ рукѣ. Видъ четырехъ троекъ и, какъ ей показалось, несмѣтной толпы гостей, перепугалъ ее и она, выронивъ свѣчу, убѣжала назадъ въ домъ.

— Что же это такое? Куда мы попали? послышалось въ толпѣ.

— Охота была тащиться!

— Да войдемте, вѣдь не выгонятъ же насъ!

— Ахъ, я такъ рада видѣть Вѣру Ивановну, причитала находчивая Глафира еще съ крыльца, въ надеждѣ, что хозяйка какъ-нибудь ее услышитъ. Въ дверяхъ она дѣйствительно столкнулась съ самой Вѣрой Ивановной, маленькой неповоротливой старушкой, страдавшей ногами и болтавшей безъ умолку.

Всѣ поспѣшили къ ней навстрѣчу и начали толковать, какъ имъ давно хотѣлось навѣстить ее, какъ они ее любятъ, и что ея Василій Петровичъ такой дорогой у нихъ гость, что Марья Петровна не хотѣла пустить его, что ей одной дома скучно и пр. и пр.

— Благодарю васъ, милые, дорогіе гости — прошу покорно садиться! заговорила старушка вздыхая и садясь на диванъ; — а у меня какое горе сегодня случилось: сестра Катерина Ивановна заболѣла! Я ужъ хотѣла-было за докторомъ посылать, а вотъ онъ и самъ здѣсь, мой голубчикъ, обратилась она къ Ахматову, молодому уѣздному доктору, предмету обожанья всѣхъ уѣздныхъ барышень.

— Ну, а невѣста наша гдѣ? продолжала болтать старушка, окидывая глазами комнату. Невѣста, невѣста! Что же ко мнѣ не подойдешь? Настоящій розанчикъ! А? вся вспыхнула! Ничего, ничего! Это дѣло божье!

— Она у насъ нынче, Вѣра Ивановна, своему женниху измѣнила! подшучивала Глафира, — не хотѣла съ нимъ въ одномъ экипажѣ ѣхать!

— Умница! Хвалю! А онъ ужъ и голову повѣсилъ, мой го-

голубчикъ! Ну, да пустое! Помиритесь! Поди-ка сюда, поцалуй ее! обратилась она къ Невѣрову.

Невѣровъ обнялъ Сашу и, глубоко вздохнувъ, поцаловалъ ее въ лобъ.

— Голубки, настоящіе голубки! послышался сзади масляный голосъ Глафиры—истомились совсѣмъ въ разлукѣ!

Вдругъ дверь изъ спальни стремительно растворилась и вошла горничная.

— Пожалуйте скорѣй къ Катеринѣ Ивановнѣ! Имъ опять дурно!

—Ахъ, ахъ, какъ я разстроена! твердила Вѣра Ивановна, вставая; голубчикъ, Иванъ Николаевичъ, обратилась она къ доктору,—васъ самъ Богъ послалъ, помогите моей сестрѣ.

— Да что съ ней такое, спросилъ докторъ, вставая и собираясь идти за хозяйкой.

— Пойдемте, батюшка, это я вамъ скажу отчего! Это отъ огорченія! У нее теперь дурнота, корчи, ну, извѣстно, отъ огорченія! Видѣла она, батюшка, сонъ, что будто приходитъ къ ней ея покойникъ-мужъ и говоритъ онъ ей: «ну, Катя, я за тобой; готовься»! говоритъ. Она такъ и обмерла на мѣстѣ! Ей-богу! Такъ ее потрясло всю! Она мнѣ передъ вами только и сонъ свой разсказывала.

Она увлекла Ахматова къ больной, гости взаимно обвиняли другъ друга въ томъ, что такъ не во время и не кстати пріѣхали.

— Mesdames, у кого нервы покрѣпче? обратился воротившійся докторъ къ обществу; помогите растирать больную; одной служанки мало!

— Ахъ, не просите! всей душой бы рада,—не могу! отозвалась Глафира.

— Прошу не вылетать куда не слѣдуетъ! шептала одна мать, дергая свою дочь за платье:—тамъ мужчины будутъ ее раздѣвать и ты туда явишься! Куда какъ интересно!

— Ну а вы, Елена Ѳедоровна, Анна Павловна? обратился докторъ къ дамамъ.

— Мы за больными не привыкли ходить; на это есть люди! гордо отвѣтили дамы, думая дать доктору урокъ общежитія.

— Неужели же никто? спросилъ докторъ.

— Иванъ Николаевичъ, не могу ли я? вызвалась Зина, подходя къ доктору и смотря на него вопросительными и умоляющими глазами.

— Очень можете; пожалуйте!

Дверь отворилась и поглотила Зину и доктора.

Съ тѣхъ поръ эта дверь стала заповѣдной границей для оставшихся лицъ женскаго пола. Неизвѣстно что̀ представлялось имъ въ ихъ воображеніи за этой дверью, только онѣ бѣжали отъ нее какъ отъ чумы. Невѣровъ, подумавъ немного, неслышно отворилъ эту дверь и скрылся тамъ же, гдѣ скрылась Зина!

ГЛАВА VI.

— Я никогда, никогда бы не женился на той, кого люблю! жаркимъ полушопотомъ говорилъ Невѣровъ, сидя въ креслѣ съ сигарою въ рукахъ и пожирая глазами Зину, стоявшую возлѣ него со стклянкой лекарства.

Они разговаривали уже давно и долго; обоихъ снѣдала лихорадка любви, пламенемъ отливавшая въ глазахъ, губахъ, взглядахъ и движеніяхъ. Рукава Зины были засучены, щеки горѣли отъ усталости, глаза горѣли отъ счастья, любви и опьяненія.

— Бракъ, повторялъ Невѣровъ все болѣе и болѣе увлекаясь страстью; что такое бракъ? Это, по моему мнѣнію, просто коммерческая сдѣлка, необходимая въ нашемъ быту и при настоящихъ условіяхъ нашей жизни. Безъ жены нельзя въ домѣ имѣть ни комфорта, ни порядка, ни соединенія общества, ни семейнаго круга, всего того, что̀ мы, мужчины, такъ любимъ и цѣнимъ. Я не люблю Сашу, по крайней мѣрѣ, теперь, продолжалъ онъ понижая голосъ до самаго тихаго шопота, но я охотно женюсь на ней,—женюсь именно потому, что не люблю ее и нахожу совершенно достойной той незавидной роли, какая выпадаетъ, по моему мнѣнію, на долю нашихъ законныхъ женъ и хозяекъ, обреченныхъ вращаться только въ кругу дѣтской и кухни... Но, — женщину, которую любишь? Ее подвергать этой пошлости? Ее, ту, кого я люблю, лелѣю, кому я желаю нравиться, — ее вообразить моей женой, неряшливымъ существомъ, уже распущеннымъ съ перваго мѣсяца свадьбы, — нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно, Зина!

Она молчала, не сводя съ него глазъ и упоенная его рѣчами и взглядами. Онъ, сознательно или безсознательно, затрогивалъ въ ней всѣ чувствительныя струны, всѣ слабости ея собственнаго вкуса и сердца.

— Но счастливъ тотъ, у кого внѣ этой жизни есть другая привязанность, другая любовь! Я вамъ высказалъ теперь мои мечты и надежды... Зина! скажите, мы будемъ счастливы? не правда ли? шепталъ онъ, жадно добиваясь отвѣта и захватывая широкой ладонью ея обѣ руки, скрещенныя на столѣ.

— Будемъ! отвѣтила она, не въ силахъ умѣрить блеска своихъ собственныхъ глазъ.

— О, мой ангелъ! въ восторгѣ произнесъ Невѣровъ. Ты и не знаешь, какъ благородны и святы твои слова!

— Постойте, выговорила Зина, колеблясь и собираясь съ мыслями: вѣдь это все въ дѣйствительности называется преступленіемъ и обманомъ? Не такъ ли?

— Кто вамъ это сказалъ? перебилъ съ пылкостью Невѣровъ. Да послушайте: кого же мы будемъ обманывать? Свѣтъ? Развѣ онъ повѣритъ когда-нибудь, чтобъ его не обманывали? Ее? Но развѣ мало ей того, что она будетъ имѣть по закону и праву? Ей нужно быть замужемъ, быть хозяйкой,—вотъ ея идеалъ!.. И довольно! продолжалъ Невѣровъ свои софизмы, увлекаемый страстью. Для кого же будемъ мы жертвовать своимъ счастіемъ. Для такихъ пошлыхъ личностей, какъ Глафира Ивановна, Наталья Сергѣевна и тому подобныя?...

Зина закрыла лицо руками.

— Боюсь, боюсь! вымолвила она.

Невѣровъ молча смотрѣлъ на нее.

— Отчего же я не боюсь? заговорилъ онъ, снова понижая голосъ до шопота; я ввѣряю вамъ самыя сокровенныя мои мысли, самыя тайныя мои побужденія и вы однимъ словомъ могли бы меня выдать, погубить въ глазахъ всѣхъ, но вѣдь я вамъ вѣрю; а вы? вы не рѣшаетесь довѣриться мнѣ; вы боитесь, вы неоткровенны со мной! Еслибъ вы могли слѣпо на меня положиться, — скажите, какая человѣческая сила могла бы разоблачить нашу тайну, когда бы ее знали только Богъ да мы? Положитесь на меня, Зина, и вы будете имѣть уваженіе презрѣннаго свѣта, если вы его такъ желаете, будете имѣть любовь, цѣль жизни, вы устроите счастіе человѣка...

Глаза Невѣрова блистали; его нельзя было узнать. Страсть его, какъ змѣя, обаяніемъ притягивала душу Зины.

Бѣдняжка дрожала не говоря ни слова.

— Помните, что я васъ люблю, Зина, и прошу только довѣрія?.. Неужели это такъ трудно?

Бесѣда ихъ вдругъ была прервана приходомъ и вмѣшательствомъ Вѣры Ивановны.

— Охъ, заговорила она, тяжело опускаясь на стулъ возлѣ Невѣрова; извините меня, голубчикъ, что я васъ оставила! Такъ меня все это разстроило, что я просто сама не своя! Спасибо Ивану Николаевичу, выручилъ! И тебѣ, Зиночка, прибавила она, хлопая ее по плечу, сестра милосердія, право! Что это? ты капелекъ хочешь ей дать? Хорошо, хорошо, моя душа!

— Больной лучше, ей надо заснуть! сказалъ докторъ, выходя на средину комнаты.

— Ахъ, батюшки-свѣты! проговорила Вѣра Ивановна, ударяя себя рукою по лбу; вѣдь я совсѣмъ забыла объ моихъ дорогихъ гостяхъ; оставила ихъ однихъ. Пойдемте туда скорѣе...

— Мы поѣдемъ такъ же, какъ и прежде? спросилъ Невѣровъ, устремивъ на Зину пристальный взглядъ.

— Теперь, можетъ быть, будетъ мнѣ мѣсто и въ большихъ саняхъ! отвѣтила та.

Невѣровъ всталъ, бросилъ сигару и съ замѣтнымъ раздраженіемъ захлопнувъ дверь, вышелъ въ пустой корридоръ.

Но не ожидалъ онъ, чтобъ дверь быстро отворилась и стройная фигура Зины, граціозная и дѣтски порывистая, повисла на его шеѣ, шепча ласковыя рѣчи о прощеніи и любви.

Очутившись въ залѣ, окруженная подругами, она плохо понимала видѣнное и слышанное; но никто не обращалъ на нее вниманія; было десять часовъ вечера; — всѣ говорили и думали только объ отъѣздѣ. Вошелъ человѣкъ съ запиской и подалъ Сашѣ Снѣжиной отъ матери.

— Мама возокъ прислала намъ, объяснила она; на дворѣ поземка, а у Зины, пишетъ, кашель былъ, велитъ намъ всѣмъ сѣсть въ возокъ и Наташу взять!

Невѣровъ закусилъ губу въ странномъ раздумьи и занялся своей сигарой.

Вслѣдствіе новыхъ инструкцій, всѣхъ дѣвицъ, подъ предводительствомъ одной дамы, заключили въ возокъ, и съ полнымъ соблюденіемъ приличій, всѣ отправились по дорогѣ въ домъ. Поземка въ самомъ дѣлѣ сильно заметала дорогу.

ГЛАВА VII.

На другой день, Зина, потягиваясь, проснулась въ своей мягкой постелѣ и открыла глаза, слегка утомленные долгой безсонницей. Она долго не могла связать своихъ мыслей и понять перемѣну происшедшую въ ней; но, мало по малу, улыбка засвѣтилась на ея губахъ; она припомнила вчерашній вечеръ, слова Невѣрова, его увѣренія въ любви... Она не задумывалась о томъ, что будетъ дальше, хорошо ли дурно ли все это, не тревожилась смутными опасеніями будущаго; довѣріе, которое она ощущала къ Невѣрову, ея убѣжденіе въ его умѣ и нравственномъ превосходствѣ наполняли ея душу блаженствомъ, безпечностью

и покоемъ. Онъ ее избралъ, полюбилъ ее, объяснилъ ей какъ высоко ставилъ онъ эту любовь, и ей оставалось только гордиться внушеннымъ ею чувствомъ и быть ему безконечно благодарной. Она съ дѣтскимъ чувствомъ пренебреженія думала о супружескомъ значеніи Саши въ домѣ Невѣрова, и въ мысляхъ своихъ съ радостью уступала ей долю тѣхъ незавидныхъ удовольствій, какія сулилъ своей супругѣ Андрей Петровичъ. Зинѣ было даже совѣстно за свое счастье и она желала его загладить передъ всѣми, заставить всѣхъ забыть его... Она вскочила съ постели, беззаботная, веселая и добрая, безконечно радуясь своей комнатѣ, своему платью, зеркалу, цвѣтамъ на окнѣ, чулку, который она вчера вязала; вся жизнь ей казалась неисчерпаемымъ источникомъ радости и она переживала ту минуту, когда человѣкъ такъ счастливъ и удовлетворенъ, что не желаетъ болѣе ничего.

День начался хлопотливый и шумный; было воскресенье; пріѣзжіе гости и гостьи собирались къ обѣднѣ; самоваръ кипѣлъ на столѣ въ диванной, когда вбѣжала туда Зина. Тамъ сидѣли мать, Саша и Невѣровъ.

— Слышите, продолжала Снѣжина начатый разговоръ съ женихомъ; невѣста ваша все хочетъ откладывать свадьбу, а вы какъ?

Зина въ это время наклонилась къ рукѣ матери здороваться. Снѣжина не обратила на нее вниманія и продолжала слѣдить за Невѣровымъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! отвѣтилъ онъ коротко.

Онъ старался не смотрѣть на Зину подъ проницательнымъ взглядомъ матери; уже и вчерашнее катанье нѣсколько окомпрометтировало его въ глазахъ матери, и потому онъ всѣ силы употребилъ, чтобъ казаться равнодушнымъ.

— Еще вопросъ, продолжала Снѣжина: гдѣ мы сдѣлаемъ вашу спальню? Здѣсь, въ этой комнатѣ, вѣдь холодно? Неправда ли?

Саша, краснѣя, опускала глаза и вертѣлась на стулѣ.

— Гдѣ вамъ будетъ угодно насъ помѣстить! отвѣтилъ Невѣровъ, цалуя руку матери.

— Такъ и быть, отдамъ вамъ свою спальню... Живите счастливо, какъ я въ ней прожила! объявила Снѣжина со слезами на глазахъ, заключая ихъ въ свои объятія.

Невѣровъ былъ не совсѣмъ доволенъ этой сценой, тѣмъ болѣе, что Саша запуталась волосами за его часы и долго онъ принужденъ былъ ее распутывать.

— Мама, позволь мнѣ къ обѣдни, вымолвила Зина, помиравшая со смѣху надъ этой сценой.

— Ступай, да прошу не дурачиться! Я вѣдь все узнаю отъ Глафиры Ивановны.

Зина побѣжала бѣгомъ по всѣмъ комнатамъ, заглядывала въ окна, прислушиваясь къ церковному колоколу, гудѣвшему по праздничному и торопливо одѣвалась къ обѣдни.

— Неужели никто еще не пойдетъ со мною? Гдѣ всѣ наши кавалеры? Пойду вызову Колю Гусева или доктора!... Ахъ, еще бы кого-нибудь!..

Ей было очень, очень весело, но въ ея сердцѣ вовсе не было преобладающей страсти къ Невѣрову, которая вчера совсѣмъ-было вскружила ей голову, напротивъ, болѣе, чѣмъ когда-либо овладѣла ею страсть къ кокетству. Она была такъ счастлива, что ей хотѣлось всѣхъ развеселить, растормошить, закружить...

— Саша! къ обѣднѣ..., закричала она, съ шумомъ отворяя дверь диванной.

Саша съ Невѣровымъ были уже одни въ комнатѣ; она сидѣла на его колѣняхъ и онъ цаловалъ ее въ бѣлую шейку.

Зина захлопнула дверь въ ту же секунду и щеки ея запылали яркимъ пламенемъ.

Началась и кончилась обѣдня, а она все стояла въ церкви на одномъ мѣстѣ, не шевелясь, погруженная въ грустныя и странныя думы.

«Я люблю жениха моей сестры, разсуждала она сама съ собою. Что же сулитъ мнѣ такая любовь? Какія радости можетъ обѣщать она мнѣ и ему? Правда ли то, что говорилъ онъ мнѣ вчера? Искренна ли его любовь? Не помѣха ли я его счастью?.. Можетъ быть, увлеченіе прошло и онъ не чувствуетъ теперь ничего, кромѣ тягостнаго обязательства, которое онъ давалъ мнѣ. Такъ надо отдать ему свободу; пусть онъ безъ смущенья ласкаетъ Сашу и позабудетъ обо мнѣ». Сердце ея сжалось невыразимой печалью при этой мысли; она была такъ счастлива за минуту передъ тѣмъ, такъ вѣрила въ возможность жизни втроемъ, а теперь должна была отъ всего отказаться.

«А вѣдь я его въ самомъ дѣлѣ очень люблю! твердила она, не замѣчая, что глаза ея полны слезъ; зачѣмъ привлекъ онъ меня къ себѣ? Нѣтъ, нѣтъ! разорвемъ лучше разомъ; видно такова наша судьба!»

— Что это? вы кажется плачете? раздался за ней голосъ Ахматова, съ улыбкой наклонившагося къ ней.

— Совсѣмъ нѣтъ; отвѣтила Зина, отирая глаза и улыбаясь: ну о чемъ же я могу плакать?

— Вотъ объ этомъ-то именно я хотѣлъ васъ спросить!

Въ эту минуту Глафира Ивановна дернула Зину за платье, предостерегая ее. Выходилъ священникъ служить молебенъ, что требовало особеннаго вниманія.

Между тѣмъ въ домѣ происходили слѣдующія вещи:

Невѣровъ, никогда не ходившій къ обѣднѣ, вдругъ совершенно неожиданно собрался въ церковь. Но страннѣе всего было то, что всѣ уже давно воротились, но ни Зина, ни Невѣровъ не являлись, и пронесся слухъ, что они пошли къ священнику. Тайный ужасъ матери и невѣсты былъ неописанный. Онѣ не понимали, что это такое дѣлается и съ минуты на минуту ждали бѣды.

Но бѣды никакой не было. Невѣровъ очень просто предложилъ Зинѣ и Надѣ зайти вмѣстѣ съ нимъ къ священнику, съ которымъ ему надо было переговорить о свадьбѣ. Надя, конечно, отказалась со страхомъ и трепетомъ, а Зина согласилась, рѣшившись объясниться съ нимъ разъ навсегда.

— Почему это вы такъ быстро захлопнули дверь, когда увидѣли, что я цалую Сашу? началъ Невѣровъ, улучивъ благопріятную минуту и почувствовавъ, къ своему удивленію, что сердце его сильно стучало.

— Потому, что я имѣю привычку избѣгать того, что меня мучитъ! отвѣтила Зина просто.

— Мучитъ? повторилъ Невѣровъ. А вѣдь это вовсе не должно было бы васъ мучить, потому что именно въ эту самую минуту я хлопоталъ о нашемъ дѣлѣ. Я смѣю говорить о *нашемъ*, Зина, неправда ли?

— Мы, кажется, оба бредили вчера! отвѣтила та спокойно.

— Бредили? перебилъ Невѣровъ съ блистающими глазами; вчерашній нашъ разговоръ былъ бредъ? Позвольте узнать, какими путями дошли вы до этого заключенія?

— Я не могу выносить такого принужденія... не въ силахъ! сказала Зина съ порывомъ; кончимте лучше разомъ!

— А мнѣ, вы думаете, не тяжело, не больно, Зина? Но я терплю въ виду лучшаго будущаго; я дѣйствую, я устраиваю нашу жизнь...

— Какую? тихо спросила Зина.

— Знаете ли вы, отвѣтилъ Невѣровъ такъ тихо, что она едва могла разслышать, о чемъ я говорилъ съ Сашей въ ту минуту, какъ вы вошли: я спрашивалъ, кого изъ сестеръ она же-

лаетъ взять жить съ собой, и она отвѣтила: Зину! За это я ее и поцаловалъ. Мы стали бы жить вмѣстѣ... поѣхали бы въ Москву, Петербургъ! Разумѣется это все было бы для тебя, мой ангелъ!

— Меня никогда не отпустятъ съ вами! грустно отвѣтила Зина? Что говорить о несбыточномъ?

— Будемъ ждать!... Неужели ты такъ мало дорожишь моимъ чувствомъ, моей любовью?

— Но неужели такая любовь хороша? вымолвила она, слегка надувшись. Я, по крайней мѣрѣ, не чувствую особенной пріятности быть постоянно оставленной, скучающей и одинокой, и не смѣть сказать съ вами ни одного слова!.. Хорошо вамъ, когда у васъ есть невѣста и когда вы можете дѣлать все, что хотите, но каково же мнѣ выдерживать вѣчный надзоръ мами и ея постоянную брань за каждый мой шагъ!..

Невѣровъ вполнѣ сознавалъ всю справедливость ея словъ.

— Ну, послушайте, вдругъ сказалъ онъ, послѣ долгаго раздумья: рѣшимъ сейчасъ этотъ вопросъ: вотъ домъ священника, я иду просить его написать мнѣ нужную бумагу для моей свадьбы, — позвольте мнѣ вписать ваше имя вмѣсто Сашинаго и — обвѣнчаемся! Намъ нужно жить вмѣстѣ, и будемъ жить вмѣстѣ, вдвоемъ, безъ всякой помѣхи.

Зина посмотрѣла ему въ глаза, и вдругъ ей стало такъ смѣшно, такъ несбыточно показалось его предложеніе, что она какъ ни крѣпилась, но вдругъ расхохоталась.—Прекрасно, Андрей Петровичъ! Такъ вы мнѣ предлагаете свадьбу; хотите меня унизить, опошлить? Не ожидала я этого отъ васъ!

— Ребенокъ! проговорилъ Невѣровъ, такъ обѣщай же мнѣ когда-нибудь, что полюбишь меня?

— Ничего не обѣщаю, потому что все это пустяки! наставительно замѣтила Зина; къ чему обѣщать то, что неисполнимо?

— Она не любитъ меня! подумалъ Невѣровъ, вступая на крыльцо священникова дома; но что это за милый ребенокъ!

Невѣровъ былъ правъ; пора настоящей любви еще не пришла для Зины и вчерашнія сцены не оставили никакого серьезнаго слѣда на ея молодомъ сердцѣ. Ея едва созрѣвшая юность противилась пути лицемѣрія, обмана и скрытности, которые предлагалъ ей Невѣровъ.

Они вошли къ священнику и едва Невѣровъ успѣлъ начать съ нимъ разговоръ о дѣлахъ, какъ Зина, стоявшая и смотрѣвшая въ окно, вдругъ вскрикнула. По горѣ, запыхавшись, спѣшила Глафира Ивановна въ сопровожденіи лакея.

— Это за мной! проговорила Зина и невольнымъ движеніемъ ухватилась за руку Невѣрова, какъ бы прося его поддержки и защиты.

Дверь шумно хлопнула, и вошла Глафира Ивановна. Злоба на лицѣ ея превышала, въ эту минуту, маску постояннаго ея лицемѣрія и добродушія.

— Благословите, батюшка! заговорила она, подходя къ священнику. Какъ ваше здоровье? А! и ты, бѣглянка, здѣсь? Мама твоя весь домъ переполошила; тебя ищутъ!

— Да вѣдь Надя знала, что я пошла съ Андреемъ Петровичемъ, возразила Зина.

— Надя тебѣ не мать, ты у матери должна была позволенья спросить!...

— Въ самомъ дѣлѣ? насмѣшливо замѣтилъ Невѣровъ; сколько же надо инстанцій перейти, чтобъ взрослой дѣвушкѣ просто выйти погулять!

— Конечно, нынѣшняя молодежь не цѣнитъ привязанности; умнѣе насъ стали! говорила Глафира съ сдержанной злобой; Зинаида, собирайся!

— Да я и сама пойду! отвѣтила раздосадованная Зина. Пойдемте, Андрей Петровичъ!

И они оба торопливо начали собираться въ путь, оставивъ Глафиру Ивановну напяливать на себя салопъ и капоръ.

Но на половинѣ дороги вся храбрость Зины исчезла и она умоляла Невѣрова войти вмѣстѣ и защитить ее отъ предстоящихъ выговоровъ и нападеній со стороны матери.

Невѣрову безъ ума хотѣлось прижать ее къ своему сердцу, приласкать и ободрить, но Глафира Ивановна настигала ихъ все ближе и ближе и онъ молчалъ, только крѣпко сжимая ея руку.

Они взбѣжали на крыльцо.

— Зина, послѣднее слово, въ волненіи прошепталъ онъ, берясь за ручку двери; обѣщай мнѣ, что ты не забудешь всего, что я тебѣ говорилъ, что ты будешь помнить о моей любви и тотчасъ же ко мнѣ обратишься, если тебѣ понадобится помощь, совѣтъ, дружеское участіе?

— Хорошо, будемъ же друзьями до гроба, отвѣтила, улыбаясь сквозь слезы, Зина и сжала въ своихъ рукахъ его протянутую къ ней руку.

ГЛАВА VIII.

Снѣжина съ невѣстой были въ спальнѣ. Саша сидѣла съ поднятыми бровями и опущенными къ низу губами, собираясь не на шутку плакать.

— Вотъ онъ идетъ, идетъ, Саша! Смотри же, скажи ему, что ты очень огорчена и что ты на него сердишься; если онъ подойдетъ, захочетъ попросить прощенья, то ты подольше его не прощай и показывай видъ, что все на него сердишься...

Она поспѣшно вышла въ другую дверь, противоположную той, въ которую входилъ Невѣровъ. Онъ остановился въ изумленіи при видѣ Саши, которая отвернулась отъ него къ окну, притворяясь, что не слышитъ его шаговъ и очень не гармонически всхлипывая.

Онъ стоялъ минутъ съ пять раздраженный и злобный.

— Рано же вы начинаете дѣлать мнѣ сцены, Александра Павловна! заговорилъ онъ съ злобной ироніей: неугодно ли вамъ объяснить, что все это значитъ?

Саша посмотрѣла на него, хотѣла-было исполнить совѣтъ матери, но почувствовавъ вдругъ паническій страхъ при видѣ его грознаго и недовольнаго лица, не выдержала и вдругъ вскричала, протягивая къ нему руки:

— Это не я, это все мама велѣла!..

— Что мама? Мама велѣла вамъ плакать? Стыдитесь, Александра Павловна!

Саша потупилась и замолчала совершенно потерянная.

Она не понимала хорошенько, зачѣмъ мать велѣла ей играть эту комедію; но повиновалась ей въ полной увѣренности, что все пойдетъ по начертанному заранѣе плану; теперь же, когда Невѣровъ поступалъ совсѣмъ не въ тонѣ заданной роли, Саша пришла въ совершенный тупикъ и не знала чѣмъ кончить.

Но Невѣровъ, послѣ долгой задумчивости, подозвалъ ее къ себѣ и началъ разспрашивать обо всемъ. Саша тотчасъ же выболтала ему всѣ мысли и предположенія матери. Онъ наконецъ отвѣтилъ тѣмъ, что взялъ ее подъ руку, пошелъ съ нею въ гостиную и, прогулявшись съ нею передъ гостями по комнатамъ, онъ подошелъ къ матери и снова съ улыбкой заговорилъ о скорѣйшей ихъ свадьбѣ. Снѣжина отвѣчала въ самомъ простомъ и дружелюбномъ тонѣ и не сдѣлала ни одного намека, ни одного помина о происшедшемъ. На Зину не было тоже сдѣлано открытаго нападенія, кромѣ легкаго выговора за непо-

слушаніе, но за то устроена была съ нею особаго рода тактика, которая, повидимому, должна была непремѣнно достигать своей цѣли. Глафира Ивановна, Надя или сама Снѣжина не отходили отъ нея ни на шагъ.

Мать хотя и бѣсилась въ душѣ на Зину, но видѣла, что поступать иначе нельзя. Зина, обрадованная, что отдѣлалась такъ дешево отъ всѣхъ своихъ продѣлокъ, была безпечна и весела, какъ дитя. Съ Невѣровымъ ей не удалось сказать ни слова, ни разу обмѣняться съ нимъ взглядомъ: и онъ и она избѣгали этого, боясь возбудить подозрѣнія въ своихъ стражахъ; тѣмъ не менѣе она пользовалась каждой минутой свободы, выпадавшей на ея долю и кокетничала со всѣми, находя въ этомъ искреннее и непритворное удовольствіе.

Ея отчужденіе отъ Невѣрова и веселый смѣхъ во всѣхъ концахъ залы совершенно успокоили Снѣжину, и она рѣшилась ослабить надзоръ за нею и на свободѣ предаться съ спокойнымъ сердцемъ за свадебныя хлопоты и приготовленія. Между тѣмъ, городскіе собрались домой и упросили съ собой все семейство Снѣжиныхъ. Опять поднялись шумъ и суета, и въ сумеркахъ все общество укатило за двадцать пять верстъ въ городъ. Въ домѣ остались только Марья Петровна и Невѣровъ. Она осталась заняться своими хлопотами по свадьбѣ и обѣщала пріѣхать часа черезъ два. Онъ, какъ почтительный, будущій зять вызвался провожать ее.

На самомъ дѣлѣ ему хотѣлось отдохнуть, собраться съ мыслями, подумать на свободѣ. Онъ прилегъ на диванъ въ уборной и закурилъ сигару. Невѣровъ былъ странно настроенъ и возбужденъ. Онъ все раздумывалъ о своемъ положеніи.

«Зина права, она безконечно права; думалъ онъ, съ горечью пожимая плечами; ничего со всѣмъ этимъ не подѣлаешь! Неужели же отказаться отъ нея? Нѣтъ, нѣтъ!» Онъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ при одной этой мысли, что торопился отогнать ее отъ себя. «Надо ждать, ждать всего отъ времени», рѣшилъ онъ мысленно,—и вдругъ, въ его душѣ, возникало мучительное сомнѣніе, что его страсть—гласъ вопіющаго въ пустынѣ и Зина, кажется, равнодушна къ ней...

А какъ онъ желалъ ее! Какъ билось его сердце при мысли, что эта дѣвочка полюбитъ его, и отдастся ему всей душою! «Только одинъ день я прошу у судьбы,—мысленно восклицалъ онъ, одинъ день свободы, — и все будетъ сказано»!

Вдругъ личность Марьи Петровны Снѣжиной встала передъ нимъ, какъ живая преграда всѣмъ его надеждамъ и замысламъ.

Онъ сжалъ кулаки и прошелся по комнатѣ. Страстная нена-

висть ко всему, что становилось поперегъ его дороги, душила его. Давно не чувствовалъ онъ ничего подобнаго.

Проведя рукою по лбу, какъ-бы желая стряхнуть и отогнать отъ себя всѣ эти странныя мысли, онъ твердо рѣшался овладѣть собой, ни о чемъ не думать и заняться чтеніемъ. Подъ руку ему попался какой-то англійскій романъ въ переводѣ и онъ началъ усердно читать его.

Страница перевертывалась за страницей до тѣхъ поръ, пока стемнѣло и книга выпала у него изъ рукъ. Черезъ пять минутъ онъ вдругъ очутился въ залѣ за фортепьяно и началъ наигрывать знакомый романсъ... Онъ пережидалъ боя часовъ, чтобъ запѣть. Съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ началъ онъ прислушиваться къ ихъ однообразному бою. Наконецъ пробило пять, часъ, на которомъ бы имъ слѣдовало остановиться. Онъ хотѣлъ пѣть, но часы мѣшали ему: они продолжали бить. Этотъ медленный, протяжный бой тоскливо дѣйствовалъ на его нервы, онъ желалъ бы остановить ихъ, но не могъ: невольно считалъ онъ часъ за часомъ, ударъ за ударомъ и наконецъ насчиталъ тринадцать. Ему сдѣлалось какъ-то жутко, словно въ дѣтствѣ при страшныхъ разсказахъ нянекъ; при этомъ тринадцатомъ ударѣ, онъ въ боязливомъ волненіи устремилъ глаза на стрѣлку часовъ. Она показывала полночь. «Неужели полночь? Забыли поставить; часы врутъ»! заговорилъ онъ самъ съ собой, снова садясь за рояль и стараясь пѣніемъ заглушить всѣ непонятныя, тоскливыя вліянія, навѣянныя на него сумракомъ и пустотой этой длинной, безлюдной залы.

Онъ сталъ пѣть, но вдругъ ему почудилось, что за окномъ залы ему вторитъ какой-то отдаленный голосъ. Онъ снова началъ романсъ, но голосъ продолжалъ вторить все ближе и ближе и отчетливо повторялъ грустный припѣвъ. Невѣровъ вздрогнулъ; сердце у него защемило: онъ узналъ голосъ Зины. Онъ хотѣлъ вскочить, какъ вдругъ дверь распахнулась и она вбѣжала, влетѣла въ комнату. Она была въ теплой шубкѣ, вся разрумяненная морозомъ, ея поспѣшное, порывистое дыханіе обдало ему лице... «Я воротилась»! шептала она, дрожа всѣмъ тѣломъ и крѣпко обвиваясь около него. Онъ взглянулъ на нее, не въ силахъ вымолвить слова. Глаза ея горѣли, искрились невыразимой, невыносимой нѣгой. Невѣровъ приблизилъ свои уста къ ея устамъ. Поцалуй начался и длился такъ долго, что дыханіе у него захватило, въ груди стѣснилось, онъ вскрикнулъ и—проснулся.

Онъ лежалъ на диванѣ; передъ нимъ, улыбаясь, стояла Марья Петровна со свѣчою въ рукахъ.

— Какъ вы разоспались, голубчикъ! говорила она, поправляя подушку на диванѣ; а я велѣла запрягать, надо ѣхать!

— Поѣдемте! машинально отвѣтилъ Невѣровъ, приподнимаясь съ подушки весь блѣдный и съ растрепанными волосами. Глаза его, не видя, пристально устремились на одну точку.

— Что это съ вами? Вы меня испугали! продолжала Снѣжина, усаживаясь около него; я услыхала изъ другой комнаты, какъ вы запѣли; прихожу, вы крѣпко спите и улыбаетесь во снѣ, потомъ вдругъ начали метаться и закричали... Что это съ вами, Андрей Петровичъ, здоровы ли вы?

— Ничего, отвѣтилъ онъ опомнившись и выпивая стаканъ воды; я вообще безпокойно сплю, особенно сегодня: ночью была безсонница, голова болѣла. Но это пустяки. Мы покуда съ вами поболтаемъ, а - тамъ и поѣдемъ, прибавилъ онъ, закуривая сигару и снова спускаясь на подушку. Не безпокою ли я васъ дымомъ?

— Ничего, ничего, лежите! Вотъ у Саши точь въ точь такая же нервная натура, какъ у васъ! продолжала она, намѣреваясь начать интимную бесѣду:—она часто по ночамъ бредитъ и вскакиваетъ; съ замужествомъ это непремѣнно должно пройти!

— А сколько ей лѣтъ? спросилъ Невѣровъ, чтобъ поддержать разговоръ.

— Ей въ августѣ минуло только семнадцать! Знаете ли, Андрей Петровичъ, что мнѣ пришло въ голову, сентиментально замѣтила мать съ улыбкой и легкимъ вздохомъ.

— Что такое?

— Что намъ, матерямъ, надобно бы запретить выдавать такъ рано замужъ нашихъ дочерей. Ну какъ я отдамъ вашему брату, мужчинѣ, мою робкую Сашу, ребенка, птенца, взросшаго подъ материнскимъ крыломъ? Голубчикъ Андрей Петровичъ, прибавила она, придавъ своему голосу умоляющее выраженіе: обѣщайте мнѣ любить ее и беречь, какъ я ее любила и берегла...

Невѣровъ улыбался. Онъ зналъ, что мать играетъ комедію, что ей хочется выставить Сашу въ выгодномъ свѣтѣ передъ нимъ, — но онъ желалъ продолжать разговоръ и опять спросилъ:

— А вы, скажите, хорошо помните день вашей свадьбы? Какія были ваши впечатлѣнія? Что вы чувствовали?

Марья Петровна засмѣялась.

— Ахъ, сказала она ударяя себя по лбу: я вспомнить не могу, какая я была въ день моей свадьбы!

Она начала очень интересный разсказъ, приправляя воображеніемъ всѣ свои воспоминанія и совершенно выдумывая нѣкоторые эпизоды, мысли свои и чувства. Могла ли она, двадцати-пяти-

лѣтняя созрѣвшая дѣва, которая ловила жениховъ, какъ кошка мышей и передъ вѣнцомъ еще дрожавшая, что упустить свою добычу, — ощущать всѣ тѣ наивности и невинности, о которыхъ она разсказывала?

Невѣровымъ во время ея разсказа снова овладѣла какая-то болѣзненная дремота.

— Что это, вы спите? ласково прервала она, заглядывая ему въ лицо.

— Мнѣ что-то нездоровится! отвѣтилъ онъ, приподымаясь и взглянулъ на нее съ блѣдной улыбкой.

Какой-то испугъ пробѣжалъ въ глазахъ ея. Она пристально на него взглянула.

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ, что лошади готовы.

— Поѣдемте! Я проѣдусь, на воздухѣ мнѣ лучше будетъ, сказалъ Невѣровъ, вставая.

Снѣжина совсѣмъ захлопоталась, укутывая и увязывая его шарфами и платочками. Наконецъ они усѣлись въ сани и выѣхали со двора. Ночь была лунная; небольшая оттепель слышалась въ воздухѣ; тройка лошадей неслышно и ровно несла ихъ по гладкой дорогѣ. Марья Петровна заговаривала-было, пробовала его всячески развлекать, но Невѣровъ, откинувшись въ уголъ просторныхъ саней, упорно молчалъ. Ему припоминалась вчерашняя его поѣздка съ Зиной и онъ всецѣло предался воспоминаніямъ. Луна свѣтила по вчерашнему, сани скользили точно также по извѣстной дорогѣ, но странно ныло сердце Невѣрова въ этой знакомой обстановкѣ. Лихорадка, что ли, начиналась съ нимъ, потрясеніе ли какое съ нимъ случилось, но только обычный разсчетъ и разумъ покидали его и онъ чувствовалъ, что въ душѣ его начиналась борьба, борьба чувства съ обстоятельствами и что онъ слабѣетъ и изнемогаетъ въ этой борьбѣ. Имъ снова овладѣлъ какой-то лихорадочный сонъ. Онъ очутился въ большой, ярко освѣщенной залѣ, въ которой кружились и танцовали сто или двѣсти женщинъ. Всѣ онѣ имѣли наружность и формы Зины; онѣ всѣ улыбались, смѣялись, дѣлали движенія въ одно время, короче, это былъ образъ Зины, умноженный въ сто и болѣе разъ. Онѣ стройно танцовали какой-то невѣдомый танецъ, сдвигаясь все ближе вокругъ него. Невѣрову стало жутко, душно, но невыразимо сладко; онъ распростеръ руки и съ улыбкой блаженства заключилъ въ объятія фантастическій образъ. Онъ опять проснулся въ испугѣ отъ своихъ ощущеній, онъ собрался съ мыслями, припомнилъ все, что̀ его ожидало, и никогда еще дѣйствительность не представлялась ему въ такомъ отвратительно-безобразномъ

свѣтѣ, какъ теперь. Ему снова почудилось что-то невѣроятно-странное. Прошло будто десять лѣтъ; онъ прогуливается съ женой по какимъ-то длиннымъ и темнымъ сараямъ, рука объ руку, будто колодники, прикованные на вѣкъ къ одной цѣпи. Жена его — расплывшееся, злое, капризное существо, которое отвертывается отъ него и на которое онъ самъ не можетъ взглянуть безъ отвращенія... И между тѣмъ, о ужасъ! онъ чувствуетъ, что руки ихъ срослись вмѣстѣ, что онъ непроизволенъ въ своихъ движеніяхъ, что всюду, куда бы онъ ни двинулся, куда бы ни распахнулъ своихъ отчаянныхъ рукъ, всюду онъ встрѣчаетъ ея тяжелыя длани, висящія, какъ гири, на его рукахъ и нѣтъ отъ нихъ обороны, нѣтъ избавленія... А въ глубинѣ уютнаго, славнаго домика, у окна, обвитаго плющемъ, стоитъ знакомый образъ задумчиво-печальной Зины. Она простираетъ къ нему руки, моля о чемъ-то; ея глаза зовутъ его, манятъ, обѣщаютъ все упоеніе, всю радость взаимной любви... Невѣровъ всей душой рвется къ этому недосягаемому образу, распахиваетъ широко свои недужныя объятія, пытается стряхнуть съ себя ненавистныя гири, — напрасно! Его душатъ рыданія, — и въ эту самую минуту онъ просыпается. По лицу его дѣйствительно катились горячія слезы. Имъ овладѣлъ ужасъ.

— Марья Петровна! заговорилъ онъ страннымъ, мучительно измѣнившимся голосомъ и совсѣмъ придвинулся къ ней.

— Что такое, что вамъ? отвѣтила та испуганно.

— Отдайте мнѣ ее! продолжалъ онъ, схвативъ ея руки и цалуя ихъ: отдайте, отдайте мнѣ ее!

Они оба не замѣтили, что подъѣхали къ крыльцу наумовскаго дома. Будь это минутами пятью ранѣе, неизвѣстно, какой бы катастрофой кончилась эта сцена, но теперь уже рѣшительно не было никакой возможности продолжать какое бы то ни было объясненіе. Огни въ сѣняхъ ярко горѣли, слуги поспѣшно выбѣжали къ нимъ на встрѣчу и начали высаживать ихъ изъ экипажа. Въ одно время съ ними подъѣхалъ еще предводитель съ женой, и они всѣ четверо взобрались на крыльцо. На Снѣжиной, что называется, лица не было. Невѣрова тотчасъ же охватила дѣйствительность и онъ вступилъ въ разговоръ съ предводителемъ.

— Поздравляю, поздравляю, говорилъ тотъ, радушно тряся его руку; нашего полку женатыхъ людей прибываетъ; я очень радъ!

— Да-съ, женюсь, Николай Ивановичъ, обзавожусь семействомъ, съ улыбкой отвѣчалъ Невѣровъ, подавляя на дно души всѣ свои галлюцинаціи, бредъ и тоскливую истому и храбро идя на встрѣчу дѣйствительности.

ГЛАВА IX.

Кадриль была въ самомъ разгарѣ, когда они вошли въ залу. Танцовали въ семь или восемь паръ. Саша, увидѣвши жениха и мать, спутала всю кадриль и пришла въ такое волненіе, что обратила на себя всеобщее вниманіе. Невѣровъ улыбнулся ей издали, будто радуясь, что дѣйствительность не похожа на сонъ и глазами отыскалъ Зину. Она танцовала съ Ахматовымъ: щеки ея горѣли, волнсы раскинулись, она улыбалась чарующей улыбкой счастливаго дѣтства, и слушала Ахматова, который съ живостью что-то говорилъ ей, раза два или три взглянувъ на него, Невѣрова. Зина устремила на него глаза, которые на минуту подернулись-было какимъ-то теплымъ чувствомъ, но только на минуту, потомъ обратилась снова къ Ахматову и, улыбаясь, покачала головой. Невѣровъ, безъ словъ, понялъ ихъ разговоръ. Теперь уже не призраки, не фантастическіе приливы тоски сжимали болью его сердце. Онъ ожидалъ и разсчитывалъ на страсть, а увидалъ, что имѣлъ дѣло только съ дѣтской вспышкой. Эта Зина, со страстью и трепетомъ нѣги обвивавшая его въ сновидѣніяхъ, была въ дѣйствительности равнодушнымъ, веселымъ ребенкомъ, можетъ быть, находившимъ несравненно болѣе удовольствія въ ухаживаньи холоднаго и приличнаго доктора, чѣмъ въ страстныхъ порывахъ его самого, Невѣрова. Онъ мигомъ постарался отрезвить себя. Мрачный и раздраженный, усѣлся онъ въ кресло въ гостиной.

«Можно меня поздравить, думалъ онъ, закуривая сигару, я, кажется, одаренъ свойствомъ принимать булыжникъ за бриліантъ»!

Вмѣсто лихорадочныхъ грёзъ и фантазій, холодъ дѣйствительности быстро охватилъ его чувства и онъ сталъ спова самимъ собой, насмѣшливымъ и холоднымъ.

Кадриль кончилась и танцующіе хлынули въ гостиную. Къ Невѣрову подошло все семейство Снѣжиныхъ, исключая Зины, оставшейся въ залѣ.

— Вы что это хворать изволите, обратился къ нему Гриша, доставая папироску и собираясь закурить ее.

— Андрей Петровичъ, что̀ съ вами? лепетала Саша, краснѣя и добрыми застѣнчивыми глазами впиваясь въ лицо своего жениха.

Даже и Надя спросила изъ приличія о его болѣзни, а Марья Петровна, улыбаясь, сѣла и заговорила шутливо-ласковымъ тономъ:

— Никакихъ отговорокъ не принимаю, а по праву будущаго

родства, буду сама, сама лечить васъ, никому не дамъ подступиться!...

Невѣровъ холодно улыбался, но искусно сдерживалъ свое раздраженіе и терпѣливо выносилъ знаки дружбы и участія, выказываемые ему семьей. Подошелъ также хозяинъ дома, хозяйка и много другихъ, и каждый началъ навязывать ему отъ его нездоровья средства и лекарства. Его это утомляло; онъ жаждалъ остаться одинъ. Марья Петровна, не лишенная проницательности, увидѣла это. Искусно удаливъ родныхъ и знакомыхъ, она осталась наконецъ одна съ будущимъ зятемъ и повела съ нимъ ласковую бесѣду.

— А propos, вставила она въ свою рѣчь, что это вы мнѣ начали говорить, какъ мы сюда подъѣзжали, вы меня просили о чемъ-то, еще такъ цаловали мои руки; а? о чемъ это?

Невѣровъ, съ опущенной головой, тушилъ сигару и собирался уже отвѣчать, самъ не зная еще, что онъ отвѣтитъ, какъ вдругъ изъ дверей залы впорхнула Зина, и вся разгорѣвшись отъ вальса, съ сіяющими глазами, опустилась на стулъ возлѣ него и матери.

— Правда, что вы нездоровы? спросила она, заглядывая ему въ глаза.

Невѣровъ не могъ еще равнодушно выносить ея присутствія: красота ея дразнила, разжигала, туманила его разсудокъ. Онъ едва успѣлъ поднять на нее глаза, какъ уже Ахматовъ, выходя изъ залы, откуда снова раздались звуки вальса, спѣшилъ къ Зинѣ, протягивая ей руки: «Я васъ ищу давно, проговорилъ онъ; обѣщанный вальсъ за вами»! И онъ принялъ ее въ свои объятія. Невѣрову показалось, что пальцы доктора трепетали, когда онъ сжалъ въ нихъ тоненькую талью Зины и что глаза у обоихъ были опущены, а на щекахъ разливался яркій румянецъ.

Онъ переживалъ странныя минуты; онъ испытывалъ чувство человѣка, вдругъ пораженнаго какой-нибудь внезапной болѣзнью, проказой, чумой, которая вкралась въ здоровый организмъ и губитъ его, подобно антонову огню. Онъ ужаснулся этому состоянію и рѣшился покончить все разомъ.

— Марья Петровна, сказалъ онъ серьезно и выразительно, если вы завтра же не порѣшите со мной вопросъ о свадьбѣ, т.-е. завтра же не повѣнчаете меня съ Сашей, то я думаю, что серьезно захвораю!

— Андрей Петровичъ, голубчикъ, что съ вами? твердила взволнованная мать, какъ же можно завтра? подумайте, вѣдь ничего еще не готово!

— Чего же готовить? Бумаги у меня, свидѣтели на лицо, лошади готовы; послѣ вѣнца сейчасъ же я и уѣду съ Сашей.

— А балъ, а угощенье, а вѣнчальное платье? твердила Снѣжина.

— Такъ неужели же вы всѣ эти мелочи предпочитаете моему здоровью, покою и счастью? съ досадой перебилъ Невѣровъ.

«Не надѣется ли на отказъ, не хочетъ ли поссориться, напугать, надѣлать дерзостей? промелькнуло въ разстроенномъ умѣ Марьи Петровны, и съ минуту она была въ нерѣшимости за что схватиться, чѣмъ объяснить все это.

— Послѣ завтра, если хотите, вдругъ сказала она рѣшительно.

— Отчего же не завтра? настаивалъ-было Невѣровъ съ болѣзненною раздражительностью, но увидавъ мучительную тоску, изобразившуюся при его словахъ на лицѣ матери, покорился видимо неизбѣжной отстрочкѣ и, порѣшивъ о свадьбѣ, торопливо началъ рѣшать и другіе вопросы насчетъ свадебнаго пира и всей брачной церемоніи вообще.

Невѣровъ хотѣлъ разомъ покончить съ собой. Сегодня же въ ночь уѣдетъ домой, и пріѣдетъ въ домъ Снѣжиныхъ только къ самому вѣнцу, кое-какъ промается вечеръ и прямо съ бала увезетъ Сашу къ себѣ. Онъ рѣшился остаться непреклоннымъ насчетъ свадебныхъ визитовъ, обѣдовъ и вечеровъ, которые предполагались послѣ ихъ свадьбы.

Едва-едва допускалъ онъ небольшой поѣздъ, состоящій изъ посаженыхъ матерей, тетушекъ и крестныхъ маменекъ, непремѣнно долженствующихъ провожать молодую къ нему въ домъ.

— Я прошу васъ, придумайте, пожалуйста, что-нибудь для объясненія всей этой перемѣны, а я, съ своей стороны, переговорю кое съ кѣмъ о завтрашнемъ днѣ и постараюсь устранить всѣ препятствія...

— Хлопотъ-то, хлопотъ-то вамъ сколько! осторожно говорила Снѣжина; а что, если еще денька три перегодить? Подумайте, въ чемъ же она будетъ вѣнчаться? цвѣты еще не получены, вѣнчальное платье не готово! Молодая дѣвочка! Да ее ничѣмъ не утѣшишь!

— Если это положительно невозможно сыграть свадьбу завтра, такъ ужъ тогда лучше отложить еще на мѣсяцъ, а я покуда съѣзжу въ Саратовъ; мнѣ необходимо туда, потому что я рѣшилъ не оставаться послѣ вѣнца въ этомъ имѣніи, а уѣхать въ Липовку, дальнюю мою деревню, и тамъ устроиться навсегда съ Сашей! говорилъ Невѣровъ такимъ тономъ, будто хоронилъ себя заживо.

— Если вы этого непремѣнно желаете, поспѣшила перебить его рѣчь Снѣжина, то я согласна сдѣлать свадьбу послѣ завтра вечеромъ.

Невѣровъ наклонился поцаловать ея руку.

— Скажите всѣмъ, что я получилъ письмо, что у меня дядя умираетъ, вызываетъ къ себѣ и я спѣшу по этому случаю свадьбой, проговорилъ онъ вставая и идя на встрѣчу хозяину, вошедшему въ гостиную.

Онъ прошелъ мимо него, не сказавъ ни слова, потомъ остановился у двери и заглянулъ въ залу. Тамъ была пестрая, оживленная картина. Общество было занято святочными гаданьями, жгли бумагу, лили воскъ и т. п. Но онъ ничего не видалъ; взглядъ его упалъ тотчасъ же на группу у фортепьяно и остановился на ней какъ прикованный. Тамъ Ахматовъ стоялъ у лампы, держа Зину за руку. Они снова собирались танцовать, и Невѣровъ замѣтилъ, что докторъ горячо и нѣжно сжималъ ея руку.

— Какъ скверно себя держитъ! Ты видѣла? раздался возлѣ него шопотъ двухъ кумушекъ, глаза которыхъ были устремлены по тому же направленію.

— Чего Марья Петровна смотритъ?... Прогулять ей дочку-то!... Охъ, дѣла, дѣла!

Невѣровъ сдѣлался еще мрачнѣе, и прошелъ въ кабинетъ, чтобъ остаться одному.

— И изъ чего я хлопочу? говорилъ онъ самъ себѣ: — и что за глупая причуда вдругъ разыгралась... Все это вздоръ, брошу я всѣ эти бредни! Я просто боленъ; даю себѣ слово хорошенько выспаться и больше этими пустяками не заниматься.

Во всѣхъ углахъ, между тѣмъ, составились группы, слышался таинственный шопотъ: новость о поспѣшной свадьбѣ Невѣрова уже облетѣла всю залу и породила разные скандальные толки. Никто еще не зналъ, на чемъ остановиться и какую сплетню пустить въ ходъ, но одно уже приближеніе скандала преобразило всѣ лица и навѣяло на нихъ злую и тайную радость. Въ особенности же оживился прекрасный полъ: скука исчезла, языки развязались, враги сдѣлались друзьями; всѣ сплотились между собой, чтобъ вдоволь насладиться неожиданнымъ зрѣлищемъ публичной потѣхи.

— Я всегда предвидѣла, что у нихъ не спросту дѣло идетъ, шептала одна изъ записныхъ сплетницъ, окруживъ себя собесѣдницами: вы помните, еще мы смотрѣли, какъ они все разговаривали, — вдругъ онъ всталъ...

— А помните, какъ онъ кольцо-то съ руки снялъ да ей подалъ?

— А она что же?

— Она вотъ этакимъ манеромъ взяла, да тутъ же ему на палецъ опять и надѣла!

— Mesdames, увидите, что свадьбы послѣ завтра не будетъ! это одинъ отводъ! пророчила другая.

— Какая же теперь, душечка, свадьба? Развѣ какая-нибудь мать согласится на такую свадьбу? Это больше ничего, какъ отвазъ съ его стороны!

— Неужели вы поѣдете?

— Ни за что на свѣтѣ!.. Помилуйте, это чистая насмѣшка: мое бальное платье только черезъ недѣлю будетъ готово!

Марья Петровна видѣла ясно все, чтó происходило вокругъ. Ее не обманывали сладкія и умиленныя физіономіи, обступившія ее тутъ же съ выраженіемъ радости, сочувствія и одобренія; она знала по собственному опыту все, что скрывается за подобными личинами; — но поступать иначе ей было нельзя: добыча была слишкомъ дорога и надобно было тянуть изо всѣхъ силъ и непремѣнно вытянуть ее на берегъ.

Саша сидѣла какъ въ воду опущенная. Она была затронута въ самомъ дорогомъ ея сердцу интересѣ: вѣнчальномъ платьѣ. Какъ ни покорна была она, но тутъ возмутилась духомъ. Съ ней, въ самомъ дѣлѣ, готовъ былъ сдѣлаться истерическій припадокъ.

Снѣжина рѣшилась поскорѣе уѣхать домой. Собравъ всѣхъ своихъ, она вошла въ залу.

— Mesdames, милости просимъ завтра къ намъ на дѣвичникъ, а послѣ завтра на свадьбу! рѣшительно говорила она, подходя прощаться поочередно ко всѣмъ.

— Непремѣнно, Марья Петровна, мы непремѣнно будемъ пораньше, чтобъ вамъ помогать; мы всѣ принимаемъ такое въ васъ участіе! Скажите пожалуйста, сколько вѣдь вамъ хлопотъ! Не прикажете ли прислать къ вамъ мою портниху?.. Мы всѣ готовы вамъ служить!

— Саша, тебѣ не нужно ли цвѣтовъ на голову; твои вѣдь еще не присланы?.. У меня есть гирлянда совершенно свѣжая! вызывалась одна молодая дама.

— Очень вамъ благодарна, отвѣтила мать за Сашу; я сейчасъ же посылаю нарочнаго въ Т. къ m-me Жано!

Саша разцвѣла невольной улыбкой и замѣтно повеселѣла. Она стала всѣхъ звать съ свободнымъ и отдохнувшимъ сердцемъ. Хозяева и гости вышли проводить семейство Снѣжиныхъ

въ переднюю. Зина кусала въ раздумьи розовыя губки, посматривая на Невѣрова, который, молчаливый и блѣдный, одѣвался около нихъ. Никогда еще не видала она его такимъ; суровость и насмѣшка его исчезли, въ немъ видѣлся больной, сломленный и душевно и физически, человѣкъ. Ее потянуло къ нему всѣмъ страстнымъ, безотчетнымъ желаніемъ юности. Онъ взглянулъ на нее и понялъ по одному взгляду. Онъ тоже хотѣлъ бы скрѣпить на будущее время свое вліяніе надъ ней. Его одолѣвалъ трепетъ при мысли, что имъ не удастся насладиться послѣдними прощальными ласками. Но увы! судьба не даетъ такъ легко своихъ радостей: глупая, суетливая толпа окружала ихъ, со свѣчами, салопами, ботинками; мать кликала дочерей.

Вотъ и Саша остановилась на площадкѣ, надѣясь, что женихъ станетъ усаживать ее въ возокъ; показалась Надя, вотъ и Зина... Невѣровъ стоялъ, слѣда за ней взоромъ, цѣпляясь за послѣднюю минуту, какъ утопающій за соломинку, но дверцы возка захлопнулись, лошади тронулись.

— Что онъ, кажется, не поцаловался съ тобой на прощаньи? спросила мать у Саши, поднимая замерзшее стекло.

— Нѣтъ! былъ короткій отвѣтъ.

Наступило глубокое молчаніе, скрыпъ полозьевъ и темнота ночи скрывали и заглушали и біеніе сердца, и тревогу лицъ; никто не проронилъ ни слова, лишь одна Надя шумѣла атласнымъ салопомъ, доставая изъ кармана конфеты.

По пріѣздѣ Невѣрова къ себѣ домой съ нимъ сдѣлался небольшой жаръ и бредъ. Гриша испугался-было и хотѣлъ дать знать матери, но Андрей Петровичъ запретилъ. Будущій шуринъ напоилъ его малиной, вытеръ виномъ и просидѣлъ надъ нимъ всю ночь. Къ утру онъ крѣпко заснулъ и всталъ съ нѣсколько освѣженною головою. Но впавшіе глаза и похудѣвшія щеки говорили о присутствіи недуга. Къ вечеру нагрянула вся холостая компанія, и попойка, оргія и карточная игра продолжались вплоть до утра.

Свадьба состоялась какъ ни въ чемъ не бывало. Въ назначенный день стѣны большой залы въ домѣ Снѣжиныхъ сіяли огнями и были полны народомъ. Невѣста была ослѣпительна красотою, нарядомъ и молодостью; на ея довольномъ челѣ сіяла стеоретипная гирлянда fleurs d'oranges, привезенная изъ города, а не занятая у знакомыхъ, корсетъ былъ ловокъ, платье сидѣло хорошо, и все новое, начиная отъ бѣлья до башмаковъ, облекало ея тѣло и наполняло восторгомъ душу. Женихъ, хотя

былъ и худъ и блѣденъ, но пріѣхалъ въ назначенный часъ; послѣ церемоніи, молодыхъ встрѣтили шампанскимъ и музыкой. Молодой сказался не совсѣмъ здоровымъ и часто уходилъ во внутреннія комнаты, за то молодая танцовала безъ устали и выбора со всякимъ, кто приглашалъ ее. Послѣ ужина началось прощаніе съ матерью, сестрами и домашними. Потомъ быстро составился небольшой поѣздъ, чтобъ проводить молодыхъ домой, и блестящая карета унесла ихъ изъ виду собравшихся вокругъ зрителей. Вотъ лицевая сторона медали, заглянемъ теперь на обратную ея сторону.

Ужасъ и смятеніе наполняли домъ Снѣжиныхъ: съ самаго утра свадьбы женихъ былъ очень боленъ; съ нимъ видимо начиналась горячка; всѣ домашніе это видѣли, кромѣ невѣсты, отъ которой постарались скрыть это непріятное обстоятельство. Марья Петровна, терзаемая, съ одной стороны, расходами и денежными займами, затраченными на эту свадьбу, съ другой—язвительными, любопытными взглядами наѣхавшихъ гостей, жаждавшихъ скандала, каждую минуту трепетала, что катастрофа прорвется и свадьба не состоится. По благополучномъ ея совершеніи, страданія ея все-таки не кончились: ее терзалъ до боли видъ этихъ гостей, этихъ нарядныхъ дамъ, всюду запускавшихъ пронзительные взгляды и постоянно перешептывавшихся между собой. На лицахъ мужчинъ тоже: всѣ чутьемъ подозрѣвали что-то неладное въ домѣ и старались проникнуть въ самые тайники его; тамъ, гдѣ не было Снѣжиныхъ, шопотъ бурною струею разливался по залѣ, и какъ расходившійся жерновъ, мололъ въ бѣшеныхъ зубцахъ своихъ и платье невѣсты, и освѣщеніе дома, и подаваемыя кушанья, и семейныя тайны и наглую политику матери. А что̀ происходило во внутреннихъ комнатахъ дома, куда удалялся Невѣровъ и куда мать не допускала даже Гришу, который дѣлилъ съ ней всѣ заботы и хлопоты по хозяйству? Какія сцены должна была она выдерживать наединѣ съ больнымъ зятемъ, который въ бреду говорилъ ей безсвязныя, но роковыя для нея рѣчи? Какіе взгляды кидала она послѣ того на бѣдняжку Зину, дрожавшую отъ страха и неизвѣстности? Однимъ словомъ, атмосфера была грозна, чувствовалось приближеніе бури,—и тайный ужасъ и смятеніе царили въ сіяющихъ залахъ и убранныхъ комнатахъ дома. Но платья были такъ бѣлы, корсеты такъ ловки, вѣера такъ удачно скрывали и румянецъ досады и улыбки насмѣшки; всѣ танцовали, смѣялись, ѣли мороженое, ужинали и пили шампанское... Какъ бы то ни было, но балъ, наконецъ, кончился и всѣ разъѣхались по домамъ.

Вулканъ разразился на другой день поразительною новостью, облетѣвшею всѣ дома города и деревень: Невѣровъ лежалъ при смерти на новобрачной постели и присланы были гонцы за докторами. Чрезвычайное волненіе охватило городъ: новость была поразительная и вопросы, одинъ другого интереснѣе, посыпались на обсужденіе публики: когда именно сдѣлалась горячка? моментъ ея? ея развитіе? ея причины? Любопытныя души, подъ видомъ состраданія, летали къ нему въ домъ и возвращались обратно съ самыми животрепещущими извѣстіями: молодой упалъ въ обморокъ въ каретѣ и молодая страшно перепугалась, бросилась къ матери; его уже вынесли на рукахъ, положили на постель и въ эту же ночь съ нимъ начался бредъ и открылись всѣ признаки горячки. Доктора приписывали болѣзнь по обыкновенію простудѣ, но городскихъ жителей не такъ скоро проведешь: они единодушно заключили, что Невѣровъ захворалъ отъ огорченія, что Снѣжины обманули его насчетъ приданаго и дали за Сашей одни тряпки да кучу долговъ. Они дознались даже, что Невѣровъ не допускалъ къ себѣ въ комнату молодую жену и что она на время принуждена была уѣхать опять къ себѣ и жить съ сестрами... Ждали-было смерти Невѣрова, долженствовавшей закончить романической развязкой этотъ крупный скандалъ, — но вскорѣ въ городѣ узнали, что кризисъ его болѣзни миновалъ и онъ внѣ опасности, а черезъ нѣсколько времени разнеслась вѣсть, что молодые уѣхали въ свою дальнюю деревню, и болѣе о нихъ ничего уже не стало слышно.

Ближневъ.

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

РОМАНЪ.

Переводъ съ рукописи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ Гедвига оставила павильонъ, подъѣхалъ къ нему экипажъ принца. Онъ катался съ маркизомъ, посѣтилъ охотничій домикъ и хотѣлъ показать ему на обратномъ пути фазаній дворъ. Они подъѣхали прямо къ чайному домику, а слугѣ приказано было идти за ключомъ къ Прахатицу.

Но одна изъ дверей была отперта; вѣроятно Прахатицъ былъ въ домикѣ и убиралъ его вмѣстѣ съ своими помощниками; во всякомъ случаѣ въ ключѣ не представлялось болѣе надобности.

Оба господина остановились у лѣстницы; маркизъ съ отлично разыграннымъ интересомъ обозрѣвалъ паркъ и чайный домикъ.

— Но вѣдь это прелестно, восхитительно! Во все время, которое я имѣлъ счастье провести въ обществѣ вашей свѣтлости, мнѣ постоянно казалось, что я какъ будто дышу французскимъ воздухомъ. Но здѣсь мнѣ кажется, что я снова очутился въ моей милой Франціи: вся эта прелесть, ясность, изящный вкусъ... и при этомъ эти переходы отъ свѣта къ тѣни, это солнце— все это чисто французское. Извините, ваша свѣтлость, если слово это не вполнѣ прилично, но вѣдь въ сущности нельзя лучше охарактеризовать того, что̀ намъ нравится, какъ сказавъ:

совсѣмъ какъ у насъ! Для француза же это положительно невозможно.

— Въ настоящемъ случаѣ выраженіе, въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ подходящее, возразилъ принцъ весело; если этотъ паркъ кажется французу какъ бы частичкой Франціи, то желаніе творца его достигнуто. Войдемте на минуту.

Маркизъ предложилъ принцу руку и они взошли по лѣстницѣ, постояли нѣсколько минутъ на площадкѣ и вошли въ ротонду; тѣнь и прохлада, царствовавшія въ ней, казались вдвое пріятнѣе послѣ долгой прогулки на солнцѣ. Принцъ немного удивился, не найдя здѣсь Прахатица и его помощниковъ, но маркизъ не далъ ему времени раздуматься объ этомъ. Маркизъ нашелъ внутреннее убранство еще изящнѣе, если возможно, чѣмъ внѣшность зданія. Онъ восхищался гобеленовыми обоями, съумѣлъ оцѣнить севрскія вазы по достоинству, забавлялся китайскими фигурками, красовавшимися вдоль карниза, и пришелъ въ восторгъ отъ мраморной группы, изображавшей освобожденіе Андромеды Персеемъ, которая, если не была копіей съ извѣстной луврской группы, сдѣланной рукой самого художника, то безъ сомнѣнія исполнена ученикомъ Пюжé и на глазахъ у самого учителя. Принцъ благосклонно слушалъ болтовню молодого человѣка, но все-таки не могъ сосредоточить на ней своего вниманія. Мысли его постоянно возвращались къ содержанію важнаго разговора, который онъ велъ съ маркизомъ вчера вечеромъ и сегодня, во время прогулки. Въ промежуткѣ этихъ двухъ бесѣдъ происходила та, для которой онъ призывалъ сегодня утромъ Германа, и эта послѣдняя производила на него впечатлѣніе отдаленной цѣпи горъ, лежащей между двумя очаровательными долинами. То, чтó маркизъ вчера и сегодня представлялъ такимъ легкимъ, такимъ простымъ и вытекающимъ изъ порядка вещей,—обо всемъ этомъ Германъ утверждалъ противное и его представленія, его просьбы произвели на принца тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что хотя онъ именно ожидалъ услышать одобреніе своимъ планамъ отъ молодого ганноверца, но былъ глубоко убѣжденъ въ честности его направленія и въ безкорыстіи его совѣтовъ. Съ своей стороны маркизъ хорошо замѣтилъ, что сегодня принцъ далеко не съ такимъ жаромъ относился къ его планамъ и былъ гораздо сдержаннѣе въ выраженіяхъ. Изъ этого маркизъ заключилъ, что со вчерашняго вечера принцъ, вѣроятно, подпалъ подъ иное вліяніе и приписалъ его Гедвигѣ. Ему хотѣлось убѣдиться въ этомъ и онъ дѣлалъ нѣсколько намековъ съ этой цѣлью, но принцъ постоянно уклонялся отъ прямого отвѣта и маркизъ не посмѣлъ настаивать.

— Я утомляю вашу свѣтлость своей болтовней, сказалъ онъ наконецъ, замѣтивъ, что принцъ, сидѣвшій въ креслѣ, задумчиво подперевъ рукой голову, перестаяъ отвѣчать ему.

— Нисколько, нисколько, отвѣчалъ принцъ, подымая голову; но вы поймете, что человѣкъ моихъ лѣтъ не такъ легко, какъ ваша братья, молодежь, относится къ такимъ важнымъ вещамъ, какъ тѣ, о которыхъ мы толковали, не говоря уже о томъ, что то, чего вы желаете, въ сущности кажется вамъ весьма простымъ, весьма логичнымъ и поэтому вашъ духъ совершенно спокоенъ; моя же роль или, лучше сказать, задача, которую вы мнѣ задали, весьма трудна, весьма темна и сбивчива, а потому мои мысли полны противорѣчій и далеко не веселы.

— Извините, ваша свѣтлость, возразилъ французъ: я вполнѣ оцѣняю великость жертвы, которую вы приносите, возвышенность задачи, принимаемой вами на себя, мужество сердца и смѣлость духа, съ какими вы отказываетесь отъ нѣкоторыхъ чувствъ, священныхъ въ глазахъ толпы, отвергаете преданія, освященныя сужденіемъ цѣлаго міра. Я далекъ отъ того, чтобы настаивать долѣе, потому что чувствую, что уже и безъ того долженъ извиниться передъ вами за мое патріотическое рвеніе. Но вы должны извинить мнѣ, ваша свѣтлость, если я скажу, что для меня лично—если мнѣ позволено сравнить великое съ малымъ—положеніе не менѣе затруднительное и запутанное. Право, не пустяки для потомка такого древняго рода забыть исторію своихъ предковъ, забыть, что многія поколѣнія маркизовъ де-Флорвиль сражались за домъ Бурбоновъ, страдали за него, и вступить на службу человѣка, который въ моихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ единомыслящихъ со мной людей, не кто иной, въ сущности, какъ счастливый проходимецъ, выдвинутый впередъ самой пагубной изъ всѣхъ революцій и въ нѣкоторомъ родѣ представляющій послѣднее слѣдствіе этой революціи; повторяю, ваша свѣтлость, это тяжелое по истинѣ испытаніе, тернистая задача и одному Богу извѣстно, что я испытываю, принимая на себя эту задачу и вонзая въ свое, кровью истекающее сердце эти терніи; но, ваша свѣтлость, это необходимо. Каждый разумный, благомыслящій человѣкъ долженъ выбирать изъ двухъ золъ наименьшее, и если въ частной жизни это правило можетъ оспариваться и частная нравственность можетъ возставать противъ него, то оно безусловно царитъ въ общественной жизни и политическая нравственность должна признать его. Но иначе и быть не могло. Копье, нанесшее рану, могло залечить эту самую рану; закончить революцію могъ лишь тотъ, кто явился воплощеніемъ этой рево-

люціи, ея высшей силой и крайнимъ выраженіемъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ — императоръ, и только онъ одинъ, въ состояніи обуздывать революцію, бушующую у нашихъ ногъ, я хочу сказать, у ногъ Европы. Если императоръ падетъ, то революція неизбѣжна, а онъ падетъ, если будетъ побѣжденъ. Успѣхъ плебисцита только кажущійся; дерзкое *нѣтъ* большихъ городовъ, тысячи *нѣтъ* арміи подрываютъ всѣ семь милліоновъ *да*. Республиканцы хотятъ войны, армія также, императору приходится идти на нее противъ воли, въ интересахъ порядка, въ интересахъ всего, что̀ свято для благородно мыслящихъ людей, въ интересахъ мира. И въ этомъ отношеніи я полагаю, ваша свѣтлость, что интересы французскихъ и нѣмецкихъ легитимистовъ—если можно употребить это выраженіе — тожественны. Такой проницательный умъ, какъ вашъ, не можетъ быть введенъ въ заблужденіе кажущимся различіемъ, то-есть тѣмъ, что у насъ революція увѣнчана красной шапкой якобинца, а въ Германіи узурпаторской короной! Здѣсь, какъ и тамъ, весь вопросъ сводится къ тому: должны ли побѣдить варварство, наглость, грубая сила, грабежъ или цивилизація, гуманность, мирное развитіе, собственность? и какъ тамъ, такъ и здѣсь на это можетъ быть только одинъ отвѣтъ.

Маркизъ говорилъ съ рѣшимостью и оживленіемъ, тихимъ голосомъ, какъ будто вдохновленный тѣнистой прохладой, господствовавшей въ павильонѣ. Принцъ слушалъ разсѣянно. Воображеніе его перенеслось въ прошедшее, къ отцу, который задавался такими же мыслями, лелѣялъ тѣ же планы, также не могъ придти къ рѣшенію, и провелъ всю свою жизнь въ колебаніи, когда время требовало дѣйствія, и въ раскаяніи, когда время дѣйствовать прошло, и сдѣлалъ себя несчастнѣйшимъ изъ людей. Онъ думалъ, затѣмъ, какое странное стеченіе обстоятельствъ привело къ тому, что настоящій разговоръ происходилъ именно здѣсь, въ чайномъ домикѣ; что слова французскаго эмиссара раздавались въ томъ самомъ пространствѣ, гдѣ нѣкогда отецъ его внималъ словамъ Наполеона, и что его отецъ послѣ того никогда не переступалъ за этотъ порогъ, а онъ самъ долгіе годы избѣгалъ его; да и не лучше ли бы было, если бы онъ не подавилъ насильственно благоговѣйнаго трепета и никогда не приходилъ бы сюда. Но ради чего онъ это сдѣлалъ? Ради любви къ ней! она, отвергающая его любовь, должна отвѣчать, если онъ проведетъ годы, которые мечталъ посвятить тихой домашней жизни, въ волненіяхъ, если онъ бросится въ политическую борьбу, чтобы забыть горе, горе, которое она на него накликала.

Принцъ вздохнулъ и провелъ рукой по лбу, между тѣмъ какъ маркизъ умолкъ. Принцъ не слышалъ послѣднихъ словъ своего собесѣдника, и отвѣчалъ на удачу. Отвѣтъ его не удовлетворилъ и не могъ удовлетворить маркиза.

«Мнѣ нужно добиться толку», подумалъ маркизъ про себя и громко прибавилъ:

— Я вполнѣ понимаю вашу сдержанность, хотя время не терпитъ и вамъ необходимо рѣшиться. Могу ли я говорить откровенно? я тѣмъ сильнѣе желаю, чтобы вы рѣшились, что имѣю основаніе опасаться, что то впечатлѣніе, какое могло имѣть мое слабое краснорѣчіе, всякій разъ парализуется вліяніемъ, передъ которымъ я съ горестью чувствую себя безсильнымъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ принцъ,

— Не знаю, ошибаюсь ли я, отвѣчалъ маркизъ, но мнѣ кажется, что вашей супругѣ непріятно мое пребываніе здѣсь.

— Изъ чего вы это заключаете? спросилъ принцъ. Я надѣюсь, что вы убѣждены въ противномъ.

— Я прошу не перетолковывать моихъ словъ, возразилъ маркизъ. Дама, съ такими безукоризненными манерами, никогда не позволитъ себѣ высказать себѣ личную антипатію, еслибы она ее чувствовала, къ гостю дома и я льщу себя надеждой, что я не внушаю такой антипатіи; напротивъ того, я могу быть только благодаренъ за безконечную доброту, съ какой она вспомнила наше прежнее знакомство, и дѣйствительно въ высшей степени благодаренъ за это. Но здѣсь дѣло идетъ не о личныхъ вопросахъ. Супруга ваша пріятнѣйшая особа и конечно ни мало не теряетъ своей привлекательности отъ того, что интересуется всѣмъ, а также и политикой. Я, конечно, не могу ставить ей въ упрекъ, что ея политическія воззрѣнія противоположны моимъ желаніямъ; но въ этомъ состоитъ мое несчастіе.

— Которое вы, во всякомъ случаѣ, преувеличиваете, замѣтилъ принцъ. Я могу даже увѣрить васъ, что ненависть моей жены къ пруссакамъ едвали уступаетъ моей.

— Я готовъ былъ заключить противное вчера вечеромъ, когда графъ положилъ такой непріятный конецъ нашей очаровательной идилліи, сказалъ маркизъ.

Принцъ такъ быстро и съ такимъ страннымъ, гнѣвнымъ выраженіемъ поглядѣлъ на маркиза, что тотъ невольно опустилъ глаза. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, желалъ только узнать: чего онъ можетъ опасаться или надѣяться, въ этомъ смыслѣ, со стороны Гедвиги. Оказывалось, что тутъ предстоитъ еще но-

вое открытіе, не менѣе для него интересное, а потому онъ продолжалъ, рѣшаясь изслѣдовать почву въ этомъ направленіи:

— По крайней мѣрѣ обращеніе вашей супруги съ графомъ можетъ служить доказательствомъ, какъ мало вліяютъ политическія убѣжденія на ея личныя отношенія.

Принцъ быстро поднялся съ кресла и рѣзко сказалъ:

— Кончимте. — Но затѣмъ, какъ бы раскаяваясь въ своей рѣзкости, прибавилъ: — Я вижу, что дверь въ кабинетъ тоже отперта; оттуда открывается прекрасный видъ на горы.

— Какъ угодно вашей свѣтлости, отвѣчалъ маркизъ.

Они вошли въ мастерскую Гедвиги; принцъ въ испугѣ остановился на порогѣ. Онъ никакъ не подозрѣвалъ, что Гедвига бывала здѣсь во все это время и всего меньше, что она снова возстановила свою мастерскую, а между тѣмъ, судя потому, что его окружало—раскрытый ящикъ съ красками на столѣ, кисть, лежавшая на стулѣ, мраморная палка, стоявшая возлѣ мольберта—она была здѣсь еще сегодня утромъ, совсѣмъ недавно. Но какимъ образомъ попалъ этотъ портретъ на мольбертъ?

— Превосходная картина! сказалъ маркизъ, вставляя въ глазъ стеклышко; я говорю о ней, какъ о картинѣ, потому что не могу судить о сходствѣ. Но, во всякомъ случаѣ, оригиналъ можетъ себя поздравить, если только художникъ не польстилъ ему. Право, какой красивый человѣкъ, необыкновенно красивый! Чей это портретъ, ваша свѣтлость.

— Одного изъ моихъ приближенныхъ, съ которымъ вы еще не успѣли познакомиться, отвѣчалъ принцъ, все еще не пришедшій въ себя отъ изумленія.

— А какъ зовутъ художника, смѣю спросить?

— Я долженъ предположить, что художникъ никто иной, какъ моя жена, потому что мы находимся въ ея мастерской, отвѣчалъ принцъ, улыбаясь съ смущеніемъ.

— Ахъ! замѣтилъ маркизъ, снова вставляя въ глазъ стеклышко и разсматривая портретъ съ удвоеннымъ интересомъ.

— По истинѣ, изумительно!

— Вы не должны слишкомъ критически относиться къ этому портрету, такъ какъ жена моя рисуетъ, главнымъ образомъ, ландшафты и только въ видѣ исключенія сдѣлала этотъ портретъ, и во всякомъ случаѣ заочно.

— Заочно? Въ самомъ дѣлѣ это замѣчательно! сказалъ маркизъ.

Принцъ отвернулся съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ; восторгъ маркиза казался ему преувеличеннымъ и ему послышалась даже какъ будто легкая насмѣшка въ его словахъ, отъ которой

кровь бросилась ему въ голову. Онъ подошелъ къ окну, желая совладать съ своимъ волненіемъ и скрыть непріятное смущеніе. Въ шагахъ двухстахъ отъ павильона, по аллеѣ, которая вела отъ него въ западную часть парка, шла Гедвига съ графомъ; графъ велъ лошадь подъ уздцы и говорилъ съ жаромъ; Гедвига слушала его, какъ казалось, съ опущенными глазами и пылающими щеками. Итакъ, то, чего онъ боялся, дѣйствительно осуществилось! Передъ его глазами, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, предстала страшная картина, которая давно мерещилась ему въ воображеніи: онъ былъ свидѣтелемъ свиданія и, для того, чтобы оно состоялось, ему стоило только уѣхать кататься часа на два! Да, то было свиданіе, для котораго мнимая выставка въ мастерской должна была, въ крайнемъ случаѣ, послужить ловкимъ предлогомъ.

Принцъ отскочилъ отъ окна и почти упалъ на руки къ маркизу, который все еще стоялъ у мольберта.

— Пойдемте, сказалъ онъ.

— Ваша свѣтлость не хорошо себя чувствуете, спросилъ маркизъ, быстро хватая руку принца, который пошатнулся. Я боюсь, что жаръ, а быть можетъ и разговоръ, который я утомилъ вашу свѣтлость... мнѣ очень жаль, очень, очень жаль!

— Это скоропроходящая дурнота, которой я иногда подверженъ, отвѣчалъ принцъ; холодный потъ выступилъ у него на лбу. Въ этихъ комнатахъ очень душно, я полагаю, что намъ пора домой.

Маркизъ свелъ принца съ лѣстницы и замѣтилъ при этомъ, что послѣдній очевидно съ трудомъ держался на ногахъ. Но принцъ не хотѣлъ поддаться слабости; тѣло должно было повиноваться, когда душа взывала о мщеніи. Онъ вздохнулъ свободнѣе, проѣзжая подъ высокими деревьями фазаньяго двора, по направленію къ шоссе. Ему казалось, что быстрота движенія исходитъ отъ него самого, что силы породистыхъ лошадей принадлежатъ ему самому, что онъ все тотъ же, какимъ былъ много лѣтъ тому назадъ, когда въ этой самой легкой коляскѣ отправлялся на охоту въ горы. Да, теперь онъ также отправляется на охоту, на охоту! на другую, болѣе важную охоту, чѣмъ та, которой онъ занимался въ дни своей юности! Тогда онъ велъ войну съ кабанами, которые опустошали поля его крестьянъ, теперь онъ долженъ былъ освободить свои собственныя владѣнія отъ дерзкихъ пришельцевъ; онъ долженъ сдѣлать это, хотя бы цѣной своей погибели!

— Маркизъ, сказалъ онъ вдругъ, поворачиваясь къ своему

спутнику: къ какому времени, говорили вы, нуженъ вамъ мой рѣшительный отвѣтъ?

— Я уже получилъ его, ваша свѣтлость, отвѣчалъ маркизъ. Въ вашихъ глазахъ свѣтится душа, уже принявшая рѣшеніе!

Онъ взялъ руку принца и прижалъ ее къ своей груди.

— Благодарю васъ, ваша свѣтлость, сказалъ онъ; благодарю васъ во имя Франціи, во имя справедливости и гуманности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Большое общество, приглашенное на вечеръ, было вовсе не по душѣ принцу. Онъ чувствовалъ себя, послѣ ужаснаго волненія, пережитаго имъ утромъ, какъ будто оглушеннымъ. Потерявъ способность мыслить, не чувствуя себя въ силахъ принять какое-нибудь рѣшеніе, терзаемый мучительными ощущеніями, тѣснившими его грудь, лежалъ онъ въ своей спальнѣ на софѣ, не двигаясь, не произнося ни слова, не замѣчая стараго камердинера, который, время отъ времени, тихо заглядывалъ въ дверь изъ передней, подходилъ даже не разъ къ софѣ и тихимъ голосомъ спрашивалъ: не прикажетъ ли чего его свѣтлость? Глейхъ былъ въ смущеніи. Онъ зналъ, что его свѣтлость былъ сегодня утромъ съ маркизомъ на фазаньемъ дворѣ; ему скоро стало извѣстно, что супруга принца также провела тамъ все утро, но и слуга, и кучеръ въ голосъ подтвердили, что барыни не было въ чайномъ домикѣ. Слѣдовательно принцъ и его супруга не встрѣтились другъ съ другомъ. Но что-нибудь да произошло, однако. Глейхъ еще разъ вызвалъ изъ конюшни Дитриха, чтобы хорошенько разспросить его въ корридорѣ. Уѣзжалъ ли кто-нибудь изъ господъ сегодня поутру?—Конечно, уѣзжали: графъ и докторъ; куда ѣздилъ графъ — ему неизвѣстно, но докторъ былъ на дворѣ фазановъ, ему сказывала Мета, которая слышала это отъ отца; онъ съ часъ тому назадъ проходилъ въ Ротебюль и зашелъ по дорогѣ въ зáмокъ.

На этотъ разъ Глейхъ не побранилъ Дитриха за то, что тотъ самъ не догадался сообщить ему о такой важной новости. Онъ слишкомъ обрадовался, что нашелъ точку опоры въ своей безпомощности и предметъ для разговора съ его свѣтлостью, когда его свѣтлость станетъ одѣваться къ вечеру.

— Ваша свѣтлость очень напугали меня сегодня, началъ Глейхъ, когда часъ спустя его повелитель сидѣлъ передъ нимъ весь блѣдный и разстроенный, а онъ причесывалъ его все еще

довольно густые и вьющіеся волосы, хотя мѣстами въ нихъ сильно пробивалась сѣдина. Я уже готовился навлечь на себя неудовольствіе вашей свѣтлости и позвать доктора, но потомъ подумалъ, что ваша свѣтлость, быть можетъ, уже говорили съ докторомъ на фазаньемъ дворѣ и совѣтовались съ нимъ на счетъ своего здоровья...

— Докторъ Горстъ на фазаньемъ дворѣ? спросилъ принцъ. Что ты хочешь сказать? когда онъ былъ тамъ?

— Я полагаю, что въ тоже самое время, какъ и ваша свѣтлость, отвѣчалъ Глейхъ.

— Отъ кого ты это знаешь? спросилъ принцъ.

— Прахатицъ былъ здѣсь, отвѣчалъ Глейхъ, уклончиво.

— Какую лошадь осѣдлали для него?

— Броулока, сколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Глейхъ на удачу.

Принцъ поглядѣлъ въ зеркало на свое блѣдное лицо. Не ошибся ли онъ? графъ былъ въ штатскомъ платьѣ, какъ это бывало уже не разъ, но онъ хорошо разглядѣлъ его. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не ошибся. Старая лисица, Глейхъ, все еще держится ложнаго слѣда. Конечно, портретъ, который онъ видѣлъ на мольбертѣ... и она только-что передъ тѣмъ занималась имъ... а задняя дверь въ аллею была открыта... странно, странно! очень странно! Но глаза никогда не обманывали его и на этотъ разъ онъ также можетъ на нихъ положиться.

— Я бы желалъ остаться одинъ на нѣсколько минутъ, Андрей.

Принцъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Странная случайность! разсуждалъ онъ самъ съ собою; а если это вовсе не случайность, если онъ хотѣлъ переговорить съ ней обо мнѣ... отъ него это станется. Я не требовалъ отъ него молчанія, это само собой подразумѣвалось, но, быть можетъ, онъ полагалъ, что для нея можетъ сдѣлать исключеніе. Онъ и не подозрѣваетъ, добрякъ, какъ велика ея измѣна, идетъ и предаетъ меня злѣйшимъ изъ моихъ враговъ. Слѣдуетъ ли мнѣ предостеречь его, предостеречь его отъ нея? неужели мнѣ придется все больше и больше погрязать въ этомъ позорномъ болотѣ?»

Онъ облокотился на письменный столъ, на которомъ стоялъ ея портретъ: маленькій, прекрасный пастель, произведеніе знаменитаго художника въ Римѣ, снятый четыре года тому назадъ.

Онъ велѣлъ отдѣлать его въ брилліантовую оправу и она всегда казалась ему недостаточно драгоцѣнной, а золотая под-

ставка, на которой стоялъ портретъ, недостойной поддерживать столько прелести и красоты.

Онъ долго глядѣлъ на портретъ. Впервые показался онъ ему безжизненнымъ, мертвымъ кускомъ разрисованной слоновой кости.... и только. Но вдругъ онъ задрожалъ: вотъ заиграла прелестная, меланхолическая улыбка вокругъ маленькаго ротика, темные глаза засверкали; легкій газъ, прикрывавшій прекрасную грудь, казалось, заколыхался.—Да, да, ты живешь, прекрасный портретъ! прошепталъ онъ, для меня ты живешь и вѣчно будешь жить; и еслибы я даже уничтожилъ тебя, то все-таки не могъ бы уничтожить воспоминанія; и еслибы ты покинулъ меня, то все же я никогда не разстался бы съ тобой.

Онъ притронулся дрожащей рукой до груди, провелъ рукой по лбу и бросился въ кресло.—Все напрасно, прошепталъ онъ.

Глейхъ снова вошелъ въ комнату и доложилъ, что фонъ-Цейзель дожидается въ передней. Общество уже собралось; недостаетъ лишь графа Пехтигеля; не угодно ли будетъ его свѣтлости?...

— Что, жена уже вышла?

— Госпожа Гедвига сейчасъ выйдетъ, и по обыкновенію, встрѣтитъ его свѣтлость въ зеленой комнатѣ.

Принцъ вышелъ изъ своей комнаты и въ передней взялъ фонъ-Цейзеля подъ руку. Фонъ-Цейзель замѣтилъ, что принцъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, опирался на его руку и что его вообще довольно легкая походка, на этотъ разъ, казалась нетвердой и неувѣренной. Но онъ воздержался отъ всякаго замѣчанія, хотя принцъ, подъ предлогомъ усталости и необходимости поберечь силы для вечера, не выходилъ къ обѣденному столу. Онъ зналъ, что принцъ не любитъ, чтобы его разспрашивали о здоровьи.

— Какъ идутъ приготовленія къ празднику? спросилъ принцъ дорогой: были ли вы въ Ротебюлѣ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость, и со всѣхъ сторонъ встрѣтилъ самую полную готовность содѣйствовать моимъ планамъ, которая самымъ яркимъ образомъ доказываетъ сильную любовь, внушаемую вашей свѣтлостью.

Фонъ-Цейзель, не увѣренный, что не превысилъ даннаго ему полномочія по части приглашеній, далъ краткій отчетъ о своихъ переговорахъ съ ротебюльскими дамами; но замѣтилъ, что принцъ слушалъ весьма разсѣянно.

Глаза его были неподвижно устремлены на дверь, черезъ которую должна была войти Гедвига.

— Гедвига долго не идетъ, замѣтилъ онъ.

— Вотъ она, отвѣчалъ фонъ-Цейзель, увидя Гедвигу, которая проходила по сосѣдней комнатѣ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу принца. Фонъ-Цейзель невольно крѣпче прижалъ его руку. Но принцъ рѣзко вырвалъ ее и направился къ двери. Гедвига вошла; она была вся въ бѣломъ, безъ всякихъ украшеній. Такою точно видѣлъ онъ ее сейчасъ на портретѣ; такою точно представлялась она ему въ воображеніи.

— Каструччіо, сказалъ онъ дрожащими губами.

Гедвига вопросительно поглядѣла на него. Она совершенно позабыла, что этимъ именемъ звали римскаго художника, нарисовавшаго ея портретъ. Она не поняла, почему принцъ произнесъ это имя.

Но для принца вопросительный взглядъ имѣлъ иное значеніе, а именно: онъ подумалъ, что она отталкиваетъ его и даже дружескій тонъ, съ какимъ Гедвига, опираясь на поданную имъ руку и слѣдуя за фонъ-Цейзелемъ въ пріемную залу, спросила: не правда ли, тебѣ лучше? не могъ возвратить ему хорошее расположеніе духа и усмирить его волненіе.

— Благодарю тебя, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ прибавилъ съ страшнымъ волненіемъ: ты была сегодня утромъ на дворѣ фазановъ, не правда ли?

— Я немного рисовала, возразила Гедвига.

Послѣ разговора съ графомъ она поспѣшно оставила павильонъ и не замѣтила слѣдовъ, оставленныхъ колесами передъ подъѣздомъ.

— Ты приглашала съ собой Стефанію? спросилъ принцъ.

— Стефанію, переспросила Гедвига; зачѣмъ?

— Слѣдовательно, ты была все утро одна?

— Докторъ Горстъ пріѣзжалъ на минуту.

— Вотъ какъ, сказалъ принцъ про себя, и затѣмъ громко спросилъ: а больше никого не было?

— Его свѣтлость съ супругой, возвѣстилъ фонъ-Цейзель въ дверяхъ, обѣ половины которыхъ были раскрыты лакеями, и направился къ обществу, собравшемуся въ столовой.

— Былъ также графъ, сказала Гедвига.

Этикетъ требовалъ, чтобы принцъ, съ своей супругой, обошелъ залу, раскланиваясь съ знакомыми и незнакомыми гостями, которыхъ представлялъ ему фонъ-Цейзель. Поэтому кавалеръ порядочно испугался, когда, отойдя нѣсколько въ сторону, увидѣлъ, что принцъ выпустилъ руку своей супруги и, отвернувшись отъ нея, пошелъ на лѣво, между тѣмъ, какъ она повернула на право. Фонъ-Цейзелю пришлось разрываться на части, чтобы исполнить свои обязанности, тѣмъ болѣе, что сегодня вечеромъ

присутствовало здѣсь нѣсколько лицъ, которыя, хотя и получили приглашеніе, но не были лично знакомы ни съ его свѣтлостью, ни съ его супругой: баронъ Манебахъ съ женой и двумя сыновьями, господинъ и госпожа фонъ-Шмюгге съ сыномъ и двумя дочерьми, господинъ и госпожа фонъ-Бухвальдъ съ сыномъ и дочерью, два молодыхъ англичанина, м-ръ Альфредъ и м-ръ Артуръ Симпльтонъ вмѣстѣ съ своимъ гувернеромъ м-ромъ Дэль, съ которыми молодые бароны фонъ-Манебахъ познакомились во время своего путешествія по Англіи въ прошломъ году и которые теперь, объѣзжая Европу, отдали визитъ и пріѣхали сюда по приглашенію, которое выхлопоталъ для нихъ баронъ Манебахъ. Кромѣ нихъ было еще съ полдюжины незнакомыхъ дамъ и мужчинъ.... и вдругъ его свѣтлость очутился на одномъ концѣ залы, а супруга его на другомъ! Это значило, какъ замѣтилъ мимоходомъ фонъ-Цейзель Герману, требовать отъ него невозможнаго. Но фонъ-Цейзель выполнилъ невозможное, фонъ-Цейзель былъ вездѣсущъ, и когда, четверть часа спустя, онъ обвелъ глазами вдоль залы, осторожно вытирая батистовымъ платкомъ выступившій на лбу потъ, то могъ сказать себѣ, что выигралъ сраженіе. Теперь все дѣло было налажено. Съ десяти до одиннадцати назначены были танцы; въ одиннадцати долженъ быть сервированъ ужинъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго поданы экипажи. Въ настоящую минуту слуги подносили подносы съ чаемъ оживленному обществу. Фонъ-Цейзель перевелъ духъ. У него выдавалась свободная минута, и ее онъ намѣренъ былъ посвятить дѣвицѣ Адели фонъ-Фишбахъ Это рѣшеніе онъ принялъ еще вчера вечеромъ, во время осмотра образцоваго хозяйства, когда онъ не отходилъ отъ прелестной дѣвочки. Да, здѣсь нашелъ Оскаръ фонъ-Цейзель то, чего тщетно искалъ, съ трепетомъ сердечнымъ, въ теченіи всей своей долгой, двадцати-четырехлѣтней жизни: голубые глаза, въ которыхъ еще не свѣтилось кокетство, алый ротикъ, незнакомый съ гримасами; здѣсь онъ нашелъ все, даже весьма приличное приданое и незаложенное рыцарское помѣстье въ будущемъ, когда господинъ и госпожа фонъ-Фишбахъ перестанутъ украшать своимъ присутствіемъ землю... да продлитъ Господь имъ вѣку! Оскаръ фонъ-Цейзель не былъ корыстолюбивъ: онъ способенъ былъ влюбиться безъ всякихъ заднихъ мыслей, даже не думая при этомъ о несчастной любви, которую только-что сокрыла свѣжая могила. Только одинъ разъ, во время неоцѣненной, слишкомъ краткой бесѣды, которую онъ велъ съ Аделью въ нишѣ окна, воспоминаніе объ этой свѣжей могилѣ посѣтило его душу, потому что тѣнь пробѣжала по его

лицу и онъ спросилъ, совсѣмъ не кстати: ѣздитъ ли Адель верхомъ?

Но лицо его просвѣтлѣло, когда молодая дѣвица довольно живо возразила: «нѣтъ, мамá находитъ это неприличнымъ для молодой дѣвушки».—Богъ благослови вашу матушку! вскричалъ кавалеръ такимъ растроганнымъ голосомъ, что молодая дѣвушка не могла себѣ этого объяснить, также какъ и торжественной важности, съ какой онъ пригласилъ ее на вальсъ и, затѣмъ, съ низкимъ поклономъ удалился или, какъ онъ сказалъ Герману, которому немедленно сообщилъ о своей новой страсти: оторвался отъ нея съ растерзаннымъ сердцемъ.

Фонъ-Цейзелю нужно было переговорить съ Германомъ; Германъ долженъ былъ объявить: принимаетъ ли онъ на себя роль Барбаруссы или нѣтъ. Цейзелю пришла блестящая мысль, въ то время, какъ онъ стоялъ съ Аделью фонъ-Фишбахъ въ нишѣ окна: уговорить молодую дѣвушку участвовать въ живой картинѣ, гдѣ и онъ, разумѣется, долженъ играть роль, и такимъ образомъ у него будетъ случай нѣсколько разъ видѣться и говорить съ предметомъ своего поклоненія до шестнадцатаго числа.

Но этотъ остроумный планъ могъ лопнуть, какъ мыльный пузырь, если не устроится нѣсколько живыхъ картинъ, по крайней мѣрѣ еще одна, а поэтому Германъ непремѣнно долженъ сказать да.

По словамъ фонъ-Цейзеля, блескъ, поэзія, просто судьба всего праздника зависѣли отъ этого.

— Но я ровно ничего не могу рѣшить, сказалъ Германъ; если я даже пробуду здѣсь до шестнадцатаго числа, чтó весьма сомнительно, то еще вопросъ: согласится ли госпожа Гедвига.

— Эту заботу предоставьте мнѣ, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; я спрашиваю только: согласны ли вы, если она согласится.

— Ну, хорошо! сказалъ Германъ въ твердой увѣренности, что Гедвига скажетъ нѣтъ.

Фонъ-Цейзель случайно могъ безпрепятственно подойти къ Гедвигѣ, которая въ эту минуту раскланялась съ обоими молодыми англичанами.

Гедвига переживала печальныя минуты среди улыбающагося и болтающаго общества, хотя сама также улыбалась и болтала. Ощущеніе, проснувшееся въ ней, когда Мета хотѣла надѣть на нее брилліанты: что ей не слѣдуетъ наряжаться для общества, которому не принадлежала больше ни одна мысль ея, ни одно движеніе сердца—это ощущеніе все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало ею, такъ что она чувствовала себя совсѣмъ чужой среди всѣхъ этихъ людей, занятыхъ различными интересами. Она не

успѣла еще обдумать, какое значенiе имѣли вопросы принца. Развѣ онъ былъ на фазаньемъ дворѣ? узналъ ли онъ такъ или иначе, что она разговаривала тамъ съ Германомъ и съ графомъ? Похоже на то. И вѣроятно онъ хотѣлъ выказать ей свое неудовольствiе, когда съ такой поспѣшностью оставилъ ея руку? Должно быть такъ. Но какое ей дѣло до того или другого? Даже то состраданiе, которое она чувствовала сегодня утромъ къ старику, который быть можетъ изъ-за нея бралъ на себя такую отвѣтственность и готовился помрачить остатокъ своихъ дней, даже это состраданiе, по милости котораго она унизилась до просьбы къ графу.... почти совсѣмъ исчезло въ ея душѣ.

Разнородныя интриги, которыя велись на ея глазахъ и въ былое время непремѣнно заняли бы ея проницательный умъ, потеряли весь свой интересъ для нея; она ничего не боялась, ни на что не надѣялась; она желала только одного: чтобы все поскорѣе кончилось, подобно тому, какъ утомленный человѣкъ ждетъ не дождется, когда сонъ смежитъ его глаза.

И вотъ въ эту минуту подошелъ къ ней озабоченный фонъ-Цейзель и сталъ умолять ее, точно спасенiе мiра зависѣло отъ ея согласiя, быть такой доброй и принять на себя роль Германiи. То будетъ картина весьма подходящая къ настоящей минутѣ, такъ какъ такая Германiя—здѣсь фонъ-Цейзель любезно улыбнулся — примиритъ всѣ партiи; всѣ онѣ захотятъ служить такой Германiи; что, кромѣ того, его стихи.... стиховъ не угодно ея милости? Ну оставимъ ихъ въ сторонѣ! Въ самомъ дѣлѣ, Германiя съ такими выразительными чертами не нуждается въ словахъ. Вы сдѣлали меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

Фонъ-Цейзель низко поклонился, приложивъ руку къ сердцу.

— Почему бы мнѣ этого не сдѣлать, спросила себя Гедвига. Этотъ добрый малый оказывалъ мнѣ безчисленныя услуги, а я ему до сихъ поръ ни одной.

Маркизъ подошелъ къ ней. Онъ слышалъ, что будутъ танцы; Гедвига сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если согласится протанцовать съ нимъ кадриль.

Гедвига невольно улыбнулась; она услышала на французскомъ языкѣ ту самую фразу, которую только-что выслушала на нѣмецкомъ. Вездѣ и всегда платятъ той же фальшивой монетой, подумала она и хотѣла сказать маркизу: я не танцую, но въ эту минуту ей бросилось въ глаза лицо графа, стоявшаго недалеко отъ нея и глядѣвшаго на нее съ полу-улыбающейся, съ полу-угрожающей миной. «Ты не смѣешь навязывать мнѣ свою волю», подумала она и съ улыбкой наклонила голову передъ маркизомъ, въ знакъ своего согласiя.

Маркизъ разсыпался въ благодарностяхъ. Со вчерашняго вечера его осаждали нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, удачный ли онъ избралъ путь къ сердцу прекрасной женщины. Маленькій успѣхъ возвратилъ ему самоувѣренность. Онъ ни однимъ словомъ не напомнилъ о вчерашней сценѣ въ огородѣ, но всѣ его жесты, всѣ мины, тонъ голоса молилъ о прощеніи въ томъ, что онъ осмѣлился поддаться своей страсти. Этотъ господинъ мастерски разыгрывалъ свою роль, съ нѣкоторыми варіяціями, какъ того требовали обстоятельства, и Гедвига прекрасно понимала его, но выраженіе, подмѣченное ею на лицѣ графа, не сводившаго съ нея глазъ, заставило ее продолжать игру, которая безъ того не имѣла бы для нея никакого интереса. Вдругъ маркизъ заговорилъ о такомъ предметѣ, который невольно приковалъ ея вниманіе. Маркизъ былъ въ восторгѣ отъ чайнаго домика; онъ совершенно раздѣлялъ пристрастіе Гедвиги къ поэтическому уединенію этого жилища, обитаемаго всѣми музами и граціями. Онъ могъ также поклониться богинѣ этого храма, если не лично ея особѣ, то ея произведенію, мастерство котораго онъ вполнѣ оцѣняетъ теперь, когда имѣетъ возможность сравнить копію съ оригиналомъ. Розель уже много говорилъ ему о докторѣ, занимающемъ такое почетное мѣсто при дворѣ его свѣтлости. Онъ хочетъ непремѣнно отыскать фонъ-Цейзеля и просить познакомить его съ докторомъ.

— Когда такъ, то я не стану васъ задерживать, сказала Гедвига; вонъ тамъ фонъ-Цейзель разговариваетъ съ докторомъ.

Она съ минуту простояла въ глубокомъ раздумьи; затѣмъ рѣшительно подошла къ принцу, который бесѣдовалъ съ старикомъ Фишбахомъ.

— Мнѣ кажется, господинъ фонъ-Фишбахъ, что ваша дочь ищетъ васъ.

Фонъ-Фишбахъ отошелъ прочь.

— Я должна переговорить съ тобой.

Принцъ бросилъ на нее мрачно-вопросительный взглядъ, но послѣдовалъ за ней.

— Ты не далъ мнѣ времени сказать тебѣ, чтó привело сегодня ко мнѣ въ чайный домикъ доктора Горста и графа. Не сердись на доктора, если онъ излилъ мнѣ все свое сердце, полное заботъ и печали, полагая, конечно, что я пользуюсь большимъ довѣріемъ съ твоей стороны, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Онъ просилъ меня употребить свое вліяніе на то, чтобы удалить графа, такъ какъ его непріятное для тебя присутствіе опасно вліяетъ на твои намѣренія. Такъ какъ графъ пріѣхалъ

нѣсколько минутъ спустя, то я могла попытаться, но попытка моя не удалась. Графъ утверждаетъ, и не безъ нѣкотораго основанія, что такъ какъ ты самъ пригласилъ его сюда, то онъ имѣетъ право оставаться, и что если въ настоящую минуту ему и маркизу неудобно быть твоими гостями одновременно и это можетъ повести къ разнымъ непріятностямъ, то не ему, а маркизу слѣдуетъ уѣхать. Для меня совершенно понятно, что если маркизъ самъ не догадывается объ этомъ, то ты не можешь навести его на эту мысль; но я могла бы сдѣлать это за тебя. Конечно, женщинѣ никогда не прощаютъ, если она вмѣшивается въ споры мужчинъ; но усилія женщины уладить споръ, удалить причину спора не кажутся мнѣ предосудительными; а если и есть въ этомъ что-нибудь предосудительное, то я охотно беру это на себя, если ты дашь мнѣ свое согласіе.

— Я не могу дать тебѣ моего согласія, отвѣчалъ принцъ.

— Я прошу тебя.

— Я поставленъ въ тяжкую необходимость отказать тебѣ въ просьбѣ.

— Это, сколько мнѣ помнится, моя первая просьба.

— И все-таки я не могу исполнить ее.

— Даже и въ такомъ случаѣ, если моя первая просьба будетъ послѣдней.

Глаза принца были устремлены на графа, который въ эту минуту разговаривалъ съ барономъ Нейгофомъ и смѣялся, хотя не во все горло, однако довольно громко, такъ что смѣхъ его долетѣлъ до принца. Ему показалось, что этотъ смѣхъ относится къ нему, что графъ уже заранѣе торжествуетъ надъ покорностью, съ какой исполняются его приказанія.

— Нѣтъ, даже и въ такомъ случаѣ, произнесъ принцъ.

Онъ не сознавалъ, что сказалъ это громко; онъ опомнился лишь тогда, когда Гедвига внезапно отняла свою руку и отвернулась отъ него. Онъ хотѣлъ позвать ее назадъ, побѣжать за ней, но замѣтилъ, или ему такъ показалось, что сцена эта начинала возбуждать вниманіе; въ эту минуту къ нему подошелъ фонъ-Цейзель, чтобы представить стараго графа Пехтигеля, который тотчасъ же началъ извиняться громкимъ, крикливымъ голосомъ въ томъ, что такъ поздно пріѣхалъ; но его свѣтлость, конечно, знаетъ, что старый капитанъ, получающій половинную пенсію, не всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи экипажъ, а что касается до него, то у него никогда не бывало таковаго послѣ того, какъ въ тринадцатомъ году онъ пользовался имъ во Франціи, благодаря реквизиціи, а на его двухъ старыхъ, рабочихъ клячахъ далеко не уѣдешь въ лѣсу и по дурной дорогѣ.

— Не могу же я, однако, вздуть его хлыстомъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, говорилъ графъ барону Нейгофу.

— Онъ стоилъ бы этого, отвѣчалъ баронъ. Но я согласенъ, что такъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлать это негодится; надо найти предлогъ. Еслибы ты замѣтилъ ему, что онъ говоритъ черезъ-чуръ въ носъ и что это тебѣ не нравится.

Графъ засмѣялся.

— Ты не знаешь въ этомъ толку, Куртъ. Сколько мнѣ помнится, ты всегда получалъ двойки изъ французскаго языка.

— Тѣмъ не менѣе отлично научился съ тѣхъ поръ объясняться съ французами, отвѣчалъ баронъ.

— Серьезно, Куртъ! Мнѣ нуженъ предлогъ, приличный предлогъ. Моя свекровь, которой Стефанія, повидимому, сообщила подробный отчетъ обо всемъ, чтб здѣсь происходитъ, умоляетъ меня не доводить дѣла до скандала, всего же менѣе до такого скандала, основаніемъ которому послужили бы политическія несогласія. Я вполнѣ сочувствую ей, хотя вина была бы и не на моей сторонѣ. Имя всегда страдаетъ при этомъ, а я не хочу, чтобы имя Рода,—если только я могу этого избѣжать,—было замѣшано въ политическомъ скандалѣ, или въ политическомъ процессѣ. И при ея дворѣ,—моя свекровь говорила тамъ объ этомъ дѣлѣ—думаютъ точно также: ради самого неба не затрогивать подобныхъ вопросовъ! Прекрасно; но за этимъ скрывается: вы не должны были допускать этого. Я вѣдь знаю это: всегда вы скажутъ мысль, но никогда не сдѣлаютъ изъ нея правильнаго вывода, если онъ неудобенъ.

— Хорошо, сказалъ баронъ, если такъ, то сдѣлай открытіе, что онъ самымъ наглымъ образомъ ухаживаетъ за прекрасной Гедвигой.

— Но этого нѣтъ.

— Ты больше не влюбленъ, милый Гейнрихъ, а не то—нашелъ бы манеры этого дуралея невыносимыми.

— Положимъ, что я нахожу ихъ невыносимыми.

— Когда такъ, то мы нашли то, чего такъ усердно добиваются его соотечественники, предлогъ къ войнѣ. Какъ ближайшій родственникъ дома, ты не можешь этого допустить; какъ молодой человѣкъ, ты обязанъ избавить старика отъ труда посадить маркизу пулю въ правое или лѣвое плечо. Все зданіе, конечно, построено, такъ сказать, на пескѣ, потому что маркизъ, повидимому, не пользуется чрезмѣрнымъ успѣхомъ, а прекрасная Гедвига, если утверждаетъ, что занята другимъ, во всякомъ случаѣ доказываетъ, что это справедливо.

— Мои шансы вовсе не высоки послѣ сегодняшняго утра, замѣтилъ графъ.

— Твои шансы, любезный Гейнрихъ? пожалуйста не разсердись, но я полагаю, что каковы бы ни были ваши прежнія отношенія, а у тебя давно уже нѣтъ никакихъ шансовъ.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ графъ.

— Но развѣ жена моя, исключительно занятая этимъ предметомъ въ настоящее время, никогда тебѣ о немъ не говорила.

— О чемъ могла говорить со мной твоя жена?

— Удивительное дѣло, что подобныя вещи всегда доходятъ всего позднѣе до тѣхъ, кого онѣ ближе всѣхъ касаются, замѣтилъ баронъ и сообщилъ графу въ краткихъ словахъ о слухахъ, которые—богъ вѣсть какъ и отвуда—появились въ обществѣ и во всей окрестности, насчетъ отношенiй Гедвиги къ доктору.

Графъ слушалъ съ недовѣріемъ.

— Какъ можешь ты передавать такой пустой и—извини за выраженіе—такой глупый слухъ.

— Почему пустой? почему глупый? спросилъ баронъ.

— Потому, что Гедвига слишкомъ горда, чтобы подумать только о такой жалкой интригѣ, не то, что завязывать ее, а еще потому, что не будь она слишкомъ горда, то она все-таки слишкомъ умна, чтобы выбрать путь, который такъ далеко завелъ бы ее отъ ея честолюбивой цѣли. А въ настоящее время я ни на одну минуту больше не сомнѣваюсь въ ея честолюбіи, хотя прежде думалъ иначе. Когда она отдалась принцу, то сдѣлала это безъ разсчета, просто изъ мести. Она одинаково бросилась бы въ объятія всякому другому. Но съ теченіемъ времени она открыла, что месть не только сладка, но и очень выгодна и можетъ быть еще выгоднѣй. Однимъ словомъ....

— Однимъ словомъ?...

— Она хочетъ быть не только женой принца съ лѣвой руки, она хочетъ забрать бразды правленія не только фактически и въ тишинѣ, но законнымъ и гласнымъ образомъ, а потому поощряетъ политическія глупости старика, которыя его все болѣе и болѣе изолируютъ, ожесточаютъ противъ всего свѣта и, благодаря которымъ, онъ проснется въ одно прекрасное утро изгнанникомъ и законнымъ супругомъ молодой женщины, безусловно управляющей имъ.

— Я полагалъ, что его богатство для нея дороже.

— Нашъ дворъ очень великодушенъ, какъ тебѣ извѣстно. На самый худой конецъ денегъ у нихъ будетъ довольно.

— Такъ ты вотъ какъ судишь о дѣлѣ?

— Я всегда подозрѣвалъ это, но съ сегодняшняго утра вполнѣ убѣдился. Что же касается этого франта, молодого ганноверца, то, быть можетъ, она пользуется имъ для какихъ-нибудь своихъ цѣлей, но этимъ дѣло и ограничивается, повѣрь мнѣ.

Баронъ Нейгофъ пожалъ плечами.—Тебѣ должно быть лучше извѣстно, сказалъ онъ. Я, съ своей стороны, всегда держался того мнѣнія, и не имѣлъ случая каяться, что хотя женщины, слава Богу, не могутъ судить о нашихъ вкусахъ, но и мы, къ сожалѣнію, не можемъ судить объ ихъ вкусахъ. А про доктора говорятъ, что онъ приходится по вкусу женщинамъ.

Графъ бросилъ мрачный взглядъ на своего друга. Баронъ засмѣялся:—Если ты вздумаешь теперь драться со мной, то лишишься секунданта на тотъ случай, если за мной наступитъ очередь маркиза. Музыканты забренчали, намъ слѣдуетъ немножко попрыгать, Гейнрихъ; жаль, что твоя жена не танцуетъ, она божественно вальсировала въ былое время.

Стефанія глядѣла на танцы, сидя въ углу зеркальной залы, куда теперь перешло общество. Хорошее расположеніе духа совершенно покинуло ее; она готова была расплакаться отъ скуки. Сегодня на нее не обращали почти никакого вниманія, самымъ ужаснымъ образомъ пренебрегали ею. Мужъ, конечно, пріучилъ ее къ этому, но никогда еще не былъ онъ такъ невнимателенъ къ ней, какъ сегодня. Докторъ молча и издали поклонился ей; даже самъ баронъ Нейгофъ, нѣкогда принадлежавшій къ числу ея поклонниковъ, не обращалъ на нея почти никакого вниманія и даже самъ принцъ совсѣмъ измѣнился въ послѣдніе дни; онъ должно быть совсѣмъ позабылъ о ней; а не то, какъ могъ бы онъ допустить танцы, когда она не могла принять въ нихъ участіе! Право, еслибы старая, несносная госпожа Фишбахъ не усѣлась теперь возлѣ нея, то она, быть можетъ, впервые въ своей жизни сидѣла бы на одномъ мѣстѣ въ большой залѣ во время танцевъ, и, что всего хуже, сидѣла бы одинокой.

— Мы очень рады, милая графиня, говорила добрая старуха, что вы наконецъ пріѣхали къ намъ, гдѣ вы можете считаться своими по праву и по божіей милости. Вамъ понравится у насъ; вѣдь мы надѣемся, что графъ оставитъ службу и поселится здѣсь, когда старый принцъ — Господь продли его дни!—переселится въ вѣчность. Мы здѣсь живемъ по простотѣ и немного отстали отъ вѣка, но живется у насъ недурно, а васъ-то ужъ будутъ на рукахъ носить. Ваше положеніе гораздо легче и пріятнѣе, чѣмъ положеніе вотъ этой бѣдной дѣвочки. Къ чему слу-

жать ей красота, молодость и величественный видъ? къ ней никто не чувствуетъ настоящаго почтенія, хотя въ глаза всѣ, быть можетъ, очень любезны. Собственно говоря, это служитъ не къ чести людской, потому что въ тѣ четыре года, которые она провела здѣсь, она сдѣлала много, говоря по справедливости, очень много добра. Гдѣ и когда только ни понадобится помощь — а въ деревнѣ она всегда нужна,—тамъ ужъ она тутъ какъ тутъ и помогаетъ словомъ и дѣломъ. Когда нынѣшней зимой, тамъ на верху, въ лѣсныхъ деревняхъ свирѣпствовалъ тифъ, то она была можно сказать вторымъ Провидѣніемъ для бѣдныхъ людей. Все это вѣрно, однако.... видите ли, графиня, таковы ужъ люди... мнѣ самой трудно вѣрится, что все это она дѣлаетъ изъ желанія угодить Богу; какъ же послѣ этого обвинять людей, если они говорятъ: она все это дѣлаетъ изъ желанія еще сильнѣе очаровать стараго принца, чтобы онъ на старости лѣтъ сдѣлалъ ее своей законной супругой, что̀, конечно, можно допустить, хотя я ничего тутъ не понимаю. Ну, а вотъ про васъ нельзя будетъ сказать ничего такого, а потому я повто̀ряю: васъ будутъ на рукахъ носить, когда вы будете здѣсь госпожей. Вы конечно будете очень добры, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Стефанія никогда не думала о томъ: будетъ ли она добра или нѣтъ, когда сдѣлается принцессой Рода; вопросъ о томъ, какъ будутъ судить о ней люди, казался ей также не особенно важнымъ; она обратила вниманіе только на ту часть рѣчи старухи, въ которой упоминалось, что всѣ считаютъ, будто Гедвига хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлаться законной супругой принца. Она подняла глаза и увидѣла, что Гедвига въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея весело танцовала кадриль съ маркизомъ, увидѣла, что̀ глаза многихъ мужчинъ слѣдили за стройной, бѣлой фигурой, а Нейгофъ, танцовавшая возлѣ нея, нагнулась къ ней и сказала: не будь такъ печальна: придетъ время и ты опять будешь хороша! — тутъ уже она не могла болѣе сдерживать своего горя и залилась горькими слезами, утирая ихъ украдкой кружевнымъ платкомъ. Сквозь слезы улыбнулась она Нейгофъ и послала воздушный поцѣлуй принцу.

— Вотъ идетъ мой старикъ, чтобы вести меня къ ужину, сказала добрая Фишбахъ. Кушанье кажется ему невкуснымъ, если я не гляжу, какъ онъ ѣстъ. А вотъ идетъ за вами, милая графиня, баронъ Нейгофъ. Такой красивый кавалеръ какъ разъ вамъ подъ стать.

Танцы кончились; общество перешло ужинать въ другую залу. Маркизъ, танцовавшій передъ тѣмъ съ Гедвигой, провелъ

ее въ столовую. Южное, оживленное лицо молодого человѣка сіяло и его огненные, черные глаза сверкали, когда онъ проходилъ съ нею мимо графа. Графъ заскрипѣлъ зубами.

— За что такая немилость, любезный графъ? спросила баронесса Нейгофъ, которую онъ велъ подъ руку. Мнѣ бы хотѣлось расцѣловать Гедвигу, я нахожу, что она достойна обожанія; она мститъ жестокимъ мужчинамъ за нашъ бѣдный, безпомощный полъ. Вы смѣетесь? вотъ это хорошо! смѣхъ звучитъ нѣсколько притворно, но вы попали на настоящую дорогу; вы примиритесь съ своей судьбой. Вы съ самаго начала принимали все это слишкомъ серьезно.

— Или недостаточно серьезно.

— Вы снова впадаете въ старую ошибку! Увѣряю васъ, что смѣхъ гораздо умнѣе и удобнѣе. Я уже дала этотъ благой совѣтъ Стефаніи. Ахъ, какую счастливую пару составите вы, когда научитесь смѣяться.

Вокругъ большого прекраснаго буфета, стоявшаго посреди комнаты, было разставлено много маленькихъ столиковъ, за которыми разсѣлось, безъ всякихъ церемоній и весело болтая, все общество.

— Не правда ли, какой удачный вечеръ? спросилъ фонъ-Цейзель, подходя въ концѣ ужина къ Герману; все идетъ превосходно, какъ по писанному, несмотря на то, что наша прислуга непривычна къ дѣлу и многіе изъ лакеевъ сегодня впервые облеклись въ черный фракъ? совсѣмъ тѣмъ ни одинъ не ударилъ лицомъ въ грязь; подносы не ронялись, ни одной изъ дамъ не опрокинули блюда на колѣни и не оторвали шлейфа! А само общество! Никогда въ жизни не повѣрилъ бы, что намъ удастся собрать здѣсь такое общество: изящные мужчины, любезныя женщины, очаровательныя дѣвицы! Ахъ, другъ мой, простите, я не думалъ въ эту минуту о вашей несчастной любви. Счастливые не только часовъ не наблюдаютъ, но и не знаютъ угрызеній совѣсти! Все здѣсь исполнено достоинства, веселья, граціи, гармоніи, въ которой не звучитъ ни одной фальшивой ноты, несмотря на безобразнаго, стараго графа Пехтигеля... Создатель! что это такое!..

Фонъ-Цейзель направился бѣгомъ черезъ всю комнату къ старому графу Пехтигелю, который съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ стоялъ передъ столикомъ, за которымъ сидѣлъ маркизъ съ Гедвигой и еще нѣсколько дамъ и мужчинъ.

— Какая тамъ Испанія! какая тамъ гогенцоллернская кандидатура! кричалъ старый буянъ; все это чепуха! Они просто хотятъ насъ вздуть; они давно этого хотятъ. Но я желалъ

бы знать, что мнѣ дѣлать съ французами; я всегда зналъ, что мнѣ дѣлать съ французами!

— Этотъ господинъ обращается, кажется, ко мнѣ, сказалъ маркизъ испуганному обществу. Не возьметъ ли кто изъ господъ на себя трудъ объяснить ему, что я не имѣю счастія его понимать?

— Но я-то хорошо понимаю васъ, прекрасный молодчикъ, кричалъ старикъ... я...

— Дайте мнѣ вашу руку, графъ, вскричалъ фонъ-Цейзель, хватая за руку полу-пьянаго старика и несмотря на его крики и сопротивленіе, выводя его за дверь, которая, къ счастію, находилась по близости и которую слуги поспѣшили отворить.

Принцъ тотчасъ же всталъ, какъ только до него долетѣло первое громкое слово, и этимъ подалъ знакъ всѣмъ остальнымъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ не могъ помѣшать всѣмъ присутствующимъ, замѣтить безобразную сцену, хотя всѣ и показывали видъ, что ничего не слыхали и не видали, и послѣдовали примѣру принца, который спокойно разсуждалъ съ старымъ Фишбахомъ и только тогда потерялъ какъ будто самообладаніе, когда къ нему подошли съ разныхъ сторонъ графъ и Гедвига.

— Ну, сказалъ онъ, рѣзко отворачиваясь отъ графа и обращаясь къ Гедвигѣ: какъ тебѣ это нравится?

Блѣдныя губы Гедвиги говорили о пережитомъ ею волненіи.

— Я въ негодованіи, отвѣчала она; но...

Она умолкла, увидя вдругъ рядомъ съ собой графа.

— Ну, замѣтилъ принцъ, мнѣ сдается, что тутъ не можетъ быть никакого *но*. Всякое *но* превратитъ насъ въ варваровъ, хотя даже самые варвары уважаютъ гостепріимство. Ахъ! это вы, любезный маркизъ.

Принцъ отвернулся, и опершись на руку маркиза и очевидно съ намѣреніемъ завязавъ съ нимъ дружескую бесѣду, сталъ обходить всю залу.

Графъ и Гедвига пристально поглядѣли другъ на друга. Онъ, не зная какъ далеко зашла она въ этомъ дѣлѣ, прочиталъ въ ея лицѣ только дерзкую насмѣшку; она, съ своей стороны, увидѣла въ немъ вызовъ и угрозу. Она не хотѣла удостоить графа словомъ: *я* сдѣлала все, что могла. Графъ пожалъ плечами, Гедвига отвернулась.

— Его свѣтлость желаетъ удалиться къ себѣ, сказалъ фонъ-Цейзель Гедвигѣ. Осмѣлюсь предложить вамъ свою руку?

Гедвига пошла съ кавалеромъ къ принцу. Принцъ, проходя съ Гедвигой мимо гостей, каждому изъ нихъ сказалъ какое-ни-

будь любезное слово; но фонъ-Цейзель замѣтилъ, что онъ внезапно замолчалъ, какъ только пріемная зала осталась позади нихъ и они вошли въ зеленую комнату, и что принцъ, поклонившись женѣ, впервые, сколько могъ запомнить фонъ-Цейзель, не поцѣловалъ у нея руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Вотъ увидишь, она больше не вернется, говорилъ Филиппъ.

— Но онъ долженъ же вернуться, отвѣчалъ Дитрихъ.

— Какой же тебѣ изъ этого прокъ; ты долженъ проводить господина секретаря въ кавалерскій флигель, а тѣмъ временемъ мой мусью внизъ по лѣстницѣ, да и былъ таковъ.

— Такъ иди ты!

— А если тѣмъ временемъ мой господинъ позвонитъ?

— Я переломаю всѣ кости молодчику.

— Я не отстану отъ тебя, сказалъ Филиппъ; но прежде мы должны поймать его. Слушай, Дитрихъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ: когда ты вернешься, то тотчасъ пойдешь въ садъ; а я уже тамъ буду. Господину моему я вѣроятно больше не понадоблюсь, а если бы даже... я дѣлаю это по дружбѣ къ тебѣ. Затѣмъ мы встрѣтимся внизу, у фонтана, знаешь, и если мы его поймаемъ...

— Ладно, отвѣчалъ Дитрихъ; уходи скорѣй, пусть онъ лучше не застанетъ тебя здѣсь и подумаетъ, что никто ему не мѣшаетъ.

— Итакъ, у фонтана!

Дитрихъ кивнулъ головой и остался одинъ въ передней у стола, между тѣмъ какъ его товарищъ отправился на свой постъ.

Дитрихъ и Филиппъ были заклятыми врагами, потому что Филиппъ проводилъ теперь почти весь день въ корридорѣ, который велъ изъ комнатъ гостей въ маленькій залъ, передъ красной башней. Дитрихъ могъ лишь изрѣдка и на минуту появляться тамъ изъ своей конюшни; но тѣмъ чаще могла встрѣчаться съ Филиппомъ Мета, выходя изъ комнатъ своей госпожи въ тотъ же корридоръ; Дитрихъ же имѣлъ основаніе думать, что эти встрѣчи бывали гораздо чаще, чѣмъ того требовала служба Меты. Но со вчерашняго утра, когда Баптистъ, камердинеръ маркиза, точно также поселился въ прихожей передъ комнатами своего господина, расположенными въ красной башнѣ, вражда Дитриха

и Филиппа превратилась въ тѣсную дружбу. Филиппу казалось, будто онъ замѣтилъ, что Баптистъ и Мета, всякій разъ, какъ онъ случайно входитъ въ комнату, казались весьма смущенными, а лица у обоихъ были очень красны. Въ своей ревности, онъ сообщилъ это наблюденіе Дитриху, который принялся страшно ругаться и увѣрять Филиппа, что если ужъ на то пошло, то онъ лучше желаетъ уступить ему дѣвушку, чѣмъ проклятому французу. Онъ заставилъ Филиппа поклясться, наблюдать за ними и поймать молодчика, если возможно. Филиппъ охотно принялъ на себя роль наблюдателя, ради своихъ собственныхъ интересовъ, но до сихъ поръ ничего не могъ открыть, несмотря на то, что притворился непонимающимъ по-французски, тогда какъ, напротивъ, пробывъ довольно долго во Франціи, онъ порядочно понималъ французскій языкъ. Но сегодня вечеромъ хитрость удалась ему. Онъ, Баптистъ и Мета, пользуясь свободнымъ часкомъ, выдавшимся у нихъ въ то время, какъ собрались гости, усѣлись въ прихожей красной башни за бутылками вина, которыя Мета ухитрилась достать, собираясь попировать въ свою очередь. Вино придало смѣлости Баптисту, а Мету сдѣлало менѣе осторожной. Филиппъ очень искусно разыгралъ глухого и слѣпого и увидѣлъ, какъ они пожимали другъ другу руки подъ столомъ, а наконецъ услышалъ, какъ Баптистъ сказалъ Метѣ: итакъ, сегодня вечеромъ, у фонтана, въ саду, гдѣ терраса!

Мета мигнула глазомъ и убѣжала, потому что экипажи покатились по двору и господа могли придти каждую минуту. Баптистъ и Филиппъ едва успѣли убрать бутылки и стаканы, какъ маркизъ и Розель показались въ корридорѣ, и Баптистъ послѣдовалъ за ними. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ графъ, и Филиппъ ушелъ за своимъ господиномъ. Вернувшись, онъ нашелъ Дитриха, котораго откомандировали въ корридоръ, на мѣсто Августа, который долженъ былъ прислуживать сегодня вечеромъ гостямъ, какъ это уже не разъ бывало. Филиппъ немедленно сообщилъ о своемъ открытіи Дитриху.

И вотъ теперь сидѣлъ Дитрихъ одиновій, горестно размышляя о своихъ любовныхъ невзгодахъ и, дожидаясь Розеля, поглядывалъ то на фонарь, которымъ онъ долженъ былъ освѣщать путь Розелю, провожая его черезъ дворъ въ кавалерскій флигель, то на дверь, черезъ которую долженъ былъ выдти Розель, то на свои часы, которые сегодня какъ будто остановились, и въ душѣ клялся, что утопитъ сегодня негодяя, хотя бы за это лишился мѣста и Меты.

Тѣмъ временемъ Баптистъ привелъ въ порядокъ спальню

своего господина и также нетерпѣливо, какъ и Дитрихъ въ коридорѣ, дожидался, чтобы маркизъ простился съ Розелемъ и легъ спать.

Маркизъ ничего такъ не желалъ, какъ ухода Розеля, но послѣдній сказалъ:

— Извините, маркизъ, если я надоѣдаю вамъ, но я считаю своей обязанностью напомнить, что въ сущности мы покончили наше дѣло здѣсь и теперь хорошо сдѣлаемъ, если подумаемъ объ остальной части нашей задачи.

— Думайте, думайте, это ваше ремесло, отвѣчалъ маркизъ; я съ своей стороны еще не готовъ.

— Какъ, маркизъ? замѣтилъ Розель; послѣ того какъ принцъ далъ сегодня утромъ формальное обѣщаніе, которое онъ непремѣнно исполнитъ; чего же вамъ еще нужно?

— Вы очень легко относитесь къ дѣлу, отвѣчалъ маркизъ, тогда какъ еще вчера вечеромъ Богъ вѣсть чего наговорили о его важности. Теперь, когда я начинаю имъ интересоваться, вашъ интересъ уже остылъ.

— Потому что намъ въ самомъ дѣлѣ нечего больше здѣсь дѣлать, возразилъ Розель. Склонивъ принца на свою сторону, мы добились всего, что только возможно. Старанія мои пріобрѣсти вліяніе на его окружающихъ, остались тщетными!

— А вы такъ разсчитывали на нихъ!

— Я просчитался, и точно также ошибся въ настроеніи бюргеровъ. Сегодня я все утро бродилъ по городку и его окрестностямъ. Повѣрьте мнѣ, маркизъ, всѣ эти люди ополчатся на насъ, какъ скоро вспыхнетъ война, да они уже и теперь возбуждены противъ насъ.

— Прекрасно, отвѣчалъ маркизъ, приготовьте хорошенькій отчетецъ, который мы пошлемъ министру. Употребите на это ночь, если вы не устали, а меня извините, если я съ своей стороны лягу спать.

— А развѣ васъ не озадачила сцена, которая произошла сегодня вечеромъ, маркизъ?

— Пустяки! отвѣчалъ маркизъ.

— Я полагаю, что графъ, а быть можетъ также баронъ Нейгофъ замѣшаны въ дѣлѣ, иначе старый негодяй не зашелъ бы такъ далеко.

— Очень возможно, замѣтилъ маркизъ, притворно зѣвая.

— Маркизъ, сказалъ Розель, беря въ руки шляпу, мнѣ было бы весьма прискорбно, еслибы я нашелся вынужденнымъ предпослать отчету, который я долженъ отправить къ герцогу Граммону, частное письмо къ Олливье, съ которымъ, какъ маркизу

извѣстно, я очень близокъ, и въ этомъ письмѣ упомянуть, что дѣятельная переписка маркиза съ графомъ Шамборъ отнимаетъ у господина маркиза то время, какое, въ интересахъ теперешняго правительства, господинъ маркизъ исключительно долженъ былъ бы посвятить нашей миссіи.

— Такъ, такъ, замѣтилъ маркизъ; зачѣмъ вы не сказали этого тотчасъ же? Сколько вамъ нужно?

— Моя бѣдная матушка въ Страсбургѣ, началъ Розель...

— И еще бѣднѣйшее «международное общество» въ Лондонѣ, подхватилъ маркизъ.

— Маркизъ!

— Великій Боже! вскричалъ маркизъ, я вовсе не желаю вмѣшиваться въ ваши политическія тайны; хорошо было бы, еслибы и вы держались той же похвальной привычки! Къ тому же ваше «международное общество» работаетъ въ нашу пользу; однимъ словомъ...

Баптистъ, отъ скуки приложившій ухо къ замочной скважинѣ, не разслышалъ отвѣта Розеля, но услышалъ, какъ маркизъ отперъ свою шкатулку и снова заперъ ее, и затѣмъ, смѣясь, сказалъ:

— Видите ли, *mon cher*; до тѣхъ поръ, пока вы не станете черезъ чуръ навязчивымъ, вы всегда найдете меня готовымъ платить вамъ за глупость, съ какой я довѣрился вамъ вначалѣ. Но, повторяю, вы не должны быть навязчивымъ.

— Благодарю васъ, маркизъ, отвѣчалъ секретарь, и такъ какъ вы столь добры, то позвольте выразить вамъ мою благодарность въ формѣ добраго совѣта: будьте осторожны, маркизъ! я увѣренъ, что графъ ищетъ лишь приличнаго предлога, чтобы затѣять съ вами ссору.

— Политика, при настоящихъ обстоятельствахъ, непригодна для этой цѣли, сказалъ маркизъ; мы только что видѣли, какъ люди, не раздѣляющіе политическихъ мнѣній принца, выгоняются по просту за дверь.

— Графа нельзя выгнать за дверь.

— Поэтому онъ и не долженъ ставить себя въ такое положеніе, при которомъ всякаго другого постигла бы такая участь.

— Пусть же маркизъ не подаетъ ему иного повода, который, вдобавокъ, будетъ имѣть еще одно худое послѣдствіе, а именно: ожесточитъ противъ него принца, то-есть самымъ серьезнымъ образомъ скомпрометтируетъ успѣхъ нашей миссіи.

— Любезный Розель, сказалъ маркизъ, я вамъ очень благодаренъ. Но вы ничего въ этомъ не смыслите. А теперь, покойной ночи.

Маркизъ позвонилъ.

— Посвѣти господину Розелю, а потомъ можешь не возвращаться, я самъ раздѣнусь и лягу въ постель.

Баптистъ провелъ Розеля въ переднюю и тамъ предоставилъ его Дитриху, мрачно поглядѣвшему на него; затѣмъ постоялъ съ минуту у окна въ корридорѣ, наблюдая за тѣмъ, какъ Дитрихъ провожалъ Розеля по двору съ фонаремъ, и сбѣжалъ наконецъ съ лѣстницы, которая развѣтвлялась ниже на двѣ части и каждая изъ нихъ вела къ особому выходу. Баптистъ простоялъ съ минуту въ нерѣшимости и затѣмъ, думая повернуть направо, повернулъ налѣво.

Какъ скоро маркизъ остался одинъ, такъ немедленно отбросилъ папиросу и принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, устланной ковромъ, разставивъ руки. Красота Гедвиги разожгла его страсть до послѣдней степени сегодня вечеромъ; любезность, съ какой она согласилась съ нимъ танцовать, дружеское обращеніе ея за ужиномъ, очевидный испугъ во время сцены съ старымъ, безумнымъ барономъ—все это послужило сладкой пищей его тщеславію.

— Она любитъ меня, она любитъ меня! вскричалъ маркизъ: и если любовь для нея, какъ и для меня, волшебная сказка, то она все-таки умѣетъ оцѣнить сладость отношеній, нисколько не теряющихъ своей прелести отъ того, что заранѣе предвидится ихъ кратковременность. Она не такова, какъ всѣ остальныя, несносныя нѣмецкія женщины, какъ, напримѣръ, эта бѣлокурая Стефанія; она не только знаетъ, чего хочетъ, но и имѣетъ мужество добиваться того, чего хочетъ. Кто достигъ того, чего она достигла, тому не нужно ходить за доказательствами своего мужества. Что касается угрызеній совѣсти, то у нея не можетъ быть о нихъ и рѣчи; старый супругъ, который притомъ же ревнуетъ неправильно, ревнуетъ къ этому противному прусскому графу, этому Донъ-Кихоту въ мундирѣ, который постоянно дѣлаетъ видъ, что охотно изрубилъ бы меня въ куски..... да, случай, удобный случай — вотъ все, что требуется!

Въ воображеніи молодого человѣка носились пестрымъ роемъ самыя безумно-смѣлыя похожденія изъ Фоблаза. Онъ мысленно цѣплялся за хрупкія шпалеры садовой стѣны. Онъ ощупью взбирался по темнымъ заднимъ лѣстницамъ и искалъ скрытую пружину потаенной двери; онъ встрѣчалъ тысячи препятствій и преодолѣвалъ ихъ всѣ, и подъ конецъ всего легче сопротивленіе обожаемой женщины, когда ему удалось добраться до нея. А онъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нея; даже тѣ двѣ комнаты, которыя онъ занималъ, недавно еще принадлежали ей.

Ему сообщилъ это Баптистъ, который недаромъ ухаживалъ за хорошенькой камеръ-юнгферой. Справа къ башнѣ примыкали ея комнаты. Эта дверь вела въ комнату, расположенную въ углу, между флигелемъ и башней и въ настоящее время никѣмъ необитаемую; изъ нея, по всей вѣроятности, можно было пройти въ ея покои. Не попытаться ли ему? Вокругъ стѣны шелъ широкій уступъ, могущій служить точкой опоры для ногъ, а руками легко ухватиться за карнизъ. Ему случалось удачно совершать болѣе головоломныя путешествія, а въ комнатѣ, рядомъ съ ея спальней, балконъ не запирался всю ночь.

Маркизъ выглянулъ въ окно. Подъ нимъ—довольно глубоко, какъ ему теперь показалось — раскинулся садъ, озаренный магическимъ свѣтомъ лѣтней ночи. Фонтанъ шумѣлъ. Изъ открытыхъ дверей балкона той комнаты, гдѣ жила Гедвига, падалъ свѣтъ на верхушки деревъ, росшихъ гораздо далѣе. Въ настоящую минуту было слишкомъ рано; въ замкѣ, значительная часть котораго была видна изъ выдающейся башни, виднѣлись еще освѣщенныя окна; но вскорѣ замокъ долженъ былъ погрузиться во мракъ, какъ и вчера ночью, и что касается сада, то хотя маркизъ пристально наблюдалъ за нимъ вчера въ этотъ самый часъ, но ни души не видѣлъ въ немъ.

Но что это такое? была ли то игра его разгоряченной фантазіи, или дѣйствительно то мелькнуло женское платье, скрывшееся въ кустахъ? Сердце маркиза сильно забилось, въ то время какъ зоркіе глаза пристально вглядывались въ темноту, разстилавшуюся подъ его ногами. Какъ глупо! если даже онъ и не ошибся, то мало ли кто могъ это быть: молодая графиня, которая, какъ онъ зналъ, также жила по близости, да еще въ нижнемъ этажѣ, и могла сойти въ садъ; нѣтъ, только не она; она не пойдетъ гулять въ этотъ часъ, но быть можетъ кто-нибудь изъ горничныхъ; почему непремѣнно Гедвига?

Тутъ снова мелькнуло платье.

Черезъ секунду онъ былъ уже у двери, которую тихо отворилъ. Въ корридорѣ горѣла лампа, но никого изъ прислуги не было. Маркизъ прокрался на цыпочкахъ къ лѣстницѣ и сбѣжалъ съ нея, не заблудясь, какъ Баптистъ, тамъ, гдѣ она развѣтвлялась. Онъ зналъ какъ добраться до садовой террасы, гдѣ мелькнуло бѣлое платье, которое въ его воображеніи никому не могло принадлежать, кромѣ Гедвиги.

Тѣмъ временемъ Баптистъ, вмѣсто того, чтобы выдти въ садъ справа между красной башней и главнымъ зданіемъ, вышелъ слѣва между красной башней и кавалерскимъ флигелемъ, и очутившись подъ окнами графа тщетно поджидалъ Мету, ко-

торая, по условію, должна была давно находиться на мѣстѣ свиданія. Баптистъ, воспользовавшійся временемъ, чтобы оглядѣться кругомъ себя, началъ подозрѣвать, что заблудился; и дѣйствительно, ему казалось удивительнымъ, что онъ не можетъ отыскать фонтана, что здѣсь стоятъ высокія деревья, которыхъ онъ что-то не припомнитъ и что аллеи тянутся по гладкому мѣсту, тогда какъ по его мнѣнію онѣ неоднократно должны прерываться ступенями. Однако вотъ башня, и въ ней освѣщенныя окна, и вотъ открытый балконъ, ведущій также въ освѣщенную комнату; это, по всей вѣроятности, покои барыни Меты. Но вотъ.... да, да, дѣйствительно, передъ глазами его мелькнуло женское платье. Баптистъ поспѣшно сдѣлалъ два шага и ударился о дерево, да такъ крѣпко, что не могъ удержать легкаго крика испуга и боли; но когда онъ нашелъ свою шляпу, которая слетѣла у него съ головы, то фигура, испуганная должно быть крикомъ, исчезла. Баптистъ нашелъ приличнымъ ободрить и привлечь нѣжными звуками робкую дѣвушку и затянулъ первый куплетъ одной пѣсенки, сначала очень тихо, затѣмъ, такъ какъ дурочка, которая конечно, спряталась по близости отъ него, все еще не показывалась, немного громче; наконецъ въ нетерпѣніи запѣлъ такъ громко, что графъ, ходившій взадъ и впередъ по своей комнатѣ, мучимый безсонницей, ясно услышалъ пѣніе.

— Французская пѣсня! пріятный теноръ! подъ его окнами! Ужъ не вздумалъ ли маркизъ.... потому что, кто же иной можетъ пѣть.... посмѣяться надъ нимъ? Или же, быть можетъ, пѣсня поется не для него? Но для кого же? Комнаты Гедвиги расположены на другой сторонѣ. Графу, при его настроеніи, не могла быть понутру французская пѣсня, пропѣтая подъ его окнами, все равно кѣмъ бы и для кого бы она ни пѣлась. Онъ бросился какъ былъ, въ своемъ шелковомъ халатѣ, изъ комнаты, захвативъ съ собой только фуражку и хлыстъ, лежавшій на столѣ.

Маркизу посчастливилось болѣе, чѣмъ его камердинеру. Не успѣлъ онъ сдѣлать пятидесяти шаговъ по саду, какъ женская фигура, къ которой рвалось его сердце, показалась изъ-за кустовъ недалеко отъ фонтана и—очевидно съ намѣреніемъ—скрылась въ одной изъ темныхъ аллей, гдѣ широкія каменныя ступени вели изъ верхней части сада въ нижнюю.

Маркизъ бросился, рискуя сломать себѣ шею, внизъ по совершенно темнымъ ступенямъ, настигъ фигуру, которая, заслышавъ его приближеніе, остановилась у послѣдней ступеньки и поджидала его, бросился къ ея ногамъ, покрылъ безчисленными и жаркими поцѣлуями обѣ руки, которыя у него не отнимали,

и въ своемъ волненіи не замѣтилъ, что эти руки не были такими нѣжными, какъ тѣ, которыми онъ такъ часто восхищался.

— О, сударыня, какая доброта, какая милость! прошепталъ онъ. Вы видите у своихъ ногъ счастливѣйшаго изъ смертныхъ!

Дама съ нѣкоторымъ усиліемъ вырвала руки; маркизъ счелъ это за приглашеніе поскорѣй встать на ноги и заключить въ свои объятія жертву своей неотразимой любезности, какъ вдругъ, невольно устремивъ глаза на верхній конецъ аллеи, онъ увидѣлъ тамъ двѣ фигуры, весьма ясно выдѣлявшіяся на свѣтломъ фонѣ ночного неба. Но дама, вѣроятно, тоже замѣтила эту фигуру. Она съ силой высвободилась изъ его объятій, быстро сбѣжала съ послѣднихъ ступенекъ и въ одно мгновеніе исчезла.

Маркизъ простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, что ему предпринять. Броситься вслѣдъ за дамой, значило неизбѣжно скомпрометтировать ее, а такая мысль была противна его рыцарскому духу; идти на встрѣчу двумъ фигурамъ, которыя сходили теперь со ступенекъ и шли на него,—тоже было неразумно, пока существовала какая-нибудь возможность избѣжать ихъ и сохранить свое *incognito;* но обратиться въ бѣгство казалось маркизу де-Флорвилю тоже неприлично. Ему ничего не оставалось больше, какъ избрать средній путь и безъ особаго спѣха, но и не очень медленно, идти по аллеѣ и убѣдиться, хватитъ ли безстыдства его преслѣдовать.

Маркизъ вскорѣ убѣдился въ этомъ безстыдствѣ. Обѣ фигуры двигались за нимъ тѣмъ самымъ шагомъ, какимъ онъ шелъ. Маркизу стало не по себѣ. До сихъ поръ онъ предполагалъ, что эти люди были помощники садовника, которыхъ случай привелъ на его дорогу и которые должны были скоро убѣдиться, что имѣютъ дѣло не съ воромъ. Значитъ то не были помощники садовника? значитъ не случай свелъ его съ ними? неужели онъ попалъ въ ловушку? и не потому ли шли они за нимъ такъ медленно, что не смѣли напасть на него?

Размышляя такимъ образомъ, маркизъ спускался со ступенекъ, пока, наконецъ, не достигъ, гораздо быстрѣе, чѣмъ предполагалъ, узкой тропинки, которая вела подъ скалой къ Родѣ. Здѣсь царствовалъ полный мракъ и воды рѣки грозно плескались слѣва, у самыхъ почти его ногъ, между тѣмъ, какъ правой рукой онъ ощупывалъ скалу.

Маркизъ прогуливался здѣсь сегодня утромъ и помнилъ, что недалеко отъ тропинки, по которой онъ шелъ, другая вела обратно въ садъ. Онъ надѣялся добраться до этой тропинки прежде, чѣмъ его преслѣдователи настигнутъ его, и затѣмъ уже намѣревался пуститься во всѣ лопатки, чтобы уйти отъ нихъ.

Но вотъ услышалъ онъ шаги позади, и если ухо его не обманываетъ, то и впереди себя. Въ самомъ дѣлѣ за нимъ шелъ подъ конецъ одинъ Дитрихъ, между тѣмъ какъ Филиппъ избралъ другую дорогу для того, чтобы жертва не ускользнула отъ нихъ и они могли бы привести въ исполненіе планъ, составленный ими на скорую руку, и заключавшійся ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы сбросить проклятаго француза въ Роду, гдѣ онъ съ успѣхомъ могъ остудить свою горячую кровь.

— Теперь остается одно: смѣло ждать врага, сказалъ маркизъ про себя.

Онъ прислонился спиной къ скалѣ и невольно сталъ шарить около себя, отыскивая какого-нибудь оружія, но ничего не нашелъ, кромѣ золотой сигарочницы, въ которой были также и спички.

— Прекрасно, подумалъ маркизъ, по крайней мѣрѣ я могу поглядѣть при огнѣ на моихъ молодцовъ.

Онъ подождалъ пока шаги справа и слѣва отъ него приблизились къ нему и зажегъ восковую спичку. Спичка тускло освѣтила окрестность, погруженную въ непроглядный мракъ, но и этого освѣщенія было достаточно для того, чтобы маркизъ могъ не только разглядѣть абрисъ своихъ преслѣдователей, но и узнать, какъ ему показалось, довольно своеобразное лицо графскаго камердинера. Но еще яснѣе разглядѣли Дитрихъ и Филиппъ маркиза, лицо котораго на минуту освѣтилось довольно ярко. Узнать маркиза, повернуть налѣво кругомъ и удрать со всѣхъ ногъ — было для нихъ дѣломъ одной минуты.

— Какіе трусы! сказалъ маркизъ, зажигая папиросу о спичку, готовую уже погаснуть; какіе жалкіе нѣмецкіе трусы! пугаются одной искорки, точно польскіе волки! а мы такъ долго колебались: прогнать ли этихъ скотовъ за Рейнъ, или нѣтъ.

Маркизъ не сомнѣвался болѣе, что о его импровизированномъ свиданіи съ прелестной женщиной догадались такъ или иначе; что эти трусы были подосланы графомъ. Что теперь будетъ? донесутъ ли на него принцу? но въ чемъ можно его обвинить? въ томъ, что онъ совершилъ ночную прогулку по саду и во время ея случайно встрѣтился съ Гедвигой, раскланялся съ ней и спокойно продолжалъ свою прогулку? Что же изъ этого? онъ вполнѣ невиненъ. Но графъ! графъ, который вмѣсто того, чтобы лично потребовать отъ него удовлетворенія, если считаетъ дѣйствительно, что у него есть основаніе къ ссорѣ, — подсылаетъ ночью своихъ лакеевъ, удирающихъ въ рѣшительную минуту! Ну, право же, графъ можетъ считать себя счастливымъ, если

онъ умолчитъ обо всемъ этомъ дѣлѣ. Но не слѣдуетъ ли ему самому потребовать теперь отъ графа удовлетворенія? Но къ чему это послужитъ? Графъ ни въ чемъ не признается, отопрется отъ своихъ сообщниковъ; нѣтъ, дѣло такого рода, что каждой сторонѣ слѣдуетъ хранить гробовое молчаніе; къ тому же всегда будетъ время заговорить, когда обстоятельства того потребуютъ. Одно несомнѣнно: прелестная женщина, съ такой охотой предоставившая ему свои руки для поцѣлуевъ, зашла такъ далеко, что уже не можетъ остановиться, а должна идти дальше.

Маркизъ былъ такъ доволенъ своимъ послѣднимъ выводомъ, что закурилъ вторую папиросу и весело пошелъ по той самой дорогѣ, по которой недавно шествовалъ не безъ робости и біенія сердца.

Графъ, пользуясь тѣнью деревъ, осторожно подкрался къ пріятному тенору, все еще продолжавшему, хотя и тише прежняго, напѣвать свою пѣсенку, но наконецъ умолкнувшему и замѣнившему пѣніе легкимъ кашлемъ. Очевидно онъ начиналъ приходить въ нетерпѣніе.

Графъ не сомнѣвался болѣе, что напалъ на свиданіе; но кто былъ пѣвецъ? и кто была дама, заставлявшая себя такъ долго ждать? Графу казалось, что онъ узнаетъ голосъ маркиза. Но возможно ли, чтобы маркизъ, съ такой неделикатностью, затѣялъ свиданіе? Но если это не маркизъ, то кто же можетъ это быть, чортъ возьми? со стороны слуги, по мнѣнію графа, такая дерзость была немыслима; Розель казался не большимъ охотникомъ до такихъ лирическихъ *intermezzo*. А если то былъ маркизъ, то кто же, чортъ побери, его дама? Гедвига? Невозможно, немыслимо! она никогда не снизойдетъ до такой жалкой интриги.

И повторяя себѣ, что невозможно, чтобы то была Гедвига, а слѣдовательно это вовсе не маркизъ,—графъ мысленно представилъ себѣ Гедвигу въ объятіяхъ маркиза, и заскрежетавъ зубами, крѣпко сжалъ рукоятку хлыста; но въ эту минуту, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ услышалъ вблизи себя шорохъ.

На маленькой, круглой, окруженной деревьями площадкѣ, на краю которой онъ стоялъ, показалась женская фигура и пошла прямо на него. На минуту она остановилась, и затѣмъ осторожно продолжала свой путь. Но въ тотъ же самый моментъ показался съ другой стороны пѣвецъ, подбѣжалъ къ женщинѣ и произнеся по-французски: «наконецъ, наконецъ, слава тебѣ Господи»! хотѣлъ обнять ее. Женщина вскрикнула;

въ одно мгновеніе графъ очутился возлѣ нихъ, схватилъ сильною рукой мужчину за грудь и яростно ударилъ его хлыстомъ раза два по головѣ и по плечамъ.

— Помилосердствуйте, графъ, вскричалъ наказанный.

— Но съ кѣмъ же, чортъ побери, я имѣю дѣло? сказалъ графъ, хватая человѣка за шиворотъ и оттаскивая его на нѣсколько шаговъ далѣе, куда падалъ яркій лучъ свѣта, сквозь деревья.

— Я, Баптистъ, милостивѣйшій графъ, отвѣчалъ смертельно испуганный камердинеръ, падая на колѣни.

— А кто эта женщина? спросилъ графъ.

— Мадемуазель Мета, отвѣчалъ Баптистъ, весь дрожа.

— Прекрасно; въ другой разъ ищите другого мѣста для свиданія, а не передъ моими окнами.

— Передъ окнами господина графа? прошу покорнѣйше извинить меня, какъ могъ я предполагать....

— Хорошо, сказалъ графъ, ступайте.

Баптистъ не заставилъ повторить себѣ два раза этого приказанія и исчезъ съ быстротой молніи.

— Ну, прекрасное дитя, заговорилъ графъ, обращаясь къ темной фигурѣ, которую страхъ казалось приковалъ къ мѣсту; мнѣ очень жаль, что я вамъ помѣшалъ.

Темная фигура ничего не отвѣчала. Графъ счелъ приличнымъ нѣсколько ободрить бѣдную, хорошенькую дѣвочку.

— Я не сержусь на васъ, замѣтилъ онъ и хотѣлъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, охватить рукою ея талію, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обняли двѣ руки.

— Гейнрихъ, Гейнрихъ! прошепталъ заглушаемый рыданіями голосъ.

— Ради Бога, Стефанія, какъ ты очутилась здѣсь? вскричалъ графъ.

— Ты самъ причиной этому; ты прогналъ меня отъ себя, рыдала Стефанія.

— Но милое дитя! замѣтилъ графъ. Весь ходъ дѣла для него объяснился. Любовь и ревность привели Стефанію подъ его окна. Она желала избѣжать Баптиста, поджидавшаго здѣсь свою возлюбленную и все-таки очутилась бы, въ концѣ концовъ, въ его объятіяхъ, еслибы къ счастію ея супругъ не вывелъ ее изъ такого опаснаго положенія.

— Но, милое дитя! повторилъ графъ; ты видишь, чѣмъ кончаются подобныя сумасбродства. И въ твоемъ положеніи.... развѣ ты о немъ вовсе не думаешь?

— А ты развѣ думаешь о немъ? прошептала Стефанія.

Графъ не нашелъ лучшаго отвѣта на этотъ вопросъ, какъ привлечь къ себѣ супругу и поцѣловать ее въ лобъ и глаза.

— Ахъ, Гейнрихъ, Гейнрихъ! какъ мы могли бы быть счастливы, сказала Стефанія.

Графъ даже въ эту минуту усумнился въ возможности этого счастія; но его пристыдило и до нѣкоторой степени тронуло очевидное доказательство любви Стефаніи.

— Я былъ бы безутѣшенъ, право безутѣшенъ, еслибы, вслѣдствіе твоей милой неосторожности, съ тобой случилась какая-нибудь бѣда, сказалъ онъ.

— Тогда ты получилъ бы свою свободу и женился бы на другой, которая не заставила бы тебя такъ долго ждать сына.

— И, полно, отвѣчалъ графъ; давно ли мы женаты! а черезъ мѣсяцъ....

— Ахъ, Гейнрихъ! еслибы родился мальчикъ.

— Я ни минуты въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ графъ; а теперь плотнѣе завернись въ шаль, маленькая, глупенькая, неосторожная женщина!

Онъ взялъ ее подъ руку и осторожно повелъ по темной аллеѣ. Разговоръ не продолжался; графа стѣсняла нѣсколько нѣжная сцена, на которую онъ неожиданно попалъ, и онъ думалъ, что для человѣка, ни въ чемъ непровинившагося, онъ выказалъ слишкомъ много доброты. Стефанія, съ своей стороны, не хотѣла утратить пріобрѣтеннаго, какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. Такъ дошли они до ея комнаты, въ открытыхъ дверяхъ которой стояла камеръ-юнгфера Стефаніи, Софья, недоумѣвая, куда могла дѣваться ея барыня. Стефанія хотѣла поцѣловать руку у своего супруга, но графъ тихо сказалъ: «прошу тебя!» а затѣмъ громко прибавилъ: «покойной ночи, милая Стефанія, я опять зайду за тобой завтра вечеромъ, если, какъ я надѣюсь, маленькая прогулка послужитъ тебѣ въ пользу».

Графъ медленно пошелъ назадъ по саду. Раза два онъ останавливался и задумчиво хлопалъ хлыстомъ по темнымъ кустамъ. Бѣдная Стефанія! Хотя, конечно, въ ея поступкѣ сказывалась не малая доля эгоизма. Никогда еще не сознавала она такъ глубоко, какъ теперь, какъ много выиграла она отъ брака съ нимъ; но Нейгофъ права, въ послѣднее время онъ слишкомъ пренебрегалъ ею. И какъ легко могло подобное происшествіе имѣть худыя послѣдствія для Стефаніи; чего добраго, будетъ имѣть худыя послѣдствія! И ради чего все это? Еслибы еще ради взаимной любви? а то нѣтъ, ради любви отверженной, осмѣянной, отъ вліянія которой онъ все еще не могъ освободиться, ради кото-

рой онъ каждую минуту готовъ былъ на всякую глупость.... это слишкомъ, это, право, слишкомъ!

Графъ поглядѣлъ на окна Гедвиги, мимо которыхъ проходилъ. Да, ея счеты съ нимъ не покончены, и теперь она въ долгу у него. Ясно, чего Гедвига хотѣла, если она, такая умная, такая проницательная, дѣлала видъ, что не замѣчаетъ того, что̀ было однако очевидно! Въ противномъ случаѣ, развѣ не могла она воспользоваться случаемъ и ясно доказать принцу, что присутствіе этого француза неизбѣжно вызываетъ такія возмутительныя сцены? Могъ ли онъ, могла ли она удивляться, если за этимъ шутовскимъ прологомъ послѣдуетъ кровавая драма? Если онъ вступится за стараго офицера, который, въ сущности, былъ правъ и съ своей стороны пожелаетъ узнать отъ маркиза: какъ онъ думаетъ, можетъ ли въ настоящую минуту прусскій офицеръ, иначе какъ съ пистолетомъ въ рукахъ, разговаривать съ французскимъ эмиссаромъ? Да, клянусь Богомъ, бормоталъ графъ, я желалъ бы, чтобы сегодня вечеромъ они зашли нѣсколько дальше, она съ своимъ кокетствомъ, а онъ—съ своимъ нахальствомъ, и дѣйствительно назначили бы этотъ невозможный *rendez-vous*. Но она слишкомъ умна, чтобы облегчить мнѣ, такимъ образомъ, мою глупую задачу.

Графъ былъ до того погруженъ въ свои размышленія, что ему показалось, что человѣческая фигура, мелькнувшая мимо него въ то время, какъ онъ стоялъ въ тѣни изгороди, выросла какъ будто изъ земли и опять провалилась сквозь землю. Онъ готовъ былъ даже принять все это за игру своего разгоряченнаго воображенія, еслибы ночной вѣтерокъ не донесъ до него ароматическаго запаха турецкаго табаку, который обыкновенно курилъ маркизъ. Неужели то былъ маркизъ? откуда онъ шелъ? также съ *rendez-vous*, какъ и его Баптистъ?

Ошибка, въ которую онъ впалъ передъ тѣмъ, ослабила рѣшимость графа. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться и пойти вслѣдъ за фигурой, она исчезла безслѣдно. Безъ сомнѣнія, она скрылась въ одну изъ дверей красной башни, по близости которой произошла эта встрѣча.

— Ладно, сказалъ графъ, въ слѣдующій разъ, когда мы встрѣтимся, авось будетъ свѣтло и мы хорошо разглядимъ другъ друга.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По зрѣломъ размышленіи, Баптистъ пришелъ къ заключенію, что ему лучше всего молчать, пока можно, о своемъ несчастномъ приключеніи и не заикаться о претерпѣнныхъ ударахъ. Въ этомъ намѣреніи, внушенномъ, такъ сказать, самой мудростью, его еще болѣе укрѣпила утренняя встрѣча въ корридорѣ съ Метой, которая шепнула ему мимоходомъ: сегодня вечеромъ и авось удачнѣе, чѣмъ вчера! Онъ успѣлъ только спросить убѣгавшую дѣвушку: но что, если онъ насъ выдастъ? на чтó Мета отвѣчала съ кокетливой улыбкой: онъ не рѣшится этого сдѣлать, да къ тому же онъ меня не узналъ.

Баптистъ не успѣлъ спросить: почему Мета думаетъ, что графъ не рѣшится говорить объ этомъ дѣлѣ? Быть можетъ потому, что не захочетъ, чтобы оно дошло до свѣдѣнія маркиза? подумалъ Баптистъ; конечно, мой господинъ не потерпѣлъ бы ничего такого, а такъ какъ дѣвушка также хорошо ко мнѣ относится сегодня, какъ и вчера.... француженка никогда не простила бы ничего подобнаго своему возлюбленному, но у этихъ нѣмокъ нѣтъ никакого чувства собственнаго достоинства....

— Да и у нѣмецкихъ слугъ точно также, прибавилъ Баптистъ, когда графскій Филиппъ, котораго онъ вскорѣ затѣмъ встрѣтилъ, отнесся къ нему дружелюбнѣе, чѣмъ когда-либо. Вздумай-ка какой-нибудь нѣмецъ такъ ухаживать за моей возлюбленной, какъ я за Метой, да будь я при этомъ двумя головами выше его.... ужъ я бы ему задалъ!

Съ этими утѣшительными мыслями Баптистъ поднесъ шоколадъ къ постели своего господина и былъ не мало изумленъ, когда тотъ, едва успѣвъ протереть глаза, обратился къ нему со словами:

— Какъ ты думаешь, Баптистъ, можешь ты разузнать, была ли вчера вечеромъ, послѣ того, какъ гости разъѣхались, госпожа Гедвига въ саду?

Маркизу пришла мысль—какъ ни казалась она невѣроятной—что вѣдь, чего добраго, онъ ошибся въ личности вчерашней дамы. Поэтому онъ желалъ вполнѣ разъяснить для себя важное обстоятельство.

— Я полагаю, отвѣчалъ Баптистъ и прибавилъ: боюсь только, что не могу такъ скоро услужить господину маркизу; по всей вѣроятности, не раньше сегодняшняго вечера, но тогда навѣрное.

— Почему навѣрное? спросилъ маркизъ.

— Съ позволенія господина маркиза, у меня назначено свиданіе съ горничной, отвѣчалъ Баптистъ съ самодовольной улыбкой.

— Не было ли у тебя назначено свиданіе и вчера? спросилъ маркизъ. Ему вдругъ пришло въ голову, не держалъ ли онъ въ своихъ объятіяхъ горничную вмѣсто барыни.

— Точно такъ, отвѣчалъ Баптистъ.

— Гдѣ?

— Въ саду.

— Въ какомъ мѣстѣ?

Баптистъ описалъ мѣстность насколько съумѣлъ; маркизъ встрѣтилъ даму не тамъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ двѣнадцать.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Совершенно увѣренъ; я слышалъ, какъ били часы на зáмкѣ.

Маркизъ также слышалъ бой часовъ, когда вошелъ въ аллею.

— А ты увѣренъ, что то была мадемуазель... какъ бишь ее.... Мета?...

— Помилуйте, господинъ маркизъ, возразилъ Баптистъ тономъ оскорбленной невинности.

— Хорошо, сказалъ маркизъ, ступай.

— Очень хорошо, повторилъ молодой человѣкъ, потягиваясь въ своей мягкой постелѣ. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что то была она. Все какъ разъ совпадаетъ одно съ другимъ; и къ тому же встрѣча съ негодяями! Еслибы они гнались за Баптистомъ, то не стали бы такъ долго церемониться, а одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно камердинеръ графа. Быть можетъ, негодямъ поручено было убить меня, бросить въ рѣку, почемъ я знаю! Но я остановилъ ихъ своимъ хладнокровіемъ. Еслибы только мнѣ узнать, какъ могли такъ скоро напасть на слѣдъ? должно быть подозрѣвали, должно быть подглядывали. Ну, вчера ее вырвали изъ моихъ объятій, но за то сегодня она тѣмъ вѣрнѣе бросится въ нихъ. Ужъ эти нѣмецкіе болваны!

Дитрихъ и Филиппъ еще вчера вечеромъ, вернувшись бѣгомъ въ зáмокъ, совѣщались другъ съ другомъ, что имъ дѣлать при тѣхъ странныхъ обстоятельствахъ, какія происходили передъ ихъ изумленными глазами. Оба отлично узнали маркиза и вовсе не были увѣрены, чтобы маркизъ не узналъ ихъ также хорошо, какъ и они его. Ихъ поведеніе относительно знатнаго, иностраннаго барина, подозрительное преслѣдованіе и еще болѣе подозрительное бѣгство могли дорого обойтись имъ, если только мар-

кизъ заговоритъ объ этомъ дѣлѣ. Совсѣмъ тѣмъ послѣднее было мало вѣроятно, а по зрѣломъ обсужденіи и совсѣмъ неправдоподобно. Господинъ маркизъ не могъ заговорить объ этомъ дѣлѣ, не упомянувъ, что держалъ въ своихъ объятіяхъ Мету ночью, въ двѣнадцать часовъ, въ саду.

— Но точно ли то была Мета? спросилъ Филиппъ.

— Такъ кто же, если не она? отвѣчалъ Дитрихъ.

Оба парня поглядѣли другъ на друга.

— У меня не выходитъ изъ головы, сказалъ Филиппъ, что Мета вмѣстѣ съ возлюбленнымъ перемѣнила также и цвѣтъ платья.

— Но встрѣча могла быть также и случайная, замѣтилъ Дитрихъ.

Филиппъ согласился, но противъ этого предположенія говорило другое обстоятельство. Женская фигура, кто бы она ни была, вышла изъ двери, которая вела прямо въ покои жены принца и явилась какъ разъ на условленное мѣсто свиданія, возлѣ фонтана, при входѣ въ темную аллею, вблизи которой спрятались наши друзья; вмѣстѣ съ тѣмъ и мужчина, оказавшійся маркизомъ, пришелъ изъ красной башни, какъ разъ въ тотъ же часъ и прямо, не колеблясь, подошелъ къ женской фигурѣ. Если то была не Мета, то кто же, кто же наконецъ?

Здѣсь оба друга снова поглядѣли другъ на друга; каждый охотно предоставлялъ рѣшительное слово другому.

— Да, да, таковы всѣ знатные господа, сказалъ наконецъ Дитрихъ.

— Они не лучше насъ, грѣшныхъ, отвѣчалъ Филиппъ.

— А то, что́ ты подслушалъ, касалось господъ, сказалъ Дитрихъ.

Филиппъ подумалъ про себя, что если Баптистъ и Мета условливались въ свиданіи не для себя, а для своихъ господъ, то могли бы обойтись при этомъ безъ пожатія рукъ подъ столомъ; ему казалось также не совсѣмъ вѣроятнымъ, чтобы жена принца уговаривалась насчетъ такого свиданія черезъ горничную. Со всѣмъ тѣмъ ему пришло въ голову, что онъ самъ, въ подобныхъ случаяхъ, хотя и не такъ прямо, игралъ роль посредника для своего барина, да и если его господинъ наказывалъ ему особенно строго: какъ можно ближе сойтись съ Метой, то вѣдь объяснить это можно было только однимъ манеромъ. Какъ бы то ни было, а оба друга условились въ томъ, чтобы никому ни словечка не проронить обо всемъ этомъ дѣлѣ, и съ этимъ разстались.

Сегодня же утромъ подозрѣнія Филиппа въ томъ, что мар-

кизъ разыгралъ вчера ночью въ двѣнадцать часовъ, у фонтана, въ саду чувствительную сцену не съ Метой, а съ кѣмъ-то другимъ, — перешло почти въ увѣренность. Онъ встрѣтилъ Мету въ корридорѣ и не могъ удержаться, какъ онъ потомъ объяснялъ Дитриху, чтобы не навести справокъ, и сказалъ, что онъ и Дитрихъ встрѣтили вчера маркиза въ саду съ одной дамой, которой не хотятъ называть. Мета, вполнѣ увѣренная, что оба преслѣдователя, въ которыхъ она тотчасъ же признала Дитриха и Филиппа, не могли узнать ее, и не менѣе увѣренная, что маркизъ, называвшій ее «сударыней» и цѣловавшій ей руки, принялъ ее за другую, успѣла уже обдумать, чтб ей говорить, если коснется рѣчь объ этомъ дѣлѣ и возразила колко: если Филиппъ знаетѣ, что то былъ маркизъ, то долженъ также знать, кто была дама. Съ этими словами она ушла отъ Филиппа.

— Ну ужъ господа! право, они не лучше насъ, вторично сказалъ Филиппъ про себя и пошелъ къ своему господину, который въ эту минуту позвонилъ.

Графъ не спалъ почти всю ночь. Ужасная мысль, которую онъ сначала отгонялъ отъ себя съ отвращеніемъ, и которая почти казалась ему преступленіемъ передъ Гедвигой, или, по крайней мѣрѣ, передъ собственной гордостью: мысль, что Гедвига могла забыться до такой степени, могла назначить свиданіе маркизу — эта мысль постоянно возвращалась въ его разгоряченную голову и подъ конецъ не выходила больше изъ нея. Онъ припоминалъ теперь, что маркизъ познакомился съ принцемъ и Гедвигой четыре года тому назадъ, во время ихъ путешествія по Италіи, и что тогда онъ провелъ нѣсколько недѣль въ ихъ обществѣ. Онъ думалъ о томъ, какія страсти бушевали тогда въ душѣ молодой, семнадцатилѣтней дѣвушки, какъ болѣло ея сердце отъ оскорбленной любви и какъ невѣроятно, чтобы ея молодое, изстрадавшееся сердце нашло утѣшеніе въ любви старика; и какъ, напротивъ, естественно, чтобы такой молодой, ловкій и несомнѣнно поразительно-красивый человѣкъ, какъ маркизъ, съумѣлъ утѣшить ее въ то время. Далѣе онъ думалъ, что маркизъ уже тогда далъ обѣщаніе посѣтить принца и если такъ долго откладывалъ исполненіе своего обѣщанія, то причиной этому могли быть различныя обстоятельства. Во всякомъ случаѣ, такая долголѣтняя привязанпость со стороны такого вѣтреннаго человѣка чрезвычайно поразительна и даетъ заключить о близости ихъ прежнихъ отношеній.

Что не интересъ къ нѣмецкому сельскому хозяйству привелъ сюда маркиза, это не требовало доказательствъ; и если, какъ графъ предполагалъ почти навѣрное, этотъ человѣкъ былъ дѣй-

ствительно однимъ изъ многочисленныхъ французскихъ эмиссаровъ, сновавшихъ по Германіи въ настоящую минуту, передъ предстоявшей войной, — то и это нисколько не мѣшало; маркизъ былъ настолько ловокъ, что могъ преслѣдовать нѣсколько цѣлей за разъ и соединить полезное съ пріятнымъ.

Затѣмъ ему вспомнилось то, что́ баронъ Нейгофъ говорилъ объ отношеніяхъ Гедвиги къ доктору, и онъ громко расхохотался въ ночной тиши надъ такой вздорной басней; затѣмъ снова мысли его приняли прежнее направленіе и онъ принялся ломать голову надъ своимъ новымъ открытіемъ, увѣряя себя, что и оно такая же вздорная басня, и онъ ей не вѣритъ, и никому не повѣритъ, кто бы ни заговорилъ о ней; мало того: всякаго, кто заговоритъ о ней, поставитъ подъ дуло своего пистолета; но при этомъ ему пришло въ голову, что когда такъ, то онъ долженъ себѣ первому всадить пулю въ лобъ. Надъ такимъ забавнымъ предположеніемъ онъ снова и громко расхохотался.

Такъ, въ борьбѣ между любовью, которой онъ не въ силахъ былъ подавить, и ненавистью, которая разгоралась съ новой силой всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ ее потушить, тянулась для обуреваемаго страстями человѣка краткая лѣтняя ночь, какъ безконечная адская пытка. Наконецъ, когда утренняя заря уже заглянула въ комнату сквозь опущенныя гардины, онъ вздремнулъ съ часокъ, но вскочилъ, пробужденный дикими сновидѣніями, со словами: «я хочу знать навѣрное; я съ ума сойду, если не буду знать навѣрное».

Онъ позвонилъ; вошелъ Филиппъ.

— Въ какихъ ты отношеніяхъ съ Метой? спросилъ графъ.

— Такъ себѣ, графъ! отвѣчалъ Филиппъ, испугавшись этого вопроса и порѣшивъ выжидать, пока выяснится: чего его барину угодно.

— Я приказывалъ тебѣ какъ можно ближе сойтись съ дѣвушкой. Почему ты этого не исполнилъ?

— Я старался, насколько умѣлъ, графъ; но вѣдь ни одинъ человѣкъ не можетъ принудить другого силой, а дѣвушка, кромѣ того, робка и давно уже водится съ Дитрихомъ, который хочетъ на ней жениться.

— И водитъ васъ обоихъ за носъ, замѣтилъ графъ; почему ты не можешь добиться того, чего могутъ другіе, чего съумѣлъ добиться камердинеръ маркиза? Онъ скоренько обошелъ ее, въ какихъ-нибудь два дня достигъ того, что она назначила ему свиданіе въ саду, на которомъ я самъ его поймалъ.

— Если графъ самъ поймалъ его, отвѣчалъ Филиппъ, то я

не смѣю спорить; въ противномъ случаѣ я бы подумалъ, что то былъ не Баптистъ, а самъ маркизъ.

Графъ навострилъ уши; онъ собирался побранить Филиппа за то, что тотъ допустилъ Баптиста перебить у него Мету и не могъ отъ нея узнать того, чего ему было желательно. Теперь оказывалось, что Филиппъ и безъ того напалъ на настоящій слѣдъ.

— Къ чему ты приплелъ маркиза? спросилъ графъ.

Филиппъ, воображавшій, что его господинъ, какимъ-то непонятнымъ для него образомъ, провѣдалъ о свиданіи маркиза и Гедвиги, и только ошибался въ лицахъ, не счелъ приличнымъ выказаться нерадивымъ слугой и умолчать о томъ, что зналъ.

Онъ разсказалъ, какъ самое достовѣрное событіе, что онъ и Дитрихъ хотѣли вчера ночью подкараулить Баптиста и Мету, но вмѣсто Баптиста наткнулись на маркиза и едва не сбросили его въ Роду; что же касается дамы, то они, конечно, также узнали ее, а еслибы даже и не узнали, то все равно онъ могъ узнать отъ Меты,—которая, быть можетъ, и не въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Баптистомъ, какъ полагаетъ графъ,—кто была дама; но графъ, конечно, будетъ такъ добръ и не станетъ разспрашивать его болѣе, потому что вмѣшиваться въ такія дѣла такому маленькому человѣку, какъ онъ, всегда опасно, а графъ ужъ будетъ знать, что̀ ему дѣлать.

— Ты болванъ, сказалъ графъ, потому что позволяешь дѣвчонкѣ набивать тебѣ голову такимъ вздоромъ. Теперь ступай и не смѣй говорить объ этомъ ни слова, если не хочешь, чтобы я тебя прогналъ.

— Слушаю, графъ! отвѣчалъ Филиппъ, замѣтившій, что его господинъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ во время его разсказа и кусалъ нижнюю губу, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда бывалъ особенно сердитъ.—Графъ можетъ на меня положиться. Прикажете принести теперь кофе?

Графъ не отвѣчалъ, но когда слуга вышелъ изъ комнаты, то онъ, какъ безумный, подскочилъ на кровати и ударилъ рукой по ящику съ пистолетами, стоявшему близъ него на ночномъ столикѣ. То были тѣ самые пистолеты, которые онъ купилъ въ первое время по пріѣздѣ сюда у Финдельмана въ Ротебюлѣ, такъ какъ его собственные остались въ Берлинѣ, и изъ которыхъ онъ еще не дѣлалъ пробнаго выстрѣла, хотя Филиппъ тогда же зарядилъ ихъ.

Онъ вынулъ одинъ изъ пистолетовъ и прицѣлился изъ окна, отвореннаго Филиппомъ, въ зяблика, щебетавшаго на вѣткахъ

ели. Рука его не дрожала и твердо держала пистолетъ. Графъ опустилъ пистолетъ.

— Ахъ! когда бы я могъ такъ прицѣлиться въ тебя, французская обезьяна! промолвилъ онъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ тотъ же день, раннимъ вечеромъ, цѣлый рядъ придворныхъ экипажей тянулся по прекрасному шоссе́, которое вело отъ Роды, черезъ фазаній паркъ, направо въ лѣсъ къ охотничьему за́мку и къ развалинамъ древняго бурга Рода, лежавшимъ на одинокой скалѣ, недалеко отъ охотничьяго за̀мка. Дѣйствительное разстояніе между ними и за́мкомъ было всего какихъ-нибудь полмили, но для избѣжанія крутого подъема, экипажи огибали горы безчисленными извивами. Дорога поэтому оказалась вдвое длиннѣе, и все-таки лошадямъ приходилось во многихъ мѣстахъ ѣхать шагомъ, а не рысью.

— Но кто только способенъ понимать красоту лѣсного ландшафта въ прекрасный лѣтній день, тотъ не можетъ быть недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, говорилъ фонъ-Цейзель съ восторгомъ. Скажите, *mesdames*, не правда ли, этотъ золотистый отблескъ на мшистыхъ стволахъ, на лѣсныхъ, поросшихъ тра́вою, лужайкахъ, эти тѣни въ лѣсной чащѣ, и вотъ этотъ видъ на синѣющую вдали дивую долину Роды,—не правда ли, все это выше всякаго описанія? Ахъ, видъ на Роду уже исчезъ, но онъ снова откроется намъ, когда мы поднимемся выше, шаговъ на двѣсти, и даже тамъ онъ еще величественнѣе; и при этомъ мы полюбуемся еще видомъ на долину нашей прирученной Роды и на ска́лу съ за̀мкомъ; я надѣюсь, что его свѣтлость прикажетъ сдѣлать маленькій привалъ на этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, я его просилъ объ этомъ. Вотъ экипажъ его свѣтлости уже остановился; не угодно ли вамъ будетъ, *mesdames*, выдти изъ коляски; прошу васъ, м-ръ Симпльманъ?

Фонъ-Цейзель находился въ лихорадочномъ волненіи. Дамы, сидѣвшія въ экипажѣ, были не кто иныя, какъ предметы его оскорбленной и его послѣдней любви: Элиза Иффлеръ и Адель фонъ-Фишбахъ.

Фонъ-Цейзель очень испугался сегодня утромъ, когда принцъ, которому онъ сообщилъ о своихъ распоряженіяхъ насчетъ прогулки, вдругъ сказалъ ему: «Да, какъ бы не забыть, любезный Цейзель; надо оказать небольшое вниманіе Иффлерамъ; самого Иффлера мнѣ не надо, я еще менѣе понимаю его поведеніе

теперь, чѣмъ прежде; мы также можемъ обойтись и безъ его супруги; но у насъ въ гостяхъ много молодыхъ дѣвушекъ и дочку ихъ можно пригласить. Вы можете послать имъ экипажъ съ запиской, за полчаса до отъѣзда. Будьте такъ добры, распорядитесь!

Фонъ-Цейзель былъ внѣ себя. Вчера вечеромъ онъ радовался, какъ дитя, прогулкѣ, которую онъ могъ совершить въ обществѣ Адели фонъ-Фишбахъ и даже, если удастся, въ одномъ экипажѣ. У него было сладкое предчувствіе, что эта прогулка рѣшитъ его судьбу. Онъ, на всякій случай, собрался захватить съ собой сонетъ «Къ соловью» и надѣялся, что ему удастся излить также и прозой свое переполненное сердце. Безоблачное лѣтнее небо казалось ему весь день куполомъ собора, изъ котораго звучали сладкіе хоры невидимыхъ ангеловъ, воспѣвавшіе Адель и только одну Адель.... а теперь, что будетъ теперь!...

Но бѣда идетъ за бѣдой. Фонъ-Цейзель считалъ, что онъ особенно ловко распорядился, выпросивъ у принца позволеніе размѣстить молодыхъ людей въ трехъ послѣднихъ колясбахъ, отдѣльно отъ старшихъ гостей, и посадить ихъ вмѣстѣ съ молодымъ фонъ-Бухгольцемъ и старшей баронессой Манебахъ въ первыхъ двухъ колясбахъ, а въ послѣднюю онъ располагалъ сѣсть самъ, вмѣстѣ съ Аделью фонъ-Фишбахъ и младшей баронессой Манебахъ, кавалеромъ которой долженъ былъ быть Артуръ Симпльтонъ. Онъ уже осмотрѣлъ въ послѣдній разъ длинный рядъ экипажей, первые уже тронулись съ мѣста, скорехонько побѣжалъ онъ къ своей коляскѣ и нашелъ въ ней, правда, Адель фонъ-Фишбахъ, но кромѣ того, къ величайшему своему ужасу, вмѣсто Артура, Альфреда Симпльтона и вмѣсто дѣвицы фонъ-Манебахъ—Элизу Иффлеръ. Оба молодые англичанина перепутали экипажи въ суматохѣ; несчастіе совершилось, исправить его, въ настоящую минуту, не было никакой возможности.

И вотъ сидѣлъ теперь злополучный фонъ-Цейзель и, въ сознаніи своей виновности, не осмѣливался глядѣть прямо, а больше поглядывалъ по сторонамъ, то направо, то налѣво; и переводя свои взоры съ одной стороны дороги на другую поднималъ ихъ, большею частью, къ голубому небу или опускалъ на собственныя колѣни или на колѣни Альфреда Симпльтона. Онъ не рѣшался также заговорить прямо съ той или другой дѣвушкой, а когда прямое обращеніе оказывалось неизбѣжнымъ, то говорилъ: *mesdames*. Онъ старательно избѣгалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякой темы, которая могла бы принять личное направленіе, а держался постоянно на нейтральной почвѣ восхищенія

природой. Его дивирамбы находили отголосокъ у мистера Альфреда, который аккуратно, черезъ каждыя пять минутъ, изрекалъ монотонное: *beautiful!* или *very fine indeed!* причемъ Адель фонъ-Фишбахъ отъ души расхохоталась раза два, прикрываясь своимъ зонтикомъ, между тѣмъ какъ Элиза Иффлеръ, повидимому, ничего не слыхала и не видала изъ всего, что̀ происходило вокругъ нея. Она сидѣла неподвижно, устремивъ глаза въ пространство. Точно статуя египетской Изиды, замѣтилъ иронически фонъ-Цейзель, когда, высадивъ дамъ изъ экипажа, онъ могъ, наконецъ, отведя Адель нѣсколько въ сторону, на свободѣ перекинуться съ ней нѣсколькими словами.

— Она всегда такая? спросила Адель въ невинности души.

— Не знаю, отвѣчалъ сознающій свою вину кавалеръ.

— Но, мнѣ кажется, вы бывали у нихъ въ домѣ ежедневно, въ теченіи цѣлаго года?

— Ежедневно! въ теченіи цѣлаго года! вскричалъ фонъ-Цейзель; ради Бога! кто вамъ сказалъ это? Два, три визита и по большей части самыхъ церемонныхъ! Ахъ! вы, мадемуазель Адель, живя въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ ваши, вы не можете себѣ представить, какъ тяжело бываетъ одинокому человѣку, какъ его тянетъ къ обществу и какъ это стремленіе заставляетъ его иногда довольствоваться ничтожными, да, ничтожнѣйшими изъ людей, между тѣмъ какъ счастье отъ него такъ близко, такъ близко! Еслибы годъ тому назадъ, когда я сюда пріѣхалъ, я имѣлъ счастіе познакомиться съ вашимъ превосходнымъ батюшкой, съ вашей многоуважаемой матушкой и получить позволеніе посѣтить васъ въ Фишбахѣ, ахъ! не такъ, не такъ бы сложился для меня этотъ годъ!

— Чтожъ, сказала Адель, у насъ дѣйствительно хорошо, немножко просто, конечно, какъ для насъ и подобаетъ; для васъ, быть можетъ, показалось бы слишкомъ просто; вѣдь вы такъ избалованы.

— Это невозможно! вскричалъ кавалеръ съ восторгомъ; я обожаю простоту, простота—мой идеалъ, моя жизнь! Я могу быть счастливымъ только подъ условіемъ простоты.

— Когда такъ, то вы можете рискнуть посѣтить насъ, сказала Адель, смѣясь.

— Я уже собирался завтра утромъ исполнить это, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; но графиня-мать прислала сегодня рѣшительное извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ завтра вечеромъ.

— Когда такъ, то пріѣзжайте послѣ завтра, замѣтила Адель. Однако, я полагаю, намъ пора снова сѣсть въ экипажъ.

Эта маленькая бесѣда удивительно какъ освѣжила фонъ-Цей-

веля; онъ уже не чувствовалъ больше себя такимъ нервнымъ; по крайней мѣрѣ настолько совладалъ съ своими глазами, которые до того безпокойно перебѣгали съ одного предмета на другой, что могъ, время отъ времени, покоить ихъ на свѣжемъ, улыбающемся личикѣ Адели. Точно также и восхищеніе его природой нѣсколько поулеглось, хотя именно теперь—непосредственно подъ возвышенностью, на которой стоялъ охотничій зáмокъ—они находились въ самомъ центрѣ горъ, гдѣ горный лѣсъ раскидывался во всемъ своемъ великолѣпіи и точно какимъ-то волшебствомъ околдовалъ кичливое общество, становившееся все тише и тише, пока, наконецъ, стукъ лошадиныхъ копытъ и шумъ колесъ не раздались снова и общество не вздохнуло свободнѣе, когда экипажи, выбравшись изъ сумрачнаго лѣса, покатились по открытому мѣсту передъ охотничьимъ зáмкомъ.

Здѣсь общество встрѣтилъ оберъ-форстмейстеръ принца, фонъ-Кессельбушъ, старикъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами: онъ, въ свое время, воспитывался вмѣстѣ съ принцемъ и до сихъ поръ былъ очень друженъ съ нимъ, хотя теперь, вслѣдствіе своей болѣзненности, очень рѣдко выходилъ изъ своего дома, весело выглядывавшаго изъ-за кустовъ и деревьевъ, напротивъ охотничьяго зáмка.

Принцъ представилъ старика обществу и выслушалъ докладъ кастеляна, подъ руководствомъ котораго общество немедленно отправилось осматривать зáмокъ, прекрасное зданіе, начатое отцомъ принца и оконченное этимъ послѣднимъ въ первые годы его правленія. Зданіе было выстроено въ романскомъ стилѣ и отлично гармонировало съ величественной природой, окружавшей его; общество оцѣнило его по достоинству, также какъ и внутреннее убранство, простота и массивность котораго вполнѣ соотвѣтствовали характеру и цѣли зáмка.

Многочисленное общество вначалѣ держалось вмѣстѣ, но какъ скоро переступило изъ прекрасной прихожей, украшенной рѣдкими экземплярами оленьихъ роговъ и другими охотничьими эмблемами, въ остальные покои, такъ стало разбиваться на отдѣльныя группы: кто шелъ за кастеляномъ, кто останавливался передъ той или другой особенно драгоцѣнной мебелью или любовался какой-нибудь замѣчательной картиной; такимъ образомъ, въ непродолжительномъ времени, общество разсѣялось по всему охотничьему зáмку, состоявшему изъ двухъ этажей. Принцъ, вообще не терпѣвшій такого нарушенія любезнаго ему порядка, сегодня, повидимому, не замѣчалъ его. Углубленный въ самого себя, молчаливый, изрѣдка лишь перекидываясь словомъ съ оберъ-форстмейстеромъ или господиномъ фонъ-Фишбахомъ, проходилъ

онъ по комнатамъ, часто останавливаясь передъ какимъ-нибудь изъ окружающихъ его предметовъ: каждый изъ нихъ пробуждалъ въ немъ какое-нибудь воспоминаніе, но то были невеселыя воспоминанія.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, окончивъ постройку зáмка, онъ проводилъ въ немъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ своей супругой, призывая въ мечтахъ то счастіе, какое никогда не переходило въ дѣйствительность. Холодный, узкій умъ принцессы мѣшалъ всякому сердечному сближенію двухъ супруговъ и мало-по-малу превратилъ для принца бездѣтный бракъ въ пытку, отъ которой не вполнѣ освободила его даже послѣдовавшая, четыре года спустя, кончина вѣчно болѣзненной женщины: печальная тѣнь, оставшаяся послѣ этихъ несчастныхъ отношеній, разрушившихъ самыя дорогія его надежды, омрачала всю его послѣдующую жизнь. Съ сердцемъ, жаждавшимъ любви, онъ истомился влача жизнь, не согрѣтую любовью, и съ этихъ поръ началъ избѣгать женщинъ, между тѣмъ какъ болѣе, чѣмъ кто другой, способенъ былъ найти въ любви женщины, которую онъ самъ любилъ бы отъ всего сердца, оплотъ и спасеніе отъ жизни, представлявшейся слабохарактерному фантазёру голой, безплодной пустыней и зачастую даже грознымъ, опаснымъ сфинксомъ. И вотъ, наконецъ, въ тотъ періодъ жизни, когда у счастливыхъ людей играютъ на колѣняхъ веселые внуки, ему встрѣтилось существо, бывшее, повидимому, олицетвореніемъ всѣхъ его мечтаній; когда онъ со страстью, которой не смѣлъ обнаружить, раскрылъ свои объятія этому очаровательному существу,—тогда-то ему пришлось убѣдиться, что то, что̀ онъ до сихъ поръ считалъ горемъ и страданіемъ, было только мимолетнымъ облачкомъ, отуманивающимъ небо, что только теперь готова разразиться надъ нимъ безжалостная буря, теперь, когда у него не было больше силъ бороться съ съ ней и когда для него, какъ и для престарѣлаго Лира, бурная ночь въ полѣ могла имѣть только одинъ исходъ: безуміе или смерть.

По временамъ онъ съ усиліемъ отрывался отъ этихъ мрачныхъ думъ и разсѣянно улыбался на какое-нибудь замѣчаніе старика Фишбаха или отвѣчалъ на вопросъ оберъ-форстмейстера, и затѣмъ снова отдавался глухой тоскѣ, которая поглощала его, подобно тому, какъ тихія воды лѣсного озера смыкаются надъ трупомъ самоубійцы. Вдругъ принцъ испуганно вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то взялъ его за опущенную внизъ руку: онъ стоялъ въ нишѣ окна одной изъ залъ; господа, сопровож-

давшіе его, любовались на противоположномъ концѣ залы собраніемъ стараго оружія.

Но то была нѐ Гедвига, образъ которой, какъ и всегда, носился въ его душѣ; то была Элиза Иффлеръ, схватившая его руку и поднесшая ее къ своимъ губамъ, устремивъ на него мечтательный взоръ и шепча: мой высокій покровитель!

— Доброе дитя, сказалъ принцъ.

Онъ хорошенько не понималъ, какъ могла рѣшиться молодая дѣвица на такой необыкновенный, нарушающій всякій этикетъ, поступокъ; быть можетъ мучительныя мысли, наполнявшія его душу, слишкомъ ясно выразились на его лицѣ и наивная дѣвочка думала выказать ему свое участіе такимъ страннымъ способомъ.

— Мой высокій покровитель! повторила Элиза.

Быть можетъ дѣло не въ этомъ: у дѣвочки есть просьба, но она не смѣетъ ее высказать. Вѣроятно дѣло идетъ объ ея отношеніяхъ къ доктору, и самъ онъ всегда желалъ, чтобы они окончились бракомъ. Германъ сегодня лично извинился, что не можетъ участвовать въ поѣздкѣ, такъ какъ не могъ долѣе откладывать своего отъѣзда, послѣ того, какъ пріѣздъ графини съ тайнымъ совѣтникомъ окончательно возвѣщенъ на завтрашній день. То былъ родъ прощальной аудіенціи. Принцъ не могъ скрыть, что считаетъ себя оскорбленнымъ и разставаніе было не особенно дружеское.

— Мнѣ самому весьма жаль, сказалъ принцъ добродушнымъ тономъ: но быть можетъ будущее принесетъ то, въ чемъ отказываетъ настоящее; если не для меня, то для васъ, милое дитя, вы еще такъ молоды.

— О, я съумѣю ждать, отвѣчала Элиза; такое высокое счастіе никогда не приходитъ слишкомъ поздно для скромныхъ сердецъ.

— Развѣ этотъ бракъ представляется вамъ такимъ высокимъ счастьемъ? спросилъ принцъ съ меланхолической улыбкой.

— Можете ли вы спрашивать объ этомъ, ваша свѣтлость? прошептала Элиза, прикладывая руку къ сердцу и стыдливо опуская глаза.

— Хорошо, хорошо, замѣтилъ принцъ; будемъ надѣяться, что вамъ съ избыткомъ дано будетъ то, чего вы теперь въ молодости такъ горячо желаете, и будемъ надѣяться, что счастье посѣтитъ васъ не на старости лѣтъ. Все, чѣмъ я могу этому содѣйствовать — а конечно, средства мои тутъ не особенно велики—будетъ, разумѣется, исполнено. А теперь, милое дитя, не лучше ли вамъ снова присоединиться къ обществу молодежи.

Элиза хотѣла еще разъ поцѣловать руку у принца, но онъ ласково уклонился отъ этого и повернулся къ своей свитѣ. Элиза убѣжала совершенно очарованная успѣхомъ, который превзошелъ самыя смѣлыя надежды ея, хотя мама́ постоянно говорила ей: «вѣрь мнѣ, Лиза, вся задача въ томъ, чтобы заставить стараго господина высказаться».

Остальное общество все еще бродило по за̀мку группами, которыя составлялись по волѣ случая или по желанію. Фонъ-Цейзель, помня стариннную поговорку: кто хочетъ овладѣть дочкой, то пусть ухаживаетъ за матушкой, постоянно водилъ подъ руку госпожу фонъ-Фишбахъ и съ такой тревожной заботливостью водилъ по лѣстницамъ эту довольно полную даму, какъ будто оступись она только разъ—и погибель ея неизбѣжна. Маркизъ старался, насколько то было возможно, не привлекая общаго вниманія, держаться вблизи Гедвиги. Онъ говорилъ себѣ, что теперь, когда его любовныя дѣла приняли такой опасный оборотъ, необходима величайшая осторожность и былъ благодаренъ Гедвигѣ, считая это доказательствомъ величайшаго ума съ ея стороны, что она своимъ спокойно-свѣтскимъ обращеніемъ устраняла всякую тѣнь подозрѣнія и совершенно отводило глаза наблюдателямъ. Она доводила осторожность до того, что даже ему самому ни однимъ взглядомъ не напоминала о вчерашней сценѣ. Впрочемъ, къ чему напоминать о томъ, чего нельзя забыть, что̀ должно было возобновиться въ прекрасную, свободную минуту, какой, разумѣется, нельзя было найти среди шумнаго, большого общества.

Такъ размышлялъ маркизъ, идя рядомъ съ Гедвигой, которая прохаживалась по комнатамъ подъ руку съ дѣвицей фонъ-Фишбахъ, и внутренно подсмѣивался всякій разъ, какъ проходилъ мимо графа, почти исключительно разговаривавшаго съ барономъ Нейгофомъ. Онъ сдѣлалъ этого господина своимъ повѣреннымъ, думалъ маркизъ, и теперь оба ломаютъ головы и дивятся, что никакъ не могутъ найти удобнаго предлога сбыть меня съ рукъ. Глупые нѣмецкіе скоты!

Графъ, конечно, сообщилъ своему другу о ночныхъ происшествіяхъ, но тутъ же присовокупилъ, частью изъ правдивости, частью изъ гордости, что далеко не убѣжденъ въ справедливости своихъ подозрѣній; мало того, что хотя обстоятельства, повидимому, говорятъ противъ Гедвиги, но онъ считаетъ ее неспособной на такую жалкую интригу—это выраженіе постоянно навертывалось ему на языкъ — и во всякомъ случаѣ долженъ ждать яснаго подтвержденія весьма смутнаго до сихъ поръ подозрѣнія, прежде чѣмъ дѣйствовать дальше.

Баронъ не хотѣлъ прямо противорѣчить ему; въ подобныхъ вещахъ слѣдуетъ вести себя весьма осмотрительно. Возможность, что все вертѣлось на чистой ошибкѣ, была слишкомъ очевидна, хотя онъ, съ своей стороны, основываясь на своемъ познаніи женщинъ, не находилъ въ этомъ дѣлѣ ничего необыкновеннаго, чудовищнаго.

Замѣтивъ, какъ больно было графу такое направленіе разговора, баронъ вернулся къ мысли, высказанной имъ вчера: не проще ли, не затрогивая такого щекотливаго пункта, избрать предлогомъ политику, если уже нуженъ непремѣнно предлогъ, и для графа, какъ прусскаго дворянина и офицера, ничего не можетъ быть приличнѣе въ мірѣ. Вѣдь упоминали же сегодняшнія газеты о знаменитой фразѣ «*Pays*» о кавдинскомъ игѣ, ожидающемъ Пруссію, подъ которое подпадетъ Пруссія, побѣжденная и обезоруженная безъ борьбы.

— Ихъ воинственный кликъ оставался до сихъ поръ безъ отвѣта, говорилъ баронъ; прекрасно, дай этому молодцу тотъ отвѣтъ, какого онъ заслуживаетъ; поговори съ нимъ такимъ языкомъ, какимъ, къ сожалѣнію, Пруссія до сихъ поръ не заговаривала и отправь его къ чорту.

— Я снова думалъ объ этомъ, отвѣчалъ графъ; но это невозможно не только по той причинѣ, какую я тебѣ вчера сообщилъ, но прежде всего именно потому, что я, какъ офицеръ, не могу дѣлать предметомъ распри такое обстоятельство, которое король не считаетъ пригоднымъ.

— У тебя нѣтъ тѣхъ причинъ къ осмотрительности, какія есть у короля, замѣтилъ баронъ; быть можетъ, они тамъ въ Берлинѣ просто не готовы. Теперь каждый день стóитъ нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ и нѣсколькихъ тысячъ солдатъ. Ты же готовъ, слѣдовательно: *en avant!*

— Не годится, отвѣчалъ графъ.

— Когда такъ, вскричалъ нетерпѣливо баронъ, то мнѣ нѣтъ основанія быть такимъ осторожнымъ, какъ ты, не говоря уже о разныхъ другихъ соображеніяхъ. Предоставь мнѣ дѣйствовать за тебя, и дѣло въ шляпѣ.

— Благодарю тебя, Куртъ, отвѣчалъ графъ, смѣясь; но я не могу посылать тебя въ огонь вмѣсто себя; ты, да и твоя жена также, вы слишкомъ дороги для меня.

— Гедвига дорога тебѣ, вотъ и все! подумалъ баронъ про себя, но остерегся высказать это вслухъ, и замѣтилъ:—Хорошо, Гейнрихъ, что твое мужество не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; а потому мы, конечно, можемъ принять выжидательное положеніе.

— Быть можетъ оно продлится не долго, отвѣчалъ графъ.

Послѣднія слова были произнесены уже на площадкѣ передъ зàмкомъ, куда мало-по-малу сошлось все общество. Фонъ-Цейзель торопилъ отъѣздомъ; черезъ часъ солнце должно было закатиться; чтобы добраться черезъ горный лѣсъ до вершины горы и до развалинъ, требовалось полчаса времени. Онъ просилъ у принца позволенія подать знакъ къ отъѣзду.

Для пожилыхъ господъ поданы были экипажи, такъ какъ колесная дорога шла почти до самыхъ развалинъ, хотя, конечно, довольно крутая и головоломная. Молодежь, подъ руководствомъ нѣсколькихъ лѣсничихъ, отправилась пѣшкомъ черезъ лѣсъ, примыкавшій непосредственно къ заднему фасаду зàмка, чтобы полюбоваться прекраснымъ видомъ, который открывался по ту сторону зàмка.

Передъ путниками возвышался, на протяженіи, быть можетъ, пятиста шаговъ, довольно крутой, каменистый откосъ горы, верхняя граница котораго была увѣнчана великолѣпнымъ горнымъ лѣсомъ. Солнце, спустившееся уже довольно низко и къ которому наши путники стояли спиной, бросало свои косые лучи на откосъ: безчисленные обломки гранита, которыми онъ былъ усѣянъ, сверкали, какъ море брилліантовъ въ арабскихъ сказкахъ. Толстые же стволы исполинскихъ елей, на верху горы, выдѣлялись на темно-синемъ фонѣ лѣсной чащи, подъ непроницаемымъ куполомъ, образуемымъ ихъ вершинами, точно столбы древняго храма, которые заливало пурпуромъ вечернее солнце южнаго неба. Тихо и торжественно разстилалось надъ величественной картиной безоблачное небо, въ лазурную глубину котораго взоръ уходилъ съ наслажденіемъ.

Общество было изумлено, восхищено и, за отсутствіемъ принца, уѣхавшаго съ старѣйшими изъ гостей, осыпало комплиментами фонъ-Цейзеля, точно онъ нарочно для гостей создалъ эту картину.

Кавалеръ съ скромной благодарностью принималъ всѣ эти любезности, но въ душѣ очень радовался, что ему выпала на долю такая честь въ присутствіи дамы его сердца, и почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, когда цвѣтущая, молодая дѣвушка въ свою очередь поблагодарила его. Онъ раскланивался во всѣ стороны, прижимая руку къ сердцу, и чтобы скрыть свое смущеніе высказалъ просьбу: не мѣшкать долѣе, чтобы успѣть дойти до развалинъ вó-время и, если можно раньше, чѣмъ подъѣдутъ экипажи.

Вскорѣ общество поднялось по скату и вошло въ лѣсъ, все еще любуясь тѣмъ, какъ горѣли стволы деревьевъ, которые даже

теперь вблизи казались какъ-бы вылитыми изъ бронзы, и восхищаясь золотистыми отблесками, тамъ и сямъ ложившимися полосами на дальнихъ деревьяхъ и представлявшими самый чудный контрастъ съ голубоватой тѣнью фона и черной глубиной лѣсной чащи.

Весело болтавши до того, общество смолкло подъ безмолвно тихими деревьями и крики забѣжавшихъ впередъ молодыхъ англичанъ, увлекшихся совершенно излишнею ролью путеводителей, были рѣзкимъ диссонансомъ среди прекрасной гармоніи.

Такъ выразилась Адель, и фонъ-Цейзель, очутившійся какъ разъ съ ней вдвоемъ, подтвердилъ ея слова, причемъ ощупалъ боковой карманъ, гдѣ находился сонетъ «Къ соловью»; въ то же время онъ почувствовалъ какъ бьется его сердце и сказалъ про себя, что оно можетъ говорить другимъ, лучшимъ языкомъ, чѣмъ эти искусственные стихи, но что время для этого языка сердца придетъ лишь тогда, когда прекрасная дѣвушка будетъ менѣе застѣнчиво смотрѣть на него своими голубыми глазами. Онъ спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы когда-нибудь ему нравились голубые глаза, да существуютъ ли вообще голубые глаза, кромѣ тѣхъ, которые свѣтились теперь для него, какъ звѣзды въ лѣсной мглѣ; углубленный въ эти важные вопросы онъ шелъ лѣсомъ возлѣ своей возлюбленной, какъ-бы переживая очевидный сонъ и почти испугался крика ура! съ которымъ англичане, встрѣтили общество на площадкѣ горы у подножья развалинъ.

Въ то же время подъѣхали съ другой стороны экипажи и все общество, соединившись, отправилось осматривать развалины.

Правда, по мнѣнію нѣкоторыхъ скептиковъ тамъ нечего было осматривать, и дѣйствительно бренные останки стараго Родабурга состояли изъ разсѣянныхъ обломковъ, покрытыхъ мхомъ и верескомъ, частью поросшихъ кустарниками, и не представлявшихъ особеннаго интереса для людей, не занимающихся исторіей или не расположенныхъ къ романтизму; видъ въ даль, заслоненный верхушками деревьевъ разросшагося кругомъ лѣса, открывается съ четырехъ-угольной башни, недавно построенной принцемъ на открытомъ мѣстѣ.

Одни, въ томъ числѣ молодые англичане, горѣли нетерпѣніемъ взойти на башню, и обозрѣть прелестный видъ на лѣсистыя горы; другіе прогуливались въ лѣсу или между развалинами, и общество, только что соединившееся, снова разбрелось, и даже не успѣло еще собраться, какъ принцъ, оставшись всего съ четверть часа на верху, подалъ сигналъ пуститься въ обратный путь.

— Спускъ съ горы, по крутымъ лѣснымъ тропинкамъ и для пожилыхъ гостей будетъ удобнѣе совершить пѣшкомъ, чѣмъ въ экипажахъ, но это потребуетъ больше времени; однимъ словомъ, любезный Цейзель, вы меня обяжете, если предупредите объ этомъ общество.

Принцъ такъ нетерпѣливо желалъ пуститься въ обратный путь, что даже не дождался, пока Цейзель, съ помощью лѣсничихъ и прислуги, собралъ прогуливающееся общество, и отправился впередъ съ тѣми кто былъ возлѣ него, въ то время какъ Цейзель, смущенный этимъ невниманіемъ своего господина, обыкновенно столь мягкаго въ обращеніи, объяснялъ собирающимся гостямъ, что его свѣтлость, заботясь о пожилыхъ гостяхъ, не могъ дольше дожидаться, и онъ съ своей стороны проситъ проститься съ прекраснымъ зрѣлищемъ солнечнаго заката, чтобы не останавливаться снова у охотничьяго замка.

Излишнее усердіе кавалера привело къ тому, что происшедшая неурядица только усилилась: одни поспѣшили за принцемъ, другіе заявили желаніе дожидаться отставшихъ, но не дождавшись тоже выступали въ путь, такъ что наконецъ Цейзель не зналъ больше, кто ушелъ, кого недоставало и отправился самъ въ обратный путь съ небольшимъ обществомъ, собравшимся вокругъ него, въ которомъ, къ его утѣшенію, находилась и Адель фонъ-Фишбахъ.

— Гдѣ госпожа Гедвига? спросила Адель, когда общество вступило снова на узкую лѣсную тропинку.

— Она пошла въ обществѣ съ его свѣтлостью, сказала одна дама.

— Я ее не видѣла, возразила другая дама.

— Мнѣ кажется, что и маркизъ еще не отыскался, сказалъ одинъ изъ господъ.

— Да и графъ тоже, прибавилъ другой.

— Помилуйте, вскричалъ третій, графъ ушелъ одинъ изъ первыхъ.

— Я полагаю, что слѣдуетъ немного подождать госпожу Гедвигу, сказала Адель.

— Конечно слѣдуетъ подождать, подтвердилъ фонъ-Цейзель, я прошу о томъ общество.

Гедвига замѣтила суматоху, которая произошла въ обществѣ, только тогда, когда, неожиданно для самой себя, осталась одна среди развалинъ. Она шла медленно по неровной поверхности, между обломками и была благодарна полуразвалившимся стѣнамъ, которыя скрывали ее отъ общества, смѣхъ и крики котораго доносились до нея.

Эти развалины были любимой цѣлью ея дальнихъ прогулокъ верхомъ. Пріятно мечталось подъ шелестъ дѣвственныхъ елей, между обломками развалинъ, на которыя бѣлыя облака глядѣли съ голубого неба, а желтые цвѣты дрока, растущаго въ трещинахъ стѣнъ, уныло покачивались отъ вечерняго вѣтерка. Ко всему этому видъ съ башни на многія мили во всѣ стороны на колыхающееся море лѣса.

Какъ часто одинъ взглядъ на эту ширь вливалъ въ нее новое мужество и новыя силы переносить узкую прозу ея жизни.

Должна же когда-нибудь быть достигнута та обѣтованная страна, которая синими линіями горъ рисовалась на горизонтѣ.

Гедвига остановилась безотчетно на площадкѣ передъ башней, открытая дверь которой манила ее еще разъ взглянуть на картину надежды, на даль. Духъ ея требовалъ именно теперь этого подкрѣпленія. Она поднялась по витой каменной лѣстницѣ, три поворота которой приводили въ верхній этажъ, откуда деревянная лѣстница вела далѣе до верха. Въ верхнемъ этажѣ досчатой перегородкой отдѣлялось небольшое мѣстечко, гдѣ сторожъ охотничьяго домика, провожавшій путешественниковъ на башню, сохранялъ зрительныя трубы, флаги и всякія другія принадлежности, а также толстую книгу, въ которой просилъ расписываться посѣтителей.

Проходя мимо этого помѣщенія, Гедвига услышала шорохъ, который приписала сторожу, приводящему въ порядокъ свои вещи, и поднялась далѣе по деревянной лѣстницѣ.

И вотъ подъ ея ногами появилось возлюбленное море зеленѣющихъ верхушекъ, среди которыхъ тамъ и сямъ выдавались, какъ островки, голыя скалы и тихо привѣтствовала ее подернутая синевой лѣсная долина.

Далеко кругомъ не слышно ни единаго звука, только отъ время до времени долетаютъ голоса удаляющагося общества или шумъ экипажей, рессоры которыхъ звенятъ отъ ѣзды по крутой каменистой дорогѣ; затѣмъ замираютъ и эти звуки и крикъ ястреба, пролетающаго высоко надъ башней, раздается какъ побѣдоносный кликъ: онъ снова одинъ въ своемъ царствѣ.

— Тебѣ одному оно должно принадлежать, сказала Гедвига.

Она повернулась, чтобы идти, но вдругъ услышала поспѣшные шаги вверхъ по лѣстницѣ; это навѣрно кто-нибудь изъ общества ее отыскиваетъ, одинъ изъ тѣхъ несносныхъ людей, которые толпились вокругъ нея цѣлый день и не хотятъ пощадить и теперь нѣсколько минутъ ея одиночества.

Маркизъ, слѣдившій все время глазами за Гедвигой, какъ

только замѣтилъ, что она не намѣревается идти въ обществѣ съ принцемъ, и, конечно нарочно, медленнымъ шагомъ идетъ между развалинъ, принявъ направленіе, противуположное тому, куда удалялось общество, — сейчасъ-же послѣдовалъ примѣру, который могъ быть поданъ только ему, и потихоньку пошелъ за ней слѣдомъ. Она вошла въ башню, оставленную уже давно любопытными.

Маркизъ бросилъ бѣглый взглядъ кругомъ, чтобы убѣдиться, что вблизи никого нѣтъ, и побѣжалъ стремглавъ, перескакивая черезъ три ступеньки, вверхъ по лѣстницѣ.

— Ахъ, маркизъ! сказала Гедвига.

Она сказала это не особенно любезнымъ тономъ; изъ всего общества онъ былъ сегодня для нея самымъ несноснымъ. Но маркизъ объяснилъ по-своему нелюбезный взглядъ Гедвиги.

— Не бойтесь, *madame*, сказалъ онъ, часъ, котораго мы оба не могли дождаться, наконецъ наступилъ—мы одни; въ этомъ уединенномъ мѣстѣ бьются одни наши сердца, страстно желающія прижаться одно къ другому, ахъ! не въ первый разъ.

Гедвига въ первую минуту была болѣе поражена, чѣмъ возмущена дерзостью, въ которой не чувствовала себя нисколько виновной, и которая падала цѣликомъ на маркиза. Она посмотрѣла на маркиза большими глазами, какъ смотрятъ на человѣка, который совершенно неожиданно скажетъ или сдѣлаетъ что-нибудь такое, на что его считали неспособнымъ, на что не имѣется разгадки; затѣмъ она вспомнила сцену, происшедшую третьяго дня въ Эрихсталѣ; это было благодарностью за мягкость, съ которою она отклонила его фантастическое объясненіе въ любви, и гнѣвъ закипѣлъ въ ея горячемъ сердцѣ.

Она хотѣла уйти, не удостоивъ маркиза отвѣтомъ.

Но онъ, сочтя это молчаніе, это бѣгство за остатокъ застѣнчивости, побѣдить которую возможно только смѣлостью, — преградилъ ей дорогу.

— А, *madame*, сказалъ онъ, развѣ въ самомъ дѣлѣ сердца нѣмецкихъ женщинъ смѣлы только во мракѣ ночи, и развѣ моя вина, что вчера ночью ваши милыя ручки такъ скоро ускользнули отъ моихъ жаркихъ поцѣлуевъ? Здѣсь никто не подслушиваетъ; шпіоны графа сюда не проникли.

— О чемъ говорите вы? вскричала Гедвига, выпрямившись во весь ростъ.

Маркизъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ улыбкой, которая для Гедвиги показалась обиднѣе всякихъ словъ.

— Маркизъ, сказала она:—если не считать васъ за презрѣннѣйшаго изъ людей, прикрывающагося дерзкой ложью, то при-

ходится признать, что ваша черезъ-чуръ живая фантазія васъ совершенно обморочила, что вы находитесь въ страшномъ заблужденіи. Но какъ-бы тамъ ни было, эта сцена, которая была бы весьма смѣшна, еслибы не была такъ неприлична, — должна кончиться. Сказать, что она не должна повторяться, значило бы нанести мнѣ обиду; указать вамъ тотъ способъ, посредствомъ котораго вы бы легче всего избѣгли искушенія, которому вы повидимому такъ подвержены, воспрещаетъ мнѣ воспоминаніе о дружелюбіи, которое вы мнѣ прежде оказывали, и моя вѣра въ вашу хорошую натуру, которая поздно или рано должна восторжествовать.

На этотъ разъ маркизъ не посмѣлъ помѣшать Гедвигѣ пройти мимо его и исчезнуть черезъ выходъ на лѣстницу.

— Провалилась сквозь полъ, какъ на сценѣ, сказалъ маркизъ, топая ногой объ полъ, какъ на сценѣ, въ которой я разыгралъ роль, за которую долженъ самъ себя освистать.

Онъ подошелъ къ периламъ и увидѣлъ, какъ Гедвига вышла внизу изъ башни.

— Я вамъ не доставлю удовольствія, закричалъ онъ ей вслѣдъ, не уѣду.

— Въ такомъ случаѣ я васъ заставлю это сдѣлать, раздался голосъ сзади его.

Графъ находился, съ частью общества, наверху башни въ то время, когда фонъ-Цейзель заявлялъ громогласно, что его свѣтлость уже отправился въ обратный путь. Общество поспѣшило послѣдовать этому призыву; графъ пошелъ за другими не торопясь.

Проходя мимо чулана сторожа, онъ заглянулъ въ него и вниманіе его остановилось на находившейся на столѣ книгѣ для путешественниковъ. Онъ вошелъ машинально, сталъ перелистывать книгу, нашелъ нѣсколько именъ, его интересовавшихъ, и продолжалъ перелистывать, въ надеждѣ найти имя Гедвиги. Въ тщетномъ стараніи найти ея имя прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ, онъ услышалъ шорохъ платья и сквозь щель двери увидѣлъ даму, поднимающуюся по деревянной лѣстницѣ. Ему показалось, что онъ узналъ Гедвигу. Неподвижно, съ сильно бьющимся сердцемъ, остановился онъ, держа между пальцами листъ, который хотѣлъ повернуть.

«Эта страсть превращаетъ тебя въ трусливаго ребенка», сказалъ онъ про себя.

Пока онъ медлилъ въ нерѣшимости, удостовѣряться ли ему въ своемъ предположеніи или нѣтъ, послышались другіе шаги, шаги мужчины, быстро поднимающагося по лѣстницѣ. Листъ,

который онъ держалъ, задрожалъ; на этотъ разъ рука его дрогнула отъ гнѣва. Кому спѣшить, какъ не маркизу?

И это былъ маркизъ. Черезъ ту же щель, черезъ которую онъ видѣлъ, какъ ему показалось, Гедвигу, ясно увидѣлъ онъ ненавистнаго человѣка, стремящагося на-верхъ и вслѣдъ затѣмъ услышалъ надъ собой его ненавистный голосъ. Въ цинковой крышѣ, до которой онъ почти касался головой, было маленькое окно, освѣщавшее чуланъ и открытое въ эту минуту. Графу не нужно было прислушиваться: каждое слово, каждый звукъ, произнесенные надъ нимъ, доходили до него съ полною ясностью, каждый звукъ первыхъ словъ маркиза былъ для него ударомъ кинжала въ мятежное сердце. Затѣмъ начала говорить Гедвига; графу казалось, что его жизнь зависитъ отъ ея отвѣта. Горячее чувство благодарности переполнило его сердце, вѣра въ нее не вполнѣ обманула его; онъ почувствовалъ, что виноватъ передъ ней. Когда она произнесла послѣднія слова, смыслъ которыхъ былъ ясенъ для маркиза, торжествующая улыбка показалась на его лицѣ; услышавъ шорохъ платья на лѣстницѣ, онъ хотѣлъ броситься ей на встрѣчу и сказать: благодарю тебя, Гедвига! но ему предстояло другое дѣло. Она ушла одна, маркизъ не посмѣлъ за ней послѣдовать; вслѣдъ затѣмъ графъ услышалъ сверху слова:

«Я вамъ не доставлю удовольствія, *madame*, не уѣду».

Однимъ прыжкомъ взлетѣлъ графъ по ступенькамъ наверхъ и бросилъ испуганному французу свой сердитый отвѣтъ.

Они стояли другъ противъ друга, на весьма близкомъ разстояніи — на маленькой площадкѣ было немного мѣста — и вперили пылающіе взоры одинъ въ другого.

— Здѣсь не такъ легко улизнуть, какъ въ саду зáмка, сказалъ графъ, и достаточно свѣтло, чтобы не ошибиться въ томъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Я не имѣю удовольствія понимать, что желаетъ сказать графъ, возразилъ маркизъ.

— Можетъ быть я не достаточно хорошо выражаюсь по-французски, сожалѣю, что не могу говорить съ вами по-нѣмецки; но все-таки надѣюсь, что мы другъ друга поймемъ.

Съ этими словами онъ затворилъ двери и загородилъ ихъ собой, какъ-бы желая сдѣлать невозможнымъ для маркиза всякую попытку къ бѣгству.

Маркизъ понялъ эту обиду и кровь ударила ему въ голову.

— Довольно, сказалъ онъ, вполнѣ довольно! вы мнѣ не откажете въ удовлетвореніи за нанесенную обиду.

— Кавдинское ущелье готово, возразилъ графъ, отходя отъ

двери, отворяя ее за кольцо и приглашая рукой маркиза идти впередъ.

Маркизъ отступилъ назадъ.

— Кавдинское ущелье готово, повторилъ графъ. Только одна дорога, потому что другая черезъ перила, восемьдесятъ футовъ отъ земли, вѣроятно, вамъ не по вкусу.

— По этой второй дорогѣ вамъ конечно пришлось бы мнѣ сопутствовать, сказалъ маркизъ, дрожа отъ ярости.

— Я въ этомъ сомнѣваюсь, отвѣчалъ графъ; развѣ вы не признаете, что я по крайней мѣрѣ втрое сильнѣе васъ.

— Насиліе, на которое способенъ только нѣмецъ, прошепталъ маркизъ.

— Давай Богъ, чтобы мы, нѣмцы, всегда выказывали такое насиліе! возразилъ графъ. Не церемоньтесь, вѣдь только первый шагъ дорого стóитъ.

— Онъ будетъ стоить вашей жизни, сказалъ маркизъ, промелькнувъ мимо графа на лѣстницу.

— Это мы увидимъ, замѣтилъ графъ съ презрительной улыбкой, и остановился, окидывая довольнымъ взоромъ маленькое пространство, какъ побѣдитель поле сраженія, безспорно выигранное; затѣмъ послѣдовалъ за маркизомъ внизъ, черезъ лѣсъ и догналъ общество почти что въ одно время съ нимъ, и нѣсколько минутъ раньше Гедвиги, которая шла дальней тропинкой и присоединилась къ обществу съ другой стороны.

Такимъ образомъ Гедвига, хотя и замѣтила черезъ нѣсколько времени присутствіе обоихъ, но не могла подозрѣвать о томъ, что произошло; лицо графа ни одной чертой не напоминало о сценѣ, которую онъ разыгралъ, лихорадочная же веселость, съ которой маркизъ вмѣшивался въ разговоры, была для нея вполнѣ понятна.

Кромѣ того ревностныя услуги различныхъ господъ, хлопотавшихъ вокругъ нея и предлагавшихъ свою помощь при каждомъ подъемѣ въ гору, не давали ей времени думать. Фонъ-Цейзель постоянно торопилъ общество, указывая на опасность, какой грозитъ горное облако, надвигавшееся изъ темнаго ущелья, говорилъ даже о грозѣ, которую сулитъ большое, бѣлое, окаймленное золотомъ облако и которая по всей вѣроятности застигнетъ общество еще на пути.

Смѣялись, шутили, показывали другъ передъ другомъ примѣры ловкости и проворства, перескакивая съ камня на камень, и въ самомъ пріятномъ расположеніи духа достигли площадки охотничьяго зáмка.

Здѣсь по распоряженію главнаго лѣсничаго, условившагося съ

фонъ-Цейзелемъ, была устроена большая открытая бесѣдка изъ еловыхъ вѣтокъ, въ которой помѣщались столы, богато убранные всевозможными питьями и закусками; такой отдыхъ послѣ труднаго пути былъ для всѣхъ весьма пріятенъ. Солнце только-что спряталось за горы, но освѣщало еще зубцы зáмка, наконецъ покинуло и ихъ, обливъ пурпуромъ края бѣлаго облака; любуясь этой картиной, за чаемъ или за шампанскимъ, общество провело пріятные полчаса, пока повѣявшая изъ долинъ прохлада не напомнила о томъ, что пора домой.

Путь съ горы совершился правда быстрѣе, тѣмъ не менѣе уже стемнѣло, когда общество подошло къ зáмку Рода, а часъ спустя, когда оно прощалось съ принцемъ въ персидской комнатѣ, гдѣ еще разъ подавался чай и закуска, была совершенная ночь.

— Ну, выдался денёкъ, сказалъ фонъ-Цейзель, входя въ свою комнату: трудный благополучный день. Его свѣтлость могъ привести въ отчаяніе хоть кого своимъ расположеніемъ духа; но она была божественна, и я такъ усталъ, что благодарю Бога, что день миновалъ: капризы его свѣтлости, длинноногіе англичане, наслажденіе природой, лѣсной воздухъ, сіяніе солнца, любовь, все! А завтра въ полдень на станцію для встрѣчи графини-матери, обѣдъ въ пять часовъ — нечего сказать житье — чтобы чортъ его побралъ! Довольно того, что «довлѣетъ дневи злоба его»; сегодня я больше ни на что неспособенъ, кромѣ спать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Фонъ-Цейзель, утомленный заботами и тревогами дня, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ суматохи, нарушившей послѣ полуночи глубокую тишину, въ которую былъ погруженъ зáмокъ; онъ не слыхалъ бѣготни, происходившей между зáмкомъ и кавалерскимъ флигелемъ, не слыхалъ шаговъ прислуги, бѣгавшей по корридору, шума, съ какимъ часъ позднѣе выкатили на дворъ три кареты изъ каретнаго сарая, пока наконецъ у дверей его комнаты не раздался стукъ, сначала тихо, а потомъ все громче и громче.

Передъ его постелью стоялъ со свѣчей въ рукѣ слуга и просилъ извиненія въ томъ, что ему пришлось разбудить господина фонъ-Цейзеля.

— Что случилось, спросилъ кавалеръ, протирая заспанные глаза.

— Французскіе господа уѣзжаютъ.

— Что? какъ? вскричалъ кавалеръ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Господинъ Розель въ комнатѣ господина фонъ-Цейзеля и желаетъ переговорить съ господиномъ фонъ-Цейзелемъ.

Кавалеръ вскочилъ съ постели, накинулъ наскоро халатъ и вышелъ въ свою комнату, гдѣ нашелъ Розеля уже одѣтаго по дорожному.

— Отъ имени маркиза и отъ моего собственнаго тысячу разъ извиняюсь, сказалъ Розель, но эта несносная политика, съ которой мы думали разъ и навсегда покончить, намъ не даетъ заслуженнаго нами покоя. Наше правительство полагаетъ, что не можетъ въ такое время обойтись безъ услугъ маркиза. Вчера маркизъ, по возвращеніи, нашелъ собственноручное письмо министра, въ которомъ тотъ умоляетъ его, изъ дружбы къ нему, снова выступить на тернистый путь дипломата и немедленно ѣхать на помощь Бенедетти въ Эмсъ. Маркизъ внѣ себя, но что прикажете дѣлать? Отвѣчать на такую просьбу «да», когда такъ весело проводишь время, весьма тяжело; сказать «нѣтъ», когда дѣло идетъ о благѣ Франціи, Германіи, цѣлаго міра еще тяжелѣе, мало того, невозможно. Маркизъ хотѣлъ сначала подождать до утра, но нетерпѣніе взяло верхъ, онъ хочетъ или, лучше сказать, онъ долженъ ѣхать тотчасъ-же, немедленно, и проситъ господина фонъ-Цейзеля дать лошадей подъ наши экипажи, само собой разумѣется только до Ротебюля, гдѣ мы возьмемъ почтовыхъ.

— Его свѣтлость будетъ неутѣшенъ, сказалъ фонъ-Цейзель. Я сейчасъ прикажу его разбудить.

— Умоляю васъ, перебилъ Розель.

— На мою отвѣтственность, замѣтилъ кавалеръ.

— Умоляю васъ, ни въ какомъ случаѣ не дѣлайте этого, продолжалъ Розель. Маркизъ никогда не проститъ себѣ этого. Вотъ въ этомъ письмѣ, которое я имѣю честь вручить вамъ, прося доставить его свѣтлости, по его пробужденіи, маркизъ благодаритъ его свѣтлость за неописанную доброту и твердо надѣется, что онъ въ состояніи будетъ лично высказать эту благодарность черезъ нѣсколько дней, когда это несносное дѣло счастливо уладится, какъ мы всѣ этого желаемъ, и онъ снова освободится. На возвратномъ пути мы во всякомъ случаѣ заѣдемъ въ милый Роде, хотя бы на одинъ часъ. Итакъ, до свиданія.

Розель протянулъ кавалеру руку, которую тотъ неохотно взялъ.

Внезапный отъѣздъ, въ ночное время, безъ предувѣдомленій

безъ прощанья.... въ «Гофмаршалѣ Малортѣ» этотъ случай не былъ предвидѣнъ; кавалеръ былъ совсѣмъ разстроенъ.

— Вы крайне изумили меня, сказалъ онъ, я право не знаю...

— Наше распоряженіе уже сдѣлано, перебилъ Розель убѣдительнымъ тономъ; каждая минута....

— Я отдамъ необходимыя приказанія, отвѣчалъ кавалеръ рѣшительно.

Четверть часа спустя стоялъ онъ на дворѣ возлѣ готовыхъ къ отъѣзду экипажей, къ которымъ теперь подошелъ маркизъ, вышедшій изъ зáмка.

Маркизъ былъ внѣ себя, что господина фонъ-Цейзеля побезпокоили. Это было совсѣмъ противъ его желаній, хотя ему поистинѣ пріятно высказать благодарность господину фонъ-Цейзелю за его любезность и лично попросить его передать почтительное привѣтствіе его свѣтлости и его супругѣ.

Маркизъ нѣсколько разъ пожалъ руку фонъ-Цейзелю и поспѣшно усѣлся въ карету; Розель медленнѣе послѣдовалъ за нимъ. Занеся уже ногу на подножку, онъ наклонился къ кавалеру и сказалъ по-нѣмецки:

— Мы надѣемся въ благодарность за ваше гостепріимство, въ самомъ непродолжительномъ времени, имѣть возможность прислать вамъ кровавый трофей, въ видѣ отплаты за Садову, который маркизъ думаетъ адресовать старому принцу и его молодой супругѣ, а я съ своей стороны адресую его вамъ, саксонскому офицеру.

Розель усѣлся рядомъ съ маркизомъ и всѣ три экипажа тронулись съ мѣста.

Цейзель сказалъ слугамъ, толпившимся вокругъ и дѣлавшимъ въ полголоса свои замѣчанія, что они могутъ теперь идти спать и самъ съ тою же цѣлью отправился въ свою комнату.

Но много времени прошло прежде чѣмъ сонъ сомкнулъ его глаза. Отъѣздъ маркиза, который до сихъ поръ былъ ему непріятенъ лишь по отношенію къ принцу, принялъ, благодаря послѣднимъ словамъ Розеля, странный, двусмысленный, таинственный характеръ, и наводилъ его на размышленія. Что хотѣлъ сказать Розель этими словами, содержаніе и форма которыхъ такъ противорѣчили первому вѣжливому заявленію?

— Кровавый трофей въ видѣ отплаты за Садову, адресованный принцу и мнѣ? Неужели дѣло дѣйствительно дойдетъ до войны? Ужъ не думаетъ ли онъ, что я буду радъ, если мы будемъ побиты? Конечно, въ тысячу восемьсотъ шестьдесятъ шестомъ году я думалъ иначе: тогда всѣ мои симпатіи, какъ и всѣхъ насъ вообще, были, на сторонѣ французовъ; но я полагаю,

что стоитъ провести два дня въ обществѣ этихъ господъ, чтобы основательно излечиться отъ своего пристрастія. Эти французскіе головорѣзы! Я не очень-то долюбливаю и графа, но онъ все-таки совсѣмъ другой человѣкъ; мнѣ надо будетъ на этихъ дняхъ подумать о его предложеніи; вѣдь никакъ нельзя будетъ остаться назади, если война дѣйствительно вспыхнетъ. Къ тому же старый господинъ фонъ-Фишбахъ ярый прусакъ, Адель конечно также заражена пруссофильствомъ, ей въ угоду я готовъ записаться въ казаки или татары, а пруссаки все-таки мнѣ поближе.

Политика была такимъ предметомъ, который дѣйствовалъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, какъ усыпительный напитокъ на фонъ-Цейзеля, даже и тогда, когда этотъ напитокъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, былъ сильно разбавленъ любовью. Фонъ-Цейзель заснулъ; но ему не суждено было долго спать.

— Прошу прощенія, сказалъ слуга,—стоявшій снова у кровати, на этотъ разъ безъ свѣчи, потому что заря уже занималась и первые лучи проникали сквозь оконныя занавѣски: но господинъ графъ желаетъ получить экипажъ для поѣздки на нынѣшній день въ Нейгофъ, а такъ какъ сегодня утромъ надо еще послать экипажи на станцію, на встрѣчу ея превосходительству, то надсмотрщикъ за экипажами не знаетъ какой можно дать, а шталмейстеръ присылаетъ спросить....

— Берите что хотите, оставьте меня въ покоѣ, вскричалъ фонъ-Цейзель, пробужденный изъ небеснаго сновидѣнія, въ которомъ онъ подъ руку съ Аделью гулялъ по берегу ручья, гдѣ играли серебряныя рыбки, а по ту сторону берега стояли счастливые родители и господинъ фонъ-Фишбахъ полными пригоршнями забиралъ изъ передника своей жены серебряныхъ рыбокъ и бросалъ ихъ въ ручей, приговаривая: все это для васъ, будьте счастливы.

— Ради самого неба оставьте меня въ покоѣ, сказалъ еще разъ фонъ-Цейзель и повернулся на другой бокъ.

Но не успѣлъ слуга выйти изъ комнаты, какъ кавалеръ уже сидѣлъ выпрямившись на своей кровати.

Какое однако странное совпаденіе обстоятельствъ! Въ два часа, то-есть тремя часами ранѣе, чѣмъ нужно, чтобы доѣхать черезъ Ротебюль на станцію желѣзной дороги, уѣзжаетъ маркизъ въ торопяхъ. Теперь въ три часа утра графъ отправляется въ Нейгофъ, куда онъ спокойно можетъ доѣхать въ полтора часа, чтобы провести тамъ цѣлый день, тотъ самый день, вечеромъ котораго должна пріѣхать его теща!

Что можетъ это означать, кромѣ дуэли?

Но оба господина еще вчера вечеромъ были такъ веселы,

каждый на свой ладъ, во время закуски передъ охотничьимъ зáмкомъ и позднѣе, за чаемъ, и даже баронъ Нейгофъ, который до того времени не замѣчалъ Розеля, вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Да, но это самое и было подозрительно; толковали объ условіяхъ, уговаривались; все это была подтасованная игра.

— Которая до меня не касается, сказалъ кавалеръ; чортъ бы побралъ обоихъ за то, что они не даютъ спать честному человѣку.

Тутъ приведены были лошади и кавалеръ вскочилъ обѣими ногами съ кровати.

— Неужели у графа уже былъ секундантъ? Развѣ долгъ Цейзеля не повелѣваетъ стоять въ борьбѣ за Рода-Штейнбургъ! Я бы могъ взять на себя Розеля и вышло бы *partie-carrée!* Стыдно графу, что онъ не подумалъ обо мнѣ! Но эти прусскіе аристократы любятъ лучше водиться другъ съ другомъ и не удостоиваютъ честнаго человѣка своимъ вниманіемъ!

На этотъ разъ фонъ-Цейзель не легъ больше въ постель, такъ какъ чувствовалъ, что не заснетъ. Онъ закурилъ сигару и растянулся на диванѣ, чтобы на досугѣ обдумать эту странную исторію.

Въ то же самое время Германъ прохаживался по своей комнатѣ между чемоданами, которые онъ уже уложилъ вчера, какъ скоро узналъ, что графиня пріѣдетъ съ тайнымъ совѣтникомъ на слѣдующій день.

Онъ тотчасъ же порѣшилъ, что ихъ пріѣздъ и его отъѣздъ совершатся въ одинъ и тотъ же день и что онъ ни за что не согласится оставаться до дня рожденія принца.

Онъ счелъ нужнымъ лично сообщить о своемъ намѣреніи принцу; принцъ выслушалъ его очень немилостиво и очень немилостиво простился съ нимъ. Но Германъ не допустилъ себя этимъ сбить съ толку; онъ воспользовался тишиной и спокойствіемъ, которыя царствовали вчера въ зáмкѣ, чтобы никѣмъ незамѣченному, никѣмъ неудерживаемому и никѣмъ неотсылаемому, проложить свой одинокій путь.

Такъ прошелъ день, наступилъ вечеръ. Общество вернулось изъ охотничьяго зáмка; онъ слышалъ стукъ экипажей и окинулъ бѣглымъ взглядомъ освѣщенный факелами дворъ зáмка, когда общество, часомъ позднѣе, разъѣзжалось и въ глубинѣ души почувствовалъ благодарность за то, что у него ничего не было больше съ ними общаго, за то, что его оставляли спокойно въ его комнатѣ, какъ актера, отбывшаго свою роль и спокойно удаляющагося со сцены, въ то время, какъ шумъ еще царствуетъ на ней.

Завтра ему еще предстояло разыграть на этой сценѣ прощальную роль, жалкую роль, которая была бы для него совсѣмъ невыносима, еслибы онъ не утѣшалъ себя мыслью: это уже въ послѣдній разъ! Онъ совсѣмъ уложилъ свои вещи, привелъ въ порядокъ свои бумаги, написалъ письма. Среди этихъ занятій наступила ночь, тишина которой на этотъ разъ была такъ внезапно нарушена. Но Германъ не обращалъ вниманія на шумъ; такъ прошелъ часъ, два. Наконецъ онъ кончилъ; всталъ и подошелъ къ открытому окну. Заря чуть занималась на востокѣ, но все еще было тихо, ни одной птицы не слыхать было въ неподвижныхъ деревьяхъ. Какъ часто въ глубокой радости встрѣчалъ онъ день, въ который долженъ былъ выдасться наконецъ часъ, когда онъ могъ ее видѣть, съ ней говорить! Таже утренняя звѣзда, которая улыбалась ему; тѣже горы, смутныя очертанія которыхъ привыкли различать его зоркіе глаза; тѣже вершины, которыя пробуждались изъ глубоваго сна подъ дуновеніемъ утренняго вѣтерка; тотъ же таинственный шопотъ и шелестъ, свойственные лишь ночи—все было какъ и тогда, а вмѣстѣ съ тѣмъ все было иначе: то былъ другой совсѣмъ міръ.

На дворѣ происходила суматоха: готовили экипажъ для отъѣзда маркиза. Въ корридорѣ, который велъ въ комнату Германа, слышалась ходьба и движеніе, и въ настоящую минуту кто-то постучался къ нему въ двери.

На его изумленное «войдите» въ комнату проскользнулъ Розель.

— Я увидѣлъ свѣтъ въ щель вашей двери, сказалъ Розель, и хотѣлъ попытаться на всякій случай лично проститься съ вами. Да, мой любезный другъ, — я называю васъ такъ, хотя вы неособенно поощряли ту симпатію, которая влечетъ меня къ вамъ, но общій интересъ болѣе сильная связь, чѣмъ личныя симпатіи —да, мой любезный другъ, борьба, которую я вамъ предсказывалъ, начинается и начинается такъ, какъ я вамъ предсказывалъ. Наши господа собираются въ частности сломать другъ другу шею, послѣ чего, дастъ Богъ, исполнятъ это и въ большихъ размѣрахъ. Но древнее *quidquid delirant reges* не должно на этотъ разъ имѣть своихъ злополучныхъ послѣдствій: народи по сю и по ту сторону Рейна не будутъ терпѣть отъ безумія своихъ государей. Вы смотрите на меня съ изумленіемъ, любезный другъ; но развѣ я могу и вамъ также пустить пыль въ глаза, какъ я это сейчасъ сдѣлалъ милому Цейзелю, по приказанію маркиза; не могу же я вамъ также разсказывать о дипломатической миссіи, которая призываетъ маркиза въ Эмсъ? Я слишкомъ уважаю васъ для этого, и намъ слѣдуетъ употре-

бить наши послѣднія минуты на болѣе важныя вещи. Да, мой другъ, троянская война загорается и мы будемъ сражаться на одной сторонѣ. Мы знаемъ гдѣ обрѣтается святое изображеніе Паллады, изображеніе властительницы; какое намъ дѣло до прекрасной Елены, которую наши милые *reges* избрали какъ *casus belli*. Нашъ добрый, старый Менелай, у котораго на рукахъ очутилось разомъ два Париса, только, какъ кажется, настоящій-то остается при немъ, между тѣмъ какъ ложный ночью, въ непогоду долженъ бѣжать изъ Спарты! Потѣха да и только, но мнѣ даже и смѣяться нѣтъ времени. Итакъ, до свиданія, мой другъ, мой товарищъ по оружію!

Розель исчезъ изъ комнаты. Германъ пристально поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Что хотѣлъ сказать этотъ человѣкъ, съ его зловѣщими глазами? Было ли то порожденіе его болѣзненной фантазіи, которая самымъ простымъ вещамъ придавала причудливыя формы? Исказилъ ли онъ на свой собственный ладъ фактъ внезапнаго отъѣзда маркиза и сдѣлалъ изъ него загадку, которая быть можетъ была вовсе не такъ странна, если уловить нить, прохо-ходившую черезъ его безумныя рѣчи?

Да, да, рѣчи этого человѣка не заключали въ себѣ никакой загадки; напротивъ дѣло шло о разрѣшеніи вопроса: кто изъ двухъ долженъ уступить, графъ или маркизъ. Онъ думалъ, что графъ; но графъ былъ другого мнѣнія; онъ втянулъ маркиза въ споръ, принудилъ къ дуэли, что и привело къ цѣли, вынудивъ маркиза бѣжать. Подобныя средства похожи на графа.

И то, чтó случилось, было ли ей извѣстно, совершилось ли съ ея согласія?

Она обѣщала употребить свое вліяніе, чтобы понудить графа къ отъѣзду. Была ли она въ состояніи исполнить свое обѣщаніе? Отчегó же нѣтъ? Развѣ графъ не уѣхалъ бы, еслибъ она его серьезно объ этомъ попросила? Серьезно! Да можетъ быть она и не просила его объ этомъ серьезно. Она не хотѣла его утратить, лучше втянуть въ борьбу, изъ которой, какъ изъ всякой другой, ея рыцарь выйдетъ побѣдителемъ! Вѣдь спасъ же онъ ее отъ разъяреннаго оленя, отчего же не спасти отъ учтиваго француза, который къ тому же нѣчто въ родѣ соперника, или по крайней мѣрѣ легко могъ быть возведенъ въ соперники, еслибы это потребовалось для выигрыша дѣла.

Да, да, такъ оно и было, не могло быть иначе. Тщеславный французъ самъ напрашивался на роль Париса, и добрый, старый Менелай долженъ быть еще благодаренъ настоящему Парису за то, что онъ освободилъ его отъ ложнаго! И сегодня,

можетъ быть черезъ нѣсколько часовъ, онъ уже вернется съ благодарностью, какъ побѣдитель, какъ герой!

— И я долженъ при этомъ присутствовать, спокойно на все смотрѣть, даже пожалуй благодарить за то, что не потребовали моихъ услугъ въ этомъ деликатномъ дѣлѣ? Будь я проклятъ, если это сдѣлаю.

И вдругъ въ возбужденной до крайности душѣ Германа появилось непреклонное рѣшеніе не оставаться долѣе, несмотря ни на какія приличія, ни на какія соображенія; всякое приличіе, всякое соображеніе, которыя до сихъ поръ имѣли для него значеніе, сдѣлали бы его презрѣннымъ въ собственныхъ глазахъ. Что ему еще здѣсь дѣлать? Принца онъ предупреждалъ, умолялъ—принцъ выслушалъ его немилостиво, непрошеннаго, назойливаго совѣтника, и простился съ нимъ вчера вечеромъ какъ съ слугой, которымъ недовольны.

Онъ говорилъ съ ней языкомъ друга — она не вняла его рѣчамъ, отворотила отъ него свое сердце! Онъ дѣлалъ все, что могъ, ни передъ кѣмъ не остался въ долгу, всякій можетъ самъ въ этомъ убѣдиться.

Онъ снова сѣлъ за письменный столъ. Изъ писемъ, уже написанныхъ, нѣкоторыя пришлось переписать, одно было написано вновь: нѣсколько строкъ къ единственному человѣку, который съ самаго начала относился къ нему честно и вѣрно и съ которымъ разлука будетъ для него ощутительна.

На дворѣ снова поднялся шумъ и снова стихло; маркизъ и графъ уѣхали. Теперь наступила его очередь; ему слѣдовало уѣхать до восхода солнца надъ Роде, до восхода солнца надъ мѣстечкомъ, представлявшимся ему прежде раемъ, теперь же превратившемся для него въ адъ. Онъ еще разъ подошелъ къ окну.

Уже совсѣмъ почти разсвѣло; линія горъ ясно обозначалась на востокѣ; паркъ растилался въ полумракѣ подъ его ногами; тамъ и сямъ покачивался листъ отъ легкаго дуновенія утренняго вѣтерка; нѣсколько птицъ подали голосъ, какъ бы сквозь сонъ; затѣмъ все снова стихло. Тяжело было на сердцѣ молодого человѣка. Онъ послалъ свое привѣтствіе горамъ и тихому саду.

— Я васъ такъ любилъ, сказалъ онъ про себя, и вы въ томъ неповинны; вы никогда не причиняли мнѣ горя, прощайте!

Фонъ-Цейзель все еще лежалъ растянувшись на диванѣ, перебирая странныя событія ночи въ своей озабоченной головѣ. Вдругъ услышалъ онъ на дворѣ, гдѣ уже съ четверть часа все стихло, снова стукъ подковъ, и подскочивъ къ окну, увидѣлъ всадника, выѣзжающаго въ ворота.

На этотъ разъ онъ не дожидался рокового донесенія слуги и позвонилъ такъ громко, что оборвалъ колокольчикъ и крикнулъ Іоганна, который уже шелъ къ нему:

— Кто это тамъ сейчасъ уѣхалъ?

— Господинъ докторъ, отвѣчалъ Іоганнъ, и вотъ письмо, которое господинъ докторъ далъ мнѣ, садясь на лошадь, для господина фонъ-Цейзеля.

Кавалеръ разорвалъ пакетъ и прочелъ:

«Прощайте, милый другъ! Я бы долженъ былъ сказать вамъ свое прости въ теченіи дня, но ужъ пусть случится это нѣсколькими часами раньше. Если я не попытался придти пожать еще разъ вашу руку, то это единственно для того, чтобы избавить и васъ и себя отъ прощанья. Вы скажете: это не отъѣздъ, это бѣгство. Говорите это, сколько хотите! Я не желаю ни въ чьихъ глазахъ казаться храбрѣе, чѣмъ я есть, менѣе же всего въ вашихъ глазахъ. Всякій человѣкъ долженъ сообразоваться во всемъ съ своими силами, — моимъ силамъ наступилъ предѣлъ. Я сбрасываю съ себя тяжесть, которую не въ состояніи дольше нести. И сваливаете ее на меня, скажете вы? Нѣтъ, мой другъ, вы ни за что не отвѣтите. Лично для васъ, я просто уѣхалъ, и этого довольно. Все остальное предоставьте мнѣ. Принцъ мнѣ не можетъ простить, но на это я иду. Мои вещи вы найдете въ моей комнатѣ. Потрудитесь выслать мнѣ ихъ въ Ганноверъ, куда я ѣду. Моего Гёте я оставляю; вамъ такъ нравилось это изданіе. Браунлака я оставлю въ «Золотой Насѣдкѣ»; я не прошу покровительства красивому, вѣрному животному; я знаю, что вы и безъ того о немъ позаботитесь. Еще разъ прощайте, милый, единственный другъ, и да будетъ для насъ ясно, когда мы снова встрѣтимся, что кто ставитъ свое счастье въ зависимость отъ личностей, тотъ преслѣдуетъ тѣнь, что мы можемъ найти удовлетвореніе единственно въ службѣ великому, всеобъемлющему, передъ которымъ намъ не придется стыдиться, если мы сами не представляемъ ничего великаго, ничего всеобъемлющаго».

— Нужно быть ангеломъ, чтобы при этомъ не сдѣлаться чортомъ! вскричалъ кавалеръ, бросая письмо на столъ. Не достаетъ только того, чтобы и я самъ уѣхалъ! И кто можетъ осудить меня, если я это сдѣлаю раньше, чѣмъ меня выгонятъ! Его свѣтлость мнѣ никогда не проститъ этого; я долженъ былъ все видѣть, все предчувствовать и обо всемъ предупредить его свѣтлость. Святой Малортисъ, бывалъ ли когда-нибудь гофмаршалъ въ такой бѣдѣ! Какъ долженъ окончиться день, такъ начавшійся!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣ безпокойной ночи, сегодня на дворѣ зàмка и въ самомъ зàмкѣ царствовала тишина, зловѣщая по мнѣнію фонъ-Цейзеля.

Наступилъ часъ, когда ему необходимо было идти съ письмомъ Уріи, какъ онъ называлъ посланіе маркиза къ принцу, если желалъ спасти по крайней мѣрѣ приличія, обязавшія его сообщить прежде другихъ важную новость принцу.

Кавалеръ слишкомъ хорошо зналъ, хотя и не давалъ замѣчать, что обыкновенно все, чтò онъ ни сообщалъ принцу, извѣстно уже ему изъ другого источника.

Фонъ-Цейзелю часто бывало весьма непріятно это обстоятельство, главнымъ же образомъ потому, что источникъ, изъ котораго черпалъ принцъ свои новости, былъ зачастую весьма мутный. Но сегодня онъ былъ не прочь, чтобы Андрей Глейхъ взялъ на себя исполненіе его обязанностей.

Но сегодня Глейхъ какъ нарочно не спѣшилъ предупредить этого желанія, хотя зналъ о событіяхъ ночи раньше, чѣмъ фонъ-Цейзель вышелъ изъ своей комнаты: объ отъѣздѣ маркиза, графа и доктора. Послѣднему обстоятельству онъ не придавалъ особаго значенія; онъ слишкомъ долго лелѣялъ планы, имѣвшіе цѣлью удалить глубоко ненавистнаго человѣка изъ общества принца, а потому не смѣлъ надѣяться, что онъ такъ дешево отъ него избавился. Онъ вѣдь былъ убѣжденъ, что всѣ толки доктора объ отъѣздѣ не что иное, какъ пустые разговоры, которые клонились лишь къ тому, чтобы заставить себя упрашивать остаться и вмѣстѣ съ тѣмъ выманить у принца побольше жалованья.

Но одновременный отъѣздъ маркиза и графа наводилъ его на размышленія. Темное предчувствіе, что между ними была связь, неудержимо овладѣла имъ, такъ какъ различныя замѣчанія, сказанныя вскользь принцемъ и его собственныя наблюденія привели его къ убѣжденію, что отношенія между двумя господами были отнюдь не дружелюбныя. Но настоящій смыслъ событія все-таки былъ для него не вполнѣ ясенъ и не могъ быть ясенъ, такъ какъ оба друга, Дитрихъ и Филиппъ, порѣшили не говорить никому ни слова о томъ, чтò происходило вчера въ саду.

Андрею Глейху одно было ясно, что какое бы значеніе ни имѣли великія новости сегодняшняго утра, онѣ не могли быть особенно пріятны для его повелителя, который безъ того по-

слѣдніе дни былъ постоянно не въ духѣ. А такъ какъ онъ держался правила не доводить до принца того, что могло быть ему особенно непріятно, если оно прямо его не касалось, и предоставлять это другимъ, то сегодня утромъ, почтительнѣйше здороваясь съ принцемъ, онъ скорчилъ жалобную мину и на вопросы принца отвѣчалъ, что онъ провелъ плохую ночь и заснулъ только около двухъ часовъ, почему и извиняется въ своемъ позднемъ приходѣ.

Принцъ немедленно сталъ настаивать, чтобы онъ опять легъ въ постель, но Глейхъ очень вѣжливо, но твердо отклонилъ это предложеніе. Съ позволенія его свѣтлости онъ подремлетъ съ часокъ въ передней на стулѣ.

И вотъ теперь сидѣлъ Глейхъ въ передней на стулѣ, но вовсе не дремалъ, а прислушивался къ шагамъ въ корридорѣ, желая узнать не идетъ ли фонъ-Цейзель, который долженъ былъ въ непродолжительномъ времени явиться съ рапортомъ къ его свѣтлости. И вотъ наконецъ послышались шаги кавалера; онъ заглянулъ въ дверь и спросилъ Глейха, который вскочилъ съ мѣста, какъ человѣкъ, пробудившійся отъ глубокаго утренняго сна: всталъ ли принцъ и не можетъ ли принять его, въ виду особенныхъ обстоятельствъ, немедленно.

Глейхъ сказалъ, что его свѣтлость уже всталъ и находится въ своемъ кабинетѣ, и что онъ спроситъ, можетъ ли войти фонъ-Цейзель.

— Старикъ еще ничего не знаетъ, подумалъ фонъ-Цейзель, или не хочетъ знать; удовольствіе все сполна выпадетъ мнѣ на долю.

— Его свѣтлость проситъ васъ войти, сказалъ Глейхъ.

Кавалеръ хотѣлъ спросить о томъ, какъ почивалъ его свѣтлость, но онъ еще никогда не пускался въ такія интимности съ всемогущимъ камердинеромъ и поэтому проглотилъ свой вопросъ, и съ бьющимся сердцемъ послѣдовалъ за Глейхомъ, который распахнулъ передъ нимъ дверь кабинета принца.

Принцъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, посреди прекрасной комнаты, въ окна которой виднѣлись горы, и обернулся къ входящему Цейзелю. Яркое утреннее солнце освѣтило при этомъ его лицо и оно показалось фонъ-Цейзелю такимъ блѣднымъ и измученнымъ, что его задача стала для него вдвое тяжелѣе и намѣреніе, до того лишь мелькнувшее въ его умѣ, не говорить болѣе того, чтó было крайне необходимо, вполнѣ утвердилось въ немъ.

Итакъ, онъ началъ возможно непринужденнымъ образомъ сообщать принцу, дружескимъ жестомъ пригласившему его сѣсть,

свои новости, стараясь удержать эту непринужденность, несмотря на то, что видѣлъ, какъ физіономія принца переходила отъ изумленія къ смущенію, и отъ смущенія къ неудовольствію.

— Я въ этомъ неповиненъ, подумалъ про себя кавалеръ, пусть отвѣчаютъ тѣ, кого это касается. Я не вижу причины отвѣчать за все своей шкурой.

И онъ мужественно продолжалъ сообщать событія изумленному, смущенному и разсерженному принцу, держась одной фактической стороны и не пускаясь въ разсужденія; не упомянулъ о послѣднихъ двусмысленныхъ, но тѣмъ не менѣе ясныхъ, словахъ Розеля, ни единымъ словомъ не позволилъ себѣ намекнуть на подозрѣніе, которое перешло у него въ увѣренность, и наконецъ передалъ письмо маркиза.

Фонъ-Цейзель замѣтилъ, что руки принца сильно дрожали, когда онъ взялъ письмо и раскрылъ его и что онъ, прочитавъ первыя слова, отвернулся, безъ сомнѣнія для того, чтобы скрыть впечатлѣніе, производимое на него содержаніемъ письма.

Фонъ-Цейзель понялъ намѣреніе принца, отошелъ въ сторону и пристально сталъ глядѣть въ раскрытое окно, черезъ куртины сада на горы, залитыя яркимъ утреннимъ солнцемъ, дожидаясь пока его свѣтлость кончитъ чтеніе и заговоритъ съ нимъ.

Но фонъ-Цейзелю пришлось такъ долго созерцать горы, что подъ конецъ у него потемнѣло въ глазахъ и поднялся шумъ въ ушахъ. Онъ не могъ долѣе выдержать и рискуя быть нескромнымъ, повернулся къ принцу.

— Великій Боже! вскричалъ фонъ-Цейзель.

Принцъ лежалъ, откинувшись въ своемъ рабочемъ креслѣ, блѣдный какъ смерть, съ искаженными чертами лица, съ закинутой назадъ головой; правая рука, изъ которой выпало письмо, безсильно повисла, между тѣмъ какъ лѣвая, сжатая въ кулакъ, судорожно прижималась къ сердцу; принцъ былъ въ обморокѣ или близокъ къ тому.

Цейзель бросился къ нему, но принцъ, вытянувъ обѣ руки, устранилъ его помощь и приподнялся съ невѣроятнымъ усиліемъ.

— Ничего, любезный Цейзель, сказалъ онъ, это судороги сердца, которыя послѣднее время особенно безпокоятъ меня. Они скоро проходятъ. Глейхъ знаетъ какъ помочь горю; въ крайнемъ случаѣ нашъ докторъ всегда помогалъ мнѣ.

Докторъ? Великій Боже!

Фонъ-Цейзель рѣшилъ сообщить объ отъѣздѣ Германа послѣ всего, и такъ какъ здѣсь дѣло шло объ его другѣ и кромѣ того оговорки и недомолвки были совсѣмъ не у мѣста, то передалъ

все дѣло въ возможно смягченной формѣ. Неужели онъ долженъ былъ нанести и это огорченіе принцу, котораго уже и безъ того такъ потрясло сдѣланное имъ донесеніе?

Это казалось невозможнымъ.

— Докторъ Горстъ уѣхалъ сегодня рано утромъ, сказалъ онъ, я предполагаю....

Онъ хотѣлъ сказать: въ Гюнерфельдъ, но языкъ его не повернулся сказать положительную ложь, и онъ умолкъ въ смущеніи.

— Что онъ не вернется, сказалъ принцъ съ улыбкой, которая больно отозвалась въ сердцѣ фонъ-Цейзеля. Ну, это меня не удивляетъ, онъ достаточно часто говорилъ мнѣ, что хочетъ уѣхать, и еще вчера я довольно недружелюбно разстался съ нимъ. Какъ ему было не уѣхать отсюда, когда онъ здѣсь былъ какъ на горячихъ угольяхъ.

Фонъ-Цейзель очень испугался. Принцъ проговорилъ эти слова такимъ страннымъ тономъ, какъ будто онъ разговаривалъ не съ нимъ, а съ самимъ собою, и фонъ-Цейзель ожидалъ каждую минуту услышать такія вещи, которыя слышать ему не подобало, и твердо рѣшился не слушать ихъ; но принцъ покончилъ эту тяжелую сцену и, принимая свой обычный тонъ, сказалъ:

— Очень благодаренъ вамъ, любезный Цейзель, и если вамъ нечего больше мнѣ сообщить....

Кавалеръ хотѣлъ сказать, что ему еще многое слѣдуетъ сообщить, но онъ былъ такъ смущенъ, что не могъ на это рѣшиться и очутился въ корридорѣ, самъ не замѣтивъ какъ туда попалъ. Здѣсь сознаніе вернулось къ нему. Ему пришло на мысль, что недостойно Оскара фонъ-Цейзеля, изъ одной боязни жестокости принца, разыгрывать роль невѣдущаго и нѣмого; что его обязанностью было, при такихъ обстоятельствахъ, не оставлять принца, котораго онъ такъ любилъ и уважалъ, на произволъ судьбы; что ему по крайней мѣрѣ слѣдовало спросить: если его свѣтлость нуждается въ службѣ вѣрнаго и вполнѣ преданнаго человѣка, то можетъ разсчитывать на Оскара фонъ-Цейзеля.

Онъ уже хотѣлъ вернуться, но зналъ, что застанетъ теперь у своего милостиваго господина Глейха, который мимо его прошмыгнулъ въ его комнату, и сказалъ себѣ, что принцу въ настоящую минуту нужны услуги болѣе опытныхъ людей, чѣмъ Оскаръ фонъ-Цейзель.

Тѣмъ не менѣе, въ его настроеніи ему казалось невозможнымъ предоставить дѣла самимъ себѣ. И вдругъ пришла ему мысль, указавшая на исходъ изъ этого лабиринта.

— Что же она за жена, сказалъ онъ про себя, если не придетъ на помощь въ такую минуту!

И фонъ-Цейзель отправился просить Гедвигу немедленно, по весьма важному дѣлу, принять его.

Гедвигѣ пришлось сегодня утромъ много разъ звонить, прежде чѣмъ Мета рѣшилась придти на ея зовъ. Дѣвушка была въ большомъ горѣ и заботѣ. Ея смѣлая ложь, что въ саду была не она, и что слѣдовательно дама, которую Дитрихъ и Филиппъ видѣли съ маркизомъ, была другая, лежала пудовой гирей у нея на душѣ, какъ она себя ни увѣряла, что должна была себя выручить, если только представлялась возможность; что она вовсе не говорила, что эта дама была госпожа Гедвига, а что даже если и сказала, то кто же осмѣлится укорить въ этомъ ея госпожу.

Но въ тоже время раскаявающійся Филиппъ, желая загладить свою несправедливость, сообщилъ ей, какъ его господинъ встрѣтилъ господина маркиза въ саду и повидимому очень хорошо узналъ, кто была дама, и что онъ, съ своей стороны, только желаетъ, чтобы эта исторія обошлась благополучно какъ для маркиза, такъ и для извѣстной дамы, потому что его господинъ шутить не любитъ, особенно же въ подобныхъ вещахъ.

При этомъ извѣстіи сердце Меты забилось и она обѣщала принести въ жертву своему ангелу-хранителю шелковое платье, подаренное ей графомъ, если онъ милостиво выручитъ ее изъ бѣды и не дастъ разразиться удару надъ ея головой.

Въ такомъ-то разстроенномъ состояніи духа провела она вчерашній день и вздохнула легко, когда онъ миновалъ благополучно, и поставила себѣ въ большую заслугу, что не исполнила обѣщанія, даннаго Баптисту, встрѣтиться съ нимъ снова вечеромъ.

Каково же было ея отчаяніе, когда Дитрихъ сегодня утромъ, очень рано, подскочилъ на цыпочкахъ къ ней въ коррндорѣ и со страхомъ прошепталъ ей на ухо: маркизъ ночью уѣхалъ, господинъ графъ тоже, и Филиппъ, провожавшій своего господина, сказалъ ему, когда онъ помогалъ запрягать, передъ самымъ отъѣздомъ: теперь господину маркизу придется плохо; еслибы господинъ графъ мнѣ десять разъ повторилъ, что онъ ѣдетъ въ гости къ барону, онъ, Филиппъ, понимаетъ кое-что въ этомъ дѣлѣ и готовъ поручиться головой, что не пройдетъ дня, какъ у маркиза между ребрами будетъ сидѣть пуля, но что его прогонятъ, если онъ объ этомъ будетъ болтать; но Дитриху-то ужъ онъ скажетъ и Дитрихъ долженъ сказать Метѣ, чтобы она, ради самого неба, ни словечкомъ не проговорилась объ этой исторіи,

потому что одного слова достаточно, чтобы ихъ всѣхъ послать къ чорту.

Съ этими словами Дитрихъ исчезъ, а Мета бросилась на стулъ, намѣреваясь повидимому выплакать свои хорошенькіе черные глазки.

— Ахъ, какіе эти мужчины! Право, съ ними нельзя имѣть ровно никакого дѣла! Ну, когда она говорила, что это была ея госпожа? Она сказала, что то была другая, а не она; мало ли другихъ на свѣтѣ, неужели на свѣтѣ только и существуетъ, что ея госпожа? О, это просто позорно! И если теперь графъ убьетъ маркиза, за то что маркизъ имѣлъ любовное свиданіе съ госпожей Гедвигой, то исходъ могъ быть только одинъ: все должно открыться, что не госпожа Гедвига, а она сама была въ саду, и Боже ты мой милостивый! что же изъ всего этого должно выйти! рыдала Мета.

Черезъ нѣсколько времени, она настолько овладѣла собой, что догадалась по крайней мѣрѣ освѣдомиться о справедливости того, что̀ ей сообщилъ Дитрихъ, и вскорѣ убѣдилась, что все сказанное имъ была правда. Маркизъ уѣхалъ, графъ уѣхалъ, и что̀ Метѣ казалось страшнѣе всего — люди, съ которыми она объ этомъ говорила, всѣ дѣлали такія значительныя физіономіи, пожимали плечами и приговаривали: Богъ вѣсть, чѣмъ еще это кончится, и вели тому подобныя страшныя рѣчи, отъ которыхъ сердце ея сильно билось подъ узкимъ корсетомъ.

Она снова вернулась на свой постъ въ корридоръ, поплакала съ часокъ, помолилась святымъ угодникамъ, попеняла на отвратительный родъ мужской и вся вздрогнула, когда вдругъ раздался звонокъ изъ покоевъ ея госпожи; одну минуту она думала, не лучше ли будетъ, если она выбросится въ открытое окошко, у котораго она сидѣла, но затѣмъ заблагоразсудила послѣдовать роковому призыву и вошла въ комнату своей госпожи.

— Что съ тобой мое дитя? спросила Гедвига.

Одного взгляда было ей достаточно, чтобы замѣтить, что Мета только-что плакала.

— Ты вѣрно опять поссорилась съ Дитрихомъ? продолжала она. Тебѣ право слѣдуетъ придти къ какому-нибудь рѣшенію; я не хочу тебѣ ни совѣтовать, ни отсовѣтовать; ты знаешь, какого я мнѣнія о Дитрихѣ, и у тебя было достаточно времени, чтобы отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Если ты не можешь съ нимъ разстаться, то скажи смѣло: да! и я переговорю съ твоимъ отцемъ, хотя теперь онъ еще болѣе вооруженъ противъ Дитриха.

Съ каждымъ словомъ Гедвиги слезы Меты текли обильнѣе. Ну не скверно ли было съ ея стороны дѣлать такія непріятности такой доброй госпожѣ.... конечно противъ воли! Она конечно ничего дурного на умѣ не имѣла, а бѣда все-таки произошла.

— Ахъ, сударыня! рыдала она.

— Еще разъ: рѣшись на что-нибудь! сказала Гедвига. А теперь я хотѣла спросить, отчего сегодня ночью былъ такой шумъ въ зàмкѣ? Не случилось ли чего-нибудь?

— Ахъ, сударыня! Маркизъ уѣхалъ! вскричала Мета.

Гедвига вздрогнула, но затѣмъ улыбка показалась на ея устахъ. Итакъ, онъ пунктуально исполнилъ ея приказаніе, даже слишкомъ пунктуально, какъ кажется.

Она подошла къ окну. Что сказалъ на это принцъ? Вѣдь этотъ поспѣшный отъѣздъ трудно было мотивировать. Несмотря на все она предполагала въ немъ больше мягкости чувствъ, больше деликатности.

Гедвига на минуту совершенно позабыла о присутствіи Меты и повернулась къ ней лишь тогда, когда опять послышались рыданія дѣвушки.

— Послушай, о чемъ же ты плачешь, Мета? спросила она.

— Милая, добрая, хорошая барыня, заговорила Мета, ломая руки: я право совершенно невинна; я хотѣла только подразнить Дитриха за то, что онъ такой ревнивый и уже надоѣдалъ мнѣ съ графскимъ Филиппомъ, и я просто только шутила и съ нимъ и съ Баптистомъ, котораго я совсѣмъ терпѣть не могла. И какъ могла я думать, что встрѣчу самого господина маркиза и что господинъ графъ придетъ въ садъ въ то же самое время, и все это такъ случится.

— Но чтò же случилось? спросила Гедвига, у которой при послѣднихъ словахъ забилось сердце.

Но прошло не мало времени, прежде чѣмъ она цѣлымъ рядомъ вопросовъ добилась отъ Меты признанія о томъ, какъ она свѣтренничала, да и тогда ей все еще не было ясно, какое отношеніе все это имѣетъ лично къ ней, пока, наконецъ, Мета, видя, что госпожа ея никакъ не понимаетъ въ чемъ дѣло, заливаясь горючими слезами прошептала, что она имѣетъ причины предполагать, что маркизъ принялъ ее за ея госпожу, потому что называлъ ее «сударыня» и цѣловалъ у ней руки, а господинъ графъ, котораго она не видала въ саду, хотя онъ должно быть тамъ былъ, также принялъ ее за госпожу Гедвигу, о чемъ ей сказалъ Дитрихъ; и еслибы она только могла подозрѣвать, что случится нѣчто подобное, то скорѣе сама призналась бы, что это она была, и что если госпожа Гедвига теперь прогонитъ ее

и сдѣлаетъ ее на всю жизнь несчастной, то конечно, она заслужила это жестокое наказаніе.

Мета бросилась на колѣни и ловила руки Гедвиги и подолъ ея платья, но Гедвига приказала ей встать и выйти вонъ изъ комнаты. Она достаточно наслушалась и желаетъ остаться одна.

Итакъ, вотъ причина, по которой маркизъ былъ такъ наxаленъ! Онъ считалъ себя въ правѣ отнестись къ ней, какъ къ потерянной женщинѣ; позоръ, о позоръ! И графъ повѣрилъ такому безумному предположенію; онъ счелъ ее способной на такое постыдное дѣло! Позоръ, о позоръ! И несмотря на то, онъ все-таки бросилъ перчатку за потерянную женщину? Нѣтъ, не за нее, но за честь дома, за честь старика, который—какъ бы ни былъ враждебно къ нему настроенъ — не долженъ называть супругой потерянную женщину! Это было самой горькой каплей въ отравленной и позорной чашѣ!

Гедвига заскрежетала зубами и рванула длинныя косы, которыя упали къ ней на колѣни, пока она сидѣла нагнувшись.

Дѣтскія выходки! У тебя было достаточно времени, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе! То, что справедливо для той бѣдной дѣвочки, то справедливо также и для тебя! Но къ чему я все это терплю? Только потому, что не хочу сознаться въ громадной ошибкѣ, потому что въ здравомъ умѣ соглашаюсь быть рабой слова, даннаго мной въ часъ безумія, между тѣмъ какъ онъ давно нарушилъ свое слово, которое должно быть для него не менѣе свято. Да, онъ нарушилъ его, сердцемъ, волей, взглядами, миной, тысячу разъ нарушилъ, а мнѣ все еще нужно подтвержденій!

Такъ сидѣла она, погруженная въ ужасныя мысли, недвижимая, пока Мета не принесла ей записки отъ фонъ-Цейзеля.

— Милости просимъ! сказала Гедвига. Быть можетъ, его присылаетъ принцъ, подумала она; быть можетъ, онъ присылаетъ мнѣ разводную.

Но Цейзель не принесъ никакого письма, когда вскорѣ затѣмъ вошелъ къ Гедвигѣ. Онъ пришелъ лишь затѣмъ, чтобы сообщить о своемъ безпокойствѣ на счетъ принца, котораго повидимому весьма потрясло извѣстіе объ отъѣздѣ маркиза, несмотря на то, что онъ не могъ подозрѣвать о настоящей связи; да и самъ онъ лишь догадывается объ ней по весьма неопредѣленнымъ признакамъ, и теперь желалъ бы повергнуть все это на здравое обсужденіе госпожи Гедвиги.

Фонъ-Цейзель разсказалъ о томъ, что ему сообщилъ Розель ночью, и какъ ему казалось неправдоподобной дипломатическая миссія маркиза, а сегодня утромъ сдѣлалась и вовсе сомни-

тельной, послѣ того, какъ онъ узналъ отъ гоффурьера Порста, что вчера вечеромъ какъ разъ не получалось вовсе никакихъ писемъ, которыя могли бы передать маркизу приказъ его правительства.

Затѣмъ онъ заговорилъ о странномъ сообщеніи Розеля: кровавый трофей въ отплату за Садову, который маркизъ адресуетъ принцу, а Розель фонъ-Цейзелю; затѣмъ внезапный отъѣздъ графа къ барону, то-есть къ тому самому человѣку, къ которому графъ долженъ былъ обратиться въ случаѣ дуэли.

— Все это, какъ я уже сказалъ, одно только предположеніе, продолжалъ фонъ-Цейзель; возможно, что дипломатическая миссія маркиза вовсе не выдумка, что графъ, Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, нашелъ, что три часа утра самое удобное время для визита. Но когда я подумаю, въ какомъ страшномъ волненіи находился графъ всѣ эти дни вслѣдствіе политическихъ событій, когда я вспомню достаточно очевидное неудовольствіе, какое возбуждало въ немъ присутствіе французскихъ гостей, — знаменательныя извѣстія еще вчера были напечатаны въ газетахъ касательно по истинѣ безумнаго поведенія французской палаты — какъ легко одной искрѣ было зажечь весь этотъ порохъ! Извините за это банальное выраженіе, но голова моя не свѣжа послѣ плохо проведенной ночи, а на сердцѣ щемитъ, когда я подумаю, что благодаря этой злополучной политикѣ расторгнутъ кружокъ, для котораго начиналась прекрасная — я могу даже сказать идеально прекрасная — жизнь; и ко всему этому надо же, чтобы нашъ превосходный другъ поступилъ самымъ страннымъ образомъ, исчезъ среди ночи, не распрощавшись оффиціально и этимъ самымъ поставилъ меня въ самое неудобное, самое тяжелое положеніе.

Германъ уѣхалъ; еще и это ко всему остальному. Это было слишкомъ!

Гедвига опустила голову, чтобы скрыть слезы, навернувшіяся у нея на глазахъ, но тотчасъ же сдѣлала надъ собою усиліе.

— И вы полагаете, что отъѣздъ доктора Горста находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, о которомъ вы только-что говорили? спросила она глухимъ голосомъ.

— Одну минуту я такъ предполагалъ, возразилъ кавалеръ; если дѣло идетъ о дуэли — а мнѣ кажется, что также и вы склоняетесь къ этому предположенію — то врачъ совершенно необходимъ, а всего ближе было обратиться къ нашему доктору. Кромѣ того я узналъ отъ своего слуги, что сегодня ночью Розель, разставшись со мной, отправился къ Горсту и долгое время съ нимъ бесѣдовалъ. Но по зрѣломъ размышленіи, я

вернулся къ моему первому предположенію. Во-первыхъ, я твердо увѣренъ, что онъ написалъ бы мнѣ, еслибы это было такъ; затѣмъ—и это самое существенное—мнѣ всегда казалось, что графъ и Горстъ не особенно симпатизируютъ другъ другу, и я полагаю, что знаю причину; но вы сочтете меня за сплетника, если я буду продолжать, и за льстеца, если я скажу, что при томъ безграничномъ уваженіи, которое я къ вамъ питаю, для меня совершенно невозможно сохранить что-либо въ тайнѣ отъ васъ.

— О какой тайнѣ говорите вы? спросила Гедвига.

— Я хотѣлъ сказать, продолжалъ кавалеръ, что полагаю, что мнѣ извѣстна причина, которая такъ отуманила свѣтлый умъ нашего друга, что онъ безцеремонно покинулъ нашъ дворъ, и эта же самая причина не дозволитъ, по всей вѣроятности, графу обратиться въ настоящемъ случаѣ къ Горсту. Словомъ, я полагаю, что графиня произвела глубокое впечатлѣніе на скрытное, но тѣмъ не менѣе весьма мягкое сердце нашего друга; но я конечно сообщаю вамъ о томъ, чтó ваша проницательность давно уже сдѣлала для васъ яснымъ.

— Вовсе нѣтъ, сказала Гедвига, я объ этомъ совсѣмъ не думала; но случалось ли доктору Горсту прежде, или въ томъ письмѣ, о которомъ вы говорите, намекать объ этомъ обстоятельствѣ?

— Доктору Горсту, этому скрытнѣйшему изъ людей! вскричалъ кавалеръ.

— Не можете ли вы показать мнѣ его письмо? спросила Гедвига.

— Вотъ оно, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; я нѣсколько разъ перечелъ его, но оно все-таки осталось бы для меня не вполнѣ яснымъ, еслибы.... но прошу васъ!

Гедвигѣ письмо вовсе не показалось неяснымъ, но когда она дочитала до конца, то строчки запрыгали у нея передъ глазами, изъ которыхъ неудержимо полились слезы.

— Не правда ли, замѣтилъ фонъ-Цейзель, здѣсь возможно только одно объясненіе. Только любовь могла побудить этого вообще спокойнаго, безстрастнаго человѣка къ такому неразумному поступку.

Фонъ-Цейзель продолжалъ:

— Примите къ тому же во вниманіе то обстоятельство, что графиня-мать должна сегодня прибыть съ тайнымъ совѣтникомъ. Должно сознаться, что для Горста это была обида, потому что онъ такъ надолго отложилъ свой отъѣздъ единственно только для графини, уступая просьбамъ принца и настоя-

ніямъ самой графини; всякій другой врачъ принялъ бы это за обиду, не чувствуя даже никакого сердечнаго влеченія къ своей паціенткѣ. Графиня ни въ какомъ отношеніи не виновата въ этомъ случаѣ, какъ въ большинствѣ другихъ, она исполняетъ слѣпо желанія графа; но вѣдь неудобно обращаться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дуэль, къ человѣку, отъѣзду котораго способствовалъ. И мнѣ приходится думать, что его свѣтлость, которому, по обязанности, я сообщилъ объ отчаянномъ шагѣ Горста, понимаетъ вещи не иначе.

Кавалеръ умолкъ.

Гедвига сидѣла съ судорожно сжатыми губами и неподвижными глазами. Наконецъ она произнесла:

— Какого же рода вліяніе я могу оказать при этихъ обстоятельствахъ на принца?

— Я полагаю, что вы окажете безконечное благодѣяніе всѣмъ намъ и особенно его свѣтлости, если подготовите его свѣтлость къ возможности столкновенія между маркизомъ и графомъ, или въ томъ случаѣ, если его свѣтлость — что мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ — имѣетъ предчувствіе о настоящемъ положеніи дѣла — письмо маркиза должно заключать указанія на это, иначе я не могу себѣ объяснить испуга его свѣтлости—помочь ему въ этомъ тяжеломъ испытаніи, что̀ вы одни въ состояніи сдѣлать.

— Благодарю васъ, сказала Гедвига.

— Благодарю и я васъ, отвѣчалъ кавалеръ, вставая и цѣлуя руку Гедвигѣ. Вы уже такъ часто были нашимъ добрымъ геніемъ, будьте имъ на этотъ разъ, какъ и на будущее время!

Кавалеръ ушелъ.

Гедвига посмотрѣла ему вслѣдъ съ грустной улыбкой.

— Да, сказала она, добрый геній! Такъ называлъ меня старикъ тысячу разъ, но добрыхъ геніевъ не существуетъ, а есть только злые люди.

Она ходила въ страшномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Злые люди и слабые люди — не знаю которые хуже. Сбросить ношу, которую не въ силахъ дольше нести! Сколько же времени тому назадъ я-то должна была сбросить свою ношу! Какъ легко было бы исполнить это тому человѣку! Но онъ дѣйствуетъ твердо, рѣшительно, непреклонно, онъ остается себѣ вѣренъ: впередъ, впередъ! Нѣтъ пощады никому, впередъ! Втоптать въ грязь того, кто смѣетъ сопротивляться! А мы, мы боязливо уступаемъ ему дорогу, какъ тотъ и сдѣлалъ, или преклоняемся передъ нимъ, господиномъ. Да, да, онъ господинъ, теперь, какъ и всегда, потому что умѣетъ создать себѣ поло-

женіе, какое ему требуется. Если я не хочу быть его любовницей, то пусть же я буду потерянной женщиной, легкой добычей всякаго, кто протянетъ ко мнѣ руку! И онъ могъ этому повѣрить, онъ также! Нѣтъ, онъ этого не могъ сдѣлать, но онъ могъ допустить, чтобы другіе этому вѣрили, своимъ бѣгствомъ онъ подалъ хорошій примѣръ; бросить ту, которая все равно потеряна для него — это онъ могъ сдѣлать, въ этомъ состояло все его мужество!

— И я погибла въ его глазахъ, въ глазахъ старика, въ глазахъ всего свѣта, когда мнѣ стôитъ только сказать одно слово, чтобы возвыситься надъ этимъ скввернымъ положеніемъ, подобно колосьямъ Іосифа, передъ которыми преклонялись колосья другихъ братьевъ! Кто можетъ упрекнуть меня, если я произнесу это слово! Развѣ они не преслѣдовали, не травили меня, какъ дикаго звѣря въ лѣсу, которому нѣтъ спасенія, между тѣмъ какъ этотъ гордый зàмокъ, все, все могло быть моимъ и для этого стôитъ мнѣ лишь мигнуть глазомъ! Онъ, господинъ! Пусть же поучится преклоняться передъ госпожей!

— Я не могу нести ига господства. Прекрасно! но и иго обруганной служанки точно также мнѣ не къ лицу. Должна ли я ждать, чтобы меня выгнали, какъ Агарь? Она должна была ждать, она лишила себя права уйти, когда захочетъ, какъ и я должна была бы остаться, еслибы пустыня ждала не меня одну, еслибы за мной должны были слѣдовать по горячему песку пустыни нѣжныя, непривычныя ноги любимаго ребенка. Но я, съ моимъ чистымъ какъ вода сердцемъ, столь же свободная тѣломъ, какъ и духомъ, я могу подняться въ воздухѣ, какъ соколъ и воспользуюсь своими соколиными крыльями!

Она позвонила и сказала Метѣ, которая вошла съ заплаканными глазами, чтобы доложили его свѣтлости, что она желаетъ говорить съ нимъ немедленно.

Мета вернулась черезъ нѣсколько минутъ:

— Его свѣтлость съ часъ уже, какъ уѣхалъ въ охотничій зàмокъ, говоритъ Глейхъ.

Вели сейчасъ-же заложить для меня лошадей, сейчасъ-же.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Принцъ, который съ полчаса тому назадъ пріѣхалъ, ходилъ въ тѣнистомъ саду главнаго лѣсничаго. Онъ долго говорилъ голосомъ, дрожавшимъ отъ страсти и неоднократно заглушаемымъ слезами, между тѣмъ какъ его спутникъ внимательно слушалъ

его съ поникшей головой. Наконецъ принцъ замолчалъ, а спутникъ, устремивъ свои все еще ясные голубые глаза на блѣдное лицо принца, сказалъ:

— Ваша свѣтлость....

— Прошу тебя не называй меня такъ; я пришелъ къ старому другу, къ товарищу моей юности; я хочу услышать человѣческій голосъ, голосъ человѣка, который, я знаю, меня любитъ. Представь себѣ, что мы на пятьдесятъ лѣтъ моложе.

— Еслибы только можно было себѣ это представить, сказалъ старикъ, съ меланхолической улыбкой. Но ваша свѣтлость... или, если хочешь, Эрихъ....

— Вотъ такъ хорошо, сказалъ принцъ.

— Какъ тебѣ угодно, повторилъ старикъ. Ахъ, еслибы я могъ также легко исполнить всякое твое желаніе! Но странная вещь эти желанія. Сколько разъ ты упрекалъ меня, что у меня ихъ совсѣмъ нѣтъ и что ты можешь такъ мало для меня сдѣлать. Но я не хочу хвалиться, можетъ быть кровь моя не такъ горяча, какъ у другихъ людей, или, быть можетъ, лѣсной воздухъ, въ которомъ я родился и выросъ, такъ охладилъ ее, но я могу себя лишь поздравить съ этимъ. Очень возможно, что я не знавалъ многихъ радостей, выпадающихъ на долю другимъ людямъ, но за то не знавалъ и многихъ заботъ, отъ которыхъ, я видѣлъ, страдали другіе; и такимъ образомъ я одинокій состарѣлся въ моемъ одинокомъ лѣсу, не подаривъ ни однимъ вздохомъ утраченную молодость, а теперь, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, я боленъ неизлечимой болѣзнью, но не зову смерть. Такой человѣкъ быть можетъ совсѣмъ неспособенъ подать совѣта въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, или во всякомъ случаѣ можно заранѣе знать, какого рода будетъ его совѣтъ. Онъ будетъ проповѣдывать тоже, что и всегда: предоставлять вещи ихъ теченію, когда не можешь ихъ задержать; онъ будетъ проповѣдывать самоотреченіе. И еслибъ я этого не сдѣлалъ, то развѣ мои сѣдые волосы, моя согбенная фигура не сказали бы того же самаго, только еще выразительнѣе, чѣмъ мой голосъ? Ты говоришь, что не можешь отъ нея оторваться, но подумай, что ты отрываешься отъ того, что̀ тебѣ никогда не могло принадлежать и не принадлежало въ дѣйствительности. Тебѣ было шестьдесятъ два года, когда ты избралъ ее въ супруги, ей шестнадцать. Что общаго между шестнадцатью и шестьюдесятью? Также мало, какъ между бодрой жизнью дня и сновидѣніемъ ночи и даже менѣе, потому что сновидѣніе можетъ сопровождать насъ и днемъ, а сновидѣніе нашей юности невозвратно отлетѣло, и я не говорю, что твое княжеское достоинство и все, что̀ съ нимъ

связано, можетъ уровнять разницу лѣтъ въ глазахъ молодой дамы. Будь это такъ, она была бы вдвойнѣ и втройнѣ недостойна быть супругой Эриха фонъ-Рода. Но ты самъ говоришь, она слишкомъ чистая, возвышенная натура, чтобы допустить себя ослѣпить очарованіемъ власти. Прекрасно, предоставь полную свободу этой чистой натурѣ; не говори да, тамъ гдѣ она говоритъ нѣтъ, тамъ гдѣ—я долженъ это высказать—она принуждена говорить нѣтъ, если она дѣйствительно чистая, возвышенная натура. Да Эрихъ, это такъ: природа противъ тебя. Она не наградила ребенкомъ эту позднюю страсть.

Яркая краска залила блѣдное лицо принца.

— Ты не все знаешь, Герардъ, сказалъ онъ.

— Значитъ, ты не все мнѣ сказалъ, возразилъ оберфорстмейстеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ принцъ, я тебѣ не все сказалъ. Я долженъ это сдѣлать, потому что вижу, что ты меня не понимаешь. Она никогда не была моею, Герардъ, я никогда не цѣловалъ ея руки иначе, какъ отецъ у своей дочери.

— Я могу это только хвалить, замѣтилъ оберфорстмейстеръ.

— Я не заслуживаю этой похвалы, отвѣчалъ принцъ. Я дѣйствовалъ не по доброй волѣ; я былъ рабомъ слова, которое далъ ей въ то время, въ безумномъ порывѣ страсти, не знавшей границъ, въ надеждѣ, что она сама, какъ скоро пойметъ, какъ велика моя любовь, сама возвратитъ мнѣ мое слово; изъ боязни вполнѣ потерять ее, если я не удовольствуюсь малымъ. Ахъ, Герардъ, ты самъ говоришь, что не знавалъ любви. Ты не знаешь, какъ я тогда страдалъ, какъ я страдалъ послѣ того и какъ я теперь страдаю....

Онъ бросился на грудь къ другу и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Оберфорстмейстеръ былъ глубоко тронутъ.

— Бѣдный другъ, сказалъ онъ, такъ вотъ каковы твои дѣла! Да, теперь я понимаю многое, чего прежде не понималъ. Но другъ и принцъ, рискуя заслужить твою немилость, я повторю то, чтó уже мнѣ раньше подсказывалъ внутренній голосъ. Эрихъ! Что было бы, еслибы она была дѣйствительно твоей дочерью, такой величавой, прекрасной, доброй дочерью, развѣ ты не чувствовалъ бы себя счастливымъ? Развѣ въ любви къ такому ребенку для тебя не расцвѣла бы вторичная, прекраснѣйшая молодость? И на что хочешь ты промѣнять эти сладостныя отношенія? На другія, которыя уже принесли тебѣ, пока ты объ нихъ только мечталъ, безконечную горечь и которыя, еслибъ ты могъ ихъ осуществить, еще больше бы отравили твою жизнь.

— Слишкомъ поздно, сказалъ принцъ, ни я, ни она не мо-

жемъ больше увѣровать въ то идиллическое счастье, какое ты рисуешь.

— Не знаю, возразилъ оберфорстмейстеръ, легко вѣрится тому, что согласно съ природой. И если она дѣйствительно подозрѣваетъ о твоей страсти, то снова найдетъ въ тебѣ отца, котораго въ тебѣ искала, если только ты овладѣешь самъ собой и будетъ тебѣ вдвойнѣ благодарна и будетъ любить тебя двойною любовью.

— Слишкомъ поздно, повторилъ принцъ.

— А еслибы такъ, то тебѣ все-таки ничего не остается, какъ предоставить вещи ихъ собственному теченію. Принцъ мой и другъ, неужели дѣйствительно справедливо, что вы, высокопоставленные люди, не можете научиться тому, чему мы, всѣ простые смертные, научаемся? Это должно быть такъ, если даже такой добрый благородный человѣкъ, какъ ты, котораго я такъ люблю и уважаю, не можетъ этому научиться! Но ты лучше и мудрѣе чѣмъ себя представляешь; я знаю это, потому что всю твою жизнь наблюдалъ за тобой и видѣлъ, что ты съумѣлъ отречься отъ многаго въ жизни. Да что такое была твоя жизнь, какъ не цѣлый рядъ самоотреченій? Какіе гордые планы лелѣялъ ты въ прекрасные дни нашей молодости! Сердце твое было открыто для всего человѣчества; ты хотѣлъ — провозвѣстникъ чистаго ученія, глубокую тайну котораго думалъ, что постигъ — возвысить человѣчество на высшую, благороднѣйшую ступень. Люди остались тѣмъ, чѣмъ были, чѣмъ они будутъ вѣчно. Какъ горячо любилъ ты Германію! Ты хотѣлъ образовать изъ нея страну свободы, братства и равенства! Гдѣ свобода, братство и равенство? Тебѣ пришлось отказаться и отъ этой мечты; ты научился подъ гнетомъ правленія, совершенно противоположнаго твоему идеалу, въ тиши заботиться на свой ладъ о благѣ своихъ подданныхъ.

Фр. Шпильгагенъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

II *).

НАРОДНОСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Впечатлѣніе, произведенное событіями конца двадцать пятаго года, по замѣчанію весьма достовѣрныхъ наблюдателей, оказывало свое дѣйствіе въ теченіе всего описываемаго періода. Ближайшіе современники полагали, что эти событія должны были надолго остановить успѣхи, которыхъ безъ этого они, повидимому, ожидали.—Ah, mon prince! vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans (ахъ, князь; вы сдѣлали много зла Россіи, вы ее отодвинули назадъ на пятьдесятъ лѣтъ),—говорилъ въ первые же дни князю Трубецкому одинъ изъ его будущихъ судей, вліятельное лицо новаго царствованія. Ту же мысль высказываетъ, нѣсколько времени спустя, Чаадаевъ въ своемъ извѣстномъ «Философическомъ письмѣ»[1]).

---

*) См. выше, май, стр. 233.

[1]) Въ 1829.—Онъ говоритъ о несчастной судьбѣ нашей цивилизаціи и, упомянувъ о Петрѣ Великомъ, дѣло котораго далеко не принесло всѣхъ желанныхъ результатовъ, онъ продолжаетъ: «Une autre fois, un autre grand prince, nous associant à sa mission glorieuse, nous mena victorieux d'un bout de l'Europe à l'autre; revenus

Можно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли только именно эти событія отодвинули Россію на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, могло ли отдѣльное явленіе оказать столь обширное и продолжительное вліяніе на судьбу огромной націи, — и не опредѣлялся ли, напротивъ, ходъ вещей причинами болѣе общими, не имѣлъ ли онъ болѣе глубокаго корня въ цѣломъ характерѣ времени и общества. Въ самомъ дѣлѣ, ходъ вещей всего больше опредѣлялся пассивнымъ положеніемъ народной массы, вялостью и слабостью образовательныхъ инстинктовъ въ болѣе цивилизованномъ верхнемъ слоѣ: не было яснаго сознанія и запроса на другой порядокъ вещей, или же это сознаніе ограничивалось столь тѣснымъ кругомъ истинно образованныхъ и имѣвшихъ лучшія желанія людей, и стремленія этого круга распространялись на столь небольшую часть цѣлаго общества, что въ ту минуту этотъ кругъ не оказывалъ никакого вліянія на теченіе дѣлъ, и его желанія не принимались ни въ какое соображеніе. Ходъ вещей вполнѣ отвѣчалъ представленіямъ и нравамъ большинства, и пользовался чрезвычайной популярностью. Это было главнѣйшее основаніе порядка вещей, господствовавшаго въ описываемыя десятилѣтія.

Но событія двадцать пятаго года имѣли однако свое значеніе, какъ поводъ дать еще болѣе рѣзкій характеръ той системѣ, которая теперь наступала, какъ лишнее побужденіе къ безусловному консерватизму. Этотъ консерватизмъ начинается въ сущности гораздо раньше, потому что послѣдніе годы предыдущаго царствованія уже достаточно яснымъ образомъ вступили на эту дорогу; но событія конца 1825-го года возбудили сильное опасеніе возможности повторенія какого-нибудь подобнаго движенія въ будущемъ, увеличили до чрезвычайной степени предубѣжденіе противъ всякаго признака политическихъ интересовъ въ обществѣ. Собственно говоря, новое время только продолжало въ этомъ отношеніи взглядъ на вещи, господствовавшій въ послѣдніе годы царствованія Александра, но этотъ взглядъ примѣнялся теперь съ гораздо бо̀льшей настойчивостью и суровостью, и нѣтъ, кажется, никакого основанія утверждать, чтобы эта программа была именно вынужденная, чтобы въ наступавшемъ періодѣ можно было бы—безъ упомянутыхъ событій—ожидать продолженія либерализма первыхъ лѣтъ имп. Александра.

Наступившая теперь система была, слѣдовательно, та же кон-

---

chez nous de cette marche, à travers les pays les plus civilisés du monde, nous ne rapportâmes que des idées et des aspirations dont une immense calamité, qui nous recula d'un demi-siècle, fut le résultat» (стр. 28).

сервативная система опеки, но самой полной и строгой опеки, какая только была употребляема въ русской жизни. Съ самаго начала, по поводу упомянутыхъ событій, эта система заявила тотъ принципъ, что такъ какъ броженіе двадцатыхъ годовъ происходило отъ поверхностнаго воспитанія и отъ вольнодумства, заимствованнаго изъ иностранныхъ ученій, то слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на воспитаніе молодыхъ поколѣній, дать силу въ воспитаніи истиннымъ русскимъ началамъ и строго удалять изъ него все, чтобы имъ противорѣчило. На тѣхъ же началахъ должна была основаться вся государственная и общественная жизнь. Сущность этихъ началъ была опредѣлена совершенно положительно, и въ національной жизни признаны были законными только тѣ дѣйствія и явленія, которыя отвѣчали пунктамъ опредѣленнаго теперь національнаго символа, въ числѣ которыхъ впервые названо было оффиціально слово «народность».

Самая сущность понятій, которыя были поставлены теперь краеугольнымъ камнемъ всей національной жизни, была очень близка къ тѣмъ, которыя уже начали господствовать въ послѣдніе годы императора Александра. Это былъ тотъ традиціонный идеалъ, какъ онъ издавна высказывался въ мнѣніяхъ всей консервативной партіи и изложенъ въ запискѣ Карамзина; но теперь принципъ выполнялся съ невиданной при Александрѣ послѣдовательностью, которая была тѣмъ больше, что новая власть не имѣла прошедшаго, которое располагало бы ее къ снисходительности и какимъ-нибудь уступкамъ либерализму. Традиціонные принципы были развиты, усовершенствованы, поставлены на степень непогрѣшимой истины, и явились какъ бы новой системой, которая была закрѣплена именемъ народности.

Чтобы говорить о литературныхъ идеяхъ и движеніи этого времени, намъ необходимо составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этой оффиціально заявленной народности, потому что она составила ту почву, на которой допускалось движеніе умственной жизни; тотъ кругъ идей, который дѣлался обязательнымъ для литературы и науки. Эта почва (замѣтимъ кстати — та самая, которую теперь еще проповѣдуетъ особая партія славянофильскаго оттѣнка) оказывала на литературу и науку самое существенное вліяніе; литература и наука, представляя умственную дѣятельность общества, въ исполненіи своей задачи прежде всего должны были встрѣтиться и имѣть дѣло съ этой почвой, которая хотѣла впередъ указать имъ ихъ содержаніе и ихъ горизонтъ. Эти отношенія и опредѣлили, слѣдовательно, практическое положеніе литературы и ея общественный смыслъ: оффиціально за-

явленная народность составляла исходный пунктъ для литературы, которая должна была или вполнѣ признавать эту почву и безусловно ей подчиняться, или становиться къ ней въ критическое отношеніе, и при этомъ или также признавать ее и отыскивать для нея теоретическое основаніе и оправданіе, или, напротивъ, разойтись съ ней.

Мы не имѣемъ ни возможности, ни намѣренія говорить о цѣломъ характерѣ этого періода, и хотимъ для нашей цѣли указать только нѣкоторыя общія теоретическія черты системы, которой принадлежала господствующая роль въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій и безъ знакомства съ которой невозможно ясно представить ни движенія понятій за тотъ періодъ, ни того характера ихъ, какой складывался въ результатѣ ихъ впослѣдствіи.

Историческое значеніе системы, о которой мы говоримъ, обозначилось ясно даже для массы общественнаго мнѣнія, когда этотъ періодъ смѣнился настоящимъ царствованіемъ. Намъ еще очень памятно то радостное, полное ожиданій возбужденіе, какимъ ознаменовалось начало нынѣшняго періода, и памятно также, какъ судили тогда о предшествовавшей эпохѣ.

Точно повязка упала съ глазъ, — такъ ясно начинали видѣть слабыя стороны прошедшаго. Сужденіе было согласное, и важно было тѣмъ болѣе, что оно вызвано было фактами, высказано было послѣ историческаго испытанія системы, когда оказалось, что система слишкомъ самонадѣянно считала себя непогрѣшимой и присвоивала себѣ исключительную дѣятельность, что она не въ силахъ была удовлетворить потребностямъ національной жизни, даже въ той области, которую она выбрала предметомъ своей главнѣйшей, спеціальной заботы — въ военномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ національной защиты. Общественное мнѣніе впервые послѣ долгаго молчанія стало высказываться довольно явственно. То время, между прочимъ, памятно особеннымъ распространеніемъ рукописной литературы, которая была именно признакомъ пробужденія общественнаго мнѣнія. Это не была только литература легкихъ тенденціозныхъ стихотвореній и эпиграммъ (хотя были и таковыя); напротивъ, это была въ особенности литература публицистическая, трактовавшая политическіе и общественные вопросы, нерѣдко съ большимъ пониманіемъ дѣла, очень часто съ вѣрной оцѣнкой недавняго прошлаго, и всегда съ искреннимъ желаніемъ лучшаго порядка во внутренней нашей жизни. Эта литература была согласна въ своихъ историческихъ приговорахъ о протекшей эпохѣ. Въ результатѣ, не только общество, но само правительство сознавало, что нуженъ иной путь для внутренней политики: заговорили о гласности, образованіи, о крестьянскомъ

вопросѣ, о необходимости реформы въ различныхъ отросляхъ общественности и управленія, и т. д. Эти желанія сами собой указывали, чего именно недоставало прошедшему періоду, чѣмъ онъ не удовлетворялъ потребностямъ государства и общества. Въ общемъ итогѣ, желанія эти сводились къ одному—къ бо́льшей общественной свободѣ, къ какому-нибудь простору для общественной инициативы; они отрицали нетерпимость и стѣснительность опеки, которая была господствующей чертой прежняго времени.

Такимъ образомъ, первый нѣсколько свободный порывъ искренняго общественнаго мнѣнія становился противъ системы, которая, въ числѣ своихъ качествъ, выставила «народность». Въ чемъ же состояла или какъ понималась здѣсь народность? Какова была теоретическая цѣнность принятаго здѣсь понятія о русской народности?

Многіе изъ лучшихъ современниковъ уже давно начали сомнѣваться въ «народномъ» характерѣ системы; они соглашались, что она удовлетворяла преданіямъ и консервативнымъ вкусамъ неразвитой политической массы, но утверждали, что въ болѣе широкомъ смыслѣ система вовсе не была народна, такъ какъ по своей крайней исключительности она не давала никакого исхода для развитія умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа, что въ способѣ ея дѣйствій господствовали взгляды и административные пріемы, внушенные европейской «реставраціей». Тѣ критики, которые, двадцать лѣтъ тому назадъ, впервые рѣшились отдать себѣ отчетъ въ характерѣ минувшихъ десятилѣтій, также замѣчали тѣсную связь между нашей системой и взглядами европейской реакціи, которые, будучи восприняты первоначально при Александрѣ, подъ прямымъ вліяніемъ Меттерниха, получили теперь новое развитіе и были послѣдовательно распространены на всѣ отрасли управленія.

Одинъ изъ публицистовъ упомянутой рукописной литературы въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ положительно доказывалъ это господство Меттерниховой системы въ нашей внутренней политикѣ, несмотря на все различіе двухъ странъ, которое дѣлало эту систему не только излишней въ Россіи, но и вредной для ея развитія. «Поддержаніе status quo въ Европѣ, особенно въ Турціи и Австріи, возвѣщеніе и огражденіе, словомъ и дѣломъ, охранительнаго, неограниченнаго монархическаго начала повсюду; преимущественная опора на матеріальную силу войска; поглощеніе властію, сосредоточенной въ одной волѣ, всѣхъ

силъ народа, что особенно поражаетъ въ организаціи общественнаго воспитанія и въ колоссальномъ развитіи административнаго элемента, къ ущербу прочимъ, обрусѣніе иноплеменныхъ народовъ, присоединенныхъ къ имперіи на особыхъ правахъ; стремленіе создать, хотя бы насильственнымъ образомъ, единство вѣроисповѣданія, законодательства и администраціи; подавленіе всякаго самостоятельнаго проявленія мысли какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ, и надзоръ надъ нею; регламентація, военная дисциплина и полицейскія мѣры даже въ томъ, что наименѣе подлежитъ имъ, и такъ далѣе, — все это неопровержимо обличаетъ у насъ присутствіе системы, возникшей въ Австріи, но вслѣдствіе горькой необходимости, какъ conditio sine qua non ея существованія,—въ Россіи же, не подходящей подъ прямыя условія ея быта, а потому мѣшающей правильному развитію ея нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ»[1]).

Безспорно, что всѣ эти пріемы были близко похожи на ту политику, которая развивалась въ континентальной Европѣ, особенно въ Австріи, въ періодъ реставраціи; это были пріемы того Polizeistaat, которое тогда казалось верхомъ политическаго благоразумія и наилучшимъ способомъ управленія народами и обществами. Въ нашей жизни эти пріемы могли установиться тѣмъ легче, что она не представляла никакихъ элементовъ самостоятельности, и слѣдовательно никакихъ затрудненій; и по той же причинѣ, у насъ эти пріемы имѣли, быть можетъ, наиболѣе тягостное и неблагопріятное значеніе. Въ государствахъ западныхъ, шла явная борьба національныхъ и общественно-политическихъ силъ противъ данной средневѣковой формы государства; реакціонное управленіе было для этой послѣдней средствомъ защиты и орудіемъ самосохраненія; въ самомъ обществѣ нравственно-политическіе инстинкты были такъ сильно возбуждены, что могли выдерживать это давленіе. У насъ было совсѣмъ напротивъ: наша государственная жизнь не представляла ничего подобнаго тому броженію, какое совершалось въ австрійской имперіи, громадная масса общества оставалась еще на степени развитія вполнѣ патріархальной; она нуждалась не въ стѣсненіи, а въ возбужденіи ея умственной и нравственной дѣятельности; ее нужно было не удерживать суровыми ограниченіями, а напротивъ поощрять и двигать впередъ, потому что въ ней вѣками накопилось и безъ того слишкомъ много лѣни и бездѣйствія.

Эти свойства системы, принимавшей своею характеристикой

---

[1]) «Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи», — статья, которая приписывалась Т. Н. Грановскому.

«народность», были ясны для мыслящихъ людей въ періодъ крымской войны. Рукописная публицистика того времени была преисполнена разсужденіями о внѣшней и внутренней политикѣ Россіи,—которымъ нельзя отказать въ большой вѣрности: политическія обстоятельства и положеніе вещей внутри слишкомъ настоятельно указывали, даже для людей мало думавшихъ, значеніе прежняго хода дѣлъ по его наступившимъ послѣдствіямъ. Припомнимъ нѣкоторые факты.

Въ европейской политикѣ Россія, за исключеніемъ развѣ первой турецкой войны и покровительства Греціи, строго слѣдовала принципамъ Священнаго Союза, и защищала патріархальную монархію и легитимизмъ. Вліяніе Россіи въ этомъ смыслѣ было очень сильное въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и много служило къ поддержанію въ Европѣ старыхъ абсолютистскихъ партій и къ подавленію движеній конституціонныхъ. Въ свое время это вліяніе могло льстить національному самолюбію, но результаты не были благопріятны для Россіи: она слишкомъ самоувѣренно ставила свой авторитетъ противъ цѣлаго движенія, котораго, въ сущности, не въ силахъ была удержать; она становилась наперекоръ внутреннему политическому развитію европейскаго общества, и немудрено, что она возбудила противъ себя большую вражду во всемъ либеральномъ общественномъ мнѣніи Европы. Эта вражда, начавшись еще съ послѣднихъ годовъ царствованія Александра, когда Россія уже открыто стала на эту дорогу, увеличилась въ теченіи описываемыхъ десятилѣтій до ненависти, которая сдѣлала крымскую войну чрезвычайно популярной на всемъ европейскомъ Западѣ. Такимъ образомъ, «народному» характеру тогдашняго положенія Россіи даны были черты самаго крайняго консерватизма, и результаты этой политики обратились противъ нея же. Въ крымской войнѣ противъ Россіи оказались не только Англія, вражда которой объяснялась политическимъ недовѣріемъ, не только Франція, къ которой Россія была постоянно нерасположена какъ къ гнѣзду либерализма, не только Сардинія, въ которой Россія не желала признавать конституціонной реформы,—противъ Россіи оказались даже государства, правительства которыхъ находили особенную поддержку Россіи. Россія поддерживала, въ тридцатыхъ годахъ, Турцію, которая взамѣнъ угнетала родственныя намъ славянскія племена; поддержала въ венгерскую войну разлагавшуюся Австрію, для которой побѣда послужила только къ возстановленію самаго необузданнаго абсолютизма, обращеннаго опять противъ нашихъ единоплеменниковъ, и которая затѣмъ, въ періодъ крымской войны, когда Россія могла бы ожидать отъ

мея отплаты за услугу, предпочла «удивить міръ своей неблагодарностью», т.-е. нагло насмѣяться надъ Россіей.

Такимъ образомъ, окончательные результаты этой политики въ европейскихъ дѣлахъ далеко не были благопріятны для Россіи въ матеріальномъ отношеніи: она кончилась столкновеніемъ, въ которомъ Россія понесла только потери и если получила свою великую отрицательную пользу въ нравственныхъ послѣдствіяхъ войны для общества, то на эту пользу политика конечно не разсчитывала. Трудно также доказать, чтобы эта политика была дѣйствительно народна, т.-е., чтобы крайній консерватизмъ дѣйствительно составлялъ народный характеръ, чтобы подобная политика отвѣчала требованіямъ національнаго блага и характера. Это благо, конечно, не требовало вмѣшательства въ дѣла постороннихъ державъ съ цѣлями традиціоннаго легитимизма, и скорѣе терпѣло великій ущербъ отъ того разъединенія съ интересами европейской жизни, которое сопровождало эту политику. Что касается національнаго характера, то, конечно, мудрено было бы вывести изъ него какое-нибудь обязательное правило въ политическихъ вопросахъ такого отдаленнаго интереса. Для народа, не живущаго политической жизнью и не имѣющаго никакихъ представленій о политическихъ отношеніяхъ, эти вопросы просто не существовали, и со временъ войны 1812 года едва ли не единственнымъ случаемъ, гдѣ проявлялись народные политическіе интересы, была греческая война за освобожденіе, во время которой высказалось народное сочувствіе къ греческимъ единовѣрцамъ. То же сочувствіе было тогда и въ образованномъ классѣ, и въ этомъ, чуть ли не единственномъ случаѣ дѣйствительнаго интереса, онъ совпадалъ съ интересами всей западной Европы. Въ другихъ вопросахъ нашей европейской политики, масса не имѣла никакого яснаго представленія, а въ образованномъ классѣ общественное мнѣніе, какъ увидимъ, было раздѣлено.... Такимъ образомъ, «народное» значеніе можно было придавать этой политикѣ только искусственнымъ, доктринернымъ образомъ: надо было теоретически предположить, что духъ народа требуетъ исключительно этого способа дѣйствій. Такое предположеніе и было сдѣлано системой: но эта теорія народнаго духа далеко не была достаточно доказана....

Во внутреннихъ дѣлахъ теоретическая сущность системы требовала безграничнаго авторитета власти и самой полной опеки надъ всѣми сторонами государственной, народной и общественной жизни. Мы замѣчали, что это собственно не представляло ничего новаго, но теперь опека достигла, вѣроятно, самыхъ широкихъ размѣровъ, какіе только она когда-нибудь имѣла въ нашей

жизни. Она стремилась связать въ одномъ крѣпкомъ узлѣ всѣ нити управленія, распространить надзоръ на всѣ движенія національной жизни, все подвести къ одному уровню. Слѣдствіемъ было чрезвычайное распространеніе бюрократіи, которая представлялась для центральной власти единственнымъ средствомъ управленія и контроля, и дѣйствительно, при всеобъемлющей опекѣ государства, это и было единственное средство. За обществомъ не признавалось никакого самостоятельнаго значенія; оно не имѣло никакой инипіативы; общественное мнѣніе лишено было всякаго вліянія; общество не могло само ничего дѣлать въ своихъ интересахъ, даже самыхъ элементарныхъ, и могло двигаться только въ данныхъ рамкахъ; за него думали и дѣйствовали канцеляріи и ему оставалось повиноваться.

Развитіе бюрократіи влекло за собой всѣ неизбѣжныя его послѣдствія. Во всѣхъ дѣлахъ, въ администраціи и судѣ, господствовало бумажное производство, совершавшееся въ канцелярской тайнѣ, недоступное не только критикѣ, но даже свѣдѣнію общественнаго мнѣнія, не имѣвшее надъ собой никакого ограниченія и контроля, кромѣ власти непосредственнаго высшаго начальства, которое естественно считало себя всевѣдущимъ и непогрѣшимымъ и не находило интереса открывать недостатки своего вѣдомства. Каждая власть была всесильна надъ тѣмъ, что было ниже ея, и въ свою очередь безотвѣтна передъ высшей инстанціей, такъ что въ цѣломъ лѣстница управленія представляла рядъ ступеней произвола администраціи, противъ котораго были почти беззащитны управляемое общество и народъ. Дѣла обыкновенно шли прекрасно и все обстояло благополучно на бумагѣ, но никто не свѣрялъ бумаги съ дѣйствительностью. Случалось иногда, что вопіющее ихъ противорѣчіе бросалось въ глаза такъ, что нельзя было его не увидѣть; слѣдовали изъ высшихъ правительственныхъ областей строгія кары произволу, но въ цѣломъ дѣла продолжали идти по прежнему.

Понятно, что бюрократія больше и больше парализовала общественныя силы: бюрократія не допускала никакого участія общества въ рѣшеніи вопросовъ, затрогивавшихъ самые существенные его интересы, и кромѣ того, что бюрократія, не выслушивая этой заинтересованной стороны и лишая себя запаса свѣдѣній о предметѣ, какой бы могъ быть сообщенъ участіемъ общества, рѣшала эти вопросы по необходимости односторонно или совсѣмъ невѣрно, — кромѣ этого, отдаленіе общества отъ участія въ его собственныхъ дѣлахъ еще больше усиливало ту вѣковую умственную лѣнь, которая и безъ того удручала русское общество и могла стать роковымъ бѣдствіемъ національной

жизни,—еслибы событія не пришли наконецъ разбудить общество и государство отъ тяжелаго сна.

Частныя вредныя дѣйствія бюрократіи также обнаружились очень скоро. Безконтрольность чиновничества, его огромное размноженіе и скудное содержаніе, какое давалось государствомъ на эту многочисленную армію, развивали взяточничество, противъ котораго оказывались безсильны всякія негодованія правительства и которое господствовало во всѣхъ ступеняхъ управленія, отъ низшихъ и до высшихъ. Существовала почти опредѣленная такса за тѣ или другія услуги чиновничества, за полученіе мѣстъ, за административныя и судебныя рѣшенія и т. д. Обычай былъ уже давнишній, и общество почти мирилось съ нимъ, тѣмъ больше, что видѣло невозможность для бѣднаго чиновничества существовать однимъ казеннымъ жалованьемъ. Отъ правительства не скрылось это печальное положеніе вещей, и оно безъ сомнѣнія желало помочь ему, но по тогдашнимъ взглядамъ думали помочь ему только новыми бюрократическими мѣрами, которыя еще размножили формализмъ, но оказывались конечно безполезны, потому что единственнымъ средствомъ избавиться отъ этого зла было измѣненіе самой системы, поднятіе общественнаго мнѣнія и иниціативы, а этого не считали возможнымъ допустить. Подъ конецъ періода, правительство, наконецъ, серьезно озаботилось чрезмѣрнымъ размноженіемъ и испорченностью чиновничества: начались предположенія о сокращеніи переписки, объ уменьшеніи штатовъ, но дѣло оттого поправилось мало; вредъ, производимый исключительной бюрократіей, продолжался, хотя чиновниковъ, быть можетъ, и убавилось.

Наше политическое устройство съ давнихъ временъ отличалось смѣшеніемъ власти законодательной, администраціи и суда. При той чрезвычайной бюрократіи, которая теперь окончательно организовалась, это смѣшеніе отзывалось особенно тяжелыми послѣдствіями. Въ правленіе имп. Александра былъ уже сознанъ этотъ капитальный порокъ нашего устройства, но планы совѣтниковъ Александра, хотѣвшихъ устранить это смѣшеніе властей, не осуществились, и въ послѣдующемъ періодѣ оно продолжалось во всей силѣ. Этотъ ходъ вещей спутывалъ, наконецъ, всѣ нравственныя понятія общества. Законъ и въ крупныхъ и мелкихъ отправленіяхъ своихъ зачастую отступалъ на задній планъ передъ произволомъ бюрократической власти, распоряжавшейся безконтрольно каждая въ своемъ районѣ. Старые суды еще доходятъ до нашего времени, и еще памятна ихъ

медленная канцелярская процедура, усложненная множествомъ инстанцій, знаменитая своимъ произволомъ и лихоимствомъ.

Одной изъ главнѣйшихъ заботъ того времени было устройство многочисленной арміи, въ которой видѣли и залогъ внѣшняго политическаго могущества, и внутренняго спокойствія. Нѣтъ надобности говорить много объ этой военной системѣ, недостатки которой такъ трагически доказаны были крымской войной. На армію уходили лучшія молодыя силы народа,—уходили безвозвратно вслѣдствіе крайне продолжительнаго срока службы,—и самая крупная часть бюджета. Вооруженія Россіи конечно поддерживали ея политическое вліяніе въ Европѣ, но это вліяніе, не приносившее ощутительныхъ пользъ самой странѣ, раздражало противъ Россіи европейское общественное мнѣніе, вслѣдствіе характера, которымъ отличалась русская внѣшняя политика. Внутри усиленныя вооруженія отзывались несомнѣнно обѣднѣніемъ народа, изъ среды котораго наполнялось войско и на плечахъ котораго лежало, почти исключительно, содержаніе этого войска и всего государственнаго механизма.

Военная дисциплина и парадная выправка играли главнѣйшую роль въ устройствѣ арміи. Въ критическую минуту оказалось, что за этимъ забыты были самыя существенныя потребности арміи на военное время, между прочимъ вооруженіе, которое оказалось совершенно неудовлетворительнымъ въ сравненіи съ вооруженіемъ непріятельскихъ войскъ [1]). Защита Севастополя показала, что не было недостатка въ нравственныхъ силахъ арміи, не было недостатка и въ военныхъ талантахъ, но борьба тѣмъ не менѣе была невозможна. Замѣчательный рядъ преобразованій, совершенныхъ и совершаемыхъ въ настоящее время въ нашемъ военномъ дѣлѣ и затронувшихъ самыя существенныя стороны стараго военнаго устройства, представляютъ сами по себѣ достаточную критику этого прошедшаго.

Чрезмѣрное развитіе милитаризма захватывало и многія чисто гражданскія отрасли управленія: такъ, вѣдомство межевое, лѣсное, путей сообщенія, горное, инженерное получили усиленный военный характеръ, нисколько не требовавшійся сущностью дѣла; наконецъ, уголовное судопроизводство, по многимъ родамъ дѣлъ, также стало переходить въ вѣдѣніе военныхъ судовъ. Современ-

---

[1]) Когда это положеніе дѣла измѣнилось, въ настоящее царствованіе, люди, бывшіе свидѣтелями прежняго порядка, раскрыли вполнѣ его недостатки въ разсказахъ, нерѣдко поразительныхъ,—къ сожалѣнію только, раскрыли поздно. Разсказы этого рода появляются до сихъ поръ; укажемъ для примѣра помѣщенныя недавно въ «Р. Архивѣ» (1870) воспоминанія одного полковаго казначея (очень близкаго свидѣтеля) о порядкахъ въ интендантскомъ вѣдомствѣ во время Крымской войны.

ники объясняли это предпочтеніе военныхъ порядковъ тѣмъ, что высшая власть не довѣряла медленной и лихоимной гражданской бюрократіи. Надобно полагать, что это объясненіе было вѣрно, — но насколько самая возможность подобнаго недовѣрія (къ сожалѣнію, на дѣлѣ слишкомъ часто справедливаго) свидѣтельствовала о нормальности такого положенія вещей, и всегда ли такая перемѣна ролей оказывала дѣйствительную помощь, и не теряли ли, напротивъ, спеціальныя дѣла, какъ упомянутыя выше, отъ военныхъ порядковъ, и особенно уголовное судопроизводство въ дѣлахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ военнымъ предметамъ? Наконецъ, почему же сохранялась въ другихъ отрасляхъ та испорченная бюрократія, которой не довѣряли здѣсь? Рядомъ съ этимъ, совершалось другое явленіе: идеалъ службы была тогда служба военная. Она сообщала извѣстныя качества, которыя считались лучшими качествами служащаго человѣка: безпрекословное чинопочитаніе, механическая исполнительность, суетливая расторопность. Поэтому, военная служба открывала дорогу во всѣ отрасли управленія, не исключая и очень спеціальныхъ, какъ, напр., служба при св. синодѣ; предполагалось, что упомянутыя качества дѣлаютъ военнаго человѣка годнымъ во всякой службѣ, какая бы ни была ему указана. Такъ, всего чаще назначались военные попечителями учебныхъ округовъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, между ними были люди достойные, но всегда ли они удовлетворяли и могли ли вообще удовлетворять истиннымъ задачамъ ихъ положенія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія?

Тоже начало правительственнаго авторитета проводилось въ дѣлахъ церковныхъ. Наша церковь, со временъ Петра Великаго и послѣдняго патріарха, стала въ подчиненное отношеніе къ свѣтской власти, которая предоставляла ей извѣстный просторъ въ предметахъ спеціально и исключительно духовныхъ, но никогда не уступала первенствующаго, рѣшающаго голоса, какъ только церковный вопросъ имѣлъ связь съ политическими и общественными отношеніями. Немногіе голоса, которые въ теченіе XVIII-го столѣтія рѣшались говорить въ пользу независимости церкви, пропадали безслѣдно. Въ общемъ ходѣ дѣлъ продолжалось безпрекословное подчиненіе ея гражданской власти, и церковное управленіе шло заурядъ съ другими отраслями администраціи. Теперь, этотъ порядокъ оставался неизмѣннымъ, но также получилъ еще бо́льшую бюрократическую опредѣленность и строгость. При Александрѣ, въ общественной жизни была разъ допущена нѣкоторая тѣнь религіозной свободы, которая выразилась разрѣшеніемъ масонскихъ ложъ и библейскаго общества,

и терпимостью къ расколу, между прочимъ къ духоборству. Теперь масонскія ложи, закрытыя при Александрѣ, были запрещены еще разъ; библейское общество, пріостановленное при Александрѣ, было упразднено окончательно; терпимость для раскола кончилась. Взглядъ, господствовавшій теперь, вообще не допускалъ никакихъ «вмѣшательствъ» общества въ дѣла, которыя считались уже обезпеченными, если для нихъ существовали особыя вѣдомства, канцеляріи или комитеты; предполагалось, что эти вѣдомства знаютъ вообще наилучшимъ образомъ то, что имъ поручено, и частнымъ людямъ не было уже никакого дѣла до этихъ предметовъ.

Положеніе раскола значительно измѣнилось со временъ Александра. Этотъ періодъ былъ въ особенности временемъ систематическаго преслѣдованія. Господствовавшій взглядъ требовалъ полнаго единства и форменнаго однообразія въ церковной, какъ въ гражданской жизни націи, и расколъ представлялся вопіющимъ нарушеніемъ церковной дисциплины. Дѣла о расколѣ трактовались какъ государственная тайна, составлялись многоразличные комитеты для опредѣленія раскольничьихъ толковъ и степени ихъ государственной опасности, причемъ различные секретные комитеты (со стороны церковной власти; со стороны министерства внутр. дѣлъ; со стороны высшей полиціи) не знали иногда даже о существованіи одинъ другого. Невозможность преодолѣть расколъ административно-полицейскими мѣрами вслѣдствіе самой громадности дѣла, заставляла ограничивать преслѣдованіе и направлять его въ особенности противъ тѣхъ сектъ, которыя были признаны наиболѣе вредными. Преслѣдованіе производилось тѣми же средствами полицейской бюрократіи и испорченность чиновничества дѣлала то, что преслѣдуемые откупались, чиновники считали раскольничьи дѣла прибыльной статьей, расколъ искоренялся на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ не думалъ уменьшаться. Въ раскольничьей массѣ еще больше распространялась скрытность и недовѣріе къ оффиціальнымъ властямъ, и къ прежнимъ сектамъ стали прибавляться новыя, вновь изобрѣтенныя подъ вліяніемъ существовавшихъ условій [1]). Когда, въ нынѣшнее царствованіе наступилъ опять болѣе мягкій образъ дѣйствій относительно раскола, когда съ него былъ снятъ канцелярскій секретъ, и онъ сталъ предметомъ литературныхъ разъясненій, историческихъ и бытовыхъ,—то однимъ изъ первыхъ указаній литературы былъ фактъ, что оффиціальная цифра рас-

[1]) Такъ, напримѣръ, думаютъ объ особенномъ распространеніи въ прошлое царствованіе секты «странниковъ».

кола, по прежнимъ свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, далеко не представляла цифры дѣйствительной, и была меньше ея чуть не въ половину. Такимъ образомъ высшая власть, при своихъ средствахъ, не знала даже численныхъ отношеній раскола; точно также не знала она настоящаго отношенія низшихъ бюрократическихъ властей къ расколу, который былъ для нихъ предметомъ эксплуатаціи, и не знала дѣйствительнаго значенія раскола въ народной средѣ. Болѣе гуманное отношеніе власти къ расколу въ наше время стало производить «обращенія» гораздо болѣе искреннія и дѣйствительныя, чѣмъ бывало прежде, и вообще, даже теперь, успѣло подѣйствовать противъ раскола несравненно сильнѣе, чѣмъ всѣ преслѣдованія прошлыхъ десятилѣтій. Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ развитіи и большей широтѣ дѣйствія, эта терпимость можетъ вообще дать церковно-народнымъ отношеніямъ то нормальное и спокойное положеніе, какого имъ до сихъ поръ недостаетъ....

Какъ вопросъ о расколѣ былъ дѣломъ бюрократіи и оставался секретомъ для общества, такъ оно оставалось чуждо и другимъ явленіямъ, совершавшимся въ области церкви. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ событій этого рода въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій было возсоединеніе уніатовъ. Это событіе, которое предназначалось къ тому, чтобы восполнить историческій ущербъ, понесенный русской церковью въ XVI-мъ столѣтіи, совершилось и прошло въ русскомъ обществѣ чисто оффиціальнымъ образомъ; общество не знало о приготовлявшемся событіи, ничѣмъ не высказалось по его поводу, не участвовало своимъ содѣйствіемъ или мнѣніемъ въ его совершеніи, и должно было просто принять его какъ совершившійся фактъ. Этотъ способъ дѣйствій шелъ вообще въ параллель съ образомъ дѣйствій относительно Польши и западнаго края: власть устраняла всякое участіе общественнаго мнѣнія и дѣйствуя только силой авторитета, должна была довольствоваться результатами, которые были удовлетворительны въ формальномъ отношеніи, но, какъ стало ясно впослѣдствіи, не давали однако прочнаго, дѣйствительнаго разрѣшенія вопроса...

Традиціонный порядокъ вещей не улучшился и во внутренней церковной жизни. Отношеніе церкви къ обществу было слишкомъ внѣшнее: при полномъ подчиненіи государству, церковное управленіе слишкомъ часто было орудіемъ административно-полицейскихъ цѣлей, относилось къ обществу очень формально и вообще слишкомъ отличалось тѣми свойствами, противъ которыхъ въ наше время печать успѣла высказаться весьма рѣшительно (газеты «День», «Москва») и противъ которыхъ теперь

заиѣтно извѣстное движеніе въ самомъ духовенствѣ. Этотъ формализмъ отношеній церкви къ обществу усиливался безправнымъ положеніемъ низшаго духовенства: духовная власть была надъ нимъ всесильна, — мы можемъ видѣть и теперь въ вопросѣ о выборномъ началѣ, до какой степени безконтрольна епархіальная власть; въ тѣ времена невозможна была и одна мысль объ этомъ выборномъ началѣ. Священникъ былъ связанъ не только въ своихъ іерархическихъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ къ паствѣ: если не ошибаемся, и до сихъ поръ, чтобы сказать проповѣдь, священникъ обязанъ представить ее на «благословеніе», т.-е. на цензуру къ своему начальству. И не только живое слово связывалось этой необходимостью писать проповѣдь, представлять ее въ цензуру и дожидаться благословенія: это стѣсненіе невыгодно отражалось и на самомъ содержаніи проповѣдей, которыя чрезвычайно рѣдко выходили изъ обыкновенной реторической рутины, вращались на общихъ мѣстахъ морали и своимъ полу-славянскимъ языкомъ, который считался обязательнымъ, еще больше удалялись отъ жизни. Духовное образованіе, представляемое семинаріями, совершалось по преданіямъ XVIII-го столѣтія, и очень мало содѣйствовало сближенію духовнаго сословія съ обществомъ и его умственными интересами. Духовенство выдѣлялось въ касту и оставалось внѣ того движенія, которое совершалось въ свѣтской наукѣ и литературѣ.

Дѣло народнаго просвѣщенія шло, въ сущности, въ тѣхъ формахъ, какія даны были ему въ царствованіе имп. Александра. Время дѣлало свое, и ученое образованіе оказывало несомнѣнные успѣхи, вслѣдствіе того, что европейская наука начинала пріобрѣтать достойныхъ и компетентныхъ дѣятелей, и отдѣльныя мѣры правительства, о которыхъ упомянемъ дальше, принесли несомнѣнную пользу русской наукѣ. Но въ сущности положеніе науки въ обществѣ оставалось и теперь столь же непрочно, какъ прежде, и образованіе, которое должна была давать школа, было слишкомъ ограниченно и по своему распространенію и по содержанію.

Прежде всего, народное просвѣщеніе, по своему объему, не ушло впередъ со временъ импер. Александра. Оно по прежнему ограничивалось только верхними свободными сословіями, въ очень небольшой степени существовало для низшаго городского населенія и вовсе не существовало для крестьянъ, т.-е. именно для народа, для основы націи. Крѣпостное право продолжало дѣлать образованіе недоступнымъ для крѣпостного сословія. Оно было недоступно и для цѣлой народной массы, — не только по матеріальному положенію этой массы, но и по принципу, кото-

рый находилъ образованіе безполезнымъ и даже вреднымъ для низшихъ классовъ, и который въ теченіе всего описываемаго періода съ упорствомъ старался подавлять «необузданное (!) стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемлющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства». Этотъ принципъ дѣйствовалъ вполнѣ успѣшно.

Дѣло университетовъ въ началѣ описываемаго періода стало лучше, чѣмъ было въ послѣдніе годы импер. Александра; изъ университетовъ вышли и въ нихъ потомъ дѣйствовали ученые и писатели, оказавшіе важное вліяніе на умственное развитіе русскаго общества; тѣмъ не менѣе, положеніе университетовъ въ цѣломъ было очень неблагопріятное. Высшія сферы имѣли противъ нихъ предубѣжденіе, сохранившееся отъ временъ Александра и вновь подкрѣпленное вліяніемъ нѣмецкой и австрійской реакціонной системы. Со времени вартбургскаго праздника и другихъ безпокойствъ въ германскихъ университетахъ, нѣмецкія правительства смотрѣли на университеты какъ на гнѣздо «демагогическихъ происковъ», и Магницкій уже съ успѣхомъ эксплуатировалъ эту тему на нашихъ университетахъ, увѣривши власти, что наши университеты, находившіеся еще въ младенческомъ состояніи, также заражены вольнодумствомъ и опасны. Магницкій былъ, правда, удаленъ на первыхъ же порахъ новаго царствованія, и безобразія его способа дѣйствій были прекращены,—но это вовсе не означало уничтоженія реакціонной системы, и въ министерствѣ держались еще нѣсколько лѣтъ сначала Шишковъ, потомъ Ливенъ, оба люди очень старой школы и точно также предубѣжденные противъ образованія. Извѣстно, какія понятія вообще имѣлъ Шишковъ о наукѣ; взятый Александромъ, въ минуту затрудненія и нерасположенія, какъ человѣкъ, противъ котораго не было возможно ни малѣйшее обвиненіе въ вольнодумствѣ,—которое тогда преслѣдовалось и которымъ перекоряли тогда самыя обскурантныя партіи,—Шишковъ очевидно держался только, какъ почтенная и безобидная древность; относительно его годности на мѣстѣ министра народнаго просвѣщенія не могло быть и вопроса. Ливенъ былъ піэтистъ, и едва ли лучше Шишкова удовлетворялъ требованіямъ своего положенія. Впервые мѣсто министра народнаго просвѣщенія занято было человѣкомъ, дѣйствительно стоявшимъ на высотѣ европейскаго образованія, тогда, когда былъ назначенъ Уваровъ. Недавно были напечатаны воспоминанія одного современника, который видѣлъ близко министерскую дѣятельность Уварова. Сличивъ эти воспоминанія, вообще относящіяся къ Уварову благопріятно, съ извѣстными

фактами его характера и дѣятельности, нельзя не видѣть, что, строго говоря, лично и Уваровъ далеко не удовлетворялъ требованіямъ дѣла, мало чувствовалъ и защищалъ насущную потребность образованія для общества и особенно для народа, но несмотря на то, въ тогдашней обстановкѣ, былъ слишкомъ либераленъ и подъ конецъ оказался невозможнымъ. Уваровъ вовсе не шелъ наравнѣ съ развивавшимися умственными стремленіями общества, не раздѣлялъ мнѣній и идеаловъ людей, стоявшихъ впереди умственнаго движенія,—но даже его мнѣнія казались слишкомъ смѣлы въ тогдашнемъ оффиціальномъ мірѣ, и при всей умѣренности своихъ взглядовъ, при всей дипломатической осторожности своего образа дѣйствій, онъ былъ не въ силахъ отстаивать дѣло просвѣщенія и университетовъ отъ предубѣжденій, господствовавшихъ въ высшей правительственной сферѣ и наконецъ долженъ былъ оставить свое мѣсто по невозможности нѣсколько самостоятельнымъ образомъ вести министерство. При его преемникахъ снова пошли въ ходъ понятія, совершенно напоминавшія піэтистовъ временъ импер. Александра [1]). События 1848-го года совершенно неожиданно отозвались у насъ увеличеніемъ строгостей, усиленіемъ надзора за университетами, за литературой и общественнымъ мнѣніемъ. Странно сказать, но въ русскомъ обществѣ также опасались революціоннаго броженія. Едва ли нужно говорить, что на дѣлѣ не представлялось и тѣни какой-нибудь опасности: масса его предавалась безмятежному сну....

Университеты въ лучшую пору уваровскаго управленія значительно поднялись сравнительно съ прежнимъ, и пріобрѣли запасъ русскихъ профессоровъ, окончившихъ свое ученое воспитаніе за границей и стоявшихъ на уровнѣ европейской науки. Дѣятельность университетовъ могла бы служить опорой для распространенія въ русской жизни общественнаго сознанія и вкуса къ наукѣ; къ сожалѣнію, эта дѣятельность была слишкомъ стѣснена тѣмъ крайнимъ недовѣріемъ, о которомъ мы упоминали. Высшая власть подозрительно смотрѣла на университетскую жизнь; попечители округовъ, почти всегда назначавшіеся изъ лицъ по прежней службѣ совершенно чуждыхъ учебному вѣдомству, почти всегда раздѣляли эту подозрительность, не имѣли ни интереса, ни пониманія въ дѣлѣ просвѣщенія и главнымъ образомъ видѣли свое дѣло въ полицейскомъ присмотрѣ. Недостатокъ нравственнаго и умственнаго простора не могъ не стѣснять образовательной дѣятельности университетовъ; онъ дѣй-

---

[1]) Ср. объ этомъ и вообще о характерѣ тогдашней системы любопытныя замѣчанія въ Р. Архивѣ, 1868, стр. 989—991.

ствовалъ подавляющимъ образомъ, очень часто превращалъ профессуру въ простое отправленіе ученаго промысла, и подвергалъ тяжелому испытанію ревность и энергію лучшихъ людей, которымъ именно всего больше приходилось чувствовать на себѣ этотъ гнетъ. Для примѣра довольно вспомнить, какъ тяжело доставалось, въ особенности послѣднее время, Грановскому: это былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей, какіе только были у насъ въ то время, одинъ изъ избранныхъ умовъ, стоявшихъ во главѣ нашей образованности, человѣкъ самыхъ спокойныхъ политическихъ убѣжденій, умѣренность которыхъ стала даже поводомъ раздора его съ нѣкоторыми изъ его ближайшихъ друзей, наконецъ, человѣкъ, пользовавшійся большой популярностью и уваженіемъ въ образованномъ обществѣ, и все это однако не спасло его отъ подозрѣній, притѣсненій, и отъ полицейскаго надзора....

Мы упоминали о томъ духѣ милитаризма и военной дисциплины, который вообще старались тогда распространить и на пріемы управленія и на общественную жизнь. Особеннымъ разсадникомъ его должно было служить военное воспитаніе, долженствовавшее готовить офицеровъ для арміи. Въ наше время само правительство—прежде всего, кажется, опять по тому же опыту крымской войны—убѣдилось, какъ мало удовлетворительно было это воспитаніе, которое ставило воспитанника съ самаго дѣтства въ строгія формы службы, обращало все вниманіе на чисто внѣшнюю военную дрессировку, и забывая потребности общаго воспитанія, готовило людей, знавшихъ форменную рутину фронтовой службы, но мало развитыхъ и мало способныхъ къ самостоятельному и сознательному дѣйствію даже въ своей спеціальности. Новѣйшая реформа военно-учебныхъ заведеній совершенно отвергла эту прежнюю систему военной дрессировки съ малолѣтства, и поставила своимъ принципомъ то несомнѣнно вѣрное правило, что воспитаніе общеобразовательное должно быть первой ступенью, а спеціальное—уже второй....

Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ того, какъ взгляды, господствовавшіе въ высшихъ сферахъ, отражались въ различныхъ областяхъ управленія, образованности и общественной жизни, какъ принципъ исключительнаго авторитета и охраненія всюду вносилъ правительственный надзоръ и опеку, въ формѣ военнаго и бюрократическаго управленія, вездѣ стѣсняя и подавляя самостоятельныя движенія общества. Принятая система была въ самомъ полномъ смыслѣ охранительная система

Священнаго Союза, во внѣшней и внутренней политикѣ, защита абсолютнаго монархическаго принципа въ другихъ государствахъ и суровое осуществленіе патріархальной абсолютной монархіи внутри. Несмотря на то, что исключительность этого послѣдняго принципа сама по себѣ указывала на отсутствіе политической зрѣлости общества; несмотря на то, что система именно заботилась о томъ, чтобы въ это общество не проникалъ никакой элементъ политическаго движенія; несмотря на то, что бросалось въ глаза, какъ много еще оставалось Россіи сдѣлать въ образованіи и общественныхъ нравахъ и учрежденіяхъ, для того, чтобы равняться съ европейскими народами, — несмотря на все это, система, проникнутая увѣренностью въ непогрѣшимости своихъ принциповъ, и вѣроятно, основываясь также на внѣшнемъ политическомъ значеніи Россіи въ Европѣ, утверждала, что Россія уже достигла зрѣлой самостоятельности и извнѣ и внутри. Русская жизнь считалась вступившей въ свой окончательно зрѣлый возрастъ, и отдѣлена была отъ жизни общеевропейской и даже противопоставлена ей заявленіемъ ея исключительныхъ особенностей, дававшихъ ей отдѣльное положеніе, независимое отъ теченія европейскаго развитія и даже совсѣмъ чуждое ему: особенность Россіи относительно политическихъ формъ и относительно религіознаго характера выражены были извѣстными принципами, выставленными и истолкованными въ самомъ исключительномъ смыслѣ; особенность бытовая и культурная выражена была народностью, понятою еще менѣе удовлетворительно.

Эти начала были кромѣ того непререкаемы: въ нихъ была категорически высказана вся программа русской жизни, они указывались въ прошедшей исторіи и предполагались въ будущности націи,—въ такомъ же смыслѣ, какъ въ «Исторіи» и въ запискѣ Карамзина, который съ самыхъ временъ Рюрика видитъ въ Россіи такое, только менѣе сложное, государство, какъ въ девятнадцатомъ столѣтіи и открываетъ въ немъ эти отличительные руководящіе принципы. Нельзя не замѣтить сходства и въ самомъ осуществленіи правительственнаго идеала съ той программой, какую предполагалъ Карамзинъ. Дѣйствительно, въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій, характеръ правленія былъ именно тотъ патріархально-консервативный, который казался такимъ всеразрѣшающимъ и привлекательнымъ для Карамзина. Мы говорили о результатахъ: въ концѣ концовъ нельзя было не видѣть, что за наружнымъ порядкомъ было мало дѣйствительныхъ улучшеній и успѣховъ и, напротивъ, накопилось столько административной и общественной порчи, что наконецъ

для всѣхъ стала очевидна необходимость цѣлаго ряда реформъ, которыя и составляютъ славу нынѣшняго царствованія, какъ исполненіе давно поставленной задачи, какъ удовлетвореніе истиннымъ потребностямъ народнаго блага, какъ переломъ въ исторіи.

Люди, близко видѣвшіе высшія сферы прежняго періода, положительно говорятъ, что въ нихъ было искреннее желаніе улучшеній, напр., расположеніе къ освобожденію крестьянъ, къ уничтоженію бюрократической испорченности и т. п. Но къ удивленію, для этого не было сдѣлано ничего, или по крайней мѣрѣ ничего энергическаго и дѣйствительнаго. При всемъ громадномъ авторитетѣ власти, который она сама очень хорошо сознавала, она отказывалась отъ рѣшительныхъ дѣйствій по этимъ предметамъ, она считала ихъ слишкомъ трудными, имѣла опасенія о благополучномъ ихъ разрѣшеніи. Такъ, напримѣръ, было, кажется въ крестьянскомъ вопросѣ, — хотя въ тоже время власть не останавливалась передъ самыми крутыми мѣрами противъ такъ-называемыхъ крестьянскихъ «бунтовъ», — настоящій смыслъ которыхъ, кажется, можетъ теперь не требовать особыхъ разъясненій. Какъ объясняется это противорѣчіе между твердымъ сознаніемъ безграничнаго авторитета и безсиліемъ въ разрѣшеніи настоятельнѣйшихъ трудностей и уничтоженіи вопіющихъ злоупотребленій,—до сихъ поръ еще трудно сказать.

Причины этому могли быть различны. Предстоявшіе вопросы, прежде всего, выходили изъ рутины дѣлъ, какія обыкновенно приходилось рѣшать правительственной власти. Уже съ давнихъ временъ власть успокоилась на существующемъ порядкѣ вещей. Нововведенія, какія дѣлались послѣ великихъ петровскихъ реформъ, почти никогда больше не затрогивали коренныхъ вопросовъ государственнаго и общественнаго быта; власть вводила много новаго въ административныхъ способахъ, но почти не касалась существеннаго — ни крѣпостного права, ни системы податей, ни рекрутства, ни множества другихъ подобныхъ вещей, которыя имѣли громадное значеніе въ народной жизни, были очень тяжкимъ бременемъ для народа и — въ интересѣ самого государства — требовали коренного и глубокаго преобразованія. Со временъ Петра Великаго (особенно съ царствованія середины XVIII-го вѣка) власть была или беззаботна въ этихъ предметахъ или опасалась ихъ трогать, видя въ нихъ такъ-называемыя «основы» нашей жизни, тѣмъ больше, что для высшаго класса— единственнаго, имѣвшаго по крайней мѣрѣ придворный голосъ и вліяніе—старые порядки были всего чаще выгодны, или же индифферентны. Императоръ Александръ возымѣлъ сильную антипа-

тію ко многимъ подобнымъ порядкамъ русской жизни, но не исполнилъ главнѣйшихъ изъ своихъ преобразовательныхъ плановъ, отчасти по недостатку характера, отчасти по недостатку знанія русской жизни: этого знанія недоставало и у его молодыхъ совѣтниковъ, — а старые были убѣждены, что преобразовывать было нечего, потому что прежніе порядки дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствовали привычнымъ эгоистическимъ интересамъ высшаго сословія. Старые совѣтники успѣли, наконецъ, убѣдить императора Александра, что для русской жизни ненужны никакія реформы, — что мы и безъ того велики и насъ боятся въ Европѣ.

Новый періодъ, относительно этихъ коренныхъ вопросовъ, находился въ довольно схожемъ положеніи. Этотъ періодъ не задавался никакими идеально-великодушными планами, какъ имп. Александръ, — этой идеалистической черты въ немъ не было совершенно, и онъ, напротивъ, относился къ подобнымъ вещамъ очень враждебно; онъ желалъ улучшеній въ формахъ управленія, искалъ внѣшнихъ государственныхъ выгодъ, руководясь отчасти административными соображеніями, отчасти извѣстной филантропіей, но при этомъ не хотѣлъ, и не думалъ, ни на минуту выйти изъ роли безусловнаго авторитета, и это послѣднее едва ли не было одной изъ главныхъ причинъ, почему планы улучшеній не состоялись, или ограничились немногими слабыми начатками. Власть отчасти не знала, какъ и во времена имп. Александра, всего характера вещей и если видѣла иногда совершавшіяся злоупотребленія, то не видѣла всего ихъ объема. Такъ, едва ли она знала въ истинномъ свѣтѣ смыслъ и практику крѣпостного права, вообще тягостное положеніе народной массы, наконецъ слишкомъ легко допускала обманывать себя внѣшнимъ формальнымъ порядкомъ и подготовленными впечатлѣніями. Отчасти, между прочимъ, вслѣдствіе той же исключительности авторитета, не допускавшей разъясненій общественнаго мнѣнія, власть вѣроятно преувеличивала вещи съ другой стороны, напр., могла думать, что препятствія для нововведеній, облегчающихъ народъ, неодолимы, что, напр., освобожденіе крестьянъ вызоветъ большое и даже опасное недовольство помѣщиковъ, или опасное волненіе крестьянъ и т. п. Словомъ, вина этихъ неудачъ была кажется въ самой сущности положенія: такія реформы едва ли возможны были вообще для того времени и для тѣхъ понятій объ авторитетѣ, слишкомъ нетерпимыхъ и исключительныхъ: присвоивая себѣ всѣ отправленія государства и общества, авторитетъ хотѣлъ не только дѣйствовать, но и думать за нихъ, не допускалъ никакой общественной иниціативы или мнѣнія;

издавна отвыкши отъ голоса общества, онъ не признавалъ у общества иныхъ потребностей, кромѣ тѣхъ, какія самъ ему предоставлялъ. Между тѣмъ самыя реформы, какія были нужны и какія только и могли помочь замѣченнымъ недостаткамъ, въ своемъ результатѣ (который власть должна была, въ извѣстной степени, предполагать) представляли собой, во-первыхъ, возвышеніе общественнаго элемента, — потому что такое дѣйствіе должна была необходимо имѣть всякая освободительная мѣра,— во-вторыхъ, эти реформы едва ли и могли быть произведены безъ участія самого общества, одними бюрократическими средствами, слѣдовательно, опять должны были дать извѣстный просторъ общественному мнѣнію. Ни то, ни другое не входило однако въ виды власти, и даже прямо противорѣчило ея представленіямъ о своемъ авторитетѣ. Такъ, рѣшеніе крестьянскаго вопроса необходимо вело бы за собой мысль объ извѣстной общественной свободѣ, а эта послѣдняя вообще представлялась только вреднымъ мечтаніемъ, порожденіемъ западной необузданности.

Общественные нравы понятнымъ образомъ отражали въ себѣ господствовавшую систему: общества, мало развитыя политически, обыкновенно бываютъ слишкомъ доступны подобнымъ вліяніямъ. Надобно сказать, что огромное большинство, по своему стародавнему характеру, совершенно соотвѣтствовало тому, что отъ него требовалось. Это было полное отсутствіе всякаго самостоятельнаго сужденія объ общественныхъ предметахъ; эти предметы даже были и мало извѣстны, такъ какъ правительство допускало только весьма ограниченную и только оффиціальную публичность своихъ дѣйствій, и обсужденіе вопросовъ внутренней политики было совершенно закрыто отъ общества и литературы. Разговоры объ этихъ предметахъ велись только съ крайней осторожностью; немногія попытки писать объ нихъ дѣлались только подъ секретомъ; правительство иногда чувствовало необходимость въ содѣйствіи ученаго и литературнаго изысканія, но и эти сочиненія (какъ, напр., книга Надеждина о скопцахъ, книжка Даля о томъ же и т. п.) или оставались въ рукописяхъ и пропадали въ канцелярскихъ архивахъ или печатались въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ только для оффиціальнаго употребленія, и только изрѣдка подъ великимъ секретомъ проникали въ публику. Общество, быть можетъ, еще менѣе прежняго стало интересоваться ходомъ вещей, или довольствовалось оффиціальными свѣдѣніями и слухами; еще больше привыкало полагаться вполнѣ на авторитетъ. Оттого впослѣдствіи это общество и бросилось съ такимъ жаромъ на общественные вопросы: они имѣли

всю прелесть новизны, слишкомъ долго лежавшей подъ запретомъ.

Въ такихъ практическихъ условіяхъ складывалось то представленіе о русской жизни, которое оффиціально господствовало въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій, и краеугольнымъ камнемъ котораго былъ упомянутый символъ, высказанный впервые, если не ошибаемся, Уваровымъ. Сущность этого представленія состояла въ томъ, что Россія есть совершенно особое государство и особая національность, непохожія на государства и національности Европы. На этомъ основаніи она отличается и «должна» отличаться отъ Европы всѣми основными чертами національнаго и государственнаго быта. Къ ней совершенно неприложимы требованія и стремленія европейской жизни. Въ ней одной господствуетъ истинный порядокъ вещей, согласный съ требованіями религіи и истинной политической мудрости. Европа имѣетъ свои историческія отличія: въ религіи—католицизмъ или протестантство, въ государствѣ — конституціонныя или республиканскія учрежденія, въ обществѣ — свободу слова и печати, свободу общественную и т. п. Она гордится ими, какъ прогрессомъ и привилегіей, но этотъ прогрессъ есть заблужденіе и результатъ французскаго вольнодумства и революціи, поправшей въ прошломъ столѣтіи религію и монархію, и хотя укрощенной, но оставившей слѣды своего пагубнаго вліянія и зародыши дальнѣйшихъ европейскихъ безпорядковъ и волненія умовъ. Россія осталась свободна отъ этихъ тлетворныхъ вліяній, которыя только разъ пришли возмутить ея общественное спокойствіе. Она сохранила въ цѣлости преданія вѣковъ и, будучи тѣмъ предохранена отъ безпокойствъ и обмановъ конституціонныхъ, не можетъ сочувствовать либеральнымъ стремленіямъ, какія обнаруживаются и даже находятъ снисхожденіе правительствъ въ разныхъ государствахъ Европы, и не можетъ не поддерживать съ своей стороны принципа чистой монархіи. Въ религіозномъ отношеніи Россія также поставлена въ положеніе, несходное съ европейскимъ, исключительное и выгодное. Ея исповѣданіе заимствовано изъ древняго византійскаго источника, вѣрно хранившаго преданія церкви, и Россія осталась свободна отъ тѣхъ религіозныхъ волненій, которыя первоначально отклонили отъ истиннаго пути католическую церковь, а потомъ поселили распри въ ея собственной средѣ и произвели протестантизмъ съ его безчисленными сектами. Правда, въ русской церкви также происходили несогласія, и часть невѣжественнаго народа ушла въ расколъ, но правительство и церковь употребляютъ всѣ усилія, убѣжденія и мѣры строгости, къ возвращенію заблудшихъ и

къ искорененію ихъ заблужденій. Эти отщепенцы не имѣютъ и не должны имѣть мѣста въ государствѣ православномъ; они заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія по ихъ невѣжеству, когда ихъ заблужденія не приносятъ значительнаго вреда, но вообще терпимы быть не могутъ.

Россія и во внутреннемъ своемъ бытѣ не похожа на европейскіе народы. Ее можно назвать вообще особой частью свѣта. Съ оригинальными учрежденіями, съ древней вѣрой, она сохранила патріархальныя добродѣтели, мало извѣстныя народамъ западнымъ. Таково, прежде всего, народное благочестіе, полное довѣріе народа къ предержащимъ властямъ и безпрекословное повиновеніе имъ; такова простота нравовъ и потребностей, не избалованныхъ роскошью и не нуждающихся въ ней. Нашъ бытъ удивляетъ иностранцевъ и иногда вызываетъ ихъ осужденія; но онъ отвѣчаетъ нашимъ нравамъ и свидѣтельствуетъ о неиспорченности народа: такъ, крѣпостное право (хотя и нуждающееся въ улучшеніи и преобразованіи) сохраняетъ въ себѣ много патріархальнаго, и хорошій помѣщикъ лучше охраняетъ интересы крестьянъ, чѣмъ могли бы они сами.

Европа, конечно, опередила Россію въ цивилизаціи и наукѣ; но за то Россія не знаетъ ихъ злоупотребленій и предохраняется отъ нихъ. Высшія учрежденія блюдутъ за тѣмъ, чтобы наука приносила намъ только полезное, и запрещаютъ все, что можетъ повести къ вреднымъ умствованіямъ. Надзоръ цензурный за привозимыми иностранными книгами и своей печатью стремится къ этой цѣли. Къ намъ не проникаютъ извращенныя умствованія западныхъ вольнодумцевъ, тѣ необузданныя ученія, которыя нарушаютъ въ Европѣ общественное спокойствіе и наполняютъ умы ложными теоріями и неуваженіемъ къ власти и порядку. Тотъ же авторитетъ строго караетъ у насъ случающіяся нарушенія правилъ и пресѣкаетъ ихъ вредное дѣйствіе.

На этихъ основаніяхъ Россія процвѣтаетъ, наслаждаясь внутреннимъ спокойствіемъ. Она сильна своимъ громаднымъ протяженіемъ, многочисленностью племенъ и простыми патріархальными добродѣтелями народа. Извнѣ она не боится враговъ; ея голосъ рѣшаетъ европейскія дѣла, поддерживаетъ колеблющійся порядокъ; ея оружіе, милліонъ штыковъ, можетъ поддержать это вліяніе, и ему случалось наказывать и истреблять революціонную крамолу.

О внутреннемъ порядкѣ дѣлъ было такое же представленіе. Его основы не могли подлежать сомнѣнію. Управленіе утверждается на всеобщемъ, всестороннемъ и исключительномъ попеченіи власти о благѣ народа. Устройство государства не пред-

ставляетъ никакого дѣленія властей, которое производитъ столько постоянныхъ столкновеній въ другихъ странахъ, и никакой борьбы однихъ частей націи или сословій противъ другихъ,— всѣмъ, напротивъ, назначено ихъ опредѣленное мѣсто, и надъ всѣми возвышается одинъ руководящій авторитетъ. Есть конечно недостатки въ практическомъ теченіи дѣлъ, но они происходятъ не отъ несовершенства законовъ и учрежденій, а отъ неисполненія этихъ законовъ и отъ людскихъ пороковъ. Люди должны исправиться усиленіемъ надзора, воспитаніемъ въ строгой дисциплинѣ, устраненіемъ вредныхъ книгъ, строгой цензурой и т. п. Всѣ эти мѣры вообще необходимы для удержанія въ обществѣ должнаго порядка и спокойствія....

Однимъ словомъ, система представляла выработанное цѣлое; въ ней были, однако, нѣкоторыя неясности. Такъ, мы указывали подобную неясность въ крестьянскомъ вопросѣ, гдѣ система колебалась между требованіями человѣколюбія, которыя, говорятъ, она признавала, и даже требованіями политическаго благоразумія съ одной стороны, и съ другой — нежеланіемъ раскрыть недостатокъ въ существующемъ порядкѣ вещей, начать ломку учрежденій, которая могла бы отразиться въ умахъ появленіемъ либеральныхъ идей. Такое же колебаніе повидимому существовало въ нѣкоторыхъ вопросахъ внѣшней политики,—въ особенности въ славянскомъ вопросѣ. Россія вступилась (вмѣстѣ съ другими державами) за дѣло грековъ, покинутое ею при Александрѣ, и признала нравственную обязанность подать помощь единовѣрцамъ, — такая же обязанность существовала къ турецкимъ славянамъ, не только единовѣрнымъ, но и единоплеменнымъ, — но этой обязанности, съ другой стороны, противорѣчилъ принципъ легитимизма. Освобожденіе славянскихъ народовъ могло быть достигнуто только ихъ возстаніемъ, слѣдовательно, со стороны Россіи необходимо было бы вступить въ связь съ революціоннымъ движеніемъ, а это было, конечно, невозможно. Вопросъ такъ и остался невыясненнымъ: Россія оказывала славянскимъ племенамъ свое политическое содѣйствіе только въ извѣстной мѣрѣ; въ русскомъ обществѣ система допускала въ нѣкоторой степени пропаганду славянофильства, оказала ей сильную помощь учрежденіемъ славянской каѳедры въ университетахъ и т. п., допускала высказываться фантастическимъ мечтаніямъ о «полуночномъ орлѣ», простирающемъ крылья надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, но въ тоже время подавляла всѣ нѣсколько пылкія выраженія славянофильства въ обществѣ. Наконецъ, не говоря о другихъ примѣрахъ, молчаніе, наложенное на общество и литературу, съ одной стороны было естественнымъ слѣдствіемъ

системы, недопускавшей возраженій и присвоивавшей себѣ исключительную непогрѣшимость, но съ другой была признакомъ того же колебанія и неискренности, — потому что, напримѣръ, цензурныя запрещенія не только останавливали какія бы то ни было вмѣшательства литературы въ настоящее теченіе дѣлъ, но распространялись даже па извѣстные и несомнѣнные историческіе факты, о которыхъ, однако, не позволялось говорить, на многія вопіющія явленія народной и общественной жизни, о которыхъ сама власть хорошо знала, но которыя также старалась скрыть цензурными запрещеніями.

Если были такія неясности, колебанія и противорѣчія въ кругу самой системы, которыя могли вызывать сомнѣнія и возраженія, то еще больше спорныхъ вопросовъ должно было явиться въ томъ случаѣ, когда бы критика была приложена къ самой системѣ. Эта критическая мысль уже зародилась въ русскомъ обществѣ. Въ цѣломъ или частями, прямо или косвенно, практически или теоретически критика не могла не коснуться самой системы, заявлявшей себя единственнымъ результатомъ прошедшаго и единственнымъ содержаніемъ русской жизни и ея обязательной программой въ настоящемъ,—и отсюда выросло движеніе, борьба мнѣній, усилія мысли создать критическій выводъ, которыя составляютъ умственную исторію описываемыхъ десятилѣтій.

Таковы были нѣкоторыя общія черты того представленія о русской народности, какое господствовало оффиціально въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій. Въ теоретическомъ смыслѣ, какъ мы замѣчали, это было развитіе или распространеніе идеала, наслѣдованнаго отъ консервативной старины и изложеннаго Карамзинымъ. Въ ряду нашихъ общественныхъ понятій его можно, кажется, опредѣлить, какъ національную романтику, весьма параллельную тому европейскому феодальному романтизму временъ реставраціи, который, вмѣстѣ съ національно-археологическимъ элементомъ, отличался также и крайнимъ политическимъ консерватизмомъ.

«Народность» составляла, какъ мы видѣли, одно изъ главныхъ притязаній системы. По Карамзину слѣдовало, что Россія при Александрѣ не стояла на своей настоящей дорогѣ, что власть слишкомъ увлекалась западными нравами и забывала о томъ, какое должно быть настоящее русское правленіе, котораго «требовалъ» Карамзинъ. Система, наступившая теперь, хотѣла именно осуществить это требованіе, и утверждая въ своемъ смыслѣ но-

вые нравы и новый порядокъ, она настаивала на томъ, что подобный порядокъ вещей есть единственный, соотвѣтствующій русскому народу и доказываемый его исторіей. Утверждая свою «народность», система представлялась какъ будто даже исправленіемъ той ошибки, которую теорія Карамзина видѣла въ петровской реформѣ. Многимъ современникамъ казалось, что вторая четверть нынѣшняго столѣтія знаменуетъ поворотъ съ той дороги, какая была указана Петромъ Великимъ; что система этого времени есть столько же, если не болѣе великое явленіе, какъ была, въ свое время, реформа Петра,—и по своей энергіи и по тому направленію, которое эта система давала русской жизни,—направленію, свободному отъ подражательности, вполнѣ національному и самобытному. Можно было бы привести много примѣровъ подобнаго взгляда изъ тогдашней литературы, но не ссылаясь на нее теперь, чтобы не опираться только на панегирики, мы укажемъ на очень извѣстную (впрочемъ теперь извѣстную больше только по имени) книгу маркиза Кюстина. Кюстинъ, пріѣзжавшій въ Россію въ концѣ тридцатыхъ годовъ и видѣвшій людей и вещи въ лучшую пору системы, дѣлаетъ эту самую параллель съ Петромъ Великимъ, и она выходитъ невыгодна для послѣдняго. Замѣтимъ, что такъ говоритъ писатель, книга котораго такъ долго считалась непозволительной по своимъ враждебнымъ изображеніямъ русской жизни. Кюстинъ говоритъ о системѣ описываемаго періода съ восторженными похвалами; его мнѣніе въ большой степени было мнѣніе французскаго легитимиста, но съ другой стороны онъ, конечно, повторялъ и то, что слышалъ въ русскомъ аристократическомъ обществѣ.

Масса общества дѣйствительно вѣрила въ эту систему и въ тѣ историческія качества, которыя приписывались ей теоріей. Вѣрили даже и люди, думавшіе больше, чѣмъ думаетъ масса, но склонные къ тому преувеличенному патріотизму, который, какъ всякая слѣпая страсть, вѣритъ безусловно и бываетъ неспособенъ ни къ какой критикѣ. Мы увидимъ дальше, что въ славянофильскомъ ученіи были многія темы, очень сходныя съ вышеизложеннымъ идеаломъ. Правда, господствующая система часто не одобряла славянофильства, но главнымъ образомъ потому, что также въ своемъ родѣ не любила «идеологіи»; но ихъ сущность была очень сходная, потому что въ обѣихъ точкахъ зрѣнія главнѣйшую долю составляли преданіе, консерватизмъ, національная исключительность и болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ Европѣ.

Какое же было историческое значеніе этой системы въ ряду

общественно-политическихъ представленій, проходившихъ въ нашей жизни?

Панегиристы этой системы не были совсѣмъ неправы, когда указывали ея противоположность съ тѣмъ направленіемъ, какое дано было жизни петровской реформой. Въ самомъ дѣлѣ, такая противоположность существовала, хотя въ совершенно иномъ смыслѣ. Обѣ системы, очень сходныя по характеру авторитета, въ обоихъ случаяхъ производившаго одинаково безграничную и нетерпимую опеку надъ обществомъ, представляли огромную разницу въ своемъ содержаніи, въ своихъ понятіяхъ о народномъ благѣ. У Петра было критическое отношеніе къ русской жизни и ея недостаткамъ, отношеніе, часто поражающее геніальной ясностью взгляда, и этотъ взглядъ привелъ Петра къ мысли о необходимости связать Россію съ Европой, внести въ русскую жизнь европейскую науку и цивилизацію, хотя бы Петръ и не понималъ ихъ съ достаточной широтой[1]). Въ этомъ критическомъ отношеніи и лежала вся сила петровской реформы, вся причина ея могущественнаго дѣйствія на русскую жизнь, продолжавшагося долго послѣ самого Петра. Здѣсь, напротивъ, *такого* критическаго отношенія совершенно не было. Здѣсь данный status quo и считался наилучшимъ; послѣдней цѣлью было только усовершенствовать, дисциплинировать этотъ status quo съ чисто внѣшней, формальной или лучше формалистической стороны, нисколько не касаясь его внутренняго смысла, т.-е. не задаваясь мудреными вопросами о внутреннемъ качествѣ даннаго положенія вещей, о томъ, соотвѣтствуетъ ли оно существеннымъ интересамъ націи, требованіямъ времени, указаніямъ науки и цивилизаціи. Точка зрѣнія была исключительно консервативная; русская жизнь и ея «начала» почитались наилучшими и даже не подлежащими критикѣ.—Такимъ образомъ, по сущности дѣла новый періодъ дѣйствительно представлялъ противоположность временамъ Петра Великаго. Къ Европѣ, ея наукѣ и цивилизаціи, новый періодъ относился съ предубѣжденіемъ, недовѣріемъ и враждой; онъ видѣлъ свой идеалъ въ національной исключительности, и въ удержаніи и въ усовершенствованіи существующаго status quo.

Въ этомъ и заключается существенный историческій смыслъ этого періода; отсюда открывается и оборотная сторона дѣла.

---

[1]) Онъ понималъ ихъ съ исключительной государственно-утилитарной точки зрѣнія, за которую его многіе обвиняли, и которая, конечно, еще не представляетъ дѣйствительнаго введенія науки и цивилизаціи; но многіе ли тогда и въ западной Европѣ признавали настоящія безотносительныя права мысли и знанія, и настоящія требованія цивилизаціи?

Консерватизмъ Александровскихъ временъ, развившійся въ описываемыя десятилѣтія въ оффиціальную систему народности, имѣлъ то значеніе для общества и тѣ историческія послѣдствія, какія обыкновенно имѣетъ консерватизмъ. Стараніе удерживать въ бездѣйствіи народныя и общественныя силы и подавлять ихъ стремленія имѣло слѣдствіемъ то, что значительная ихъ часть и дѣйствительно осталась въ неподвижности и застоѣ, которые въ историческомъ счетѣ равняются движенію назадъ. Мы указывали, какъ дѣйствительность въ концѣ концовъ опровергла то, что система думала о превосходствѣ своихъ началъ и своего способа дѣйствій. Этотъ результатъ, конечно, неудивителенъ: задатки его лежали въ ошибкахъ самой системы.

Тогдашній консерватизмъ утверждалъ, и многіе, даже большинство общества вѣрило, что Россія въ самомъ дѣлѣ есть совсѣмъ особое государство, въ которомъ все есть, и должно быть свое особенное и для котораго не дѣйствительны—условія и требованія европейскаго развитія. Правда, для Россіи вовсе не были обязательны европейскія формы развитія въ тѣсномъ смыслѣ, не необходима послѣдовательность ея учрежденій, не нужны частности ея жизни и обычаевъ: но капитальная ошибка упомянутаго мнѣнія была въ томъ, что естественный ходъ націи долженъ былъ однако приводить ее къ болѣе совершеннымъ формамъ жизни, чѣмъ были формы русской жизни; что разъ начавшееся образованіе неизбѣжно должно было приносить, и уже дѣйствительно приносило, иныя понятія общественно-политическія и нравственныя, которыя не могли уживаться съ прежнимъ складомъ жизни и которымъ однако система не хотѣла давать никакого мѣста; что, наконецъ, Россія уже вступила въ европейскія связи и могла сохранить значеніе только признавая эти связи, только выдерживая открывшееся соперничество не только матеріальными силами, но культурнымъ, умственнымъ и политическимъ развитіемъ.

Матеріальное могущество Россіи, повидимому, не оставляло больше ничего желать. Вліяніе ея въ Европѣ не подлежало сомнѣнію; основанное императоромъ Александромъ, при военномъ разгромѣ и общественномъ упадкѣ европейскихъ государствъ, оно было наслѣдовано новымъ періодомъ, и продолжалось теперь, какъ могущественный матеріальный оплотъ европейской реакціи. Никому почти не приходило въ голову, что это вліяніе Россіи было не совсѣмъ прочно, что оно не имѣло за себя достаточныхъ внутреннихъ основаній. Какъ при Александрѣ внѣшнее величіе далеко не сопровождалось равномѣрнымъ внутреннимъ развитіемъ, и государство страдало внутренними неустройствами;

такъ этотъ характеръ вещей не измѣнился и въ новомъ періодѣ, и это противорѣчіе не могло уйти отъ разсчетовъ исторіи. Мы видѣли, что при всей силѣ авторитета, при всемъ внѣшнемъ политическомъ значеніи Россіи въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій (до Крымской войны), при всемъ напряженіи бюрократической и милитарной опеки, во внутреннемъ складѣ жизни и въ ходѣ дѣлъ оставались цѣлы существенныя язвы русской жизни, и это положеніе вещей давало врагамъ Россіи поводъ называть ее «колоссомъ на глиняныхъ ногахъ».

Внутренняго могущества нельзя было создать тѣми средствами, какія для этого употреблялись. Исключительная опека необходимо оставляетъ общество младенческимъ, потому что стѣсненіе свободы движеній одинаково ослабляетъ и останавливаетъ развитіе членовъ и въ физической жизни человѣка и въ государствѣ. Опека лишала общество самодѣятельности и въ умственно-нравственномъ, и въ матеріально-экономическомъ отношеніи; охраняя «народную» нашу самобытность, она не допускала въ Россію ни смѣлыхъ выводовъ европейской науки, ни желѣзныхъ дорогъ, какъ будто и эти послѣднія были также вольнодумствомъ; самобытность кончалась и умственной, и матеріальной бѣдностью и отсталостью. Мысль о томъ, что истинное могущество націи достигается только свободнымъ и наибольшимъ развитіемъ ея самостоятельно дѣйствующихъ силъ, была непонятна. Думали, что этотъ результатъ достигается только формальной дисциплиной и всеобщей опекой, и казалось, что въ примѣрѣ Россіи это подтверждалось: ея громадныя пространства, ея многочисленное, хотя и раскиданное населеніе издавна уже представляли большую военную, а слѣдовательно и политическую силу; крайняя національная исключительность, вошедшая въ народные нравы вслѣдствіе продолжительнаго отдѣленія отъ Европы, увеличивала военную силу государства сплоченностью русскихъ земель и нетерпимостью къ иноземному, — при этомъ положеніи дѣла, неглубокому наблюдателю можно было впасть въ недоразумѣніе, и смѣшать внѣшній объемъ силъ Россіи съ ихъ внутренней культурной энергіей. Очевидно, между тѣмъ, что внѣшній объемъ и внутреннее качество силы — двѣ совершенно разныя вещи. Благодаря своему пространству и населенію, Россія могла выставлять весьма значительныя, даже огромныя силы, но эти усилія изнуряли и истощали ее больше, чѣмъ это бывало у другихъ народовъ; внѣшніе успѣхи почти всегда сопровождались внутреннимъ разореніемъ: «копѣйка» ставилась «ребромъ».

Какимъ образомъ внутреннее положеніе страны не соотвѣт-

ствовало внѣшнему величію—это рѣзко обнаружилось въ кризисѣ крымской войны. Все вниманіе, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, было направлено на армію; но при испытаніи оказалось, что она совершенно отстала отъ армій европейскихъ; ея вооруженіе оказалось устарѣлымъ до безполезности; армія не могла двигаться по отсутствію дорогъ; содержаніе арміи стало источникомъ злоупотребленій — всѣ недостатки управленія сказались въ критическую минуту. Самая опасность отечества не останавливала безобразныхъ фактовъ, противъ которыхъ, въ долгіе годы, не могла ничего сдѣлать вынужденная къ молчанію общественная совѣсть. Бѣдственныя послѣдствія исключительной опеки, превращавшейся въ безнаказанный бюрократическій произволъ и подавлявшей даже самыя искреннія и доброжелательныя заявленія общественнаго мнѣнія,—оказались въ полнѣйшей мѣрѣ.

Отсутствіе внутренней силы указывалось уже изъ положенія громадной массы народа. Какъ бы для ироніи надъ «народностью», эта масса была крѣпостная или полу-крѣпостная, и роль народа была чисто пассивная. Безправный юридически, невѣжественный, бѣдный, запуганный народъ былъ той основой, на которой утверждалось гордое зданіе системы. И въ положеніи этой крестьянской массы въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій не произошло никакой перемѣны. Напротивъ, законъ закрѣплялъ традиціонный порядокъ вещей, и замѣчено было даже, что при составленіи «Свода», законоположенія о крѣпостномъ состояніи крестьянъ точно съ умысломъ соединили въ себѣ все, что можно было найти невыгоднаго для крестьянъ въ различныхъ указахъ, изданныхъ по частнымъ случаямъ; узаконенія выгодныя для крестьянъ обращены въ невыгодныя для нихъ, наконецъ нѣкоторые указы Петра Великаго, для крестьянъ выгодные, прямо устранены [1]). Такимъ образомъ, юридическое положеніе крестьянъ почти ухудшилось за это время. Каково было вообще состояніе крестьянскаго быта — это еще памятно по недавнимъ нагляднымъ примѣрамъ и по слѣдамъ, которые остаются еще понынѣ. Но въ то же время, на этой бѣднѣйшей и безпомощной массѣ лежала вся тягость содержанія государства: на ней лежали налоги и рекрутство.

На ту же народную массу падала другая тягость. Въ традиціонныхъ порядкахъ государственнаго хозяйства, одну изъ главнѣйшихъ статей дохода поставляла откупная система, гдѣ печальнымъ

---

[1]) См. покойнаго В. Порошина: Nos questions russes, Paris. 1865. Тѣ же замѣчанія дѣлаетъ Н. И. Тургеневъ.

образомъ выгода казны ставилась въ зависимость отъ народной испорченности.

То, въ чемъ состоитъ ручательство народнаго блага и національнаго, государственнаго могущества, — какъ мы едва начинаемъ это понимать теперь, — гражданская свобода для всѣхъ, широкое народное образованіе, хоть какая-нибудь степень самоуправленія и народнаго представительства, юридическое уравненіе всѣхъ передъ однимъ закономъ, возможное уравненіе въ несеніи государственныхъ тягостей, — всѣ эти вещи, къ которымъ и теперь едва начинаетъ привыкать тугое пониманіе большинства, не только не существовали тогда ни въ какой степени, но были просто немыслимы. Мы увидимъ дальше, что въ тѣ годы только немногимъ изъ лучшихъ умовъ въ образованнѣйшей части общества, ясно представлялась мысль о необходимости новыхъ общественныхъ формъ, какъ единственнаго условія народнаго благосостоянія;—но и эта мысль не могла быть высказана, и эти люди—были люди, заподозрѣнные въ неблагонамѣренности. Въ такомъ противорѣчіи была господствовавшая система «народности» съ истинными требованіями національнаго развитія, и такъ мало представляла она перспективы на какое-нибудь согласіе съ этими требованіями.

Но кромѣ этого положенія народныхъ массъ — главной опоры и сущности государства, — система мало оправдывалась и другими явленіями національной жизни. При всемъ національномъ высокомѣріи, которымъ отличалось то время, нельзя было скрыть, что Россія была предметомъ самой неограниченной эксплуатаціи экономической. Свои производства были бѣдны. Внѣшняя торговля Россіи была почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Въ то время, когда мы гордились своими богатствами, называли южную Россію житницей Европы,—мы поставляли Европѣ только сырые продукты, которые возвращались къ намъ въ видѣ иностраннаго товара, очень невыгодно нами покупаемаго; отъ «житницы» наибо́льшій процентъ доставался опять иностраннымъ негоціантамъ. Русская промышленность довольствовалась обыкновенно только простѣйшими производствами: всѣ издѣлія, нѣсколько тонкія или сложныя, или поставлялись иностранной торговлей, или готовились въ Россіи у иностранныхъ заводчиковъ и иностранными мастерами, которые вообще держались въ Россіи почти также, какъ было въ XVII-мъ столѣтіи, т.-е. обогащаясь сами, и не сообщая русскимъ ничего изъ своихъ техническихъ знаній, умѣнья и предпріимчивости. Надобно замѣтить, что развитію промышленной предпріимчивости и народнаго обогащенія препятствовали наконецъ и свои домашнія причины, скрывавшіяся

въ той же исключительности авторитета. Противъ этой предпріимчивости была, непонятнымъ образомъ, предубѣждена сама власть. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, сравненіе съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей очень объясняетъ, до какой степени была стѣснена и находилась въ застоѣ даже экономическая жизнь: стòитъ взглянуть на обширное нынѣшнее развитіе акціонерной предпріимчивости, или желѣзно-дорожнаго дѣла, въ прежнее время просто немыслимое. Это послѣднее было тогда по принципу закрыто для частныхъ предпріятій; само государство построило, и то убыточно, только одну значительную дорогу, какихъ теперь въ немного лѣтъ построены десятки....

Система «народности» не могла похвалиться и внутреннимъ распорядкомъ, своими судами и администраціей. Мы упоминали выше о недостаткахъ управленія, объ отсутствіи правосудія и простой честности въ чиновничествѣ, — недостаткахъ, которые были очень хорошо извѣстны самой власти. Теперь, когда часть этихъ старинныхъ золъ истребляется новыми учрежденіями, намъ совершенно видно, что причина этихъ недостатковъ въ прежнее время была вовсе не въ недостаткѣ добродѣтели въ людяхъ, а въ самомъ характерѣ прежнихъ учрежденій, открывавшихъ полный просторъ этой испорченности. Эти недостатки *должны были* быть, потому что ничто не было защищено отъ произвола бюрократіи, что права общества ничѣмъ не были гарантированы. Судья въ закрытомъ судѣ, администраторъ, вооруженный произволомъ и канцелярской тайной, всегда и вездѣ всемогущи надъ частными лицами; отсутствіе общественнаго права всегда и вездѣ открываетъ обширное поле злоупотребленіямъ. — Наконецъ, время «народности» страннымъ образомъ совпадало съ особеннымъ господствомъ «нѣмцевъ», чтò замѣчала тогда и малоопытная масса публики.

Далѣе, въ этой системѣ не давалось никакого права дѣйствительной наукѣ: она понималась только въ самомъ тѣсномъ утилитарномъ значеніи, внѣ котораго она не только не допускалась, но даже преслѣдовалась. Ея мѣсто было строго опредѣлено извѣстными бюрократическими запрещеніями, которыя дѣлали изъ нея нѣчто странное, стѣсненное и обрѣзанное: каждый разъ, когда мысль научная или общественная приходила въ малѣйшее столкновеніе съ существующимъ порядкомъ жизни, съ принятыми мнѣніями и обычаями, эта мысль трактовалась какъ злокредный умыселъ. Назвавши Чаадаева, Кирѣевскаго, Надеждина, Полеваго, Хомякова, Аксакова, Бѣлинскаго, Грановскаго, Рулье и т. д., которымъ пришлось испытать это на себѣ; упомянувши о стѣсненіи университетскаго преподаванія, о строгостяхъ цен-

зуры, о полномъ отсутствіи публицистики, мы укажемъ печальное положеніе вещей въ этомъ вопросѣ.

Въ той рукописной литературѣ пятидесятыхъ годовъ, о которой мы выше упоминали, а въ послѣднее время и въ печати, явилось много разсказовъ о цензурѣ, какова она была въ теченіе описываемаго періода, и особенно въ концѣ его. Можно сказать, что она дошла въ это время до своего nec plus ultra. Не довольно было одной обыкновенной цензорской опеки съ ея общими инструкціями; опасались, что она не можетъ усмотрѣть за всѣми нескромностями печати; отсюда учрежденіе спеціальныхъ цензуръ, число которыхъ больше и больше умножалось,— потому что каждое министерство, каждое отдѣльное вѣдомство желали оградить себя отъ какихъ-нибудь нескромностей печати, отъ какихъ-нибудь поползновеній ея на «свое сужденіе». Оказывалось, конечно, что вѣдомства затрудняли обсужденіе подлежащихъ имъ предметовъ до полной невозможности; возможны были панегирики, но не была возможна критика....

Изъ сказаннаго до сихъ поръ можно угадывать положеніе общественнаго мнѣнія и литературы. Первое упало въ сравненіи даже съ тѣмъ, что̀ было во времена Александра, когда если не право, то обычай ввели извѣстную свободу мнѣній и интересъ къ ходу событій. Теперь въ особенности сталъ господствовать тотъ извѣстный принципъ, по которому считалось непозволительнымъ разбирать дѣйствій правительства ни въ осужденіе ему, ни въ похвалу: разсужденіе, хотя бы въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, предполагало, что разсуждающій имѣетъ право дѣлать тѣ или другіе выводы, слѣдовательно и благопріятные и неблагопріятные,— между тѣмъ авторитетъ былъ такъ ревнивъ, что послѣдняго не могъ допустить ни подъ какимъ видомъ: критики онъ не дозволялъ, и она слишкомъ легко могла подойти подъ «неуважительные отзывы»; впрочемъ, похвалы были расточаемы изобильно.... Основной чертой времени было отсутствіе публичности; слѣдовательно, незнаніе того, что̀ дѣлается въ странѣ, или знаніе изъ одного оффиціально-бюрократическаго источника; отсюда, наконецъ, сильно распространенное безучастіе къ событіямъ и интересамъ, въ которыхъ само общество не имѣло никакой активной роли.

Литература, взятая въ цѣломъ, не говоритъ о самыхъ капитальныхъ, насущныхъ вопросахъ жизни, о которыхъ уже говорило во времена импер. Александра не только общественное мнѣніе образованнѣйшихъ круговъ, но отчасти даже и печать,

какъ ни была она тогда непривычна къ подобнымъ предметамъ. Такъ литература ни словомъ не заикалась о политическихъ предметахъ, о внутреннихъ дѣлахъ, о необходимости реформъ въ учрежденіяхъ административныхъ и судебныхъ, о крестьянскомъ вопросѣ, однимъ словомъ, обо всемъ, чтó касалось государства и управленія. Литература какъ будто не подозрѣваетъ этихъ вопросовъ, не можетъ заявить, что желала бы ими заниматься. Въ своихъ лучшихъ представителяхъ она вся ушла въ чистую художественность, стремилась къ отвлеченной философіи, ставила общіе нравственные вопросы (мы скажемъ далѣе, какъ развитіе ея перешло въ эту исключительную сферу, въ которой она успѣла поддержать свое прогрессивное движеніе). Публицистика, можно сказать, совершенно не существовала; даже въ той скромной формѣ, въ какой мы имѣемъ ее теперь, она показалась бы неслыханной дерзостью, преступленіемъ. Мы будемъ имѣть случай упоминать о томъ, какія вещи могли тогда возбуждать подозрѣнія и осужденія. Предметы политическіе были до такой степени удаляемы отъ общественнаго вѣдома (какъ вещь опасная), что новѣйшая политическая исторія изгонялась изъ преподаванія и изъ литературы; политическая экономія относима была къ числу предметовъ опасныхъ, и т. д.

Такое положеніе вещей не могло быть благопріятно для успѣховъ общества и литературы: эта строгая опека, допускавшая только самую узкую область мнѣній, опредѣленныхъ этой системой, равнялась категорическому отрицанію всякаго движенія впередъ. Но если только общество имѣло какіе-нибудь задатки силы и историческаго значенія, ему предстояла только одна дорога — стремиться къ болѣе и болѣе полному развитію національнаго ума усвоеніемъ европейской науки и къ внутреннему политическому усовершенствованію; для литературы одна дорога — болѣе и болѣе дѣятельное и сильное служеніе этому требованію, служеніе дѣлу свободной критической мысли и общественнаго сознанія. Именно въ этомъ смыслѣ и совершалось до тѣхъ поръ все движеніе новой русской литературы. Такимъ образомъ, необходимый законъ внутренняго развитія велъ литературу, выражавшую лучшія прогрессивныя стремленія общества, совершенно въ иномъ направленіи, чѣмъ указывала и требовала система. Отсюда неизбѣжно было столкновеніе двухъ направленій, и такъ какъ одно изъ нихъ поддерживалось всѣмъ могуществомъ авторитета и положеніемъ народныхъ массъ, то роль литературы становилась чрезвычайно трудной....

Но при всемъ стѣсненіи, какое она должна была выносить, литература не измѣнила своему предназначенію, и если взвѣсить

затрудненія, съ которыми ей приходилось бороться, то нельзя не признать за ея главными дѣятелями высокой заслуги. Литература указывала обществу лучшіе нравственные идеалы, защищала дѣло просвѣщенія, объясняла нравственное достоинство человѣка и общества.

Реакція послѣднихъ годовъ имп. Александра подавила много зачатковъ общественной мысли и понизила ея уровень,—но не могла измѣнить историческаго развитія. Въ новомъ, наступившемъ періодѣ развитіе продолжалось и литература раздѣлилась, какъ бывало прежде, на двѣ главныя стороны, которыя выражали собой два господствовавшія надъ жизнью направленія. Одна безусловно приняла авторитетъ, вошла вполнѣ въ ту роль, какая ей предназначалась имъ, превозносила status quo, и стала вообще орудіемъ и изображеніемъ реакціоннаго консерватизма. Другая—восприняла начатое прежде дѣло критики, изслѣдованія національныхъ и общественныхъ отношеній: это было послѣдовательное продолженіе той общественной мысли, которая заявлялась съ конца XVIII-го вѣка дѣятельностью Новикова и Радищева, и потомъ—либерализмомъ временъ импер. Александра. На первое время, въ началѣ описываемаго періода, литература какъ-будто отступила отъ вопросовъ, какіе были уже поставлены въ обществѣ, отказалась отъ интересовъ, которые уже находили къ себѣ ревностное участіе: въ этой литературѣ дѣйствительно отсутствовалъ элементъ политическій, и она съ особеннымъ предпочтеніемъ обратилась къ вопросамъ теоретической философіи и чистаго искусства. Это было, въ извѣстной степени, слѣдствіемъ реакціоннаго стѣсненія; но, съ другой стороны, это было также и естественнымъ развитіемъ понятій. Въ то же самое время, когда упомянутое стѣсненіе подавляло всякое движеніе реальныхъ общественно-политическихъ интересовъ и по необходимости приводило умственную жизнь къ чисто-отвлеченнымъ и совершенно общимъ вопросамъ — то же направленіе производили и другія вліянія. Такъ, въ этомъ смыслѣ дѣйствовали вліянія европейской литературы, въ которой философскія изученія и романтическое искусство, именно въ то время, были господствующимъ интересомъ и которая продолжала быть для насъ источникомъ новыхъ понятій. Въ самой русской литературѣ въ то время Пушкинъ явился первымъ самостоятельнымъ представителемъ художественной, объективной, и вмѣстѣ политически индифферентной или даже консервативной поэзіи, и литературѣ въ виду этого явленія выпадала естественная задача—объяснить Пушкина и установить теоретическія понятія искусства и литературы. Наконецъ,—и это было не послѣднее обстоятельство, объ-

ясняющее дальнѣйшій ходъ литературы, — политическое движеніе двадцатыхъ годовъ само по себѣ вызывало необходимость если не въ именно такомъ, какое случилось, то въ подобномъ обращеніи къ общимъ вопросамъ: горячее и искреннее, по своимъ побужденіямъ, исторически замѣчательное по своимъ стремленіямъ къ народному благу, это движеніе было слишкомъ мало созрѣвшимъ, слишкомъ дилеттантскимъ по средствамъ, какими могло располагать. Общественному образованію нужно было выработать болѣе ясныя теоретическія представленія, болѣе полныя понятія о народной жизни, — къ тому и другому, прямо или косвенно, служили тѣ изученія, которыя стали теперь главнымъ умственнымъ интересомъ общества. Какъ повидимому они ни удалялись отъ прежде поставленныхъ цѣлей, но, въ концѣ концовъ, эти философскія, художественныя, историческія, народныя стремленія и увлеченія литературы, мало по малу выясняясь, возвратились къ тому же общественному вопросу: одно время какъ будто оставленный литературою, онъ являлся вновь, съ гораздо большей внутренней опредѣленностью.

Прежде, чѣмъ перейти къ изображенію этихъ живыхъ элементовъ литературы, мы должны остановиться на той сторонѣ ея, которая прямо представляла собой status quo, чувствовала въ немъ себя дома и была имъ поощряема. Мы встрѣтимъ здѣсь и очень крупныя имена, даже самыя крупныя, какія были въ этомъ періодѣ въ литературѣ поэтической.

Эта консервативная литература, развивавшая оффиціальную народность, была въ близкой связи съ романтизмомъ. Мы видѣли выше, что Жуковскій съ самаго начала былъ склоненъ къ консервативному бездѣйствію. Его поэзія, наполненная заоблачными стремленіями, никакимъ путемъ не могла столкнуться съ земной дѣйствительностью; она могла возростать безпрепятственно въ какихъ угодно условіяхъ и служить, какъ говорится, «украшеніемъ» своего времени. Она принесла свою отвлеченную пользу, потому что умы и сердца, искавшіе идеальной пищи, находили ее здѣсь; но должно сказать, что истинную питательность она пріобрѣтала только вмѣстѣ съ другими, болѣе сильными элементами. Жуковскій, напр., переводилъ и помогалъ понимать Шиллера, — но должно было прочитать самого Шиллера, или другіе еще переводы изъ него, не сдѣланные Жуковскимъ, чтобы получить о немъ правильное понятіе. Перенося къ намъ европейскій романтизмъ, Жуковскій выбиралъ изъ него только отвлеченный, далекій отъ жизни романтическій мисти-

цизмъ, который, внушая равнодушіе къ дѣйствительности, и кончался слишкомъ легкимъ примиреніемъ съ ней... Пушкинъ, начавши съ либерализма, впослѣдствіи не нашелъ въ себѣ достаточно критической независимости, чтобы выдержать это направленіе. Его общественныя понятія удовлетворились той жизнью, какая была на лицо, и даже его художественныя потребности удовлетворились тѣмъ изысканнымъ и искусственнымъ блескомъ, который представляла эта эпоха. Пушкинъ прельщался этимъ блескомъ и не замѣчалъ его подкладки. Изъ него, конечно, не могло уже выйти Державина; тѣмъ не менѣе у него являются мотивы, которые дѣлали его писателемъ если не партіи, то извѣстной стороны общественнаго мнѣнія, именно той, которая воспринимала и воздѣлывала представленія оффиціальной народности. Эта сторона, во всякомъ случаѣ, могла бы видѣть въ величайшемъ русскомъ поэтѣ сторонника своихъ идей, и были случаи, гдѣ она ссылалась на него, какъ на «гласъ народа». Затѣмъ, когда созрѣвшее общественное чувство вызвало поражающій юморъ и сатиру Гоголя, то подъ вліяніемъ тѣхъ же условій этотъ писатель, какъ извѣстно, отказался отъ знаменательнаго смысла своихъ произведеній, но такъ какъ перетолковать этого смысла было невозможно, онъ хотѣлъ исправить ошибку второй частью «Мертвыхъ душъ» и «Выбранными мѣстами», которыя, въ своей тенденціозной части, оказались также безжизненны, какъ теорія, которой онъ хотѣлъ служить [1]...

Такого рода дѣйствіе оказывала даже на первостепенные таланты та среда, то огромное общественное большинство, на понятіяхъ котораго утверждалась система оффиціальной народности. Вліяніе авторитета, поддерживавшаго эту систему, отражалось на всемъ характерѣ жизни: наблюдателю могло казаться, что таковъ и дѣйствительно самый характеръ народа, вся его исторія и все будущее; даже сильные умы и таланты, вращаясь въ этой жизни, подвергаясь многоразличнымъ ея впечатлѣніямъ, сживались съ нею и усвоивали ея теорію. Настоящее казалось имъ разрѣшеніемъ исторической задачи; «народность» считалась отысканною, а съ нею указывался и предѣлъ стремленій: оставалось отдыхать на лаврахъ...

Въ этой обыкновенной средѣ большинства господствующій тонъ производилъ странную литературу, въ которой была будто

[1]) Характеръ «Выбранныхъ мѣстъ» извѣстенъ, но чтобы получить объ нихъ полное понятіе, надо читать еще тѣ письма и отрывки, которые были выключены изъ нихъ при печатаніи авторомъ или его друзьями, и которые изданы были въ Р. Арх. 1866, стр. 1730 и слѣд.

бы и журналистика, и поэзія, и наука, было даже извѣстное оживденіе, по крайней мѣрѣ шумъ, но которая однако поражаетъ своей пустотой и натянутостью. Журналистика ограничивалась почти исключительно литературными интересами; легкая повѣсть или романъ, легкая литературная критика, индифферентныя историческія и другія статьи, путешествія, разнаго рода анекдотическій матеріалъ—составляли главную сущность ея содержанія. Вопросы общественные были вообще для литературы закрыты; изданія серьезныя не пробовали даже говорить о нихъ,—потому что о нихъ можно было говорить только въ извѣстномъ тонѣ благонамѣренной скромности и благодарности попечительному начальству, въ родѣ того, какъ говорили «благодарные граждане» у Гоголя. Литература рутинная такъ о нихъ и говорила. Предметы политическіе,—говорить о которыхъ наша литература, какъ извѣстно, получила нѣкоторое право только очень еще недавно,—считались вообще чрезвычайно опасными: предполагалось, что занятія современной исторіей и политикой не могутъ принесть обществу ничего, кромѣ вреда, — потому что европейская жизнь считалась испорченной и представляющей только примѣры безразсуднаго вольнодумства и преступнаго своеволія. Единственная почти газета съ политическимъ отдѣломъ была знаменитая «Сѣверная Пчела»; она помѣщала статьи по политическимъ вопросамъ, и усердно проповѣдовала подобную точку зрѣнія: Россія и Европа, особенно Европа конституціонная, представляли рѣзкую противоположность — порядка и спокойствія съ одной стороны, буйства и своеволія съ другой; Россіи нечего было завидовать Западу, потому что мнимая цивилизація приводитъ Западъ только къ безбожію и революціямъ; намъ, напротивъ, слѣдуетъ всячески отъ него оберегаться, чтобы къ намъ не проникла его зараза. «Сѣверная Пчела» не находила словъ, чтобы выражать свое отвращеніе къ конституціямъ и насмѣхаться надъ ними: парламентскіе ораторы Франціи и Англіи были «крикуны», вольнодумцы, которыхъ слѣдовало просто усмирить полицейскими внушеніями. Революціонныя движенія 1830 и 1848 года только доставили привилегированной политической газетѣ поводъ къ новымъ взрывамъ благонамѣреннаго негодованія [1])... Правда, «Сѣверная Пчела» уже съ первыхъ

[1]) Каковы были взгляды нашихъ политическихъ газетъ (политическія свѣдѣнія кромѣ «Сѣв. Пчелы» помѣщались еще въ Спб. и Моск. «Вѣдомостяхъ», но особенно характеристичны были въ первой), можно достаточно увидѣть изъ любопытнаго ряда выписокъ, сдѣланныхъ въ статьѣ г. Антоновича при 8-мъ томѣ второго изданія «Исторіи Восемн. Столѣтія» Шлоссера, Спб. 1871.

поръ своего существованія стала пріобрѣтать свою извѣстную репутацію, которая, повидимому, должна еще украситься отъ историческихъ разоблаченій, уже начинающихъ появляться; но эта репутація, дѣлавшая ее предметомъ презрѣнія въ кругу образованнаго меньшинства, не мѣшала ей представлять собой цѣлый огромный слой русскаго общества, изъ средняго грамотнаго класса, чиновничества, дворянства, гостинодворской публики, военнаго сословія, даже высшаго, — которые удовлетворялись понятіями «Сѣверной Пчелы». Гречъ, который, говоря о своихъ связяхъ съ Булгаринымъ, самъ, какъ разсказываютъ, съ изумительной откровенностью сравнивалъ себя съ «каторжникомъ, таскающимъ за собой свое ядро»[1], — Гречъ и его сподвижникъ имѣли своего рода популярность, въ тѣ времена очень обширную.

Политическія отношенія этой пары и ея связи съ различными оффиціальными учрежденіями до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены; но извѣстно уже и теперь, что эти связи были довольно тѣсныя, какъ-бы дружескія. Одно оффиціальное учрежденіе прямо руководило политическими мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и одно время политическія извѣстія доставлялись въ газету готовыя изъ этого учрежденія[1].

«Сѣверная Пчела» имѣла, конечно, свои грязные элементы, которыхъ нельзя навязывать всѣмъ послѣдователямъ ея мнѣній, въ большинствѣ болѣе наивнымъ и незнающимъ, нежели злокачественно-лицемѣрнымъ; но она, безъ сомнѣнія, высказывала не свои только личныя мнѣнія, когда предавалась національному самохвальству и брани на Европу съ одной стороны и рабскому уничиженію съ другой. То же, или почти то же отсутствіе критики относительно нашего внутренняго положенія намъ случалось указывать и у людей совершенно иного нравственнаго достоинства, чѣмъ дѣятели «Сѣверной Пчелы».

Мы видѣли, что первая романтическая школа уже отличалась этимъ недостаткомъ общественной критики. Теперь эта школа дошла до своего послѣдняго предѣла. Главными ея чертами остались въ поэзіи—стремленіе къ (мнимой) свободѣ поэтическаго вдохновенія и творчества, своего рода Kraftgenialität, кончавшаяся только необузданностью фразы; въ понятіяхъ общественныхъ тотъ преувеличенный, или вѣрнѣе, извращенный патріотизмъ, который, по своему логическому достоинству, уходилъ мало дальше «Сѣверной Пчелы». Въ этомъ стилѣ писалъ Кукольникъ свои романтическо-

---

[1]) См. «Зарю», 1871, № 4.

[2]) См., напр., «Русскій Архивъ» 1869, стр. 1557—1558.

надутыя и хвастливо-патріотическія драмы; ихъ шумная популярность показываетъ, что онѣ приходились по вкусу и умственнымъ средствамъ большинства, которое удовлетворялось наборомъ громкихъ фразъ, находя въ немъ вдохновеніе, и апокрифической національной апотеозой, находя въ ней истинный патріотизмъ. Случай съ одной извѣстной его драмой показываетъ, что даже высшія оффиціальныя учрежденія,—которыя руководили политическими мнѣніями общества,—какъ-бы давали ей свою санкцію,—такъ что усумниться въ ней, какъ это сдѣлалъ Полевой, становилось преступленіемъ.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ у насъ вошелъ въ большую моду историческій романъ во вкусѣ Вальтера-Скотта; этотъ романъ отличался той же тенденціей, и за немногими только исключеніями, задавался не столько желаніемъ поднять и изобразить эпоху, сколько желаніемъ набрать побольше романтической эффектности и особенно представить русскія доблести. Наиболѣе популярнымъ романистомъ этого стиля былъ Загоскинъ; въ его романахъ нельзя, конечно, искать историческаго колорита, и хотя въ его сантиментальномъ прикрашиваньи стараго и новаго была искренность, которая миритъ съ нимъ и которая до сихъ поръ поддерживаетъ популярность этого писателя въ извѣстномъ кругѣ читателей,—но при всемъ томъ въ тенденціяхъ Загоскина было много и того, чтò называли тогда квасным патріотизмомъ, и консервативная нетерпимость дѣлала его человѣкомъ партіи. Любовь къ «своему русскому», «народному», къ сожалѣнію и тогда, какъ мы слишкомъ часто видимъ это теперь, служила подкладкой и предлогомъ для обскурантизма, у однихъ простодушнаго и происходившаго только отъ недостатка образованія, у другихъ сознательнаго и злостнаго. Не очень далеко отъ подобнаго обскурантизма стоялъ иногда и Загоскинъ. Въ такомъ же родѣ складывался входившій тогда въ моду «нравоописательный» романъ. Эти романы, имѣвшіе притязаніе изображать русскую жизнь, писались по извѣстному шаблону, какъ старинныя комедіи. Въ нихъ являлись дѣйствующія лица добродѣтельныя и порочныя, добродѣтель страдала, но въ концѣ концовъ награждалась, а порокъ наказывался,—въ результатѣ выводилось нравоученіе въ духѣ консервативной морали: въ неурядицахъ жизни виноваты были только людскіе пороки, все остальное было совершенно хорошо. Большинство этихъ романовъ были совершенно плохи, и если даже взять наиболѣе замѣчательныя произведенія этого разряда, написанныя еще внѣ вліяній Гоголя, мы найдемъ въ нихъ иногда самыя лучшія намѣренія (въ примѣръ укажемъ хоть Калашникова), но и совершенное неумѣнье

найти настоящую точку зрѣнія, и логическую, и художественную. За отсутствіемъ ея эти романы, и подобныя имъ произведенія той поры, оставались совершенно безплодны въ литературномъ движеніи: жизнь изображалась въ условномъ книжномъ стилѣ, съ выдуманными людьми, съ реторической добродѣтелью, съ обличеніемъ отвлеченныхъ пороковъ. Эта литература еще не знала общественной сатиры Гоголя; но она не воспользовалась и Грибоѣдовымъ.

Какіе литературные нравы складывались въ этомъ кругѣ, объ этомъ можно было читать въ различныхъ воспоминаніяхъ изъ этого времени. Назовемъ воспоминанія Греча, воспоминанія о Гречѣ другихъ лицъ, записки Глинки, воспоминанія И. И. Панаева. Эти кружки, въ которыхъ играли роль Гречъ и Булгаринъ, Сенковскій, Кукольникъ, гдѣ странно соприкасались литература и полиція, романтическій задоръ и восторженная благонамѣренность[1], были весьма характеристичны. Въ нихъ также не было никакого яснаго стремленія, какъ и въ массѣ общества; внѣшній видъ оживленія заставлялъ думать этихъ писателей, что ими держится литература, и что литература такова и должна быть, какъ они ее разумѣли; у нихъ не было ни малѣйшаго подозрѣнія о совершенномъ ничтожествѣ ихъ фразистой реторики и ихъ общественной философіи. За исключеніемъ двухъ-трехъ людей сомнительной репутаціи, которые играли роль въ этой литературѣ, дѣятели ея были вовсе не дурные люди: это были только люди, слѣдовавшіе за общимъ теченіемъ, не испытывавшіе, вмѣстѣ съ массой общества, никакихъ тревогъ сомнѣнія, и вполнѣ вѣрившіе въ господствующую систему. Наступившее движеніе вытѣснило эту литературу на задній планъ, откуда она уже не выходила и гдѣ она еще долго служила вкусамъ полуобразованной части общества.

Романтическая напыщенность, внѣшній блескъ и отсутствіе содержанія, непониманіе дѣйствительности, отличающія консервативную романтическую школу, любопытнымъ образомъ отражаются и въ тогдашнемъ искусствѣ, особенно въ томъ, которое болѣе замѣтнымъ образомъ было связано съ тенденціями времени и хотѣло въ своей сферѣ служить имъ. Прославленныя тогда картины Брюлова представляютъ много общаго съ романтическимъ «размахомъ» Кукольника. Въ то время поставлено было нѣсколько памятниковъ знаменитымъ русскимъ людямъ, и эти памятники отличаются замѣчательной неестественностью и от-

[1]) Въ порывѣ такой благонамѣренности Кукольникъ заявлялъ готовность «завтра быть акушеромъ, если прикажутъ». См. «Рус. Стар.» 1870, II, стр. 384.

сутствіемъ сознанія мѣста, времени и народа: таковъ Ломоносовъ, поставленный подъ полярнымъ кругомъ въ античной наготѣ, едва прикрываемый какой-то мантіей; такова фигура Кліо, поставленная въ губернскомъ городѣ для изображенія Карамзина. Натянутая торжественность и фальшивость этихъ произведеній бросалась въ глаза даже иностранцамъ [1]); понятно, что въ этихъ памятникахъ, повидимому удовлетворявшихъ тогдашнимъ оффиціальнымъ представленіямъ о народности, всего меньше было русскаго и народнаго.

Наиболѣе популярнымъ журналистомъ этой консервативной литературы былъ Сенковскій, писатель несомнѣнно со свѣдѣніями и талантомъ, но которому, несмотря на то, придется занять очень жалкое мѣсто въ исторіи этого времени. Сенковскій, на первое время, умѣлъ дать своему журналу интересъ для обыденной публики запасомъ легкаго чтенія и внѣшнимъ шутовскимъ остроуміемъ, но отсутствіе содержанія было такъ велико, что журналъ наконецъ упалъ до совершеннаго ничтожества. Сенковскій стоялъ совершенно внѣ интересовъ русской мысли; его насмѣшливость и остроуміе, въ сущности очень дешевое, которыми онъ такъ нравился извѣстной публикѣ, не имѣла никакой иной подкладки,— кромѣ полнаго равнодушія къ интересамъ русской литературы, а также чрезвычайнаго самолюбія и озлобленія за то, что живая литература прошла мимо его, оставила его въ сторонѣ и позади себя. Насмѣшки барона Брамбеуса направились вскорѣ и на тѣ произведенія нашей литературы, которыя являлись высшимъ пунктомъ ея развитія и лучшимъ ея пріобрѣтеніемъ, какъ, напр., произведенія Гоголя, которыхъ онъ умышленно или дѣйствительно не понималъ. Сенковскій сталъ вообще враждебно къ новому литературному движенію; онъ не признавалъ его и думалъ, что можетъ смѣяться надъ нимъ. Немудрено, что въ наше время критика отнеслась къ Сенковскому подозрительно и находила его дѣятельность двусмысленной. Въ самомъ дѣлѣ, когда явились Гоголь, критика Бѣлинскаго, «натуральная школа», то эти новыя направленія, очевидно затрогивавшія самую жизнь, съ одной стороны были не вполнѣ вразумительны людямъ господствующей школы, съ другой имъ инстинктивно и сильно не нравились, какъ что-то имъ не подчинявшееся, шедшее мимо установленныхъ традицій, задававшее какіе-то новые вопросы. Столько же не нравились они и людямъ, которые вели контроль надъ обще-

---

[1]) См., напримѣръ, нѣсколько отзывовъ объ этихъ и подобныхъ произведеніяхъ у Кюстина, Диксона и проч.

-ственнымъ мнѣніемъ. «Сѣверная Пчела» и журналы ея сорта всячески нападали на это новое движеніе; выходки Сенковскаго противъ него получали тотъ же смыслъ и, безъ сомнѣнія, должны были быть пріятны людямъ, не желавшимъ, чтобы въ литературѣ являлась какая-нибудь независимая мысль, какое-нибудь влiятельное направленіе. Смѣхотворство и шутовство Сенковскаго становилось рядомъ съ полицейскими доносами «Сѣверной Пчелы». Такъ его и понимала упомянутая позднѣйшая критика [1]), которая иногда не щадила никакихъ выраженій для характеристики общественной роли Сенковскаго, приписывая ему роль чисто полицейскую. Но пока относительно послѣдняго нѣтъ еще никакихъ основаній, и роль Сенковскаго объясняется, кажется, проще общими условіями литературы и личнымъ положеніемъ Сенковскаго. Условія, въ которыхъ составились литературные вкусы Сенковскаго, были слишкомъ неблагопріятны для серьезной литературы, и въ самомъ началѣ Сенковскій могъ выбрать свою дорогу именно подъ впечатлѣніями двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: соображенія личной безопасности и эгоизма отогнали отъ него всякую мысль о какой-либо пропагандѣ. Съ другой стороны, съ самаго начала онъ былъ значительно чуждъ литературному движенію. Онъ воспитался въ чужомъ обществѣ, и русскіе интересы не были его ближайшими интересами; повидимому, онъ даже не былъ вовсе ревностнымъ полякомъ, но и въ русскомъ обществѣ держался на сторожѣ. Быть можетъ, въ первое время и ученая дѣятельность, въ которой его ученики приписываютъ ему великія заслуги, занимала его настолько, что онъ не чувствовалъ особой любви къ литературѣ, какъ это бываетъ нерѣдко. По уму и образованію, или вѣрнѣе—начитанности, онъ стоялъ конечно выше всей своей тогдашней обстановки, и все это вмѣстѣ производило въ немъ то отношеніе къ русской литературѣ скептически и свысока, въ которомъ онъ наконецъ счелъ для себя позволительнымъ самое наглое шарлатанство: это отношеніе могло показаться ему сначала естественнымъ (оно имѣло успѣхъ), и онъ не могъ отказаться отъ него впослѣдствіи, и потому, что уступить и сойти со сцены было непріятно для его самолюбія, и потому, начавшееся движеніе уже

[1]) Мы считаемъ почти излишнимъ упоминать о другомъ мнѣніи, которое объясняетъ дѣятельность Сенковскаго, какъ еще одинъ лишній примѣръ «польской интриги». Этой интриги нигдѣ не видно, а напротивъ, оказывается (см. статью о тайныхъ обществахъ въ западномъ краѣ при имп. Александрѣ, въ «Зарѣ», 1871, кн. 5), что Сенковскій, относительно «польской интриги», добросовѣстно исполнялъ обязанности русскаго чиновника.

вскорѣ оказалось ему не по силамъ. По нашему мнѣнію, Сенковскій едва ли игралъ ту злостную роль, какую ему приписываютъ; это былъ просто тотъ литературный пустоцвѣтъ, который только и могъ вырости въ окружавшихъ его условіяхъ. Онъ принялъ эти условія, не задалъ себѣ никакого высшаго идеала, и кончилъ полнымъ ничтожествомъ. Повторяемъ: онъ кажется намъ только естественнымъ порожденіемъ своего времени, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, въ какія господствующая система ставила умственную жизнь, и отказаться отъ которыхъ у него не достало ни характера и чувства собственнаго достоинства, ни общественнаго интереса.

Наконецъ, господствующій тонъ понятій отразился и въ историческихъ представленіяхъ. Мы упомянемъ дальше, какъ новое движеніе вызвало особенное оживленіе историческихъ работъ; теперь мы упомянемъ только, какую исторію создавало себѣ то большинство, которое видѣло въ настоящемъ высшій пунктъ историческаго «преуспѣянія» и вполнѣ принимало весь объемъ и всѣ послѣдствія преданія. Та исторія, которая была тогда признана оффиціально, преподавалась въ школахъ, которой разрѣшено было довести разсказъ до новѣйшаго времени, — по своей основной мысли была отчасти продолженіемъ «Исторіи Государства Россійскаго», отчасти оригинальнымъ построеніемъ. Съ Карамзинымъ новая оффиціальная исторія расходилась напр. во взглядѣ на Петра Великаго и реформу; Карамзинъ не любилъ ихъ, — она видѣла въ Петрѣ величайшаго изъ русскихъ государей. Она расходилась также съ Карамзинымъ во взглядѣ на Новгородъ, на Литовскую Русь. Затѣмъ основные пункты Карамзина повторялись. Русская исторія не представляла столько разнообразія и блеска, какъ исторія западная; но она богата мудрыми государями, славными подвигами, высокими добродѣтелями. Исторія самодержавія начинается съ Рюрика; прерванное или ослабленное прискорбными междоусобіями удѣльнаго періода (представляющаго дѣленіе Россіи между князьями одного дома, вслѣдствіе дурного понятія о престолонаслѣдіи), оно должно было пасть подъ татарскимъ нашествіемъ, но возстало вновь подъ мудрой политикой великихъ князей и царей московскихъ. Принявъ христіанство изъ Византіи, Россія получила второе изъ своихъ основныхъ и незыблемыхъ началъ—православіе, которое разъ навсегда установило въ ней истинное просвѣщеніе. Съ древнѣйшихъ временъ мудрые іерархи и учители церкви поддерживали чистоту этого просвѣщенія, которое въ этомъ видѣ дошло и до нашего времени и, доставляя намъ твердыя правила вѣры и нравствен-

ности, устраняло отъ насъ всѣ зловредныя ученія, въ какія ввергался не имѣвшій этой нити Западъ. Третье основное начало русской жизни, народность, являлась какъ плодъ новѣйшаго времени и новѣйшаго правленія: съ Петра Великаго Россія должна была многое заимствовать изъ Европы; вовлекаемая въ европейскія дѣла, заимствовала европейскіе нравы, а также и нѣкоторыя заблужденія — новое время возвращаетъ ее къ истиннымъ началамъ русской народности. Съ водвореніемъ ихъ русская жизнь наконецъ устанавливается на истинной стезѣ преуспѣянія, и Россія, усвоивая себѣ знанія безъ самомнѣнія лжеименнаго разума и плоды цивилизаціи безъ ея заблужденій, можетъ гордиться предъ Европой.

Исторія Россіи представляла только постепенное стремленіе къ этому блаженному настоящему, разрѣшавшему всѣ вопросы. Принципы были даны съ самаго начала совершенно готовые, а внутренняя исторія какъ будто состояла только въ рядѣ мѣропріятій, которыя власть употребляла для ихъ утвержденія. Историки не видѣли другихъ элементовъ историческаго развитія, не видѣли и тѣни той борьбы въ самыхъ народныхъ массахъ, тѣхъ разнообразныхъ явленій внутренней жизни, изслѣдованіе которыхъ представляетъ теперь особенную привлекательность для историковъ. Народъ, напротивъ, представлялся страдательной массой, предметомъ правительственныхъ распоряженій, не имѣвшимъ ни голоса, ни собственнаго разсужденія. Однимъ словомъ, историки переносили въ прошедшее свои представленія о настоящемъ; ихъ исторія дѣлалась не только исторіей государства, какъ было у Карамзина, но просто исторіей правительства. Народная масса была груба и невѣжественна,—ей дали государство и просвѣтили ее христіанствомъ, привели въ порядокъ ея гражданскую жизнь, дали ей законы и т. д. Правда, были волненія и мятежи, но они происходили только отъ необузданныхъ страстей и невѣжества, и власть, въ концѣ концовъ, усмиряла ихъ и возстановляла порядокъ; были бѣдствія, были жестокости правителей, но народъ «умѣлъ» сносить ихъ «безропотно». Въ числѣ мудрыхъ мѣръ приводилось и закрѣпощеніе крестьянства...

Мы упомянули, что историки этой категоріи брались изображать и настоящее. Можно себѣ представить, что это былъ постоянный и слишкомъ неумѣренный панегирикъ, историческая амплификація извѣстной темы, что все обстоитъ благополучно, и что граждане благословляютъ свою судьбу. Людямъ разсудительнымъ и тогда странно было читать эти вещи; еще страннѣе было читать ихъ впослѣдствіи, когда теченіе событій совершенно

опровергнуло панегирикъ: неумѣренныя восхваленія иногда становились похожи на иронію....

Въ дополненіе къ этой исторіи являлись труды, менѣе проникнутые оффиціальностью, но не менѣе отличавшіеся восхваленіемъ русской старины, отрицаніемъ Европы и низкопоклоннымъ превознесеніемъ настоящаго. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ такой исторіи можетъ служить «Исторія русской словесности, преимущественно древней» Шевырева, и другія произведенія этого писателя, представлявшаго, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, особую школу, которой не надо смѣшивать съ славянофильствомъ (хотя между ними было все-таки много общаго). Стиль Шевырева, отличавшійся елейнымъ краснорѣчіемъ, соотвѣтствовалъ содержанію его немудреной теоріи, — находившей въ древней Руси всѣ нравственные идеалы: онъ опять переносилъ въ прошедшее тѣ понятія и нравы, какими онъ жилъ въ настоящемъ, и не будучи въ состояніи представить себѣ иныхъ формъ жизни и иныхъ идеаловъ, Шевыревъ прямо выставилъ высшимъ идеаломъ не только личнымъ, но и гражданскимъ, добродѣтель «смиренія»; смыслъ прошедшей исторіи и задачу будущей онъ видѣлъ для русскаго народа въ «приниженіи личности».

Мы ограничимся этими примѣрами, чтобы показать, какія черты принимала литература, выроставшая изъ тогдашняго положенія вещей, изъ господствующихъ понятій и нравовъ. Эта литература была, съ одной стороны, продолженіемъ консервативнаго романтизма, съ другой, примѣненіемъ оффиціальной народности; вообще это была литература неподвижности и застоя, отличавшихъ огромное большинство общества. Она не предполагала и возможности другого порядка идей, другого теченія жизни, чѣмъ тѣ, которые видѣла господствующими, не предполагала никакой возможности сомнѣнія; сурово опекаемая и связанная, она не имѣла даже сознанія своего положенія, полагала, что иначе быть не можетъ и не должно, и наконецъ завершалась мрачнымъ фанатическимъ обскурантизмомъ «Маяка», или выдумывала свои жалкія теоріи, чтобы мнимо-научнымъ образомъ (потому что изъ европейской литературы узнала о существованіи научныхъ пріемовъ и требованій) оправдать свое существованіе, и возводила въ принципъ — отсутствіе всякой личной и общественной свободы и самодѣятельности.

Нетрудно видѣть, каково могло быть, въ этомъ порядкѣ вещей, положеніе той части литературы, которая продолжала прежнее прогрессивное движеніе. Въ указанномъ сейчасъ хорѣ консервативныхъ голосовъ не было мѣста ея стремленіямъ, какъ не было имъ отголоска и основанія въ настроеніи огромнаго большинства общества. Она вскорѣ же выдѣлилась особыми группами писателей изъ общей массы и, скоро замѣченная своимъ тѣснымъ кругомъ читателей, не ускользнула и отъ вниманія учрежденій, которымъ принадлежалъ контроль надъ печатью и общественнымъ мнѣніемъ. На первыхъ же порахъ она была отмѣчена какъ либеральная и подпала всѣмъ тяжелымъ стѣсненіямъ, какимъ подвергается мысль, нѣсколько выходящая изъ общей рутины, въ обществѣ, большинство котораго не ощущаетъ никакой умственной потребности. Цензурный гнетъ былъ тѣмъ тяжеле, чѣмъ больше было разстояніе понятій съ обѣихъ сторонъ. Это разстояніе было очень большое: цензура представляла крайнюю нетерпимость и подозрительность принятыхъ понятій, въ новыхъ литературныхъ направленіяхъ стремился высказаться разрывъ съ этими понятіями, съ котораго только и могло начаться распространеніе новыхъ воззрѣній въ обществѣ. Въ этомъ противорѣчіи литература была совершенно безправна: случалось, что и цензурное одобреніе не спасало отъ гоненія со стороны высшихъ учрежденій — уничтожались самыя изданія, съ наказаніемъ и издателей и цензоровъ. Положеніе писателя было, въ подобныхъ случаяхъ, совершенно безпомощное: писатель не только терялъ въ журналѣ свою собственность, и испытывалъ тяжелое насиліе надъ своимъ умственнымъ трудомъ: онъ совсѣмъ терялъ почву подъ ногами, потому что весь образъ его мыслей оказывался недозволительнымъ, стоящимъ внѣ закона; въ обществѣ онъ являлся человѣкомъ заподозрѣннымъ. Эти стѣсненія, обыкновенно сопровождающія цензуру, были у насъ тѣмъ тяжеле, что падали на незначительное меньшинство, лишенное опоры въ обществѣ, еще не привыкшемъ давать мѣсто критикѣ и различію мнѣній. Подобныя условія крайне стѣсняли дѣятельность литературы, съуживали ея размѣры и результаты, изъ дѣла, быть можетъ, крупнаго дѣлали мелкое; въ цѣломъ работа литературы затруднялась, дѣлалась отрывочной, случайной, умственное развитіе общества шло съ тѣми скачками, умолчаніями, неясностями, поспѣшными порывами, которые до сихъ поръ къ сожалѣнію отражаются въ нашей жизни и дѣлаютъ наши общественныя понятія въ большинствѣ столько шаткими, непрочными, недодуманными и случайными.

Нужно помнить объ этихъ условіяхъ, чтобы, въ должной степени, оцѣнить трудъ тѣхъ немногихъ писателей, которые, въ теченіе описываемыхъ десятилѣтій, достойнымъ образомъ представляли истинные интересы общественнаго развитія. Этотъ трудъ внушаетъ къ себѣ истинное уваженіе. Люди, его исполнявшіе, были предоставлены своимъ личнымъ нравственнымъ силамъ въ обществѣ, масса котораго даже не понимала ихъ усилій, подъ тяжелымъ недовѣріемъ и подозрѣніями, подъ опасностью личнаго спокойствія. Не надо также удивляться, что эта обстановка отражалась неблагопріятными вліяніями на самомъ ходѣ умственной работы. Вслѣдствіе того, что это новое содержаніе, которое стремилась выработать литература, очень часто было болѣе или менѣе запретнымъ плодомъ, что наука проникала къ намъ и распространялась только отрывками, новое движеніе литературы нерѣдко впадало въ односторонности, увлеченія, иногда нѣсколько фантастическія: иначе и быть не могло, потому что ни одна мысль не могла быть договорена до конца, ни одна не достигала всесторонняго обсужденія. Мы знаемъ и теперь эту непривычку къ критикѣ; но должно сказать, что нынѣшнее положеніе литературы не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ прежнимъ.

Въ виду этихъ условій, дѣятельность тогдашней прогрессивной литературы представляется гораздо болѣе значительной, чѣмъ вообще думаютъ. При всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, она поддержала интересъ свободнаго изслѣдованія и общественной критики; опираясь на силы небольшого числа избранныхъ умовъ, она стала лучшимъ выраженіемъ умственнаго движенія и лучшимъ задаткомъ его будущаго.

Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, что литература этихъ десятилѣтій продолжала трудъ и расширила задачи, поставленныя людьми двадцатыхъ годовъ. Обстоятельства, а вмѣстѣ и самая сущность дѣла сообщили этой литературѣ иной характеръ, чѣмъ тотъ, какой имѣли стремленія двадцатыхъ годовъ. Она совершенно покидаетъ политическіе вопросы, не только потому, что они были закрыты для нея внѣшнимъ образомъ, но и по своей доброй волѣ: она сохранила все почтеніе къ предшественникамъ, но чувствовала, что поставленные ими вопросы еще не по силамъ русскому обществу, что они сами по себѣ еще недостаточно выяснены, что имъ должна предшествовать приготовительная работа, большее развитіе понятій и общественнаго сознанія. Поэтому, хотя литература и отступила въ сторону отъ замѣченныхъ прежде путей, но, въ концѣ концовъ, она глубже

вникаетъ въ существенную сторону дѣла: въ изученіе русскаго общества, его историческихъ и настоящихъ отношеній, его умственныхъ и общественныхъ потребностей.

Несмотря на то, что такимъ образомъ она стояла внѣ собственно политическихъ и общественныхъ вопросовъ, въ ея философскомъ, историческомъ, поэтическомъ содержаніи сказывалась очень ясная общественная тенденція: ея отношеніе къ господствующимъ понятіямъ и порядкамъ было существенно отрицательное. Ея отвлеченныя представленія, ея идеалы слишкомъ мало вязались съ той дѣйствительностью, какую представляла русская жизнь. Для этой литературы не могла остаться скрытой несостоятельность указанной выше системы оффиціальной народности. Благодаря теоретическимъ изученіямъ и внутреннимъ инстинктамъ, для этой литературы открывались иныя перспективы, которымъ она не могла не отдать предпочтенія: въ настоящемъ, она не могла примириться съ тѣсными рамками, которыя отводимы были для національныхъ силъ; въ исторіи она начинала открывать народные элементы, которыхъ не видѣла и не признавала система, и которымъ очевидно должна была предстоять своя будущность. Не примиряясь съ теоретическимъ смысломъ системы, эта литература еще меньше могла признать нормальность и цѣлесообразность ея практическихъ примѣненій. Разъ получивши интересъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ, познакомившись болѣе серьезно, чѣмъ то бывало прежде, съ содержаніемъ и исторіей европейскаго просвѣщенія, эта литература не могла не взглянуть съ болѣе широкой точки зрѣнія и болѣе искренно на явленія русской дѣйствительности. Ставя уже теперь вопросъ о народномъ благѣ и развитіи своимъ основнымъ интересомъ, литература, изъ своего теоретическаго удаленія, больше и больше подходила къ народной жизни, которая и стала исходнымъ пунктомъ ея стремленій: одни идеально возвеличивали народъ, думая въ этой философской, исторической и поэтической идеализаціи его открыть пути его возрожденія; другіе искали тѣхъ же самыхъ путей въ критическомъ анализѣ дѣйствительности, въ сознаніи слабыхъ сторонъ народа въ его прошедшемъ и настоящемъ, находя въ этомъ сознаніи первый шагъ его дѣйствительнаго совершеннолѣтія.

Въ томъ и другомъ смыслѣ и направленіи эта литература оказала свои большія заслуги. Ея труды стоили ей много борьбы; она далеко не была въ состояніи сказать всего, что̀ думала, но и тѣмъ, что̀ было сказано, она успѣла ввести въ обращеніе много разумныхъ и благотворныхъ понятій. Высокимъ требованіямъ,

какія она теоретически ставила для національной жизни, высокимъ идеаламъ и цѣлямъ, какія ставила она для серьезныхъ умовъ, мы обязаны многими изъ тѣхъ лучшихъ общественныхъ понятій, какія въ наше время начинаютъ бросать корень въ обществѣ, — и многими изъ тѣхъ общественныхъ преобразованій, для которыхъ нынѣшнее царствованіе нашло въ обществѣ и глубокое сочувствіе и исполнителей.

То время было нравственнымъ приготовленіемъ къ современной преобразовательной эпохѣ. Въ періодъ крымской войны,— о которомъ мы столько разъ вспоминали, и который принесъ такъ много разочарованій, разрушилъ такъ много самообольщеній,— люди, воспитавшіеся подъ вліяніемъ этой литературы, не падали духомъ: они получали твердую увѣренность, что паденіе старыхъ упорныхъ заблужденій и самообольщеній будетъ первымъ началомъ нашего общественнаго возрожденія. Наше время, конечно, ушло значительно съ тѣхъ поръ; въ вопросахъ настоящаго оно во многомъ разошлось съ оставшимися представителями той эпохи,—но въ началѣ настоящаго періода, лучшіе люди современной литературы начали съ полнаго, можно сказать, благодарнаго признанія заслуги дѣятелей того времени, какъ своихъ предшественниковъ и учителей.

А. Пыпинъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ.

1860—1870 гг.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ*).

ЗЕМСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

I.

Въ ряду административныхъ реформъ, послѣ крестьянскаго положенія, важнѣйшее мѣсто занимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Въ особенности оно имѣетъ такое значеніе вслѣдствіе тѣхъ надеждъ, которыя оно возбудило при своемъ появленіи какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Конечно, весьма естественно, что общество, до сихъ поръ не имѣвшее въ своемъ распоряженіи никакихъ общественныхъ интересовъ, увлеклось и, недостаточно вникнувъ въ тѣ права и обязанности, которыя создавались для него новымъ закономъ, возложило на него преувеличенныя надежды, вообразивъ, что теперь оно будетъ въ состояніи сдѣлать многое. Такое настроеніе общества объясняется очень просто непривычкою вникать въ сущность государственныхъ учрежденій и понимать ихъ взаимныя отношенія. Но намъ кажется довольно страннымъ, почему наша печать отнеслась къ этому закону съ тѣмъ же легкомысліемъ, какъ и общество. Повидимому, печать могла бы отнестись къ дѣлу нѣсколько серьезнѣе. Она имѣла въ виду и историческіе примѣры, и научную разработку вопросовъ о государственномъ управленіи, и наше прежнее законодательство о земскихъ учрежденіяхъ, и тѣ начала, которыя были положены въ основу крестьянскаго и земскаго Положеній, начала, которыя не совсѣмъ сходились между собою, и на-

*) См. выше: февр. 778; март. 832; апр. 771; май 386; іюнь 812; іюль 346.

конецъ наши нравы и обычаи въ сферахъ какъ оффиціальной, такъ и неоффиціальной. Все это могло дать нашей литературѣ возможность сдѣлать этому закону вполнѣ безпристрастную и основательную оцѣнку и опредѣлить его дѣйствительное значеніе въ жизни. Между тѣмъ, вмѣсто такого серьезнаго критическаго отношенія къ дѣлу, въ нашей печати мы видѣли тѣже преувеличенныя надежды, какъ и въ обществѣ. Вмѣсто того, чтобы указать обществу на ошибочность его заключенія, наша печать поддерживала его. Такого отношенія къ дѣлу мы себѣ никакъ объяснить не можемъ. Хотя цензура тогда еще существовала, но правила, которыми она руководилась, были не настолько строги, чтобъ вполнѣ исключать всякое критическое отношеніе къ законодательству. Намъ случалось иногда слышать замѣчанія, что нельзя было указывать недостатковъ новаго закона на томъ основаніи, чтобы на первыхъ порахъ не возбудить неудовольствія правительственныхъ лицъ и тѣмъ не остановить первыхъ либеральныхъ начинаній въ дѣлѣ реформъ. Мы, конечно, не знаемъ и не можемъ рѣшать вопроса: насколько были правы тѣ люди, которые разсуждали такимъ образомъ; но намъ всегда казалось страннымъ подобное заключеніе. Неужели, думали мы, правительственныя лица, приступая къ измѣненію отжившаго порядка вещей, не настолько убѣдились въ необходимости этого измѣненія, что нуждаются въ какихъ-то одобрительныхъ отзывахъ со стороны литературы, чтобъ продолжать свою реформаторскую дѣятельность? Вѣдь государственные люди не дѣти, для которыхъ такія поощренія необходимы. Подобный взглядъ на отношенія печати къ законодательной дѣятельности нашихъ правительственныхъ лицъ намъ всегда казался ошибочнымъ, и былъ слѣдствіемъ недоразумѣній. Къ сожалѣнію эти недоразумѣнія у насъ играютъ весьма видную роль. Вслѣдствіе недоразумѣній является очень прискорбное недовѣріе къ обществу и представительницѣ его литературѣ; это недовѣріе, въ свою очередь, вызываетъ въ печати и обществѣ недостатокъ искренности и прямоты. Съ одной стороны люди самостоятельныхъ мнѣній заподозрѣваются въ политической неблагонадежности,—съ другой является непонятная робость высказывать свои мнѣнія честно и откровенно. Мы же думаемъ напротивъ, что безпристрастная критическая оцѣнка нашей законодательной дѣятельности не можетъ вызвать неудовольствія правительственныхъ лицъ уже потому, что самый законъ допускаетъ ее, разумѣется въ приличныхъ выраженіяхъ. Еслибы печать въ свое время и съ самаго начала не стѣснялась подобными недоразумѣніями, а прямо и откровенно выставила слабыя стороны Положенія, то очень вѣроятно она предупредила бы много увлеченій, а слѣдовательно и разочарованій. Сверхъ того, она предупредила бы и много упрековъ, которые сыплются вовсе несправедливо на головы земскихъ дѣятелей. Всякое новое дѣло и безъ то-

го влечетъ за собой много ошибокъ, за которыя новые дѣятели несутъ отвѣтственность, а потому не мѣшало бы ихъ оградить отъ той, которая на нихъ возлагается совершенно напрасно, только потому, что слабыя стороны Положенія несовершенно ясны для общества.

Сколько мы можемъ припомнить, наша печать очень внимательно слѣдила за дѣятельностью земскихъ собраній и управъ, обсуждала возникавшіе въ нихъ вопросы и разрѣшеніе ихъ какъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и со стороны правительствующаго сената; она разсматривала также и тѣ законоположенія, которыми были ограничены впослѣдствіи права земскихъ учрежденій, но мы не помнимъ, чтобы самое Положеніе подвергалось критическому разбору. Между тѣмъ, намъ кажется, что такой разборъ Положенія и сравненіе его съ тѣмъ, что̀ выработала наука и жизнь народовъ, опередившихъ насъ въ своемъ развитіи, объяснили бы намъ многія явленія изъ земской жизни, почти непонятныя до сихъ поръ, и указали бы вѣрный путь къ устройству у насъ самоуправленія въ будущемъ. Мы говоримъ въ будущемъ потому, что не можемъ признать за настоящими земскими учрежденіями того значенія, которое образованный міръ придаетъ понятію самоуправленія.

Вотъ этотъ-то пробѣлъ въ нашей литературѣ намъ и желательно бы было пополнить; но, прежде, нежели мы приступимъ къ этому, намъ необходимо взглянуть, въ какомъ положеніи находилось наше земское дѣло до изданія Положенія.

Въ былыя времена очень многіе расходы государства, за неимѣніемъ у правительства денежныхъ средствъ, удовлетворялись натуральной повинностью. Съ развитіемъ государственной жизни подобный порядокъ удовлетворенія, по своей неравномѣрности и затруднительности дѣлался неудобнымъ какъ для правительства, такъ и для подданныхъ, а потому эти натуральныя повинности отчасти переходили въ денежныя, или по распоряженію правительства, или по желанію самихъ жителей. До 1805 года въ этихъ сборахъ господствуетъ полнѣйшій безпорядокъ, что̀ и засвидѣтельствовано указомъ этого года мая 2 дня. Для устраненія этихъ безпорядковъ повелѣно по каждой губерніи губернатору, вице-губернатору и губернскому предводителю составлять смѣты всѣхъ потребныхъ издержекъ, утвержденныхъ закономъ; раскладку же по этимъ смѣтамъ на каждые три года предоставлено дѣлать депутатамъ дворянства. Въ 1811 году, указомъ іюня 25-го установлено, чтобъ составленная смѣта была разсматриваема въ собраніи депутатовъ дворянства и городовъ, и каждое трехлѣтіе представлялся бы отчетъ дворянскому собранію въ употребленіи суммъ. Такимъ образомъ, возникаетъ право мѣстнаго общества контролировать дѣйствія администраціи. Къ сожалѣнію, тогдашнее общество не

замѣтило этого права и оно осталось до послѣдняго времени только въ законодательствѣ, не переходя въ практику.

Съ развитіемъ государственной жизни возникали новыя потребности и многія изъ нихъ относились на земскій сборъ, такъ что сборъ этотъ дѣлается довольно чувствительнымъ. Главнѣйшія изъ денежныхъ повинностей идутъ на удовлетвореніе: а) воинскихъ потребностей, какъ-то на наемъ, отопленіе и освѣщеніе воинскихъ помѣщеній, наемъ пастбищныхъ мѣстъ и лагерныя потребности; б) на содержаніе почтовыхъ лошадей; в) на содержаніе этапныхъ станцій; г) на устройство дорогъ, мостовъ и перевозовъ и т. д. Но такъ какъ расположеніе войскъ было не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одни почтовые и этапные тракты требовали большихъ издержекъ, другіе меньшихъ, то понятно, что земскіе сборы были въ разныхъ губерніяхъ не одинаковы. Пока суммы эти не возрасли значительно, то и разница эта была не весьма обременительна, но въ концѣ сороковыхъ годовъ значительное возвышеніе земскаго сбора, въ особенности вблизи столицъ, вызвало необходимость уравненія платежей. Поэтому въ 1851-мъ году изданъ былъ новый уставъ о земскихъ повинностяхъ, на основаніи котораго послѣднія раздѣлены на государственныя и губернскія. Губернскимъ комитетамъ (состоявшимъ изъ управляющихъ отдѣльными частями въ губерніи, предводителей дворянства и депутатовъ отъ дворянства и городовъ) предоставлено было по государственной повинности составленіе лишь смѣты издержекъ, раскладка же этого сбора для большей равномѣрности въ платежахъ производилась въ министерствѣ по цѣлой имперіи. По губернскому же сбору комитетамъ предоставлено какъ составленіе смѣтъ, такъ и раскладка ихъ на земли, гильдейскія свидѣтельства и податныя ревизскія души въ губерніяхъ. Повидимому, для достиженія равномѣрности распредѣленія сбора слѣдовало бы причислить къ государственнымъ повинностямъ лишь тѣ, которыя существуютъ только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и тѣ, которыя значительно разнятся по суммѣ издержекъ въ различныхъ мѣстностяхъ; расходы же общіе всѣмъ губерніямъ оставить въ числѣ губернскихъ повинностей. Между тѣмъ изъ сличенія статьи 12 и 13 устава о земскихъ повинностяхъ, въ которыхъ исчисляются роды и виды какъ тѣхъ, такъ и другихъ повинностей, мы видимъ, что такому правилу вовсе не слѣдовали составители устава; напротивъ, нѣкоторые общіе расходы причислены къ государственной повинности, другіе къ губернской, и наоборотъ, нѣкоторыя повинности, существующія только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, оставлены въ числѣ губернскихъ. Такъ, напримѣръ, содержаніе земской полиціи отнесено къ государственной повинности, хотя эти издержки почти одинаковы вездѣ; а напротивъ мѣры по пресѣченію конокрадства или сибирской язвы на бичевникахъ, существующія только въ нѣкоторыхъ

губерніяхъ, причислены къ губернской повинности. Намъ кажется, что составители устава причисляли къ государственнымъ повинностямъ наиболѣе крупныя статьи расхода, менѣе же значительныя оставляли въ числѣ губернскихъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ статей, а попросимъ читателя обратиться къ перечню въ ст. 12 и 13 устава земскихъ повинностей. Этотъ перечень вполнѣ подтвердитъ наше мнѣніе въ этомъ случаѣ. Такой ошибочный взглядъ составителей устава вызвалъ два неблагопріятныхъ послѣдствія: стремленіе, въ средѣ губернскихъ комитетовъ, къ расширенію смѣтъ на государственный земскій сборъ и неуравнительность въ губернскомъ земскомъ сборѣ. О первомъ мы говорили въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы"; чтожъ касается послѣдней, то въ доказательство мы можемъ представить, что до введенія земскихъ учрежденій, напр., въ Саратовской губерніи всѣ расходы, упадавшіе на губернскій сборъ, покрывались платою съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и сборомъ съ десятины 1 и $1^1/_2$ коп., тогда какъ въ Тверской, за исключеніемъ гильдейскаго и подесятиннаго сбора, упадало этихъ расходовъ отъ 7 до 8 коп. на душу. Вслѣдствіе такого дѣленія земскихъ повинностей главная масса издержекъ была отнесена къ государственному сбору, такъ что въ общей сложности, губернскій сборъ не превышалъ $^1/_{10}$ государственнаго. Мы нарочно вошли въ эти подробности, чтобы указать то, что́ впослѣдствіи поступило въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и то не вполнѣ,—такъ какъ только часть губернскаго земскаго сбора передана въ распоряженіе ихъ.

Независимо отъ составленія смѣтъ и раскладокъ, мѣстное общество имѣло право повѣрять отчетность какъ по государственному, такъ и по губернскому земскому сбору въ періодическихъ собраніяхъ дворянства. Съ этой цѣлію для подробной повѣрки передъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства составлялась коммиссія изъ депутатовъ дворянства и городовъ, которые и представляли свой докладъ собранію. Въ случаѣ найденныхъ безпорядковъ или злоупотребленій дворянскія собранія могли представлять объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ одной изъ нашихъ предыдущихъ статей мы указывали, что всѣ эти права не имѣли практическаго значенія вслѣдствіе того приниженнаго положенія, въ которомъ находилось наше общество по отношенію къ администраціи, что́ являлось слѣдствіемъ общаго порядка государственнаго управленія и недостатка образованія въ средѣ мѣстнаго дворянства. Но, съ устраненіемъ этихъ недостатковъ и съ перенесеніемъ этихъ правъ въ среду общесословныхъ собраній, они могли бы сдѣлать многое и послужить зачатками того контроля, который общество, по необходимости, должно имѣть надъ дѣйствіями администраціи и который признавался полезнымъ со стороны нашего законодательства за весь періодъ времени отъ 1805 до 1864 года.

II.

Послѣ этого краткаго указанія, въ какомъ положеніи было земское дѣло до изданія новаго закона, мы перейдемъ къ его разсмотрѣнію.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, въ пунктѣ XI статьи 2-й, постановляетъ, что вѣдѣнію земскихъ учрежденій подлежитъ распоряженіе мѣстными сборами губерніи и уѣзда. Казалось бы, что на этомъ основаніи слѣдовало подвергнуть строгому разбору повинности, отнесенныя къ государственнымъ, и опредѣлить, нѣтъ ли между ними такихъ, которыя относятся къ мѣстнымъ, для передачи ихъ совершенно въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій; тѣ же, которыя расходуются на мѣстѣ не въ полной цифрѣ сбора и которыя поэтому должны оставаться въ числѣ государственныхъ, предоставить земству расходовать въ той цифрѣ, которая заносится въ смѣты губерніи, для расхода внутри этой губерніи. Что же касается губернскихъ повинностей, то ихъ слѣдовало передать всѣ безъ исключенія. Такое распоряженіе соотвѣтствовало бы вполнѣ какъ смыслу вышеприведеннаго пункта, такъ и смыслу VII и IX пунктовъ той же статьи, на основаніи которыхъ къ обязанностямъ земства отнесены попеченіе о тюрьмахъ и исполненіе потребностей воинскаго и гражданскаго управленія, а также почтовой повинности, т.-е. содержаніе почтовыхъ лошадей. Казалось бы, что правительство, убѣдясь въ несостоятельности казеннаго управленія по устройству почтовыхъ и торговыхъ путей сообщенія, больницъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, и учреждая особые органы для завѣдыванія хозяйственными дѣлами этого рода, какъ сказано въ 1-й статьѣ Положенія, — должно бы воспользоваться ими для того, чтобъ избавить себя отъ тѣхъ именно обязанностей, которыя всего труднѣе исполнить казенному управленію. Извѣстно, что всѣ операціонные расходы по заготовкѣ различныхъ матеріаловъ и по производству работъ обходятся правительству вдвое и втрое дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ или обществамъ. Къ тому же ясно, что расходы, напр., на заготовленіе отопленія и освѣщенія воинскихъ помѣщеній, на содержаніе почтовыхъ или этапныхъ станцій суть дѣла чисто хозяйственныя и притомъ близко касающіяся мѣстнаго земства. Несмотря однакожъ на всѣ эти обстоятельства, Временныя правила для земскихъ учрежденій, которыя опредѣляютъ подробно то, что переходитъ въ вѣдѣніе новыхъ учрежденій, значительно ограничиваютъ этотъ кругъ дѣятельности. Составители Временныхъ правилъ, повидимому, совершенно разошлись въ своихъ взглядахъ съ составителями самаго Положенія, такъ какъ между ними встрѣчается явное противорѣчіе. Конечно, намъ могутъ сказать, что это не противорѣчіе, что это только временное неполное примѣненіе на практикѣ общаго закона, что, такимъ образомъ, законъ оставляетъ за собой право расши-

рить впослѣдствіи предѣлы вѣдомства земскихъ учрежденій. Но, намъ кажется, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, что законъ всегда можетъ расширять предѣлы вѣдомства органовъ, имъ создаваемыхъ, и не нуждается въ томъ, чтобы заручаться этимъ правомъ впередъ; напротивъ мы думаемъ, что политика, которая создаетъ извѣстныя права общимъ закономъ и ограничиваетъ ихъ частнымъ, можетъ вызвать очень неблагопріятныя послѣдствія. Намъ кажется, что приведенное нами возраженіе вовсе не имѣлось въ виду. Гораздо скорѣе допустить, что это противорѣчіе произошло или вслѣдствіе разности мнѣній тѣхъ лицъ, которыя составляли Положеніе и Временныя правила, или вслѣдствіе недосмотра въ редакціи, такъ какъ механизмъ для опредѣленія тѣхъ повинностей, которыя, на основаніи Временныхъ правилъ, переходятъ въ вѣдѣніе земства, довольно сложенъ. На основаніи Положенія можно было думать, что всѣ мѣстныя повинности и нѣкоторыя государственныя переходятъ въ вѣдѣніе земства, такъ какъ здѣсь, въ этомъ отношеніи, не только не сдѣлано никакихъ оговорокъ, но и указаны нѣкоторыя изъ государственныхъ повинностей, какъ подлежащія передачѣ; но на основаніи Временныхъ правилъ это оказывается не такъ: всѣ государственныя повинности [1]) изъяты изъ вѣдѣнія земства (ст. 4 Временныхъ пр.). Кромѣ того въ статьѣ 3 Врем. правилъ сказано, что въ особомъ росписаніи, приложенномъ къ этой статьѣ, указано, какія повинности относятся къ разряду тѣхъ и другихъ. Въ этомъ же особомъ росписаніи въ ст. 2 § 1-го сказано, что къ потребностямъ государственнымъ относятся также всѣ тѣ повинности, которыя не поименованы въ числѣ земскихъ (губернскихъ и уѣздныхъ). Такимъ образомъ въ законѣ нѣтъ прямого, а есть только косвенное указаніе, какія потребности, которыя прежде относились къ губернскимъ, по новому порядку исключаются изъ вѣдѣнія земства и притомъ въ противорѣчіе съ правилами ст. 2 Положенія. Слѣдовательно, для того, чтобы опредѣлить, что̀ изъято и что̀ оставлено въ распоряженіи новыхъ учрежденій, необходимо сличить 13 ст. устава о земскихъ повинностяхъ не съ самымъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, а съ § II особаго росписанія, приложеннаго къ 3-й статьѣ Временныхъ правилъ. Изъ этого сличенія оказывается, что исключены расходы на удовлетвореніе квартирныхъ и лагерныхъ потребностей мѣстныхъ войскъ, расходы тюремные, производимые по недостатку городскихъ доходовъ, расходы на содержаніе и отопленіе губернаторскихъ домовъ и расходы на содержаніе этапныхъ станцій на внутреннихъ дорогахъ губерніи до соединенія ихъ съ главными путями (ст. 12, § IV, пункт. а, примѣч.). Всѣ эти расходы составляли

---

[1]) Кромѣ содержанія слѣдственныхъ приставовъ для пресѣченія конокрадства, что̀ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и расходъ этотъ ничтоженъ.

значительную часть, доходившую до половины губернскаго сбора. Затѣмъ во II § росписанія, приложеннаго къ 3-й статьѣ Временныхъ правилъ, перечислены, въ 23 статьяхъ, всѣ тѣ повинности, которыя переданы въ вѣдѣніе новыхъ учрежденій. Но если мы исключимъ изъ этого числа всѣ тѣ статьи, расходы на которыя, со введеніемъ земскихъ учрежденій, должны были прекратиться, а также тѣ, которыя составляютъ расходы только нѣкоторыхъ мѣстностей, то окажется, что изъ общихъ губернскихъ повинностей въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій передано: a) устройство и содержаніе дорогъ, мостовъ, перевозовъ и верстовыхъ столбовъ; b) наемъ домовъ для рекрутскихъ присутствій, становыхъ приставовъ и судебныхъ слѣдователей; c) содержаніе подводъ при полицейскихъ управленіяхъ[1]) и становыхъ квартирахъ; d) содержаніе посредниковъ по спеціальному межеванію и канцелярій посредническихъ коммиссій; e) содержаніе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и f) содержаніе статистическихъ комитетовъ, въ распоряженіе которыхъ земство обязано отпускать по 1,500 руб. въ годъ. Стало быть, изъ числа всѣхъ земскихъ сборовъ прежняго времени въ вѣдѣніе земства передана только самая ничтожная часть, и изъ этой-то ничтожной части хозяйственное распоряженіе требовалось только по отношенію къ дорожной повинности, всѣ же другіе расходы не требовали никакихъ хозяйственныхъ распоряженій, такъ какъ они исполнялись въ суммѣ разъ опредѣленной закономъ или договоромъ. Понятно, что при отсутствіи хозяйственно-операціонныхъ расходовъ и при ничтожной цифрѣ переданныхъ въ вѣдѣніе земства сборовъ,— цифрѣ, во многихъ губерніяхъ не превышавшей 40 или 50 тысячъ рублей,—сумма, потребная на содержаніе земскихъ учрежденій и простирающаяся отъ 80 до 100 тысячъ на губернію, вся должна была лечь новымъ налогомъ на плательщиковъ. Такой порядокъ вещей не могъ произвести никакого благопріятнаго впечатлѣнія въ средѣ тѣхъ людей, которымъ приходилось нести этотъ новый налогъ.

Еслибы въ вѣдѣніе земства были переданы всѣ расходы операціонные, упадающіе какъ на государственный, такъ и на губернскій сборъ,—расходы, исполненіе которыхъ для правительства весьма затруднительно и обходится ему несравненно дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ и обществамъ, тогда бы та экономія, которая могла произойти,

---

[1]) Замѣчательна редакція этого § тѣмъ, что въ ней пропущены, во-первыхъ, квартиры судебныхъ слѣдователей, наемъ которыхъ возложенъ на губернскій сборъ; сверхъ того говорится о подводахъ при земскихъ судахъ, которыхъ въ то время уже не существовало, и нѣтъ ни слова о подводахъ при становыхъ квартирахъ, которыя содержались и содержатся до сихъ поръ, такъ какъ становые пристава считаются членами полицейскихъ управленій. Не правы ли мы были, говоря выше о недосмотрѣ въ редакціи?

не только покрыла бы всѣ издержки на содержаніе земскихъ учрежденій, но дала бы еще значительный остатокъ.

Чтобъ наши слова не были сочтены голословными, то мы опять сошлемся: а) на примѣръ новгородскаго земства, которое умѣло исполнить почтовую повинность на 42 тысячи дешевле, нежели исполняло ее почтовое вѣдомство; б) на примѣръ саратовскаго земства, которое употребило на тотъ же предметъ вмѣсто 93 тысячъ всего 65, а также в) на примѣръ, указанный нами въ одной изъ предыдущихъ статей, что балашовская управа въ 1868-мъ году заготовляла дрова по 12 руб. за сажень трехполѣнныхъ дровъ, а военное вѣдомство въ томъ же году отъ 18 до 25 руб.

Еслибъ всѣмъ земскимъ дѣятелямъ была предоставлена возможность достигнуть подобныхъ результатовъ, то, конечно, сочувствіе общества къ этимъ учрежденіямъ возрасло бы значительно, особенно въ средѣ той его части, которая наиболѣе обременена налогами и которой каждая копѣйка достается тяжкимъ трудомъ. Это сочувствіе усилило бы значительно энергію земскихъ дѣятелей, потому что дѣятельность каждаго человѣка бываетъ тѣмъ энергичнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ бóльшимъ сочувствіемъ она пользуется въ средѣ общества.

Намъ могутъ сказать, что земскія учрежденія получили въ свое вѣдѣніе не одни губернскіе земскіе сборы, но имъ, кромѣ того, переданы и другія дѣла, какъ-то: всѣ заведенія бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, дѣла по народному продовольствію, по народному просвѣщенію, по взаимному страхованію, по развитію торговли и промысловъ, и наконецъ, завѣдываніе всѣми натуральными повинностями, что для успѣшной дѣятельности по общественному призрѣнію и народному продовольствію земскимъ учрежденіямъ переданы значительные капиталы. На это замѣчаніе мы можемъ сказать, что прежде, нежели дѣлать какія-либо заключенія, необходимо разсмотрѣть, въ какомъ положеніи находились эти части во время ихъ передачи и достаточны ли были тѣ средства, которыми могло располагать земство для удовлетворенія собственно тѣхъ потребностей, которыя возникали. Что касается общественнаго призрѣнія и устройства больницъ, то намъ нечего говорить, въ какомъ печальномъ состояніи эта часть находилась при казенномъ управленіи—это извѣстно всѣмъ и каждому. Нельзя было и думать оставить врачебную часть въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась. Не только не было никакой врачебной помощи въ уѣздахъ, но даже и городскія больницы были и безъ средствъ, и безъ врачей, а доходъ переданныхъ капиталовъ далеко не покрывалъ необходимыхъ издержекъ. Все это совершенно вѣрно и сознавалось самимъ правительствомъ, такъ какъ ст. 79 Временныхъ правилъ разрѣшаетъ земству на этотъ предметъ дѣлать особые сборы. То же можно сказать и о народномъ продовольствіи, и

въ доказательство недостаточности средствъ привести то обстоятельство, что не весь продовольственный капиталъ, собранный въ прежнее время, переданъ въ вѣдѣніе земства. Часть его была издержана ранѣе на потребности, намъ неизвѣстныя; часть была употреблена на покупку хлѣба для пособія нуждающимся въ голодные года, — хлѣба, который, къ сожалѣнію, не весь дошелъ по назначенію; въ Псковской губерніи, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ много хлѣба было потреблено *вредными животными*. Наконецъ, часть была оставлена и до сихъ поръ остается въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ отчеты по капиталу народнаго продовольствія никогда не были публикованы, то мы, конечно, не можемъ имѣть свѣдѣній, какая часть изъ всего собраннаго капитала и наросшихъ на него процентовъ поступила въ распоряженіе земскихъ учрежденій, но, конечно, само правительство сознавало его недостаточность, разрѣшивши земскимъ собраніямъ (55 ст. Временныхъ правилъ) и въ этомъ случаѣ дѣлать сборы на усиленіе продовольственнаго капитала. Ко всему этому надо прибавить, что законъ стѣснилъ распоряженіе этими капиталами, указавъ земскимъ учрежденіямъ въ ст. 57-й Временныхъ правилъ, что при распоряженіи этомъ должны быть соблюдаемы правила устава народнаго продовольствія. Слѣдовательно, капиталы эти только въ извѣстныхъ случаяхъ могли быть отпускаемы въ ссуду, въ свободное же время должны были храниться въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ, еслибъ земскія учрежденія были свободны въ употребленіи ихъ, то по крайней мѣрѣ часть ихъ могла быть употреблена для развитія народнаго кредита и промысловъ, т.-е. на составленіе артелей какъ кредитныхъ, такъ и производительныхъ. Этимъ путемъ также обезпечивалось бы народное продовольствіе, такъ какъ народу была бы дана возможность трудиться болѣе производительно и онъ могъ бы постепенно освобождаться отъ эксплуатаціи *кулаковъ* и *міроѣдовъ*, — этого бича, вытягивающаго всѣ живыя силы русскаго человѣка. Приведенная же статья закона парализовала подобнаго рода дѣятельность земства, такъ какъ уставъ народнаго продовольствія не разрѣшаетъ подобнаго помѣщенія собранныхъ для этой цѣли капиталовъ. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ излишняя регламентація въ законодательствѣ.

Что же касается остальныхъ предметовъ, предоставленныхъ вѣдѣнію земства, то для нихъ оно не получило никакихъ средствъ, кромѣ права облагать себя новымъ налогомъ. Но мы спрашиваемъ каждаго безпристрастнаго человѣка: могло ли земство воспользоваться этимъ правомъ въ той мѣрѣ, какъ это было необходимо, когда прямые и косвенные государственные налоги, упадающіе на бѣднѣйшій классъ народа, возвышались постоянно? Земскій налогъ падалъ на того же крестьянина, а земскіе люди, находясь ближе къ народу, чѣмъ лица прави-

тельственныя, могли хорошо оцѣнить полную невозможность крестьянина уплачивать даже то, чтó онъ долженъ былъ платить, не говоря о новыхъ налогахъ. Кромѣ того земскіе люди не могли не имѣть въ виду что съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, на этого крестьянина долженъ былъ пасть новый довольно обременительный налогъ, такъ какъ содержаніе мирового института упадало на земство.

Это послѣднее обстоятельство наводитъ насъ на мысль о неправильности того взгляда, который послужилъ основаніемъ при установленіи подобнаго порядка. Хотя этотъ порядокъ введенъ судебными уставами, разсмотрѣніе которыхъ у насъ еще впереди, но, говоря о матеріальныхъ средствахъ земства, мы не можемъ обойти этого вопроса въ настоящей статьѣ. Намъ кажется, что подобный законъ, будучи несправедливъ по отношенію къ податнымъ классамъ, освобождаетъ только повидимому государственное казначейство отъ этого расхода. Составители закона, не находя возможнымъ обременить государственнаго казначейства новымъ расходомъ на содержаніе мирового института, думали избѣгнуть затрудненія, возложивъ его на земство; но они упустили изъ виду, что такимъ образомъ они обращаются къ тѣмъ же плательщикамъ, на которыхъ лежитъ главная масса государственныхъ доходовъ. А такъ какъ извѣстно, что крестьянское сословіе у насъ обложено выше средствъ своихъ, то въ концѣ концовъ окажется, что вся прибавка къ земскому налогу останется недоимкою или въ податяхъ, или въ выкупныхъ платежахъ. Скажемъ болѣе, если плательщикъ не имѣетъ возможности внести полной цифры сборовъ и необходимо долженъ подвергнуться мѣрамъ взысканія, то онъ не понесетъ въ казначейство и того, чтó могъ бы заплатить; поэтому недоимка можетъ оказаться въ большемъ размѣрѣ, нежели сдѣлана прибавка. Кромѣ того, намъ кажется, что возложеніе на земство расходовъ по содержанію мирового института вовсе несправедливо. По роду дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдомству этого суда, мы видимъ, что здѣсь производятся дѣла, касающіяся преимущественно низшихъ классовъ общества. Крестьянинъ почти никогда не имѣетъ нужды обращаться въ окружный судъ, такъ какъ тамъ производятся дѣла выше 500 руб., возможныя только въ средѣ достаточныхъ классовъ. Такимъ образомъ на содержаніе тѣхъ судебныхъ учрежденій, въ которыхъ крестьянинъ нуждается, онъ платитъ особый налогъ, тогда какъ высшіе классы пользуются правосудіемъ насчетъ государственнаго казначейства, доходы котораго оплачиваются преимущественно крестьянскимъ сословіемъ. Между тѣмъ правосудіе — есть главная обязанность государства въ отношеніи своихъ подданныхъ и за тѣ 400 мил., которые народъ уплачиваетъ государственному казначейству, было бы вполнѣ справедливо дать ему возможность пользоваться правильнымъ судомъ, не уплачивая за то особаго налога. Здѣсь нельзя ссылаться

даже на недостатокъ средствъ: если мы можемъ тратить до 150 мил. на содержаніе арміи, которая, какъ извѣстно, содержится не для нормальнаго порядка вещей, а въ виду исключительныхъ случаевъ, въ виду возможной опасности, которая можетъ быть отвращена благоразумной и осторожной политикой, то издержка въ 2 или 3 мил., безъ которой немыслимъ никакой порядокъ вещей, очевидно должна стоять впереди. На приготовленіе же къ защитѣ отечества, которому въ настоящее время не угрожаетъ никакая опасность, можно тратить только тѣ средства, которыя остаются за покрытіемъ издержекъ на удовлетвореніе потребностей, составляющихъ прямую и непосредственную цѣль государства при нормальныхъ условіяхъ жизни. Если страна въ мирное время напрягаетъ всѣ свои силы на устройство военной части, то необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ то, что въ моментъ опасности, въ моментъ кризиса—у нея не будетъ средствъ для того, чтобъ мобилизировать свои силы, такъ какъ въ эти минуты посторонняя помощь ее оставляетъ и она должна надѣяться только на свои собственныя средства. Но что наши средства истощены устройствомъ военныхъ силъ, то это прямо очевидно изъ того, что мы не имѣемъ возможности отнести на средства государственнаго казначейства ни содержанія мирового института, ни устройства народныхъ школъ. Къ чему же послужатъ всѣ средства, употребленныя для устройства нашихъ военныхъ силъ, если въ минуту опасности не будетъ средствъ для ихъ полной мобилизаціи? А что въ этомъ случаѣ мы можемъ имѣть основательныя опасенія, то европейская биржа намъ представляетъ неопровержимыя доказательства, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ другими государствами. Послѣдняя реализація нашихъ желѣзно-дорожныхъ облигацій, съ гарантіею правительства въ пять процентовъ, была сдѣлана по 82% и это несмотря на то, что Россія пользуется полнымъ спокойствіемъ какъ внутри, такъ и извнѣ, а заемъ обезпеченъ доходами желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ Франція, послѣ такого страшнаго погрома, — Франція, обязанная уплатой 6-ти милліардовъ контрибуціи,—Франція, съ неустановившимся еще правительствомъ, которое можетъ встрѣтиться ежедневно съ новой революціей, — имѣетъ возможность дѣлать заемъ безъ всякаго обезпеченія по тому же самому курсу, какъ и Россія. Очевидно, что биржа вѣритъ въ бо́льшую состоятельность Франціи, чѣмъ Россіи, несмотря на ея погромъ. Неужели послѣ этого нужны новыя доказательства, что наши траты на устройство военныхъ силъ могутъ оказаться безполезными?

Мы просимъ извиненія читателя за это невольное отступленіе, но оно намъ казалось весьма умѣстнымъ при настоящемъ случаѣ. Возвращаемся къ нашему предмету.

Мы сказали, что земству, при всякомъ улучшенія, которое оно за-

думало бы сдѣлать, приходилось возвышать налоги. Но такъ какъ крестьянское сословіе обременено гораздо болѣе другихъ государственными налогами, то ясно, что земли облагать новымъ налогомъ было невозможно. Въ такихъ обстоятельствахъ, и руководствуясь 9-ю статьей Временныхъ правилъ, многія земскія собранія признали необходимымъ обложить капиталы, затраченные въ фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, по степени ихъ выгодности и доходности. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что капиталъ, какъ мы видѣли при разсмотрѣніи налога на торговлю, до сего времени былъ обложенъ въ сравненіи съ другими имуществами ничтожно. Одни земскіе налоги съ земли превышали обложеніе капиталовъ какъ въ пользу государства, такъ и земства. Несмотря, однакожъ, на такое положеніе дѣла, администрація возстала противъ подобныхъ распоряженій земства, и 22 ноября 1867 года послѣдовало разъясненіе 9-й статьи Временныхъ правилъ, по которому фабрики и заводы подлежали обложенію только какъ строенія, а торговыя свидѣтельства и патенты не выше 25% съ вносимой въ казну пошлины. Такое распоряженіе совершенно парализовало всякую полезную дѣятельность земскихъ собраній. Отнынѣ всякое возвышеніе земскихъ расходовъ падало только на одни земли, такъ какъ торговыя свидѣтельства и патенты повсемѣстно были обложены высшимъ налогомъ. Но земли несли уже налогъ далеко выше капитала, а крестьянскія даже выше ихъ доходности; стало быть, для соблюденія справедливости приходилось отказаться отъ всякихъ полезныхъ расходовъ. Неудовольствіе въ средѣ земскихъ дѣятелей по поводу этого распоряженія было всеобщее и министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ изложить въ оффиціальной статьѣ, напечатанной въ „Сѣверной Почтѣ", тѣ мотивы, которые служили основаніемъ подобному распоряженію. Это объясненіе было впрочемъ крайне неудачно и показало ясно, съ какою легкостью относилась администрація къ затруднительному положенію земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого объясненія обнаружилось, что министерство вовсе не изслѣдовало внимательно степень доходности капиталовъ, затраченныхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Оно рѣшилось гласно утверждать, что капиталъ несетъ другіе налоги, тогда какъ земли помѣщичьи не несутъ ихъ; между тѣмъ всѣмъ и каждому извѣстно, что помѣщичьи земли платятъ однихъ земскихъ повинностей болѣе, чѣмъ капиталы и земскихъ и государственныхъ налоговъ. Помѣщикъ съ 1000 дес. земли, представляющей цѣнность въ 30 или 40 т. рублей, во многихъ губерніяхъ платитъ до 100 рублей однихъ земскихъ сборовъ, между тѣмъ, какъ купецъ 2-й гильдіи, часто торгующій на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, даже въ мѣстности 1-го класса платитъ только 85 руб., и притомъ вмѣстѣ съ

билетомъ на торговое заведеніе, а въ мѣстности 5-го класса только 30 руб.

Съ изданія этого постановленія замѣчается особенное охлажденіе къ земскимъ дѣламъ какъ въ обществѣ, такъ и въ средѣ земскихъ дѣятелей. Представители землевладѣльцевъ убѣдились, что за недостаткомъ средствъ, земскія собранія обречены на ограниченную дѣятельность по исполненію обязательныхъ расходовъ; крестьяне, живо заинтересованные вначалѣ этимъ дѣломъ, въ результатѣ увидѣли одно возвышеніе налога; а представители городовъ, будучи обложены всегда однимъ и тѣмъ же сборомъ, стали относиться къ нему совершенно пассивно. Интересуются въ настоящее время этимъ дѣломъ лишь тѣ, которые разсчитывали получить мѣста въ управахъ и мировомъ институтѣ, да еще тѣ немногія личности, которыя, съ пожертвованіемъ своихъ личныхъ интересовъ, желаютъ принести посильную пользу обществу. Но вѣдь разсчитывать въ дѣлѣ общественныхъ учрежденій на самопожертвованіе нѣсколькихъ лицъ, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно; — это будутъ все-таки единичныя усилія, тогда какъ для полнаго успѣха дѣла нужны усилія всего общества. Необходимо, чтобы все общество было прямо и непосредственно заинтересовано тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса,—тогда, но только тогда представители этого общества будутъ внимательно изучать эти вопросы, а общество слѣдить за ходомъ преній и рѣшеніемъ. Въ противномъ случаѣ неудивительно, что при голосованіи часто гласные не знаютъ, нужно ли сидѣть или вставать, пока не увидятъ, на которой сторонѣ извѣстныя лица или, наконецъ, большинство.

Въ дѣлѣ народнаго образованія вліяніе земства также очень ограничено. Оно можетъ, конечно, ассигновать суммы неограниченно, но въ распоряженіи этими суммами права его ограничиваются избраніемъ двухъ членовъ въ училищный совѣтъ, въ которомъ эти члены составляютъ меньшинство. Такимъ образомъ отсутствіе права распоряженія суммами было одной изъ причинъ равнодушія земскихъ собраній къ дѣлу школъ; но учрежденіе инспекторовъ народныхъ училищъ, если они будутъ дѣйствовать по примѣру тверского инспектора г. Дружинина, который не остановился даже передъ инсинуаціями и извѣтами, грозитъ отбить всякую охоту у земскихъ собраній жертвовать что-либо на развитіе образованія въ народѣ.

III.

Разсматривая предметы вѣдомства земскихъ учрежденій, нельзя не придти къ заключенію, что кругъ ихъ дѣятельности весьма ограниченъ, точно также какъ и ихъ средства. Положеніе подробно очерчиваетъ тѣ предѣлы, за которые они не имѣютъ права выходить. Вся-

кое опредѣленіе, выступающее изъ этихъ предѣловъ, не только остается недѣйствительнымъ, но и подвергаетъ виновныхъ отвѣтственности за превышеніе власти (ст. 7 и 8 Положенія). Но этого мало: законъ ограничиваетъ и средства земскихъ учрежденій, указывая предметы обложенія и установляя высшіе размѣры его для нѣкоторыхъ предметовъ, т.-е. ограничиваетъ степень ихъ участія даже въ томъ небольшомъ кругѣ дѣйствій, который имъ отведенъ. На этомъ основаніи, мы никакъ не можемъ признать эти учрежденія органами самоуправленія. Подъ этимъ именемъ можно разумѣть такіе органы, которые могутъ управлять всѣми мѣстными интересами за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые ввѣрены органамъ центральнаго управленія. Въ предыдущей статьѣ мы развили довольно подробно понятіе о самоуправленіи и въ правахъ земскихъ учрежденій не видимъ ни малѣйшаго съ нимъ сходства. Предметы вѣдомства органовъ самоуправленія не поддаются никакому опредѣленію, потому что измѣняются и по времени, и по мѣсту, и по нуждамъ населенія, тогда какъ предметы вѣдомства земскихъ учрежденій пріурочены къ извѣстнымъ рамкамъ, выходить изъ которыхъ они не могутъ, хотя бы интересы края требовали отъ нихъ вовсе не той дѣятельности, какая имъ опредѣлена. Органы самоуправленія сами опредѣляютъ предметы обложенія и степень его, такъ какъ возможность для различныхъ имуществъ выносить ту или другую цифру налога зависитъ совершенно отъ мѣстныхъ условій и можетъ измѣняться вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ. Кромѣ того интересы края могутъ требовать развитія извѣстнаго рода промышленности; поэтому для этой цѣли можетъ потребоваться установленіе какого-либо спеціальнаго налога на извѣстный родъ имуществъ. Такъ, напримѣръ, улучшеніе способовъ смолокуренія можетъ касаться только владѣльцевъ лѣсныхъ дачъ, а потому несправедливо было бы изъ общаго налога тратить средства на улучшеніе какого - нибудь отдѣльнаго промысла. Всѣ эти права неоспоримо принадлежатъ органамъ самоуправленія, потому что законъ не имѣетъ никакихъ средствъ слѣдить, ни за нуждами мѣстныхъ жителей, ни за ихъ средствами, въ особенности на значительномъ пространствѣ. Но ничего подобнаго нашъ законъ не предоставляетъ земству; напротивъ онъ предоставляетъ ему неограниченно облагать только одну землю, что невозможно или по бездоходности ея, или потому, что крестьянскія земли обложены сильно и безъ этого.

Нельзя также признать земскихъ учрежденій органами самоуправленія и потому еще, что они не имѣютъ никакой исполнительной власти. Положимъ, земское собраніе опредѣлитъ извѣстный налогъ, но плательщики его не вносятъ.... Что дѣлать въ такомъ случаѣ? взыскивать черезъ полицію? А если полиція не исполнитъ требованія? Скажутъ, можно жаловаться губернатору. Но вѣдь полиція не со-

знается, что она не хочетъ исполнять требованія управы, и представитъ множество обстоятельствъ, по которымъ ей не было времени заниматься взысканіемъ. Что дѣлать тогда?.. Возьмемъ другой примѣръ: управамъ, для представленія смѣтъ и раскладки, нужны различныя свѣдѣнія изъ волостныхъ правленій; но волостной старшина отъ управы не зависитъ и можетъ не исполнять требованіе управы, въ особенности, если мировой посредникъ не въ ладу съ управой. Такимъ образомъ свѣдѣній нѣтъ, нѣтъ и смѣтъ, нѣтъ и раскладокъ. Собраніе открывается, и ему нечего утверждать и нечѣмъ исполнять обязательныхъ расходовъ. Это случаи не невозможные. На дняхъ мы слышали, что по взаимному страхованію въ одной управѣ нѣтъ денегъ на уплату за сгорѣвшія зданія, вслѣдствіе недоимокъ, взысканія которыхъ управа не можетъ добиться. Развѣ органы самоуправленія могутъ находиться въ подобныхъ положеніяхъ?

Не можемъ мы признать земскія учрежденія органами самоуправленія и потому еще, что послѣдніе должны дѣйствовать самостоятельно (такъ, по крайней мѣрѣ, это бываетъ вездѣ, гдѣ есть самоуправленіе), отвѣчая за свои дѣйствія или передъ избирателями, или передъ судомъ. Земскія же учрежденія дѣйствуютъ подъ контролемъ администраціи. Статья 93-я Положенія опредѣляетъ, что всѣ постановленія земскихъ собраній сообщаются безъ замедленія начальнику губерніи, а ст. 9-я говоритъ, что начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ собраній, противнаго законамъ, или общимъ государственнымъ пользамъ. Но вѣдь начальникъ губерніи тоже человѣкъ, онъ можетъ ошибиться и даже злоупотребить своей властью, тѣмъ болѣе, что понятіе объ общихъ государственныхъ пользахъ чрезвычайно эластично и подъ него можно подвести очень многое. Въ такомъ случаѣ постановленіе останется неисполненнымъ до слѣдующаго года, такъ какъ возраженіе губернатора не всегда можетъ придти во время сессіи собранія. Но развѣ мало такихъ случаевъ, въ которыхъ отсрочка исполненія равносильна совершенному уничтоженію опредѣленія? Положимъ, что земское собраніе постановляетъ выдать крестьянамъ извѣстной мѣстности на обсѣмененіе полей значительную сумму изъ продовольственнаго капитала. Губернаторъ находитъ это распоряженіе неправильнымъ и протестъ его приходитъ уже послѣ закрытія собранія. По отношенію къ уѣзднымъ собраніямъ это почти всегда такъ и бываетъ. Вопросъ остается до слѣдующаго собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ останутся незасѣянными и крестьянскія поля, а земское собраніе, подтвердивъ свое опредѣленіе въ слѣдующемъ году, нисколько этимъ не поправитъ дѣла. Такой контроль администраціи, при которомъ смѣты земскихъ собраній не имѣютъ силы безъ утвержденія начальника губерніи, противорѣчитъ всякому понятію о самоуправленіи. Мы позволимъ себѣ еще

разъ напомнить читателю слова графа Бисмарка въ маѣ мѣсяцѣ въ германскомъ парламентѣ. Графъ заявилъ, что онъ не боится самоуправленія, но боится неловкости своихъ собственныхъ чиновниковъ, между тѣмъ какъ наше Положеніе опасается вмѣшательства мѣстныхъ обществъ въ дѣло администраціи и довѣряетъ только губернаторамъ, которымъ предоставляетъ контролировать постановленія земскихъ собраній. Это до такой степени противорѣчитъ понятію о самоуправленіи въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, что наши прежнія дворянскія собранія могли считаться болѣе подходящими къ органамъ самоуправленія, нежели земскія собранія. Въ западной Европѣ мѣстныя общества имѣютъ право контроля надъ дѣйствіями администраціи, а не на оборотъ. Наши дворянскія собранія имѣли отчасти это право. Они избирали цѣлую массу должностныхъ лицъ для общаго управленія губерніи, и хотя избранныя лица утверждались губернаторомъ, но въ случаѣ неутвержденія собраніе имѣло право протеста. Дворянство кромѣ того могло обращаться къ министру, въ случаяхъ неправильныхъ притѣсненій избранныхъ имъ лицъ. Затѣмъ оно контролировало правильность дѣйствій губернатора по расходамъ изъ государственнаго и губернскаго земскаго сбора и, наконецъ, имѣло право входить съ всеподданнѣйшими прошеніями о своихъ нуждахъ и пользахъ. Такимъ образомъ, въ прежнее время былъ хотя одинъ классъ мѣстнаго общества, который имѣлъ, по крайней мѣрѣ de jure, нѣкоторое вліяніе на дѣятельность администраціи; но съ уничтоженіемъ права выборовъ въ судебныя и полицейскія должности и съ прекращеніемъ повѣрки расходовъ по земскимъ сборамъ въ дворянскихъ собраніяхъ, исчезаетъ всякое вліяніе мѣстнаго общества на дѣятельность администраціи. Между тѣмъ такое вліяніе, вслѣдствіе присущихъ каждому человѣку недостатковъ, необходимо во всякомъ благоустроенномъ обществѣ. Изъ всего сказаннаго нами ясно, что права мѣстныхъ обществъ, вслѣдствіе послѣднихъ реформъ, если и были расширены съ одной стороны предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ интересовъ, то съ другой стороны, въ смыслѣ ихъ политическаго значенія въ общей системѣ государственнаго управленія, — они были значительно ограничены. Не правы ли мы были, сказавъ въ послѣдней нашей статьѣ, что система централизаціи получаетъ у насъ особенное значеніе въ послѣднее десятилѣтіе, тѣмъ болѣе, что земскія учрежденія поставлены въ совершенную зависимость отъ администраціи, хотя статья 6-я Положенія и говоритъ, что земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно. Намъ кажется, что такое постановленіе, въ виду большей логической послѣдовательности, могло бы быть вовсе исключено изъ Положенія, такъ какъ его трудно согласить какъ съ окончаніемъ этой статьи, требующей для нѣкоторыхъ распоряженій земства утвержденія административныхъ властей, такъ

ми съ статьей 9-й, по которой начальникъ губерніи можетъ остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ собраній.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться для того, чтобъ наши слова не были кѣмъ-нибудь перетолкованы въ другомъ смыслѣ. Все то, что мы сказали выше, мы говорили не въ смыслѣ защиты дворянскихъ привилегій, а только въ смыслѣ сожалѣнія, что земскія собранія, хотя они явились отчасти болѣе вѣрными представителями мѣстныхъ интересовъ, не удостоились получить тѣхъ политическихъ правъ, которыя были предоставлены дворянству задолго впередъ. Неужели мѣстное общество второй половины XIX-го столѣтія заслуживало меньшаго довѣрія? Мы этого не думаемъ.

Говоря о предметахъ вѣдомства земскихъ собраній, мы ни слова не сказали о выборѣ мировыхъ судей, потому что болѣе или менѣе удовлетворительное исполненіе этой обязанности зависитъ отъ личнаго состава земскихъ собраній. На этомъ основаніи мы откладываемъ наше заключеніе объ этомъ предметѣ до разсмотрѣнія правилъ о составѣ земскихъ собраній, къ которому и переходимъ теперь.

IV.

Мы не будемъ говорить о раздѣленіи земскихъ учрежденій, предполагая это извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Перейдемъ прямо къ выбору членовъ земскихъ собраній, т.-е. гласныхъ. Этотъ выборъ производится по статьѣ 16-й Положенія: а) на съѣздѣ землевладѣльцевъ, б) на съѣздѣ городскихъ избирателей, в) на съѣздѣ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. Что касается до насъ, то мы рѣшительно не понимаемъ, какая была цѣль подобнаго дѣленія. Неужели въ различныхъ классахъ нашего общества мало сословной розни и отчужденія, обусловливаемыхъ какъ всей прошедшей исторіею, такъ и различнымъ положеніемъ по матеріальному благосостоянію и образованію,—чтобъ вносить еще эту рознь въ такъ-называемыя несословныя собранія? Неужели коммиссія, составлявшая эти предположенія, не вдумалась, какой разладъ вносила она въ самую среду земскихъ собраній, вводя въ нихъ отдѣльныхъ представителей трехъ классовъ нашего общества? Мы, кажется, всѣ воспитаны на басняхъ дѣдушки Крылова, а между тѣмъ, при первомъ столкновеніи съ жизнью, забываемъ его мудрое правило, что нельзя въ одинъ возъ впрягать лебедя, щуку и рака. Для веденія всякаго общаго дѣла нужно, во-первыхъ, единодушіе, а его-то и трудно было достигнуть при такомъ порядкѣ избранія гласныхъ. Каждый изъ нихъ долженъ явиться въ собраніе для того, чтобъ въ немъ отстаивать интересы своихъ избирателей, т.-е. узкіе, сословные интересы, а не интересы цѣлаго общества. На основаніи этого правила люди, которымъ дороги общіе интересы и присутствіе которыхъ

всего желательнѣе въ земскихъ собраніяхъ, всего менѣе имѣютъ шансовъ попасть въ гласные, и если они встрѣчаются въ земскихъ собраніяхъ, то это мы относимъ къ чести нашихъ землевладѣльцевъ, которые не всегда руководятся сословными интересами. Если же это не всегда такъ бываетъ, если мы часто встрѣчаемъ противоположное явленіе, то мы все-таки не можемъ ставить этого въ вину землевладѣльцамъ, такъ какъ самопожертвованіе можетъ проявляться только въ отдѣльныхъ личностяхъ, а не въ массахъ. Разсчитывать на высокія стремленія въ цѣлыхъ классахъ общества, по меньшей степени, неосторожно, и еслибъ силы различныхъ классовъ общества въ земскихъ собраніяхъ были равны, то отъ нихъ нельзя было бы ожидать ничего другого, кромѣ безпорядковъ и борьбы. Если же мы этого не видимъ, если земскія собранія могли приходить къ какимъ-нибудь заключеніямъ, то это потому, что землевладѣльческому классу предоставлена, какъ увидимъ ниже, подавляющая сила и по числу гласныхъ и по нравственному ихъ значенію. Для того, чтобъ собраніе представляло собою дѣйствительно общіе интересы извѣстной мѣстности, необходимо, чтобъ избирательные съѣзды не представляли бы собою ничего сословнаго. Поэтому мы не понимаемъ никакихъ другихъ избирательныхъ съѣздовъ за исключеніемъ территоріальныхъ. Жители извѣстнаго округа должны собираться въ одинъ общій избирательный съѣздъ, и различіе между ними можетъ быть допущено развѣ только по количеству владѣемаго каждымъ имущества, подлежащаго налогу, и по степени образованія. Пусть всѣ лица, владѣющія извѣстнымъ имуществомъ или получившія извѣстное образованіе и притомъ живущія на пространствѣ округа, пользуются лично избирательнымъ правомъ, а неимѣющіе этого ценза пусть присылаютъ въ избирательный съѣздъ уполномоченныхъ. Избирательный съѣздъ, составленный такимъ образомъ, дѣйствительно можетъ дать гласныхъ, которые будутъ представлять общіе интересы извѣстной мѣстности, но ожидать подобнаго представительства отъ съѣздовъ сословныхъ — невозможно. Намъ дѣла нѣтъ, кто будетъ гласный. Пусть всѣ будутъ землевладѣльцы, но намъ кажется необходимымъ, чтобъ право гласнаго—говорить отъ имени общества—было предоставлено ему не однимъ, а всѣми сословіями.

Съ того времени, какъ въ Россіи существуетъ выборное начало, оно всегда было сословное и кажется никто не будетъ отрицать, что выборы оказывались весьма неудовлетворительными. Вслѣдствіе ограниченнаго круга избирателей въ дворянскихъ собраніяхъ, самое важное значеніе имѣли не достоинство и способности, а личныя отношенія къ вліятельнымъ лицамъ. Въ городскихъ выборахъ господствовало сильное давленіе капитала; въ крестьянскихъ, наконецъ, полное отсутствіе порядка и законности отдавало выборы на произволъ прежнихъ окружныхъ начальниковъ и нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ. Неужели

намъ мало этихъ опытовъ, чтобъ удерживать сословный порядокъ выборовъ и въ земскихъ учрежденіяхъ? Намъ кажется, что соединеніемъ всѣхъ избирателей въ одинъ избирательный съѣздъ уничтожатся всѣ тѣ недостатки сословныхъ выборовъ, на которые мы указали. Дворянство ввело бы въ эти съѣзды порядокъ и правильность производства выборовъ; купечество не могло бы имѣть того сильнаго вліянія, какое оно имѣетъ на мѣщанъ; крестьяне же уничтожили бы всякую возможность разсчитывать на кумовство и личныя отношенія, какъ это бывало въ дворянскихъ собраніяхъ. Намъ кажется, что стоило бы испытать подобный порядокъ хотя бы потому только, что прежній опытъ оказался неудовлетворительнымъ.

Намъ могутъ сказать, что уполномоченные отъ крестьянъ на избирательныхъ съѣздахъ имѣли бы подавляющее большинство и выбрали бы всѣхъ гласныхъ изъ своего сословія, такъ что въ земскомъ собраніи землевладѣльческій классъ не будетъ вовсе имѣть своихъ представителей, или ихъ будетъ тамъ очень мало. Говорить это можетъ только тотъ, кто вовсе незнакомъ съ настроеніемъ нашихъ крестьянъ и съ ихъ понятіемъ объ общественной дѣятельности,—только тотъ, кто можетъ отказывать нашему простому народу даже въ здравомъ смыслѣ. Мы спросимъ подобныхъ скептиковъ: неужели же они ни во что ставятъ силу нравственную, силу образованія? Неужели они не слыхали никогда о выборѣ дворянъ гласными отъ крестьянскихъ обществъ? А эти факты встрѣчаются очень часто, несмотря на то, что дворяне не участвуютъ въ ихъ избирательныхъ съѣздахъ, а это много значитъ. Еслибъ и случилось такое печальное явленіе, что въ какомъ-нибудь округѣ мѣстные землевладѣльцы не были бы избраны въ гласные, то это означало бы только то, что они не умѣли заслужить уваженія крестьянъ; но отъ подобнаго рода гласныхъ было бы очень желательно избавиться. Нашъ крестьянинъ невзыскателенъ, и если человѣкъ не негодяй, то онъ всегда назоветъ его хорошимъ бариномъ, а дѣйствительно хорошаго всегда согласится выбрать въ гласные, и даже скорѣе, нежели своего брата, такъ какъ считаетъ его человѣкомъ грамотнымъ. Дѣйствительно хорошіе люди, которыхъ желательно бы видѣть всегда между земскими дѣятелями, никогда не откажутся поставить свой выборъ въ зависимость отъ голосованія крестьянъ: они нисколько не будутъ сомнѣваться въ своемъ выборѣ. Но еслибъ и случилось такъ, что въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ число гласныхъ крестьянъ было бы болѣе, чѣмъ землевладѣльцевъ, то въ этомъ одномъ еще нельзя видѣть особенно дурного. Вѣдь существуютъ же собранія, въ которыхъ число гласныхъ отъ крестьянъ превышаетъ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, и въ этихъ собраніяхъ никакого неудобства не встрѣчается. Напротивъ, дѣло народнаго образованія въ этихъ мѣстностяхъ идетъ гораздо успѣшнѣе, нежели въ другихъ, гдѣ

преобладаетъ землевладѣльческій классъ. Въ прошломъ году въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьяхъ „Земскіе Итоги“, это обстоятельство изложено было въ подробности со всѣми нужными цифрами, а потому мы не станемъ повторять этого и сошлемся только на этотъ фактъ, какъ вполнѣ доказанный. Дѣло же народнаго образованія есть наиболѣе важное изъ всѣхъ земскихъ дѣлъ и затрата на него есть самая производительная изъ всѣхъ затратъ, которыя могутъ быть сдѣланы земствомъ. Такъ, напримѣръ: въ Вятской губерніи преобладало число гласныхъ отъ крестьянъ, а между тѣмъ вятское земство поняло свою задачу лучше, нежели многія другія, гдѣ преобладалъ классъ землевладѣльческій. Стало быть, еслибъ и случилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было бы гласныхъ крестьянъ болѣе, то отъ этого бѣды никакой не будетъ.

Выше мы сказали, что землевладѣльческій классъ имѣетъ подавляющее большинство въ земскихъ собраніяхъ. Взглянемъ на цифры числа гласныхъ, назначенныхъ въ 33-хъ губерніяхъ, въ которыхъ предположено ввести эти собранія. Общее число всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ 13,024. Изъ этого числа отъ землевладѣльцевъ назначено 6,204, отъ крестьянъ 5,171 и отъ городскихъ обществъ 1,649. Сравнивая однѣ эти цифры, повидимому, нельзя придти къ тому заключенію, которое мы вывели, хотя и изъ этихъ цифръ оказывается, что землевладѣльцы имѣютъ значительный перевѣсъ. Но если мы припомнимъ, что городскіе гласные обязаны постояннымъ платежемъ въ земскій сборъ, и очень мало заинтересованы въ большинствѣ земскихъ дѣлъ и что вслѣдствіе этого они болѣе солидарны съ землевладѣльцами, то численное отношеніе значительно измѣнится; а къ этому надо прибавить еще, что многія сельскія общества выбираютъ гласными мировыхъ посредниковъ вслѣдствіе того вліянія, которое послѣдніе имѣютъ въ волостяхъ, имъ подвѣдомственныхъ. Такимъ образомъ, представителей крестьянскихъ интересовъ будетъ менѣе 5,000, тогда какъ защитниковъ землевладѣльческихъ интересовъ болѣе 8,000. Но если принять въ соображеніе, что предсѣдатель собранія есть предводитель дворянства, что нравственное вліяніе болѣе богатаго и болѣе развитаго класса имѣетъ громадное значеніе, то нельзя не сказать, что дворянство имѣетъ, въ земскихъ собраніяхъ, подавляющее большинство. Такое положеніе дѣлъ ясно выражается въ выборѣ гласныхъ въ губернское земское собраніе. Личный составъ этихъ собраній состоитъ почти всегда изъ однихъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Этому обстоятельству содѣйствуетъ ст. 30-я Положенія, которой воспрещается назначать содержаніе гласнымъ; крестьянину же невозможно отрываться отъ своихъ занятій и дѣлать издержки для поѣздки въ губернскій городъ, на три или четыре недѣли: на это у него нѣтъ средствъ. Если и случается губернскомъ собраніи встрѣтить иногда крестьянина, то это очень

рѣдкое исключеніе, которое допускается иногда для того только, чтобъ похвастать дешевымъ либерализмомъ: вотъ мы, дескать, какіе демократы, у насъ есть и крестьяне въ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ дѣйствительности же подобнаго сорта господа вполнѣ увѣрены, что одинъ или два голоса отъ крестьянъ не имѣютъ никакого значенія, а иногда эти гласные пріѣзжаютъ на счетъ какого-нибудь богатаго гласнаго отъ землевладѣльцевъ и выбраны только потому, что они всегда будутъ вотировать согласно съ своимъ покровителемъ.

Такимъ образомъ, мы принимаемъ за обстоятельство совершенно доказанное, что дѣла губернскаго земскаго собранія рѣшаются исключительно гласными отъ землевладѣльцевъ, въ дѣлахъ же уѣздныхъ земскихъ собраній на ихъ сторонѣ подавляющее большинство.

Послѣ этого обратимся вновь къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій и посмотримъ, въ чемъ состоитъ главная суть ихъ занятій? Обезпеченіе народнаго продовольствія, устройство врачебной части, развитіе народнаго образованія и устройство внутреннихъ въ губерніи путей сообщенія—вотъ главные вопросы, обсуждаемые въ земскихъ собраніяхъ. Но мы просимъ каждаго безпристрастнаго человѣка отвѣтить по чистой совѣсти на слѣдующій вопросъ: кто изъ гг. гласныхъ отъ землевладѣльцевъ лично заинтересованъ въ дѣлахъ подобнаго рода? Продовольствіе ихъ вполнѣ обезпечено и ни одинъ изъ нихъ, конечно, не будетъ прибѣгать въ этомъ отношеніи къ пособію земства. Если кто-либо изъ нихъ будетъ нуждаться въ медицинскомъ пособіи, то конечно не воспользуется ни земской больницей, ни совѣтомъ земскаго врача безплатно. Не пошлетъ онъ также и дѣтей своихъ въ земскую школу. Поэтому ассигнованіе изъ земскихъ сборовъ суммъ на подобные расходы будетъ, со стороны гласнаго отъ землевладѣльцевъ, чистымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣднаго класса, такъ какъ всякая прибавка въ земскомъ сборѣ, какъ мы видѣли, разлагается только на землю: т.-е. на имущество его и его довѣрителей. Соглашаясь на это пожертвованіе, онъ будетъ уже дѣйствовать во вредъ своихъ довѣрителей, интересы которыхъ, напротивъ, онъ долженъ защищать. Вотъ почему мы никакъ не можемъ винить тѣхъ гласныхъ, которые не очень щедры при ассигнованіи подобныхъ расходовъ. Мы можемъ относиться съ сочувствіемъ къ тѣмъ дѣятелямъ земства, которые считаютъ необходимымъ жертвовать своими интересами въ пользу народа, но не въ правѣ требовать, по крайней мѣрѣ съ формальной точки зрѣнія, того же отъ другихъ. Между послѣдними есть много людей, которые готовы дать изъ своего собственнаго кармана вдвое и втрое болѣе, нежели что пришлось бы имъ заплатить по раскладкѣ на народныя нужды, но никогда не согласятся подписать назначеніе расхода изъ земскаго сбора на тотъ же предметъ. На этомъ основаніи мы думаемъ,

что ставить такіе важные народные интересы, какъ народное продовольствіе, образованіе и врачебное пособіе, въ зависимость отъ высокихъ стремленій одного класса общества, весьма рисковано, и въ такихъ обстоятельствахъ мы можемъ себя считать счастливыми, что примѣръ Холмскаго уѣзда не есть обыденное явленіе. Если какой-либо интересъ народный считается важнымъ и правительство находитъ нужнымъ предоставить его, для бо́льшаго удобства, вѣдѣнію мѣстнаго общества, то, намъ кажется, что главные распорядители должны быть лично заинтересованы въ дѣлѣ. Въ противномъ случаѣ, если люди привлекаются въ собраніе не интересомъ самаго дѣла, а другими соображеніями, какъ, напр., желаніемъ выставить себя, блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, получить мѣсто по земству или мировому институту, тогда нельзя ждать успѣха. Конечно, есть исключенія, есть личности, которыя дѣйствуютъ въ земскомъ дѣлѣ съ полной энергіей, руководимыя желаніемъ принести обществу посильную пользу, но вѣдь это явленія единичныя, а мы говоримъ объ общемъ направленіи дѣла, на которое отдѣльныя личности могутъ имѣть весьма незначительное вліяніе, ограниченное только извѣстной мѣстностью. Впрочемъ, даже и эти лица теряютъ свою энергію въ виду тѣхъ ограниченій или, лучше сказать, того безвыходнаго положенія, въ которое поставлено земство, — положенія, при которомъ всякое хорошее дѣло требуетъ новаго налога, падающаго отчасти на самый бѣднѣйшій классъ народа.

Если мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны, а именно со стороны денежнаго разсчета, то и здѣсь увидимъ, что гласный отъ землевладѣльцевъ нисколько не заинтересованъ. Возьмемъ для примѣра помѣщика, владѣющаго 500-ми десятинъ и платящаго въ земскій сборъ по 10 коп. съ десятины, т.-е. 50 руб. въ годъ. Въ правильномъ распредѣленіи этихъ сборовъ, какъ мы видѣли выше, онъ не заинтересованъ, потому что наибольшая часть ихъ идетъ на обязательные расходы, а остатокъ идетъ на нужды для него чуждыя. Оградить свой интересъ уменьшеніемъ платежа, если его мнѣнія будутъ признаны, онъ можетъ на 5 или на 10 рублей, а между тѣмъ для того, чтобъ принять участіе въ земскихъ собраніяхъ, ему необходимо, во-первыхъ, ѣхать въ городъ на съѣздъ землевладѣльцевъ и хлопотать о выборѣ его въ число гласныхъ, затѣмъ ежегодно быть, въ теченіи 10 дней, въ земскомъ собраніи, а если онъ будетъ выбранъ въ число губернскихъ гласныхъ, то проводить около трехъ недѣль въ губернскомъ городѣ. Кромѣ издержекъ, одни отрывки отъ своихъ дѣлъ ему будутъ стоить болѣе, нежели весь платежъ его въ земскій сборъ. Стало быть, для землевладѣльца нѣтъ никакого интереса въ земскомъ собраніи и если есть много желающихъ быть гласными, то это или потому, что эти господа не уяснили себѣ до сихъ поръ значенія земскихъ учреж-

деній, или потому, что это своего рода развлеченіе отъ нечего дѣлать,—развлеченіе, за которое они всегда готовы заплатить, или, наконецъ, желаютъ служить въ земствѣ или мировомъ институтѣ. Намъ можетъ быть скажутъ, что по отношенію къ количеству владѣемой земли для крестьянина представляется также невыгоднымъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ. Это отчасти справедливо, такъ какъ кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій очень ограниченъ. Но мы должны принять въ соображеніе, во-первыхъ, что крестьянинъ сильно заинтересованъ въ самомъ распредѣленіи земскихъ сборовъ, остающихся за удовлетвореніемъ обязательныхъ расходовъ; а во-вторыхъ, мы никогда не говорили, что составъ земскихъ собраній долженъ быть непремѣнно изъ крестьянъ;—мы говоримъ только, что люди, которые получаютъ право говорить отъ имени земства, должны быть избираемы всѣми сословіями. А что при этихъ условіяхъ въ земскія собранія войдетъ значительная часть землевладѣльцевъ, то за это ручается какъ высшая степень образованія послѣднихъ, такъ и большее матеріальное обезпеченіе.

Многіе говорятъ, что если на выборъ будутъ имѣть вліяніе крестьяне, то ихъ голоса можно будетъ покупать за водку. Конечно, справедливости такого предположенія, какъ оно ни печально, совершенно отрицать нельзя; поэтому можно поискать причинъ возможности такого явленія и постараться ихъ устранить, но лишать цѣлый классъ общества возможности имѣть вліяніе на устройство своихъ интересовъ—не совсѣмъ справедливо. Если крестьяне продаютъ свои голоса за водку, то это потому, что они не придаютъ имъ никакого значенія. „Тутъ, говорятъ они, ничего не подѣлаешь, такъ давай хоть водки выпьемъ". Но вѣдь подобную аргументацію не трудно встрѣтить и въ средѣ, такъ-называемыхъ, образованныхъ классовъ. Если крестьяне продаютъ свои голоса открыто и прямо за водку, то многіе изъ гг. землевладѣльцевъ дѣлаютъ тоже за обѣды и шампанское, съ тою только разницею, что ихъ голоса имѣютъ иногда значеніе, а крестьянскіе — никакого. Что здѣсь лучше: водка или шампанское? По нашему мнѣнію, уже лучше водка: она дешевле и, слѣдовательно, конкурренція между покупателями возможнѣе.

Зло, на которое мы сейчасъ указали, устраняется, во-первыхъ, образованіемъ, а во-вторыхъ—серьезнымъ значеніемъ для вотирующихъ того дѣла, по которому они подаютъ свои голоса. Само собою разумѣется, что подача голосовъ можетъ быть искажена другими средствами, но мы не говоримъ объ этомъ, а утверждаемъ, что то равнодушіе, вслѣдствіе котораго происходятъ указанныя нами явленія, объясняется весьма просто отсутствіемъ существеннаго интереса въ дѣлѣ.

Намъ кажется, что и самый законъ предполагалъ возможность та-

кого равнодушія къ дѣлу. Статья 34-я Положенія говоритъ: „еслибы на съѣздѣ (землевладѣльцевъ) число избирателей оказалось менѣе числа гласныхъ, подлежащихъ избранію, то выборы не производятся, а всѣ избиратели считаются гласными". Если не предполагать равнодушія къ дѣлу со стороны землевладѣльцевъ, то не для чего и вводить это правило, такъ какъ число землевладѣльцевъ въ нѣсколько разъ превышаетъ число опредѣленныхъ гласныхъ.

Единственное дѣло, изъ числа ввѣренныхъ земскимъ собраніямъ, въ которомъ заинтересованы землевладѣльцы — это выборъ мировыхъ судей. Но даже и въ этомъ дѣлѣ крестьянинъ заинтересованъ болѣе, такъ какъ его интересы весьма рѣдко выходятъ изъ предѣловъ мировой юрисдикціи, тогда какъ землевладѣлецъ относится очень часто въ окружный судъ. Стало быть, и въ этомъ отношеніи нѣтъ резона предоставлять землевладѣльческому классу большее значеніе въ земскихъ собраніяхъ. Практика доказываетъ вполнѣ справедливость нашихъ словъ, что въ дѣлѣ, имѣющемъ серьезное значеніе для общества, послѣднее не остается равнодушнымъ. По крайней мѣрѣ, мы не слыхали ни одного случая, чтобъ въ собраніе, назначенное для выбора мировыхъ судей, не явилось достаточное число гласныхъ. При этихъ выборахъ землевладѣльцы дѣйствовали какъ организованная партія, и случайностямъ, какъ въ прежнихъ дворянскихъ собраніяхъ, не предоставлялось ничего. Согласившееся большинство дѣйствовало единодушно. Такъ было во всѣхъ мѣстностяхъ, намъ извѣстныхъ. Для характеристики такихъ выборовъ, мы считаемъ не лишнимъ привести слова одного изъ вліятельныхъ лицъ, сказанныя намъ по поводу забаллотированія господина, вполнѣ достойнаго и получившаго юридическое образованіе. „Мы держались, говорилъ нашъ собесѣдникъ, того правила, что лучше выбрать плохихъ да своихъ, чѣмъ ученыхъ—да пришлыхъ. Свой отъ насъ никуда не уйдетъ и мы его всегда доѣдемъ, если онъ вздумаетъ дѣйствовать противъ насъ". Слова эти ясно указываютъ на тотъ вредъ, который можетъ произойти отъ преобладающаго вліянія землевладѣльческаго класса при выборѣ мировыхъ судей. Мы не говоримъ, что этотъ вредъ дѣйствительно существуетъ, но достаточно и одной возможности его, чтобъ указать на недостатокъ въ правилахъ о выборѣ гласныхъ.

Отъ этихъ соображеній о порядкѣ распредѣленія гласныхъ по классамъ общества, перейдемъ къ распредѣленію ихъ по мѣстностямъ или по различнымъ собраніямъ. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ большое разнообразіе. Число гласныхъ колеблется отъ 10-ти въ Верхнеуральскѣ, Оренбургской губ., до 96-ти въ Бобринецкѣ, Херсонской губ. Хотя мы и не имѣемъ въ виду тѣхъ цифръ, на которыхъ основывалась коммиссія при опредѣленіи общаго числа гласныхъ въ уѣздѣ, но въ виду такихъ крайностей, при которыхъ одинъ уѣздъ можетъ имѣть почти въ десять разъ большее число представителей въ земскомъ со-

бранія, чѣмъ другой, мы невольно приходимъ къ заключенію, что или цифры, которыя имѣла въ виду коммиссія—невѣрны, или самыя основанія для опредѣленія числа гласныхъ были неправильны, такъ какъ такой громадной разности въ статистическихъ данныхъ, указанныхъ въ 33-й ст. Положенія и долженствующихъ служить основаніемъ разсчета, мы допустить не можемъ. Означенная статья предписываетъ принимать въ соображеніе при опредѣленіи числа гласныхъ: число землевладѣльцевъ, количество земель имъ принадлежащихъ, населенность городовъ, цѣнность недвижимой въ нихъ собственности, число волостей, количество сельскаго населенія и пространство угодій, состоящихъ въ его владѣніи. Мы никакъ не можемъ думать, чтобы число сельскаго населенія въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи превышало въ десять разъ населеніе Вытегорскаго—Олонецкой, Верхнеуральскаго—Оренбургской, Ямбургскаго—Петербургской, Евпаторійскаго и Ялтинскаго—Таврической, а между тѣмъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ въ первомъ назначено 40, а въ остальныхъ по четыре. Наши губерніи дѣлились на уѣзды по числу населенія, и хотя есть значительная разница въ этомъ отношеніи, но все же эта разница не такъ велика, какъ оказывается по числу гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Такъ въ Малоярославецкомъ и Перемышльскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, назначено по 7-ми гласныхъ, а въ Жиздренскомъ—24. Неужели количество населенія въ послѣднемъ превышаетъ въ три съ половиною раза населеніе двухъ первыхъ? Этого быть не можетъ.

Въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ гласныхъ отъ крестьянъ опредѣлено 31, а въ Коротоякскомъ только 6. Изъ этихъ цифръ оказывается, что количество населенія перваго слишкомъ впятеро превышаетъ количество населенія второго. Мы могли бы представить подобныхъ примѣровъ множество, но и этихъ достаточно, чтобъ показать совершенную несоразмѣрность назначенія числа гласныхъ.

Если обратимся къ количеству гласныхъ въ каждомъ отдѣльномъ собраніи, то здѣсь насъ поражаетъ, во многихъ мѣстностяхъ, то ограниченное количество лицъ, которымъ предоставляется безапелляціонное рѣшеніе въ вопросахъ земскихъ. При этомъ общее количество уѣздныхъ гласныхъ въ губерніи не имѣетъ ровно никакого отношенія къ числу ея жителей, между тѣмъ, какъ во всей Европѣ число представителей данной мѣстности опредѣляется всегда соразмѣрно населенію. Для примѣра представимъ цифры трехъ губерній:

	Число жителей.	Число гласныхъ.	Одинъ гласный приходится на такое число жителей.
Вятская	2.220,601	213	10,425
Казанская	1.607,122	303	5,271
Черниговская	1.487,372	557	2,671

Остальныя губерніи приходятся между этими цифрами и потому мы ихъ не приводимъ. Но еще болѣе поразительно распредѣленіе числа гласныхъ по уѣздамъ. Изъ 355-ти уѣздовъ, въ которыхъ опредѣлено ввести земскія учрежденія, болѣе третьей части, а именно 122 уѣзда имѣютъ менѣе 30 гласныхъ, и такъ какъ, на основаніи 42-й ст. Положенія, собраніе можетъ считаться законнымъ, если въ немъ присутствуетъ треть гласныхъ и притомъ не менѣе 10-ти, то стало быть въ болѣе чѣмъ трети всѣхъ земскихъ собраніяхъ, а именно въ 122-ти могутъ рѣшаться всѣ важнѣйшіе вопросы 10-ю лицами подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя. Но если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ вопросы въ земскихъ собраніяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, то оказывается, что въ этихъ случаяхъ уѣздный предводитель, согласясь съ пятью гласными, не только можетъ облагать налогами цѣлый уѣздъ, но захватить въ свои руки всю мировую юрисдикцію въ уѣздѣ. Но это еще не все: есть 30 уѣздовъ, въ которыхъ число гласныхъ назначено менѣе 15-ти и къ числу этихъ уѣздовъ относится Петербургскій, въ которомъ число гласныхъ опредѣлено 14. Стало быть, даже при полномъ составѣ Петербургскаго уѣзда, восемь гласныхъ пользуются правомъ дать мировыхъ судей столичному Петербургскому уѣзду, въ которомъ стекается масса пришлаго народа изъ другихъ губерній и подсудная, по мѣсту своихъ занятій, этимъ мировымъ судьямъ. Такимъ образомъ, партія изъ восьми человѣкъ можетъ, въ Петербургскомъ уѣздѣ, распоряжаться безконтрольно, раздѣливъ между собою должности въ управѣ и въ мировомъ институтѣ. Но и этимъ еще не исчерпываются неудобства, представляемыя ограниченнымъ количествомъ гласныхъ. Представимъ себѣ, читатель, что въ такихъ городахъ, гдѣ опредѣлено отъ 10-ти до 14-ти гласныхъ, въ число ихъ попали 1, 3 или 5 человѣкъ, вовсе несочувствующихъ земскому дѣлу и рѣшившихся парализовать дѣйствіе закона. Они могутъ употребить всѣ усилія, чтобъ сдѣлаться гласными, и впослѣдствіи не будутъ являться въ земскія собранія и вотъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, дѣйствіе закона о земскихъ учрежденіяхъ прервано, такъ какъ 10-ть гласныхъ необходимо для законнаго состава собранія. Развѣ это нормальный порядокъ вещей, если исполненіе высочайшей воли можетъ зависѣть отъ произвола пяти, трехъ и даже одного человѣка? Мы говоримъ одного, потому что въ Верхне-уральскѣ Оренбургской губерніи назначено всего 10-ть гласныхъ и слѣдовательно неявка одного дѣлаетъ собраніе несостоятельнымъ. Намъ кажется, что для соблюденія большей послѣдовательности слѣдовало опредѣлить 30-ть гласныхъ какъ наименьшее количество въ уѣздѣ, если только законъ признавалъ нужнымъ, чтобы въ собраніи присутствовала треть гласныхъ и притомъ не менѣе 10-ти. Но ограниченное количество гласныхъ отъ

10—14-ти, при существованіи этого послѣдняго правила, вводитъ въ Положеніе явное, противорѣчіе и непослѣдовательность, такъ какъ дѣйствіе закона зависитъ отъ произвола нѣсколькихъ лицъ.

Мы представили примѣръ вовсе не невозможный, потому что къ этому неблаговидному средству прибѣгали иногда гласные, даже и при большемъ составѣ собраній, въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда имъ не нравилось постановленіе большинства. Если до сихъ поръ случай, предположенный нами, не встрѣчался на практикѣ въ видѣ систематическаго противодѣйствія земскимъ учрежденіямъ, то это нисколько не доказываетъ, что онъ невозможенъ и въ будущемъ, и довольно одной возможности подобнаго случая, чтобъ признать такой порядокъ вещей неудовлетворительнымъ.

И дѣйствительно, на неудовлетворительность земскаго дѣла слышатся жалобы и въ обществѣ, и въ литературѣ. Нельзя не сознаться, что всѣ эти жалобы имѣютъ полное основаніе, и могутъ быть подтверждены нѣсколькими опубликованными фактами, не подлежащими никакому сомнѣнію. Кромѣ того извѣстно, что литература наша скромна дó-нельзя и ограничивается опубликованіемъ только самыхъ крупныхъ фактовъ,—между тѣмъ какъ въ дѣйствительности многое остается неизвѣстнымъ, или потому, что не находитъ для себя лѣтописцевъ, или потому, что, взятое отдѣльно, не представляетъ особенно важнаго. Но намъ кажется, что печальные факты, встрѣчающіеся въ земскомъ управленіи и въ земскихъ собраніяхъ, факты, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не стóитъ того, чтобъ объ немъ говорить, въ общей ихъ сложности вредятъ гораздо болѣе дѣлу, нежели отдѣльныя безобразія, бросающіяся въ глаза и относительно рѣдкія. Поэтому намъ кажется, что человѣку, слѣдящему по газетамъ и журналамъ, и даже по оффиціальной перепискѣ за земскимъ дѣломъ въ Россіи, нѣтъ возможности составить себѣ о немъ полнаго и яснаго понятія, именно потому, что онъ не найдетъ тѣхъ фактовъ, которые хотя и уступаютъ другимъ по яркости своихъ красокъ, но по количеству своему имѣютъ болѣе важныя послѣдствія. Возьмемъ, напримѣръ, тѣ условія, которыми обставляется выборъ мировыхъ судей. Они никогда не будутъ обнаружены съ достаточной ясностью, а между тѣмъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго выбора, возникаютъ значительныя послѣдствія для цѣлаго общества. Не новость мы скажемъ, если замѣтимъ, что въ провинціи личный составъ мирового института очень часто не въ уровень съ тѣмъ положеніемъ, въ которое ставитъ его законъ, и не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него въ первое время. Если въ Царскомъ-Селѣ, вблизи столицы и въ лѣтней резиденціи Государя Императора, совершались такіе факты, что кассаціонный департаментъ правительствующаго сената вынужденнымъ нашелся

принять мѣры строгости, то понятно, что̀ можетъ происходить въ глуши, въ какомъ-нибудь отдаленномъ уѣздномъ городкѣ. Этими словами мы никакъ не желаемъ бросить тѣнь на дѣятельность мирового института въ провинціи, напротивъ, мы даже думаемъ, что настоящій порядокъ лучше прежняго и что мировые судьи, по большей части, люди добросовѣстные; но вѣдь одной добросовѣстности мало, чтобъ стать въ уровень съ положеніемъ мирового судьи. Если при этомъ принять въ соображеніе, что при существующихъ порядкахъ шесть или восемь человѣкъ могутъ наградить общество цѣлаго уѣзда и земской управой и мировыми судьями, то нечего удивляться, что люди, избранные такимъ образомъ, будутъ служить не обществу, а своимъ избирателямъ, и даже самимъ себѣ, если они же являются вмѣстѣ и избирателями. Намъ кажется, что подобныя печальныя явленія должны быть слѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ Положенія, на которые мы указали въ нашей статьѣ.

Не такъ относятся къ земскому дѣлу очень многіе у насъ и въ обществѣ, и отчасти въ литературѣ? „Ну чтожъ, говорятъ намъ, вѣдь мировыхъ судей выбираютъ гласные, а гласные суть *излюбленные люди* цѣлаго общества: стало быть, если выборы дурны, то виновато цѣлое общество и тутъ ничего не подѣлаешь". На этомъ основаніи господа эти, вмѣстѣ съ добродушнымъ хроникеромъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", (№ 305, 1869 года), готовы посовѣтовать обществу, по примѣру хохла, купившаго хрѣнъ вмѣсто рѣдьки, ѣсть его, хоть бы глаза повылѣзли.

Господа эти, увидѣвши ближайшую, самую непосредственную причину извѣстнаго явленія, всегда очень рады такому открытію и непремѣнно кричать „эврика!" Да и какже не кричать, когда они не привыкли анализировать явленій и искать болѣе отдаленныхъ, но существенныхъ причинъ. Прежде, нежели кидать грязью въ лицо цѣлому обществу, слѣдовало бы посмотрѣть на тѣ условія, въ которыхъ оно дѣйствуетъ.... да и дѣйствуетъ ли оно на самомъ дѣлѣ? Не ограничивается ли его дѣятельность тою ролью, которую играетъ бумага, когда на ней оттискиваютъ извѣстный рисунокъ? Скажите па милость, господа строгіе порицатели общества, можно ли по совѣсти призвать общество какого-нибудь уѣзда, хоть бы, напримѣръ, Петербургскаго, къ отвѣту, если выборъ окажется неудовлетворительнымъ, и на оборотъ, благодарить его за хорошій выборъ, когда мы знаемъ, что этотъ выборъ рѣшается 6-ю или 8-ю голосами, т.-е. микроскопической частью общества Петербургскаго уѣзда.

Намъ приходитъ въ голову одно возраженіе, которое могутъ сдѣлать люди, видящіе все въ розовомъ свѣтѣ. Они могутъ сказать, что мы напрасно говоримъ о сословныхъ тенденціяхъ земскихъ собраній, на-

прасно выставляемъ безсиліе ихъ сдѣлать что-нибудь полезное, и въ доказательство своихъ мыслей укажутъ намъ нѣсколько фактовъ и въ особенности рѣшеніе податного вопроса въ огромномъ большинствѣ земскихъ собраній. Въ этомъ рѣшеніи, скажутъ намъ, выразилось умѣнье землевладѣльческаго класса понимать общіе государственные интересы и готовность нести податныя тягости наравнѣ съ другими классами общества, соразмѣрно съ доходами каждаго. Но, во-первыхъ, мы никогда не говорили, чтобъ земство, въ продолженіи своей дѣятельности, не сдѣлало ничего полезнаго; напротивъ того, мы сами знаемъ много примѣровъ чрезвычайно полезной его дѣятельности, и еслибъ не боялись удлиннить нашу статью, то могли бы привести довольно длинный ихъ перечень; мы говорили только, что примѣры эти не составляютъ общаго правила, а являются слѣдствіемъ единичныхъ усилій, и что земскія учрежденія *не имѣли возможности* оправдать тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались въ первое время. Вотъ что мы говорили и, надѣемся, достаточно доказали. Во-вторыхъ, мы скажемъ, что очень ошибаются тѣ люди, которые въ предложеніи земскихъ собраній замѣнить подушную подать подоходнымъ налогомъ,— въ предложеніи, которому нельзя не сочувствовать,—видятъ какое-то самоотверженіе, какую-то готовность жертвовать своими личными интересами въ пользу государства и обремененныхъ налогами сословій. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что въ этихъ взглядахъ есть значительное недоразумѣніе. Приходить къ подобнымъ заключеніямъ могутъ только люди съ ограниченнымъ и узкимъ взглядомъ на интересы человѣка и гражданина.

Предложеніе губернскихъ земскихъ собраній — ввести подоходный налогъ — мы объясняемъ себѣ весьма просто. Гг. губернскіе гласные имѣли полную возможность убѣдиться, на основаніи самыхъ простыхъ практическихъ данныхъ, что доходы съ капиталовъ и свободныхъ профессій еще менѣе обложены, нежели доходъ съ земель, и что приобложеніи всѣхъ вообще доходовъ безъ исключенія, налогъ съ земельнаго дохода не будетъ обременителенъ. Кромѣ того гг. гласные не могли не принять въ соображеніе того сознанія, которымъ, какъ намъ кажется, проникло все русское общество, а именно, что надежда на расширеніе политическаго значенія общества немыслима безъ участія достаточныхъ классовъ въ податныхъ тягостяхъ. А что эта надежда не есть призракъ, а имѣетъ реальное значеніе, тому служили доказательствомъ, какъ самое обращеніе правительства съ этимъ вопросомъ къ земскимъ собраніямъ, такъ и пунктъ XIV, ст. 2 Положенія, которымъ предполагается въ будущемъ расширить кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій.

Въ заключеніе нашей бесѣды съ читателемъ о земскихъ учрежде-

ніяхъ, мы считаемъ не лишнимъ свести, въ нѣсколькихъ тезисахъ, общій итогъ условій, необходимыхъ для болѣе удовлетворительнаго положенія земскаго дѣла:

1) Избирательные съѣзды для выбора гласныхъ въ земскія собранія не должны имѣть сословнаго или имущественнаго отличія, а только территоріальное; различіе же по имуществу можетъ давать только право или личнаго участія въ этихъ съѣздахъ или по уполномочію. Если это правило не соблюдается и съѣзды отличаются одинъ отъ другого сословнымъ характеромъ, какъ въ земскомъ положеніи, тогда въ средѣ собранія возникаетъ борьба сословная; если же съѣзды отличаются по имуществу, какъ въ „Городовомъ Положеніи", тогда является на сцену антагонизмъ капитала и труда. Понятно, что въ обоихъ последнихъ случаяхъ общіе интересы приносятся въ жертву частнымъ, смотря по тому, какая партія преобладаетъ матеріально и нравственно.

2) Для того, чтобы земское дѣло могло возбуждать къ себѣ интересъ цѣлаго общества, кругъ его дѣятельности не долженъ быть ограниченъ слишкомъ тѣсною рамкой, или интересами одного класса общества. При ограниченномъ же кругѣ дѣйствій, какъ онъ опредѣленъ въ земскомъ положеніи, издержки на содержаніе управы достигаютъ слишкомъ значительной цифры въ сравненіи съ общимъ количествомъ сбора, а въ обществѣ является полное равнодушіе къ дѣлу.

3) Чтобъ земскія учрежденія могли принести дѣйствительно пользу, они должны дѣйствовать самостоятельно, а не подъ контролемъ администраціи. Въ противномъ случаѣ апатія и равнодушіе къ дѣлу будутъ всегда спутниками ихъ дѣятельности. Но такъ какъ общественная дѣятельность не должна оставаться безъ контроля, то земскія учрежденія должны отвѣчать за свои дѣйствія передъ судомъ, какъ представителемъ закона, и общественнымъ мнѣніемъ. Возможно большая гласность ихъ дѣятельности дастъ средства для достиженія этого двойного контроля и правительству и обществу.

4) Число гласныхъ должно быть необходимо увеличено для того, чтобъ не предавать интересовъ цѣлаго уѣзда въ руки нѣсколькихъ лицъ. При ограниченномъ же числѣ гласныхъ кумовство прежнихъ дворянскихъ выборовъ будетъ господствовать и въ земскихъ собраніяхъ.

5) Въ настоящемъ своемъ положеніи земскія учрежденія не могутъ считаться органами самоуправленія какъ по личному своему составу, такъ и по кругу дѣйствій. По личному своему составу на томъ основаніи, что онъ не представляетъ собою всего населенія извѣстной мѣстности, но агломератъ отдѣльныхъ классовъ общества и притомъ представляемыхъ не равномѣрно. По кругу же дѣйствій—потому, что органъ самоуправленія есть власть административная, кругъ дѣятель-

ности которой опредѣляется не положительно, а отрицательно, кругомъ дѣйствій органовъ центральнаго управленія. Такой порядокъ вещей необходимъ въ виду того обстоятельства, что функціи административной дѣятельности, какъ мы объясняли въ предшествующей статьѣ, вслѣдствіе разнообразія, сложности и подвижности интересовъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію, неуловимы для законодательства. Въ настоящее же время наши земскія учрежденія представляются намъ только особыми органами центральнаго управленія для завѣдыванія извѣстной отраслью хозяйства, распорядиться которой самостоятельно они не могутъ.

6) Только послѣ всѣхъ означенныхъ выше преобразованій нашихъ земскихъ учрежденій, т.-е. когда они будутъ дѣйствительными органами самоуправленія, голосъ ихъ, или ихъ довѣренныхъ въ дѣлѣ общихъ государственныхъ вопросовъ, можетъ быть полезенъ и даже необходимъ. До того же времени, несмотря на недавній примѣръ совершенно правильной постановки податного вопроса въ земскихъ собраніяхъ, заключенія ихъ должны выслушиваться съ большой осторожностью. Теперь сословные интересы всегда могутъ быть выставлены какъ интересы общегосударственные, или народные, даже при полной добросовѣстности гг. гласныхъ.

Этимъ мы заканчиваемъ нашу статью о земскихъ учрежденіяхъ, а въ будущей перейдемъ къ „Городовому Положенію“.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го сентября, 1871.

Протестантская депутація и кн. Горчаковъ.—Вопросъ о свободѣ совѣсти.—Вліяніе такой свободы на общество.—Существующія постановленія.—Мировыя учрежденія въ западныхъ губерніяхъ.—Новое положеніе о колонистахъ.—О привилегіяхъ вообще.—Учрежденіе петербургскаго градоначальства.—Возможность новаго устройства полиціи въ Петербургѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ государственный канцлеръ принималъ въ Фридрихсгафенѣ депутацію, составленную изъ представителей евангелическихъ общинъ разныхъ странъ. Оффиціальное изложеніе свиданія князя Горчакова съ этими депутатами, написанное имъ самимъ, появилось въ печати только наканунѣ выхода нашей послѣдней книги, и вотъ почему намъ, въ обозрѣніи за августъ, приходится говорить о фактѣ, бывшемъ въ началѣ іюля. Но фактъ этотъ такъ важенъ, что онъ устарѣть не можетъ, до тѣхъ поръ, когда наше внутреннее развитіе само обойдетъ его наконецъ и поглотитъ въ исторіи своего прошедшаго. Депутація эта явилась къ канцлеру для испрошенія аудіенціи у Государя, съ тѣмъ, чтобы „ходатайствовать въ пользу свободы совѣсти, которая, будто бы, не уважается въ Россіи, въ особенности относительно эстонцевъ и латышей прибалтійскихъ губерній". Мы не знаемъ текста адресовъ, привезенныхъ депутаціею, и не будемъ оцѣнивать ни *ея* заявленій, изложенныхъ въ донесеніи кн. Горчакова, и того впечатлѣнія, какое могло быть произведено на депутатовъ весьма вѣжливымъ отклоненіемъ ихъ адресовъ. Канцлеръ, какъ руководитель нашихъ иностранныхъ сношеній, могъ интересоваться тѣмъ, остались ли депутаты довольны, и, какъ говоритъ онъ, „не замѣтилъ никакого признака раздраженія, хотя видно было сознаніе полной неудачи", и думаетъ, „что откровенность и вѣжливость его словъ были оцѣнены". Князь Горчаковъ прибавляетъ, что когда на другой день онъ встрѣтилъ на прогулкѣ четырехъ членовъ депутаціи, то они „съ жаромъ выразили признательность за сдѣланный имъ пріемъ",—и нѣтъ ни-

чего удивительнаго, что министра иностранныхъ дѣлъ болѣе всего интересуетъ именно вопросъ, довольны ли остались иностранцы или нѣтъ.

Но совсѣмъ въ иномъ отношеніи къ этому дѣлу находится русское общество. Намъ важно не то, что̀ говорили и что̀ подумали иностранцы, были ли справедливы или несправедливы ихъ просьбы, умѣстно или неумѣстно ихъ вмѣшательство, достовѣрны иди недостовѣрны ихъ свѣдѣнія. Все это для насъ совершенно неважно, тѣмъ болѣе, что здѣсь имѣется въ виду заявленіе частныхъ лицъ, а не требованіе или совѣтъ иностранной державы, стало быть о вопросѣ національнаго достоинства здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Намъ важно собственно то, что̀ сказалъ о положеніи великаго вопроса религіозной свободы въ нашемъ отечествѣ нашъ уважаемый министръ. Вотъ ка̀къ отнесся князь Горчаковъ къ самой сущности вопроса о свободѣ совѣсти въ Россіи: „я сказалъ этимъ господамъ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ убѣжденій Вашего Императорскаго Величества", и что „единодушно выраженное ими (депутатами) довѣріе къ свойствамъ Вашего Величества было достаточнымъ ручательствомъ, и кромѣ этого ручательства я не имѣю возможности предложить имъ другого".

Вотъ сущность отвѣта князя Горчакова относительно самаго дѣла свободы совѣсти. При этомъ, канцлеръ сослался на фактъ, что начала вѣротерпимости занесены на страницы нашей исторіи. Но, само собою разумѣется, что такую ссылку на исторію слѣдуетъ понимать не какъ препятствіе къ дальнѣйшимъ шагамъ къ установленію въ Россіи полной свободы совѣсти, а только какъ исходную точку именно для такихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Невозможно толковать словъ канцлера въ такомъ смыслѣ, что такъ какъ начала вѣротерпимости въ нашей исторіи въ разныя времена осуществлялись въ бо̀льшей или меньшей степени, то мы дальше и не пойдемъ къ полной свободѣ совѣсти. Такое толкованіе невозможно уже потому именно, что самая вѣротерпимость въ нашей исторіи осуществлялась въ разныя эпохи въ весьма различной степени, что въ нашей исторіи рядомъ съ фактами вѣротерпимости имѣются и факты весьма упорныхъ религіозныхъ гоненій, и что, стало быть, исторія прошедшаго не можетъ дать намъ не только крайняго предѣла, но даже и какой-либо опредѣленной мѣрки для настоящаго и будущаго. Итакъ, въ этомъ отношеніи для самого русскаго общества лучшимъ ручательствомъ служитъ довѣріе къ высокимъ свойствамъ Государя, и къ отрадному будущему, которое открывается словами, „что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ его убѣжденій".

Мы могли бы привесть извѣстія изъ газетъ, свидѣтельствующія о томъ, что и депутаты никакъ не поняли словъ канцлера въ томъ

смыслѣ, что то, что̀ доселѣ представляла наша исторія въ отношеніи вѣротерпимости, вполнѣ достаточно и больше ничего и не будетъ дано. Совсѣмъ наоборотъ. Однако мы согласны, что если нѣкоторые изъ депутатовъ уразумѣли слова кн. Горчакова въ смыслѣ даннаго или прямого, хотя и неопредѣленнаго обѣщанія, то они ошибаются. Русское правительство не имѣетъ нужны давать какія-либо обѣщанія иностранцамъ, и мы видимъ, что канцлеръ отказалъ имъ даже и въ письменномъ изложеніи своихъ словъ, находя его „излишнимъ". Но мы видимъ также, что такое письменное изложеніе напечатано для свѣдѣнія русскаго общества; мы видимъ, въ самомъ этомъ письменномъ изложеніи, что „выраженныя депутатами просьбы имѣли бы исходомъ отмѣну нѣкоторыхъ законовъ имперіи", и что, въ этомъ отношеніи, мы не можемъ допустить никакого посторонняго вмѣшательства, что̀ совершенно справедливо. Стало быть, дѣло это есть исключительно дѣло русскаго правительства и русскаго общества, и тѣмъ непреложнѣе, тѣмъ святѣе становится обязанность русскаго общественнаго мнѣнія столько же откровенно высказаться нынѣ по этому вопросу, то-есть просить завершенія славныхъ реформъ настоящаго царствованія одною изъ величайшихъ реформъ, когда-либо осуществлявшихся, а именно: установленія въ Россіи свободы совѣсти отмѣною недопускающихъ ея законовъ.

По важности своей, по высокому своему нравственному смыслу, эта реформа заняла бы равное мѣсто съ реформою крестьянской, далеко оставляя за собою даже всѣ прочія. На ряду съ освобожденіемъ двадцати милліоновъ отъ зависимости матеріальной стало бы духовное освобожденіе восьмидесяти милліоновъ, и славнымъ именемъ Освободителя привѣтствовали бы еще разъ Монарха эти милліоны освобожденныхъ *душъ*. Пора общественному мнѣнію высказаться объ этомъ великомъ вопросѣ, пора печати приступить къ его разработкѣ. Наше ходатайство не есть постороннее вмѣшательство, и намъ не скажутъ, что наше ходатайство несвоевременно, такъ какъ мы знаемъ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ убѣжденій Государя.

Для того, чтобы приступить къ разработкѣ этого вопроса, прежде всего необходимо выяснить сущность вопроса о свободѣ совѣсти. Что такое значитъ свобода совѣсти?—вотъ первое, въ чемъ слѣдуетъ отдать себѣ ясный отчетъ; а затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какомъ положеніи находился у насъ этотъ вопросъ доселѣ, по отношенію къ остальной Европѣ. Свобода совѣсти есть право каждаго слѣдовать въ дѣлѣ религіи своимъ убѣжденіямъ, то-есть не насиловать свою совѣсть въ силу свѣтскихъ постановленій, и не прикрывать своей совѣсти лицемѣріемъ, изъ опасенія свѣтскихъ каръ. Свобода совѣсти, очевидно, есть одно изъ правъ, прирожденныхъ человѣческой личности, одно изъ

тѣхъ основныхъ правъ свободы личности, которыя существуютъ независимо отъ закона, какъ всякое убѣжденіе въ какой-либо истинѣ. Само по себѣ, это право никакому вопросу подлежать не можетъ, и стало быть весь вопросъ здѣсь сводится къ тому, чтобы устранить изъ гражданскаго закона тѣ постановленія и тѣ кары, которыя заставляютъ или насиловать убѣжденіе, или лицемѣрить скрывая его. Всякое вмѣшательство государства въ дѣло внутренняго убѣжденія есть нарушеніе свободы совѣсти.

Отсюда ясно, что и полной вѣротерпимости безъ свободы совѣсти быть не можетъ. Полная вѣротерпимость и есть не что иное, какъ свобода совѣсти для всѣхъ жителей государства, гражданъ и гостей-иностранцевъ. Но то, что называется вѣротерпимостью въ тѣсномъ смыслѣ, а именно то, что мы видимъ въ нашей исторіи, есть собственно не вѣротерпимость, а скорѣе терпимость иностранныхъ и инородческихъ обычаевъ и обрядовъ, возникшихъ не въ нашемъ государствѣ. Государство допускаетъ иностранцевъ-иновѣрцевъ и позволяетъ имъ строить храмы; государство покоряетъ иноземныя области и не принуждаетъ жителей ихъ перемѣнять вѣру, а дозволяетъ имъ исповѣдывать прежнюю, отправляя богослуженіе по мѣстному обряду. Но никому изъ своихъ гражданъ слѣдовать свободно той или другой вѣрѣ государство не дозволяетъ, и не допускаетъ, чтобы какое-либо новое вѣроученіе возникало на его территоріи. Это не есть вѣротерпимость, а только терпимость усвоенныхъ за границами государства религіозныхъ обычаевъ. Такая вѣротерпимость въ тѣсномъ смыслѣ существовала и въ древней римской имперіи и при ней, при этой вѣротерпимости, христіанскіе мученики претерпѣли всѣ свои страданія. Въ самомъ дѣлѣ, римская имперія признавала вѣрованія всѣхъ покоренныхъ народовъ и дозволяла имъ сохранять ихъ храмы и строить новые. Это была именно вѣротерпимость въ тѣсномъ смыслѣ, и она не препятствовала жестоко преслѣдовать христіанство, то-есть возникавшее на территоріи имперіи новое вѣроученіе. Въ исторіи католицизма и инквизиціи мы найдемъ также не мало примѣровъ такой вѣротерпимости, не имѣющей ничего общаго съ религіозною свободой: такъ, во всѣхъ западныхъ государствахъ были эпохи, когда тамъ терпѣли евреевъ и магометанъ, а между тѣмъ преслѣдовали возникавшій въ самыхъ этихъ государствахъ протестантизмъ, а также и своихъ гражданъ, обращавшихся въ еврейство или хотя бы въ аріанство и другія ученія, признанныя господствующею церковью за ереси.

Необходимо уяснить себѣ все существенное различіе между религіозною свободою и вѣротерпимостью въ смыслѣ терпимости къ иностраннымъ исповѣданіямъ, установившимся внѣ предѣловъ государства. Тутъ есть разныя степени конечно, и преслѣдованія въ видѣ ссылки не все равно, что сжиганіе на кострахъ, а запрещеніе строить

церкви не все равно, что изгнаніе изъ государства. Но важнѣе этихъ различій есть именно различіе въ самой сущности. Одно изъ двухъ—или государство считаетъ себя воплощеніемъ извѣстной церкви, и свѣтская власть видитъ въ себѣ орудіе власти духовной; въ такомъ случаѣ никакой вѣротерпимости, ни свободы совѣсти быть не можетъ—кто несогласенъ съ господствующею церковью, тотъ противникъ государства; или же—государство вовсе не вмѣшивается въ дѣло внутренняго убѣжденія, полагая, что силою никого убѣдить нельзя, и что достоинство вѣры лучше соблюдается при отсутствіи лицемѣрнаго ей подчиненія подъ страхомъ каръ. То и другое логично; послѣднее одно раціонально и справедливо, но и первое, во всякомъ случаѣ, логично. Но этого никакъ нельзя сказать о такъ-называемой вѣротерпимости въ тѣсномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если государство, присоединяя иновѣрныя области оставляетъ имъ ихъ вѣру, для того только, чтобы не затруднить ихъ удержанія въ своей власти; если оно дозволяетъ иностранцамъ и инородцамъ, въ содѣйствіи которыхъ видитъ для себя пользу, строить иновѣрческіе храмы, въ которыхъ произносится слово, противное догматамъ господствующей церкви, то стало быть государство уже сознало, что его цѣли не суть цѣли его церкви, что его усилія должны быть посвящены мірскимъ, а не духовнымъ цѣлямъ, что ему нѣтъ дѣла до убѣжденія гражданъ, лишь бы эти граждане были вѣрными гражданами и безвредными для общества членами. Но, въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣетъ и все остальное стѣсненіе религіозной свободы, а именно—преслѣдованіе всякаго новаго вѣроученія, и наложеніе каръ на всякій отдѣльный случай обращенія въ иное исповѣданіе, наконецъ преслѣдованіе даже каждаго слова, несогласнаго съ ученіемъ господствующей церкви? Какъ ни назовите такую систему политики государства, но логичною ее, во всякомъ случаѣ, назвать нельзя.

Различіе между истинною вѣротерпимостью, то-есть свободою совѣсти и между терпимостью въ тѣсномъ смыслѣ такъ ярко, что было бы излишне на немъ настаивать, еслибы мы не знали, что въ этомъ отношеніи еще немалое число людей у насъ, даже изъ слѣдящихъ за европейскими новостями, имѣютъ невполнѣ ясныя понятія. Иной читатель газетъ отъ души ненавидитъ и презираетъ французскихъ и германскихъ клерикаловъ и даже недоумѣваетъ, какъ въ такой либеральной странѣ, какъ Англія, могутъ еще оставаться въ силѣ привилегіи господствующей церкви. „Деревенское большинство“, управляемое попами, и г. фонъ-Мюлеръ съ его ариѳметикою изъ библейскихъ лѣтосчисленій, представляются этому читателю странными аномаліями въ наше время, диковинами, вызывающими невольную улыбку. Между тѣмъ, иной читатель не отдалъ себѣ отчета, что всѣ самыя крайнія требованія французскихъ и нѣмецкихъ клерикаловъ, не говоря уже объ англій-

скихъ, даже и не клонятся къ чему-либо такому, что было бы похоже на запрещеніе гражданамъ свободно избирать себѣ вѣру, запрещеніе этого подъ опасеніемъ ссылки или тюрьмы. Самые ревнивые изъ этихъ клерикаловъ, надъ преувеличеніями и нетерпимостью которыхъ наивный читатель способенъ смѣяться, не дерзаютъ и думать о введеніи во Франціи, Германіи или Англіи чего-либо подобнаго такому запрещенію и такимъ карамъ за его нарушеніе, которыя въ отечествѣ этого читателя существуютъ самымъ положительнымъ образомъ и примѣняются неукоснительно. Вездѣ въ Европѣ это представляется до такой степени невозможнымъ, что вовсе даже нѣтъ партіи, которая бы къ этому стремилась, и г. фонъ-Мюлеръ, такъ удивляющій иногда русскаго читателя, не мало бы удивился, узнавъ, чтó иного русскаго читателя вовсе не удивляетъ. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, только людей съ поверхностнымъ образованіемъ, не привыкшихъ мыслить самостоятельно и имѣть для всего свою собственную умственную оцѣнку.

Люди развитые до самостоятельности мысли, конечно, весьма ясно понимаютъ, въ чемъ дѣло, и каково громадное различіе, отдѣляющее насъ въ этомъ отношеніи отъ Европы. Мы сказали „въ этомъ отношеніи", но могли бы сказать во всѣхъ умственныхъ отношеніяхъ, потому что свобода совѣсти есть первое, непреложное условіе къ эмансипаціи мысли общества. Безъ принципа свободы совѣсти, провозглашеннаго реформаціею, нѣтъ всего послѣдующаго движенія къ освобожденію общества и личности. Люди, дорожащіе интересами русской мысли, очень хорошо знаютъ и то различіе, о которомъ мы говоримъ и цѣну той реформы, которой мы желаемъ. Они знаютъ, что это не вопросъ прихоти, не потребность подражанія Европѣ, а просто вопросъ о всей умственной эманципаціи общества. Свобода религіознаго убѣжденія есть священнѣйшій и первый видъ умственной свободы. Когда общество не имѣетъ свободы совѣсти, то это значитъ, что мысль его остается подъ опекою, что государство еще не считаетъ общество своихъ гражданъ зрѣлымъ и совершеннолѣтнимъ, не вѣритъ прочности и искренности его убѣжденій, а потому и не считаетъ нужнымъ уважать ихъ. Вопросъ о дарованіи или недарованіи религіозной свободы есть вопросъ о совершеннолѣтіи или несовершеннолѣтіи русской общественной мысли; вотъ почему онъ дóрогъ, вотъ почему онъ требуетъ себѣ разрѣшенія.

Нигдѣ въ Европѣ, въ настоящее время, повторяемъ, не ссылаютъ людей и не заключаютъ въ тюрьмы за перемѣну вѣры; однѣ наши законы въ этомъ отношеніи доселѣ составляютъ замѣчательное исключеніе, какъ и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ церковнымъ правиламъ. Объ этомъ стóитъ подумать. Намъ недостаточно знать, напр., что французскіе легитимисты—реакціонеры, а необходимо отдавать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ словъ. Величайшій реакціонеръ среди леги-

тимистовъ, напримѣръ, такой реакціонеръ, который невозможенъ нынѣ и въ ихъ средѣ, былъ герцогъ Полиньякъ, издавшій въ 1830-мъ году особый законъ о святотатствѣ. Это знаетъ у насъ всякій, кто читалъ хотя бы учебникъ новѣйшей исторіи. Но этого мало; для того, чтобы правильно понимать такой фактъ, необходимо постоянно помнить, что въ нашемъ уложеніи до сихъ поръ имѣетъ силу законъ, который за святотатство опредѣляетъ въ высшей степени карѣ — каторжную работу въ *рудникахъ безъ срока*, то-есть то, что у насъ замѣняетъ смертную казнь, и есть мѣра наказанія, превышающая ту, какая положена за умышленное убійство (улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866-го года, разд. II, ст. 210-я).

Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ весь II раздѣлъ посвященъ опредѣленію уголовныхъ мѣръ за „преступленія противъ вѣры и нарушеніе ограждающихъ оную постановленій". Здѣсь есть всѣ степени взысканій, начиная съ безсрочной каторги въ рудникахъ до простого поселенія въ Сибири или заключенія. За богохуленіе, напр., можетъ быть назначена каторжная работа въ рудникахъ до пятнадцати лѣтъ (ст. 176-я). За богохульное выраженіе объ иконѣ, напр., даже не публично, а только при свидѣтеляхъ, виновный, по ст. 177-й, можетъ быть приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Даже свидѣтель такого хуленія, если онъ не донесъ, приговаривается къ тюремному заключенію до восьми мѣсяцовъ (ст. 179-я).

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ посягательства на уваженіе, какого заслуживаютъ религіозныя вѣрованія даже со стороны иновѣрцевъ; это, во всякомъ случаѣ, исключенія. Но вотъ постановленія, которыя стѣсняютъ религіозную свободу рѣшительно всѣхъ гражданъ, угрожая карами за всякое отпаденіе отъ господствующей церкви, лжеученіе и иноученіе. „За отвлеченіе черезъ подговоры", но безъ употребленія насилія, изъ вѣры христіанской въ нехристіанскую виновные подвергаются „лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ" (ст. 184-я). „За совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе, виновный приговаривается (ст. 187-я) къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты". Сами же „отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское же вѣроисповѣданіе", по ст. 188-й, „отсылаются къ духовному начальству, для увѣщанія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ". Что же происходитъ въ случаѣ упорства вразумляемаго? На это статья закона не даетъ отвѣта, установивъ только „отсылку къ духовному начальству" именно до вразумленія. Стало быть, въ случаѣ упорства, нѣтъ никакой причины, чтобы вра-

зумляемый когда-либо освободился изъ монастыря. Нигдѣ, въ цѣлой Европѣ, нѣтъ ссылки свѣтскою властью въ монастырь; нигдѣ нѣтъ принудительнаго церковнаго увѣщанія; у насъ же то и другое не только есть, но, въ случаѣ упорства, „виновный“ положительно лишенъ какого-либо покровительства закона, а, какъ извѣстно, заключеніе въ нашихъ монастыряхъ не рѣдкость и въ настоящее время.

Итакъ, отступившій отъ православія „отсылается“ на распоряженіе духовнаго начальства, а между тѣмъ „*до возвращенія его въ православіе*“ (то-есть въ случаѣ упорства навсегда) отъ него отбираются его малолѣтнія дѣти (ст. 188). За всякую проповѣдь какого-либо христіанскаго ученія, обращенную къ православнымъ, виновные подвергаются, по ст. 189, „въ первый разъ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ“; въ третій же разъ къ ссылкѣ въ Сибирь или въ исправительныя арестантскія роты. Итакъ, явись у насъ въ 1871-мъ году Гусъ, котораго память у насъ теперь въ почетѣ, онъ не былъ бы сожженъ на кострѣ; но....... достаточно сказать, что свободою проповѣди онъ бы не воспользовался.

Законъ нашъ не ограничивается этимъ, а самымъ неумолимымъ образомъ вмѣшивается въ такія священныя и неприкосновенныя для полицейскаго надзора сферы, какъ нравственныя отношенія родителей къ своимъ дѣтямъ. „Родители, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной—говоритъ ст. 190—будутъ крестить ихъ или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія, присуждаются за сіе къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Дѣти ихъ отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго вѣроисповѣданія“ и проч. Итакъ, достаточно, что при бывающихъ между родными раздорахъ, родственники донесли на отца или мать, иновѣрца или иновѣрку, исполняющихъ столь естественное, напримѣръ, желаніе, какъ водить съ собою дѣтей въ свою церковь — и вотъ уголовное дѣло, результатомъ котораго можетъ быть, что у матери или отца отнимутъ дѣтей и отдадутъ ихъ родственникамъ-доносчикамъ, а самихъ *родителей* заключатъ въ тюрьму! Такой законъ не соотвѣтствуетъ времени, въ которое мы живемъ; въ этомъ едва ли будетъ кто-либо сомнѣваться.

За одно *знаніе*, что зависящія лица хотятъ отпасть отъ православія, и за непринятіе по этому случаю мѣръ, отецъ или мать, хозяинъ или опекунъ могутъ быть подвергнуты аресту до трехъ мѣсяцевъ, даже если сами они не православные (ст. 192). Что касается распространенія существующихъ уже или заведенія новыхъ ересей и расколовъ, то за это проповѣдники такихъ ученій подвергаются „лишенію всѣхъ правъ

состоянія и ссылкѣ на поселеніе". Законъ не преслѣдуетъ приверженцевъ нѣкоторыхъ сектъ, за исключеніемъ, впрочемъ, духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ и нѣкоторыхъ другихъ, но только на основаніи того же правила тѣсной терпимости уже совершившагося факта. За всякое совращеніе вновь въ какой бы то ни было расколъ угрожаетъ уголовное наказаніе. За заведеніе раскольничьихъ скитовъ и починку старыхъ какихъ-либо для службы и моленія по раскольническимъ обрядамъ зданій, церквей, часовень или молитвенныхъ домовъ, и за обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя молельни виновные приговариваются, по ст. 206, къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, а все ими устроенное подвергается сломкѣ.

Но, кромѣ того, существуетъ законъ, въ силу котораго весьма многіе изъ православныхъ могутъ подлежать взысканію, а именно по ст. 208 „лица православнаго исповѣданія, уклоняющіяся отъ исповѣди и причащенія св. таинъ, по нерадѣнію или небреженію, подвергаются церковнымъ наказаніямъ по усмотрѣнію и распоряженію духовнаго епархіальнаго начальства". Какова можетъ быть тягость этихъ наказаній — законъ не опредѣляетъ, но изъ него видно, что наказанія эти такого рода, что они могутъ отлучать гражданъ отъ ихъ занятій, такъ какъ законъ счелъ необходимымъ ограничить степень этихъ наказаній собственно относительно служащихъ и поселянъ, а именно такъ, „чтобъ при семъ не были надолго отлучаемы должностные отъ службы, а поселяне *отъ домовъ* и работъ своихъ".

Обозрѣвъ эти постановленія, спросимъ себя, каково намъ самимъ показалось бы, если бы Тьеръ или Бисмаркъ предприняли издать законъ, которымъ вмѣнялись бы въ непремѣнную обязанность французамъ и нѣмцамъ говѣть или причащаться хоть разъ въ годъ? Тогда мы яснѣе отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что̀ такое вѣротерпимость въ тѣсномъ смыслѣ и что̀ такое свобода совѣсти. Издали оно, пожалуй, понятнѣе.

Мы не хотимъ ничего преувеличивать и готовы допустить, что выписанныя уголовныя постановленія у насъ не примѣняются постоянно и повсемѣстно во всей ихъ строгости, что̀ составляло бы нѣкій терроръ, такъ какъ огромное число людей подверглись бы тяжкимъ карамъ; въ особенности относительно раскольниковъ, законы эти, въ послѣднее время, примѣняются слабо. Но все-таки пока законы эти, очевидно устарѣвшіе, остаются въ силѣ, примѣненіе ихъ каждый разъ зависитъ просто отъ случая. Напримѣръ, достаточно чьего-либо доноса, или нерасположенія духовнаго лица, хотя бы изъ-за мірскихъ интересовъ, чтобы вызвать примѣненіе карающаго закона. До тѣхъ поръ, пока это существуетъ, пока, по крайней мѣрѣ, хоть законы противъ совращенія и отпаденія не будутъ отмѣнены, русское общество останется въ положеніи несовершеннолѣтняго. Оно не будетъ имѣть

истинной вѣротерпимости, которая есть не что иное, какъ свобода совѣсти; до тѣхъ поръ русская общественная мысль не будетъ имѣть того перваго и непреложнаго основанія свободы, на которомъ, за реформаціею, воздвиглось все новѣйшее просвѣщеніе. Однимъ словомъ, до тѣхъ именно поръ Россія не будетъ Европою. Въ отсутствіи свободы совѣсти и заключается, въ настоящее время, *коренное различіе* Россіи отъ Европы.

Возраженій съ точки зрѣнія государственной безопасности быть не можетъ; чѣмъ скорѣе русское государство отложитъ въ сторону пропаганду православія, какъ не свое дѣло, тѣмъ скорѣе жители иновѣрныхъ окраинъ станутъ русскими, оставаясь католиками и лютеранами. Возраженій догматическихъ также быть не можетъ. Вѣдь все равно, и теперь государство не беретъ на себя наблюдать за исполненіемъ всѣхъ церковныхъ правилъ. Напр. нѣтъ свѣтскаго закона, который предписывалъ бы соблюдать всѣ посты подъ страхомъ заключенія въ тюрьму или ссылки въ монастырь. Стало быть не будетъ никакого грѣха, если государство перестанетъ насильно принуждать къ соблюденію и всѣхъ прочихъ церковныхъ правилъ. И государство уже доказало примѣрами, что въ такомъ устраненіи себя отъ дѣлъ совѣсти оно грѣха не видитъ. Такъ, дѣтей изъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранами въ остзейскомъ краѣ государство не принуждаетъ воспитывать въ православной вѣрѣ. Если въ этомъ грѣха нѣтъ, отчего же въ остальной Россіи было бы грѣшно оставить, напр., молоканъ въ покоѣ, или не наблюдать свѣтскою властью за говѣньемъ православныхъ, не говоря уже объ отнятіи дѣтей у родителей и заключеніи послѣднихъ въ тюрьму за дѣла совѣсти—дѣла чистаго убѣжденія.

До какой степени собственно религіозное разномысліе или разновѣріе не имѣло бы политическаго значенія, еслибы сами законы не придавали иновѣрцамъ именно иную національность, обнаруживается на практикѣ изъ того факта, что администрація западнаго края, при примѣненіи мѣръ о введеніи русскаго землевладѣнія въ этомъ краѣ, затрудняется вопросомъ: кого слѣдуетъ почитать русскимъ, а кого полякомъ? Стало быть, вѣроисповѣдное различіе не составляетъ твердыхъ основъ именно въ политическомъ отношеніи. Считать ли „лицомъ русскаго происхожденія“ православнаго—сына православнаго, но по всѣмъ своимъ свойствамъ, языку, обычаямъ и связямъ—поляка? Допускать ли его къ покупкѣ имѣнія, отказывая въ томъ католику, который воспитанъ въ Россіи, вѣрно служилъ Россіи, женатъ на русской, и едва знаетъ по-польски, или и совсѣмъ не знаетъ? Подобные вопросы затрудняютъ администрацію сѣверо-западнаго края, и вотъ лучшее доказательство, что политическій интересъ государства не обезпечивается пропагандою православія.

Заговоривъ о западномъ краѣ, мы должны упомянуть объ одной

коснувшейся его въ прошломъ іюлѣ реформѣ, а именно о введеніи въ девяти западныхъ губерніяхъ мировыхъ судебныхъ учрежденій. Мировыя учрежденія будутъ, впрочемъ, введены (время зависитъ отъ усмотрѣнія министра юстиціи) съ весьма значительными различіями противъ того, какъ учрежденія эти существуютъ въ остальной Россіи. Утвержденныя (23 іюня) правила объ устройствѣ судебныхъ установленій въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Кіевской, Волынской, Подольской, Минской, Витебской и Могилевской, установляются, впрочемъ, только временно, а именно впредь до введенія въ этихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій. За неимѣніемъ нынѣ земскихъ учрежденій въ тѣхъ губерніяхъ, мировые судьи не избираются мѣстными жителями, а назначаются администраціею. Временныя уѣздныя коммиссіи составляютъ списки мѣстнымъ жителямъ, желающимъ и имѣющимъ право быть мировыми судьями; министръ юстиціи и назначаетъ участковыхъ мировыхъ судей изъ лицъ занесенныхъ въ эти списки, а „за недостаткомъ между ними соотвѣтственныхъ кандидатовъ"—*и изъ другихъ лицъ;* почетные же судьи должны быть выбраны имъ исключительно изъ числа лицъ, занесенныхъ въ тѣ списки. Предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ также не избираются самими судьями, а назначаются министромъ юстиціи. Для легчайшаго пріисканія соотвѣтственныхъ кандидатовъ на судейскія мѣста, уменьшенъ для западныхъ губерній размѣръ ценза. Судебной реформѣ, являющейся съ такими видоизмѣненіями, которыя, очевидно, менѣе гарантируютъ самостоятельность судей, являющихся, въ настоящемъ случаѣ, почти въ положеніи административныхъ чиновниковъ, невозможно придать того значенія, какое она имѣла въ остальной Россіи, тѣмъ болѣе, что она ограничивается введеніемъ однихъ мировыхъ учрежденій. Однако, она все-таки значеніе имѣетъ, какъ первая послѣ крестьянской реформы органическая мѣра къ объединенію западной окраины съ остальною Россіей. Она имѣетъ значеніе, какъ шагъ къ истинному объединенію распространеніемъ началъ либеральныхъ и благотворныхъ.

Другая обнародованная недавно реформа обнимаетъ всѣ условія быта поселеній иностранныхъ колонистовъ въ Россіи. Эта реформа приближаетъ къ общимъ постановленіямъ не отдѣльную мѣстность имперіи, а тѣ многочисленныя группы поселенцевъ, которыя разсѣяны по разнымъ губерніямъ. Она, пожалуй, имѣетъ болѣе характеръ реформы сословной, чѣмъ реформы мѣстной. Въ самомъ дѣлѣ, прямая цѣль этой реформы состоитъ въ отмѣнѣ сословія колонистовъ, съ подведеніемъ ихъ подъ общія условія быта поселянъ-собственниковъ. Такъ какъ сословіе колонистовъ, хотя и разсѣянное въ сельскихъ группахъ по разнымъ губерніямъ, доселѣ стояло въ странѣ совершенно особнякомъ, огражденное особыми привилегіями и подлежащее особымъ законамъ и особой администраціи, то и настоящая реформа имѣетъ

характеръ объединительный, пожалуй, даже имѣетъ такой характеръ въ бо́льшей степени, чѣмъ первая, по радикальности тѣхъ измѣненій, которыя она производитъ въ положеніи колонистовъ.

На основаніи новыхъ „Правилъ объ устройствѣ поселянъ-собственниковъ, бывшихъ колонистовъ“, эти поселяне во всѣхъ губерніяхъ, какъ состоящіе въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, такъ и изъятые изъ него, подчиняются вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, съ нѣкоторыми временными ограниченіями, и такимъ образомъ „входятъ въ составъ сельскихъ обывателей, причисляясь къ разряду крестьянъ-собственниковъ“. Сельскія общества и волости бывшихъ колонистовъ устраиваются на основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ 19-го февраля 1861-го года, съ такимъ ближайшимъ опредѣленіемъ состава сельскаго схода, которое произведетъ весьма значительное измѣненіе во внутреннемъ самоуправленіи колоній, а вѣроятно и въ экономическихъ ихъ условіяхъ. Сельскій сходъ въ колоніяхъ всемогущъ, во-первыхъ потому, что у колонистовъ не существуетъ волостного схода, а еще главнымъ образомъ потому, что въ колоніяхъ, относительно раздѣла наслѣдствъ и вообще гражданскаго суда, дѣйствовало не общее законодательство, а право мѣстнаго обычая, котораго органами и являлись именно сельскій сходъ и должностныя лица селенія и округа, т.-е. шульцъ, засѣдатели (бейзицеры) и окружный голова. Волостное представительство у нихъ не было постояннымъ учрежденіемъ, а только съѣздомъ депутатовъ или повѣренныхъ отъ разныхъ селеній, избираемыхъ каждый разъ, на особый случай, когда шла рѣчь объ интересахъ нѣскольких колоній или всего округа.

Сельскій сходъ въ колоніяхъ былъ именно всемогущъ. На основаніи устава о колоніяхъ, все самоуправленіе подлежало сельскому сходу, а именно выборы шульца и засѣдателей, разсмотрѣніе просьбъ и жалобъ объ общественныхъ нуждахъ и постановленіе по онымъ приговоровъ, раскладка податей и повинностей, увольненіе колонистовъ въ другія званія, исключеніе и удаленіе изъ колоній поселенцевъ развратнаго поведенія и утвержденіе условій на вызовъ священника. Избранное же сельскимъ сходомъ правленіе, то-есть шульцъ и два засѣдателя, управляли всѣми общественными дѣлами и суммами, вѣдали „расправу и примиреніе въ маловажныхъ между колонистами ссорахъ и искахъ“, наконецъ подвергали виновныхъ (за исключеніемъ уголовныхъ преступниковъ, конечно) взысканію, съ разрѣшенія либо окружнаго головы, либо „съ общаго согласія бейзицеровъ и лучшихъ людей“. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что все это самоуправленіе и этотъ самосудъ происходили на основаніи преданій и обычаевъ, убѣдимся, что сельскій сходъ въ колоніяхъ былъ именно всемогущъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя законъ упоминалъ только о „мало-

важныхъ" ссорахъ и искахъ, не опредѣляя точнѣе круга судебнаго вѣдомства сельскаго правленія, но, въ дѣйствительности, тяжбы никогда и не восходили въ высшее управленіе колоніями.

Понятно поэтому, какую капитальную важность представляетъ для колоніи *составъ* сельскаго схода. До сихъ поръ составъ ихъ опредѣлялся только общимъ положеніемъ, что „сельскій мірской сходъ составляется созывомъ не менѣе одного колониста съ каждаго двора"; на дѣлѣ сельскій сходъ состоялъ изъ хозяевъ. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени въ колоніяхъ, и по преимуществу, конечно, въ тѣхъ, которыя владѣютъ землею не на общинномъ, а на подворномъ пользованіи, образовался классъ безземельныхъ рабочихъ, батраковъ (Beiwohner); сверхъ того, въ колоніяхъ съ подворнымъ пользованіемъ землею образовался классъ малоземельныхъ или усадебныхъ хозяевъ (Anwohner), не имѣющихъ полевого надѣла. Оба эти класса впали въ совершенную зависимость отъ настоящихъ хозяевъ-земледѣльцевъ. Голосъ Anwohner'а не имѣлъ значенія, а Beiwohner, т.-е. совсѣмъ безземельный никакого голоса не имѣлъ. А все-таки, всѣ эти люди, по самому устройству самоуправленія колоній, несли на себѣ всѣ тягости, въ распредѣленіи которыхъ не участвовали, и мало того — именно по этой-то причинѣ и несли тягостей болѣе, чѣмъ полноправные хозяева.

Такому положенію дѣлъ, при которомъ въ колоніяхъ составился классъ людей, находящійся въ крайне неудовлетворительномъ и безвыходномъ положеніи, наноситъ важный ударъ именно нынѣшнее точнѣйшее опредѣленіе состава сельскаго схода въ колоніяхъ, причемъ въ основаніе избирательнаго права положенъ не одинъ имущественный, но отчасти и *личный* принципъ. Этотъ *личный* принципъ, къ сожалѣнію совершенно упущенный изъ виду при составленіи нынѣ вводимаго городового положенія, въ правилахъ объ устройствѣ колоній признается. По новымъ правиламъ, сельскій сходъ составляется изъ поселянъ домохозяевъ, имѣющихъ не только полевыя угодья, но и не имѣющихъ такихъ угодій, а сверхъ того, въ селеніяхъ, гдѣ существуетъ подворное пользованіе землею, поселяне совершенно безземельные, то-есть неимѣющіе и усадебной осѣдлости, посылаютъ на сходъ по одному выборному отъ каждыхъ десяти взрослыхъ работниковъ, а на волостной сходъ безземельные изъ такихъ селеній посылаютъ по одному выборному отъ каждыхъ двадцати взрослыхъ работниковъ. При этомъ, единственнымъ ограниченіемъ личнаго ценза полагается, чтобы въ волостномъ сходѣ число выборныхъ членовъ схода ни въ какомъ случаѣ *не превышало* числа выборныхъ отъ домохозяевъ. Учрежденіе въ средѣ колоній волостныхъ сходовъ есть также новая мѣра. Но волостные сходы въ колоніяхъ все-таки не будутъ имѣть такого значенія, какъ въ другихъ волостяхъ, потому что кругъ вѣдѣнія сельскаго мірского схода и по новому закону остается об-

шире, чѣмъ въ иныхъ мірскихъ обществахъ, а именно ему, сверхъ общихъ предметовъ вѣдѣнія сельскихъ сходовъ, предоставляются разрѣшеніе переуступки подворныхъ участковъ отъ одного хозяина другому, распоряженіе мірскими оброчными статьями и завѣдываніе общественными лѣсами и плантаціями.

Съ допущеніемъ безземельныхъ къ участію въ сельскомъ сходѣ, который завѣдуетъ между прочимъ и переуступками участковъ, безъ сомнѣнія въ значительной степени прекратится полная зависимость этихъ безземельныхъ отъ хозяевъ, и малоземельныхъ отъ богатыхъ. Бѣдные не согласятся нести наибольшія тягости, не согласятся вѣроятно и на подушную раскладку податей, а потребуютъ раскладки по количеству земли состоящей въ пользованіи каждаго хозяйства. Такимъ образомъ, введеніе новыхъ правилъ окажетъ вліяніе въ отношеніи не только административномъ, но и экономическомъ, тѣмъ болѣе, что отнынѣ, на основаніи общаго закона, сельское общество каждой колоніи можетъ, большинствомъ двухъ третей, рѣшать вопросъ объ общинномъ или подворномъ порядкѣ пользованія землею. Каковы будутъ результаты этихъ мѣръ для благосостоянія колоній покажетъ время, но во всякомъ случаѣ слѣдовало освободить безземельныхъ изъ полнаго подчиненія хозяевамъ, тѣмъ болѣе, что надѣлы въ колоніяхъ довольно велики, такъ что число безземельныхъ не можетъ не быть значительно. Такъ, во многихъ колоніяхъ надѣлъ былъ данъ въ 65 десятинъ на семейство или дворъ, и до сихъ поръ (особенно у меннонитовъ) не допускается раздѣленіе этихъ значительныхъ участковъ. Въ нѣкоторыхъ же колоніяхъ, особенно въ сѣверныхъ, надѣлы давно уже раздѣлились на два хозяйства, но дальнѣйшее дробленіе также не допускается, т.-е. не допускается самимъ обществомъ, ихъ обычаемъ и преданіемъ. А между тѣмъ, населенность въ нѣмецкихъ колоніяхъ постоянно возрастала съ необыкновенною быстротой. Итакъ, повторяемъ, въ отношеніи необходимости дать и безземельнымъ доступъ къ участію въ самоуправленіи не могло быть никакого сомнѣнія и колебанія.

Нѣсколько иначе представлялся вопросъ о томъ, что составляетъ сущность настоящихъ, весьма важныхъ привилегій колонистовъ, привилегій, изъ которыхъ нѣкоторыя были дарованы имъ на вѣчныя времена. Извѣстно, что колонистамъ, вызваннымъ изъ-за границы, предоставлено было на разное время полное изъятіе отъ всѣхъ податей и повинностей, съ исключеніемъ только поземельной платы, въ видѣ оброчной, такъ какъ они поселены на казенныхъ земляхъ. Впрочемъ, и эта плата была назначена незначительная, напр. 7 копѣекъ съ десятины. Въ настоящее время періоды полной льготы отъ податей для большинства колоній, а именно для всѣхъ старыхъ—нѣмецкихъ, давно истекли. А съ образованіемъ земскихъ учрежденій колоніи призва-

ны къ участію въ бюджетѣ земствъ на общемъ основаніи. Тѣмъ не менѣе, оставались до сихъ поръ въ полной силѣ изъятія колонистовъ отъ личной воинской повинности, а также и отъ воинскаго постоя, за исключеніемъ только постоя временно проходящихъ командъ. Отдѣльное управленіе и въ особенности самоуправленіе на правѣ обычая, замѣнявшемъ общее гражданское право и наконецъ внутреннее дѣлопроизводство и разбирательство на наслѣдственномъ языкѣ были также немаловажными привилегіями. Сверхъ того, нѣкоторымъ колоніямъ были предоставлены особыя права по винокуренію и пивоваренію, которыя, впрочемъ, подошли подъ новое акцизное положеніе, и право производить торговлю и промыслы не причисляясь къ другимъ сословіямъ, то-есть съ изъятіемъ отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ.

Всѣ эти привилегіи колонистовъ, въ настоящее время, подверглись радикальному видоизмѣненію; въ принципѣ всѣ онѣ, безъ исключенія, отмѣняются; только практическое примѣненіе этого принципа окончательнаго слиянія колонистовъ съ прочими сословіями имперіи отчасти замедлено нѣкоторыми временными условіями. Такъ, по новому положенію, колонистамъ дается 10-тилѣтній срокъ на сохраненіе слѣдующихъ привилегій: записываться въ другія состоянія, оставаясь по желанію въ прежнемъ состояніи, но зато и *съ платежемъ всѣхъ* сборовъ по обоимъ и сохранить свободу отъ военно-постойной повинности. „Относительно рекрутской повинности"—сказано въ „правилахъ"—нынѣ дѣйствующія въ отношеніи колонистовъ узаконенія сохраняютъ свою силу впредь до изданія общаго закона о военной повинности". Что касается изъятія отъ прочихъ податей и повинностей, то оно прямо прекращается. Къ общимъ государственнымъ и земскимъ податямъ и повинностямъ, которымъ колонисты теперь подчиняются, присоединяется и особый сборъ по содержанію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Но вмѣстѣ съ такимъ привлеченіемъ колонистовъ ко всѣмъ общимъ сборамъ, они не освобождаются и отъ тѣхъ особыхъ сборовъ, которые существовали до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ колоніяхъ въ видѣ общественнаго сбора на содержаніе особыхъ колонистскихъ управленій, центральныхъ русскихъ училищъ, духовенства и т. д.

Итакъ, всѣ привилегіи колонистовъ отмѣняются; они привлекаются къ общему порядку управленія и къ несенію всѣхъ общихъ податей и повинностей; хотя относительно воинской повинности это и не сказано пока, однакожъ сказано, что существующія права сохраняются только впредь до изданія того новаго положенія о военной повинности, которое, имѣя въ основаніи своемъ всесословность, конечно распространитъ свое дѣйствіе и на колонистовъ. Взамѣнъ всего, чего они лишаются, имъ предоставляется *въ собственность* та казенная земля, на которой они поселены и которою они до сихъ поръ владѣли. Но эта замѣна очевидно только номинальная. Тѣми законода-

тельными актами, которыми колонисты были впервые вызваны въ Россію или которыми опредѣлилось ихъ первоначальное устройство, казенная земля была предоставлена имъ въ „вѣчно-потомственное пользованіе“. Что же пріобрѣтаютъ колонисты вновь съ выдачею имъ нынѣ владѣнныхъ записей? Въ сущности ничего, такъ какъ оброкъ за землю они все равно будутъ платить подъ названіемъ государственной оброчной подати. Свобода отъ личной военной повинности была предоставлена имъ на вѣчныя времена самымъ положительнымъ образомъ. Самое прибытіе ихъ въ Россію и первоначальное устройство имѣло характеръ обоюднаго договора, и нынѣшнія измѣненія невозможно объяснить, оставаясь на почвѣ обязательности этихъ договоровъ. Объяснить себѣ справедливость этихъ измѣненій можно иеиначе, какъ отрѣшась отъ почвы договоровъ и ставъ просто на точку обще-государственнаго законодательства, имѣющаго въ виду уравненіе правъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ.

Ставъ на эту точку, нельзя конечно не согласиться, что вѣчныхъ привилегій быть не можетъ и можно разсуждать такъ, что довольно уже колонисты воспользовались всякими преимуществами, пора и имъ нести общія тягости наравнѣ со всѣми гражданами въ государствѣ. Но и въ этомъ смыслѣ не слѣдуетъ впадать въ преувеличеніе. Въ нашемъ обществѣ не мало людей, которые склонны смотрѣть на колонистовъ (предполагая въ нихъ исключительно нѣмцевъ, и забывая о славянскихъ колоніяхъ на нашемъ югѣ), почти какъ на какихъ-то міроѣдовъ и притѣснителей земли русской. Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Иностранные колонисты пришли въ Россію потому, что государство пригласило ихъ къ тому торжественнымъ манифестомъ 1762 года, въ видахъ собственной пользы, въ видахъ „той пользы (сказано въ указѣ 1764 года), которая умноженіемъ выхода въ Россію иностранныхъ народовъ государству пріобрѣтена будетъ“. И польза эта государству дѣйствительно пріобрѣтена. Въ то время, когда вновь пріобрѣтенный югъ стоялъ пустыремъ, когда даже бѣглые пріобрѣтали тамъ право гражданства, не все равно было получить тамъ въ короткое время нѣсколько цвѣтущихъ поселеній, которыя способствовали къ оживленію и дальнѣйшему заселенію края, или не имѣть ихъ. Но не только тамъ, а также и въ восточныхъ саратовскихъ пустыняхъ, и на бѣдной почвѣ сѣвера, петербургской и новгородской, нѣмецкія поселенія принесли большую пользу. Говорятъ обыкновенно, что русскіе крестьяне ничего у колонистовъ не переняли. Но и это невѣрно. Невѣрно утверждать, будто наши земледѣльцы ничему не научились у колонистовъ; распространеніе картофеля, и устройство плантацій разныхъ промысловыхъ растеній на югѣ, вотъ прямыя послѣдствія примѣра, показаннаго колонистами. Но и сами по себѣ, тѣмъ что они жили и работали посреди насъ, колонисты принесли огром-

ную пользу. Представимъ себѣ, что десятки тысячъ десятинъ земли у насъ оставались бы неразработанными доселѣ, что Сарепта вовсе бы не существовала, что въ средѣ нашего населенія было бы полумилліономъ людей меньше, и именно полумилліономъ людей трезвыхъ, искусныхъ и работящихъ. Едва ли даже ошибемся сказавъ, что колоніи принесли Россіи болѣе пользы, чѣмъ сколько принесли и обѣщаютъ въ теченіи ближайшаго времени наши средне-азіатскія владѣнія. Нѣмецкіе колонисты не напросились къ намъ изъ милости, а были приглашены нашимъ правительствомъ въ разныя времена, начиная съ 1765 года, когда началось водвореніе первыхъ колонистовъ въ мѣстности нынѣшнихъ губерній Саратовской и Самарской. Это первоначальное ядро иностраннаго поселенія было образовано императрицею Екатериною въ началѣ ея царствованія, а именно первый манифестъ, вызывавшій иностранцевъ, былъ изданъ въ 1762 году, и въ теченіи 1765 — 1770 годовъ по обоимъ берегамъ Волги уже устроились 102 нѣмецкія колоніи. Переселеніе продолжалось въ слѣдующія царствованія, и колоніи, нѣмецкія и болгарскія, возникли во многихъ губерніяхъ, продолжая возникать и въ настоящее царствованіе. Такъ, напр., въ 1856 и 1867 году прибыли новыя партіи меннонитовъ въ Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи, а въ 1860—1862 годахъ происходило переселеніе массами въ Крымъ болгаръ и сербовъ, и до двухсотъ семействъ чеховъ. Нѣкоторыя колоніи около Петербурга принадлежатъ также къ самымъ первоначальнымъ поселеніямъ, а именно колоніи Средняя-Рогатка, Ижора, Ново-Саратовская и Ямбургская, основанныя въ 1765 году. Совершенно справедливо, что нѣмецкія колоніи, особенно саратовско-самарскія, подъ покровительствомъ русскихъ законовъ достигли цвѣтущаго положенія. Достаточно указать на фактъ, что въ этихъ колоніяхъ, послѣ пугачевскаго бунта, а именно въ 1788 году числилось всего до 39 тысячъ душъ обоего пола, а въ 1867 году числилось до 247 тысячъ душъ—возрастаніе почти безпримѣрное. Но, повторяемъ, совершенно напрасно, говоря о колонистахъ, упоминать только о той пользѣ, какую пріобрѣли они подъ покровительствомъ своихъ привилегій. Нѣкоторыя переселенія колонистовъ изъ-за границы совершились даже подъ условіемъ, что каждое семейство привезетъ съ собой въ Россію не менѣе 300 талеровъ, и они это исполнили, а вмѣстѣ и отъ насъ получили тѣ преимущества, которыя мы условились предоставить имъ частью на время, частью на вѣчныя времена. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ преимуществъ были чрезвычайны, въ особенности данныя сарептскому поселенію „евангелическихъ братьевъ“, основанному въ 1765 году. По смыслу граматъ, которыя были даны этой общинѣ въ разное время, съ 1767 по 1826 года, Сарепта составляетъ настоящій status in statu, такъ какъ наши законы признаютъ ее членомъ заграничной ассоціаціи „евангелическаго братства“, съ кото-

рымъ она связана круговою порукою и подчинена въ важнѣйшихъ вопросахъ церковно-общиннаго управленія приговорамъ синодальныхъ собраній, то-есть съѣзда делегатовъ отъ всѣхъ общинъ, и особой центральной дирекціи, которая находится въ Бертельсдорфѣ, въ Саксоніи; эта заграничная дирекція опредѣляетъ и увольняетъ главныхъ должностныхъ лицъ нашей Сарепты, а именно ея агента въ Петербургѣ и ея мѣстныхъ начальниковъ какъ епископа, такъ и свѣтскаго начальника—Vorsteher.

Конечно, ни одно государство не дастъ среди себя такихъ правъ иностранному поселенію, предоставля его членамъ въ то же время всѣ выгоды натурализаціи. Но чтó дано, то дано, и чтó установлено обоюдными договорами, не можетъ быть подвергнуто одностороннему измѣненію съ сохраненіемъ договора. Дѣло только въ томъ, что никакихъ вѣчныхъ договоровъ не бываетъ, и что государство никакъ не можетъ отчуждать свои законодательныя права на вѣчныя времена. Исторія секуляризаціи духовныхъ имуществъ въ самой Германіи, и самое превращеніе Пруссіи изъ духовнаго ордена въ свѣтское потомственное владѣніе, представляетъ ближайшія къ намъ доказательства, что государство всегда считало себя вправѣ въ виду очевидной потребности измѣнять законодательными актами устарѣвшія, хотя и не подлежащія, по своей сущности, пересмотру, юридическія отношенія, и какъ мы видимъ не только въ измѣненіи правъ сословій или корпорацій, но и въ преобразованіи общественныхъ правъ по имуществамъ. Никакія законодательныя нормы не могутъ быть установлены въ государствѣ на вѣки безъ измѣненія, будь то для цѣлаго сословія или для цѣлой мѣстности. Это было бы вѣчное отчужденіе законодательной власти. Итакъ, преобразованія, совершаемыя нынѣ въ быту колонистовъ, неизбѣжны, хотя въ одномъ пунктѣ, быть можетъ, и возможно было еще нѣкоторое промедленіе. Мы говоримъ о введеніи въ самоуправленіи нашихъ инородческихъ колоній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ. „Приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ—сказано въ новыхъ правилахъ—а равно волостныхъ судовъ составляются и все дѣлопроизводство въ общественномъ управленіи ведется на русскомъ языкѣ". Въ этомъ отношеніи можно, казалось бы, допустить также какой-нибудь срокъ, и если до сихъ поръ неудалось еще окончательно ввесть русское дѣлопроизводство въ остзейскомъ краѣ въ мѣстахъ *коронныхъ*, а о введеніи его въ городскихъ магистратахъ въ той мѣстности нѣтъ и рѣчи, то относительно *сельскихъ* приговоровъ въ средѣ колонистовъ можно бы и подавно отложить это дѣло до какого-нибудь непродолжительнаго срока.

Но теперь спрашивается, какой въ настоящее время еще можетъ оставаться аргументъ въ пользу дальнѣйшаго поддержанія привилегій остзейскаго края и сохраненія для него какой-либо законодательной

особности? Мировыя учрежденія вводятся уже въ западныхъ губерніяхъ, какъ первый шагъ къ проведенію тамъ полной судебной реформы; неужели же судебная и крестьянская реформы такъ и не коснутся балтійскаго поморья въ силу какихъ-то привилегій, переживших всѣ привилегіи, существовавшія гдѣ-либо въ Европѣ, въ томъ числѣ и привилегіи самого русскаго дворянства? Если иностранныхъ поселенцевъ, съ которыми въ прежнія времена были заключены обоюдныя условія, прямо увольнявшія ихъ *навсегда* отъ воинской службы, предположено привлечь къ этой службѣ потому именно, что вѣчныхъ привилегій быть не можетъ; то спрашивается, чѣмъ же можетъ объясняться, на будущее время, вѣчное дѣйствіе остзейскихъ привилегій, далеко не столь ясныхъ и положительныхъ, а напротивъ подтвержденныхъ условно и не прямо, а косвенно? Какъ ни разсуждайте, а послѣ отмѣны такихъ безусловно-положительныхъ актовъ, какъ тѣ, которыми колонистамъ прямо и непосредственно дана была вѣчная льгота отъ воинской службы, немыслимо удержаніе остзейскихъ привилегій, утвержденныхъ трактатомъ со Швеціею. Правда, за колонистами не стоитъ иностранная пресса, которая стоитъ за привилегіи остзейскія. Но это аргументъ не выдерживающій критики. А по самой сущности, ни одинъ изъ актовъ „исторической законности“ остзейскаго края, собранныхъ въ книгѣ г. Ширрена, не можетъ идти и въ сравненіе съ ясностью и обоюдностью обѣщанія, даннаго колонистамъ относительно воинской службы. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, вѣчныхъ привилегій, хотя бы данныхъ въ свое время самымъ безусловнымъ образомъ, быть не можетъ.

Вообще преобладающею чертою нашего новѣйшаго законодательства можно признать стремленіе къ объединенію и уравненію въ правахъ какъ различныхъ мѣстностей, такъ и сословій въ государствѣ. Это и есть тотъ общій путь, которымъ достигается отмѣна привилегій и вообще всякихъ исключительныхъ положеній. Но нельзя еще сказать, что законодательство наше идетъ по этому пути достаточно-рѣшительно и совершенно-неуклонно. Западный край и въ особенности край прибалтійскій продолжаютъ оставаться въ положеніи исключительномъ. Въ остальной Россіи нѣкоторыя губерніи остаются соединенными въ генералъ-губернаторства, между тѣмъ, какъ другія по губернскому управленію подчинены министру внутреннихъ дѣлъ непосредственно. Правда, ожидалась въ скоромъ времени общая реформа губернской администраціи, но она отсрочилась, а между тѣмъ, въ истекшемъ мѣсяцѣ вышелъ указъ, которымъ ставится въ исключительное положеніе столица имперіи. Замѣчательно, что и въ этой реформѣ цѣлью указывается именно „установленіе надлежащаго единства“. Но принципъ объединенія здѣсь примѣняется собственно къ порядку управленія въ самой столицѣ, а не къ порядку общаго управленія въ

имперіи, въ которомъ Петербургъ именно теперь и составитъ новое исключеніе. Исключительность этой реформы усиливается и самымъ порядкомъ ея установленія; а именно: она вводится въ видѣ опыта, на три года, а это особенное для столицы учрежденіе будетъ примѣнено какъ разъ со введеніемъ въ Петербургѣ общаго городового положенія.

Петербургъ выдѣляется изъ состава Петербургской губерніи и образуетъ особое градоначальство; градоначальникъ получаетъ въ столицѣ права губернатора и остается въ то же время непосредственнымъ начальникомъ петербургской полиціи, а должность оберъ-полиціймейстера въ Петербургѣ отмѣняется. Что такимъ образомъ единство въ коронномъ управленіи городомъ достигается—не подлежитъ сомнѣнію. Что „надлежащаго единства" до сихъ поръ въ немъ не было—это легко понять. Но недостатокъ такого единства, если онъ замѣчался въ управленіи Петербургомъ, происходилъ не отъ того, что въ Петербургѣ дѣйствовалъ общій порядокъ губернскаго управленія. Напротивъ, этотъ недостатокъ единства и могъ быть въ Петербургѣ потому собственно, что Петербургъ и до сихъ поръ управлялся *не вполнѣ* на основаніи общаго губернскаго учрежденія. Затрудненіе для единства въ управленіи Петербургомъ состояло не въ томъ, что онъ былъ подчиненъ начальнику всей губерніи, то-есть губернатору, а въ томъ именно, что въ Петербургѣ рядомъ съ губернаторомъ былъ оберъ-полиціймейстеръ, котораго должность нынѣ упраздняется. Непосредственный начальникъ полиціи въ городѣ, очевидно, долженъ быть подчиненъ начальнику управленія губерніи. Между тѣмъ, въ трехъ городахъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ съ давнихъ поръ учреждены были оберъ-полиціймейстеры, которые поставлены въ положеніе исключительное, въ положеніе лично-равное съ губернаторами. Тѣмъ не менѣе, единство управленія въ Москвѣ и Варшавѣ достигается тѣмъ, что въ обоихъ этихъ городахъ есть высшіе начальники губернскаго управленія, генералъ-губернаторы, которымъ оберъ-полиціймейстеры непосредственно и подчинены. То же достигалось и въ Петербургѣ, пока главнымъ начальникомъ губернскаго управленія здѣсь былъ генералъ-губернаторъ, но и въ то время петербургскій оберъ-полиціймейстеръ имѣлъ болѣе самостоятельности, чѣмъ гражданскій губернаторъ. Съ отмѣною же здѣсь генералъ-губернаторской должности, произошло явленіе дѣйствительно не вполнѣ нормальное: начальникъ полиціи города не только не былъ лицомъ подчиненнымъ начальнику губерніи, но наоборотъ, по своему положенію, имѣлъ такія важныя преимущества, которыя присвоены только прямому начальнику гражданскаго губернатора, а именно министру внутреннихъ дѣлъ. Стало быть, если единство управленія по общему губерискому положенію здѣсь затруднялось, то это зависѣло прямо отъ существованія нынѣ

отмѣняемой должности оберъ-полиціймейстера. Что генералъ Треповъ много сдѣлалъ для Петербурга въ должности оберъ-полиціймейстера— въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія и это служитъ ручательствомъ, что въ новой должности градоначальника онъ принесетъ не менѣе пользы. Предшествующія замѣчанія сдѣланы нами совершенно независимо отъ его почтенной личной дѣятельности, но потому, что и самыя учрежденія должны имѣть цѣлью постоянныя преимущества извѣстной системы управленія, а не качества лицъ временно занимающихъ извѣстныя должности, какъ бы почтенны ни были эти качества.

Нынѣшнее учрежденіе, какъ уже сказано, вводится въ видѣ опыта на три года, съ тѣмъ, что министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется войти до истеченія этого срока съ представленіемъ, въ установленномъ порядкѣ, объ измѣненіи или окончательномъ утвержденіи новаго порядка. Въ нынѣшнемъ временномъ положеніи указаны нѣкоторыя присутственныя мѣста, долженствующія по прежнему служить общими органами управленія для Петербурга и губерніи, именно учрежденія по опекѣ и присутствіе о земскихъ повинностяхъ. Но будутъ ли петербургскіе гласные по прежнему участвовать въ губернскомъ земскомъ собраніи,—объ этомъ ничего не сказано. Между тѣмъ, какъ единство губернскаго представительства, такъ и многія другія соображенія могли бы быть приведены въ пользу возстановленія въ Петербургѣ общаго порядка губернскаго управленія по истеченіи трехъ лѣтъ. Что же касается единства въ самомъ коронномъ управленіи столицей, то оно, какъ намъ кажется, могло бы быть обезпечено и не исключая Петербурга изъ дѣйствія общаго порядка губернскаго управленія. Нѣтъ, напр., никакого основанія окончательно отдѣлять часть врачебную въ Петербургѣ отъ врачебнаго управленія въ губерніи. Единственный поводъ къ этому могъ бы усматриваться въ скученности городского населенія, благопріятствующей быстрому развитію эпидемій при появленіи ихъ. Но ясно, что эпидемія отъ Петербурга устранена не будетъ никакими мѣрами, принятыми только въ городской чертѣ; если санитарныя мѣры въ губерніи будутъ недостаточны и губернія не будетъ предохранена отъ эпидеміи, то и Петербургъ ея не избѣгнетъ, каковы бы ни были мѣры, принятыя собственно въ его предѣлахъ.

Другое дѣло собственно полицейское управленіе. Но оно и до сихъ поръ въ Петербургѣ существовало отдѣльно отъ губерніи. Для единства его достаточно будетъ именно упраздненіе должности оберъ-полиціймейстера. Но полицейская дѣятельность распадается на двѣ части: полицію безопасности и полицію благочинія, и первая изъ этихъ отраслей въ столицѣ, очевидно, имѣетъ характеръ выходящій изъ свойствъ губернскаго управленія, а вторая нисколько изъ этихъ свойствъ не выходитъ. Полиція безопасности въ Петербургѣ потому

именно, что городъ этотъ — столица имперіи, можетъ имѣть отчасти государственный характеръ. И въ настоящее время, какъ извѣстно, государство даетъ изъ своего бюджета весьма значительное пособіе на содержаніе петербургской полиціи. Вотъ на этотъ-то государственный, а не мѣстный источникъ, и можно бы содержать въ столицѣ государственную полицію, полицію безопасности (police de sûreté générale), и ея начальникъ, безъ всякаго вреда для единства губернскаго управленія, могъ бы состоять непосредственно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, съ какимъ-либо новымъ титуломъ. За то полиція благочинія, та полиція, которая наблюдаетъ за порядкомъ на улицахъ, исправностью мостовыхъ и строеній, чистотою и т. д. могла бы быть подчинена прямо городскому общественному управленію, за которымъ и по новому городовому положенію главный надзоръ будетъ имѣть губернаторъ. Содержа эту полицію благочинія исключительно на свои средства, городъ и распоряжался бы ею какъ ему удобнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ впервые получилъ бы полную самостоятельность въ распоряженіи городскимъ бюджетомъ. До сихъ же поръ, главный его расходъ былъ именно расходъ отъ него независящій, расходъ на содержаніе полиціи. Такимъ образомъ, происходило смѣшеніе, стѣснявшее и государство, и городское общественное управленіе; государство давало пособіе на содержаніе полиціи города, что́ уже само по себѣ не нормально, а городъ между тѣмъ не распоряжался по своему усмотрѣнію большею частью своихъ доходовъ, и такимъ образомъ откладывалъ съ году на годъ иногда самонужнѣйшія исправленія или улучшенія, потому только, что обязательный для него расходъ на содержаніе полиціи и ея зданій, выходилъ по необходимости за предѣлы той собственно хозяйственной потребности, которую мы разумѣемъ подъ именемъ городского благоустройства. Устроивъ окончательно городское управленіе въ Петербургѣ на общемъ основаніи, но съ раздѣленіемъ полиціи, по самому существу, на два рода, государственную—полицію безопасности и муниципальную—полицію благочинія и благоустройства, можно бы достигнуть и полнаго единства короннаго управленія, и самостоятельности, нужной для начальника государственной полиціи въ столицѣ, и наконецъ — плодотворной, живой самодѣятельности общественнаго городского управленія, на началѣ дѣйствительной самостоятельности.

О ПОШЛИНАХЪ

ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ И ДРУГИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

То обстоятельство, что общая цифра ожидавшихся государственныхъ доходовъ у насъ, съ 1865 по 1872 годъ, увеличилась на 32,7%, а цифра ожидавшихся поступленій торговыхъ пошлинъ въ тотъ же періодъ времени увеличилась только на 15,7%, само по себѣ указываетъ на существованіе весьма важныхъ недостатковъ въ Положеніи о пошлинахъ за право торговли и промысловъ [1]).

Неудовлетворительность Положенія, влекущая за собою малое поступленіе торговыхъ и промысловыхъ налоговъ, можетъ быть различная: она можетъ заключаться въ томъ, что этимъ Положеніемъ обложены не всѣ виды торговли и промышленности, часть которыхъ, такимъ образомъ, неуплачиваетъ налога;—или она можетъ заключаться въ томъ, что Положеніемъ хотя и обложены всѣ виды торговли и промысловъ, но при этомъ имъ установленъ такой способъ взиманія налога, при которомъ нѣкоторые виды торговли и промысловъ, вполнѣ или частью, ускользаютъ отъ обложенія, вслѣдствіе практическихъ затрудненій въ примѣненіи принятаго способа взиманія налога и затруднительности для администраціи наблюдать за точнымъ соблюденіемъ Положенія.

Недостатки того и другого рода, нося на себѣ характеръ малаго обложенія, принадлежатъ къ наименѣе вреднымъ; оказываясь вредными для государственнаго бюджета, они не обременяютъ тягостью налоговъ промышленныя силы государства и потому, хотя они отчасти

---

[1]) Именно, по смѣтѣ на 1865 г. ожидалось государственныхъ доходовъ (безъ оборотныхъ доходовъ и особыхъ ресурсовъ)—349.945,044 р. $45^3/_4$
а по смѣтѣ на 1871 годъ—464.531,485 р. $87^1/_4$
больше на—114.586,441 р. $41^1/_2$ или на 32,7%.
Пошлинъ за право торговли ожидалось на 1865 — 10.098,000
на 1871 — 11.683,750
больше на — — 1.585,750 или на 15,7%.

При этомъ надо замѣтить, что въ цифру ожидавшихся пошлинъ по смѣтѣ 1871 года включены пошлины, ожидавшіяся по Привислинскимъ губерніямъ, а также штрафы за торговлю безъ свидѣтельствъ, которыя не числились по смѣтѣ 1865 года въ этой цифрѣ. Такъ что, въ сущности, возрастаніе ожидавшагося поступленія пошлинъ слѣдуетъ считать еще меньше.

и даютъ имъ ложное направленіе, но не стѣсняютъ развитіе ихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже способствуютъ этому развитію.

Напротивъ того, могутъ быть другого рода недостатки въ Положеніи о торговлѣ, болѣе существенные. Облагая торговлю и промыслы значительными налогами, но неправильно и неравномѣрно, они ставятъ производительныя и промышленныя силы государства въ ненормальныя условія и тѣмъ самымъ стѣсняютъ развитіе ихъ. Въ этомъ случаѣ малое поступленіе торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ въ государственный доходъ представляется только второстепеннымъ зломъ, оно является только какъ послѣдствіе и какъ признакъ производимаго такими налогами задержанія развитія самого народнаго хозяйства; и потому причиняемое такими недостатками положенія зло поражаетъ государство гораздо глубже и существеннѣе, чѣмъ одно только недостаточное поступленіе торговыхъ пошлинъ въ государственное казначейство,—они подрываютъ самое основаніе народнаго благосостоянія, источникъ и окончательную цѣль всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Даже наглядное разсмотрѣніе Положенія 1865 года о торговыхъ и промысловыхъ пошлинахъ убѣждаетъ, что неудовлетворительность его заключается не въ томъ, чтобы имъ были обложены не всѣ существующіе виды торговли и промысловъ. Въ этомъ отношеніи принятая Положеніемъ классификація торговли (ст. 1) на оптовую, розничную и мелочную, разумѣя подъ послѣдней раздробительную, разносную и развозную, съ перечисленіемъ, кромѣ того (въ ст. 2), неподходящихъ подъ эти опредѣленія родовъ торговыхъ дѣйствій, такъ широка, что дѣйствительно обнимаетъ собою всѣ возможные виды торговыхъ и промысловыхъ занятій. Изъятіе же отъ платежа пошлинъ (ст. 4, 6 и 7) допущено преимущественно относительно однихъ только торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій сельскихъ хозяевъ на собственныхъ земляхъ и сбыта горожанами (ст. 7 и 8) и крестьянами своихъ домашнихъ издѣлій изъ подвижныхъ помѣщеній (роспись Б), а также сбыта нѣкоторыхъ другихъ товаровъ крестьянскаго обихода, тоже изъ подвижныхъ помѣщеній (роспись А) предметовъ, которые, въ сущности, уже въ значительной мѣрѣ оплачиваются подушною податью съ крестьянъ, и наконецъ относительно торговли на ярмаркахъ. Если на нѣкоторыя изъ допущенныхъ изъятія и могутъ быть сдѣланы замѣчанія (о чемъ будетъ изложено ниже), то, во всякомъ случаѣ, они касаются только частностей и большого значенія не могутъ имѣть.

Съ другой стороны и способъ взиманія пошлинъ, принятый Положеніемъ 1865 года, именно взиманіе пошлинъ посредствомъ выдачи свидѣтельствъ и билетовъ разной цѣны, смотря по роду и предполагаемой значительности торговыхъ или промышленныхъ дѣйствій, оказы-

вается весьма удобопримѣнимымъ на практикѣ и легко поддается надзору со стороны администраціи. Слѣдовательно не въ этомъ заключается неудовлетворительность положенія 1865 года.

Недостатки этого Положенія кроются въ основныхъ его началахъ и въ проистекающемъ отсюда отсутствіи цѣльности, и въ отсутствіи внутренняго достоинства тѣхъ признаковъ, которые приняты имъ за основаніе для обложенія пошлинами торговыя и промышленныя дѣйствія. Общимъ результатомъ этого на практикѣ оказывается неравномѣрность обложенія, причемъ мелкія предпріятія обложены несоразмѣрно тяжеле, чѣмъ крупныя.

Послѣдствіемъ же такого покровительства крупнымъ капиталамъ въ ущербъ мелкой, начинающейся промышленности,—неминуемо должно быть задержаніе въ развитіи промышленныхъ силъ государства и народнаго благосостоянія.

Пошлины и свидѣтельства.

1) Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что налогъ на торговлю и промыслы долженъ быть, по возможности, пропорціоналенъ доходности не только каждаго вида ихъ, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, онъ долженъ, по возможности, соразмѣряться съ прибылью предпріятія. Этого требуютъ основныя начала народной экономіи; потому что, въ противномъ случаѣ, промышленныя силы государства, направляясь на менѣе обремененныя налогами дѣятельности, получаютъ назначеніе несогласное съ дѣйствительными потребностями страны, причемъ, развиваясь искусственно и неудовлетворяя этимъ потребностямъ, они никогда не будутъ въ состояніи ни достигнуть значительныхъ размѣровъ, ни поднять уровень народнаго благосостоянія. Еще вреднѣе дѣйствуютъ налоги на производительность, если они, при этомъ, обременяютъ преимущественно небольшія промышленныя предпріятія; въ такомъ случаѣ они убиваютъ промышленныя силы государства въ самомъ зародышѣ ихъ. Препятствуя образованію мѣстныхъ капиталовъ, они тѣмъ самымъ кладутъ непреодолимыя препятствія къ развитію народнаго благосостоянія и отдаютъ его въ полное распоряженіе иностранныхъ капиталовъ.

Такимъ образомъ, основное начало обложенія налогомъ производительности, а слѣдовательно торговли и промысловъ, заключается въ томъ, чтобы этотъ налогъ былъ исключительно подоходный,—т.-е. соразмѣрялся только съ степенью выгодности каждаго промышленнаго предпріятія, насколько такая пропорціональность обложенія практически достижима. Это начало принято въ западныхъ государствахъ, гдѣ промысловые налоги существуютъ или въ видѣ чисто оцѣночныхъ податей (въ Австріи, Пруссіи, Виртембергѣ), или въ связи съ пошлинною податью (во Франціи).

Также и въ Положеніи 1865 года о торговыхъ и промысловыхъ по-

линахъ это начало отчасти принято въ основаніе обложенія. Постановленія, въ которыхъ преимущественно выразилось стремленіе этого Положенія соразмѣрить величину пошлинъ съ предполагаемою величиною оборотовъ, заключаются, во-первыхъ, въ назначеніи различнаго размѣра платы за купеческія свидѣтельства 1 и 2-й гильдіи, и за промысловыя свидѣтельства пяти разныхъ родовъ (роспись Г); во-вторыхъ, въ назначеніи различнаго размѣра платы за свидѣтельства 2-й гильдіи и на мелочной торгъ (ст. 27) смотря по мѣстностямъ, которыя подраздѣлены по всей имперіи на 5 классовъ, при чемъ къ обложеннымъ наиболѣе высокими пошлинами отнесены наиболѣе промышленныя мѣстности (роспись В); въ-третьихъ, въ требованіи, чтобы взявшій уже торговое или промысловое свидѣтельство не только взялъ на каждое открываемое имъ заведеніе (ст. 16) особый билетъ, но еще, кромѣ того, чтобы на каждое торговое заведеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ покоевъ (ст. 24 примѣч.) и имѣющее нѣсколько входовъ, онъ взялъ столько билетовъ, сколько заведеніе имѣетъ входовъ. При этомъ цѣна билетамъ также подраздѣлена на 5 размѣровъ, смотря по классу мѣстности (ст. 28 и роспись Д); и въ-четвертыхъ, въ назначеніи различнаго размѣра пошлинъ на фабричныя, заводскія и ремесленныя заведенія и мастерскія (ст. 33, 34 и 41), смотря по рабочей силѣ этихъ заведеній.

Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ наибольшимъ размѣромъ пошлинъ Положеніе 1865 года облагаетъ предполагаемыя болѣе крупныя промышленныя предпріятія, и хотя въ этомъ отношеніи оно далеко не достигаетъ возможнаго совершенства, и напротивъ того, достигаетъ совершенно противуположнаго результата, именно систематическаго обложенія налоговъ въ обратной соразмѣрности къ величинѣ оборотовъ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, тѣмъ не менѣе, приведенныя статьи Положенія 1865 года важны въ томъ отношеніи, что они выражаютъ признаніе имъ необходимости соразмѣрить налогъ съ выгодностью предпріятій, иначе сказать: признаніе того, что этотъ налогъ долженъ быть подоходный.

Но рядомъ съ этимъ началомъ подоходности налога въ Положеніи 1865 года принято другое начало, противуположное ему и совершенно искажающее принципъ подоходности,—именно, налогу на торговлю и промыслы приданъ характеръ пошлинъ, причемъ и самое Положеніе, озаглавленное Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, причисляетъ этотъ налогъ къ числу пошлинъ.

По нашей финансовой системѣ пошлины принадлежатъ къ такимъ налогамъ, уплатою которыхъ пріобрѣтаются какія-либо особыя права, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ государство для признанія, укрѣпленія и охраненія этихъ правъ несетъ расходы на содержаніе особыхъ учрежденій, и потому пошлины могутъ быть разсматриваемы,

какъ вознагражденіе нѣкоторой части этихъ расходовъ за оказываемыя государствомъ услуги и какъ плата за пріобрѣтаемыя права. Таковы крѣпостныя, судебныя, канцелярскія и межевыя пошлины, пошлины за привилегіи, за право собственности на фабричные рисунки и модели, таможенныя пошлины, пошлины съ подорожень, на составленіе пенсіоннаго капитала, за чины и съ грамотъ на почтное гражданство. Всѣмъ имъ присуще понятіе о пріобрѣтеніи извѣстнаго права [1]), и размѣръ взимаемой за это платы или пошлины опредѣляется не доходностью или выгодностью пріобрѣтаемыхъ правъ (которыхъ, во многихъ случаяхъ, и опредѣлить нельзя), а совершенно другого рода соображеніями.

Что же касается до права торговли и промысловъ, то оно есть прирожденное право каждаго человѣка, наравнѣ съ правомъ на трудъ и на жизнь, и для пріобрѣтенія его нѣтъ надобности уплачивать никакой пошлины.

Въ Положеніи 1865 года совершенно неправильно утверждается, что право торговли (ст. 88 и друг.), будто бы, пріобрѣтается взятіемъ свидѣтельства. Государство можетъ облагать налогомъ торговлю и сдѣлать этотъ налогъ обязательнымъ, и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, лишать гражданъ права торговать, точно такъ же, какъ оно можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, лишать гражданъ свободы или даже жизни, но это нисколько не ведетъ еще къ заключенію, что право на торговлю, какъ и право на свободу или на жизнь, пріобрѣтается уплатою какихъ-либо пошлинъ или взятіемъ какихъ-либо свидѣтельствъ. Эти права прирожденны человѣку и обезпеченіе ихъ есть одно изъ назначеній государства. Если въ сводѣ законовъ, въ уставѣ о пошлинахъ, уставѣ торговомъ и другихъ, налогъ на торговлю и причисленъ къ пошлинамъ, и если самое Положеніе 1865 года озаглавлено Положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, то это только вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ гильдейскими пошлинами, которыя суть дѣйствительно пошлины, такъ какъ онѣ даютъ извѣстныя права состоянія, и которыя дѣйствительно вошли въ Положеніе 1865 года о торговлѣ (ст. 84 — 88), но только какъ нѣчто совершенно побочное и неимѣющее никакого логическаго отношенія къ производству торговли и промысловъ. Это доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что само Положеніе 1865 года (ст. 21), разрѣшаетъ брать для торговли купеческія свидѣтельства, безъ перечисленія въ купечество; а съ другой стороны тѣмъ, что многія лица, незанимающіяся ни торговлею, ни промыслами, объявляютъ купеческіе капиталы, т.-е. берутъ гильдейскія свидѣтельства только для того, чтобы пользоваться сословными правами купечества, и числи-

---

[1]) Поэтому и налогъ на торговлю и промыслы, будучи причисленъ къ числу пошлинъ, называется въ сводѣ законовъ пошлиной за *право* торговли и промысловъ.

тельность этихъ мнимыхъ торговцевъ увеличилась до такой степени, что по небольшимъ городамъ, по числу объявляемыхъ капиталовъ, вовсе нельзя судить о развитіи торговой и промышленной дѣятельности ихъ.

Но одно только дозволеніе пользоваться сословными купеческими правами лицамъ, взявшимъ свидѣтельства первыхъ двухъ гильдій, еще не могло бы придать характеръ пошлинъ налогу на торговлю и промыслы, такъ какъ придача этихъ правъ къ торговымъ свидѣтельствамъ 1-й и 2-й гильдій не имѣетъ никакого логическаго отношенія къ производству торговли и промысловъ; ихъ связь совершенно случайная и несущественная. Пошлинное же начало введено въ Положеніе 1865 года разрѣшеніемъ (ст. 16, 32, 33 и 40) по одному купеческому или промысловому свидѣтельству содержать въ той мѣстности, на которую распространяется его дѣйствіе, неограниченное число соотвѣтствующихъ сему свидѣтельству торговыхъ и промышленныхъ заведеній [1]), со взятіемъ лишь на каждое изъ нихъ особаго билета.

Этимъ неограниченіемъ ни числа, ни размѣра заведеній, которыя дозволяется содержать по каждому свидѣтельству извѣстной категоріи, уничтожается подоходность налога, для осуществленія которой тѣмъ же положеніемъ введенъ билетный сборъ. Такъ, напримѣръ: купецъ 2-й гильдіи, въ мѣстности 3-го класса, содержащій одну лавку, платитъ за свидѣтельство съ государственными земскими повинностями 53 р. 50 к., и за одинъ билетъ 15 руб., всего 68 р. 50 к.; — другой такой же купецъ, имѣющій двѣ такія лавки, долженъ взять при купеческомъ свидѣтельствѣ два билета, что по тому же разсчету обойдется въ 83 руб. 50 к. т.-е. только по 41 руб. 75 к. на каждую лавку;—содержатель трехъ подобныхъ заведеній уплачиваетъ за свидѣтельство и три билета 98 р. 50 к., или только по 32 р. 83 к. за каждое; содержащій четыре заведенія платитъ такимъ образомъ по 28 руб. 37 к. за каждое заведеніе, а содержащій шесть заведеній — по 23 р. 91 коп. и т. д. въ уменьшающейся прогрессіи. Тоже самое представляется и по каждому изъ другихъ классовъ 2-й гильдіи и мелочного торга, хотя высочайше утвержденнымъ, 21-го ноября 1866 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта право содержанія торговыхъ заведеній по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ и ограничено четырьмя.

Также и по 1-й гильдіи:

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ 21-го ноября 1866 года мнѣніемъ государственнаго совѣта право содержать заведенія по одному свидѣтельству на мелочной торгъ ограничено 4-мя заведеніями, а по высочайше утвержденному 23-го марта 1870 года мнѣнія государственнаго совѣта это право для свидѣтельствъ 2-й гильдіи, съ 1-го января 1871 года, ограничено 10-ю заведеніями.

купецъ, содержащій въ мѣстности 1-го класса два заведенія, платитъ за свидѣтельство 265 руб., государственныхъ земскихъ повинностей 39 р. и за два билета 60 руб., всего 364 р. (кромѣ 26 руб. на губернскія земскія повинности), а на каждое заведеніе . . . 182 р.
а имѣющій одно только заведеніе платитъ . . . . 334 р.

Такимъ образомъ, по каждой категоріи, чѣмъ богаче торговецъ и чѣмъ онъ больше развиваетъ свое производство, тѣмъ менѣе ему приходится платить за каждое заведеніе; слѣдовательно, налогъ ложится въ обратномъ отношеніи къ предполагаемой величинѣ прибыли торговца.

Этимъ пошлиннымъ началомъ, выражающимся въ торговыхъ правахъ, предоставленныхъ по свидѣтельствамъ, извращается соразмѣрность налога съ предполагаемою прибылью предпріятія не только въ каждой категоріи, — чѣмъ уничтожаются послѣдствія установленнаго билетнаго сбора,—но нарушаются также и установленная Положеніемъ 1865 года градація между размѣрами окладовъ по классамъ за свидѣтельства 2-й гильдіи и на мелочной торгъ, и даже отношенія между 1-й и 2-й гильдіями; пошлинное начало превращаетъ установленную Положеніемъ прогрессію размѣра всѣхъ окладовъ изъ прямой въ обратную къ предполагаемой величинѣ прибыли.

Такъ, напримѣръ: купецъ 2-й гильдіи, содержащій въ мѣстности 1-го класса двѣ лавки, или одну лавку о двухъ покояхъ съ 2-мя входами, платитъ за свидѣтельство пошлинъ съ государственными земскими повинностями 79 руб. и за два билета 40 руб., всего 119 р. или за каждую лавку по . . . . 59 р. 50 к.

тогда какъ купецъ той же гильдіи, содержащій одну лавку съ такимъ же товаромъ въ мѣстности, даже не 2-го, а 3-го класса, гдѣ окладъ значительно ниже, платитъ, какъ исчислено выше . . . . 68 р. 50 к.

торгующій по свидѣтельству на мелочной торгъ въ мѣстности 1-го класса и содержащій два заведенія уплачиваетъ всего пошлинъ 40 р., а за каждое заведеніе . 20 р.

тогда какъ торгующій по такому же свидѣтельству въ мѣстности 2-го класса и содержащій одно заведеніе, платитъ пошлинъ . . . . 26 р.

Купецъ 1-й гильдіи, содержащій въ мѣстности 1-го класса 4 промышленныя заведенія, уплачиваетъ съ государственными повинностями всего 424 руб., или за каждое заведеніе . . . . . . 106 р.

тогда какъ купецъ 2-й гильдіи, содержащій въ той же мѣстности такое же одно заведеніе платитъ . . . 119 р.

Приведенные примѣры достаточно доказываютъ, что чѣмъ значительнѣе средства торгующаго, чѣмъ въ бóльшихъ размѣрахъ производится имъ промышленное предпріятіе, тѣмъ относительно менѣе

онъ уплачиваетъ пошлинъ, хотя бы онъ уплачивалъ ихъ по 1-й гильдіи, а торгующій съ меньшими средствами уплачивалъ ихъ по 2-й гильдіи, — вопреки установленной самимъ Положеніемъ 1865 года противоположной градаціи въ окладахъ этихъ пошлинъ, какъ за свидѣтельство, такъ и за билеты.

Такимъ образомъ пошлинное начало, примѣненное къ налогу на торговлю и промыслы, не только уничтожаетъ принятую Положеніемъ 1865 года соразмѣрность этого налога съ предполагаемою величиною оборота и прибыли промышленныхъ предпріятій, но, при извѣстныхъ условіяхъ, превращаетъ ее въ обратную къ величинѣ этихъ оборотовъ и прибыли.

Между тѣмъ, если какія предпріятія нуждаются въ покровительствѣ, то, конечно, скорѣе предпріятія меньшаго размѣра; съ одной стороны, потому, что они и безъ того находятся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ крупныя, съ которыми имъ приходится конкуррировать; располагая бо́льшими средствами крупныя предпріятія имѣютъ больше возможности выдержать борьбу съ встрѣчающимися неблагопріятными обстоятельствами, выждать неблагопріятное время и т. д., тогда какъ мелкія предпріятія, извѣстная прибыль которыхъ часто составляетъ необходимое средство къ жизни торгующаго совершенно разрушаются въ этихъ случаяхъ, особенно при конкурренціи крупныхъ предпріятій. Съ другой стороны, потому что предпріятія меньшаго размѣра представляютъ собою зарождающуюся или начинающуюся промышленность, и государству гораздо выгоднѣе обложить ее налогомъ впослѣдствіи, когда она уже войдетъ въ силу и будетъ способна выдержать бо́льшій налогъ, чѣмъ съ самаго начала задерживать ея развитіе несоразмѣрными налогами. Но здѣсь дѣло идетъ вовсе не о покровительствѣ предпріятій меньшаго размѣра, а только о равномѣрномъ или пропорціональномъ обложеніи ихъ съ болѣе крупными предпріятіями.

Для устраненія изложенной несоразмѣрности обложенія необходимо вовсе уничтожить свидѣтельства, какъ купеческія, такъ и на мелочной торгъ, и платимыя въ настоящее время за нихъ пошлины разложить на билеты подлежащей категоріи, — тогда возстановится принятая Положеніемъ 1865 года градація окладовъ. Безъ уничтоженія пошлиннаго начала, выражающагося въ этихъ свидѣтельствахъ, невозможны никакія дѣйствительныя улучшенія и никакое дальнѣйшее развитіе Положенія о торговлѣ и промыслахъ; въ этомъ дѣлѣ особенно важно, чтобы въ основаніе было принято вѣрное начало; только въ такомъ случаѣ можно съ послѣдовательностью провести его во всѣхъ частныхъ случаяхъ и достигнуть возможной подоходности налога.

Въ вѣдомостяхъ лит. Б, приложенныхъ къ прежнимъ (до 1870 года),

смѣтамъ департамента торговли и мануфактуръ, не показано числа выбранныхъ билетовъ, и поступившія за нихъ пошлины показаны общими суммами по всѣмъ классамъ; поэтому по этимъ вѣдомостямъ нельзя исчислить, какая по каждому классу была бы цѣна билетовъ, если бы на нихъ разложить дѣйствительно поступившія за свидѣтельства пошлины. Впрочемъ, для примѣра, достаточно сдѣлать этотъ выводъ по одной Самарской губерніи по свѣдѣніямъ, взятымъ изъ третныхъ вѣдомостей казенной палаты о числѣ выбранныхъ торговыхъ документовъ и количествѣ поступившихъ за нихъ пошлинъ [1]).

На 1868 годъ по Самарской губерніи было выбрано свидѣтельствъ 2-й гильдіи 2-го класса 289, на сумму пошлинъ и государственнаго земскаго сбора 19,363 руб., и къ нимъ билетовъ 422, на сумму 7,174 руб., всего на сумму 26,537 руб., слѣдовательно на каждый билетъ приходится 62 р. 88¼ к. Если эту цифру увеличить даже до 70 р., то и при этомъ налогъ, вслѣдствіе своей равномѣрности, будетъ меньше стѣснять развитіе народнаго хозяйства, чѣмъ существующій нынѣ, потому что содержащій одно заведеніе уплатитъ 70 руб. вмѣсто 84 руб., которые онъ теперь платитъ; содержащій два такихъ же заведенія, правда, уплатитъ 140 руб., вмѣсто нынѣшнихъ 101 руб., но онъ и средствъ имѣетъ вдвое больше перваго, слѣдовательно онъ вынесетъ этотъ налогъ такъ же легко, какъ и первый торговецъ,— т.-е. на 11,3%. между тѣмъ государственный доходъ увеличился бы до 29,540 руб.

Свидѣтельствъ 2-й гильдіи 5-го класса выбрано на тотъ же годъ 461, на сумму 14,060 руб. 50 к., къ нимъ билетовъ 985, на сумму 4,925 руб., всего на сумму 18,985 руб. 50 к.; слѣдовательно на каждый билетъ приходится 19 руб. 27½ коп. Возвышеніе этого оклада до 25 руб., черезъ что государственный доходъ увеличился бы до 24,625 руб., т.-е. почти на 13%, было-бы тѣмъ не менѣе выгодно въ интересахъ народнаго хозяйства, потому что содержащій одно заведе-

---

[1]) Эти третныя вѣдомости, установленныя Инструкціею министра финансовъ 4-го ноября 1865 г., не представляютъ впрочемъ вѣрнаго счета о семъ, потому что дополнительныя пошлины, вносимыя торгующимъ по какому-либо роду свидѣтельства для того, чтобы пріобрѣсть торговыя права свидѣтельства высшей категоріи, показываются въ этихъ вѣдомостяхъ въ счетѣ пошлинъ, поступившихъ по этой высшей категоріи, безъ перечисленія въ этотъ же счетъ тѣхъ пошлинъ, которыя этотъ торгующій первоначально уплатилъ по низшей категоріи; между тѣмъ въ соотвѣтствующихъ счетахъ выбранныхъ торговыхъ документовъ показываются выданными оба документа и по низшей категоріи, и по высшей; такъ что, съ одной стороны этотъ торгующій значится вдвойнѣ: и по высшей категоріи и по низшей, а съ другой стороны суммы поступившихъ пошлинъ по высшимъ категоріямъ не соотвѣтствуютъ числу документовъ, показанныхъ выданными. Поэтому въ настоящемъ примѣрѣ изъ этихъ вѣдомостей взяты только числа выданныхъ документовъ, сумма же пошлинъ исчислена по окладамъ.

ніе платилъ бы только 25 руб., вмѣсто 35 р. 50 к., а содержащій два заведенія—50 руб., вмѣсто 40 р. 50 к. и т. д. по другимъ классамъ и по другимъ родамъ свидѣтельствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы, съ уничтоженіемъ свидѣтельствъ, поступающія за нихъ по всей имперіи пошлины были подобнымъ образомъ переложены на билеты, то этимъ былъ бы уже сдѣланъ большой шагъ къ подоходному обложенію промышленности, черезъ что, очевидно, выиграло бы народное хозяйство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ бы увеличиться государственный доходъ. Напротивъ того, проектъ московскаго земства, облагая торгующихъ поразряднымъ налогомъ по принадлежности ихъ къ той или другой гильдіи, еще увеличиваетъ плату за гильдейскія свидѣтельства и проистекающую отсюда обратную пропорціональность налога къ предполагаемымъ прибылямъ отъ торговли и промышленности. Чтобы уменьшить эту неправильность, слѣдовало проектировать обложеніе каждаго билета на торговое заведеніе, а не принадлежность къ гильдіи.

Что же касается сословныхъ правъ купечества, пріобрѣтаемыхъ въ настоящее время взятіемъ свидѣтельствъ 1 и 2-й гильдій, то и они не могутъ служить препятствіемъ къ изложенному переложенію, такъ какъ эти права могутъ быть предоставлены взявшему два билета подлежащей гильдіи; или въ случаѣ, если было бы признано нежелательнымъ такое увеличеніе платы за приписку въ гильдіи, то можно было бы для лицъ неторгующихъ установить для сего особыя свидѣтельства по цѣнѣ, дающей нынѣ купеческія права, а лицамъ взявшимъ одинъ билетъ, выдавать эти свидѣтельства за дополнительную къ той же цѣнѣ плату.

Изложенные выше примѣры переложенія пошлинъ за свидѣтельства на билеты, съ сохраненіемъ принятаго Положеніемъ 1865 года дѣленія мѣстностей на классы, приведены только, какъ доказательство удобоисполнимости уничтоженія свидѣтельствъ къ выгодѣ народнаго хозяйства и государственнаго бюджета; — ниже будутъ изложены соображенія о неправильности самой системы дѣленія мѣстностей по классамъ.

Оптовая, розничная и мелочная торговля.

2) Изъ числа постановленій Положенія 1865 года, въ которыхъ можно было бы видѣть стремленіе соразмѣрить налогъ съ значительностью оборотовъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, первое мѣсто занимаетъ классификація торговли на оптовую, розничную и мелочную (ст. 1), съ назначеніемъ оклада пошлинъ за свидѣтельства по каждому изъ этихъ раздѣловъ въ уменьшающейся прогрессіи, при чемъ Положеніе 1865 года слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отличительные признаки каждаго изъ этихъ видовъ торговли: 1) оптовая торговля производится изъ купеческихъ конторъ, амбаровъ и складовъ, а так-

же съ судовъ, и состоитъ въ продажѣ всякихъ товаровъ партіями; 2) розничною торговлею называется раздробительная продажа товаровъ, производимая изъ лавокъ, магазиновъ и другихъ тому подобныхъ торговыхъ заведеній, и наконецъ 3) подъ именемъ мелочной торговли разумѣется раздробительная продажа не всѣхъ товаровъ, а только поименованныхъ въ особыхъ росписяхъ Е и Ж, и только изъ опредѣленныхъ помѣщеній, а также разносная и развозная торговля мануфактурными и колоніальными товарами, производимая въ назначенныхъ для нея предѣлахъ.

Присоединивъ къ этому еще тѣ виды торговли, которые Положеніемъ 1865 года перечислены въ ст. 2-й, получается дѣйствительно полная и вѣрная дѣйствительности классификація всѣхъ торговыхъ дѣйствій; но для обложенія торговли налогомъ соразмѣрно прибыли, получаемой отъ различныхъ отраслей ея, еще недостаточно, чтобы классификація была только вѣрна дѣйствительности, надо еще, чтобы она была основана на такихъ признакахъ, которымъ дѣйствительно соотвѣтствовала бы бóльшая или меньшая прибыль каждаго вида торговли; именно этого-то достоинства и недостаетъ принятой Положеніемъ 1865 года классификаціи торговли на оптовую, розничную и мелочную; вмѣсто нея можно съ такою же вѣрностью раздѣлить торговлю, на производимую лицами одѣтыми по-европейски, производимую лицами одѣтыми въ русскій купеческій кафтанъ и наконецъ одѣтыми въ тулупъ. Это дѣленіе тоже было бы вѣрно съ дѣйствительностью и может быть обнимало бы собою всѣ виды торговли, но принятые въ основаніе его признаки, точно такъ же, какъ и признаки принятые Положеніемъ 1865 года, не могли бы служить мѣриломъ прибылей, получаемыхъ каждымъ видомъ торговли, а слѣдовательно и мѣриломъ для обложенія ихъ извѣстнымъ налогомъ.

Причина такой существенной неудовлетворительности Положенія 1865 года лежитъ въ томъ же неправильномъ пониманіи имъ налога на торговлю и промыслы, и въ причисленіи его къ числу пошлинъ. Исходя изъ той ложной точки зрѣнія, что права торговли и промысловъ даруются государствомъ за уплату пошлинъ, Положеніе 1865 года, назначая разный размѣръ окладовъ пошлинъ за разнаго рода свидѣтельства, или за разные виды торговли, въ сущности не имѣетъ въ виду обложенія бóльшимъ окладомъ пошлинъ бóльшіе обороты, или бóльшія прибыли, а, такъ сказать, продажу извѣстныхъ правъ на торговлю и промыслы. Такъ (ст. 32, 33, 34 и 40) наименьшія права по производству торговли и промысловъ даетъ свидѣтельство на мелочной торгъ — и плата за него положена наименьшая. Затѣмъ свидѣтельство 2-й гильдіи даетъ всѣ права, пріобрѣтаемыя свидѣтельствомъ на мелочной торгъ и, сверхъ того, право производить въ одномъ уѣздѣ розничную торговлю всякими товарами, не ограничи-

ваясь росписями ихъ и помѣщеніями, указанными для мелочного торга; содержать заводы, фабрики и ремесленныя заведенія, дѣйствующія не только ручною работою, но и машинами и снарядами, приводимыми въ движеніе паромъ или водою; право принимать подряды, поставки и откупа на сумму до 15,000 руб. каждый, и т. д.—и потому плата или пошлина за свидѣтельство 2-й гильдіи положена приблизительно въ 3 раза больше, чѣмъ за свидѣтельство на мелочной торгъ. Наконецъ свидѣтельство 1-й гильдіи даетъ всѣ права предыдущихъ свидѣтельствъ и, сверхъ того, право производить по всей имперіи оптовую торговлю, содержать для сего конторы, склады и амбары, и принимать подряды, поставки и откупа безъ ограниченія суммы и проч.,—и потому плата или пошлина за свидѣтельство 1-й гильдіи назначена въ четыре раза больше, чѣмъ за свидѣтельство 2-й гильдіи перваго класса.

Такимъ образомъ Положеніе 1865 года, не отрѣшившись еще вполнѣ отъ отжившаго уже сословнаго гильдейскаго права и перенося установленныя за гильдейскія права пошлины на торговлю и промыслы, сохранило и бывшую классификацію торговли по правамъ каждой изъ бывшихъ 3-хъ гильдій, которая между тѣмъ не представляетъ достаточно прочныхъ и вѣрныхъ признаковъ для подоходнаго обложенія торговли и промысловъ. Поэтому принятый Положеніемъ 1865 года относительный размѣръ окладовъ пошлинъ за каждый изъ установленныхъ имъ видовъ торговли, имѣетъ совершенно произвольный характеръ и можетъ только случайно совпасть съ дѣйствительною величиною прибыли того или другого промышленнаго предпріятія.

Можно сказать только о мелочномъ торгѣ, что будучи ограниченъ извѣстными предметами и помѣщеніями, поименованными въ росписяхъ Е и Ж, онъ, вообще, едвали можетъ отличаться величиною оборотовъ и прибылей, съ чѣмъ совпадаетъ и относительно меньшая величина пошлины, назначенной за свидѣтельство на этотъ торгъ. Что же касается до торговыхъ правъ, предоставленныхъ Положеніемъ 1865 года по свидѣтельствамъ двухъ первыхъ гильдій, то они не обусловливаютъ относительной выгодности и величины возможныхъ при нихъ оборотовъ какъ по торговлѣ, такъ и по фабричной и заводской дѣятельности, и потому въ этомъ случаѣ нельзя искать даже и приблизительной соразмѣрности налога.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень трудно провести черту между оптовою и розничною торговлею,—потому что существуютъ такіе виды торговли, которые составляютъ нѣчто среднее между ними и имѣютъ признаки и той и другой торговли; напримѣръ, хлѣбная торговля, которая производится преимущественно изъ складовъ и амбаровъ,—при чемъ продажа хлѣба дѣлается не иначе, какъ болѣе или менѣе значительными партіями,—и невозможно опредѣлить, съ какой

величины партій начинается оптовая торговля,—всю же эту торговлю отнести къ оптовой невозможно безъ крайняго стѣсненія огромнаго числа сравнительно мелкихъ хлѣбныхъ торговцевъ. Точно такъ и множество другихъ сырыхъ продуктовъ въ разныхъ мѣстностяхъ скупаются изъ первыхъ рукъ мелкими промышленниками съ ограниченными капиталами и перепродаются партіями большимъ торговымъ фирмамъ. Вообще выраженіе „партіями", принятое Положеніемъ 1865 года, есть весьма неопредѣленное выраженіе и потому трудно-примѣнимое: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, принято называть гуртовыми лавками тѣ, въ которыхъ продаются матеріи цѣльными штуками, а въ другихъ только такія, въ коихъ продажа производится цѣлыми товарными помѣщеніями, ящиками, тюками, бочками и т. д. Нерѣдко розничные торговцы перепродаютъ часть своихъ товаровъ цѣльными помѣщеніями мелочнымъ промышленникамъ, и такая перепродажа не всегда имѣетъ характеръ временный, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ оптовыхъ торговцевъ въ точномъ смыслѣ этого слова, главные розничные торговцы имѣютъ постоянные счеты съ мелочниками, и Положеніе 1865 года не даетъ возможности опредѣлить въ этихъ случаяхъ, гдѣ кончается розничная и гдѣ начинается оптовая торговля. Въ уставѣ торговомъ (ст. 1 примѣч.) упоминается о недостаточной опредѣленности понятія оптовой торговли, но приведенныя въ немъ разъясненія не обнимаютъ изложенныхъ здѣсь случаевъ.

Въ циркулярѣ министра финансовъ 29-го апрѣля 1865 года за № 3,140 сказано, что признаки оптовой торговли, составляющей исключительную принадлежность 1-й гильдіи, состоятъ въ содержаніи конторъ, складовъ и амбаровъ, изъ коихъ вообще продаются товары гуртовымъ количествомъ, или цѣльными помѣщеніями. Не говоря уже о томъ, что замѣна слова „партіями„ словами „гуртовымъ количествомъ и цѣльными помѣщеніями" нисколько неуясняетъ вопроса, но кромѣ того неправильность приведеннаго разъясненія явствуетъ изъ того, что циркуляромъ министра финансовъ 6 октября 1866 года № 6,549 содержаніе амбаровъ для ссыпки хлѣбнаго товара и продажи его въ оптовые склады или на мукомольныя мельницы (слѣдовательно изъ амбаровъ, гуртовымъ количествомъ и цѣльными помѣщеніями), признано не противорѣчащимъ правомъ ни 2-й гильдіи, ни даже мелочного торга.

Другой остатокъ гильдейскаго права выразился въ Положеніи 1865 года въ ограниченіи суммы, на которую могутъ каждый разъ брать подряды, поставки и откупа лица, имѣющія свидѣтельства 2-й гильдіи и на мелочной торгъ. Въ прежнее время, когда предполагалось, что каждый записывается въ извѣстную гильдію смотря по величинѣ своего капитала, такое ограниченіе, равнявшееся величинѣ объявленнаго имъ капитала, было понятно и оно распространялось не только

на подряды, но и на полученіе товара изъ-заграницы (ст. 82 уст. торгов.), при чемъ купецъ 2-й гильдіи, заключившій уже въ одномъ, казенномъ или общественномъ управленіи контрактъ на разрѣшенную ему сумму и желающій взять въ томъ же управленіи другой подрядъ, долженъ былъ перечислиться въ 1-ю гильдію (ст. 84 уст. торг.).

Въ Положеніи же 1865 года не имѣется изложеннаго основанія для этого ограниченія, между тѣмъ тяжесть этого ограниченія падаетъ преимущественно на взявшаго одинъ только подрядъ на сумму высшую, чѣмъ ему по правамъ разрѣшено; для взявшаго же нѣсколько подрядовъ, на разрѣшенную сумму каждый, это ограниченіе менѣе чувствительно.

Съ другой стороны по уст. о пошлин. ст. 135 пунк. 4 всѣ контракты, договоры и условія на подряды, поставки, постройки и починки, заключаемыя съ казенными и общественными мѣстами, равно какъ и между частными лицами, должны быть писаны на крѣпостной бумагѣ установленнаго достоинства, смотря по суммѣ договора или контракта. Слѣдовательно всякій подрядъ уже оплаченъ гербовою пошлиною, смотря по величинѣ суммы, на которую онъ заключенъ, и законъ предоставляетъ (ст. 1,739 X т. 1 част.) всѣмъ лицамъ, имѣющимъ право заключать договоры, вступать между собою въ подряды и поставки, безъ всякаго ограниченія въ суммахъ съ той или съ другой стороны;—тѣмъ не менѣе если договоръ заключается о поставкѣ товаровъ (ст. 1,741 X т. 1 част.) или вообще имѣетъ предметомъ торговое предпріятіе, для исполненія коего требуются установленныя на право торговли свидѣтельства; то поставщикъ или подрядчикъ не можетъ принимать на себя обязательства свыше той суммы, на какую полученное имъ торговое свидѣтельство даетъ ему право;—и затѣмъ ст. 1781 X т. части 1-й обязываетъ этимъ же ограниченіемъ всѣхъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, входящихъ въ какой бы то ни было подрядъ съ казной, и ст. 1,770 того же тома избавляетъ помѣщиковъ отъ взятія свидѣтельствъ, когда подрядъ касается поставки произведеній ихъ имѣній.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія приведенныхъ статей закона явствуетъ, что въ двухъ случаяхъ подряды оплачиваются двойною пошлиною (гербовою и торговою): подряды, имѣющіе предметомъ торговыя предпріятія, и подряды, заключаемые съ казной, за исключеніемъ заключаемыхъ помѣщиками на поставку произведеній своихъ земель.

Въ первомъ случаѣ представляется обремененіе торговли, ничѣмъ неоправдываемое и несоразмѣряющееся съ выгодностью торговыхъ оборотовъ, а во второмъ напрасная формальность,—такъ какъ цѣна подряда зависитъ вообще отъ издержекъ подрядчика на выполненіе

его, и слѣдовательно казна теряетъ на цѣнѣ подряда то, что она пріобрѣтаетъ через уплату подрядчикомъ добавочныхъ пошлинъ.

Классы мѣстностей.

3) Вторая общая мѣра, принятая Положеніемъ 1865 года, для достиженія соразмѣрности обложенія торговли и промысловъ съ величиною ихъ оборотовъ и прибылей, заключается въ раздѣленіи мѣстностей всей имперіи на 5 классовъ (ст. 27 и 28), причемъ только за купеческія свидѣтельства 1-й гильдіи взимается повсемѣстно одна и таже пошлина, за свидѣтельства же 2-й гильдіи и на мелочной торгъ, и за билеты на торговыя и промышленныя заведенія, хотя бы взятыя и при свидѣтельствѣ 1-й гильдіи, установлена пошлина въ различныхъ размѣрахъ.

Основаніемъ къ такому раздѣленію мѣстностей по окладу торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ служитъ предполагаемая величина сбыта въ каждой мѣстности, и потому наиболѣе многолюдныя и промышленныя мѣстности отнесены къ первымъ классамъ, по которымъ назначенъ болѣе высокій окладъ пошлинъ.

Но, во-первыхъ, надо сказать, что въ каждой мѣстности, а въ особенности въ мѣстностяхъ, отнесенныхъ къ первымъ классамъ, какъ, напримѣръ, Петербургъ, Москва и проч., встрѣчаются предпріятія и заведенія той же категоріи и малыя, и среднія и большія. Напримѣръ, въ Петербургѣ, магазины и лавки съ панскими, или съ галантерейными, или съ бакалейными товарами и проч., отнесенные къ розничной торговлѣ 2-й гильдіи, встрѣчаются всѣхъ размѣровъ; также и заведенія мелочного торга, а между тѣмъ, тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ сравнительно малый оборотъ, должны платить наравнѣ съ тѣми, которыхъ оборотъ считается сотнями тысячъ рублей. Слѣдовательно, въ каждой мѣстности этимъ недостигается соразмѣрности обложенія, а напротивъ того, въ каждой мѣстности, относительно, наименѣе обложены болѣе крупные обороты по каждому роду свидѣтельствъ, и наиболѣе обложены мелкіе; и этотъ результатъ оказался бы и въ томъ случаѣ, если бы, какъ было объяснено выше, свидѣтельства были уничтожены и причитающіяся за нихъ пошлины были разложены на билеты, хотя нѣтъ сомнѣнія, что существующая пошлина за свидѣтельства усугубляетъ это пагубное для народнаго хозяйства положеніе вещей; дѣйствуя совокупно, они препятствуютъ развитію народнаго благосостоянія и если, несмотря на такія неблагопріятныя условія, число торговыхъ предпріятій или заведеній увеличивается, то это слѣдуетъ преимущественно приписать малочисленности, сравнительно съ развившимися потребностями, большихъ капиталовъ, которые бы, въ противномъ случаѣ, отняли всякую возможность образованію новыхъ мѣстныхъ капиталовъ.

Съ другой стороны, раздѣленіе мѣстностей, по степени ихъ мно-

-голюдности и промышленности, на классы не оправдывается и какъ средство для соразмѣрности обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій съ степенью ихъ прибыльности въ разныхъ мѣстностяхъ.

По экономическому закону, выгодность отдѣльныхъ промысловъ и торговыхъ предпріятій во всѣхъ мѣстностяхъ постоянно стремится къ одному уровню:. Дѣйствительно, многолюдность какой-либо мѣстности, усиливая спросъ на товары, увеличиваетъ выгодность промысловъ и торговой дѣятельности отъ возвышенія продажной цѣны товаровъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта выгодность вызываетъ наплывъ въ эту мѣстность другихъ капиталовъ, которые вообще отличаются большою подвижностью; и этотъ наплывъ продолжается до тѣхъ поръ, пока конкуренція между капиталами не понизитъ прибыли отъ нихъ до того уровня, который существуетъ въ другихъ мѣстностяхъ. При этомъ конкурренція между капиталами заставляетъ ихъ понижать продажную цѣну товаровъ, и хотя этимъ достигается большій, чѣмъ въ малолюдныхъ мѣстностяхъ, сбытъ товаровъ и, слѣдовательно, болѣе быстрый или частый оборотъ капитала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыль отъ каждаго оборота становится настолько же менѣе. Такъ, напримѣръ, если въ многолюдной мѣстности капиталъ въ 10 тысячъ руб. и оборачивается, положимъ, 10 разъ въ годъ, тогда какъ въ малолюдной мѣстности такой же капиталъ оборачивается только 2 раза въ годъ, принося каждый разъ 5% прибыли, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первой (многолюдной) мѣстности каждый оборотъ капитала будетъ приносить не болѣе 1% прибыли, т.-е. въ томъ и другомъ случаѣ 10% въ годъ. Иное отношеніе тотчасъ вызываетъ передвиженіе капиталовъ въ ту мѣстность, гдѣ отъ нихъ можно ожидать болѣе прибыли. Существованіе изложеннаго закона объясняетъ, почему въ малолюдныхъ, глухихъ мѣстахъ цѣна товаровъ (конечно не мѣстнаго произведенія), несмотря на гораздо меньшій спросъ на нихъ, дороже, чѣмъ въ многолюдныхъ мѣстностяхъ. Конечно, привычка и привязанность къ мѣсту, и недостатокъ предпріимчивости заставляютъ иногда торговцевъ малолюдныхъ мѣстностей довольствоваться небольшими выгодами и не переносить своей дѣятельности въ болѣе выгодныя мѣстности; но за то уже въ такія мѣстности не будетъ и прилива новыхъ капиталовъ, а постоянно возрастающія населенія и потребности скоро доводятъ прибыль капиталовъ въ нихъ до общаго уровня. Съ другой стороны, по нѣкоторымъ видамъ торговли малолюдныя мѣстности, по ограниченности въ нихъ конкурренціи между капиталами, представляютъ иногда несравненно бóльшую прибыль, чѣмъ многолюдные центры; такъ, напримѣръ, по торговлѣ изъ мелочныхъ лавокъ галантерейными товарами въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, барышъ въ 100 и болѣе процентовъ не составляетъ рѣдкаго явле-

нія, тогда какъ въ большихъ центрахъ барышъ по этой торговлѣ держится общаго уровня.

Вообще надо сказать, что зависящее отъ экономическаго закона стремленіе прибыльности различныхъ отраслей торговли и промысловъ къ достиженію повсемѣстно одного уровня, не осуществляется ни въ какую данную минуту.

Въ этомъ отношеніи промышленность есть постоянное движеніе, постоянное состязаніе, въ которомъ, независимо отъ усилій и степени находчивости каждаго, постоянныя перемѣны въ самыхъ условіяхъ торговли производятъ постоянныя и повсемѣстныя колебанія этой прибыли; но эти колебанія и разности прибыли касаются не столько мѣстностей, сколько отдѣльныхъ видовъ или отраслей промышленности, такъ что въ одномъ и томъ же городѣ, одного рода промышленныя предпріятія представляютъ больше прибыли, чѣмъ предпріятія въ другой отрасли торговли, и даже, въ торговлѣ одними и тѣми же товарами, лавки, торгующія ими исключительно оптомъ, доставляютъ иную прибыль, обыкновенно относительно меньшую, чѣмъ торгующія ими въ розницу,—и тутъ много зависитъ отъ размѣра капитала. Вообще, разность въ прибыляхъ скорѣе зависитъ отъ разныхъ пріемовъ и способовъ торговли, въ одной и той же мѣстности, хотя, конечно, и самая мѣстность имѣетъ также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вліяніе на это, но не преобладающее и не одинаковое относительно всѣхъ видовъ торговли.

Кажущаяся, при поверхностномъ взглядѣ, бо́льшая прибыльность промысловъ и торговыхъ предпріятій въ многолюдныхъ центрахъ происходитъ, во-первыхъ, именно отъ болѣе быстраго оборота капитала, который, однако, какъ выше объяснено, не служитъ признакомъ большей прибыли; и во-вторыхъ, оттого еще, что въ этихъ центрахъ отдѣльныя промышленныя предпріятія встрѣчаются въ такихъ большихъ размѣрахъ, въ какихъ они не встрѣчаются и не могутъ существовать въ малолюдныхъ мѣстностяхъ. Напримѣръ, ни въ губернскихъ, ни тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ городахъ нельзя встрѣтить такихъ большихъ галантерейныхъ магазиновъ, какъ въ столицахъ: обороты первыхъ рѣдко превышаютъ 30 т. или 40 т. рублей, тогда какъ обороты послѣднихъ простираются до нѣсколькихъ сотъ тысячъ руб. Но при этомъ не надо упускать изъ виду, что въ многолюдныхъ центрахъ, рядомъ съ большими заведеніями, существуютъ и меньшаго размѣра галантерейные магазины и всякаго другого рода предпріятія, именно такого размѣра, какіе существуютъ и въ губернскихъ, и въ уѣздныхъ городахъ, и даже въ селеніяхъ; точно такъ, какъ въ губернскихъ городахъ существуютъ промышленныя предпріятія тѣхъ же малыхъ размѣровъ, какъ и въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, и, кромѣ того, бо́льшихъ размѣровъ, которые въ уѣздныхъ

городахъ не встрѣчаются, а только въ столицахъ. Такимъ образомъ, не мѣстности слѣдуетъ дѣлить на классы, а промышленныя предпріятія, изъ которыхъ предпріятія наибольшаго размѣра встрѣтятся только въ многолюдныхъ центрахъ; въ нихъ же и въ нѣсколькихъ большихъ губернскихъ городахъ встрѣтятся предпріятія второго (меньшаго) разряда; затѣмъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ и еще въ остальныхъ губернскихъ городахъ встрѣтятся предпріятія третьяго разряда; предпріятія четвертаго разряда встрѣтятся во всѣхъ предыдущихъ мѣстностяхъ и еще въ большихъ уѣздныхъ городахъ, и очень промышленныхъ селахъ, и т. д., и наконецъ предпріятія низшаго разряда встрѣтятся повсемѣстно. По инымъ отраслямъ торговли высшій разрядъ встрѣтился бы, можетъ быть, не въ столицахъ, а въ менѣе многолюдныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Рыбинскѣ, и т. д. Такая классификація не мѣстностей, которая ничего не выражаетъ, а самихъ промысловъ и торговыхъ предпріятій, въ правильной постепенности ихъ годовыхъ оборотовъ и прибылей, дѣйствительно дала бы возможность обложить ихъ соразмѣрнымъ налогомъ; въ этомъ случаѣ окладъ средняго, или низшаго разряда даннаго промысла въ многолюдномъ центрѣ соотвѣтствовалъ бы окладу высшаго разряда того же промысла въ малолюдной мѣстности, такъ какъ прибыль ихъ была бы приблизительно одинакова.

Несостоятельность принятаго Положеніемъ 1865 года обложенія промысловъ по мѣстностямъ, не менѣе очевидна и въ отношеніи мелкихъ ремесленныхъ заведеній, дѣйствующихъ одною ручною работою, слѣдовательно, почти безъ помощи капитала, потому что для основанія мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ достаточно незначительной суммы, на которую можно было бы прокормить работниковъ, на время приготовленія извѣстнаго количества издѣлій, и обзавестись нѣкоторыми орудіями и матеріалами для приступа къ дѣлу. Для примѣра, можно взять двухъ хозяевъ такихъ мастерскихъ, о пяти работникахъ каждая, одного въ Казани или въ Самарѣ, отнесенныхъ ко 2-му классу, а другого въ Ставрополѣ Самарской губерніи, отнесеннаго къ 4-му классу. Предположивъ даже, что въ Казани сбытъ издѣлій втрое, вчетверо быстрѣе, чѣмъ въ Ставрополѣ, и что, несмотря на это, цѣна издѣлій въ ней не дешевле, чѣмъ въ Ставрополѣ, то все-таки очевидно, что хозяинъ такой мастерской въ Казани получитъ валового и чистаго дохода не больше, чѣмъ содержатель такой же мастерской въ Ставрополѣ, потому что доходность ихъ промысловъ обусловливается исключительно числомъ рабочихъ и количествомъ изготовляемыхъ ими издѣлій; и если бы ставропольскій хозяинъ не могъ своевременно сбывать издѣлія 5-ти рабочихъ, то онъ держалъ бы меньшее число ихъ. Между тѣмъ въ настоящее время, согласно Положенію 1865 года, хозяинъ такой мастерской въ Казани обложенъ почти

вдвое большимъ налогомъ, чѣмъ хозяинъ въ Ставрополѣ; въ Москвѣ въ 2$^1/_2$ раза бо́льшимъ, чѣмъ въ Бузулукѣ и т. д.

Наконецъ, немаловажное возраженіе противъ принятаго Положеніемъ 1865 года распредѣленія мѣстностей на классы, составляетъ невозможность найти хоть сколько-нибудь правильное основаніе для такой классификаціи. Потому что, спрашивается: что̀ выражаетъ принятая Положеніемъ 1865 года классификація мѣстностей? она выражаетъ только, что въ данной, произвольно ограниченной, мѣстности существуютъ, между прочимъ, такія большія промышленныя предпріятія, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. Если, на основаніи этого, окладъ пошлинъ для этой мѣстности будетъ опредѣленъ, соображаясь съ такими большими предпріятіями, то очевидно онъ будетъ крайне обременителенъ для меньшихъ предпріятій въ той же мѣстности. Если окладъ этотъ будетъ назначенъ по соображенію даже средняго вывода суммы оборотовъ, причитающейся на каждаго торговца этой мѣстности, то и въ такомъ случаѣ несоразмѣрность оклада съ дѣйствительными оборотами каждаго будетъ чрезмѣрная. Напримѣръ, если въ данномъ городѣ общая сумма сбыта или оборотовъ ста мѣстныхъ бакалейныхъ или галантерейныхъ, и т. д., торговцевъ составляетъ 1.000.000 руб., что среднимъ счетомъ составляетъ по 10,000 руб. на каждаго,—причемъ пятеро изъ нихъ имѣютъ дѣйствительный оборотъ по 100 т. руб., пятеро по 40 т. руб., а остальные по 3,300 руб., и если обыкновенная промысловая прибыль равняется 10%, и окладъ пошлины въ этомъ городѣ на означенный разрядъ торговли будетъ установленъ въ 10% съ причитающейся среднимъ счетомъ на каждаго изъ этихъ торговцевъ прибыли, т.-е. въ 100 руб., то первые будутъ уплачивать 1% съ своего чистаго дохода, вторые 2$^1/_2$%, и послѣдніе 30%. Результатъ бы вышелъ иной, еслибы мѣстность была ограничена не городскою чертою, а тѣми кварталами или улицами этого города, въ которыхъ расположены заведенія съ большими оборотами, или еслибы для вывода средней величины оборотовъ къ городу былъ присоединенъ его уѣздъ, — но все-таки соразмѣрность обложенія не была бы достигнута. Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что условія мѣстности не могутъ служить мѣриломъ для опредѣленія величины прибылей разнообразныхъ промышленныхъ предпріятій, является невозможность произвесть съ этой цѣлью правильную классификацію мѣстностей, какія бы для этого ни были приняты основанія—и всякая классификація будетъ, по необходимости, произвольная.

Въ положеніи о трактирныхъ заведеніяхъ (ст. 72) также установлено раздѣленіе мѣстностей въ уѣздахъ, по отношенію платежа акциза за содержаніе трактировъ, на три класса, сообразно съ выгодами, представляемыми каждою мѣстностью,—и это раздѣленіе мѣст-

ностей оказывается вполнѣ удовлетворительнымъ для соразмѣрнаго обложенія этихъ заведеній. Причина тому заключается отчасти въ томъ, что, по самому существу торговли трактирныхъ заведеній, обороты содержателей ихъ въ уѣздахъ могутъ имѣть только извѣстные maximum и minimum, выше или ниже которыхъ они не подымаются и не падаютъ въ одной мѣстности; а главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что производимое, въ этомъ случаѣ, распредѣленіе мѣстностей касается оборотовъ только одного рода заведеній, слѣдовательно, въ сущности, это есть классификація не мѣстностей, а самихъ заведеній по величинѣ ихъ оборотовъ. Въ городахъ же, которые всѣ представляютъ возможность бо̀льшаго разнообразія въ величинѣ оборотовъ содержателей трактирныхъ заведеній, тоже положеніе установило (ст. 21 и 22) черезъ каждые 4 года новую внутреннюю раскладку между отдѣльными трактирными заведеніями, опредѣляемаго средняго годового акциза съ нихъ; такимъ образомъ, въ каждомъ городѣ установлена особая классификація трактирныхъ заведеній.

Подобную систему внутренней раскладки подоходнаго налога на торговлю и промыслы, по каждой губерніи, именно и проектировало самарское земство, предположивъ, что цифра этого налога, по каждой губерніи, будетъ ежегодно опредѣляться правительствомъ, такъ же какъ и процентъ обложенія.

Уничтоженіе пошлинъ за свидѣтельства и распредѣленіе налога на торговлю по классификаціи оборотовъ промышленныхъ заведеній, а не мѣстностей, есть единственный путь для достиженія подоходнаго обложенія торговли, необходимаго для безпрепятственнаго развитія народнаго хозяйства и благосостоянія, а съ ними и самой промышленности, и государственнаго дохода отъ нея. Такая система обложенія, облегчивъ чрезмѣрную тягость налога, падающую въ настоящее время на менѣе значительные капиталы, вмѣстѣ съ тѣмъ устранила бы поводъ къ весьма распространенному и порождаемому существующимъ порядкомъ вещей злу: — подъимянной торговлѣ, вредной какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Небогатые торговцы, будучи не въ состояніи заплатить за купеческое свидѣтельство, входятъ въ обязательныя отношенія къ какому-либо капиталисту и торгуютъ подъ его фирмой на собственный капиталъ, дѣлаясь передъ закономъ его прикащиками. Преслѣдовать этотъ обманъ администрація не можетъ, потому что онъ облекается въ законныя формы; но вредъ такихъ подлоговъ не только фискальный, онъ еще больше въ ихъ нравственныхъ и экономическихъ послѣдствіяхъ: лицо, вошедшее въ подобныя обязательныя отношенія къ капиталисту, подвергаетъ свое состояніе не только произволу и честности сего послѣдняго, но и неблагопріятнымъ послѣдствіямъ разныхъ случайностей, независящихъ отъ его воли; напримѣръ, въ случаѣ смерти

или несостоятельности такого фиктивнаго хозяина, мелкій торговецъ можетъ потерять все свое состояніе. Несмотря на этотъ рискъ, подъимянная торговля значительно распространяется, и къ ней прибѣгаютъ даже весьма состоятельные торговцы, особенно пріѣзжающіе въ города для торговли не на долгое время и имѣющіе въ нихъ знакомыхъ торговцевъ. Выдача билетовъ и довѣренностей на производство подъимянной торговли даже составила, въ послѣднее время, особый промыселъ, который, хотя не доставляетъ торговцамъ особенныхъ выгодъ, но по крайней мѣрѣ покрываетъ съ излишкомъ издержки на уплату купеческихъ пошлинъ, такъ какъ при совершеніи подобныхъ сдѣлокъ уплачивается мнимому хозяину отъ 5 до 10 руб. за дѣлаемое имъ одолженіе.

Билеты.

4) Кромѣ вышеизложенныхъ замѣчаній, касающихся основныхъ началъ Положенія 1865 года и требующихъ коренного преобразованія дѣйствующей системы налога на торговлю и промыслы, безъ чего невозможны никакія улучшенія этого Положенія, представляются еще другія замѣчанія, болѣе частнаго свойства, имѣющія, впрочемъ, также весьма важное значеніе, именно, во-первыхъ, относительно билетнаго сбора.

а) Отличительная черта билетнаго сбора, установленнаго Положеніемъ 1865 года, заключается въ томъ, что этотъ сборъ, въ противуположность пошлинамъ за свидѣтельства, соразмѣряется съ числомъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, такъ какъ на каждое такое заведеніе долженъ быть взятъ особый билетъ (ст. 16-я). Дѣйствительно, обороты и прибыли торговца растутъ съ каждымъ открываемымъ имъ заведеніемъ, и потому требованіе, чтобы онъ взялъ билеты по числу заведеній, ведетъ къ большей соразмѣрности налога съ величиною оборотовъ и прибыли. Но при этомъ Положеніе 1865 года не дѣлаетъ никакого различія между лавками, открытыми въ продолженіи всей недѣли и тѣми, изъ которыхъ торгъ производится только одинъ день или нѣсколько дней въ недѣлю, что ведетъ къ несоразмѣрному отягощенію лавочной торговли въ уѣздахъ, сравнительно съ лавочною торговлею въ городахъ, какъ по купеческимъ свидѣтельствамъ, такъ и по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ. Купецъ, содержащій лавку въ городѣ, беретъ на нее одинъ билетъ и торгуетъ ежедневно; тогда какъ торгующій по селамъ, для ежедневной торговли, долженъ бывать въ теченіи недѣли въ семи мѣстахъ и, потому, обязанъ взять семь билетовъ, по числу занимаемыхъ имъ базаровъ; причемъ надо еще принять въ соображеніе, что торговля на сельскихъ базарахъ, въ большей части случаевъ, не можетъ сравниться, по выгодности своей, съ городскою торговлею, особенно въ послѣднее время, когда земство стало безпрепятственно разрѣшать открытіе но-

выхъ базаровъ, и что она сопряжена съ неудобствами и расходами безпрерывныхъ переѣздовъ. Стѣсненіе это еще усиливается для торгующихъ по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ тѣмъ, что они по одному свидѣтельству не могутъ содержать болѣе 4-хъ лавокъ, и потому, чтобы торговать цѣлую недѣлю, они должны взять два свидѣтельства и семь билетовъ, тогда какъ торгующій въ городѣ долженъ взять только одно свидѣтельство и одинъ билетъ. Поэтому, даже при сохраненіи свидѣтельствъ, слѣдовало бы разрѣшить лицамъ, торгующимъ по селамъ, въ такъ-называемые базарные дни, въ предѣлахъ того уѣзда, на который взято свидѣтельсто, переѣзжать изъ одного селенія въ другое и открывать въ нихъ послѣдовательно для продажи товаровъ лавки, палатки, балаганы и проч. по однимъ и тѣмъ же билетамъ; постоянные же склады товаровъ, содержимые такими торговцами въ селеніяхъ, должны быть снабжены особыми билетами.

б) Для бо́льшаго соразмѣренія билетнаго сбора съ величиною торговыхъ оборотовъ Положеніе 1865 года требуетъ не только, чтобы на каждое торговое и промышленное заведеніе былъ взятъ особый билетъ, но еще чтобы на открытые магазины, лавки, амбары, погреба, кладовыя, будки и всякія складочныя мѣста, изъ коихъ производится продажа, состоящіе изъ нѣсколькихъ покоевъ и имѣющіе два или болѣе открытыхъ для покупателей входовъ съ улицы или со двора, было взято столько билетовъ, сколько есть особыхъ входовъ въ заведеніе (ст. 24 п. б. прим.).

Однако же число входовъ вовсе не составляетъ необходимаго признака и условія бо́льшаго или меньшаго оборота заведенія, доказательствомъ чего можетъ служить то, что съ изданіемъ этого закона всѣ торговцы немедленно задѣлали излишніе входы, оставивъ только одинъ, и при этомъ торговля ихъ нисколько не измѣнилась. Если англійскій магазинъ въ С.-Петербургѣ, магазинъ русскихъ издѣлій и прочіе первые магазины обѣихъ столицъ, не говоря уже о губернскихъ, могутъ, не уменьшая своихъ оборотовъ, торговать при одномъ входѣ, то очевидно, что лишніе входы не составляютъ признака бо́льшаго оборота. По особенностямъ же нѣкоторыхъ видовъ торговли низшаго разряда и мѣстныхъ обычаевъ, дѣйствительно, иногда необходимы лишніе входы, но эта необходимость обусловливается свойствомъ товара, наконецъ дурнымъ устройствомъ лавокъ, а вовсе не величиною оборота; сюда относятся, напримѣръ, лавки со льномъ, желѣзными издѣліями и другими товарами, имѣющими сбытъ въ простомъ народѣ. Крестьяне, пріѣзжая въ городъ для продажи продуктовъ своего хозяйства или съ извозомъ, по обыкновенію ходятъ группами дѣлать покупки потребныхъ для нихъ издѣлій и при этомъ, недовѣряя освѣщенію лавки, всякую осматриваемую ими вещь выносятъ для этого изъ лавки, такъ что, если лавка имѣетъ только одинъ входъ, то уже

при двухъ группахъ покупателей происходитъ тѣснота и давка въ дверяхъ, заставляющая искать другую лавку. Слѣдовательно, изъясненное выше требованіе закона, не имѣя никакого отношенія къ величинѣ оборотовъ, только стѣсняетъ сравнительно мелкую торговлю товарами, имѣющими сбытъ въ простомъ народѣ.

в) Обративъ такое незаслуженное вниманіе на число входовъ, Положеніе 1865-го года, между тѣмъ, упустило изъ виду другіе признаки, дѣйствительно обусловливающіе величину оборотовъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній; именно: во-первыхъ, величину самого помѣщенія.

Не требуется особыхъ соображеній, чтобы доказать, что чѣмъ больше товаровъ въ лавкѣ, тѣмъ больше должно быть помѣщеніе ея и тѣмъ значительнѣе торговля этой лавки, такъ какъ она можетъ замѣнить торговлю двухъ, трехъ и т. д. меньшихъ лавокъ. Поэтому понятно было бы, если бы законъ требовалъ взятіе особаго билета на каждое опредѣленное квадратное пространство заведенія, или, по крайней мѣрѣ, на каждый покой, или наконецъ на извѣстное число оконъ (хотя послѣднее было бы неправильно относительно угловыхъ лавокъ). Положеніе же 1865-го года требуетъ взятія при одномъ входѣ только одного билета, сколько бы заведеніе ни имѣло покоевъ, и какого бы они размѣра ни были. Само собою разумѣется, что торговыя или промышленныя заведенія, занимающія одинаковое пространство, могутъ вмѣщать въ себѣ, одни—очень дешевые товары, другіе—очень дорогіе, наприм. соляной магазинъ и галантерейный магазинъ, чѣмъ обусловливается и самая цифра прибыли того и другого заведенія, и что слѣдовательно для того, чтобы билетный сборъ былъ по возможности подоходный, надо, чтобы опредѣляемая имъ плата по размѣру заведеній была различна по различнымъ родамъ торговли и производительности. Этому условію прямо противорѣчитъ проектированное московскимъ земствомъ обложеніе всѣхъ промышленныхъ строеній внѣ городовъ хотя и не одинаковымъ налогомъ по величинѣ занимаемаго ими пространства, но безъ достаточнаго различія цѣнности товаровъ или произведеній ихъ.

г) По мелочному торгу, Положеніе 1865-го года даетъ, напротивъ того, слишкомъ большое значеніе числу покоевъ, именно, на основаніи ст. 40 прим. 1-е, постоянныя лавки съ товарами, поименованными въ росписи Е, и мелочныя лавочки съ товарами, поименованными въ росписи Ж, если будутъ имѣть болѣе одного покоя, въ коемъ производится продажа, должны взять свидѣтельство и билетъ 2-й гильдіи;—но именно въ этомъ случаѣ число покоевъ вовсе не играетъ такой важной роли. Мелочной торгъ достаточно ограниченъ росписями дозволенныхъ для него товаровъ, и еслибы онъ производился изъ помѣщенія о двухъ покояхъ, то онъ все-таки, вслѣдствіе этого

ограниченія, не могъ бы идти въ сравненіе съ торговлею, разрѣшенною для 2-й гильдіи. Между тѣмъ, это запрещеніе ведетъ къ стѣсненію мелочной торговли; свойства нѣкоторыхъ товаровъ требуютъ помѣщенія ихъ въ особое отдѣленіе, такъ, напримѣръ, въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ при бакалейныхъ лавочкахъ продаются хлѣбные товары, смола, деготь, соль, разныя крестьянскія издѣлія, и мелочной торговецъ не можетъ раздѣлить свою лавку перегородкою на двѣ комнаты, помѣстивши въ одну изъ нихъ соль, муку и проч., а въ другую разную мелочь. Такую лавку не только нельзя приравнивать къ розничной торговлѣ, обложенной въ 3 раза больше, чѣмъ мелочная, но даже по сравненію съ другими мелочными торговцами съ такой лавки не слѣдуетъ брать высшей платы, такъ какъ другая лавка, объ одномъ покоѣ, можетъ помѣщать гораздо больше товара, и слѣдовательно число покоевъ не можетъ служить признакомъ бóльшаго оборота.

Вообще, квадратное пространство торговаго помѣщенія какъ въ розничной, такъ и въ мелочной торговлѣ (разумѣется при равенствѣ прочихъ условій), могло бы служить болѣе вѣрнымъ признакомъ для обложенія налогомъ, чѣмъ число покоевъ, а тѣмъ болѣе число входовъ.

д) Во-вторыхъ, Положеніе 1865-го года не обратило вниманія на мѣстность, гдѣ помѣщается торговое или промышленное заведеніе. Извѣстно, что наемная плата за торговыя помѣщенія на площадяхъ (особенно центральныхъ) и на главныхъ улицахъ гораздо дороже, чѣмъ въ глухихъ улицахъ и въ отдаленныхъ частяхъ города, точно также и наемная плата за угольныя лавки въ общихъ торговыхъ рядахъ значительно превышаетъ плату за послѣдующія лавки, которыя иногда вчетверо дешевле угольныхъ. Дороговизна наемной платы за указанныя помѣщенія доказываетъ, что торговля въ нихъ выгоднѣе, чѣмъ въ другихъ помѣщеніяхъ, иначе дорогія помѣщенія оставались бы незанятыми, и такъ какъ это условіе существуетъ повсемѣстно, то оно могло бы служить дѣйствительнымъ признакомъ къ извѣстному повышенію налога.

е) Ст. 25 Положенія 1865-го года дозволяетъ содержать складочныя помѣщенія и кладовыя только для храненія, а не для продажи товаровъ, безъ взятія на нихъ билетовъ, съ тѣмъ однако, чтобы число такихъ помѣщеній не превышало числа торговыхъ заведеній того же торговца, уже снабженныхъ билетами. Такъ какъ продажа хранимыхъ въ этихъ кладовыхъ товаровъ производится въ магазинахъ и лавкахъ, уже оплаченныхъ билетнымъ сборомъ, то изъятіе этихъ кладовыхъ отъ билетнаго сбора совершенно правильно; но при этомъ непонятно, почему Положеніе 1865-го года требуетъ, чтобы число этихъ изъятыхъ отъ билетнаго сбора кладовыхъ не превышало число лавокъ? Число

кладовыхъ при каждой лавкѣ зависитъ отъ случайныхъ причинъ, отъ величины ихъ; напримѣръ, общественныя лавки на торговыхъ площадяхъ устраиваются съ крайне ограниченными помѣщеніями для храненія товаровъ, и торговцы, занимающіе эти лавки, по необходимости должны хранить часть своего годового запаса товаровъ на дому и, слѣдовательно, подлежать двойному билетному сбору; между тѣмъ, другіе торговцы, имѣющіе лавки въ частныхъ домахъ, въ которыхъ кладовыя просторнѣе, избавлены отъ двойного билетнаго сбора. Съ другой стороны, если у иного торговца по обстоятельствамъ торговли образовался двухъ-годовой запасъ товара, или образовался запасъ товаровъ для открытія новой лавки, которая почему либо не могла быть открыта въ теченіи года, то въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ пролежавшій непроданнымъ одинъ годъ товаръ будетъ совершенно неправильно подлежать оплатѣ излишнимъ билетнымъ сборомъ, и за первый годъ билетный сборъ упадетъ не на промышленную прибыль торговца, а на его капиталъ, что совершенно противно правильному понятію о налогѣ на торговлю.

ж) По тѣмъ же соображеніямъ не усматривается достаточныхъ основаній на предоставленіе исключительно однимъ только купцамъ 1-й гильдіи льготы отъ билетнаго сбора за амбары и складочные магазины на пристаняхъ не для мѣстной продажи, а только временной складки хлѣбнаго товара, а также въ портахъ для складки и браковки въ нихъ произведеній, къ заграничному отпуску назначенныхъ, (ст. 25 примѣч. 2-е),—тѣмъ болѣе, что торгъ хлѣбомъ и другими земными произрастеніями, съ возовъ, судовъ и лодокъ, принадлежитъ къ свободнымъ отъ платежа пошлинъ торговымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ извѣстно, что приготовляемый для отправки на судахъ хлѣбъ скупается въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ небольшими партіями отъ производителей; закупка эта производится преимущественно зимой, когда крестьяне, свободные отъ полевыхъ работъ, имѣютъ время везти хлѣбъ на пристани, и потому до открытія навигаціи необходимо ссыпать скупаемыя партіи въ амбары; къ этому бываютъ вынуждены и сами землевладѣльцы, когда, во время прибытія на рынокъ ихъ транспортовъ, цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки. Такимъ образомъ, ссыпка хлѣба и другихъ земныхъ произрастеній въ амбары, на пристаняхъ, есть одно изъ необходимыхъ дѣйствій той торговли, которая причтена Положеніемъ 1865-го года къ числу свободныхъ отъ платежа пошлинъ, слѣдовательно, и это дѣйствіе, которое при томъ же не есть продажа, должно быть свободно отъ уплаты пошлинъ для всѣхъ, а не для однихъ купцовъ 1-й гильдіи. Впрочемъ, правильнѣе было бы оптовую торговлю хлѣбомъ и другими земными произрастеніями, и вообще сырыми продуктами, вовсе не причислять къ свободной торговлѣ, о чемъ будетъ объяснено ниже.

з) Затѣмъ, въ отношеніи содержанія такихъ амбаровъ по свидѣтельствамъ 2-й гильдіи и на мелочной торгъ, со взятіемъ на то соотвѣтствующихъ билетовъ, циркуляромъ министра финансовъ 6-го октября 1866-го года за № 6,549, примѣняясь къ ст. 40-й Положенія 1865-го года, установлено, что по свидѣтельству на мелочной торгъ можно содержать амбары, состоящіе не болѣе, какъ изъ одного покоя со взятіемъ билета на каждый такой амбаръ; если же амбаръ состоитъ изъ двухъ покоевъ, то онъ подлежитъ взятію свидѣтельства и билета 2-й гильдіи. При этомъ размѣры покоевъ не опредѣлены и потому, въ дѣйствительности, эти амбары обложены безъ всякаго отношенія къ бо́льшему или меньшему объему ихъ или количеству ссыпаемаго въ нихъ хлѣба.

и) На основаніи ст. 26 и 41 содержателямъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, по свидѣтельству 2-й гильдіи и по свидѣтельству на мелочной торгъ, разрѣшается имѣть при заведеніяхъ лавку для продажи своихъ издѣлій, безъ взятія второго билета; если же они откроютъ для продажи своихъ издѣлій отдѣльные магазинъ или лавку, не состоящіе въ связи съ ихъ заведеніями, то они обязываются взять на нихъ особые билеты. Но открытіе магазина или лавки, отдѣльно отъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, не всегда доказываетъ бо́льшее развитіе промышленнаго предпріятія; такъ, напримѣръ, открытіе отдѣльной лавки во многихъ случаяхъ зависитъ только отъ того, что производство нѣкоторыхъ издѣлій недопускается въ населенныхъ мѣстахъ; такъ: кожевенные, мыловаренные, клейные, дубильные заводы должны быть устраиваемы за чертой города; — иногда ремесленникъ, содержа лавку въ многолюдной части города, занимается производствомъ мастерства въ болѣе отдаленной мѣстности для сбереженія расходовъ на квартиру: облагать такія сбереженія государство не имѣетъ права. Изложенное требованіе Положенія 1865 года повело на практикѣ къ крайнему обремененію мелкой промышленности. Въ небольшихъ мѣстечкахъ, по ничтожности мѣстнаго сбыта, ремесленники вывозятъ свои издѣлія на базаръ и торгуютъ на столикахъ, въ будкахъ, палаткахъ и другихъ подобныхъ временныхъ помѣщеніяхъ; такимъ образомъ, они должны уплачивать свидѣтельство на мелочной торгъ и двойной билетный сборъ, какъ и вообще лица, имѣющія два торговыхъ заведенія, съ которыми они однако ни въ какое сравненіе идти не могутъ, — какъ потому, что вообще нельзя приравнивать къ содержателю двухъ заведеній ремесленника, который, за недостаткомъ мѣстнаго сбыта, открываетъ временную выставку своихъ издѣлій въ базарные дни; такъ и потому, что подобная временная выставка никакъ не можетъ по своимъ оборотамъ сравниться съ постоянной лавкой; оборотъ одной постоянной лавки превышаетъ обороты нѣсколькихъ временныхъ выставокъ, — а между тѣмъ для

того, чтобы имѣть такую выставку на базарахъ другихъ селеній. Положеніе 1865-го года обязываетъ ремесленника имѣть особый билетъ на выставку по каждому селенію; если же онъ будетъ имѣть ихъ болѣе четырехъ, то, на основаніи высочайше утвержденнаго 21-го ноября 1866 года мнѣнія государственнаго совѣта, онъ долженъ взять еще другое свидѣтельство. Такимъ образомъ, то ограниченіе, которое, можетъ быть, было бы правильно въ отношеніи торговли по купеческимъ свидѣтельствамъ, установлено исключительно для мелочного торга, ужъ и безъ того черезъ мѣру обремененнаго, въ ущербъ народнаго благосостоянія. И надо сказать, что этому закону дается такое обширное примѣненіе (по крайней мѣрѣ въ Самарской губерніи), что даже такіе ремесленники, которые занимаются промысломъ одни, безъ помощи наемныхъ работниковъ, и сбываютъ произведенія своего недѣльнаго труда указаннымъ выше способомъ, признаются за содержателей двухъ торговыхъ заведеній и подлежащихъ, поэтому, двойному окладу налога. Крайняя несоразмѣрность такого требованія не требуетъ поясненій.

Фабрики, заводы и ремесленныя заведенія.

5) Обложеніе фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ, дѣйствующихъ ручною работою, безъ машинъ и снарядовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ или водой, по числу работниковъ въ нихъ, если ихъ небольше 16-ти (ст. 41)—совершенно правильно въ отношеніи тѣхъ предпріятій, которыя для своего производства требуютъ очень малаго капитала, потому что, въ этихъ случаяхъ мѣриломъ производительности, а слѣдовательно и прибылей, служитъ одна рабочая сила. Бóльшая быстрота изготовленія издѣлій въ однихъ отрасляхъ ремесленнаго производства, въ сравненіи съ другими, въ этомъ случаѣ не имѣетъ вліянія на величину прибыли, потому что, по экономическому закону, цѣна быстрѣе изготовляемыхъ издѣлій въ той же пропорціональности дешевле.

Но въ производствахъ, требующихъ болѣе или менѣе значительнаго капитала, мѣриломъ оборотовъ и прибылей дѣлается уже преимущественно этотъ капиталъ, а не число рабочихъ, и потому обложеніе такихъ производствъ по числу рабочихъ не соразмѣряется съ оборотами или прибылью этихъ производствъ. Это замѣчаніе относится преимущественно къ производствамъ заводскимъ, именно: чугунно-литейнымъ, колокольнымъ, кожевеннымъ, и проч. Хозяева такихъ заводовъ, содержа не болѣе 10-ти работниковъ, имѣютъ обороты отъ 20,000 до 40,000 руб. и болѣе; напримѣръ, оборотъ одного изъ колокольныхъ заводовъ въ городѣ Самарѣ, при 9—12 работникахъ, простирается до 50,000 руб.

Затѣмъ еще больше разнообразія представляютъ фабрики и заводы, на коихъ употребляются машины и снаряды, приводимые въ

движеніе паромъ или водою. Обороты такихъ промышленныхъ предпріятій, дозволенныхъ только при купеческихъ свидѣтельствахъ 1-й и 2-й гильдіи, простираются за сотни тысячъ рублей. Не говоря уже о томъ, что такія предпріятія несоразмѣрно мало обложены въ сравненіи съ ремесленными заведеніями, содержимыми по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ,—но и между самыми этими фабриками и заводами *Положеніе* 1865 года не установляетъ никакихъ градацій. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1865 года представляетъ совершенно неразработанное поле, несмотря на то, что фабрики и заводы представляютъ весьма вѣрные признаки для опредѣленія величины ихъ оборотовъ или ихъ производства, какъ, напримѣръ, число рабочихъ, число и сила машинъ, число горновъ или печей, число станковъ всякаго рода, веретенъ, прессовъ, чановъ, котловъ, и т. д. смотря по роду фабричной и заводской промышленности. Въ этихъ предпріятіяхъ обращаются громадные капиталы, какъ иностранные, такъ и русскіе, и обложеніе ихъ соразмѣрнымъ ихъ прибылей налогомъ, наравнѣ со всѣми остальными видами торговли и промысловъ, не уменьшило бы ихъ производительности и дало бы значительныя средства государственному казначейству; въ настоящее же время, по незначительности обложенія, ихъ можно считать какъ бы на льготѣ. Что касается акциза, взимаемаго (ст. 9) съ нѣкоторыхъ предметовъ выдѣлки (табака, сахара, вина, соли), то онъ не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе въ этомъ случаѣ, потому что акцизъ не есть промысловый налогъ, а налогъ на потребителей, превышающій иногда самую стоимость выдѣлки издѣлія; фабриканты и торговцы являются, въ этомъ случаѣ, только посредниками между казною и плательщиками акциза, т.-е. потребителями; они уплачиваютъ казнѣ всю сумму акциза съ количества выдѣланныхъ ими предметовъ и потомъ сбираютъ его съ потребителей, въ возвышенной на сумму акциза цѣнѣ предметовъ, съ процентами на уплаченный впередъ капиталъ.

Впрочемъ, нѣкоторые виды фабричной и заводской промышленности, дѣйствительно, освобождены Положеніемъ 1865-го года отъ уплаты пошлинъ (ст. 4, пун. ж.), именно: приготовленіе машинъ и аппаратовъ для фабрикъ, а также земледѣльческихъ орудій, химическихъ составовъ и красильныхъ веществъ. Всѣ эти производства требуютъ особенныхъ техническихъ познаній, большого искусства и опытности, а также значительнаго основного капитала въ машинахъ и постройкахъ; на основаніи этихъ данныхъ можно съ достовѣрностью сказать, что они и прибыль приносятъ болѣе обыкновенной, а потому съ точки зрѣнія налога на торговлю и промыслы, который долженъ соразмѣряться исключительно съ величиною оборотовъ и прибыли промышленныхъ предпріятій, освобожденіе означенныхъ производствъ отъ

промысловаго налога, при обложеніи имъ остальныхъ, въ томъ числѣ и гораздо бѣднѣйшихъ, производствъ, никакъ не можетъ быть оправдано. Съ другой стороны, освобожденіе въ этомъ случаѣ, при общемъ характерѣ Положенія 1865-го года, едва ли можетъ быть оправдано и съ точки зрѣнія покровительства этихъ производствъ съ цѣлью бóльшаго распространенія ихъ въ государствѣ. Торговый и промысловый налогъ только въ томъ случаѣ можетъ задерживать развитіе какой-либо производительности, если онъ установленъ въ такомъ размѣрѣ, что производитель рискуетъ лишиться черезъ него всей, или большей части, своей прибыли; если же налогъ составляетъ только нѣсколько процентовъ этой прибыли, то существованіе или несуществованіе его не можетъ имѣть замѣтнаго вліянія на развитіе извѣстной производительности. Развитіе всякой отрасли производительности зависитъ отъ величины запроса на ея издѣлія, который дѣйствительно можетъ увеличивать эту прибыль въ 10, 20, 100 и т. д. разъ; величина же запроса, въ свою очередь, зависитъ отъ бóльшаго или меньшаго общаго народнаго благосостоянія: въ бѣдной странѣ фабрики, въ особенности фабрикующія дорогія издѣлія, не могутъ процвѣтать, хотя бы они были вовсе освобождены отъ промысловаго налога, потому что ихъ издѣлія оставались бы нераспроданными. Слѣдовательно, для развитія извѣстной фабричной производительности необходимо поднять уровень народнаго благосостоянія, а для этого необходимо не стѣснять его развитіе; — между тѣмъ, обложеніе промышленности налогомъ въ такой соразмѣрности, какая принята Положеніемъ 1865-го года, т.-е. что онъ падаетъ преимущественно на болѣе мелкую промышленность, тогда какъ крупная промышленность пользуется сравнительнымъ облегченіемъ и даже полнымъ, въ разбираемомъ случаѣ, освобожденіемъ отъ налога, ведетъ прямо къ противоположной цѣли. Въ этомъ смыслѣ позволительно сказать, что освобожденіе извѣстной крупной производительности отъ налога ведетъ не къ развитію, а къ упадку ея.

Въ частности же противорѣчіе, въ которое, въ этомъ случаѣ, впало Положеніе 1865-го года, особенно замѣтно по отношенію къ фабрикаціи земледѣльческихъ орудій. Извѣстно, что одна изъ главныхъ причинъ малаго распространенія, въ большей части губерній, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, даже въ большихъ хозяйствахъ (которымъ они только и доступны), заключается въ недостаточномъ развитіи на мѣстахъ слесарнаго и кузнечнаго мастерства, такъ какъ за неимѣніемъ хорошихъ слесарей и кузнецовъ невозможна починка этихъ орудій. Между тѣмъ, слесарное и кузнечное мастерство Положеніемъ 1865-го года обложено пошлиною, а приготовленіе земледѣльческихъ орудій — освобождено отъ нихъ; руководствуясь мыслью

поощренія этой отрасли производительности, слѣдовало бы поступить именно на оборотъ, т.-е. освободить слесарное и кузнечное мастерство, не освобождая фабрикацію земледѣльческихъ орудій, потому что какая-нибудь незначительная надбавка къ цѣнѣ этихъ орудій, на покрытіе промысловаго налога, не могла бы служить препятствіемъ къ распространенію ихъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ слесарное и кузнечное мастерство приняло бо́льшее развитіе; да цѣна этихъ орудій и не возвысилась бы при этомъ условіи, потому что бо́льшій спросъ на издѣлія позволилъ бы фабрикантамъ продавать ихъ, напротивъ того, еще дешевле, вслѣдствіе бо́льшей производительности и конкурренціи. Къ этому надо присовокупить, что желѣзныя лопаты, желѣзныя бороны, окованныя телѣги на желѣзныхъ осяхъ, и т. д., которыя изготовляются кузнецами и которыхъ, за дороговизною самого матеріала, лишено большинство сельскаго населенія, принадлежатъ тоже къ числу земледѣльческихъ орудій; — но несмотря на то, едвали совершенное освобожденіе отъ промысловаго налога кузнечнаго мастерства (нуждающагося, какъ и вся мелкая промышленность, въ болѣе правильномъ обложеніи) имѣло бы замѣтное вліяніе на распространеніе этихъ необходимѣйшихъ орудій земледѣлія, такъ какъ препятствіе къ тому лежитъ, преимущественно, въ бѣдности земледѣльческаго населенія, зависящаго отъ многихъ причинъ, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ настоящей статьи. Здѣсь можно упомянуть только, что въ числѣ этихъ причинъ, кромѣ тягости подушныхъ податей, не малое мѣсто занимаетъ разбираемое неправильное обложеніе налогомъ промышленной дѣятельности и въ еще большей степени соединенная съ низкимъ обложеніемъ, или совершеннымъ освобожденіемъ отъ налога нѣкоторыхъ фабрикъ (напримѣръ, механическихъ заводовъ), система покровительства ихъ посредствомъ назначенія возвышенныхъ таможенныхъ пошлинъ на ввозъ иностранныхъ издѣлій.

Страна, бѣдная капиталами, а слѣдовательно и фабриками и ихъ издѣліями, необходимыми для развитія ея производительности и промышленности, прежде всего нуждается въ возможности дешево пріобрѣтать эти издѣлія, чтобы усиливъ свой трудъ посредствомъ ихъ, тѣмъ самымъ увеличить свою производительность, свои промышленныя силы и, черезъ это, умножить накопленіе своихъ богатствъ и капиталовъ. Съ возрастаніемъ богатства страны и ея капиталовъ, въ ней сами собой возникаютъ фабрики и заводы, тѣ самые, которые прежде развитія богатства страны не могли возникнуть, вслѣдствіе слишкомъ малаго числа потребителей, которымъ ихъ издѣлія были доступны. Покровительственная же таможенная система начинаетъ съ того, что отнимаетъ возможность для такой бѣдной страны воспользоваться дешевизною иностранныхъ издѣлій, въ которыхъ эта страна такъ

нуждается и безъ которыхъ невозможно развитіе ея внутреннихъ силъ и ея богатствъ; слѣдовательно, съ самаго начала, эта система кладетъ препятствія къ развитію народнаго богатства и дѣлаетъ невозможнымъ развитіе тѣхъ самыхъ фабрикацій, которымъ она предполагала оказать покровительство и которыя она освобождаетъ отъ промысловаго налога; потому что, при всеобщей бѣдности, дорогія издѣлія этихъ покровительствуемыхъ фабрикъ и заводовъ не могутъ имѣть сбыта, или имѣютъ очень ограниченный сбытъ. Такимъ образомъ, эта покровительственная система является одною изъ главныхъ причинъ общей бѣдности государства и крайне недостаточнаго развитія фабричной и заводской промышленности страны. Эта ложная система покровительствуетъ не развитію фабричной промышленности, которое она напротивъ того задерживаетъ, а только тѣмъ не многимъ торговцамъ, которые употребили свои капиталы на устройство покровительствуемыхъ фабрикъ и заводовъ; будучи въ очень ограниченномъ числѣ, они дѣйствительно получаютъ достаточную прибыль на свой капиталъ, но получаютъ ее въ ущербъ развитія народной промышленности и народнаго богатства.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го сентября, 1871.

Занятія французскаго національнаго собранія. — Законъ о децентрализаціи.— Проектъ военнаго преобразованія. — Вопросъ о распущеніи національной гвардіи.—Вопросъ о продленіи власти Тьера.—Предложенія Риве и Адне.—Докладъ коммисіи. — Положеніе, принятое Тьеромъ. — Свиданіе въ Вельсѣ и переговоры въ Гастейнѣ.—Баварское министерство.—„Лига мира“.—Австрійскія дѣла.

Обозрѣвая современныя событія во Франціи, мы погружаемся въ настоящее море, волнуемое взаимно спорящими вѣтрами и теченіями. Le vaisseau de l'Etat—аллегорія бывшая въ ходу во времена іюльской монархіи—въ настоящее время бродитъ по произволу судьбы. Только что стихли двѣ страшныя бури, которыя сломали его руль и перепортили его снасти. Едва-едва придѣланъ руль кое-какой, временной, сколоченный изъ обломковъ мачтъ и досокъ, какъ то случается въ далекихъ, опасныхъ плаваніяхъ. А между тѣмъ, посмотрите, чѣмъ занятъ экипажъ этого несчастнаго корабля: не тѣмъ, какъ бы вѣрнѣе и скорѣе идти къ сознанной всѣми цѣли. Не объ этомъ заботы, не объ этомъ и споры! Таковъ характеръ споровъ изъ-за избирательной реформы въ Англіи; но не такова сущность парламентскихъ разногласій во Франціи. Здѣсь споръ собственно въ томъ, кому стоять у руля, потому что каждый хочетъ плыть совсѣмъ въ иную сторону, чѣмъ другой: одинъ къ западу, другой къ востоку. И вотъ, споры заключаются въ томъ, что всѣ порываются столкнуть рулевого съ его мѣста, забывая, что и самъ руль-то непроченъ и можетъ дѣйствовать только съ величайшими затрудненіями.

Сущность занятій версальскаго собранія за истекшій мѣсяцъ состояла въ обсужденіи вопроса о продленіи или непродленіи власти Тьера, о предрѣшеніи или не-предрѣшеніи окончательной (!) формы правленія, и вопроса о децентрализаціи, о реформѣ департаментскаго закона. Послѣдній вопросъ самъ по себѣ, конечно, вопросъ органическій, вопросъ развитія, а не счетовъ партій. Но явился онъ именно не какъ

вопросъ развитія, а какъ вопросъ партій — провинціальной, консервативной и столичной-радикальной. Первая требовала какъ можно болѣе простора для мѣстнаго управленія, потому что видѣла въ этомъ и автономію провинціи отъ ненавистнаго Парижа, гдѣ центральная власть всегда обуревается радикализмомъ, и установленіе въ мѣстномъ самоуправленіи, при большемъ его просторѣ, преобладающаго вліянія мѣстной „аристократіи“ всякаго рода. Вторая, то-есть радикальная партія, всегда требовавшая децентрализаціи при имперіи, находитъ, что когда центральная власть въ рукахъ республиканцевъ, то ее слѣдуетъ не ослаблять, а скорѣе усиливать. Предлогомъ же къ тому служила радикальной партіи, въ настоящее время, забота объ „охраненіи національнаго единства“. Вотъ какой необычный для себя мотивъ усвоила себѣ нынѣ радикальная партія. Приведенные сейчасъ аргументы ея взяты буквально изъ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи 31-го іюля самымъ несомнѣннымъ радикаломъ, именно Луи-Бланомъ— человѣкомъ умнымъ и добросовѣстнымъ, но человѣкомъ прежде всего своей партіи, какъ всѣ французы. Недавно на одномъ собраніи лиги для освобожденія Эльзаса, когда зашелъ неизбѣжный споръ о республикѣ, одинъ ораторъ сказалъ, что „лучше быть даже нѣмцемъ, чѣмъ не быть республиканцемъ“. Положимъ, нѣмцемъ быть не худо, но если французъ прежде всего такъ упорно держится интересовъ своей партіи, что готовъ сдѣлаться нѣмцемъ въ то время, когда нѣмецкія войска стоятъ во Франціи — то въ этомъ мало утѣшительнаго для страны. Въ рѣчи Луи-Блана противъ департаментской реформы было впрочемъ совершенно справедливо то замѣчаніе, что реформа мѣстнаго самоуправленія не имѣетъ смысла, если она не начинается съ общины, и что, поэтому, изданію закона о самоуправленіи департаментовъ должно бы предшествовать изданіе закона о самоуправленіи общинъ. Истинность этого возраженія очевидна, и еслибы возбужденный большинствомъ вопросъ былъ вопросомъ о развитіи, то нѣтъ сомнѣнія, что и взялись бы прежде всего за общинную реформу. Но это и обнаруживаетъ всего яснѣе фактъ, что большинство желало департаментской реформы въ видахъ политической власти, преслѣдовало въ ней политическую цѣль.

Цѣль эта достигалась слѣдующими предположеніями проекта: члены департаментскихъ совѣтовъ должны были избираться на 9-ть лѣтъ, такъ чтобы въ каждомъ департаментѣ образовалась прочная вліятельная группа правителей; департаментскіе совѣты будутъ избирать департаментскую коммисію управленія, и должность этихъ коммисаровъ управленія будетъ безплатная, такъ чтобы ее могли принимать только люди богатыхъ классовъ; общины подчинялись вѣдѣнію (tutelle) департаментскихъ совѣтовъ; департаментскимъ совѣтамъ предоставляется право собираться въ чрезвычайныя сессіи, по письменному требова-

нію двухъ третей членовъ; департаментскій совѣтъ можетъ быть распущенъ главою правительства, но только по причинамъ мѣстнымъ, а не общимъ, такъ что распускать одновременно всѣ департаментскіе совѣты онъ не можетъ, и распустивъ одинъ, долженъ немедленно отдать въ томъ отчетъ законодательному собранію, а въ промежуткѣ между сессіями, за распущеніемъ одного совѣта, должны быть втеченіи мѣсяца произведены выборы новаго совѣта.

Изъ статей этого проекта одна особенно не нравилась радикальной партіи, именно безплатность должностей департаментскихъ коммисаровъ. Радикалы возражали и противъ продолжительности 9-тилѣтнихъ полномочій членовъ совѣтовъ. Правительство же, въ послѣднюю минуту, вдругъ догадалось, что статья, предоставлявшая членамъ коммисіи управленія, то-есть департаментскому выборному *министерству*, право избирать своего главу — угрожаетъ власти правительственнаго префекта, который въ силу ея обратится просто въ политическаго агента центральной власти (что̀ онъ, собственно, былъ главнымъ образомъ и доселѣ).

При окончательномъ обсужденіи департаментскаго закона большинство сдѣлало нѣкоторыя уступки правительству и въ законѣ произведены слѣдующія измѣненія: коммисіи управленія не будутъ избирать своего президента; предсѣдательствовать въ ихъ средѣ будетъ старшій по возрасту членъ; члены департаментскихъ совѣтовъ будутъ избираемы не на 9, а только на 6 лѣтъ; наконецъ, общины остаются подчиненными непосредственно центральной власти до изданія закона объ общинномъ самоуправленіи, и опекѣ департаментскихъ совѣтовъ не подчиняются. Но безплатность должностей коммисаровъ такъ и прошла въ законъ, несмотря на возраженія радикаловъ; большинство дѣлало уступки правительству, но не имъ. Когда же при третьемъ чтеніи закона, въ засѣданіи 10-го августа, лѣвая сторона предложила поправку въ томъ смыслѣ, что совѣтамъ предоставляется право назначать коммисарамъ департаментскаго управленія деньги „на подъемъ" (frais de déplacement)—что было равносильно введенію принципа жалованья — то эта поправка была отвергнута большинствомъ 337 противъ 294. Законъ окончательно утвержденъ большинствомъ 519 противъ 129. И такъ, цифра „чистыхъ" консерваторовъ опредѣлилась въ 337, а „чистыхъ" радикаловъ въ 129.

Обсужденіе этого закона заняло большую часть времени собранія. Но не мало времени оно употребило и на споры по другому вопросу, наименѣе, казалось бы, спорному, а именно: слѣдуетъ ли вознаградить жителей департаментовъ, разоренныхъ непріятельскимъ нашествіемъ? Здѣсь противникомъ очевидной справедливости явился Тьеръ, который „изъ экономіи" не хотѣлъ помочь разореннымъ провинціямъ! Кончилось соглашеніемъ въ томъ смыслѣ, что палата на-

значить свою коммисію для опредѣленія понесеннаго ущерба и суммы требующагося вознагражденія, а правительство назначить свою коммисію для того же самаго дѣла, и вопросъ будетъ практически рѣшенъ на основаніи этого двусторонняго изслѣдованія. Въ теченіи прошлаго мѣсяца, собраніе утвердило еще проектъ закона, воспрещающаго французамъ принадлежать къ „международному обществу“ подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Въ проектѣ этого закона было сперва включено смѣшное наказаніе „лишенія національности“, которое новело бы къ курьезнымъ недоумѣніямъ въ платежѣ податей и т. д. Оно исключено, и въ законѣ осталось одно тюремное заключеніе.

Общественное мнѣніе и пресса во Франціи занимались еще очень многими весьма несущественными вопросами, такъ-называемыми incidents разнаго рода, и занимались ими, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ обсужденіемъ законовъ. Напр., рѣзкимъ разговоромъ Тьера съ генераломъ Дю-Тамплемъ, извѣстіями бонапартистскаго органа „Avenir National“ о предстоящемъ государственномъ переворотѣ и т. п. Но о нихъ не стóитъ говорить, такъ какъ они появляются почти каждый день и скоро забываются. Изъ incidents слѣдуетъ упомянуть только о замѣнѣ Жюля Фавра въ должности министра иностранныхъ дѣлъ г. де-Ремюза и объ избраніи вновь Греви́ президентомъ собранія. Ремюза́ — одинъ изъ второстепенныхъ политическихъ людей іюльской монархіи, старикъ не много моложе Тьера. При немъ министромъ иностранныхъ дѣлъ будетъ самъ Тьеръ, всегда бывшій пристрастнымъ къ этому портфелю.

Изъ политическихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ теченіи мѣсяца, важнѣе всѣхъ: вопросъ объ отмѣнѣ учрежденія національной гвардіи, съ преобразованіемъ арміи, и вопросъ о точнѣйшемъ опредѣленіи и упроченіи власти Тьера, какъ главы временного правительства. О преобразованіи арміи еще только представленъ докладъ, составленный маркизомъ Шасслу-Лоба́. Проектъ объ отмѣнѣ и немедленномъ распущеніи національной гвардіи представленъ генераломъ Шанзи́. Главныя основанія проекта о преобразованіи арміи, составленнаго коммисіею, которой докладчикомъ былъ Шасслу-Лоба́, слѣдующія: обязательность для каждаго француза личной воинской повинности; отмѣна всякихъ премій за поступленіе въ военную службу волонтеромъ или на второй срокъ; состояніе всего населенія въ составѣ дѣйствующей арміи и резервовъ отъ двадцати до сорокалѣтняго возраста; отмѣна найма и поставки вмѣсто себя другого; лишеніе всѣхъ состоящихъ подъ знаменами, то-есть на дѣйствительной службѣ, участія въ голосованіи; прямое подчиненіе каждаго рода войскъ военному или морскому министру; наконецъ—упраздненіе національной гвардіи. Въ согласіи съ этимъ проектомъ, хотя и независимо отъ него, генералъ Шанзи́ и внесъ подписанное 164 членами собранія предложеніе о не-

медленномъ разоруженіи и распущеніи національной гвардіи. Въ запискѣ, прочтенной генераломъ Шанзи́, въ засѣданіи 19-го августа, мѣра эта мотивируется соображеніями какъ военнаго, такъ и политическаго свойства, и притомъ въ несомнѣнно-консервативномъ духѣ. Съ военной точки зрѣнія Шанзи́ порицалъ учрежденіе національной гвардіи какъ выражающее, по самой своей сущности, недовѣріе къ регулярной арміи, недовѣріе, которое несовмѣстно съ тѣмъ народнымъ характеромъ, какой получитъ регулярная армія вслѣдствіе преобразованія ея на принципѣ всеобщей воинской повинности. Сверхъ того, существованіе рядомъ съ регулярною арміею войска иной организаціи признавалось бы неудобнымъ, какъ то и показали событія. „Регулярная армія—говоритъ генералъ Шанзи́—спасла бы Парижъ, еслибы ею умѣли распорядиться". Неблагонадежность національной гвардіи съ точки зрѣнія консервативныхъ политическихъ принциповъ ясна, такъ что объ этомъ нечего распространяться. Шанзи́ указывалъ въ своей запискѣ, что эта гвардія есть войско революціи и утверждалъ, что поэтому она для поддержанія порядка никакъ не годится, а что для этого благонадежнѣе спеціальныя стражи, какъ, напримѣръ, жандармы. „Однимъ словомъ—,сказалъ Шанзи́ о проектахъ преобразованія арміи и распущенія національной гвардіи,—мы вносимъ во-первыхъ законъ, который отнимаетъ у солдатъ листки голосованія, а во-вторыхъ законъ, который отнимаетъ у избирателей ружья".

Понятно, что лѣвой сторонѣ докладъ Шанзи́ весьма не понравился. Она возражала опасеніями, что немедленное и повсемѣстное разоруженіе національной гвардіи можетъ вызвать новое возмущеніе ея, новое 18-го марта. Но и самъ Тьеръ также явился противникомъ этой мѣры, такъ какъ національная гвардія—учрежденіе, тѣсно связанное съ преданіями іюльской монархіи. При обсужденіи этой мѣры, Тьеръ былъ особенно раздраженъ тѣмъ сопротивленіемъ, какое встрѣчало со стороны большинства совершенно иное предложеніе, именно предложеніе Ривѐ о продленіи власти Тьера. Поэтому Тьеръ въ преніяхъ о распущеніи національной гвардіи выказалъ особенную неуступчивость и въ засѣданіи 24-го августа объявилъ, что такъ какъ онъ убѣждается, что довѣріе къ нему собранія ослабѣло, то онъ „знаетъ, что́ ему остается сдѣлать". Тогда генералъ Дюкро́ предложилъ поправку въ томъ смыслѣ, что распущеніе національной гвардіи будетъ производиться постепенно, по усмотрѣнію правительства. Поправку эту допустилъ министръ юстиціи Дюфоръ, и она прошла большинствомъ 484 голосовъ противъ 154. Затѣмъ, на слѣдующій день измѣненный законъ о распущеніи національной гвардіи принятъ большинствомъ 503 противъ 133.

Вопросъ о продленіи и точнѣйшемъ опредѣленіи власти Тьера подвергъ колебанію все то временное положеніе, которое основалось во

Франціи на такъ-называемомъ pacte de Bordeaux, соглашеніи между партіями, въ которомъ собственно ничего опредѣленнаго не было. Этотъ вопросъ возбужденъ былъ лѣвою стороной и возбужденъ не столько съ цѣлью упрочить власть Тьера, сколько „предрѣшить окончательную форму правленія", такъ какъ при сколько-нибудь точнѣйшемъ опредѣленіи власти Тьера пришлось назвать его президентомъ французской *республики*. Большинство, разумѣется, не хотѣло этого; оно было не прочь утвердить власть Тьера еще на нѣкоторое время, или по крайней мѣрѣ отложить замѣну его кѣмъ-либо и чѣмъ-либо инымъ, потому что къ нему оно все-таки нерасположено. Но большинство рѣшительно не хотѣло именно „точнѣйшаго опредѣленія" его власти, ничего такого, что было бы похоже на установленіе временной конституціи французской республики.

Такой именно проектъ установленія очерка временной конституціи республики былъ внесенъ съ лѣвой стороны депутатомъ Ривѐ. Вотъ это предложеніе Ривѐ, спорами о которомъ были наполнены французскія газеты во всей послѣдней половинѣ августа: Тьеръ остается президентомъ французской республики, на основаніи бордоскаго соглашенія; полномочія его продолжаются еще три года; президентъ республики обнародываетъ законы и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ; онъ пребываетъ въ той же мѣстности, гдѣ находится собраніе, имѣетъ казенную квартиру и получаетъ содержаніе; онъ назначаетъ президента совѣта и министровъ, посланниковъ и командующихъ войсками; министры его отвѣтственны передъ собраніемъ. Предложеніе Ривѐ было внесено въ засѣданія 12-го августа. Защитники этого предложенія старались склонить къ нему правую сторону тѣмъ соображеніемъ, что такимъ образомъ большинство получитъ полную *свободу дѣйствія*, такъ какъ Тьеръ, поставленный внѣ парламентскихъ рѣшеній, не будетъ ни производить „личнаго давленія" на палату своимъ непосредственнымъ обращеніемъ къ ней, ни угрожать, въ случаѣ непріятнаго ему рѣшенія, сложеніемъ съ себя всей власти, что произвело бы нѣчто въ родѣ анархіи. Но большинство совсѣмъ не хотѣло свободы дѣйствія въ *предѣлахъ республиканской формы* правленія. Оно именно хотѣло сохранить себѣ свободу въ случаѣ желанія завтра же низложить Тьера, и провозгласить ту или другую монархію.

Поэтому, правая сторона на предложеніе Ривѐ тотчасъ же, въ томъ же засѣданіи, отвѣтила предложеніемъ Аднѐ, такого содержанія: національное собраніе, полагаясь на мудрость и патріотизмъ главы исполнительной власти (какого „государства"—не сказано), подтверждаетъ за нимъ полномочія, предоставленныя ему этимъ собраніемъ въ Бордо. Ни срока, ни „точнѣйшаго опредѣленія"—ничего этого нѣтъ. Тьеру, если онъ въ самомъ дѣлѣ искренно хотѣлъ бы сохранить только status quo, очевидно слѣдовало отвергнуть оба эти предложенія, такъ

какъ самый фактъ непринятія собраніемъ перваго изъ нихъ былъ бы выраженіемъ недовѣрія къ нынѣшнему главѣ исполнительной власти, несмотря на комплименты, какими такое рѣшеніе подслащено впередъ въ предложеніи Адне́. Но Тьеръ этого не сдѣлалъ, онъ только объявилъ себя нейтральнымъ. Вотъ что сказалъ онъ вслѣдъ за внесеніемъ предложеній Ривѐ и Аднѐ: „Оба эти предложенія налагаютъ на меня обязанность объясниться... Я глубоко тронутъ... Неся на себѣ задачу крайне отяготительную, я вознагражденъ за нее вашимъ довѣріемъ. Каждое изъ внесенныхъ предложеній заслуживаетъ безотлагательнаго обсужденія. Но я нахожу совершенно необходимымъ объявить, что внесены они оба—мимо меня. Я не добиваюсь для себя и не отклоняю власти, какую предоставляетъ мнѣ это собраніе. Но безотлагательнаго обсужденія этихъ предложеній я формально требую. Отказать въ безотлагательномъ обсужденіи ихъ, значило бы именно отвергнуть первое изъ этихъ предложеній и тѣмъ ослабить мое положеніе передъ страною. Впрочемъ, безотлагательность вами утвержденная не будетъ еще означать, что вы приняли то или другое изъ этихъ предложеній; произнесеніе безотлагательности будетъ означать только, что вы одобрили самый принципъ“.

Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ Тьера, собраніе единогласно произнесло безотлагательность. Но, такимъ образомъ, Тьеръ самъ очевидно связалъ вопросъ о довѣріи къ себѣ съ вопросомъ о продленіи своей власти, и поставивъ своимъ объясненіемъ, какъ говорится, „точки надъ і“ въ предложеніи Ривѐ, въ дѣйствительности вовсе не остался нейтральнымъ, а именно явился „добивающимся власти даваемой собраніемъ“. Тактика его въ настоящемъ случаѣ не только не была нейтральною, но наоборотъ, прямо обнаружила съ его стороны нѣкоторое насиліе: или продлите и упрочьте мою власть, или я выхожу въ отставку, а вы получите въ результатѣ анархію“—вотъ какой смыслъ положенію придали приведенныя слова Тьера.

Смыслъ этотъ еще болѣе выяснился, и притомъ самымъ невыгоднымъ для популярности Тьера образомъ, когда, вслѣдъ затѣмъ, появилась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ одна и таже статья, объявлявшая, что такъ какъ положеніе Тьера во Франціи, повидимому, поколеблено, то Германія не можетъ не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ опасности для своихъ интересовъ, связанныхъ съ сохраненіемъ во Франціи порядка. Такимъ образомъ, къ насилію Тьера надъ собраніемъ присоединилось какъ бы еще насиліе иностранцевъ-побѣдителей. Большинство версальскаго собранія, правда, весьма мало заслуживаетъ сочувствія, но положеніе, созданное ему такимъ образомъ, могло все-таки и въ постороннемъ наблюдателѣ пробудить нѣкоторое участіе. Но винить Тьера въ его домогательствѣ упроченія власти нельзя. Положеніе его ненормальное, и большинство дѣлало всевоз-

можное, чтобы еще затруднить его положеніе. Большинство хотѣло захватить въ свои руки учредительную власть, и уже сдѣлало нѣкоторые шаги въ этомъ смыслѣ, хотя бы проведеніемъ реформы провинціальнаго управленія. Но если настоящее собраніе не есть собраніе, избранное только на отдѣльный случай, только для заключенія мира, то по какому же праву оно оставляло рядомъ съ собою правительство въ положеніи именно совершенно-случайнаго, могущаго завтра же смѣниться? Что-нибудь изъ двухъ—или все нынѣшнее правленіе, то-есть собраніе и правительство должны уступить мѣсто правленію новому, избранному уже для окончательнаго законодательства, или же, если нынѣшнее собраніе расходиться не думаетъ, а считаетъ свое призваніе еще продолжительнымъ, то съ какой же стати оно отказывало въ упроченіи и правительственной власти? Изъ недовѣрія къ ней—только этотъ отвѣтъ и былъ возможенъ. Естественно, что Тьеръ оставаться еще на неопредѣленное время въ такомъ положеніи не могъ: онъ не имѣлъ бы авторитета ни въ Европѣ, ни въ самой Франціи.

Предложеніе Ривѐ, правда, не представлялось единственнымъ исходомъ изъ этого неопредѣленнаго положенія. Съ правой стороны кромѣ предложенія Аднé, представлявшаго простое подтвержденіе statu quo и никакой уступки Тьеру, были предложены два способа упрочить власть Тьера не давая ему „побѣды надъ собраніемъ". Первый способъ представлялся предложеніемъ Дагиреля, чтобы собраніе объявило себя учредительнымъ собраніемъ (Constituante) и приступило къ составленію конституціи: въ случаѣ принятія этого предложенія вопросъ о власти Тьера рѣшился бы правильнымъ избраніемъ его вновь, или избраніемъ кого-либо иного. Но предложеніе Дагиреля, принятое къ соображенію и отосланное въ коммиссію, было потомъ, согласно заключенію коммиссіи, отвергнуто собраніемъ. Другой способъ заключался въ томъ, чтобы просто продолжить власть Тьера на все время, пока будетъ дѣйствовать нынѣшнее національное собраніе. Такимъ образомъ, власть Тьера „не опредѣлялась точнѣе", а между тѣмъ нѣкоторая уступка ему все-таки была бы сдѣлана. А необходимость нѣкоторой уступки сдѣлалась очевидна особенно послѣ засѣданія 24 августа, въ которомъ, при преніяхъ о распущеніи національной гвардіи, Тьеръ, прерванный съ правой стороны, объявилъ, какъ уже выше сказано, „что знаетъ что̀ ему остается дѣла̀ть". Вообще можно сказать, что эта борьба собранія съ Тьеромъ съ обѣихъ сторонъ представляла мало назидательнаго. Тьеръ, завѣряя о своей нейтральности, дѣйствовалъ насиліемъ; большинство, очень хорошо зная, что обойтись безъ Тьера въ настоящее время невозможно, и что стало быть онъ безспорно—maître de la situation, не хотѣло признать этотъ фактъ и сдѣлать непріятную уступку искренно, мужественно, съ сохраненіемъ своего достоинства. Напротивъ, оно сдѣлало все для того, чтобы при-

дать неизбѣжной въ окончательномъ результатѣ уступкѣ характеръ настоящаго пораженія собранія.

На первый взглядъ представляется недоумѣніе, почему большинство предпочитало продлить власть Тьера до срока дѣятельности собранія, но не хотѣло продолжить ее на три года, когда, казалось бы, съ ея точки зрѣнія вѣрнѣе именно отсрочить избраніе новаго главы правительства на три года, потому что черезъ три года Тьеръ навѣрное избранъ вновь не будетъ, а будь выборы теперь или хоть черезъ годъ, то очень вѣроятно, что опять будетъ избранъ именно Тьеръ, признаваемый нынѣ всѣми сторонами „единственно-возможнымъ человѣкомъ"? Отвѣтъ на это заключается въ ветьма печальномъ обстоятельствѣ, именно въ томъ, что партіи во Франціи еще не вѣрятъ искренно въ зрѣлость и независимость народнаго мнѣнія. Каждая партія готова расточать хвалы патріотизму націи и великому началу избирательнаго права всенароднаго голосованія. Но въ тоже время, каждая изъ нихъ, по бывшимъ примѣрамъ, внутренно убѣждена, что результатъ новыхъ выборовъ будетъ существенно зависѣть оттого, подъ чьимъ *руководствомъ* эти выборы будутъ происходить. Вотъ почему большинство, не довѣряющее Тьеру, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его поддерживаетъ Гамбетта, которому приписываютъ большое вліяніе на армію, менѣе всего хотѣло поручить Тьеру управленіе во время производства новыхъ выборовъ, то-есть, говоря прямо, оставить въ его рукахъ „управленіе выборами".

Коммисія, избранная для представленія заключенія о предположеніяхъ Риве́ и Адне́ была составлена изъ 9-ти противниковъ перваго предложенія и 6-ти приверженцевъ этой мысли. Тѣмъ не менѣе, сама коммиссія, видя безвыходность своей задачи за угрозою Тьера выйти въ отставку, пришла, большинствомъ 10 противъ 5, къ заключенію весьма близкому къ предположенію Риве́. Коммисія въ засѣданіи собранія 28-го августа представила докладъ въ такомъ смыслѣ: Тьеръ признается президентомъ республики, продолжаетъ исполнять свои нынѣшнія обязанности подъ верховною властью національнаго собранія, обнародываетъ законы, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ и сохраняетъ право присутствовать въ собраніи, впрочемъ предварительно увѣдомляя его о такомъ своемъ намѣреніи; президентъ республики и его министры отвѣтственны передъ собраніемъ. Въ сущности это—тоже предложеніе Риве́, но съ однимъ измѣненіемъ, которое показываетъ въ чемъ полагается *главный* вопросъ: коммисія не опредѣлила для власти Тьера трехлѣтняго срока, какъ предлагалъ Риве́, а поставила его власть „въ зависимость отъ продолжительности занятій нынѣшняго національнаго собранія". Итакъ, правая сторона, къ которой принадлежало большинство членовъ коммисіи, согласна была, наконецъ уже и на титулъ президента республики, но съ тѣмъ только, чтобы власть этого

президента не пережила власти собранія, то-есть, чтобы Тьеру не было предоставлено управленіе новыми выборами. Вотъ какова еще неувѣренность французскихъ партій въ здравомъ смыслѣ и твердости убѣжденія избирателей. Нужно ли говорить, что всѣ возгласы о развитіи свободныхъ учрежденій будутъ значить мало до тѣхъ поръ, пока партіи будутъ сомнѣваться въ самомъ основаніи свободы и политическаго самоуправленія, а именно, въ зрѣлости и самостоятельности народнаго мнѣнія.

Итакъ, коммисія предположила въ сущности принять предложеніе Риве́, исключивъ изъ него только опредѣленіе трехлѣтняго срока полномочій Тьера. Но Тьеръ не хотѣлъ, чтобы даже такое измѣненіе могло быть истолковано какъ пораженіе, нанесенное ему большинствомъ. Поэтому, правительство рѣшилось потребовать, въ дополненіе къ мѣрѣ предложенной коммисіею, формальнаго выраженія къ себѣ довѣрія. Министръ юстиціи Дюфоръ, отъ имени совѣта министровъ, внесъ странное, такъ сказать „самохвальное" предложеніе, а именно, предложилъ, чтобы во вступленіе къ предложенному коммисіею проекту закона была включена особая статья, представляющая оцѣнку заслугъ, оказанныхъ главою исполнительной власти, и положеніе, что пребываніе Тьера во главѣ правительства служитъ для страны залогомъ безопасности.

Однимъ словомъ, ходъ этого дѣла принялъ характеръ настоящей борьбы между большинствомъ и Тьеромъ. Большинство, вслѣдствіе уступки, которой необходимость была признана коммисіею, озаботилось упроченіемъ и собственнаго своего положенія. Если Тьера нельзя свергнуть и неудобно оставить въ положеніи неопредѣленномъ, подъ страхомъ ежеминутнаго каприза большинства, то необходимо, въ видѣ вознагражденія за уступку дѣлаемую Тьеру, упрочить также и власть собранія. Вслѣдствіе такого новаго оборота въ мысляхъ большинства, оно стало склоняться къ формальному присвоенію себѣ власти учредительской. На сходкѣ 250-ти членовъ большинство рѣшило-было просто возвратиться къ конституціи 1848-го года, и признавъ Тьера президентомъ республики, на основаніи этой конституціи, такимъ образомъ упрочить вмѣстѣ и его власть и власть собранія. Мысль эта была вовсе недурна, и представляла уже то преимущество, что возстановила ту Rechtscontinuität, которая была нарушена государственнымъ переворотомъ 1851-го года. Но къ этой мысли большинство пришло только весьма неохотно и истощивъ всякія иныя комбинаціи, которыя оказались невозможными. Такъ, наиболѣе энергическіе реакціонеры предлагали придать Тьеру въ товарищи двухъ рѣшительныхъ монархистовъ и учредить, такимъ образомъ, тріумвиратъ, который, вопреки волѣ Тьера, разыгралъ бы роль Монка, то-есть возстановилъ монархію. Эта мысль была нелѣпа, такъ какъ прежде всего требовалось склонить

Тьера къ тому именно, что было бы направлено противъ него; ясно, что онъ не согласился бы быть unus trium. Была заявлена и другая, еще болѣе энергическая мысль — просто замѣнить Тьера герцогомъ Омальскимъ, въ качествѣ президента республики. Но герцогу Омальскому и герцогу Бордоскому (Генриху V) надо отдать справедливость, что они добросовѣстнѣе своихъ приверженцевъ. Герцогъ Омальскій принялъ весьма дурно сдѣланныя ему предложенія, и объявилъ авторамъ ихъ, что „онъ никогда не согласится создавать новыхъ затрудненій Тьеру и вообще подвергать свое отечество опасности новыхъ потрясеній". Герцогъ Бордоскій, съ своей стороны, рѣшительно посовѣтовалъ своимъ приверженцамъ поддерживать Тьера. Вотъ, вслѣдствіе такихъ-то отвѣтовъ, данныхъ претендентами, и состоялось рѣшеніе той сходки, о которой упомянуто выше, именно упрочить вмѣстѣ и власть Тьера, и власть собранія, на основаніи конституціи 1848-го года.

Къ засѣданію 30-го августа, на которое назначены были общія пренія по докладу коммисіи о продленіи власти Тьера и о хвалебномъ для Тьера введеніи въ этотъ проектъ закона, предложенномъ министромъ юстиціи Дюфоромъ, было внесено нѣсколько поправокъ, изъ которыхъ главныя предложены гг. Бюффе и Шуазёлемъ. Обѣ эти поправки предлагали опредѣлить власть Тьера на основаніи конституціи 1848-го года, но весьма существенное между ними различіе заключалось въ томъ, что предложеніе Шуазёля полагало, на основаніи конституціи 1848-го года *только* опредѣлить власть Тьера, предложеніе же Бюффе — опредѣлить вмѣстѣ и учредительную власть нынѣшняго собранія. Правительство высказалось за предложеніе Шуазёля, которое поддерживалъ и Гамбетта. Гамбетта находилъ неполитическимъ и неблагоразумнымъ присвоеніе нынѣшнимъ собраніемъ учредительной власти, которое было включено не только въ поправку Бюффе, но и въ самое введеніе къ проекту закона, внесенному коммисіею, такъ какъ докладчикъ коммисіи Вите́ согласился включить въ свое введеніе статью о довѣріи къ Тьеру, предложенную Дюфоромъ, не иначе какъ съ оговоркою въ смыслѣ усвоенія нынѣшнему собранію власти учредительной. Это введеніе, въ такомъ видѣ, и было принято въ засѣданіи 30-го августа, большинствомъ 443 голосовъ противъ 227. Въ засѣданіи 31-го августа предложеніе Риве́, въ томъ видѣ какъ оно измѣнено докладомъ коммисіи, дополненіями Дюфора и Вите́ было принято большинствомъ 491 голоса противъ 94. Итакъ, собраніе согласилось сдѣлать неизбѣжную уступку Тьеру, продливъ его власть на все время своихъ полномочій и точнѣе опредѣливъ ее, но за это взяло себѣ огромное вознагражденіе, присвоивъ себѣ учредительную власть.

Упорная и богатая перипетіями борьба Тьера съ большинствомъ національнаго собранія въ значительной степени отвратила общест-

венное вниманіе во Франціи даже отъ происходящаго въ Версали процесса о возстаніи 18-го марта и дѣйствіяхъ коммуны. О процессѣ этомъ удобнѣе будетъ говорить по окончаніи дѣла главныхъ подсудимыхъ, именно членовъ коммуны. Теперь ограничимся однимъ замѣчаніемъ: политическій процессъ въ Версали происходитъ одновременно съ политическимъ процессомъ въ Петербургѣ, но между ними, конечно, не можетъ быть никакого сравненія: здѣсь обвиняется группа незрѣлыхъ людей, даже несовершеннолѣтнихъ, взявшихся за вздорный замыселъ, собравшихъ ничтожныя средства, не встрѣтившихъ никакого сочувствія въ народѣ. Тамъ предстоитъ процессъ болѣе 30-ти тысячъ человѣкъ, взятыхъ большею частью съ оружіемъ въ рукахъ, и вождей, располагавшихъ цѣлые мѣсяцы стотысячною арміею, захватившихъ столицу, и обвиняемыхъ въ чудовищныхъ дѣлахъ. Но приходитъ ли тамъ кому-либо въ голову, что президентъ суда слишкомъ мягко обращается съ подсудимыми? Нѣтъ, такой нелѣпой мысли никто не дерзнетъ тамъ высказать, какъ ни взволнована страна реакціонерными страстями. Еслибы какой органъ печати рѣшился на такую низость, то она навсегда убила бы его; онъ подвергся бы немилосердному приговору всеобщаго презрѣнія. И вотъ, мы видимъ, что президентъ версальскаго суда, суда военнаго, полковникъ Мержэнъ обращается къ подсудимымъ, обвиненнымъ въ сожженіи части столицы и въ разстрѣляніи заложниковъ, со всѣми общепринятыми формами вѣжливости, на томъ твердомъ юридическомъ основаніи, что пока не произнесено приговора, подсудимыхъ нельзя признавать преступниками, и что какъ достоинство суда, такъ и успѣшность и правильность судебнаго отправленія требуютъ, со стороны предсѣдателя, безпристрастнаго и человѣчнаго обхожденія съ допрашиваемыми. Нѣтъ сомнѣнія, что никто не заикнется и противъ свободы адвокатовъ въ защитѣ подсудимыхъ. Во Франціи даже при Наполеонѣ III Жюль Фавръ совершенно свободно защищалъ самого Орсини, посягнувшаго на жизнь этого владѣтеля, и никто даже изъ реакціонеровъ не высказалъ мысли, что напрасно онъ „ораторствовалъ" для смягченія участи подсудимыхъ. Что же сказать о томъ московскомъ органѣ, который явился у насъ прокуроромъ инквизиціонной системы, и выступилъ *въ печати* противъ „ораторовъ петербургской судебной палаты", и строго-законной умѣренности, выказанной предсѣдателемъ этого суда? Какъ свысока ни относился этотъ русскій(?) органъ въ разныя времена́ къ французскимъ реакціонерамъ въ родѣ Гранье́ изъ Кассаньяка, но можно утверждать, что и всякіе Гранье́ стояли нравственно выше публицистовъ этого органа, которымъ подобіе можно искать не въ какой-либо печати нашего времени, а развѣ только въ агентахъ Піетри и ихъ компаніи, носившихъ особое характеристическое названіе.

Императоры германскій и австрійскій встрѣтились въ Вельсѣ и

ѣхали вмѣстѣ до Ишля. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ отправился въ Гастейнъ, гдѣ ему представился австрійскій канцлеръ графъ Бейстъ, имѣвшій весьма продолжительную аудіенцію; въ Гастейнъ пріѣхалъ и князь Бисмаркъ, и оба канцлера прожили тамъ съ недѣлю. Наконецъ, предполагается еще второе свиданіе между самими императорами. Оно произойдетъ въ Зальцбургѣ, гдѣ императоръ Францъ-Іосифъ отдастъ визитъ императору Вильгельму. На пути въ Ишль императоръ Вильгельмъ видѣлся и съ королемъ баварскимъ. Естественно, что всѣ эти свиданія монарховъ и дипломатовъ возбудили не мало разнообразныхъ толковъ. Обсужденіе общихъ интересовъ германскаго племени, разрѣшеніе вопроса о внутреннемъ кризисѣ въ Баваріи и вопроса о кризисѣ въ Румыніи, въ связи съ тамошними желѣзно-дорожными дѣлами, охраненіе нѣмецкихъ интересовъ въ Австріи и, наконецъ, установленіе чего-то въ родѣ европейской „лиги мира"—вотъ тѣ предметы, которые, по разнорѣчивымъ слухамъ, должны были войти въ программу этихъ соглашеній посредствомъ свиданій.

Что касается дѣлъ баварскихъ, то сомнительно, чтобы по нимъ состоялось какое-либо рѣшеніе при свиданіи короля баварскаго и императора Вильгельма. Императоръ, который ѣхалъ изъ Вюрцбурга въ Австрію, не направился по прямому пути, на Мюнхенъ, и король Людовикъ, выѣхавшій для встрѣчи его на станцію Швандорфъ, имѣлъ съ императоромъ свиданіе весьма короткое, такъ какъ король въ тотъ же день возвратился въ свою столицу. Перемѣна въ баварскомъ министерствѣ, правда, произошла около этого времени, но перемѣна эта едва ли была обусловлена какими-либо соглашеніями съ императорскими совѣтами, такъ какъ новое министерство Баваріи, во главѣ котораго поставленъ графъ Гегненбергъ-Дуксъ, и въ составъ котораго входятъ гг. Луцъ, Пранкъ, Фейстле, Пфречнеръ и т. д., держится принципа охраненія полной самостоятельности баварскаго королевства, вмѣстѣ съ дружественными отношеніями къ имперской власти.

Желѣзно-дорожный вопросъ въ Румыніи, прибавившій новый элементъ къ политическому кризису въ этой странѣ, могъ, конечно, служить предметомъ разговоровъ между прусскими и австрійскими дипломатами, и даже между государями обѣихъ имперій. Дѣло въ томъ, что румынскій князь Карлъ — принцъ прусскаго дома, и концессіонеръ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ Струсбергъ — одинъ изъ важнѣйшихъ капиталистовъ въ Пруссіи, строитель многихъ прусскихъ дорогъ, и акціи румынскихъ дорогъ, подъ его вліяніемъ, разобраны преимущественно въ Германіи. Итакъ, тутъ есть двойной нѣмецкій интересъ за предѣлами Германіи—интересъ политическій и интересъ промышленный. Энергія и единодушіе, съ какими всѣ нѣмецкія газеты заступились за Струсберга противъ правительства той страны, съ которою онъ заключилъ условія, указываютъ на опасный путь, отъ котораго

истинные патріоты должны стараться предохранить Германію. Въ силу нѣмецкой колонизаціи, нѣмецкіе интересы есть вездѣ, за границами Германіи; если Германія, слѣдуя внушеніямъ неблагоразумныхъ совѣтниковъ, которые рады на каждомъ шагу напоминать всѣмъ сосѣдямъ ея установившееся величіе, будетъ сегодня энергически заступаться за нѣмецкое празднество въ Цюрихѣ, завтра за нѣмецкій капиталъ въ Бухарештѣ, и за положеніе нѣмцевъ во Франціи, а послѣзавтра за притязанія нѣмцевъ въ иныхъ государствахъ, то это никакъ не поведетъ къ достиженію той цѣли, какую имѣетъ предполагаемая „лига мира“, а совсѣмъ наоборотъ, можетъ возбуждать ту опасность, что рядомъ съ этой лигой составится союзъ ей враждебный.

Въ настоящемъ случаѣ, германское правительство сдѣлало представленіе Портѣ, которая, отговорясь совершеннымъ незнаніемъ дѣла Струсберга, затребовала свѣдѣнія о немъ отъ румынскаго правительства. Что касается самого князя Карла, то положеніе его, какъ извѣстно, крайне неблагопріятное. Добросовѣстныя усилія его сокрушились о ту непопулярность, какая, безъ особенныхъ причинъ, постигла его въ Румыніи. Поэтому, онъ собирался уже отказаться отъ своего господарства, но изъ Берлина ему внушено, какъ говорятъ, чтобы онъ остался на мѣстѣ—и онъ остается. Впрочемъ, германская дипломація въ этомъ дѣлѣ, вѣроятно, и не пойдетъ далѣе. Прусскія газеты громко провозглашаютъ, что тронъ Гогенцоллерна въ Румыніи долженъ быть сохраненъ, какъ передовой пунктъ германской культуры среди румынства и славянства. Но едва ли князь Бисмаркъ, если онъ имѣетъ въ виду соглашеніе съ Австріею, захочетъ воспользоваться этимъ передовымъ пунктомъ. Дѣло въ томъ, что всякое прикосновеніе не только германской, но даже цислейтанской дипломаціи къ румынскому вопросу возбуждаетъ ревность—Венгріи. Политическіе люди этой страны, и въ числѣ ихъ графъ Андраши, считаютъ отношенія австро-венгерской монархіи къ Румыніи дѣломъ исключительно-венгерскимъ, транслейтанскимъ, и всякое соглашеніе относительно ихъ между графомъ Бейстомъ и княземъ Бисмаркомъ могло бы повести къ раздору въ правительственныхъ средахъ этой монархіи.

Утверждаютъ, что императоръ Вильгельмъ бесѣдовалъ съ австрійскимъ канцлеромъ весьма благосклонно, и что затѣмъ Бейстъ и Бисмаркъ, проживая недѣлю въ Гастейнѣ, окончательно помирились и подружились, и начертали основанія не только для охраненія нѣмецкихъ интересовъ въ Австріи, но и для охраненія ихъ на всѣхъ границахъ, принадлежащихъ германскому племени, посредствомъ учрежденія „лиги мира“, которой основанія, будто бы, были впередъ сообщены и Италіи, изъявившей полную готовность пристать къ этой лигѣ. Здѣсь, въ этихъ слухахъ, слѣдуетъ различать источники. Замѣчательно разнообразное отношеніе къ нимъ прусскихъ оффиціозныхъ органовъ, то-есть „Бре-

стовой Газеты" и „Провинціальной Корреспонденціи". Сперва онѣ вообще отрицали вѣроятность всякихъ формальныхъ соглашеній, утверждая, что свиданія монарховъ и ихъ министровъ ограничатся простыми разговорами. Относительно нѣмецкихъ интересовъ въ Австріи, разумѣется, эти газеты до конца соблюдали эту réserve, чтобы не возбудить недовѣрія къ Бейсту въ славянскихъ земляхъ и не повредить этимъ самому положенію Бейста, которое именно въ послѣднее время не было въ Австріи особенно твердо. Но относительно „лиги мира", прусскія оффиціозныя газеты хотя и продолжали сомнѣваться въ заключеніи дѣйствительныхъ трактатовъ, стали выражаться такимъ образомъ, что изъ словъ ихъ слѣдовало именно заключить, что нѣчто въ родѣ „лиги мира" въ самомъ дѣлѣ состоялось. „Крестовая Газета" объявила, что въ Гастейнѣ прінсканы твердыя основанія для будущихъ отношеній между Австріею и Германіею и для установленія политики обоихъ этихъ государствъ въ *европейскихъ* вопросахъ, и что Италія безусловно одобрила это соглашеніе, заявивъ желаніе утвердить и свою политику на тѣхъ же основахъ; что̀ самое, по отзыву „Крестовой Газеты", доказываетъ, что основанія, утвержденныя въ Гастейнѣ, были предварительно сообщены итальянскому правительству. „Провинціальная Корреспонденція" не заходитъ такъ далеко, однакоже и она объявляетъ, что „надежды, внушенныя народамъ свиданіемъ монарховъ германскаго и австрійскаго, и государственныхъ людей, правящихъ дѣлами обѣихъ странъ, оправдываются, повидимому, *фактически*, хотя, какъ кажется, и не представилось повода къ заключенію формальныхъ договоровъ". За этимъ слѣдуетъ обычная фраза, что „дружественныя отношенія между Германіею и Австріею обезпечиваются взаимнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что согласіе между ними послужитъ къ упроченію европейскаго мира".

Что въ планы князя Бисмарка не могло входить разрушеніе Австріи и отторженіе отъ нея нѣмецкихъ провинцій—это можно было давно предвидѣть. Еще въ концѣ прошлаго года мы выражали убѣжденіе, что вслѣдъ за своею побѣдою надъ Франціею, Германія озаботится заключеніемъ союза съ Австріею. Германіи, въ настоящее время, выгоднѣе сохранить себѣ въ Австріи почву для новыхъ, мирныхъ завоеваній нѣмецкой культуры, посредствомъ того нѣмецкаго весьма значительнаго впрочемъ меньшинства, которое держитъ въ своихъ рукахъ всѣ промышленныя силы Австріи, чѣмъ отторгать отъ нея нѣмецкія провинціи и усложняя у себя, такимъ образомъ, задачу объединенія, вмѣстѣ съ тѣмъ лишать себя впередъ бассейна нижняго Дуная. Искреннее соглашеніе между Бейстомъ и Бисмаркомъ, котораго всего полтора года тому назадъ невозможно было предвидѣть, и которое въ то время представлялось именно какъ Ding der Unmöglichkeit — въ настоящее время вполнѣ естественно.

Естественно также, что и Германія, и Италія, достигнувъ своихъ цѣлей въ неожиданно-широкихъ размѣрахъ, и ранѣе чѣмъ онѣ могли предвидѣть, въ настоящее время изъявляютъ желаніе, что называется, „прекратить игру", „забастовать". Онѣ не желаютъ болѣе играть, потому что онѣ въ огромномъ выигрышѣ, и хотѣли бы навсегда прекратить возможность той игры, которая называется войною и завладѣніемъ. Шансы такой игры для нихъ уже обѣщаютъ мало новой корысти, а между тѣмъ могли бы угрожать значительной части уже пріобрѣтеннаго. Только возможно ли такое опредѣленіе судебъ Европы однажды навсегда? Исторія доказываетъ намъ, что оно невозможно. Ни вестфальскій миръ, создавшій „международное европейское право", ни вѣнскіе трактаты, создавшіе новое „международное европейское право", не удержались. Правда, нѣмцы и итальянцы могутъ возразить намъ, что нынѣшнія „прочныя основы для европейскаго мира" заключаются въ удовлетвореніи національныхъ стремленій, то-есть представляются торжествомъ „національнаго принципа" въ Германіи и Италіи, осуществившихъ каждая свое единство, и что потому-то основы эти прочнѣе прежнихъ. Но, во-первыхъ, едва ли Европа навсегда успокоится на одномъ „національномъ принципѣ"; едва ли Европѣ не предстоитъ современемъ, болѣе или менѣе мирная борьба политическихъ партій. А во-вторыхъ, и это соображеніе ближе къ дѣлу — единство Германіи и Италіи далеко еще не представляетъ окончательнаго распредѣленія власти въ Европѣ на основаніи національныхъ стремленій. Принципъ національностей, если онъ будетъ продолжать дѣйствовать и въ будущемъ, произведетъ еще не одну передѣлку въ картѣ Европы. Въ свидѣтели этой истины можно призвать одну изъ непосредственныхъ участницъ предполагаемыхъ гастейнскихъ соглашеній—Австрію. Самое существованіе Австріи есть отрицаніе „національнаго принципа". А согласное дѣйствіе Германіи съ Австріею въ восточномъ вопросѣ можетъ быть только таково, что оно представитъ еще болѣе рѣзкое противорѣчіе принципу національностей. Во всякомъ случаѣ, установленіе чего-либо прочнаго въ Европѣ немыслимо безъ участія въ немъ такихъ государствъ, какъ Россія, Англія и Франція.

Вопросъ о національностяхъ и приводитъ насъ къ тому новому конституціонному усилію, которое совершается нынѣ въ Австріи, тѣмъ болѣе, что усиліе это въ нѣмецкой печати какъ въ предѣлахъ габсбургской монархіи, такъ и за ними вызвало большое раздраженіе, и печать эта въ числѣ „надеждъ, внушаемыхъ свиданіями", полагала именно и ту надежду, что императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ замолвятъ могущественное слово за австрійскихъ нѣмцевъ.

Министерство Гогенварта предприняло довести до конца трудное дѣло соглашенія между національностями, населяющими австрійскую имперію. Соглашеніе съ Венгріею стояло на первомъ планѣ и достигнуто

въ 1865-мъ году усиліями Бейста; затѣмъ, въ 1866-мъ году, уже венгерскіе политики кое-какъ уладили отношенія между Венгріею и „Тріединымъ королевствомъ", то-есть южно-австрійскими славянами. Въ прошломъ году министерство Потоцкаго подготовило соглашеніе съ Галиціею, на основаніи расширенія ея автономіи. Нынѣшнее министерство Гогенварта предприняло осуществить не только это соглашеніе съ Галиціею, но и соглашеніе съ Богеміею. Вожди чешской національной партіи представлялись императору и соглашеніе, по отзывамъ министерскихъ газетъ, въ принципѣ уже состоялось. Видимымъ признакомъ его будетъ назначеніе министромъ Ригера, какъ видимымъ признакомъ соглашенія съ Галиціею было назначеніе министромъ Грохольскаго. Само по себѣ вполнѣ естественно, что одно соглашеніе слѣдуетъ за другимъ. Но естественность этого развитія исчезаетъ, когда мы замѣтимъ, что развитіе это, въ своей постепенности, измѣняетъ свой принципъ.

Въ самомъ дѣлѣ, соглашеніе съ Венгріею послѣдовало на установленіи въ Австріи дуализма. Каковы бы ни были достоинства и недостатки этой системы, она все-таки была системою, то-есть совокупностью мѣръ, вытекающихъ изъ одного принципа. Принципъ дуализма предполагалъ, что габсбургская монархія состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей, которыя имѣютъ совершенно различное, внутреннее право, но съ тѣмъ сходствомъ, что въ каждой изъ этихъ самостоятельныхъ половинъ государства есть одна національность политическая, преобладающая въ управленіи, именно — въ земляхъ венгерской короны (Транслейтаніи) — мадьярская національность; въ земляхъ наслѣдственныхъ (Цислейтаніи) — нѣмецкая національность. Эта система была согласна съ правительственными традиціями, и совершенно ясна. Но она не осуществляла общаго соглашенія, конечно, потому именно, что она *общаго* соглашенія и не предполагала. Соглашеніе *со всѣми* національностями вело бы не къ дуализму, а къ *федерализму*, то-есть къ системѣ совершенно иной, системѣ уравненія всѣхъ національностей.

Что система дуализма могла осуществиться въ Венгріи, объясняется тѣмъ, что преобладаніе мадьярской національности въ земляхъ венгерской короны основалось просто на возстановленіи вѣковой венгерской конституціи, съ тѣми преобразованіями ея, которыя состоялись въ 1848-мъ году путемъ правильнаго законодательства. Но не таково было примѣненіе дуализма къ землямъ наслѣдственнымъ, къ Цислейтаніи. Здѣсь, преобладаніе нѣмецкой національности, сосредоточеніе всей законодательной силы въ рейхсратѣ, гдѣ нѣмцы имѣютъ большинство, и въ цислейтанскомъ министерствѣ, состоявшемъ исключительно изъ нѣмцевъ, до прошлаго года, не оправдывалось никакой исторической законностью, а только напоминало самую безотрадную

практику, именно практику временъ Меттерниха, Шварценберга и Баха. Вотъ почему въ наслѣдственныхъ земляхъ развитіе не могло остановиться на дуализмѣ, въ силу сопротивленій славянскихъ національностей, требовавшихъ расширенія автономіи своихъ земель и уравненія своего положенія съ положеніемъ нѣмцевъ. Полное удовлетвореніе такихъ требованій предполагало бы установленіе федерализма, то-есть такой самостоятельности каждой изъ наслѣдственныхъ земель, какою пользуется венгерская корона. А еслибы осуществить это, то весьма вѣроятно, что и южные славяне предъявили бы такія же притязанія, и тогда система дуализма поколебалась бы и въ Венгріи. Вотъ почему мадьярскія газеты и теперь уже ревниво слѣдятъ за новыми уступками чехамъ, и впередъ объявляютъ, что если эти уступки будутъ *слишкомъ велики*, то Венгрія разорветъ всѣ связи съ Цислейтаніею и станетъ къ ней въ отношенія на строгомъ основаніи Personal-Union, то-есть не будетъ имѣть съ нею ничего общаго, кромѣ монарха. Но это повело бы къ пересмотру всего соглашенія съ Венгріею, къ передѣлкѣ значенія делегацій и т. д.—однимъ словомъ, къ ломкѣ нижняго этажа для того, чтобы изъ его матеріаловъ достроить крышу.

Вотъ почему правительство въ уступкахъ своихъ Галиціи и Богеміи и не хочетъ дойти до федерализма, а предлагаетъ имъ нѣчто среднее, нѣчто трудно опредѣлимое — между дуализмомъ и федерализмомъ. Программа министерства Гогенварта состоитъ въ томъ, чтобы въ аттрибуціяхъ имперскаго сейма въ Цислейтаніи (Reichsrath) удержать только законодательство по дѣламъ финансовымъ, торговымъ и немногимъ административно-общимъ, и дать самую широкую автономію всѣмъ королевствамъ и землямъ въ дѣлахъ духовныхъ, мѣстныхъ повинностей, просвѣщенія, призрѣнія и т. д. Но провести здѣсь границу весьма трудно, особенно когда требуется, чтобы самостоятельность провинцій все-таки *не доходила* до равенства съ самостоятельностью Венгріи. Если бы рейхсратъ былъ уничтоженъ, и сеймъ каждой изъ цислейтанскихъ провинцій получилъ равное положеніе съ сеймомъ венгерскимъ, а общая связь всей монархіи представлялась бы только делегаціями, то это могло бы быть опредѣлено съ точностью; но это и было бы осуществленіемъ въ Цислейтаніи *федерализма* съ оставленіемъ земель венгерской короны на началѣ дуализма, что невозможно. Тогда и Кроація, и Славонія, и Сербское воеводство захотятъ уничтоженія пестскаго сейма въ смыслѣ своего центральнаго представительства.

Для осуществленія соглашенія съ Богеміею и Галиціею необходимъ пересмотръ цислейтанской конституціи. А такъ какъ члены рейхсрата избираются областными сеймами, то для измѣненія нынѣшняго состава, враждебнаго министерству Гогенварта, необходимо было распустить сеймы тѣхъ областей, которыя создаютъ въ этомъ собраніи нѣмецкое большинство. Вотъ почему патентомъ 10-го августа распущены сеймы

всѣхъ нѣмецкихъ областей именно: верхней и нижней Австріи, Зальцбурга, Штиріи, Каринтіи, Моравіи, Силезіи и Тироля, а сеймы Богеміи, Галиціи, Далмаціи и другихъ не-германскихъ областей оставлены въ нынѣшнемъ составѣ. Понятно, что нѣмецкая печать въ Австріи сильно возстала противъ этой мѣры и вообще противъ всей „системы" Гогенварта, и что раздраженіе нѣмецко-австрійской печати вполнѣ раздѣляется печатью въ самой Германіи. Всѣ областные сеймы будутъ созваны вновь на 14 сентября.

Каковъ будетъ окончательный успѣхъ усилій графа Гогенварта, предсказать нельзя; усилія эти заслуживаютъ всякаго сочувствія, но дѣло такъ трудно, и даже въ случаѣ, если оно удастся, механизмъ, созданный въ габсбургской монархіи, будетъ такъ сложенъ, что прочность окончательнаго устраненія давнишняго кризиса может быть утверждена только фактами.

КОНЕЦЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СЕССІИ ВЪ АНГЛІИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БИЛЛЬ.

Продолжительная сессія англійскаго парламента наконецъ закрыта. Въ королевскомъ посланіи, прочтенномъ лордомъ-канцлеромъ, упоминается болѣе о дѣлахъ внѣшнихъ, чѣмъ о тѣхъ внутреннихъ вопросахъ, которыхъ разработка составляла сущность сессіи. Такимъ образомъ, въ королевскомъ посланіи какъ будто отражается мнѣніе, установившееся и въ Англіи, и на континентѣ, что нынѣшняя парламентская сессія въ Англіи была безплодною, несмотря на свою продолжительность. Но мнѣніе это совершенно невѣрно. Гладстонъ въ тронной рѣчи, конечно, не могъ воспѣвать своихъ побѣдъ, тѣмъ болѣе, что побѣды его, вслѣдствіе встрѣченныхъ противодѣйствій, не получили полной законодательной формы. Изъ проекта закона о преобразованіи арміи пришлось отбросить все, кромѣ рѣшенія капитальнаго вопроса объ отмѣнѣ покупки офицерскихъ патентовъ; изъ проекта закона о введеніи тайной подачи голосовъ на выборахъ пришлось также исключить одинъ важный пунктъ, и сверхъ того проектъ этотъ, въ заключеніе, былъ отвергнутъ верхнею палатой, такъ что о немъ нельзя было и упоминать при перечисленіи состоявшихся законодательныхъ мѣръ. Такимъ образомъ и произошло, что въ королевскомъ посланіи главное мѣсто занимаютъ обычная удовлетворительность внѣшнихъ сношеній, улаженіе элебемскаго дѣла

(разногласія съ Соединенными Штатами) и надежды на сохраненіе удовлетворительныхъ торговыхъ условій съ Франціею.

Впрочемъ, въ королевское посланіе включено одно мѣсто, заключающее намекъ на необходимость возвратиться къ важнѣйшему изъ всѣхъ внутреннихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди. „Но по всей вѣроятности—говоритъ королева — еще втеченіи долгаго времени великіе и разнообразные интересы Соединеннаго королевства и всего государства вообще, вмѣстѣ съ расширяющимися требованіями современнаго общества недозволятъ сколько-нибудь облегчить почтеннаго, но труднаго бремени законодательной дѣятельности". Среди „требованій современнаго общества" въ Англіи первымъ представляется введеніе закрытаго голосованія. На необходимость удовлетворить это требованіе и намекаетъ приведенное мѣсто королевскаго посланія. Требованіе это не только предъявлено, но и сознано народнымъ представительствомъ, которое и рѣшило этотъ вопросъ.

Большинство континентальныхъ газетъ, при оцѣнкѣ королевскаго посланія, закрывшаго (9) 21-го августа парламентскую сессію въ Англіи до 26-го октября 17-го ноября,—слѣдуютъ мнѣнію «Times» и торійскихъ органовъ въ родѣ „Standard", и провозглашаютъ эту сессію безплодною, какъ бы не замѣчая великой побѣды, одержанной въ теченіи ея либеральною партіею.

Но побѣда, одержанная либерализмомъ въ Англіи въ теченіи нынѣшней сессіи, тѣмъ не менѣе чрезвычайно важна, и безплодною эту сессію въ дѣйствительности назвать никакъ нельзя. Дѣло въ томъ, что фактически проведены два важные принципа: отмѣна привилегіи богатыхъ людей въ арміи и обезпеченіе независимости избирателя, посредствомъ закрытія голоса подаваемаго имъ на выборахъ. Пересозданіе всего офицерскаго сословія на принципѣ заслуги взамѣнъ принципа денегъ, и въ особенности обезпеченія независимости избирателя, это — реформы крайне важныя, это весьма значительные шаги впередъ, и сессію, которая провела оба эти принципа чрезъ палату общинъ, а первый изъ нихъ и чрезъ обѣ палаты, слѣдуетъ признать весьма плодотворною. Нужды нѣтъ, что изъ билля о преобразованіи арміи прошла только отмѣна покупки патентовъ: это именно и была вся политическая сущность билля. Нужды нѣтъ, что лорды отвергли билль о закрытой подачѣ голосовъ на выборахъ; важно то, что билль этотъ прошелъ чрезъ палату общинъ, что принципъ этотъ утвержденъ народнымъ представительствомъ, что онъ дозрѣлъ въ общественномъ мнѣніи до осуществленія въ формѣ билля, прошедшаго чрезъ всѣ фазисы обсужденія въ палатѣ общинъ.

Правда, на мѣрку, употребительную въ нѣкоторыхъ иныхъ странахъ подобные результаты цѣлой сессіи могутъ казаться невелики. Такъ, во Франціи въ теченіи того же времени сдѣланы успѣхи гораздо

болѣе быстрые и бóльшихъ размѣровъ: учреждена новая форма правленія, составлено новое правительство, проведена цѣлая система децентрализаціи въ департаментскомъ управленіи. Въ Австріи, въ тоже время, измѣнилась вся внутренняя политика, и даже дано новое опредѣленіе „истиннаго австрійца“; вѣковой принципъ, что истинный австріецъ есть нѣмецъ, отложенъ въ сторону и das wahre Oestreicherthum опредѣляется министерствомъ Гогенварта какъ приверженность къ системѣ, средней между дуализмомъ и федерализмомъ. Но континентальныя колебанія такъ размашисты, что мѣрка ихъ важности или неважности непримѣнима для оцѣнки общественныхъ успѣховъ въ Англіи. Такъ, во Франціи бывали такія эпохи законодательства, когда оно захватывало даже вопросъ о признаніи или непризнаніи закономъ — Верховнаго Существа, вопросъ еще болѣе радикальный, безъ сомнѣнія, чѣмъ признаніе или непризнаніе принципа децентрализаціи. Въ Австріи же, и въ другихъ странахъ, бывали такія эпохи, когда законодательное отправленіе совсѣмъ такъ сказать окаменялось въ неподвижности, и единственныя заботы законодателей состояли въ усиліи создать навсегда оплотъ противъ всякаго движенія впередъ.

Законодательные успѣхи Англіи имѣютъ совсѣмъ иной характеръ, и это едва ли требуетъ ближайшаго разъясненія.

Если они не бываютъ столь быстры и громадны какъ порою на континентѣ, то во всякомъ случаѣ обыкновенно бываютъ прочнѣе. Постепенная уступка *политическихъ* классовъ Англіи всему ея народу, постепенное расширеніе этихъ классовъ, распространеніе политической *привилегіи* на все большее и большее число людей въ государствѣ, однимъ словомъ умноженіе класса полноправныхъ, самоуправляющихся гражданъ, по мѣрѣ того, какъ въ массѣ, стоявшей внѣ грани привилегіи и возрастаетъ просвѣщеніе, желаніе и способность быть участниками политической жизни страны — вотъ характеристическая черта внутреннихъ политическихъ успѣховъ или пріобрѣтеній Великобританіи. Пріобрѣтенія тамъ прочны потому, что они тамъ не состоятъ въ какой-либо новой теоріи свободы, новой импровизаціи о правахъ и обязанностяхъ гражданъ и государства. Полное самоуправленіе страны уже давно существуетъ; постепенно только расширяются грани для дѣйствія въ немъ новыхъ, болѣе многочисленныхъ группъ гражданъ, а вмѣстѣ отмѣняются и всѣ тѣ остатки исключительной привилегіи и исключительнаго вліянія, которыя были присвоены группамъ полноправнымъ въ то время, когда онѣ были еще малочисленны.

Такой характеръ въ самомъ широкомъ значеніи представляетъ избирательная реформа 1867 года въ связи съ необходимымъ ея дополненіемъ, нынѣ сознаннымъ въ обществѣ и народномъ представительствѣ принципомъ закрытаго избирательства. До реформы 1867-го года, въ Соединенномъ королевствѣ на 28 милліоновъ душъ населенія, въ 1861-мъ году

избирателей, то-есть полноправныхъ гражданъ, было около 1 милліона, а въ 1871-мъ году, на населеніе въ 31 милл. душъ, оказавшееся по отчету коммисаровъ переписи (census commissioners), избирателей состоитъ $3^1/_2$ милліона. Итакъ, законодательное сословіе въ Англіи болѣе чѣмъ *утроилось*. Вотъ сущность реформы 1867-го года. Предоставивъ избирательную привилегію (franchise) хозяевамъ квартиръ (householders), она перенесла центръ политической власти въ странѣ на огромную ступень *ниже*, ближе къ самому фундаменту государства, то-есть къ совокупности гражданъ, живущихъ личнымъ трудомъ. Такимъ образомъ политическое отправленіе получило, безъ сомнѣнія, болѣе устойчивости въ будущемъ. Но въ тоже время ясно, что новые избиратели, каждый въ отдѣльности, — люди по положенію своему менѣе независимые, чѣмъ прежніе избиратели, достаточно обезпеченные въ средствахъ къ жизни. Отсюда — необходимость защитить ихъ отъ внѣшнихъ вліяній, отъ вліяній владѣльцевъ земли, на которой они живутъ и нанимателей, у которыхъ они работаютъ, такъ чтобы при подачѣ голоса на выборахъ они не были принуждаемы поступать противъ совѣсти и убѣжденія, изъ страха быть согнанными съ земли или лишиться заработка. Это и достигается посредствомъ введенія на выборахъ голосованія *закрытаго*, посредствомъ тайной баллотировки. Вотъ смыслъ того билля, который прошелъ чрезъ палату общинъ, и называется Ballot-bill, или какъ его охотнѣе называлъ Гладстонъ — Secret-Voting-bill.

Такимъ образомъ ясна непреложная связь между избирательною реформою 1867 года и введеніемъ закрытаго голосованія; второе вытекаетъ изъ первой какъ практическое послѣдствіе и необходимое дополненіе. Мы не хотимъ сказать, что и прежде, до реформы 1867 года, введеніе закрытаго голосованія не принесло бы пользы. Это значило бы утверждать, что до того времени на выборахъ не бывало никакихъ „постороннихъ вліяній“, то-есть давленія, угрозъ, даже подкупа, а этого утверждать невозможно. Относительно собственно подкупа можно даже утверждать прямо противоположное, именно, что подкупы были тѣмъ обычнѣе и легче, чѣмъ малочисленнѣе было избирательное сословіе; то-есть, что они были болѣе обычны до реформы 1867 года, а еще обычнѣе до реформы 1832 года. Но всякое иное „давленіе“ очевидно дѣйствовало бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе самъ по себѣ каждый избиратель въ отдѣльности. Вотъ это и есть органическая связь между послѣдней избирательной реформою и введеніемъ закрытаго голосованія.

Общественное мнѣніе въ Англіи убѣдилось въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, теоретически вопросъ о Ballot поставленъ давно. Еще вначалѣ шестидесятыхъ годовъ, членъ палаты общинъ Бэркли (Berkeley) въ каждую сессію представлялъ этотъ вопросъ на обсужденіе, и билль

его неизмѣнно устранялся при предложеніи „прочесть его во второй разъ“ [1]). Припоминаемъ, что однажды, въ 1862-мъ году, билль его чуть было не былъ допущенъ до второго чтенія по опрометчивости большинства. Но вопросъ этотъ въ то время былъ именно только теоретическимъ вопросомъ. Еще въ 1864-мъ году, Пальмерстонъ называлъ этотъ вопросъ „мертвымъ“ (a dead question). Перемѣна въ общественномъ мнѣніи относительно этого вопроса произошла именно вслѣдствіе избирательной реформы 1867-го года. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ вопросомъ практическимъ, то-есть именно получилъ право бытія въ средѣ серьезныхъ политическихъ вопросовъ, вопросовъ ближайшаго времени.

Въ настоящее время *вопросъ этотъ рѣшенъ* и вотъ въ чемъ важность нынѣшней сессіи. Нужды нѣтъ, что рѣшеніе его не могло быть облечено въ окончательную законодательную форму, вслѣдствіе сопротивленія лордовъ. Лорды не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе вопросовъ о распредѣленіи политической власти между сословіями страны. Лорды — форма, и всякое рѣшеніе ихъ — только формальное условіе. Общины — государь въ Соединенномъ королевствѣ. Приверженцы знаменитой теоріи „равновѣсія трехъ конституціонныхъ властей“ давно отвратили свои взгляды отъ Великобританіи. На самомъ дѣлѣ равновѣсіе властей вело бы къ анархіи или къ безправности. Одна изъ властей непремѣнно должна быть рѣшающею, то-есть истинною властью. Таково въ Англіи значеніе палаты общинъ. Палата общинъ есть представительство правящихъ судьбами Англіи классовъ. Само собою разумѣется, что эти правящіе классы не станутъ, по собственному капризу, безъ нужды, преждевременно, включать въ себя новые элементы, дѣлиться съ кѣмъ-либо вновь своею привилегіей, да еще заботиться о томъ, чтобы эти новые законодатели получили всякое обезпеченіе своей независимости отъ тѣхъ классовъ, которые прежде правили безъ нихъ.

Такимъ образомъ и избирательныя реформы 1832 и 1867 годовъ и нынѣшній билль о введеніи закрытой баллотировки въ извѣстной мѣрѣ были противны интересамъ тѣхъ самыхъ палатъ общинъ, которыя ихъ однакоже осуществили, подчиняясь соображенію истинной мудрости, которая велитъ предвидѣть кризисы и своевременно устранять ихъ возможность осуществленіемъ, безъ близорукой отсрочки, всего того, что сознается за благо и требуется достаточною силою, и составляетъ естественное дальнѣйшее развитіе учрежденій; то-есть своевременно удовлетворять „требованія новѣйшаго общества“, какъ выражается сама королева.

Но если, такимъ образомъ, современные успѣхи политическихъ учреж-

---

[1]) Допущеніе второго чтенія билля равносильно одобренію его въ принципѣ или тому, что во Франціи называется clôture de la discussion générale.

деній Великобританіи представляютъ не что иное, какъ рядъ уступокъ правящихъ классовъ, посредствомъ представительства ихъ, то-есть палаты общинъ — уступокъ большинству народа, уступокъ вовсе не по причудѣ, а даже не всегда по собственной ея иниціативѣ, то однажды, когда палата общинъ рѣшила сдѣлать еще такую уступку, рѣшеніе ея имѣетъ значеніе окончательнаго *рѣшенія вопроса.* Все равно, когда бы ни былъ затѣмъ изданъ законъ, самый *вопросъ* о необходимости уступки можетъ быть рѣшенъ только тѣмъ именно, кто дѣлаетъ эту уступку. Въ вопросахъ о политическихъ учрежденіяхъ Англіи, ни лорды, ни корона значенія не имѣютъ, потому что учрежденія эти основаны на избирательствѣ, а лорды и корона чужды избирательству. Они не исходятъ изъ избирательства, неотвѣтственны предъ нимъ и независимы отъ него. Какимъ бы образомъ ни устроился порядокъ избирательства, это не будетъ имѣть вліянія на привилегіи лордовъ и на составъ ихъ палаты. Дѣло это касается только тѣхъ, кто *дѣлаетъ* уступку, и тѣхъ, кто ее пріобрѣтаетъ.

Мы вдались въ нѣсколько пространное разъясненіе сущности политическаго положенія въ Англіи для того собственно, чтобы показать, что въ такомъ случаѣ, какъ тотъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, рѣшеніе одной палаты общинъ значитъ все, потому что оно составляетъ именно рѣшеніе вопроса. Когда вопросъ рѣшенъ, законодательное формулированіе его уже неизбѣжно. Итакъ, нынѣ, когда введеніе закрытаго голосованія, вслѣдствіе упорства лордовъ, отложено до слѣдующей сессіи, билль объ этомъ способѣ избирательства, при формулированіи его вновь, конечно, можетъ подвергнуться измѣненіямъ въ подробностяхъ, но тѣмъ не менѣе, онъ въ сущности своей уже теперь прошелъ; вопросъ о введеніи закрытаго голосованія рѣшенъ, онъ пересталъ быть вопросомъ. Стало быть, политическая жизнь Англіи сдѣлала новый, весьма важный успѣхъ, осуществила новое пріобрѣтеніе, и сессію, которая произвела такой результатъ, безплодною назвать невозможно.

Рельефность и многочисленность политическихъ событій на континентѣ до сихъ поръ заставляла насъ откладывать исполненіе нашего обѣщанія заняться биллемъ о „Secret voting" или ballot и посвященными ему преніями. И въ настоящую минуту, не мало фактовъ на континентѣ подлежатъ обозрѣнію. Факты эти продолжаютъ сосредоточивать на себѣ вниманіе большинства читателей во всей Европѣ, такъ что вопросъ о ballot и замѣчательныхъ преніяхъ по его поводу проходитъ, не производя особеннаго впечатлѣнія, и въ важнѣйшихъ европейскихъ журналахъ даже не появилось спеціально посвященныхъ ему статей. Но въ дѣйствительности, ходъ правильнаго развитія учрежденій страны на принципѣ свободы гораздо интереснѣе всякихъ случайныхъ потрясеній и непрочныхъ, хотя и радикальныхъ рѣшеній.

Разбирая какое-либо постановленіе французскаго національнаго собранія или какую-либо новую правительственную программу въ Австріи, мы найдемъ не мало интересныхъ эпизодовъ, но найдемъ немного серьезнаго поученія, потому именно, что такое или иное постановленіе во Франціи зависитъ просто отъ случайнаго состава палаты, а такая или иная программа въ Австріи есть уже десятый экспериментъ для рѣшенія того вопроса, котораго самая сущность еще не установилась. Не поучительнѣе ли и не интереснѣе ли слѣдить за ходомъ истинно-органической жизни націи, за эпизодами борьбы истинно-политическихъ партій, за измѣненіями въ политическомъ быту того народа, который одинъ доселѣ осуществилъ въ Европѣ въ совокупности и свободу личности, и полное самоуправленіе гражданъ какъ въ общинѣ, такъ и въ государствѣ?

Какова связь между нынѣшнимъ биллемъ о закрытомъ голосованіи и избирательною реформою 1867-го года—это мы уже показали. Мы сказали, что ballot дополняетъ собою эту реформу, но должны теперь прибавить, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ составляетъ шагъ къ производству въ этой реформѣ дальнѣйшихъ измѣненій, которыхъ необходимость уже теперь чувствуется. Избирательный законъ, то-есть полное устройство избирательной системы, опредѣляется въ Англіи нѣсколькими биллями, по разнымъ сторонамъ этой системы. Въ этотъ комплексъ избирательнаго законодательства входятъ: законъ собственно о цензѣ или избирательномъ правѣ гражданъ (franchise); законъ объ избирательномъ правѣ мѣстностей, такъ-называемый билль „распредѣленія парламентскихъ мѣстъ" (distribution of seats), то-есть тотъ законъ, который опредѣляетъ составъ округовъ [1]), посылающихъ депутатовъ въ парламентъ и число представителей каждой мѣстности; наконецъ, законы охраняющіе правильность выборовъ. Реформа 1867-го года заключала въ себѣ законъ объ избирательномъ правѣ гражданъ и законъ о перераспредѣленіи парламентскихъ мѣстъ. Затѣмъ въ 1868-мъ году состоялся новый законъ объ отвращеніи злоупотребленій на выборахъ (Corrupt-Practices-Act). Этотъ послѣдній актъ изданъ только на три года и дѣйствіе его оканчивается въ текущемъ году. Его нужно замѣнить новымъ. Сверхъ того, уже теперь чувствуется, вслѣдствіе возрастанія населенія, необходимость ввести нѣкоторыя измѣненія и въ законъ о числѣ представителей отдѣльныхъ мѣстностей (распредѣленіе парламентскихъ мѣстъ). Билль о закрытомъ голосованіи—ballot есть также законъ, имѣющій цѣлью правильность выборовъ, какъ и законъ объ отвращеніи злоупотребленій. Ту же цѣль имѣетъ билль о составленіи выборныхъ списковъ (Registration bill),

---

[1]) Равномѣрныхъ избирательныхъ округовъ въ Англіи нѣтъ.

внесенный въ нынѣшнюю сессію сэръ-Чарльсомъ Дилькомъ, но не разсмотрѣнный палатою за недостаткомъ времени.

Итакъ, когда всѣ эти новые законы, тѣсно связанные одинъ съ другимъ, пройдутъ, то изъ реформы 1867-го года останется неприкосновенною только одна, а именно самая существенная ея часть: постановленіе о тѣхъ свойствахъ, которыя даютъ гражданину избирательное право, или постановленіе о цензѣ. Измѣнены же будутъ слѣдующія постановленія: 1) распредѣленіе представительства по мѣстностямъ и 2) предупрежденіе злоупотребленій. Наконецъ, введены вновь будутъ: 3) закрытое голосованіе и 4) составленіе списковъ передъ выборами (Registration).

Относительно второго постановленія мы уже сказали, что срокъ дѣйствія Corrupt-Practices—акта 1868-го года, нынѣ истекаетъ. Правительство намѣревается предложить продленіе его дѣйствія еще на годъ, и къ тому времени представить новый законъ. Судьба третьяго изъ названныхъ биллей, а именно ballot-билля, внесеннаго членомъ кабинета Форстеромъ описывается далѣе. Четвертое постановленіе, именно о новомъ способѣ составленія избирательныхъ списковъ въ городахъ, было, какъ уже упомянуто, внесено депутатомъ за Челси, Дилькомъ. Мы должны нѣсколько ближе упомянуть о немъ, но сдѣлаемъ это вслѣдъ за изложеніемъ ballot-билля Форстера.

Наконецъ, распредѣленіе представительства по мѣстностямъ, которое мы поставили первою среди будущихъ реформъ, еще не предложено въ формѣ билля, но не можетъ быть оставлено долгое время въ нынѣшнемъ положеніи, именно по слишкомъ большой неравномѣрности участія разныхъ мѣстностей страны въ составленіи палаты общинъ, происходящей отъ оставленія въ 1867-мъ году все еще слишкомъ большого участія въ представительствѣ—мѣстечкамъ, изъ уваженія къ историческому праву. Мѣстечки — одна изъ главныхъ опоръ аристократіи, такъ какъ большинство ихъ принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ. До реформы 1832 года, были такія мѣстечки (rotten boroughs), которыя въ самомъ дѣлѣ сгнили, то-есть въ нихъ, исторически принадлежащимъ правомъ избирательства пользовались просто нѣсколько слугъ лорда, которые и исполняли комедію избранія, по его приказу. Но и послѣ реформы 1832 года, въ Англіи осталось еще не мало такихъ мѣстечекъ, которыя разсматриваются аристократическими родами, какъ „*наслѣдственныя* мѣста“ ихъ въ парламентѣ (family seats). Нѣкоторыя мѣстечки даже посылали въ парламентъ по два представителя, въ то время, какъ важные торговые города посылали по одному. Реформа 1867 года отняла по одному представителю въ парламентѣ у 38-ми мѣстечекъ, имѣвшихъ каждое населеніе менѣе 10,000 душъ. Но и теперь еще есть 55 мѣстечекъ, каждое съ населеніемъ менѣе 10,000 душъ, которыя имѣютъ въ палатѣ 55 представителей, между тѣмъ

какъ населеніе ихъ вдесятеро меньше, чѣмъ населеніе такихъ городовъ, какъ Манчестеръ, Ливерпуль, Бэрмингемъ, Лидсъ, Шеффильдъ вмѣстѣ взятыхъ, которые въ совокупности посылаютъ въ парламентъ только 24 представителя, или иными словами: $3^3/_4$ милліона душъ въ большихъ городахъ имѣютъ въ палатѣ общинъ 24 представителя, между тѣмъ, какъ $^1/_3$ милліона душъ въ мѣстечкахъ представляется въ палатѣ 55-ю членами. Ясно, что эта неравномѣрность годъ отъ году увеличивается, по мѣрѣ возрастанія населенія въ большихъ городахъ. А такъ какъ большіе города здѣсь, какъ и во Франціи, и въ Германіи, либеральнѣе провинцій, то либеральная партія, которая нынѣ управляетъ дѣлами, не можетъ откладывать представленія билля объ измѣненіяхъ въ „распредѣленіи парламентскихъ мѣстъ“. Но такой билль еще не представленъ, и даже не возвѣщенъ правительствомъ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, значеніе *нынѣшняго* избирательнаго вопроса, то-есть введенія закрытаго голосованія, ballot, въ общей сложности законовъ, опредѣляющихъ всю избирательную систему въ Англіи, мы перейдемъ къ изложенію собственно билля о ballot, внесеннаго Форстеромъ и утвержденнаго палатою общинъ, а затѣмъ и билля о составленіи выборныхъ списковъ, внесеннаго сэръ-Чарльсомъ Дилькомъ, и прошедшаго только второе чтеніе, то-есть все-таки одобреннаго палатою въ принципѣ.

Но, чтобы понять ту перемѣну, какая произойдетъ отъ введенія закрытаго голосованія, надо прежде хоть въ нѣсколькихъ словахъ описать порядокъ избранія, существующій въ Англіи доселѣ. Каждая партія учреждаетъ въ мѣстности избранія свой избирательный комитетъ, который помѣщается, обыкновенно, въ гостинницѣ. У каждой партіи есть свой избирательный агентъ, стряпчій, который и составляетъ впередъ списки избирателей, занося въ особый списокъ тѣхъ, которые впередъ обѣщаютъ его партіи свои голоса. Воздвигаются бараки и платформы для собраній и для подачи голосовъ; все это происходитъ на счетъ кандидата каждой стороны и вотъ почему избраніе обходится очень дорого, такъ что членами парламента (извѣстно, что никакого вознагражденія они не получаютъ) могутъ быть только богатые люди. Кандидаты представляются своимъ избирателямъ въ какой-нибудь общественной залѣ или на платформѣ, двумя почетными жителями мѣстности, при чемъ происходитъ обмѣнъ спичей. Предсѣдательствуетъ при этомъ шерифъ, и это называется nomination. За нимъ происходитъ тотчасъ и самое избраніе посредствомъ поднятія рукъ (show of hands), если число кандидатовъ не превосходитъ числа вакансій. Если же поднятіе рукъ не рѣшитъ окончательно вопроса, какъ то обыкновенно и бываетъ, то одна изъ сторонъ требуетъ записыванія голосовъ (poll) поименно. Эта явка или записыванье голосовъ

производится на другой день втеченіи опредѣленныхъ часовъ, а именно съ восьми утра до четырехъ пополудни,—что, между прочимъ, часто устраняетъ отъ выборовъ рабочихъ. Но такой ранній часъ прекращенія подачи голосовъ необходимъ потому именно, что при этомъ способѣ избранія образуются толпы, происходитъ угощеніе, и болѣе или менѣе безпорядковъ. Когда же результатъ объявляется, то безпорядки получаютъ новый предлогъ въ торжественномъ сопровожденіи избраннаго кандидата. Итакъ, избраніе происходитъ совершенно открыто личною явкою. При этомъ, кромѣ другихъ злоупотребленій, весьма возможно выдавать себя за другого, если число избирателей велико, и это называется personation. Сверхъ того, очевидно, что землевладѣлецъ, наниматель, хозяинъ, фабрикантъ не только имѣютъ всѣ средства повѣрить, исполнили ли зависящіе отъ нихъ избиратели ихъ волю, но могутъ даже сами присутствовать при самомъ актѣ подачи ими голосовъ, такъ чтобы рабочіе или фермеры, если хотятъ ослушаться, дѣлали это въ глаза своимъ хозяевамъ или управляющимъ.

Итакъ, зависимость, возможность подкупа, безпорядки при борьбѣ на яву, наконецъ устраненіе людей небогатыхъ отъ выборовъ, сопряженныхъ съ большими издержками,—вотъ тѣ невыгоды нынѣшняго способа избранія, которыя достаточно указать, чтобы уяснить необходимость преобразованія.

Преобразованіе, какъ оно было предположено Форстеромъ первоначально, въ полномъ его биллѣ о закрытомъ голосованіи, устраняло бы всѣ эти невыгоды, не исключая и послѣдняго. Ballot-билль Форстера примѣняется не къ однимъ выборамъ въ парламентъ, но и къ муниципальнымъ выборамъ. Изложимъ порядокъ, который установляется этимъ биллемъ. Представленіе кандидатовъ или nomination происходитъ по объявленію особаго административнаго лица (returning officer), что въ такой день и часы, въ такомъ-то мѣстѣ онъ будетъ принимать заявленія о кандидатурахъ. Заявленіе, которое собственно и есть nomination, дѣлается на бумагѣ, подписанной однимъ лицомъ „предлагающимъ" кандидата, другимъ „поддерживающимъ" его, и еще 10-ю избирателями. Бумаги эти подаются избирательному чиновнику лично самими кандидатами или ихъ поручителями, и присутствовать при этомъ могутъ только лица подписавшіяся на бумагахъ. Затѣмъ, если число кандидатовъ не превосходитъ числа вакансій, то-есть числа членовъ подлежащихъ избранію, то избирательный чиновникъ тотчасъ же объявляетъ избраніе состоявшимся. Если же кандидатовъ болѣе, чѣмъ вакансій, то чиновникъ ограничивается публичнымъ объявленіемъ о кандидатурахъ такихъ-то лицъ, и назначаетъ время и мѣсто для подачи голосовъ. Эти постановленія составляютъ предметъ двухъ первыхъ рубрикъ Форстерова билля.

Но сущность его заключается въ третьей рубрикѣ, опредѣляющей

именно способъ подачи голосовъ, такъ чтобы обезпечить за ней порядокъ, тайну, и правильность. Подача голосовъ происходитъ посредствомъ опусканія избирательныхъ листковъ (ballot-papers) въ избирательной ящикъ (ballot-box). На каждомъ листкѣ или бюллетенѣ, какъ они называются во Франціи, напечатаны въ алфавитномъ порядкѣ имена всѣхъ кандидатовъ и противъ каждаго имени оставленъ пустой квадратъ для отмѣтки тѣхъ именъ, за которыя избиратель подаетъ голосъ. Всѣ эти листки, до выдачи ихъ, клеймятся совершенно одинаково знакомъ, который извѣстенъ впередъ только самому избирательному чиновнику. Тотъ же знакъ не можетъ быть употребленъ во второй разъ ранѣе семи лѣтъ. Такимъ образомъ удостовѣряется подлинность избирательныхъ листковъ. Избиратель является къ мѣсту, гдѣ сидитъ избирательный чиновникъ, получаетъ отъ него заклейменный листокъ и удаляется въ нарочно для того устроенное отдѣленіе барака (booth) и тамъ ставитъ знакъ въ квадратахъ противъ именъ тѣхъ кандидатовъ, которымъ даетъ свой голосъ. Поставивъ такіе кресты, онъ складываетъ свой листокъ такъ, чтобы все на немъ намѣченное было закрыто и только видно было клеймо, удостовѣряющее подлинность листка, и наложенное на оборотѣ листка. Затѣмъ онъ подходитъ къ избирательному ящику — ballot-box, и показавъ чиновнику клеймо, опускаетъ листокъ въ ящикъ, въ присутствіи чиновника. По истеченіи назначеннаго часа, ящики запечатываются, и затѣмъ, печати снимаются съ нихъ неиначе какъ въ присутствіи агентовъ самихъ кандидатовъ, когда и происходитъ счетъ поданныхъ голосовъ. При этомъ счетѣ подлежатъ уничтоженію всѣ листки, на которыхъ написано или отмѣчено что-либо кромѣ креста противъ именъ кандидатовъ. Въ заключеніе, результатъ избранія просто публикуется печатнымъ объявленіемъ, а не провозглашается, какъ нынѣ, съ платформы, посреди натиска толпы съ разныхъ сторонъ, причемъ почти неизбѣжны крики, тріумфальныя процессіи и драки. Это, какъ мы уже сказали—третья, и важнѣйшая рубрика Форстерова билля о ballot.

За нею первая по важности была 18-я рубрика, которая постановляла, что всѣ оффиціальныя издержки при подачѣ голосовъ на выборахъ, какъ устройство бараковъ, наемъ залъ для комитетовъ и проч. должны быть оплачиваемы не изъ собственныхъ средствъ кандидатовъ, а изъ мѣстныхъ сборовъ. Эта статья, правда, не относится къ самой сущности закрытаго голосованія, но включеніе ея въ билль придавало ему двойное значеніе: онъ не только обезпечивалъ независимость избирательнаго отправленія, но въ силу именно этой рубрики, открывалъ доступъ къ представительству людямъ небогатымъ. А это совершенно необходимо для того, чтобы избирательная реформа 1867-го года могла произвесть всѣ свои послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, реформа эта призвала къ участію въ выборахъ рабочее

сословіе, допустивъ къ избирательству хозяевъ квартиръ, т.-е. людей живущихъ на квартирѣ, за которую они платятъ сами, и по этой платѣ вносятъ сами квартирный налогъ. Но для того, чтобы эти householders, могли имѣть представителей въ парламентѣ изъ своего же класса, необходимо, чтобы издержки избранія не падали на кандидатовъ, какъ то происходитъ нынѣ. Нынѣшній порядокъ тѣмъ болѣе подлежитъ отмѣнѣ, что онъ даже не внушаетъ уваженія и древностью; онъ установленъ при реформѣ 1832-го года, реформѣ, которою богатая буржуазія побѣдила аристократію. Это именно буржуазное постановленіе, огражденіе доступа въ парламентъ требованіемъ богатства.

Поэтому понятно, что и нынѣшняя палата менѣе, чѣмъ къ инымъ рубрикамъ Форстерова билля, была расположена именно къ этой, 18-й статьѣ, которая ввела бы въ палату членовъ, не только представляющихъ массу народа, но и лично исходящихъ изъ нея, даже принадлежащихъ къ ней. Вотъ почему, когда Форстеръ и Гладстонъ, утомленные борьбою съ упрямою оппозиціею, уже готовы были отчаяться въ проведеніи билля въ нынѣшнюю сессію, то они, къ сожалѣнію, и допустили исключеніе 18-й рубрики, чтобы облегчить проведеніе всего билля о закрытомъ голосованіи. Это удалось имъ, но билль, вслѣдствіе такой уступки, лишился части своего значенія, хотя справедливо ихъ объясненіе, что вопросъ объ издержкахъ избранія не касается сущности и принципа закрытой подачи голосовъ.

Остальныя подраздѣленія билля направлены къ охраненію правильности подачи голосовъ; въ числѣ ихъ была статья, постановляющая, что всякіе расходы по избранію, которые произведены помимо агента и не включены въ оффиціальный счетъ, признаются незаконными (corrupt); для облегченія проведенія билля, правительство рѣшилось принесть въ жертву эту статью, такъ какъ она можетъ войти въ новый Corrupt-Practices bill, имѣющій, какъ выше сказано, быть представленнымъ въ будущемъ году. Билль Форстера оставилъ безъ измѣненія часы для подачи голосовъ; по существующему правилу голосованіе прекращается въ четыре часа, а такъ какъ это — рабочее время, было бы необходимо назначить срокомъ часъ болѣе поздній. Сэръ Чарльзъ Дилькъ внесъ предложеніе назначить срокомъ восемь часовъ вечера, чтó тѣмъ болѣе естественно, что при закрытомъ голосованіи все избирательное отправленіе будетъ происходить тихо и спокойно, безъ скопленія толпы и демонстрацій. Но поправка эта тоже не прошла въ палатѣ.

Билль Дилька о составленіи выборныхъ списковъ въ городахъ составлялъ дополненіе къ Форстерову биллю о закрытомъ голосованіи. Смыслъ закона, внесеннаго сэръ-Чарльзомъ, состоялъ въ томъ, чтобы составленіе списковъ избирателямъ не оставалось на попеченіи сторонъ, а подлежало особой отвѣтственной власти, а именно должностному

лицу въ каждомъ городѣ, которое называлось бы Registrar, регистраторъ. Этотъ регистраторъ составляетъ списки заблаговременно и обнародываетъ ихъ, такъ что всякъ можетъ отыскать свое имя, и въ случаѣ пропуска его—исправить ошибку. Существующій нынѣ порядокъ, при которомъ списки избирателямъ составляются самими сторонами, имѣлъ смыслъ въ то время, когда самое избраніе означало, что кандидатъ „ищетъ чести" представлять извѣстную мѣстность въ палатѣ, а мѣстность эта соглашается „предоставить ему эту честь". Въ то время логично было и заботу о составленіи списковъ и всѣ хлопоты и расходы оставлять на плечахъ самихъ кандидатовъ, добивавшихся „чести". Сэръ Чарльзъ Дилькъ установляетъ свой билль на принципѣ, соотвѣтствующемъ нашему времени, а именно, что избирательное отправленіе есть обязанность гражданъ передъ страною, а самое избраніе налагаетъ на избраннаго обязанность. Билль Дилька составленъ такъ, чтобы устранить возможность появленія людей на выборахъ подъ именами другихъ, отсутствующихъ или умершихъ (personation). Для этого, избирательные списки въ городахъ составляются по улицамъ и жители сами отмѣчаютъ, кто изъ избирателей состоитъ на лицо къ даннымъ выборамъ, а умершихъ или выбывшихъ изъ мѣстности зачеркиваютъ. Билль Дилька прошелъ второе чтеніе то-есть, одобренъ въ принципѣ, но передъ третьимъ чтеніемъ форстерова билля, Дилькъ отложилъ свой билль до слѣдующей сессіи, по недостатку времени.

Теперь читателю представлено положеніе избирательнаго вопроса въ Англіи, во всѣхъ его подраздѣленіяхъ. Намъ остается прибавить, что билль Форстера о введеніи закрытаго голосованія, и обыкновенно называемый Ballot Bill, оффиціальное названіе носитъ иное, а именно называется the Elections (Parliamentary and Municipal) Bill. Затѣмъ, бросимъ взглядъ на ходъ этого билля въ палатѣ общинъ, что́ и составляло сущность истекшей сессіи.

Министерство недаромъ сдѣлало тѣ пожертвованія, которыя изложены выше. Для того, чтобы Ballot Bill прошелъ, оно не только отбросило нѣсколько несущественныхъ для главнаго принципа его частей, но и еще восемь другихъ законовъ по постороннимъ предметамъ. Такія пожертвованія, а вмѣстѣ упорство министерства провесть билль въ эту сессію, и наконецъ ея необыкновенная продолжительность, все это обусловливалось одно другимъ, и зависѣло главнымъ образомъ отъ тактики, принятой оппозиціею. Провесть Ballot bill въ нынѣшнюю сессію во что бы то ни стало Гладстонъ считалъ своею обязанностью. Въ самомъ дѣлѣ, популярность его, по причинамъ, которыя указаны въ одномъ изъ предшествовавшихъ обозрѣній [1]), уменьшилась въ странѣ. Авторитетъ его въ самой либеральной партіи поколебался

---

[1]) См. Иностр. обозрѣніе за іюль.

вслѣдствіе тѣхъ уступокъ, какія онъ сдѣлалъ торіямъ въ биллѣ объ общественномъ образованіи. Въ особенности тѣ независимые члены либеральнаго большинства, которые сидятъ въ палатѣ дальше отъ стола, за боковымъ проходомъ (below the gangway), почти уже переставали считать Гладстона вождемъ реформаторовъ. Министерское большинство отчасти вслѣдствіе того, отчасти вслѣдствіе иныхъ причинъ, а между прочимъ и нѣкоторой опрометчивости, выказанной въ нынѣшнюю сессію канцлеромъ казначейства Лоу, приходило, такъ-сказать, въ упадокъ. Въ прежнія времена, при отмѣнѣ господствующей церкви въ Ирландіи, оно постоянно выражалось численнымъ перевѣсомъ надъ оппозиціею во 100 и даже 120 голосовъ. Но въ срединѣ нынѣшней сессіи перевѣсъ этотъ оказывался иногда всего въ десяткѣ голосовъ, а иногда и вовсе не оказывался, такъ что министерство претерпѣвало легкія пораженія. Поправить такое положеніе дѣлъ было необходимо, а поправить его всего лучше можно было именно посредствомъ проведенія билля о Ballot, завѣтной мысли радикаловъ.

Ballot bill въ политической программѣ Гладстона стоялъ на первомъ мѣстѣ послѣ закона о землевладѣніи въ Ирландіи, и биллѣ о народномъ образованіи. На этомъ основаніи онъ былъ внесенъ въ нынѣшнюю сессію, и Гладстону представлялось необходимымъ во что бы то ни стало провесть его чрезъ всѣ три чтенія въ нынѣшнюю сессію. Эта цѣль вполнѣ достигнута и то обстоятельство, что билль, въ концѣ концовъ отвергнутъ лордами, нисколько не измѣняетъ положенія Гладстона: онъ достигъ своей цѣли, билль получилъ утвержденіе народнаго мнѣнія, а въ палатѣ общинъ, при обсужденіи его, возстановилось значительное либеральное министерское большинство.

Пренія объ этомъ биллѣ возстановили въ министерской, то-есть либеральной партіи, единство и дисциплину; министерство одерживало побѣды надъ оппозиціею опять большинствами въ около 100 голосовъ. Итакъ, Гладстонъ достигъ своей цѣли и какъ государственный человѣкъ, работающій для развитія учрежденій своей страны, и какъ глава партіи, охраняющій свой авторитетъ.

Оппозиція въ палатѣ общинъ всѣми силами старалась не пропустить этого билля, на которомъ сосредоточивалось значеніе всей сессіи. Тактика, принятая оппозиціею была — затягиванье дѣлъ. Дизраэли, опытный и искусный парламентскій стратигъ, зналъ, что какъ только дѣло дойдетъ до Ballot bill, силы министерства сплотятся и возрастутъ. Поэтому онъ руководилъ оппозиціею еще во время обсужденія билля о преобразованіи арміи (Army-Regulation bill) такимъ образомъ, чтобы для обсужденія Ballot bill не осталось времени. И еслибы онъ достигъ цѣли, то положеніе Гладстона было бы весьма затруднительно. Ослабленный своей неудачной попыткою опереться на часть консерваторовъ, промахами своего министра финансовъ и

нѣсколькими пораженіями, онъ къ концу парламентскихъ работъ предсталъ бы предъ страною съ увеличеннымъ бюджетомъ и съ безплодною въ самомъ дѣлѣ сессіею, не сдержавъ своего обѣщанія провести Ballot, и отказавшись частью отъ своей знаменитой экономіи. Положеніе Гладстона въ такомъ случаѣ, было бы столь не твердо, что даже лорды могли бы низложить его, и очень вѣроятно, что онъ воспользовался бы враждебнымъ рѣшеніемъ палаты пэровъ въ вопросѣ о преобразованіи арміи, чтобы подать въ отставку. Вмѣсто того, сильный своими большинствами въ обсужденіи Ballot, Гладстонъ могъ, какъ извѣстно, рѣшить вопросъ объ отмѣнѣ, покупки офицерскихъ мѣстъ королевскимъ декретомъ и тѣмъ принудилъ лордовъ утвердить законъ.

Когда, наконецъ, военный билль прошелъ въ палатѣ общинъ, былъ уже конецъ іюня и консервативная печать утверждала, что уже невозможно провѣсть Ballot въ эту сессію. Въ засѣданіи 21 іюня только еще начались пренія по вопросу о томъ, чтобы „спикеръ сошелъ со своего мѣста (that the Speaker shall leave the chair)“. Когда спикеръ оставляетъ свое мѣсто, и со стола снимается булава (mass), то это означаетъ, что палата согласилась съ принципомъ обсуждаемаго закона, заключаетъ общія пренія и переходитъ къ обсужденію его примѣненія, то-есть его подробностей, по статьямъ. Когда спикеръ (президентъ) сошелъ съ мѣста, то предполагается, что палата превратилась въ „комитетъ для обсужденія средствъ“. Въ такомъ видѣ палаты измѣняется и самый порядокъ преній. Они принимаютъ характеръ разговоровъ, и каждый членъ можетъ при этомъ говорить по тому же вопросу нѣсколько разъ, что̀ не допускается во время общихъ преній, когда спикеръ занимаетъ свое кресло.

Съ 21 іюня до 8 августа, когда Ballot bill былъ прочтенъ въ третій разъ, палата общинъ посвятила разработкѣ его *семьдесятъ* рѣшеній (divisions). Сессія необыкновенно продолжилась вслѣдствіе именно тактики, принятой оппозиціею, которая произносила нескончаемыя рѣчи и представляла безчисленныя поправки, чтобы не допустить прохода этого билля. Само собою разумѣется, что у оппозиціи не могло хватить новыхъ аргументовъ противъ Ballot на всѣ засѣданія. Она твердила все то же самое: что избирательное право есть исполненіе довѣренности (trust), и что поэтому оно должно быть гласно; что скрытіе голоса есть недостатокъ гражданскаго мужества и поведетъ къ униженію нравственнаго характера страны; наконецъ, что въ Америкѣ, гдѣ существуетъ система закрытой подачи голосовъ, политическіе нравы не чище, чѣмъ въ Англіи, а совсѣмъ наоборотъ. Опроверженіе этихъ аргументовъ не трудно: во-первыхъ, избирательное право нынѣ, при распространеніи его на всѣхъ квартирныхъ хозяевъ уже не есть довѣренность, а приближается именно къ личному праву; во-вторыхъ,

закрытіе голоса именно и имѣетъ цѣлью охраненіе независимости, добросовѣстности при исполненіи этой обязанности, а самая подача голосовъ при системѣ Ballot окружена всѣми тѣми гарантіями гласности, которыя необходимы для правильности ея дѣйствія; въ третьихъ, примѣръ Америки не убѣдителенъ, такъ какъ закрытая подача голосовъ существуетъ во Франціи и другихъ странахъ Европы, и никто не сомнѣвается въ томъ, что она совмѣстна съ честностью; главный же недостатокъ тайной подачи голосовъ въ Америкѣ въ томъ и состоитъ, что она недостаточно тайная, что тайна голосованія въ Америкѣ слишкомъ мало обезпечена тамошнимъ способомъ подачи голосовъ; а въ Англіи нынѣшнимъ проектомъ что обезпечивается вполнѣ. Между тѣмъ, соображенія *въ пользу* охраненія независимости большинства избирателей введеніемъ закрытаго голосованія такъ очевидны и такъ важны, что въ ней не можетъ быть никакого сомнѣнія. Надо замѣтить еще, что тайное голосованіе уже дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ въ Австраліи и другихъ англійскихъ колоніяхъ, и что въ самой Англіи оно существовало въ муниципальныхъ выборахъ съ 1526 года; отмѣнено же оно было въ 1637, Карломъ II. Консерваторы еще возражали противъ Ballot, что со введеніемъ его, Ирландія пришлетъ 40—50 членовъ, принадлежащихъ къ „національной“ партіи. Но это доказываетъ только, что консерваторы сомнѣваются въ искренности ирландской вѣрности, а никакъ не то, что система Ballot'а нехороша.

Въ засѣданіи 29 іюня состоялось рѣшеніе по сущности билля. Дизраэли предсказывалъ въ этомъ засѣданіи, что послѣдствіемъ введенія закрытой подачи голосовъ будетъ паденіе національнаго характера „и разстройство всего государственнаго механизма (dislocation of all the machinery of the State)“. Со стороны оппозиціи представлена была поправка въ смыслѣ отсрочки преній. Но палата большинствомъ 94 голосовъ (324 противъ 230) рѣшила обратиться въ комитетъ для обсужденія билля въ его подробностяхъ. Такимъ образомъ, принципъ билля былъ одобренъ. Принципъ демократіи одержалъ верхъ. Замѣтимъ при этомъ, что за этотъ принципъ подали голоса многіе члены знаменитѣйшихъ фамилій Великобританіи, какъ напримѣръ: маркизъ Лорнъ (сынъ герцога Аргайля и зять королевы), маркизъ Боумонтъ (сынъ герцога Роксбэрга), лордъ Рональдъ Ливсонъ-Гоуръ (братъ герцога Содерленда), лордъ Оттонъ Фитцджерольдъ (сынъ герцога Лейнстера) и т. д. Вообще нельзя сказать, что консервативная партія въ Англіи преимущественно—аристократическая, точно также, какъ нельзя сказать, что англійская буржуазія держится по преимуществу демократизма. Такъ, напр., въ нынѣшней палатѣ общинъ есть семь *Смитовъ*. Изъ нихъ только двое подали голоса за демократическій принципъ. Значительное большинство Смитовъ подали голоса за

консервативное начало (именно 4 противъ 2), 1 Смитъ остался нейтраленъ.

Послѣ этого пораженія, оппозиція всѣми силами стала затягивать ходъ обсужденія. Однѣхъ рубрикъ въ биллѣ было 57; многія изъ нихъ раздѣлены на нѣсколько и даже на десятки статей, о каждой изъ нихъ оппозиція стала произносить длинныя рѣчи и во многимъ предъявлять несчетныя поправки. Тогда Гладстонъ собралъ у себя своихъ приверженцевъ въ частный митингъ, и на немъ было рѣшено, что либеральная партія будетъ отвѣчать оппозиціи—*молчаніемъ*; пусть говорятъ себѣ оппозиціонные ораторы, повторяютъ свои избитые аргументы и убѣждаютъ другъ друга. Либералы рѣшились даже уходить изъ залы засѣданій, но къ подачѣ голосовъ регулярно являться и поражать оппозицію на каждой поправкѣ безъ долгихъ разговоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, при дальнѣйшихъ преніяхъ бывало, что на министерской сторонѣ сидѣли всего три министра на своей передней скамьѣ, позади нихъ три члена, да ниже прохода еще три „независимыхъ" члена.

При всемъ томъ наступила половина іюля, и пора заключить сессію, а Ballot все еще не вышелъ „изъ комитета". Между тѣмъ на очередномъ порядкѣ, за биллемъ о Ballot стояло еще 33 другихъ билля, подлежавшихъ обсужденію. Оппозиція громко хвасталась побѣдою, утверждая, что окончить преній о Ballot въ эту сессію невозможно. Тогда Гладстонъ, въ засѣданіи 17 іюля, объявилъ, что изъ числа биллей, стоящихъ на очереди, правительство отказывается отъ проведенія 8-ми въ эту сессію, и такимъ образомъ облегчилъ программу парламентскихъ занятій. Но съ биллемъ о Ballot онъ упорно, хотя и медленно, шелъ впередъ, причемъ палата засѣдала утромъ и вечеромъ. Къ концу іюля прошла наконецъ вся третья рубрика, которая, какъ выше объяснено, заключаетъ именно сущность билля, т.-е. постановленія о закрытомъ способѣ голосованія. Тогда Форстеръ, увѣренный, что главный принципъ „спасенъ", рѣшился для ускоренія преній, а также и для избѣжанія какого-либо пораженія при дальнѣйшемъ обсужденіи билля, пожертвовать тремя изъ его 57 рубрикъ, опредѣлявшими мѣры противъ разныхъ злоупотребленій. Это исключеніе не было важно, такъ какъ всѣ эти мѣры могутъ войти въ особый Corrupt-Practices bill, о которомъ упомянуто выше. Но важно было то, что Форстеръ просилъ отложить до конца обсужденіе другихъ частей билля, 18-ю рубрику и три слѣдующія за нею. Эти рубрики постановляли именно обращеніе издержекъ по голосованію на мѣстные сборы. Отложивъ ихъ обсужденіе, Форстеръ облегчилъ проходъ остальныхъ, но тѣмъ самымъ сосредоточилъ всю опасность на этихъ, которыя потомъ и были отвергнуты палатою, причемъ вмѣстѣ съ торіями подала голоса и часть министерской партіи. Въ этомъ видѣ, билль въ

засѣданіи 4 августа вышелъ изъ комитета, то-есть разсмотрѣніе его по статьямъ окончилось и онъ поступилъ снова на общее, уже заключительное обсужденіе. Наконецъ, въ засѣданіи 8 числа состоялось третье чтеніе, и билль отправленъ былъ на разсмотрѣніе верхней палаты, гдѣ въ тотъ же день онъ и былъ прочтенъ въ первый разъ.

При третьемъ чтеніи, Дизраэли въ сильной рѣчи напалъ и на сущность билля и на тактику министерства при его проведеніи. Здѣсь произошелъ одинъ изъ тѣхъ поединковъ между Дизраэли и Гладстономъ, въ которыхъ отражается все различіе не только ихъ исходныхъ точекъ, но и самой индивидуальности каждаго изъ нихъ, какъ оратора. Краснорѣчіе Дизраэли есть именно „краснорѣчіе", оно блещетъ красками и остроумными эпитетами, поражаетъ чѣмъ попало и болѣе всего сарказмами. Но у него нѣтъ ни искренности, ни великодушія. Онъ не признаетъ за противникомъ никакого резона, а самъ предъявляетъ, въ числѣ своихъ резоновъ, такія преувеличенія, въ которыя самъ, очевидно, не вѣритъ. Совсѣмъ иное свойство рѣчей Гладстона. Онъ тоже не говоритъ совершенно просто, чисто-дѣловымъ языкомъ; онъ любитъ сравненія и часто прибѣгаетъ къ цитатамъ. Но сила его въ строгой логичности мысли, въ ея трезвости, въ добросовѣстности, съ какою онъ обращается къ противнику и въ особенности—въ томъ несомнѣнномъ убѣжденіи, которымъ запечатлѣны его слова.

Трудно передать въ нѣсколькихъ строкахъ смыслъ двухъ рѣчей, которыя въ мелкой печати занимаютъ четыре огромныхъ столбца. Мы можемъ передать только нить разсужденія въ обѣихъ. Дизраэли повторилъ обычные аргументы противъ закрытаго голосованія и утверждалъ, что, лишая избранія гласности, палата совершитъ шагъ реакціонерный. „Безъ гласности нѣтъ общественной энергіи, а безъ общественной энергіи каждая нація должна пасть (decay)", такъ заключилъ свою рѣчь вождь англійскихъ консерваторовъ. Кромѣ самого принципа, рѣчь его посвящена подробной критикѣ образа дѣйствій министерства. Этому биллю министерство, по его словамъ, принесло въ жертву все остальное, всѣ необходимѣйшія заботы; онъ загромоздилъ и задавилъ собою сессію. Для него министерство отложило мѣры къ охраненію общественнаго здоровья, а это тѣмъ болѣе непростительно, что, по отзывамъ научныхъ авторитетовъ, населеніе въ этой странѣ, подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ недостатковъ, вырождается. Охранить общественное здоровье—вотъ что, въ самомъ дѣлѣ, не терпѣло отлагательства, а введеніе Ballot'а не требовалось настоятельно никѣмъ. Дизраэли сказалъ, что перечитавъ рѣчи, произнесенныя самими либеральными членами палаты передъ ихъ избирателями, и адресы, поданные имъ избирателями, онъ не нашелъ въ огромномъ большинствѣ тѣхъ и другихъ никакого обязательства относительно немедленнаго проведенія Ballot'а. Затѣмъ ораторъ за-

ловался, что въ теченіи преній, министерской сторонѣ палаты было сдѣлано какое-то пиѳагорейское внушеніе, что отъ нея потребованъ былъ обѣтъ молчанія, такъ что ходъ преній представлялъ недостатокъ достоинства, а сверхъ того первый министръ, упорствуя на томъ, чтобы вопреки всякой возможности провесть этотъ биллъ непремѣнно въ настоящей сессіи, позволилъ себѣ даже грозить палатѣ пересмотромъ правилъ, оберегающихъ порядокъ ея разсужденій и работъ. Ораторъ защищалъ палату отъ министерства, и даже самое министерское большинство бралъ подъ свою защиту, утверждая, что ему совсѣмъ напрасно приказано было молчать. „Когда, втеченіи послѣднихъ двухъ недѣль таинственное молчаніе было, наконецъ, прервано,—сказалъ Дизраэли,—то участіе въ преніяхъ почтенныхъ членовъ, сидящихъ на той сторонѣ, оказало самому биллю огромную услугу. Эта перемѣна напоминала анекдотъ изъ „путешествій Мюнхгаузена“, что когда музыкальные инструменты оттаяли, по прошествіи мороза, то они заиграли внезапныя мелодіи (смѣхъ)“. Палата работала въ комитетѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ и готовностью, и главныя исключенія изъ билля сдѣланы по вчинанію членовъ самой министерской партіи. Теперь я спрашиваю, заслуживаетъ ли такое поведеніе палаты осужденій, какимъ она подвергалась, и оговора насъ въ интригахъ (faction). Спрашиваю, правъ ли былъ первый министръ, выставляя на общественное презрѣніе работы нашихъ комитетовъ, также весьма полезныя? Менѣе всѣхъ такой приговоръ надъ нами слѣдовало бы произносить первому министру, такъ какъ онъ не только первый министръ, но и руководитель палаты общинъ. Ему слѣдовало бы быть защитникомъ нашихъ правъ, стражемъ нашихъ интересовъ и нашей чести и если бы даже мы и совершили какую нибудь маленькую нелѣпость (little absurdity), онъ бы долженъ исправлять нашъ промахъ, а не дѣлать намъ выговора. Между тѣмъ, если мы не дѣлаемъ всего, что онъ желаетъ, онъ бранитъ и унижаетъ насъ. Я протестую противъ этого (громкіе клики оппозиціи)“.

Гладстонъ началъ съ того, что отказался „слѣдовать за достопочтеннымъ джентльменомъ въ его начитанности относительно свойствъ пиѳагорейскаго принципа“ (смѣхъ). Предшествующій ораторъ приписалъ внесенію избирательнаго билля всевозможныя бѣдствія. Въ этомъ отношеніи Гладстонъ можетъ выразить жалобу только на нѣкоторую наклонность къ преувеличеніямъ, которая, какъ онъ замѣчаетъ, сдѣлалась почти обычною чертою предшествующаго оратора. Гладстонъ согласенъ съ ораторомъ, что слѣдуетъ заняться санитарными законодательными мѣрами, но увѣреніе, что англійскій народъ клонится къ физическому вырожденію, онъ причисляетъ именно къ преувеличеніямъ. Таблицы смертности свидѣтельствуютъ, что продолжительность средней человѣческой жизни въ Англіи увеличивается. Тѣмъ не менѣе

Гладстонъ согласенъ, что улучшеніе санитарныхъ мѣръ все-таки нужно, и полезность ихъ составляетъ положеніе вполнѣ раціональное, но слишкомъ простое, чтобы оно могло понравиться предшествующему оратору само по себѣ, и независимо отъ избирательнаго билля. Но отвергая преувеличенія, Гладстонъ признаетъ, что нѣкоторыя мѣры, къ сожалѣнію, отсрочились на слишкомъ долгое время и не могли быть обсуждены. Только нельзя винить въ этомъ одинъ билль о Ballot. „Если толпа тѣснитъ васъ на берегу пропасти и наконецъ столкнетъ васъ туда, то вы не можете ставить это въ вину именно тому человѣку, который ближе всѣхъ стоялъ къ вамъ въ толпѣ". Затѣмъ Гладстонъ изложилъ причины, по которымъ билль о Ballot нельзя было откладывать далѣе, и разсказалъ затрудненія, поставленныя ему дѣйствіями оппозиціи, которыя и затормозили весь конецъ сессіи. „Я позволю себѣ выразить предшествующему оратору мое искреннее сожалѣніе о томъ трудѣ, который онъ исполнилъ, взявшись прочесть, какъ онъ говоритъ, всѣ рѣчи, произнесенныя либеральными кандидатами въ средѣ избирателей (смѣхъ). Но достопочтенный джентльменъ могъ достигнуть до убѣжденія путемъ болѣе короткимъ: ему достаточно было бы переговорить съ тѣмъ изъ членовъ его же партіи, который разсказалъ намъ здѣсь, что изъ 2000 новыхъ (вслѣдствіе реформы 1867 г.) избирателей въ Стокпортѣ, одни консерваторы, другіе демократы, либералы, виги и радикалы, что они расходятся по всѣмъ инымъ вопросамъ, но всѣ согласны въ одномъ, именно, что свобода избранія должна быть обезпечена имъ посредствомъ закрытаго голосованія. Достопочтенный джентльменъ умѣетъ очень внушительно распространяться о достоинствѣ этой палаты и о своемъ къ ней уваженіи. Но гдѣ же было его уваженіе къ ней, когда онъ говорилъ намъ о нашихъ „истощенныхъ большинствахъ", которыя будто бы дѣлались все меньше, начиная отъ 80 и доходя до 16, между тѣмъ, какъ большинство палаты постоянно постановляло свои рѣшенія по этому вопросу, а ихъ было болѣе 70—съ такимъ единодушіемъ, какое не имѣю себѣ доселѣ примѣра, даже во время преній объ ирландской церкви". Гладстонъ отказался отвѣчать на разныя личныя на себя нападки, но спросилъ формально Дизраэли, когда именно имъ, Гладстономъ, было произнесено обвиненіе оппозиціи въ интригахъ? „Готовъ ли достопочтенный джентльменъ отвѣчать на этотъ вопросъ, или нѣтъ"? (пауза). Я имѣю право на отвѣтъ. (Опять пауза; потомъ шумное одобреніе либераловъ). Я имѣю право на отвѣтъ (третья пауза). Достопочтенный джентльменъ предпочитаетъ не отвѣчать на мой вопросъ, и становится очевиднымъ, что его увѣреніе не имѣло ни малѣйшаго основанія (громкое одобреніе)". Далѣе Гладстонъ объяснилъ, что точно также онъ никогда и не угрожалъ палатѣ, а только высказалъ мнѣніе, что „втеченіи этой сессіи права и власть палаты были при-

мѣнены до крайнихъ предѣловъ (had been *strained* to a degree without example), и что если такая практика будетъ продолжаться, то окажется неизбѣжнымъ одно изъ двухъ: или эта палата станетъ безсильна исполнять свои обязанности, или должна будетъ допустить зло, конечно, серьезное, но все-таки меньшее, а именно—подвергнуть пересмотру правила, опредѣляющія порядокъ ея разсужденій".

Гладстонъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Послѣ того, какъ мы здѣсь шесть мѣсяцевъ работали безустанно, просиживая въ палатѣ почти каждый день въ недѣлѣ болѣе восьми часовъ, то тотъ оказалъ бы дурную услугу другой отрасли законодательной власти (палатѣ лордовъ), *болѣе насъ счастливой въ легкости своихъ трудовъ*, кто сталъ бы убѣждать ее, что *она* устала, и по усталости не можетъ въ короткое время съ достаточнымъ вниманіемъ разсмотрѣть этотъ билль, котораго такъ несомнѣнно требуетъ большинство народа, и которому, также безъ сомнѣнія, суждено вскорѣ занять мѣсто въ сводѣ уставовъ этой страны".

Роль этого „дурного совѣтника" палаты пэровъ принялъ на себя лордъ Шэфтсбери, извѣстный своей благотворительностью; герцогъ Ричмондъ и маркизъ Сэльсбэри — вожди торіевъ — нарочно поручили такой непопулярный шагъ лорду весьма популярному. По предложенію лорда Шэфтсбэри, который объяснилъ, что не говоритъ ни за билль, ни противъ него, но просто находитъ, что нѣтъ времени обсуждать его теперь какъ слѣдуетъ, верхняя палата въ засѣданіи 10 августа, большинствомъ 97 противъ 48 голосовъ, рѣшила, чтобы „настоящій билль былъ прочтенъ по прошествіи шести мѣсяцовъ", что̀ равносильно отклоненію билля. Прочтя рѣчи маркиза Рипона, графа Гренвилля и лорда канцлера, то-есть министровъ, требовавшихъ, чтобы верхняя палата разсмотрѣла билль, и сравнивъ съ ними рѣчь графа Шэфтсбэри, нельзя не признать, что послѣдняя была убѣдительнѣе министерскихъ. „Палата общинъ—сказалъ, между прочимъ, лордъ Шэфтсбэри—разсматривала этотъ вопросъ втеченіи шести мѣсяцовъ, и два мѣсяца занималась имъ непрерывно, а отъ насъ требуютъ, чтобы мы разсмотрѣли его въ такое же число *дней*. Мы не лакеи, которыхъ держатъ сколько угодно времени въ передней, а потомъ зовутъ и приказываютъ имъ поспѣшно исполнить порученіе". Все это такъ, но все это шло бы къ дѣлу только въ такомъ случаѣ, еслибы въ самомъ дѣлѣ, а не по формѣ только, билль касающійся выборовъ въ палату общинъ, требовалъ со стороны лордовъ разсмотрѣнія столь же тщательнаго, какъ со стороны палаты общинъ, и еслибы рѣшеніе лордовъ по такому дѣлу могло имѣть значеніе не формальное только, но равное значенію рѣшенія палаты общинъ. Между тѣмъ, ничего этого нѣтъ, и въ вопросѣ избирательномъ, больше чѣмъ въ какомъ-либо, рѣшеніе общественнаго мнѣнія, облеченное въ форму билля выборнымъ

представительствомъ страны, есть рѣшеніе *окончательное*. Согласіе лордовъ требуется только формально, въ силу правъ верхней палаты. Поэтому, когда лорды думаютъ затормозить состоявшееся окончательное рѣшеніе, лишая его того своего согласія, которое есть простая формальность, то такимъ дѣйствіемъ они только вызываютъ страну къ пересмотру привилегій верхней палаты. Лорды, просидѣвъ до начала сентября, имѣли бы три недѣли для двухъ чтеній билля, что съ *ихъ* стороны было бы совершенно достаточно, такъ какъ вопросъ въ дѣйствительности рѣшенъ. Но они сдѣлать этого не захотѣли по разнымъ причинамъ. Такіе лорды, какъ Ричмондъ и Сэльсбэри,—потому, что они не хотятъ признать „знаменія временъ", обращающаго авторитетъ верхней палаты въ подобныхъ вопросахъ въ ничтожество; а такіе лорды, какъ тотъ виконтъ и пэръ, который недавно былъ присужденъ къ уплатѣ 10 шиллинговъ за то, что на ипсомскихъ скачкахъ бросалъ въ публику фунтовые мѣшки съ мукою—просто не захотѣли сидѣть до сентября, потому что—the grouse is waiting (тетерева въ лѣсахъ *ждутъ*).

Но это нисколько не измѣняетъ сущности положенія дѣла: концомъ нынѣшней сессіи Гладстонъ, повторяемъ, вполнѣ достигъ своей цѣли и какъ государственный дѣятель и какъ вождь партіи: онъ возстановилъ свой авторитетъ и свое большинство въ палатѣ, и важный вопросъ о новой уступкѣ большинству народа довелъ до того рѣшенія, котораго существо уже неизмѣнно, какъ бы ни измѣнились его подробности, при новомъ обсужденіи избирательнаго билля въ будущей сессіи.

Л. Полонскій.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ КОЛОНІИ.

(Письмо изъ-за границы).

Нынѣшнею осенью открывается подъ Петербургомъ первая русская земледѣльческая колонія для малолѣтнихъ преступниковъ. Такихъ колоній существуетъ, какъ извѣстно, множество и въ Германіи и во Франціи. Но и тѣ и другія едвали могутъ служить образцовыми; первыя потому, что въ нихъ господствуетъ тотъ же суровый педантизмъ, который бросается въ глаза всякому, кто бывалъ въ германскихъ мѣстахъ заключенія, вторыя, не исключая и знаменитаго Меттрэ, оттого, что тамъ преобладаетъ солдатская выправка, въ воспитанникахъ стараются развить честолюбіе и страсть къ отличіямъ, почему они по выходѣ, въ большинствѣ, стремятся въ военную службу.

Швейцарія представляетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе достойнаго подражанія. Она первая, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, показала возможность учрежденій подобнаго рода—въ воспитательныхъ заведеніяхъ Песталоцци. Въ ней самое законодательство вполнѣ примѣнено къ исправленію несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ. Тамъ давно уже признано, что до достиженія полнаго физическаго и умственнаго развитія нѣтъ вмѣненія и не можетъ быть ни преступленія, ни наказанія.

Первая, по времени своего основанія и наиболѣе извѣстная изъ швейцарскихъ колоній,—Бехтеленъ, находится въ Бернскомъ кантонѣ недалеко отъ главнаго города. Пріѣхавъ въ Бернъ, я воспользовался случаемъ побывать и въ Бехтеленѣ, который всегда открытъ всѣмъ желающимъ; для осмотра колоніи не нужно никакого особаго разрѣшенія.

Я выѣхалъ изъ Берна въ 6 часовъ утра. Погода стояла превосходная. Еще солнце не успѣло накалить свѣжаго утренняго воздуха и, миновавъ городскія ворота, украшенныя каменными медвѣдями во всевозможныхъ позахъ, лошади весело бѣжали по гладкой дорогѣ. Сады, дачи, двѣ-три деревни, съ видами на снѣжные бернскіе Альпы, проѣхали мы въ продолженіе часа, когда извощикъ свернулъ съ шоссе вправо, къ довольно большой сельской постройкѣ.

„Это Бехтеленъ!“ сказалъ онъ обратившись комнѣ.

На встрѣчу къ намъ шли молодые работники съ косами на плечахъ и топорами, смѣясь и разговаривая между собою; всѣ они были одѣты въ полотняныя блузы и проходя мимо, привѣтливо, по швейцарскому обычаю, здоровались съ нами.

„Это все воспитанники колоніи“, объяснилъ мнѣ извощикъ.

Я оглянулся назадъ, искалъ глазами какого-нибудь надзирателя, но его тутъ не было. Я смотрѣлъ впередъ, не отсталъ ли онъ отъ воспитанниковъ, но его и впереди нигдѣ не было видно. Тутъ я обратилъ вниманіе на то, что по наружному своему виду постройки Бехтелена ничѣмъ не отличались отъ другихъ сосѣднихъ фермъ: видны были два или три дома, изъ которыхъ одинъ побольше и другіе поменьше, нѣсколько хозяйственныхъ строеній и кругомъ никакого забора, или стѣны; все это окружено низенькимъ плетнемъ, могущимъ остановить развѣ только заблудившуюся корову.

Мы подъѣхали къ большому дому. На крыльцо вышелъ полный, здоровый человѣкъ, лѣтъ 50-ти, съ добродушнымъ лицомъ. Это былъ директоръ Бехтелена—г. Куратли. Я ему отрекомендовался и объяснилъ, почему меня интересовала колонія. Г. Куратли очень любезно обѣщалъ показать въ колоніи все, что̀ можетъ быть для меня интересно, и повелъ въ свой кабинетъ.

Меня поразила необыкновенная простота обстановки этой комнаты:

бѣленыя стѣны съ нѣсколькими на нихъ литографіями, въ числѣ которыхъ была, конечно, и картина, изображавшая Вильгельма Телля, убивающаго стрѣлою Гесснера, простыя сосновыя или березовыя столы и стулья, такой же шкапъ съ книгами,—вотъ и все убранство кабинета директора.

Г. Куратли, очевидно, замѣтилъ это впечатлѣніе и обратившись ко мнѣ сказалъ:

— Прежде всего, для того, чтобы вліять хорошо на воспитанниковъ, нужно, чтобы они не видѣли своихъ воспитателей и директора, окруженными безполезною роскошью. Необходимо, напротивъ того, чтобы жизнь директора и воспитателей немногимъ отличалась отъ той, которую ведутъ они сами. Воспитанники живутъ просто и видятъ, какъ живу я самъ; они работаютъ и мы не сидимъ сложа руки; имъ курить не позволено и во всей колоніи никто не куритъ.

— Къ тому же,—продолжалъ г. Куратли, послѣ небольшой паузы —еслибы я и хотѣлъ, то не имѣю средствъ для того, чтобы жить въ роскоши; на полторы тысячи франковъ, которыя я получаю въ годъ,— лучше жить нельзя.

Во время нашего разговора вошелъ инспекторъ, или, какъ его называютъ, помощникъ директора, одѣтый, какъ и онъ, въ простой нанковый сюртукъ. Мы познакомились и отправились вдвоемъ осматривать колонію.

— Скажите пожалуйста, спросилъ я по дорогѣ, здѣсь, повидимому, не принимается никакихъ мѣръ для предупрежденія побѣга воспитанниковъ изъ колоніи.

— Да зачѣмъ же и куда имъ бѣжать?

— Мнѣ кажется однако, что испорченнымъ дѣтямъ съ самаго начала ихъ поступленія сюда не можетъ нравиться такая правильная и трудовая жизнь, какую они должны вести здѣсь.

— Положимъ, что и такъ, но куда же они отсюда убѣгутъ? Они знаютъ, что куда бы они ни ушли, ихъ поймаютъ и возвратятъ сюда; ни одна окрестная община не станетъ ихъ скрывать. Конечно, мальчику, привыкшему къ бродяжничеству, не легко сразу покориться новому для него порядку, но мы стараемся, по возможности, облегчить ему это переходное время. Это большею частью и удается, но, конечно, не всегда. Еще недавно одинъ мальчикъ, попавшій въ колонію по приговору суда, два раза убѣгалъ; въ первый разъ его назадъ привели его родители, а во второй разъ мы настояли, чтобы онъ былъ приведенъ полиціею. Этотъ стыдъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ больше и не покушался уходить.

— А употребляются въ заведеніи какія-нибудь наказанія воспитанниковъ?

— Нѣтъ; наказаній тѣлесныхъ, т.-е. розогъ, точно также, какъ и

заключенія въ карцеръ — у насъ не допускается. Вѣдь нужно дѣтей воспитывать а не дрессировать. Man soll die Kinder erziehen, nicht dressiren. Къ тому же, какъ вы могли замѣтить, у насъ не дѣлается никакого различія между воспитанниками, попавшими въ заведеніе вмѣсто наказанія по приговору суда, и между бѣдными и сиротами. Всѣ дѣти равны.

— Но какже вы поступаете съ тѣми, кто не поддается никакимъ педагогическимъ пріемамъ къ исправленію?

— Испробовавши всѣ способы къ исправленію и продержавъ его лишнихъ годъ или два въ колоніи, мы исключаемъ ихъ и они по большей части уѣзжаютъ заграницу, поступали прежде въ папскую армію, или наконецъ переселяются въ Америку.—Тутъ мы подошли къ дому, возлѣ котораго сидѣла на землѣ кучка воспитанниковъ, разбиравшихъ испорченный картофель; не сгнившія картофелины они отбирали для кормленія свиней, а остальныя отбрасывали на удобреніе. Изъ отворенной двери подвала, откуда очевидно выносился картофель и далеко кругомъ около работавшихъ, стояла отвратительная вонь, такъ что нельзя было выдержать не зажавши носъ платкомъ.

— Вотъ одна семья съ учителемъ, сказалъ инспекторъ, поздоровавшись съ воспитанниками, занятая довольно тяжкой и грязной работой. Если хотите, эта работа даже и не совсѣмъ здоровая, потому что не можетъ быть полезно сидѣть въ вонючей и гнилой атмосферѣ; но такой работой занимаются не долго и къ тому же вѣдь нужно пріучаться къ занятіямъ, хотя и тяжелымъ, но необходимымъ въ крестьянскомъ быту. При этомъ, какъ видите, учитель работаетъ точно также, какъ и воспитанники. И это у насъ соблюдается во всемъ: воспитанники, живущіе въ колоніи, раздѣляются на семьи, каждая изъ 12-ти человѣкъ, различнаго возраста, способностей и наклонностей, но могущихъ имѣть другъ на друга, въ томъ или другомъ отношеніи, полезное вліяніе; во главѣ каждой семьи стоитъ учитель, или надзиратель, обязанный жить и работать вмѣстѣ съ воспитанниками. Войдемте теперь въ домъ.

Мы вошли въ довольно большое строеніе въ три этажа, изъ которыхъ въ каждомъ были расположены спальни и рабочія комнаты. Въ спальнѣ стояли деревянныя кровати, отдѣленная одна отъ другой табуретами, съ опрятными постелями, состоящими изъ соломеннаго матраца, покрытаго грубой простыней, подушки и шерстяного одѣяла. Кровати учителей, по одной и по двѣ въ спальнѣ, ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Рабочія комнаты, гдѣ за простыми деревянными столами воспитанники учатся зимою и ѣдятъ — также совершенно просты и почти бѣдны. На выбѣленныхъ стѣнахъ виситъ нѣсколько географическихъ картъ, нѣсколько рисунковъ изъ животнаго и растительнаго царства, нѣсколько литографій религіознаго и

историческаго содержанія. Ничего подобнаго тому, что́ можно видѣть въ Меттрэ, гдѣ на стѣнахъ пріемной залы развѣшаны разукрашенные портреты зуавовъ и кавалеровъ ордена почетнаго легіона, изъ бывшихъ воспитанниковъ заведенія, — здѣсь не было.

При спальняхъ нѣтъ особой умывальни и нѣтъ даже умывальниковъ; воспитанники и лѣтомъ и зимою умываются на дворѣ, и кромѣ того лѣтомъ купаются въ прудѣ. Прудъ этотъ не манилъ, впрочемъ, къ купанью въ то время, когда мы его видѣли, своею чистотою; онъ не великъ и, по случаю лѣтнихъ жаровъ, вода изъ него выпускалась и замѣнялась новою—рѣдко, такъ что имѣла видъ стоячей и притомъ довольно грязной. Это не то, что въ Англіи, гдѣ при нѣкоторыхъ заведеніяхъ, подобныхъ Бехтелену, устроены цѣлые искусственные бассейны, въ которыхъ можно купаться и зимою и лѣтомъ.

Осмотрѣвъ домъ, мы пошли на скотный дворъ; тутъ не было той педантической чистоты, какую можно найти на нѣкоторыхъ голландскихъ фермахъ; коровьи хвосты висѣли на своихъ мѣстахъ, а не на гвоздикахъ у потолка, какъ это дѣлаютъ въ Голландіи, ради излишней опрятности; но все было въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ содержится скотъ въ хорошемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, гдѣ все дѣлается не на показъ, а ради дѣйствительной пользы и выгоды. Инспекторъ съ видимымъ удовольствіемъ показывалъ мнѣ здоровыхъ и сытыхъ коровъ, молокомъ которыхъ воспитанники пользуются впрочемъ не много, такъ какъ значительная его часть отправляется въ городъ для продажи. Рядомъ съ коровникомъ помѣщается свиной хлѣвъ; мой спутникъ отворилъ дверь и нѣсколько крупныхъ свиней опрометью выбѣжали въ маленькую загородку, гдѣ наложенъ былъ въ корыто кормъ. Одна изъ выбѣжавшихъ свиней обратила на себя мое вниманіе тѣмъ, что на правомъ боку ея былъ наложенъ большой кусокъ пластыря, а лѣвый былъ обвязанъ тряпкою.

— Отчего это? спросилъ я. Вѣроятно свинья больна?

— Да, у нея былъ нарывъ на одномъ боку и теперь сдѣлался на другомъ.

— Неужели-же она пойдетъ на ѣду?

— Конечно. Вѣдь мы не такъ богаты, чтобы прихотничать. Мясо не повреждено и когда свинья поправится,—мы ее зарѣжемъ и съѣдимъ.

Я не могъ удержаться, чтобы не сказать, что такая бережливость едва ли не превосходитъ границъ благоразумія, потому что животное даже и съ наружной болѣзнью, конечно, не можетъ считаться здоровымъ, такъ какъ у него кровь испорчена. Но инспекторъ никакъ съ этимъ не соглашался, говоря, что ни одинъ благоразумный крестьянинъ не броситъ цѣлое здоровое животное потому только, что у него наружная болѣзнь, отъ которой его можно вылечить.

— А это что такое? спросилъ я, когда мы шли назадъ по двору.

мимо какихъ-то, странной постройки, небольшихъ припертыхъ колышками и запертыхъ замками, закутокъ и сарайчиковъ, изъ которыхъ высовывались въ щели маленькія здоровыя мордочки.

— Это кролики и морскія свинки воспитанниковъ. Вотъ видите ли: мы считаемъ очень полезнымъ, чтобы воспитанники имѣли своихъ собственныхъ кроликовъ или морскихъ свинокъ, за которыми они ходятъ и устроиваютъ имъ сами помѣщеніе. Такимъ образомъ, эти маленькія животныя составляютъ собственность воспитанниковъ, доставляютъ имъ удовольствіе и развлеченіе и наконецъ удовлетворяютъ нравственной потребности каждаго — кого-нибудь любить и о комъ-нибудь заботиться. Съ этою же цѣлью воспитанники имѣютъ гряды, на которыхъ они разводятъ цвѣты и овощи и, занимаясь этимъ въ часы досуга, могутъ продавать въ свою пользу произведенія своего огородничества и садоводства.

Я открылъ осторожно одну изъ конурокъ и увидѣлъ въ ней штукъ пять большихъ и маленькихъ кроликовъ, очевидно прирученныхъ, потому что они вовсе насъ не дичились.

— Вотъ, какъ видно, ихъ не забылъ хозяинъ, уходя сегодно рано утромъ на работу, замѣтилъ инспекторъ, показывая на кучу салата и капусты въ уголку конуры.

— Гдѣ ваши мастерскія, спросилъ я.

— Мастерскія наши очень плохи, хотя онѣ намъ и нужны, потому что большинство воспитанниковъ, по выходѣ изъ заведенія, дѣлаются ремесленниками и для этого имъ приходится учиться ремеслу почти сначала.

— Развѣ они не охотно занимаются земледѣліемъ?

— Нѣтъ, этого сказать нельзя. Къ тому же мы обращаемъ все вниманіе на земледѣліе, потому что оно необходимо съ точки зрѣнія педагогической; оно пріучаетъ молодой организмъ къ тяжелому труду, развиваетъ физическія силы, упражняетъ умъ и поселяетъ въ дѣтяхъ религіозное чувство. Поступающіе сюда дѣти обыкновенно безпорядочны, нетерпеливы и лѣнивы, а обработка земли прежде всего требуетъ порядка и труда, отъучаетъ отъ разсѣянности и учитъ ожидать плодовъ съ терпѣніемъ. При этомъ природа постоянно напоминаетъ имъ о Распорядителѣ міра, отъ котораго зависитъ въ земледѣліи удача и неудача, живительный дождь и губительная засуха. Большинство воспитанниковъ очень скоро дѣлаются порядочными земледѣльцами. Но вѣдь у насъ, въ Швейцаріи, земли мало, а свободной и совсѣмъ нѣтъ. Поэтому, выходя изъ колоніи, воспитаннику пришлось бы идти въ работники и всю жизнь оставаться батракомъ безъ всякой надежды на самостоятельное хозяйство. Оттого-то, ища себѣ самостоятельности, они предпочитаютъ идти въ ремесленники. Другое дѣло у васъ, въ

Россіи, гдѣ земли много, гдѣ, сомнѣнія нѣтъ, что заниматься земледѣліемъ и легко и выгодно. Я думаю, что въ вашей богатой странѣ земледѣльческія колоніи могутъ пойти отлично, особенно при содѣйствіи правительства, если, какъ видите, это дѣло пошло очень хорошо у насъ, безъ всякой правительственной поддержки при помощи одной частной благотворительности.

Вотъ коротко исторія Бехтелена. Начало колоніи относится къ 1835-му году. Осенью этого года, въ собраніи швейцарскаго благотворительнаго общества президентъ Целльвегеръ указалъ на то, что республиканская Швейцарія далеко отстала отъ другихъ странъ въ учрежденіи воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей; что въ то время, когда въ Вюртембергѣ, по иниціативѣ королевы, учреждено уже 18 школъ для бродягъ, когда подобныя заведенія открываются въ другихъ мѣстахъ Германіи и въ Сѣверной Америкѣ,—въ свободной Швейцаріи малолѣтные преступники и бродяги лишены средствъ къ исправленію. Призывая, затѣмъ, всѣхъ благомыслящихъ людей къ содѣйствію въ учрежденіи подобныхъ заведеній въ Швейцаріи, Целльвегеръ обратилъ вниманіе на то, что въ этомъ дѣлѣ весь успѣхъ зависитъ не столько отъ устройства самихъ воспитательныхъ заведеній, сколько отъ личныхъ качествъ людей, которымъ эти заведенія съ самаго начала будутъ ввѣрены. Заявленіе Целльвегера вызвало общее вниманіе и, согласно его предложенію и подъ его предсѣдательствомъ, образована была коммиссія для разработки вопроса объ устройствѣ подобныхъ воспитательныхъ заведеній и о томъ, какимъ образомъ приготовить для нихъ учителей. Озабочиваясь преимущественно послѣднимъ и отыскивая подходящихъ людей, которымъ можно было бы ввѣрить новое дѣло, Целльвегеръ очень обрадовался узнавъ, что въ учительскую семинарію, въ Крейцлингенѣ, поступилъ молодой человѣкъ, г. Куратли, съ цѣлью, по окончаніи курса, посвятить себя воспитанію бѣдныхъ дѣтей, и тотчасъ же съ нимъ познакомился. Увидѣвши способности и стремленія Куратли, Целльвегеръ предложилъ ему взять на себя веденіе будущаго воспитательнаго заведенія, и получивъ согласіе, вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Германію, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ существовавшими тамъ заведеніями подобнаго рода. Послѣ этой поѣздки Целльвегеръ сталъ собирать пожертвованія, на которыя должна была устроиться земледѣльческая колонія. „Заведеніе это", говорилось въ приглашеніи принять участіе въ добромъ дѣлѣ, „назначается для дѣтей, которыя въ возрастѣ невмѣняемости совершили проступокъ, подвергавшій ихъ карѣ

закона, а также для тѣхъ дѣтей, которыя, вслѣдствіе дурного воспитанія или дурныхъ наклонностей, обнаруживаютъ влеченіе къ пороку. Такимъ дѣтямъ ни школа, ни домашнее воспитаніе не дадутъ нужнаго. Для ихъ исправленія необходимы особыя условія: они должны быть удалены отъ всякихъ дурныхъ вліяній и, подъ здравой дисциплиной и любящимъ присмотромъ, привыкнуть къ труду. Въ особомъ для нихъ учреждаемомъ заведеніи, дѣти получатъ элементарное образованіе и будутъ заниматься домашнимъ и сельскимъ хозяйствомъ и разными ремеслами для того, чтобы имѣть въ будущемъ средства къ пропитанію". Рѣшено было открыть первую колонію въ Бехтеленѣ, возлѣ Берна, потому что это мѣсто представляло всѣ выгоды близости къ городу и въ то же время всѣ удобства деревенской жизни. Сначала взято было въ аренду самое незначительное количество земли съ домомъ и тремя небольшими старыми постройками. Сюда-то и переѣхалъ Куратли въ 1840-мъ году съ помощникомъ и экономкой.

Сначала пожертвованія шли туго, потому что мало кто вѣрилъ въ успѣхъ дѣла, которое считали почти неисполнимымъ. Набралось всего 10,000 франковъ, которыми нельзя было ни исправить полуразвалившихся построекъ, ни удобрить истощенную землю, ни обзавестись даже рабочимъ скотомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ одной коровы. Несмотря однако на это, Куратли принялъ въ заведеніе въ теченіе года, съ апрѣля 1840-го до іюня 1841-го года, 12 воспитанниковъ; этому постепенному поступленію воспитанниковъ впослѣдствіи и приписывался успѣхъ всего дѣла.

Поступившіе 12 мальчиковъ были, по большей части, весьма испорченныя дѣти и, по всей вѣроятности, подверглись бы наказанію, еслибы не были отъ него избавлены благодаря своему возрасту; они были присланы родителями или общинами изъ шести различныхъ швейцарскихъ кантоновъ, восточныхъ и западныхъ, и такимъ образомъ сразу были удалены отъ всякаго вліянія, передъ тѣмъ пагубно на нихъ дѣйствовавшаго.

Въ первое время было трудно ладить съ воспитанниками, и управленіе колоніи рѣшилось даже прибѣгнуть, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, къ тѣлесному наказанію ради поддержанія авторитета своей власти. Но уже не далѣе, какъ черезъ годъ пришлось отказаться отъ такого негоднаго и развращающаго средства; воспитанники привыкли постепенно къ новой жизни, въ которой человѣческое обращеніе дѣйствовало на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ розги и побои, испытанные ими вдоволь и до поступленія въ колонію.

Эти 12 мальчиковъ образовали первую *семью*, ввѣренную одному воспитателю; тринадцатый воспитанникъ уже долженъ былъ вступить въ новую семью, которая точно также, состоя изъ двѣнадцати маль-

чиковъ, ввѣрялась другому воспитателю. Такое раздѣленіе на семейства имѣетъ значеніе только въ обыденной жизни въ колоніи и при полевыхъ работахъ; что же касается до ученья, то воспитанники раздѣляются на классы сообразно способностямъ и познаніямъ. Первая семья состояла преимущественно изъ дѣтей протестантскаго исповѣданія и только немногіе были исповѣданія римско-католическаго, почему, для преподаванія закона Божія заведеніе посѣщали протестантскій пасторъ и католическій священникъ. При образованіи второй семьи, въ которую поступали дѣти какъ изъ французскихъ, такъ и изъ нѣмецкихъ кантоновъ, пришлось обратить серьезное вниманіе на различіе вѣроисповѣданія питомцевъ, такъ какъ при воспитаніи, въ основу котораго старались поселить религіозное чувство, всякое колебаніе между тѣми и другими началами исповѣданія могло породить индифферентизмъ и сомнѣнія, въ устраненіи которыхъ католическій священникъ и протестантскій пасторъ, при всемъ ихъ стараніи, не могли дѣйствовать согласно. Чтобы избѣжать этого затрудненія, хотѣли было образовать особую семью изъ католиковъ, но при наплывѣ воспитанниковъ этого исповѣданія признали за лучшее открыть для нихъ особое заведеніе, и такимъ образомъ положено было основаніе католическому Бехтелену на Зонненбергѣ.

Съ каждымъ годомъ число воспитанниковъ, поступавшихъ въ Бехтеленъ, увеличивалось и послѣ первыхъ пяти лѣтъ, когда репутація заведенія вполнѣ установилась, управленіе колоніи нашло нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры, указанныя опытомъ. Такимъ образомъ было признано, что 15-ти-лѣтніе воспитанники, поступавшіе сначала въ колонію, представляютъ значительныя неудобства къ исправленію и потому было рѣшено принимать въ заведеніе дѣтей только меньшаго возраста. Затѣмъ управленіе колоніи отказалось принимать поджигателей, подвергавшихъ опасности самое заведеніе, и дѣтей-бродягъ, не подающихъ надежды свыкнуться съ правильною жизнью; наконецъ, было рѣшено всѣхъ вновь поступающихъ дѣтей соединять въ особыя семьи, — приготовительные отдѣлы, до тѣхъ поръ, пока они не обнаружатъ стремленія къ исправленію.

Видя хорошіе результаты первой колоніи; правительство Бернскаго кантона рѣшилось основать колонію на счетъ казны, и съ этою цѣлью оно помѣстило на два года въ Бехтеленъ, подъ руководство Курата, будущихъ учителей правительственной колоніи; тоже самое дѣлали и частныя благотворительныя общества, открывавшія новыя колоніи въ разныхъ мѣстахъ Швейцаріи. Такимъ образомъ, спросъ на учителей, которые посвятили бы себя воспитанію дѣтей въ колоніяхъ, постепенно возрасталъ и это повело къ тому, что съ 1862-го года въ Бехтеленѣ были устроены правильные курсы для приготовленія такихъ учителей

Курсъ продолжается четыре года; сначала число учащихся въ нихъ было ограничено двѣнадцатью, но постепенно дошло до тридцати.

Въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія колоніи въ Бехтеленѣ на нее собрано пожертвованій въ разныхъ кантонахъ 221,747 франковъ и отказано по завѣщанію 90,760 франковъ, такъ что всего около 80,000 рублей; ежегодный же расходъ по содержанію всей колоніи составлялъ, въ послѣдніе годы, около 20,000 франк. Несмотря на незначительность собранныхъ пожертвованій, колонія постепенно пріобрѣла въ собственность 80 югартовъ (югартъ равняется 0,32952 или проще $^1/_3$ десятины) пахатной земли съ 4 домами, хозяйственными постройками и рабочимъ скотомъ въ числѣ 30 коровъ и нѣсколькихъ лошадей.

Въ теченіе этого времени всего перебывало въ колоніи 214 воспитанниковъ, изъ которыхъ три четверти исправились.

Порядокъ жизни въ колоніи слѣдующій: въ 5 часовъ утра, а во время спѣшныхъ лѣтнихъ работъ и раньше, раздается звонокъ для вставанья; съ $^1/_2$ 6-го до $^1/_2$ 7-го часа — молитва и уборка комнатъ; потомъ завтракъ и работы въ полѣ, а когда работъ нѣтъ, то повтореніе уроковъ; въ 11 часовъ обѣдъ и затѣмъ опять полевыя работы, прерываемыя полдникомъ; $^1/_2$ 8-го—ужинъ, и день оканчивается общей молитвой и пѣніемъ. Пища воспитанниковъ довольно питательная, но самая простая; она состоитъ изъ хлѣба, похлёбки, овощей, молока и сыра, и два раза въ недѣлю дается мясо. Зимою встаютъ получасомъ позже и вмѣсто полевыхъ работъ учатся въ классахъ. По воскресеньямъ круглый годъ бываетъ богослуженіе и проповѣдь, послѣ обѣда—чтеніе, пѣніе и рисованіе, а въ хорошую погоду—большая прогулка, вечеромъ—хоровое пѣніе пѣсенъ, если можно, на открытомъ воздухѣ. Изъ праздниковъ, кромѣ воскресенья, празднуется еще 12-е февраля, день основанія колоніи, сѣнокосъ и жатва. Каждое лѣто, отдѣльными семьями или вмѣстѣ совершается экскурсія или большая прогулка по Бернскому Оберланду; въ день экзамена въ колоніи собираются всѣ лица, сочувствующія и помогающія заведенію, также какъ и на Рождество, когда ими устроивается ёлка съ подарками.

Кругъ даваемаго воспитанникамъ элементарнаго образованія соотвѣтствуетъ тому, что преподается въ начальной школѣ, и обнимаетъ слѣдующіе предметы: чтеніе и письмо, ариѳметику, линейное черченіе, пѣніе, элементарныя понятія о грамматикѣ и геометріи, объясненіе ежедневныхъ и обыкновенныхъ явленій природы и ея главныхъ произведеній. Въ большей половинѣ года (въ теченіе семи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ) на это обученіе посвящается ежедневно 1—2 часа, а зимою отъ 4 до 5 часовъ. Общее число часовъ, посвящаемыхъ всякаго рода занятіямъ—10 часовъ лѣтомъ и 8 зимою.

Учительское отдѣленіе работаетъ въ іюлѣ отдѣльной семьей и въ немъ уроки лѣтомъ не прекращаются.

Наставники или воспитатели, получающіе въ годъ 400 и 500 фр. жалованья, участвуютъ во всѣхъ, даже самыхъ черныхъ работахъ, получаютъ туже пищу и почти не отличаются отъ учениковъ въ одеждѣ; имъ запрещено куреніе, посѣщеніе трактировъ и всякая игра въ карты или кости. На директорѣ лежитъ завѣдываніе хозяйствомъ домашнимъ и полевымъ, отчетность, надзоръ за воспитаніемъ, обученіемъ дѣтей и распредѣленіемъ работъ и занятій, а также и преподаваніе закона Божія.

Ближайшій надзоръ надъ управленіемъ колоній, пріемъ и выпускъ воспитанниковъ изъ колоній и учительскихъ курсовъ, а также приглашеніе учителей и наставниковъ и назначеніе имъ содержанія принадлежитъ особому комитету, состоящему изъ восьми лицъ, живущихъ близъ колоніи. Въ этомъ комитетѣ состоятъ членами директоръ колоніи, протестантскій пасторъ и врачъ. Распоряжаясь всѣмъ, что касается колоніи въ предѣлахъ устава, этотъ, такъ-называемый, тѣсный комитетъ представляетъ постоянно отчеты и предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ и веденіи самаго заведенія — въ главный комитетъ швейцарскаго благотворительнаго общества. Этотъ послѣдній комитетъ состоитъ изъ тринадцати лицъ, жителей различныхъ кантоновъ, принимающихъ денежное участіе въ содержаніи колоніи.

Правила для пріема въ бехтеленскую земледѣльческую колонію слѣдующія: поступающій долженъ быть швейцарскимъ подданнымъ, сиротою или безпріютнымъ, реформатскаго исповѣданія, не моложе 6-ти и не старше 13-ти лѣтъ; только въ исключительныхъ случаяхъ принимаются старше; бродяги и поджигатели не принимаются вовсе; каждый поступающій въ колонію долженъ принести съ собою двѣ перемѣны платья и бѣлья и двѣ пары башмаковъ; впослѣдствіи онъ получаетъ платье, обувь и бѣлье отъ заведенія; за каждаго воспитанника берется плата по уговору съ его родственниками, или съ общиной, отдающихъ его въ колонію. Наименьшій размѣръ этой платы 72 франка въ полгода. Воспитанники въ колоніи остаются до конфирмаціи, которая обыкновенно совершается не ранѣе 16-ти лѣтъ; но къ конфирмаціи въ колоніи допускаются только тѣ, которые признаются достойными ея, т.-е. нравственно исправившіеся; такимъ образомъ время пребыванія мальчика въ колоніи зависитъ отъ директора.

До конфирмаціи воспитанники не выпускаются изъ колоніи, кромѣ тѣхъ, которые признаются неисправимыми и которые исключаются изъ заведенія.

Педагогическіе курсы, приготовляющіе учителей для бѣдныхъ, открытые при земледѣльческой колоніи въ Бехтеленѣ, обнимаютъ все

практическую и теоретическую часть этой дѣятельности. Курсы раздѣляются на два отдѣла — приготовительный и образовательный; въ каждомъ изъ нихъ учащіеся остаются по два года. Въ приготовительный отдѣлъ принимаются мальчики не моложе 15-ти лѣтъ, выдержавшіе экзаменъ по всѣмъ предметамъ элементарной школы; прежде окончательнаго ихъ пріема они обязаны пробыть два мѣсяца на испытаніи.

Въ приготовительномъ отдѣлѣ преподаются: законъ божій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, геометрія, естествознаніе, географія, исторія, рисованіе и пѣніе. Послѣ конфирмаціи воспитанники переходятъ во второй отдѣлъ, если признаются правленіемъ способными къ дальнѣйшему продолженію учительскихъ курсовъ. Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ дальнѣйшаго изученія тѣхъ же предметовъ, которые преподаются въ первомъ, и къ которымъ прибавляется педагогика и игра на фортепьяно и органѣ,—обращается преимущественное вниманіе на практическое приготовленіе будущихъ учителей къ ихъ дѣятельности; съ этою цѣлью они занимаются полевыми и сельскими работами съ воспитанниками земледѣльческой колоніи и преподаютъ имъ нѣкоторые предметы. Въ каждомъ изъ отдѣловъ педагогическихъ курсовъ число учащихся не превышаетъ двѣнадцати; за каждаго изъ нихъ платится по 100 франковъ въ годъ.

Ознакомившись, насколько позволяло время, съ Бехтеленомъ и его обитателями, мнѣ очень интересно было сравнить эту частную колонію съ какой-либо изъ колоній казенныхъ, т.-е. учрежденныхъ и содержимыхъ правительствомъ кантона. Съ этою цѣлью я проѣхалъ въ Ландорфъ, лежащій въ часовомъ переѣздѣ отъ Бехтелена. Точно также и здѣсь меня очень любезно встрѣтилъ директоръ, г. Ледерманъ, почтенный человѣкъ, педагогъ до мозга костей, хотя и обладающій довольно рѣзкими манерами. Мое знакомство съ нимъ было довольно оригинально. Я его засталъ на дворѣ и отрекомендовался ему русскимъ туристомъ, желающимъ ознакомиться съ устройствомъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ.

— Въ такомъ случаѣ вы ошиблись, отвѣтилъ мнѣ Ледерманъ. Здѣсь нѣтъ малолѣтнихъ преступниковъ.

— Какъ нѣтъ? спросилъ я. Мнѣ сказали, что у васъ воспитываются сироты и испорченныя дѣти.

— Да,—это другое дѣло. Но малолѣтнихъ преступниковъ не только здѣсь, въ Ландорфѣ, но и во всей Швейцаріи нѣтъ, потому что здѣсь, давнымъ давно, слава Богу, додумались до такой простой истины, что преступниковъ малолѣтнихъ быть не можетъ, а могутъ быть только

требующія исправленія испорченныя дѣти, которыя совершили дѣйствія, закономъ запрещенныя.

— Виноватъ, я не такъ выразился; но я преимущественно интересуюсь дѣтьми, поступающими въ колоніи по приговору суда потому, что такія колоніи устроиваются теперь и у нась, въ Россіи.

— Ну, это хорошо, хотя и слѣдовало бы приняться за это давно. Да не мѣшало бы вамъ, для Россіи, позаимствовать изъ Швейцаріи кое-что и другое, кромѣ земледѣльческихъ колоній, кое-что еще болѣе полезное и важное. Ну, да это придетъ въ свое время. Вамъ, русскимъ, право выгодно: вы заимствуете себѣ отъ другихъ народовъ, побольше живщихъ, то, что́ они выработывали себѣ пóтомъ и кровью, и даромъ пользуетесь плодами чужихъ трудовъ.... Однако пойдемте ко мнѣ въ комнату, здѣсь слишкомъ жарко бесѣдовать.

Я пошелъ за Ледерманомъ въ его кабинетъ, съ такой же обстановкой, какъ и кабинетъ Куратли, если еще не бѣднѣе. Оставивъ меня одного, Ледерманъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ и принесъ съ собою бутылку краснаго вина и бѣлый хлѣбъ.

— Вотъ такъ-то́ будетъ лучше, замѣтилъ онъ, наливая вино въ стаканы. Теперь спрашивайте меня обо всемъ, что́ вы желаете отъ меня узнать, а потомъ я, въ свою очередь, дополню то, что́ вы забудете меня спросить.

Изъ этой бесѣды, а также изъ личнаго потомъ осмотра колоніи, я убѣдился, что ея устройство, способъ веденія и содержанія воспитанниковъ почти тождественны съ тѣмъ, что́ существуетъ въ Бехтеленѣ. Несмотря на то, что Ландорфъ—колонія правительственная, въ ней нѣтъ безплатныхъ воспитанниковъ и точно также за бездомныхъ и сиротъ платитъ община. Отношенія директора и воспитателей къ воспитанникамъ въ Ландорфѣ мнѣ показались еще проще, интимнѣе, чѣмъ въ Бехтеленѣ. Число воспитанниковъ въ Ландорфѣ, какъ и во всѣхъ швейцарскихъ колоніяхъ, не велико — всего около сорока. Содержаніе, получаемое директоромъ и воспитателями здѣсь еще скуднѣе; такъ, директорское жалованье составляетъ всего 1,200 франковъ въ годъ. Но самъ Ледерманъ находитъ его совершенно достаточнымъ „въ республикѣ, гдѣ нѣтъ пенсій и синекуръ и гдѣ президентъ федеральнаго совѣта, т.-е. верховнаго государственнаго учрежденія, получаетъ всего 8 тысячъ франковъ въ годъ“.

Разставшись съ г. Ледерманомъ, на обратномъ пути въ городъ, я успѣлъ еще заѣхать въ небольшую колонію для дѣвочекъ — „Викторія“, лежащую близь Бехтелена. Эта колонія основана въ 1859-мъ году на капиталъ, пожертвованный съ этою цѣлью бернскимъ купцомъ Я. Шнелли. Значительность этого капитала, увеличеннаго мелкими пожертвованіями, дала возможность съ самаго начала устроить заве-

деніе довольно обширное въ особыхъ, приспособленныхъ къ тому и вновь выстроенныхъ зданіяхъ. „Викторія“ имѣетъ у себя до 100 воспитанницъ, помѣщенныхъ въ двухъ или трехъ очень красивыхъ домахъ, гдѣ воспитывающіяся дѣвочки пользуются всѣми удобствами, которыхъ и помину нѣтъ въ Бехтеленѣ и Ландорфѣ. Но ни внѣшняя красота построекъ, ни внутреннее удобство жилыхъ помѣщеній не могутъ замѣнить той простоты и задушевности отношеній воспитателей къ дѣтямъ, которыя такъ замѣтны въ колоніяхъ для мальчиковъ и которыхъ, повидимому, какъ будто недостаетъ въ „Викторіи“. Быть можетъ, это отчасти объясняется тѣмъ, что „Викторія“ еще заведеніе новое, не успѣвшее обставить себя вполнѣ пригодными людьми, а быть можетъ, ему вредитъ и то, что г. Куратли, подъ руководствомъ котораго оно устроивалось, хотѣлъ сдѣлать его заведеніемъ образцовымъ.

Дѣвочки получаютъ въ „Викторіи“ такое же образованіе, какое дается въ хорошей элементарной школѣ; но при этомъ, рядомъ съ ученіемъ въ классахъ, идутъ полевыя работы и огородничество, въ которыхъ, однако, всѣ тяжелыя работы исполняются двумя нанятыми работниками.

Воспитанницы раздѣляются на семьи по десяти дѣвочекъ въ каждой; каждая семья живетъ въ отдѣльномъ помѣщеніи и постоянно находится подъ руководствомъ наставницы.

Такъ какъ капитала, пожертвованнаго Шнелли, достаточно для того, чтобы одними процентами, съ него получаемыми, содержать все заведеніе, то плата, взимаемая съ родителей, родственниковъ и общинъ, отдающихъ дѣвочекъ въ „Викторію“, весьма незначительна: высшій размѣръ ея составляетъ 70, а меньшій 35 франковъ въ годъ. Деньги эти идутъ на образованіе особаго капитала, изъ котораго выдается извѣстная сумма, отъ 400—500-ти франковъ, каждой, выпускаемой изъ колоніи дѣвушкѣ для того, чтобы она могла изучить какое-либо ремесло и вообще устроить свою жизнь тотчасъ по выходѣ изъ заведенія. Завѣдываніе этимъ капиталомъ ввѣрено особому женскому обществу которое и слѣдитъ за дальнѣйшей судьбой воспитанницъ „Викторіи“.

Въ „Викторію“ принимаются только дѣвочки не старше 5-ти лѣтъ, говорящія по-французски и по-нѣмецки и евангелическо-реформатскаго исповѣданія, и притомъ преимущественно сироты и дѣти дурныхъ родителей.

Точно также, какъ и въ мужскихъ колоніяхъ, дѣвочки остаются въ „Викторіи“ до конфирмаціи, къ которой онѣ допускаются только тогда, когда признаются ея достойными.

Всѣ швейцарскія земледѣльческія колоніи учреждены и управляются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Бехтеленъ и Ландорфъ. Общій характеръ этихъ исправительныхъ колоній, или, какъ ихъ называютъ въ Швейцаріи — спасительныхъ убѣжищъ (Rettungs-Anstalt) отличается тѣмъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ исключительною цѣлью исправлять малолѣтнихъ преступниковъ, хотя во всѣхъ нихъ содержатся и воспитываются несовершеннолѣтніе, сидѣвшіе на скамьѣ подсудимыхъ и попавшіе въ заведеніе по приговору суда. Главную же массу населенія этихъ заведеній составляютъ сироты, заброшенныя дѣти, лишенныя средствъ инымъ путемъ пріобрѣсти нравственное и умственное развитіе.

Такой смѣшанный характеръ населенія швейцарскихъ колоній въ значительной степени облегчаетъ положеніе директоровъ и наставниковъ этихъ заведеній. Надѣленные обширною властью, они могутъ оставлять въ колоніи воспитанника столько времени, сколько признаютъ нужнымъ для его окончательнаго исправленія; при этомъ дѣти, которыя обнаруживаютъ слишкомъ глубокую испорченность и даютъ мало надежды на исправленіе—исключаются изъ колоніи; кромѣ того, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыя колоніи вовсе не принимаются дѣти-бродяги и поджигатели, какъ вредные и опасные для благосостоянія заведенія.

Совершенно въ другомъ положеніи будутъ находиться земледѣльческія колоніи у насъ, особенно въ первое время. Нѣтъ сомнѣнія, что надолго главную массу населенія нашихъ колоній будутъ составлять малолѣтніе преступники, изъ которыхъ не исключаются, конечно, и судившіеся за бродяжничество, или за поджигательство.

Такимъ образомъ, съ самаго начала, въ нашихъ колоніяхъ не будетъ того смѣшаннаго характера населенія, при которомъ дѣти не испорченныя могли бы вліять благотворно на дѣтей болѣе или менѣе нравственно поврежденныхъ. Напротивъ того,—въ нашихъ колоніяхъ все населеніе будетъ составлять сплошная масса дѣтей, сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ и нѣсколько уже испорченныхъ. При этомъ управленію нашихъ колоній не можетъ быть предоставлено право исключать дѣтей неисправимыхъ, какъ это дѣлается въ Швейцаріи, потому что такое исключеніе ребенка изъ колоніи и отправленіе его въ тюрьму имѣло бы у насъ только одно послѣдствіе—приготовленіе изъ него опытнаго рецидивиста. Наконецъ, даже побѣгъ воспитанника изъ колоніи, предупреждаемый въ Швейцаріи густотою населенія, облегчается у насъ не только малонаселенностью, даже и окрестностей Петербурга, но и тѣмъ снисходительнымъ взглядомъ, который еще со временъ крѣпостного права имѣетъ нашъ народъ на всякаго бѣглаго, а тѣмъ болѣе бродягу-мальчика.

Если взвѣсить всѣ эти обстоятельства, то нельзя не убѣдиться, что первые шаги нашей первой земледѣльческой колоніи, отъ успѣха которой зависитъ, въ значительной степени, дальнѣйшее развитіе этого благого дѣла въ Россіи,—будутъ не мало затруднены съ разныхъ сторонъ. Вотъ почему необходимо было поставить въ руководители первой колоніи не только опытныхъ педагоговъ, но и людей способныхъ бороться со всевозможными препятствіями и неуклонно идти къ заданной цѣли. Можно надѣяться, что выборъ гг. Герда и Резенера—въ руководители первой земледѣльческой колоніи подъ Петербургомъ, оправдаетъ ожиданія, возлагаемыя на нихъ обществомъ земледѣльческихъ колоній.

В. Лихачевъ.

Шандау.
Іюль, 1871.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Архивъ князя Воронцова, книга вторая. Бумаги Елисаветинскаго времени. Москва, 1871.

Царствованіе Елисаветы представляетъ въ нашей исторіи окончаніе петровскаго періода. Россія достигла важнаго значенія въ системѣ европейскихъ государствъ, обезпечила себѣ сообщеніе съ Европою чрезъ Балтійское море, но еще не рѣшается на великія завоеванія: присоединенія Литвы и Польши, Крыма, всей Финляндіи и Кавказа нѣтъ еще и въ проектѣ. Россія еще продолжаетъ держаться петровской политики, которая не имѣла въ виду иныхъ завоеваній въ Европѣ, кромѣ тѣхъ, которыя были необходимы, чтобы открыть себѣ доступъ къ Балтійскому и Черному морямъ, обезопасить свое положеніе у этихъ морей и затѣмъ держаться въ Европѣ системы оборонительной, не отказываясь отъ пріобрѣтеній въ Азіи. Въ эту систему дѣйствій, совершенно согласную съ тогдашними силами Россіи, входили и слѣдующія, обусловленныя ею заботы: въ отношеніи къ Польшѣ стараться только о томъ, чтобы тамъ не установилось вліяніе Франціи и Швеціи, и для этого поддерживать тамъ саксонскую династію; о присоединеніи Польши въ то время не думали, но заботились, чтобы тамъ не утвердилась какая-нибудь другая сильная держава. Въ отношеніи западно-

европейскихъ дѣлъ, петровская политика, имѣвшая цѣлью сдѣлать Россію морскою державою, предписывала поддерживать дружественныя сношенія съ Англіею и съ Австріею, которая могла оказывать намъ помощь противъ Турціи. Опасность со стороны Швеціи для насъ въ то время еще не миновала, а такъ какъ Швеція была въ союзѣ съ Франціею, то вотъ еще причина, по которой наши отношенія къ Франціи не могли быть особенно дружественны.

Полную перемѣну въ русской политикѣ произвела Екатерина. Цѣли ея конечно вытекали изъ дѣлъ Петра, какъ продолженіе радіусовъ внѣ круга имѣетъ исходною точкою тотъ же центръ круга; но цѣли Екатерины уже далеко вышли изъ круга цѣлей Петровыхъ. Политика Россіи стала прямо завоевательною, и притомъ не на Востокъ, а именно на Югъ и на Западъ. Россія уже не довольствовалась тѣмъ, чтобы, обезпечивъ себѣ доступъ къ двумъ морямъ, сохранять относительно Европы положеніе оборонительное. Причины такой перемѣны были двѣ: во-первыхъ, Россія окрѣпла, ближе познакомилась съ Европою и сознала свои силы; во-вторыхъ, на ея западной границѣ создалась новая великая держава: Пруссія, Пруссія Фридриха II. Въ самой политикѣ Екатерины сперва замѣчается сохраненіе петровскихъ преданій; изъ всѣхъ ея завоеваній непосредственнѣе другихъ вытекали изъ этихъ преданій завоеванія на югѣ; союзъ съ Австріею былъ также петровскою традиціею. Но „восточный прожектъ" — это уже была мысль совсѣмъ новая, и мысль эта вела къ колебанію добрыхъ отношеній и съ Англіею и съ Австріею. То же самое можно сказать о возведеніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, и наконецъ, объ отдачѣ Фридриху II большей части Польши, съ раздѣломъ остального между Россіею и Австріею. Это создало на будущее время такія отношенія, которыя противорѣчили осуществленію восточнаго прожекта, и въ дѣйствительности осудили нашу политику въ будущемъ на раздвоеніе, которое и отозвалось въ послѣдней крымской войнѣ.

Политика елисаветинскаго времени была только продолженіемъ петровской; цѣлью ея было охраненіе и упроченіе того положенія, которое вновь добыла себѣ Россія въ Европѣ, при Петрѣ. Представителемъ такой политики, а именно союза съ Австріею и Англіею, недовѣрія къ Швеціи и Франціи, поддержки саксонской династіи въ Польшѣ и зоркаго наблюденія за Крымомъ былъ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ. Вице-канцлеромъ при немъ былъ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ. Въ вышедшей нынѣ второй книгѣ „Архива князя Воронцова" важнѣйшую часть и составляютъ письма Бестужева къ Воронцову. Новаго относительно политики Россіи въ нихъ мало. Но они важны потому, что показываютъ, какъ ясно и опредѣленно понималъ

Бестужевъ цѣли Петра и какъ искренно онъ былъ убѣжденъ въ необходимости поддержанія традицій его политики.

Бестужевъ не довѣрялъ Франціи, а между тѣмъ извѣстно, какую роль игралъ при Елисаветѣ Лестокъ. Извѣстна также попытка маркиза Шетарди подчинить русскій дворъ французскому вліянію. Все это придаетъ особенный интересъ положенію Бестужева. Но это еще не все: на западной границѣ нашей въ то время, впервые развернула свои накопленныя силы прусская монархія. Фридрихъ II захватилъ Силезію. Казалось бы, традиціи Петра не могли уже давать канцлеру указанія въ виду такого новаго факта. Но Бестужевъ изъ нихъ именно, изъ этихъ петровскихъ традицій выводилъ убѣжденіе, что Россія должна охранять Австрію противъ захватовъ Пруссіи, и что если честолюбію прусской монархіи не будетъ положенъ предѣлъ, то она со временемъ станетъ опасна для Россіи. Читая записки Бестужева, убѣждаешься въ невѣрности того распространеннаго въ западной исторической литературѣ мнѣнія, будто участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ было вызвано какими-то оскорбительными отзывами „короля-философа“ о Елисаветѣ. Каковы бы ни были чувства Елисаветы, ясно, что Бестужевъ имѣлъ къ участію въ этой войнѣ причины политическія и притомъ выведенныя именно изъ преданій политики Петра I. Бестужевъ могъ ошибаться, и если допустить, что политика Екатерины была неизбѣжна для Россіи впослѣдствіи, то нѣтъ сомнѣнія, что Россіи въ семилѣтнюю войну вмѣшиваться не слѣдовало; но что участіе принятое Россіею въ этой войнѣ было безуспѣшно и осталось безплодно въ этомъ нельзя винить Бестужева, который палъ въ 1758-мъ году, то-есть еще за годъ до побѣды при Кунерсдорфѣ, и былъ сосланъ въ деревню. Фридриха II спасло не только вступленіе на престолъ Петра III, но и то обстоятельство, что еще при жизни Елисаветы, сказывалось вліяніе Петра III, не на императрицу, но на дворъ и на русскихъ военачальниковъ, которымъ было извѣстно расположеніе наслѣдника престола.

Дальнѣйшее теченіе русской политики, начиная отъ Екатерины, было таково, что нынѣ въ самомъ дѣлѣ представляется страннымъ участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ. Вотъ почему письма канцлера Бестужева къ вице-канцлеру Воронцову, для доклада императрицѣ его взглядовъ на отношенія къ Пруссіи, чрезвычайно любопытны. Интересъ ихъ увеличивается современнымъ намъ положеніемъ дѣлъ: Россія вновь отказалась отъ дальнѣйшихъ завоеваній на западной границѣ, и сохраняетъ въ Европѣ оборонительное положеніе, заботясь только о свободѣ на обоихъ моряхъ, которая и возвращена ей отмѣною нѣкоторыхъ статей парижскаго трактата 1856-го года. И нынѣ, какъ во времена

Бестужева, на западной границѣ Россіи создался важный фактъ: повторилось, и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ, развитіе Пруссіею накопленныхъ ею силъ; Пруссія стала Германіею. Россбахъ повторился Вёртомъ и Седаномъ. Но comparaison n'est pas raison, конечно, и выводить изъ такого сопоставленія необходимости чего-либо въ родѣ новой семилѣтней войны, съ участіемъ Россіи, значило бы руководиться въ политикѣ наивнымъ пріемомъ „аналогіи". Къ тому же, и сама аналогія обѣщала бы намъ плохой результатъ повторенія семилѣтней войны.

Существенное различіе тогдашняго положенія отъ нынѣшняго, впрочемъ, заключается въ томъ, что Фридрихъ II предпринялъ свой походъ на Австрію первоначально въ союзѣ съ Франціею и Швеціею и вотъ одна изъ причинъ, побудившихъ Бестужева склониться противъ него. Только впослѣдствіи, какъ извѣстно, Франція перешла на сторону противниковъ Фридриха II, и ему пришлось уже опираться на Англію, которая сперва была ему враждебна.

Къ сожалѣнію, издатели „Архива" не позаботились снабдить помѣщенныя въ немъ письма Бестужева краткимъ очеркомъ того положенія дѣлъ въ Европѣ, при которомъ они были писаны, такъ что для большинства читателей, которые съ хронологіею справляться не будутъ, аргументы его останутся неясны. Дѣло именно въ томъ, что въ 1744-мъ году, когда Бестужевъ сталъ высказывать свое мнѣніе о необходимости обуздать честолюбіе прусскаго короля, положеніе дѣлъ было такое: Австрія, Англія и Сардинія, на основаніи вормскаго трактата обязались дѣйствовать противъ Фридриха II, въ случаѣ нарушенія имъ бреславльскаго мира 1742 года, которымъ Силезія уже была уступлена ему. Фридрихъ, въ свою очередь, заключилъ союзъ съ Франціею и Швеціею, и подъ предлогомъ союза своего съ императоромъ Карломъ VII, вступилъ въ Богемію.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Бестужева къ Воронцову, о положеніи Россіи относительно прусскаго короля: „Опасные сего гордостію наполненнаго принца предпріятія, украшенныя добрымъ претекстомъ успокоенія всего, и дѣйствительно приведенія въ замѣшательство всего, недавно наружу выходить начали и еще впредь явственнѣе окажутся. Воспамятуйте токмо, ваше сіятельство, что́ я и толико-кратно вамъ объ немъ говорилъ, и изслѣдуйте оное зрѣло, то вы поймете, что я правду сказывалъ. А когда и Ея Императорское Величество трудъ воспріять соизволитъ оное всевысочайше припамятовать, еже я почти всегда, когда счастіе имѣлъ съ всенижайшимъ докладомъ быть, представлялъ, то я увѣренъ нахожусь, что Е. И. В. Сама всемилостивѣйше признаетъ, что я не напрасно

всегда говаривалъ, что королю Прусскому много вѣрить не надобно и что его поведеніе и поступки натуральнѣйшимъ предметомъ и найдостойнѣйшею аттенціею нашему отечеству быть имѣютъ. Сей король, будучи наиближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей Имперіи, потому натурально и наиопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ, каковъ у него суще есть, и хотя бы мнѣнія и дѣйствія его такъ извѣстны не были, какъ объ оныхъ нынѣ весь свѣтъ знаетъ по всему тому, еже оный въ краткое время его правительства видѣлъ. Вашему сіятельству опыты о томъ не неизвѣстны, и не упоминая ни о какихъ иныхъ, то едино, что онъ первымъ начинателемъ злоключительной войны въ Германіи былъ, довольное тому удостовѣреніе подаетъ.

„Сія война худою вѣрою съ наиласкательнѣйшими дружбы и вспоможенія обнадеживаніями начата и съ такою же худою вѣрою окончена; потому сей принцъ прекращеніемъ оной [1]), Францію, императора [2]) и короля польскаго курфирста Саксонскаго, учиня партикулярный миръ, въ жертву предалъ и тѣмъ себѣ Шлезію пріобрѣлъ. По заключеніи и возстановленіи Бреславльскимъ трактатомъ мира, ваше сіятельство сами знаете, съ какимъ чрезвычайнымъ раченіемъ и съ коликимъ притворствомъ онъ здѣсь о приступленіи Ея Императорскаго Величества къ сему трактату домогался. Едва оное съ здѣшней стороны воспослѣдовало, то онъ сей трактатъ паки добровольно безъ всякой причины нарушилъ. Можно ли послѣ сего такому принцу вѣру подавать, который“ и т. д.

Но это—соображенія относительно личныхъ свойствъ Фридриха II. Затѣмъ канцлеръ, упомянувъ, что надо гасить пожаръ въ домѣ сосѣда, чтобы своевременно предохранить отъ него свой домъ, излагаетъ слѣдующія соображенія, которыя мы, давъ обращикъ его слога, сократимъ, только мѣстами пользуясь его характерными выраженіями. Одна императрица въ состояніи положить предѣлъ тому злу, которое представляется честолюбіемъ Пруссіи. „Ея Величество тѣмъ соблюдетъ славную систему государя Петра Перваго, которая нашему отечеству толико блага принесла“, и вновь обезсмертитъ имя русской монархини, если она ту систему „съ тою же твердостію вседражайшаго своего государя родителя Петра Великаго содержитъ“. „Ненадобно вѣрить, чтобъ мы безъ непріятелей были. Мы имѣемъ потаенныхъ“, и они опаснѣе явныхъ; „а хотя бы мы и понынѣ безъ непріятелей и

---

[1]) Т.-е. Бреславльскимъ миромъ.

[2]) Карла VII.

были, то надежны ли мы, что мы ихъ никогда въ иное время имѣть не будемъ? Сіе подлинно есть, что коль болѣе сила короля Прусскаго умножается, толь болѣе для насъ опасности будетъ, и мы предвидѣть не можемъ, что отъ такого сильнаго, легкомысленнаго и непостояннаго сосѣда толь обширной Имперіи приключиться можетъ. Тѣ новые союзы, которые помянутый король супружествомъ его королевскаго высочества принца-наслѣдника съ его сестрою въ Швеціи учинилъ, достойны всякаго примѣчанія... и весьма надежно есть, что король Прусскій въ семъ обширные виды имѣлъ". Далѣе Бестужевъ высказываетъ, что Фридриху легко, если онъ захочетъ, дѣйствовать противъ Россіи, возбудить противъ нее свою союзницу Швецію, а посредствомъ другой своей союзницы — Франціи, возбудить противъ Россіи Турцію, которая искренно предана Франціи. „Франція и Швеція издревле весьма вредныя для насъ интриги при Портѣ производили и Петръ Великій, во время своего державствованія оное довольно свѣдалъ". Между тѣмъ Россіи необходимо охранять Австрію (т.-е. Марію-Терезію, королеву венгерскую, эрцгерцогиню австрійскую), которой помощь намъ можетъ быть нужна на югѣ противъ турокъ. „Все въ томъ состоитъ чтобы своихъ союзниковъ не покидать для соблюденія себѣ взаимно во всякомъ случаѣ такихъ пріятелей, на которыхъ бы положиться можно было; а оные суть морскія державы, которыхъ Петръ Великій всегда соблюдать старался, король Польскій, яко курфирстъ Саксонскій, и королева Венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею Имперіею интересъ имѣютъ. Сія система съ самаго начала славнѣйшаго державствованія Е. И. В. нашей всемилостивѣйшей Государыни дражайшаго Государя Родителя состояла; нынѣ оною же самою уповать можно *пріобрѣтенную степень силы и власти сохранить* [1])". Такъ писалъ Бестужевъ Воронцову въ августѣ 1744 года, изъ Москвы, для доклада императрицѣ, которая была тогда въ Кіевѣ, имѣя при себѣ вице-канцлера.

А въ сентябрѣ, возвращаясь къ этому предмету, когда Воронцовъ сообщилъ ему свои „патріотическіе сентименты", совершенно согласные съ его, Бестужева, мнѣніемъ, канцлеръ писалъ уже прямо такъ: „Ежели сей заносчивый сосѣдъ (я думаю король Прусскій [2]) не много усмиренъ или по меньшей мѣрѣ въ нынѣшнихъ своихъ къ конечному погубленію и опроверженію Аустрійскаго дома, а потомъ и короля Польскаго и къ обезсиленію короля Аглинскаго... клонящихся

---

[1]) Эти слова ставимъ въ курсивѣ мы, такъ какъ ими высказанъ именно смыслъ всей политической системы Бестужева.

[2]) Скобка въ подлинникѣ. «Я думаю», т.-е. разумѣю.

предпріятіяхъ удержанъ не будетъ, то мы его, какъ ваше сіятельство зрѣло разсуждаете, чрезъ долго или коротко, въ нашей Лифляндіи съ вящею силою, нежели у него теперь есть (хотя онъ уже и такъ весьма опасенъ), увидѣли бъ, и тогда, имѣя можетъ быть, по его наущенію Турковъ и Персіанъ на нашей шеѣ, Богъ знаетъ, какъ и съ нимъ управились бы".

Здѣсь Бестужевъ упоминаетъ о мнѣніи, поданномъ тогда же Воронцовымъ императрицѣ по этому вопросу. Это мнѣніе Воронцова было доложено 11-го октября, а 12-го декабря 1744 года состоялся журналъ иностранной коллегіи, которымъ и члены коллегіи пристали къ этому мнѣнію. Члены эти были Иванъ Юрьевъ, Исакъ Веселовской и Андріянъ Неплюевъ. Бестужевъ впослѣдствіи ссылается на него въ запискѣ, уже прямо представленной имъ самимъ императрицѣ въ октябрѣ 1745 г.

Бестужевъ былъ низвергнутъ самимъ же Воронцовымъ, съ И. Шуваловымъ. Мѣсто канцлера послѣ него получилъ Воронцовъ. Мы коснулись только внѣшнихъ дѣлъ, которыя и составляютъ главный интересъ во второй книгѣ „Архива Воронцова". Но въ ней не мало документовъ весьма любопытныхъ для характеристики придворной жизни того времени и отношеній между историческими лицами. Самъ Бестужевъ проситъ деревень себѣ чрезъ оберъ егеръ-егермейстера Разумовскаго, котораго положеніе извѣстно. Эти просьбы о деревняхъ и деньгахъ безпрестанно являются и въ письмахъ Воронцова. Есть письма Бирона, молящаго о возвращеніи изъ ссылки (онъ жилъ тогда въ Ярославлѣ), просьба фельдмаршала Миниха (возвращеннаго изъ ссылки) объ отставкѣ, и т. д. Но можетъ быть любопытнѣйшій изъ этихъ документовъ о нравахъ, это — „инструкціи для лицъ назначенныхъ состоять при великомъ князѣ и великой княгинѣ", т.-е. при Петрѣ III и Екатеринѣ. Это въ сущности инструкціи имъ самимъ, сочиненныя Бестужевымъ. Замѣчательно, что этотъ канцлеръ еще въ 1746 году считалъ, между прочимъ, необходимымъ сообщить имъ слѣдующія предосторожности: Петру — „Его Высочество для соблюденія должнаго себѣ респекта всякой пагубной фамиліярности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣетъ.."; а имъ запрещается „податливость въ непристойныхъ требованіяхъ, притаскиваніи всякихъ бездѣльныхъ вещей, а именно палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее накрѣпко и подъ опасеніемъ наказанія, яко же Мы едва понять можемъ, что нѣкоторые изъ иныхъ продерзость возымѣли такъ названной полкъ въ покояхъ Е. И. Высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами сдѣлать, особливые мундиры носить и многія иныя непристойности дѣлать, чѣмъ

Е. И. Высочества чести и достоинству крайнѣйшее предосужденіе чинится". Петръ предостерегается и относительно опасности „индифферентныхъ отношеній" къ вѣрѣ и обычаямъ страны. А супругѣ его, именемъ императрицы, между прочимъ, предлагается: „дабы съ своими дежурными или другими кавалерами всегда сходственно съ своимъ достоинствомъ и респектомъ поступала, и слѣдовательно всякой непристойной и подозрѣніе возбуждающей фамильярности, предпочтительности, одному предъ другимъ избѣгала". Однимъ словомъ, всѣ помѣщенные здѣсь документы показываютъ, что Бестужевъ былъ человѣкъ, который видѣлъ весьма далеко.

М. Стасюлевичъ.

[Про]исхожденіе человѣка и половой подборъ. [Ч]арльса Дарвина. Переводъ подъ редакціею [Г]. Е. Благосвѣтлова. Спб. 1871 г. Стр. 312. Ц. 1 р. 50 к.

[Эт]о первый выпускъ русскаго перевода новаго [сочин]енія Дарвина, которое въ оригиналѣ вышло [въ дв]ухъ плотныхъ томахъ. Первый выпускъ пе[ревод]а обнимаетъ около половины перваго тома [ориги]нала.

[Н]овое сочиненіе Дарвина обратило на себя [въ А]нгліи еще болѣе вниманія, чѣмъ знамени[тый т]рудъ его о происхожденіи видовъ, отчасти [потом]у вслѣдствіе пріобрѣтенной авторомъ из[вѣстн]ости, а отчасти потому, что вопросъ о про[исхож]деніи человѣка здѣсь прямо названъ въ за[главіи]. Дарвинъ говоритъ, что онъ первоначально [не хо]тѣлъ печатать своихъ замѣтокъ, относящихся [къ эт]ому вопросу, чтобы не увеличить предубѣж[денія] противъ своихъ взглядовъ. Но въ настоя[щее в]ремя, убѣдившись, что большинство нату[ралис]товъ уже допускаютъ теорію постепеннаго [разви]тія видовъ путемъ естественнаго подбора, [онъ п]ривелъ свои замѣтки въ систему, чтобы по[казат]ь, въ какой мѣрѣ главные выводы, къ ко[торым]ъ онъ пришелъ въ предшествующихъ сочи[нения]хъ, примѣнимы къ человѣку. Примѣняя свои [возз]рѣнія къ человѣку, Дарвинъ не приходитъ [къ вы]воду, что человѣкъ произошелъ отъ обезь[яны,]какъ то ему приписываетъ большинство пу[блики,]знающее его труды только по наслышкѣ. [Онъ]считаетъ собранныя имъ данныя и на[блюд]енія достаточными, чтобы считать вѣроят[нымъ] происхожденіе человѣка и четвероруких[ъ отъ к]акого-либо предшествовавшаго, общаго имъ [вида.] Дарвинъ не останавливается и на этомъ, [а иде]тъ далѣе и высказываетъ нѣкоторыя догад[ки о] происхожденіи и того общаго, предшество[вавша]го вида и т. д., доходя до рыбы. Само со[бою р]азумѣется, что Дарвинъ не выдаетъ этихъ [догад]окъ за доказанные наукою факты; ихъ ско[рѣе]слѣдуетъ характеризировать такъ: какія [имѣют]ся на лицо научныя данныя для того, чтобы [отвер]гать положительно примѣнимости къ че[ловѣк]у общей системы происхожденія видовъ, пу[темъ] естественнаго подбора. Разрѣшить вопросъ [окончат]ельно Дарвинъ не можетъ, потому имен[но, чт]о фактовъ еще мало. Но, какъ замѣчаетъ [онъ, «]рѣшительно утверждать, что тотъ или дру[гой в]опросъ никогда не будетъ разрѣшенъ на[укою,]берутся не тѣ, кто знаетъ много, а тѣ, [кто з]наетъ мало». Новыхъ крупныхъ фактовъ [относи]тельно собственно человѣка въ сочиненіи [Дарви]на нѣтъ, и это поставляется ему въ главное [обвин]еніе противниками, которыхъ у Дарвина [много]; въ особенности мало извѣстныхъ и [тѣмъ] ожесточенныхъ. Они стараются так[же пр]едставить въ смѣшномъ видѣ нѣкоторыя, въ самомъ дѣлѣ слишкомъ общія, дальнѣйшія догадки Дарвина. Но это напрасно, потому что самъ авторъ догадки такъ и называетъ догадками; а между тѣмъ въ книгѣ его много новыхъ наблюденій, хотя и не первостепенной важности каждое въ отдѣльности, но весьма цѣнныхъ для науки, и очень интересныхъ въ его сопоставленіи. Русскій переводъ исполненъ удовлетворительно; цѣна подписки на все изданіе назначена 5 р.

О самоуправленіи. *Кн. А. Васильчикова.* Т. III. Стр. 377. Ц. 1 р. 50 к.

Сравнительный обзоръ системъ мѣстныхъ сборовъ, существующихъ въ Англіи и Пруссіи, съ нашими земскими повинностями, ихъ смѣтами и раскладками, является какъ нельзя болѣе кстати именно теперь, при обсужденіи нашими земствами податного вопроса. «Русская земля бѣдна потому, что она, то есть земля, почва въ буквальномъ смыслѣ слова, платитъ сверхъ того, что производитъ; потому что она оплачиваетъ высшія государственныя пользы сборами съ низшихъ разрядовъ плательщиковъ, всего менѣе участвующихъ въ выгодахъ государственнаго устроенія»;—вотъ, между прочимъ, выводъ, къ которому приходитъ и авторъ столь добросовѣстно и основательно составленныхъ очерковъ «О самоуправленіи».

Европейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Изданіе *А. Е. Ландау.* Т. I. Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

Издатель не объясняетъ цѣли предпринятаго имъ сборника. Но по составу перваго тома можно сказать, что цѣль его полезная: дать еврею на русскомъ языкѣ такую книгу для чтенія, которая исторически и беллетристически касается судьбы еврейскаго народа. Доселѣ молодой еврей, получившій среднее образованіе, не находилъ на русскомъ языкѣ ничего такого, что глубоко и сочувственно касалось бы его племени, его родныхъ преданій и понятій. Между тѣмъ нѣмецкая письменность представляетъ ему богатѣйшую современную литературу еврейства. Издатель знакомитъ своихъ читателей съ Гейне, даетъ очеркъ библейскаго государства, исторія образованія русскихъ евреевъ, обзоръ современной еврейской литературы и т. д. Цѣль прекрасная; надо надѣяться однако, что направленіе Библіотеки не выражается статейкою г. Гутмана: «Что такое еврей?», которая имѣетъ характеръ апологіи, не совсѣмъ вѣрной и совершенно бездоказательной по самой своей краткости. Преувеличеніе національнаго самомнѣнія есть явленіе ложное даже въ такихъ народахъ, которые опираются на обширныя земли; тѣмъ менѣе оно естественно въ народѣ, который земли не имѣетъ, и добивается гражданскаго равенства, а не политическаго преобладанія.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—**16 р. 50** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція, Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція*—21 р.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ, шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ почтовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика на особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить жалобѣ.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

3 2044 036 901 775

